

Московский журнал международного права

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ПРОФЕССОРА,
ДОКТОРА НАУК

- ИВАНЕНКО В.С.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ТОРЖЕСТВЕННО
ОТМЕТИЛ 100-ЛЕТИЕ
ПЕРВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МИРА
- ОМБУДСМАН
МИРОНОВ О.О.
РАЗВОРАЧИВАЕТ
РАБОТУ ПО ВСЕМ
НАПРАВЛЕНИЯМ
- РОМАНОВ В.А.
ЧТО ЖДЕТ НАС
В XXI ВЕКЕ:
МЕЖДУНАРОДНОЕ
ПРАВО ИЛИ ЕГО ЭРЗАЦ?
- АНИСИМОВ Л.Н.
КАК ЧЕХИЯ ЗАБЫЛА
МЮНХЕН

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ:

- Член-корр. РАН Клеандров М.И. (Тюмень).
Можно ли общаться с Иным Разумом на правовой основе?
- Действительный член Нью-Йоркской академии наук
Корякин Ю.И. Мирные ядерные станции как фактор
военного сдерживания.
- Генерал-лейтенант Золотухин Г.А.
Нормативное урегулирование участия вооруженных сил
Российской Федерации в операциях по поддержанию
мира в СНГ.
- Профессор Купманс Теймен (Тим) (Нидерланды).
Суды в Европе: от старого дисбаланса к новому.
- Доктор наук Лазарев М.И. рассматривает правоспособность
и дееспособность государств на море.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель

Ю. М. КОЛОСОВ (Москва)

Члены Редсовета:

Н. И. АКУЕВ (Алма-Ата),

Э. Д. БЕЙШЕМБИЕВ (Бишкек),

И. И. БЕРГХОЛЬЦАС (Рига),

В. Г. БУТКЕВИЧ (Киев),

Р. В. ДЕКАНОЗОВ (Тбилиси),

Г. В. ИГНАТЕНКО (Екатеринбург),

А. Л. КОЛОДКИН (Москва),

В. В. КОЧАРЯН (Ереван),

Г. И. КУРДЮКОВ (Казань),

С. А. МАЛИНИН (Санкт-Петербург),

Л. В. ПАВЛОВА (Минск),

В. П. ПАРХИТЬКО (Москва)

А. Х. САИДОВ (Ташкент),

Л. А. СКОТНИКОВ (Москва),

А. В. ТОРКУНОВ (Москва),

А. А. ТРЕБКОВ (Москва),

М. О. ХАЙТОВ (Ашхабад),

Ю. Ю. ШАТАС (Вильнюс),

В. Н. ЯКОВЛЕВ (Ижевск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

В. П. ПАРХИТЬКО

Члены Редколлегии:

Л. Б. АРХИПОВА,

К. А. БЕКЯШЕВ,

И. П. БЛИЩЕНКО,

А. А. ГРОМЫКО-ПИРАДОВ,

И. И. КОТЛЯРОВ,

В. И. КУЗНЕЦОВ,

Е. Г. ЛЯХОВ,

Ю. Н. МАЛЕЕВ,

А. И. МУРАНОВ,

В. Г. НЕСТЕРЕНКО (заместитель
главного редактора, ответственный
за английское издание),

Т. О. РАМИШВИЛИ,

В. А. РОМАНОВ,

Ю. М. РЫБАКОВ,

Г. П. ТОЛСТОПЯТЕНКО,

Б. Р. ТУЗМУХАМЕДОВ (первый
заместитель Главного редактора),

И. Г. ФОМИНОВ,

О. Н. ХЛЕСТОВ

Издание "Московского журнала международного права" осуществляется при финансовой поддержке международной юридической фирмы "ММЦП & К^о"

Контактные телефоны: 290-42-22; 290-27-57.

Адрес в INTERNET: <http://mice.ym-com.net>

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ

МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

"СОЮЗ ЮРИСТОВ"

Адрес редакции: 117454, Москва, проспект Вернадского, 76

телефон: 434-94-13/телефакс: 434-94-52

Адрес английской редакции: 121019, Москва Г-19, а/я 32

НЕСТОР АКАДЕМИК ПАБЛИШЕРЗ Лтд.

телефон 915-62-22; телефакс 915-16-38.

© "Московский журнал международного права"

Свидетельство о регистрации № 01130 от 25 мая 1992 г.

Московский журнал международного права

Moscow
Journal
of International
Law

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается
с 1991 года на русском языке
и с 1995 года — на английском,
с 1997 года введен
на обоих языках
в систему INTERNET:
www.diplomat.ru/mjilaw/

Выходит один раз
в три месяца

№ 1/2000/37
январь-март

СОДЕРЖАНИЕ

Пархитыко В.П. Обращение к читателю	3
События 1999 г. в нашей науке	
Третья Конференция мира. Шатуновский-Бюрно С.В. Международная встреча экспертов, посвященная столетию Первой меж- дународной конференции мира 1899 год. Иваненко В.С. Санкт-Петербургский форум	5
“Птенцы гнезда МГИМО’ва”	39
На вечере выпускников МГИМО 1949 года	40
Вопросы теории	
Дурденевский В.Н. Международные “исполнительные соглашения” президента США	64
Новая стратегическая концепция НАТО, военная акция альянса против СРЮ и международный правопорядок (Дискуссия на кафедре междуна- родного права МГИМО по докладу В.А. Романова)	73
Международное гуманитарное право	
Альберто Гваделупе Фернандеш де Кастро (Сан-Томе и Принсипи). Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов	90
Космическое право	
Яковенко А.В. Дистанционное зондирование Земли из космоса .	107
Права человека	
Колосова С.Ю. Реализация принципа справедливости при защите социально уязвимых категорий населения в международном праве. (На примере Конвенции о правах ребенка)	115
В аппарате уполномоченного по правам человека в Российской Федерации . . .	128
Международное частное право	
Ошенков А.Н. Регулирование инвестиционных соглашений: проблемы отраслевой принадлежности и применимого права	139

Вопросы территории

Константинов В.А. Когда Соединенные Штаты прекратят унижать Россию? (размышления по поводу одного международного соглашения). Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств	149
---	-----

Международное уголовное право

Бирюков П.Н. Международно-правовые аспекты действия российского уголовно-процессуального закона в пространстве	160
--	-----

Новая Европа

Богданова Н.Е. Регулирование вопросов гражданства в рамках Совета Европы: тенденции и их нормативное закрепление	169
--	-----

Книжная полка

Алешин В.В. Новые подходы к праву международных договоров ..	188
Алешин В.В. Право в правоохранительных органах	190
Некрасов Д.А. Моральный дух ... с "душком"	191
Юсубова У. (Баку). Вклад в теорию международной защиты прав человека	195

Кто есть кто в нашей науке и практике

Копыткова Н.В. (Гомель)	200
Сидорченко В.Ф. (Санкт-Петербург)	201
Шатуновский - Бюрно С.В. (Москва)	202

Страницы истории

Анисимов Л.Н. Мюнхенский сговор 1938 года и проблема европейской безопасности в канун XXI века	204
--	-----

Хроника

Муранов А.И. Об участии команды МГИМО (У) МИД РФ во Всемирном студенческом конкурсе по международному коммерческому арбитражу имени В. Виса	217
---	-----

Информация

В 1999 г. открылся читальный зал Юридической научной библиотеки. .	220
--	-----

Наши справки

Федотов К.Ю. Независимая инспекционная комиссия Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и Международной ассоциации развития (МАР)	222
--	-----

Документы

Развитие договорно-правовой базы отношений Российской Федерации с зарубежными странами в первой половине 1998 года: новые и традиционные партнеры. Вступительный комментарий А.И. Лебедева. ...	226
---	-----

Международная частноправовая практика юридической фирмы "ММЦП & К"

Муранов А.И. Некоторые проблемы приведения в исполнение в Российской Федерации иностранных решений по коммерческим спорам 316	
Муранов А.И. Толкование понятия "183 дня" в Российском налоговом праве. (Определение статуса налогового резидента Российской Федерации)	380

Некрологи

Барчукова Нина Сергеевна	387
Вольский Виктор Вацлавович	388
Пустогаров Владимир Васильевич	389
Шибеева Елена Алексеевна	391

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Вот мы и вступаем с Вами, дорогой читатель, в новый ХХI век, новое — третье — тысячелетие.

Смена дат, смена вех, столетий, тысячелетий — все это чисто человеческие условности. Ничего в нашей жизни вроде бы не изменится. И вместе с тем изменения произойдут громадные.

Человечество становится старше, а значит умнее и все более совершеннее. Оно уже многое может: в ХХ веке расщепило атом и поняло, что высвободившуюся энергию можно направить и на разрушение, и на созидание. Оно побывало на Луне, куда впервые ступила нога землянина. Но вместе с тем оно же разработало планы “звездных войн”, использования космоса в военных целях.

Какой путь оно выберет в дальнейшем? Будет ли это путь к миру или продолжится конфронтация, ведущая к бездне, а значит в нынешних условиях в никуда?

Для юристов-международников всего мира ХХI век — напряженная пора тяжелого труда. Предстоит согласовывать понятия, которые, на первый взгляд, не стыкуются. Как, к примеру, состыковать утверждения, которые проповедуют идеологи НАТО — о том, что основу международного права составляют “интересы цивилизованных стран НАТО” с постулатом Устава ООН, где четко черным по белому обозначена аксиома международного права — “Мир и безопасность народов”?

Доводить до жесткой конфронтации две противоположных точки зрения никто из демократической общественности не собирается, но твердо стоять на своем в трудном процессе развития нашей науки и практики предстоит. В ходе этого процесса появятся, должны обязательно появиться какие-то компромиссы.

Нельзя не прислушиваться к голосам таких стран, как Россия, Китай и Индия. Без них нет ни цивилизации, ни международного права. Их голос весомо звучит на международной арене. “Перестраивать ООН”, как заявляют некоторые специалисты в западных странах, вероятно, можно и нужно, но делать это придется в ХХI веке так, чтобы дров не наломать, чтобы не усилить напряженность, чтобы не допустить новой кровавой драмы.

Никакого нового международного права в ХХI веке не будет. Предстоит только навести порядок в своем хозяйстве существующих принципов и норм международного права и создать, если надо, такие, которые помогли бы людям жить легче и спокойнее.

Особенно целенаправленно нам хотелось бы обратиться к молодым читателям. Вы только начинаете изучать международное право, ступать на путь глубокого изучения этой науки, тесно связанной с практикой. Читайте внимательно наш журнал. Вы найдете в нем много полезного для себя и для своей практической деятельности. И, конечно, пишите нам. Мы с большой радостью будем публиковать вас, тех, кому по праву и принадлежит этот век будущего — ХХI век.

Один из секретарей российской делегации на Первой Гаагской конференции мира в 1899 году так описывал свои чувства в тот момент перед наступлением XX века. “Здесь были ученые и политики, идеалисты и

скептики, моды старых традиций и новых чаяний, люди пера и люди меча. И вся эта разноплеменная, разноязычная, разноверная толпа, как один человек, находилась во власти одной мысли и одного чувства; вся она, как один человек — быть может, против своей воли, быть может, стыдясь самое себя, — отдалась одному настроению, непонятному ей самой. И невольно думалось: вот та сила, — сила исторического момента, способная слить столько умов и сердец в один страстный и гармоничный аккорд.

Тихо, но внятно, по всему залу раздавался старчески дрожащий голос президента конференции. Он говорил о возрастающем понятии моральных идей в сердце политической жизни, — влиянии, которому конференция обязана своим успехом; о неизбежном и близком торжестве международной солидарности над рознью, международного мира над войной.

И свою речь он закончил словами:

“Что касается меня, то я подошел к пределу моей деятельности и к закату моей жизни; но я испытываю высшее наслаждение, когда я вижу открывающиеся передо мною новые горизонты человеческого блага, когда я могу устремить свои взоры в чистую лазурь грядущих времен!”

И эти слова может повторить все живущее поколение, уступая место подрастающему поколению, полное свежих и непочатых сил; их может повторить умирающий XIX век, передавая начатое им дело новому XX веку, — веку наших детей”.*

Безмятежно, благоприсойно, чинно и благородно происходила эта передача.

Однако не получилось “чистой лазури грядущих времен”, как и не вышло “торжества международной солидарности над рознью, международного мира над войной”. XX век явил миру две невиданных мировых войны, множество жестоких локальных войн, сотни миллионов убитых, раненых, пропавших без вести.

Перед международным сообществом во всю ширь и во весь рост встали те проблемы, о которых в XIX веке и не думалось как о проблемах глобальных, могущих ставить под угрозу жизни миллиардов людей, а то и всего человечества. Сейчас эти проблемы у всех на устах, и прежде всех, у политиков и юристов-международников: терроризм, спасение беженцев, спасение экологии планеты.

Вряд ли найдется сейчас такой старик, если он не выжил из ума, чтобы столь радужно взирал бы на новый век, как это делал председатель Первой Гаагской конференции мира в конце XIX века.

Любой мало-мальски разбирающийся в международно-правовой проблематике специалист будет ставить ныне вопрос совсем в иной плоскости: “С чем мы войдем в XXI век? С разрушением того, что наработано международным правом и международным сообществом? Или с совершенствованием существующих норм международного права?” Есть только два этих пути. Третьего — не дано.

В.П. Пархитко, главный редактор журнала

* Эта пространная цитата взята из статьи В. М. Гессена. “О значении Гаагской конференции мира”. Из сборника материалов “100-летие инициативы России: от Первой Конференции мира 1899 г. к Третьей Конференции мира 1999 г” Санкт-Петербург 1999 г. с. с. 152 — 153.

События 1999 года в нашей науке

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МИРА.

**Международная встреча экспертов,
посвященная столетию Первой международной
конференции мира 1899 года**

С.В. Шатуновский-Бюрно*

В соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 51/157¹, 52/154 и 53/99², посвященными столетию Первой международной конференции мира 1899 года и завершению Десятилетия международного права ООН, правительства Российской Федерации и Королевства Нидерландов создали в 1999 году международные встречи экспертов в области международного права для рассмотрения специально подготовленных для этой цели видными учеными и юристами — международниками докладов³ по “Гаагским темам” Первой международной конференции мира 1899 года: разоружению, международному гуманитарному праву и мирному урегулированию споров.

18 — 19 мая 1999 года делегаты, руководители правовых служб внешнеполитических ведомств государств — членов ООН, чрезвычайные и полномочные послы ряда государств в Нидерландах, представители международных межправительственных и неправительственных организаций, а также научных и академических кругов (более 200 человек) собрались во Дворце мира в Гааге для рассмотрения нормативных аспектов “Гаагских тем”. В церемонии торжественного открытия Гаагской встречи приняли участие патронесса празднования Столетия, королева Нидерландов Беатрикс, председатель Постоянной комиссии Движения Красного Креста и Красного Полумесяца, принцесса Маргрет, Генеральный секретарь ООН К. Аннан, премьер — министр Нидерландов В. Кок, министр иностранных дел Нидерландов Ж. ван Аартсен,

*Член Исполкома Ассоциации международного права, ответственный секретарь Национального комитета Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН, сотрудник Правового департамента МИД России, кандидат юридических наук. Подробнее об авторе см. в рубрике “Кто есть кто в нашей науке и практике” в этом номере журнала (стр. 202).

президент Международного Комитета Красного Креста К.Соммаруга, Генеральный директор Организации по запрещению химического оружия Х.Бустани, председатель Международного суда С.Швебел, Генеральный секретарь Постоянной палаты Третейского суда Х.П.Йонкман и ряд других видных международных деятелей. Председательствовал на встрече бывший министр иностранных дел Нидерландов, председатель Организационного комитета Нидерландов по празднованию Столетия Х. ван Мирло. Российская сторона на Гаагской встрече была представлена директором Правового департамента МИД России Л.А.Скотниковым, Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Нидерландах А.Г.Ходаковым, Председателем Национального комитета Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН, членом Постоянной палаты Третейского суда, судьей Международного трибунала ООН по морскому праву, профессором А.Л.Колодкиным, членами Палаты, профессором К.А.Бекашевым и профессором Ю.М.Колосовым, представителями Администрации Президента Российской Федерации Ю.Е.Бычковым и Б.И.Осмининым, ученым секретарем Российской ассоциации международного права Л.В.Корбут и автором настоящей статьи.

В своих приветственных выступлениях почетные гости встречи подчеркивали сохраняющуюся насущную необходимость в укреплении международного правопорядка, построенного на главенстве права, а также постоянную обязанность международного сообщества поддерживать мир и всемерно противостоять попыткам нарушения норм международного права, направленных на обеспечение международной безопасности и соблюдение прав человека.

17 мая, в преддверии своей столетней годовщины, Постоянная палата Третейского суда, созданная в соответствии с положениями Гаагской конвенции о мирном разрешении международных столкновений 1899 года, провела торжественное заседание всех ее членов. Результатом заседания стало принятие резолюции, в которой Палата, в частности, призвала государства, которые еще не сделали этого, присоединиться к Гаагской конвенции о мирном разрешении международных столкновений 1907 года; призвала государства и международные организации включать в свои международные договоры, соглашения и коммерческие контракты, где это возможно, положения о разрешении споров посредством процедур установления фактов, посредничества, примирения или арбитража под эгидой Постоянной палаты Третейского суда; призвала государства, международные межправительственные и неправительственные организации, фонды или иные структуры, имеющие отношение к мирному урегулированию международных споров, сделать вклад в Фонд финансовой помощи и оказать Палате материальную и финансовую поддержку, необходимую для эффективного осуществления ею и укрепления ее способности осуществлять урегулирование международных споров, аккумулировать и предоставлять информацию по альтернативным методам разрешения споров и распространять знания по этой теме посредством организации семинаров и конференций, осуществления исследований и публикаций. Председатель торжественного заседания представил его итоги на церемонии открытия Гаагской встречи.

Работа встречи после церемонии официального открытия была

разделена на три параллельные панельные сессии, посвященные рассмотрению трех основных тем Столетия. Каждая из панельных сессий, заслушав краткое представление соответствующего доклада, обсудила его нормативные аспекты и приняла по ним выводы для включения в итоговый отчет председателя встречи. Основное содержание дискуссий по нормативным аспектам “Гаагских тем” можно свести к следующему.

Разоружение.

Несмотря на то, что с окончанием “холодной войны” новые открывшиеся возможности в области разоружения и контроля за вооружениями привели к значительным результатам и существенному сокращению военных бюджетов в целом, эйфория по этому поводу, которая, казалось, имела место в ранние 90 — е годы, сейчас несколько поутихла и разоруженческий процесс замедлился, оставив уровень вооружений по-прежнему причинять обществу неприемлемые финансовые затруднения.

Усилия международного сообщества в области разоружения и контроля за вооружениями, как отмечалось участниками дискуссии, носили в прошлом фрагментарный характер, и универсальное применение международного права в вопросах разоружения не играло той роли, которую должно было, возможно, играть. Представляется, что здесь необходимы более всеобъемлющие управление и координация процесса. В этой связи было предложено проводить регулярное обсуждение международно-правовых аспектов разоружения и безопасности в рамках Шестого комитета Генеральной Ассамблеи ООН.

Ряд выступавших высказался за то, чтобы для правомерности и успешного осуществления любой международной акции необходимо, чтобы такая акция была инициирована или поддержана ООН. В то же время подчеркивалось, что прежде требуется выяснить, какие реформы следует предпринять в ООН с целью усиления ее способности противостоять от имени всего международного сообщества возможным нарушениям соглашений в области разоружения и контроля над вооружениями, к примеру, повышение эффективности Совета Безопасности посредством увеличения его членского состава при ограничении права вето; усиление роли региональных организаций; создание вооруженных сил ООН быстрого развертывания и т.д.

Участниками дискуссии этой панельной сессии также были рассмотрены и обсуждены вопросы ядерного разоружения и нераспространения ядерного оружия, сокращения антибаллистических ракет и контроля над развитием и распространением ракетных технологий, контроля над соблюдением Конвенций о запрещении биологического и химического оружия, скорейшего завершения работы над Конвенцией о запрещении противопехотных мин, а также вопросы, связанные с ограничением обычных вооружений.

Высокая оценка выступавшими была дана работе Конференции по разоружению, важным результатом которой за последние годы стало заключение Конвенции о запрещении химического оружия и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. При этом, в целях закрепления позиции Конференции по разоружению в качестве важ-

нейшего форума по многостороннему контролю над вооружениями и разоружению, было предложено усовершенствовать процедуры и методы ее работы и, в частности, модифицировать правило консенсусного решения вопросов процедуры; исключить практику ежегодного продления мандатов существующих комитетов *ad hoc* и создать практику учреждения комитетов для предварительного рассмотрения возможных мандатов для будущих переговоров.

Особое внимание было уделено вопросам механизма проверок и выполнения обязательств. Участники дискуссии сошлись во мнении, что эти институты являются основными для дальнейшего прогресса в области разоружения.

В целом, обсуждение разоруженческой тематики на Гаагской встрече продемонстрировало, что данная проблема остается в центре внимания как правительственных, так и неправительственных кругов, поскольку продолжение процесса разоружения и обеспечение постоянного контроля за вооружениями, включая режимы нераспространения, представляют собой одно из центральных условий обеспечения международной безопасности и сохранения мира.

Международное гуманитарное право.

Участники дискуссии этой панельной сессии заключили, что военные операции ООН, наряду с неотъемлемым правом государств на индивидуальную или коллективную самооборону, в наше время являются единственной правомерной возможностью применения вооруженной силы в международных отношениях. В целях обеспечения наиболее высокого уровня соответствия их мандатов принципам и нормам международного гуманитарного права правовые инструменты, применимые к таким операциям должны быть пересмотрены. В частности, первостепенное внимание должно быть уделено определению обстоятельств, при которых силы ООН могут рассматриваться в качестве стороны в вооруженном конфликте и подтверждению того, что такие силы ООН в таких обстоятельствах полностью подпадают под принципы и нормы международного гуманитарного права, а также установлению наиболее строгого обязательства соблюдать принципы и дух гуманитарного права в случаях, когда силы ООН не являются стороной в вооруженном конфликте, но тем не менее участвуют в военных действиях.

Также отмечалось, что нормы международного гуманитарного права, применимые во внутригосударственных вооруженных конфликтах, в равной степени обязательны и для государств, и для других участников таких конфликтов. Поскольку для Дополнительного протокола II 1977 года установлен более высокий порог применимости по сравнению со статьей 3, единообразной в Женевских конвенциях 1949 года, этот более высокий порог на практике не обеспечивается. Соответственно, в целях усиления защиты, предоставляемой тем, кто не участвует в военных действиях в случае внутригосударственного вооруженного конфликта, международное сообщество должно предпринять следующие шаги:

- установить порог применимости Второго протокола на том же уровне, который предусмотрен статьей 3 Женевских конвенций;
- обеспечить, чтобы полученный сниженный порог в равной

степени применялся ко всем ситуациям (независимо от сопротивления государств в признании существования ситуации внутреннего вооруженного конфликта);

- признать взаимосвязь права внутригосударственных вооруженных конфликтов и прав человека посредством, например, выделения применимых общих стандартов.

Многие принципы, применимые к международным вооруженным конфликтам — защита раненых и больных, защита гражданского населения и др. — должны быть применимы в равной степени и к внутригосударственным вооруженным конфликтам. Одним из путей достижения этого является развитие обычного права. Исследование, которое могло бы быть предпринято Международным Комитетом Красного Креста, в области применимости обычного международного гуманитарного права во внутригосударственных вооруженных конфликтах могло бы показать истинное положение дел в этой области. Кроме того, оно могло бы послужить основой для более систематической ревизии этой отрасли права.

Степень обеспечения выполнения обязательств по праву вооруженных конфликтов нуждается в повышении. Необходимые меры для достижения этой цели, которые могут и должны быть приняты еще в мирное время, но принятие которых должно продолжаться и в период начавшегося вооруженного конфликта, включают в себя обучение, распространение знаний, инструктажи и т.д. Следующие шаги, в частности, могут также способствовать реализации этой задачи:

- укрепление механизмов национального преследования за серьезные нарушения права вооруженных конфликтов и обязательное обращение к юрисдикции Международного уголовного суда, когда он начнет действовать;

- повышение озабоченности сторон в конфликте возможностью обращения по поводу нарушений международного гуманитарного права в Совет Безопасности ООН, а также право Совета Безопасности передавать рассмотрение вопроса в Международный уголовный суд;

- усиление роли внешнего мониторинга, в особенности, в ситуациях внутригосударственных вооруженных конфликтов, посредством подтверждения и укрепления инициативного права Международного Комитета Красного Креста и официального признания компетенции Международной комиссии по установлению фактов по выполнению ее функций во внутригосударственных вооруженных конфликтах.

Выступавшими по данной тематике в целом было отмечено, что, несмотря на солидный возраст этой отрасли международного права и наличие большого числа документов, развитие международного гуманитарного права еще весьма далеко от завершения. Новые вызовы, с которыми постоянно сталкивается международное сообщество в условиях усложнения международных и внутригосударственных отношений, диктуют необходимость постоянного контроля за состоянием норм международного гуманитарного права, его совершенствования, устранения в нем “белых пятен” и его адаптации к меняющимся реалиям.

Мирное урегулирование споров.

В ходе дискуссии в рамках этой панельной сессии делегаты сконцентрировались на следующих основных вопросах и сделали следующие выводы.

1.Предотвращение и разрешение споров. Особый акцент выступавшими был сделан на необходимости дальнейшего развития и совершенствования методов и средств урегулирования споров. Необходимо, насколько это возможно, предотвратить возникновение и, тем более, развитие спора, для чего была бы полезна институционализация новых методик содействия этому процессу. С другой стороны, такая институционализация не должна негативно сказаться на гибкости механизмов *ad hoc*, которые продолжают играть весьма значительную роль в мирном урегулировании споров.

Вместе с тем основной задачей в этой области является повышение эффективности существующих институтов, а не создание новых. При этом отмечалось, что тот факт, что имеющиеся механизмы недостаточно эффективны, может, в ряде случаев, быть следствием отсутствия политической воли государств прибегать к их услугам, а не их существенного несовершенства.

2.Переговоры и консультации. Эти средства по-прежнему представляют собой наиболее плодотворный механизм разрешения споров. Обязательство продолжать поиск мирного решения сохраняется при этом даже после неудачного раунда переговоров. Вмешательство третьей стороны не препятствует одновременному продолжению двустороннего процесса.

3.Постоянная Палата Третьейского Суда. Выступавшими неоднократно отмечалась полезность данного института, доказанная за сто лет его существования. При этом было указано, что новые Правила процедуры⁴, разработанные ППТС, дают Палате еще большие возможности.

4:Международный суд. Универсальное признание обязательной юрисдикции Международного суда является программой максимум.

Рассматривая возможности повышения эффективности Суда делегаты отмечали, в частности, что вариант образования палат в составе Суда заслуживает внимания как средство увеличения потенциальных возможностей органа, однако он требует весьма осторожного и взвешенного подхода во избежание дисбаланса в формировании палат. Широкую поддержку получило мнение о необходимости повышения ресурсов Суда посредством, к примеру, предоставления ему высококвалифицированной экспертной помощи.

5.Совет Безопасности и Генеральный секретарь ООН. Роль Совета Безопасности и Генерального секретаря ООН в разрешении споров должна повышаться, в частности, посредством дальнейшего развития процедур установления фактов, посредничества и оказания "добрых услуг".

Эффективность различных методов урегулирования, используемых на ранних стадиях спора, могла бы быть повышена посредством постепенного перехода от действий по Главе VI к действиям по Главе VII Устава ООН. Деятельность в соответствии с этими Главами должна

лучше координироваться с органами ООН, направленными на предотвращение споров.

6. Международный конституционный суд. Занимательную дискуссию вызвало интересное предложение генеральных докладчиков по этой теме, профессоров Ф.Оррего Вилуны и К.Пинто рассмотреть возможность учреждения международного конституционного суда. Рядом делегатов было отмечено, что в определенной степени Международный суд уже выполняет некоторую “конституционную” роль в рамках системы ООН⁵, предохраняя ее от дезинтеграции. Между тем прозвучало мнение, что для того, чтобы учредить конституционный суд, необходимо прежде обзавестись конституцией.

В целом в рамках дискуссии по теме мирного урегулирования споров участники Гаагской экспертной встречи заключили, что, невзирая на разнообразие существующих механизмов, средств и методов, данная отрасль международного права нуждается в дальнейшем постоянном совершенствовании. Перед лицом мирового сообщества стоят серьезные вызовы безопасности, международные конфликты становятся все более ожесточенными, нередки случаи, когда внутригосударственные конфликты, т.н. “конфликты нового поколения”, угрожают миру и безопасности в региональном и международном масштабе. В этих условиях развитие институтов мирного урегулирования споров как никогда актуально и работа в этом направлении должна продолжаться.

Состоявшаяся 18 — 19 мая 1999 года Международная встреча экспертов явилась первым центральным звеном совместной российско — нидерландской программы мероприятий, посвященных столетию Первой международной конференции мира 1899 года, которая рассматривалась в качестве “Третьей конференции мира”. За два дня плотных дискуссий участникам встречи удалось рассмотреть наиболее важные современные проблемы в анализируемых отраслях международного права. Разумеется, они не могли разрешить эти проблемы, но ведь задача встречи и не состояла в этом. Важно было привлечь к ним внимание международного сообщества, побудить его к их изучению с целью найти ключ к совершенствованию международного права в этих его отраслях. Продолжение дискуссии, на этот раз направленной на имплементационные аспекты “Гаагских тем”, состоялось в Санкт-Петербурге 22—25 июня 1999 года (этому мероприятию посвящен самостоятельный материал профессора В.С.Иваненко).

Проведение Гаагского и Санкт-Петербургского международных форумов с участием представителей как государств, так и межправительственных и неправительственных организаций, научной и академической общественности, показало возможность широкого обсуждения насущных международных проблем. Представляется, что этими двумя мероприятиями положено начало качественно новому, поистине универсальному способу международного общения, развитие которого в дальнейшем может способствовать реальному совершенствованию международных отношений.

¹ Об истории вопроса см. Колодкин, А.Л., Шатуновский С.В. Первая Гагская конференция мира 1899 года. // "Международная жизнь", 1997, № 9

² Документ Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/53/99

"... 1. *приветствует* представленную правительствами Нидерландов и Российской Федерации программу действий (См. док-т ГА ООН A/C.6/52/3 — *прим. автора*), посвященную столетию первой Международной конференции мира, цель которой заключается в содействии дальнейшему развитию тем первой и второй Международных конференций мира и которую можно считать третьей международной конференцией мира;..."

³ Ханс Бликс (Норвегия). Развитие международного права в области разоружения и контроля за вооружениями со времен Первой Гагской конференции мира 1899 года.

Кристофер Гринвуд (Великобритания). Международное гуманитарное право и законы войны.

Франсиско Орrego Вукунья (Чили), Кристофер Пинто (Шри -Ланка). Мирное разрешение споров: перспективы на XXI век.

(С текстами докладов можно ознакомиться на странице ИНТЕРНЕТ [www.minbuza.nl/english/conferences/c"peacel.html](http://www.minbuza.nl/english/conferences/c) — *прим. автора*)

⁴ См.: Док-т ГА ООН A/RES/53/100 (о.п.4)

⁵ К примеру, предоставляя органам ООН и спецучреждениям возможность запрашивать консультативные заключения по правовым вопросам, относящимся к их компетенции (статья 65 Статута Международного суда)

г. Гаага, 18 — 19 мая 1999 года

Статья поступила в редакцию в сентябре 1999 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФОРУМ

В.С. И в а н е н к о *

Второй этап Третьей конференции мира — Международная научно-дипломатическая конференция "Столетие инициативы России: от Первой конференции мира 1899 года — к Третьей — 1999 года" — состоялась 22-25 июня 1999 года в Санкт-Петербурге, как и было определено резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН №53/10, №53/99 и распоряжением Президента РФ от 6 августа 1997г. Выбор города на Неве для проведения столь исторически важной и значимой конференции не случаен. Принимая решение об этом, Генеральная Ассамблея от имени мирового сообщества отдала тем самым дань благодарности и признательности России и Санкт-Петербургу как городу

* Заведующий кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета, профессор, кандидат юридических наук. Подробнее об авторе см. № 2 нашего журнала за 1998 г.

(бывшему столице Российской империи), из которого более 100 лет назад, в августе 1898 года, прозвучал призыв к государствам мира провести международную конференцию “в целях изыскания наилучших способов к упрочению всеобщего мира и возможного сокращения, тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений”, вошедшую впоследствии в историю как Первая Гаагская конференция мира 1899 г.

Не случаен и день начала Санкт-Петербургской конференции — 22 июня. Этот день — день памяти и скорби — особо значим для нашего народа, подвергнувшегося 54 года назад фашистскому нашествию, в ходе которого были грубо попорчены как нормы общечеловеческой морали, так и нормы провозглашённых Первой и Второй Гаагскими конференциями мира законов и обычаев войны.

Это особый день и для ленинградцев-петербуржцев. Поэтому прибывший на открытие Санкт-Петербургской конференции Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан начал своё пребывание в городе на Неве с возложения венка к мемориальному комплексу защитникам Ленинграда, отдав тем самым дань памяти мужеству и стойкости защитников и жителей города, выдержавших 900-дневную блокаду.

В работе конференции приняли участие Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан, Генеральный Секретарь Постоянной Палаты Третейского Суда Т. Ван ден Хаут, Вице-председатель Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Л.Г. Потравнова, Президент международной коалиции неправительственных организаций “Гаагский призыв к миру” К. Вайсс, Председатель Гаагской экспертной конференции Х. ван Мирло, представители международных межправительственных и неправительственных организаций, руководящие работники и юридические советники министерств иностранных дел, послы, политические и общественные деятели, представители национальных движений за мир, известные учёные в области международных отношений и международного права.

Россию на конференции представляли заместитель министра иностранных дел С.А. Орджоникидзе, начальник правового департамента МИД Л.А. Скотников, заместитель начальника данного департамента К.Г. Геворгян, другие сотрудники МИД, а также ученые-международники Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Красноярска и других городов.

Нельзя не отметить, что Санкт-Петербург встретил участников Конференции необычайно теплой и солнечной погодой, и, что особенно бывает редко в северной столице России, эта погода сопровождала участников в течение всей недели их пребывания в городе на Неве.

Жаркие “по южному” дни, не по северному теплые “белые ночи”, радушие и гостеприимство горожан, прекрасные условия для работы и отдыха, созданные организаторами Конференции (пленарные и секционные заседания проходили в прекрасном и исторически значимом здании — в Смольном, участникам Конференции были предложены: для отдыха — лучшие гостиницы города, для “души” — обширная культурная программа), создавали, формировали чувство умиротворения и покоя, располагали к спокойной, конструктивной и плодотворной, но “дипломатичной” дискуссии.

И на этом “идиллическом” фоне внешней умиротворенности резким контрастом проявлялись, явно или завуалировано, чувства тревоги, негодования, смутнения, вызванные Косовским кризисом и особенно военной акцией НАТО против Югославии. Локальный кризис на Балканах привел к кризису всей системы не только европейской, но и мировой безопасности, создал реальную угрозу сложившемуся во второй половине XX века на основе Устава ООН международному правопорядку. Лишь за два дня до начала Конференции в Санкт-Петербурге НАТО объявила о прекращении военных действий против Югославии. Поэтому тревога и обеспокоенность за будущее мира чувствовались в самой атмосфере Конференции мира, проявлялись в выступлениях многих ораторов. Хотя, объективности ради, надо сказать, что в ряде выступлений содержались утверждения об оправданности и даже правомерности односторонних силовых акций отдельных государств или групп государств для разрешения международных кризисов или предотвращения так называемых “гуманитарных катастроф”.

Председательствовал на Санкт-Петербургской конференции председатель Национального комитета Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН, председатель Российской Ассоциации международного права профессор А.Л. Колодкин.

Открывая конференцию, А.Л. Колодкин огласил приветствие Президента России Б.Н. Ельцина. В приветствии, в частности, особо подчеркивается, что и сегодня, на рубеже столетий, человечество по-прежнему сталкивается с рецидивами прошлого, попытками решать сложные проблемы не за столом переговоров, а силой оружия. Поэтому главное сейчас — обеспечить уважение норм международного права, Устава ООН, эффективно задействовать потенциал Совета Безопасности ООН.

В своей вступительной речи А.Л. Колодкин отметил, что конференция в Санкт-Петербурге является продолжением состоявшейся 18-20 мая Гаагской экспертной конференции. Он напомнил участникам форума три основные цели Третьей конференции мира:

- определить основные направления развития международного права в XXI веке;
- сфокусировать внимание на важности и необходимости соблюдения международного права и повышения его роли в современном мире;
- подвергнуть детальному международно-правовому анализу итоги, состояние и перспективы разоружения, международного гуманитарного права и мирного урегулирования споров.

Как отметил А.Л. Колодкин, в соответствии с “распределением ролей” между Гаагской и Санкт-Петербургской конференциями участникам Санкт-Петербургского форума предстоит сосредоточиться на имплементационных аспектах упомянутых трёх тем.

Выступивший на открытии конференции Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан особо отметил историческую роль России в постановке и разрешении 100 лет тому назад многих крупных международных проблем, имевших важное значение в прошлом и не утративших своей актуальности в настоящем. Особенно это касается проблем разоружения. Кофи Аннан привлек внимание участников Конференции к тому,

что еще "в 1899 году Россия предложила правительствам 26 государств встретиться в Гааге для обсуждения вопроса о сокращении военных бюджетов. На данный момент всего в мире на военные нужды расходуется 750 миллиардов долларов ежегодно. При этом в процессе всеобщей торговли оружием изымаются средства, предназначенные для основных нужд — таких как здравоохранение и образование.

Россия также предложила государствам запретить армиям и флотам использование любых видов огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. На сегодняшний день изобретательность человека направлена в большей степени на разработку новых видов оружия, и недостаточно — на предотвращение заболеваний, охрану окружающей среды или искоренение нищеты.

Суть современных приёмов ведения войн — в основном внутренних конфликтов, при которых страдает именно мирное население, — внушает мысль о том, что война все так же жестока и хаотична, как и раньше. И применение насилия выявляет внушающую беспокойство закономерность: вместо мирных средств разрешения конфликтов правят законы войны, и оказывается, что воюющие стороны не способны осознать своих действий до тех пор, пока они не увидят груды человеческих останков".

Хотя, считает Кофи Аннан, Первая Конференция мира и не достигла некоторых поставленных перед ней целей, однако, "без сомнения это была важная веха в изменении законов войны, в зарождении современного гуманитарного права и в попытке утвердить как единственно возможные мирные средства разрешения споров.

В более широком смысле, можно полагать, Конференция стала одним из мест зарождения многосторонней дипломатии. Организация Объединённых Наций, включая и Международный Суд, являются наследием Конференции. Давайте же рассмотрим некоторые успехи и достижения, сделанные Конференцией.

- Конференция отвергла войну как основное, всеобщее и законное осуществление государственного принуждения. Вместо этого международное сообщество приняло решение о введении, по крайней мере, критерия гуманности в международные военные конфликты;

- Конференция заново подтвердила принципиальное различие между непосредственными участниками боевых действий (комбатантами) и гражданским населением, а также разработала нормы, гарантирующие максимально возможную защиту больных, раненых и гражданского населения, не принимающего активного участия в военных действиях;

- Конференция приняла Конвенцию о мирном урегулировании международных споров, утвердила создание Постоянной Палаты Третейского Суда. Хотя с тех пор государства не часто прибегали к помощи Суда, в настоящее время он модернизируется с таким расчётом, чтобы государства смогли извлечь большую пользу из того, что могло бы быть одним из наиболее тщательно хранимых дипломатических секретов.

Конвенция также определила множество методов для разрешения конфликтов мирным путём, а именно: посредничество, добрые услуги, обследование и примирение. Все эти методы были позднее включены в статью 33 Устава ООН. ООН стремилась к дальнейшему продвижению дела, начатого Конвенцией. В настоящий момент по каждому основному

направлению работы Гаагской Конференции — законы войны, ограничение вооружений и мирное урегулирование конфликтов — у международного сообщества имеются реальные возможности достичь необходимого прогресса”.

Отметив значительный прогресс, достигнутый мировым сообществом в области ограничения средств и методов ведения войны, разоружения и мирного разрешения споров, Кофи Аннан в то же время указал на имеющиеся место неудачи и различного рода препятствия на пути обеспечения мира и правопорядка. В этой связи он особо подчеркнул уникальную роль в обеспечении мира Организации Объединенных Наций, являющейся, по его выражению, наследием Первой Гаагской конференции мира: *“Неподвластная идеологическим распрям, вооружённая современными технологиями, открытая прогрессивным общественным течениям и воодушевляемая процессами всесторонних реформ, ООН остаётся уникальным учреждением. Она является источником международной законности, ареной многостороннего принятия решений, инструментом коллективной безопасности и превентивной дипломатии. Но от государств-членов ООН необходимо большее — больше ресурсов и больше политической воли — для того, чтобы ООН успешно могла продолжить свою работу”*.

В заключение Кофи Аннан заявил: *“Мир должен помнить текст преамбулы Гаагской Конвенции, составленной русским юристом Фёдором Мартенсом, который так волнующе говорил о “праве народов”, о “законах гуманности” и о “велении общественного сознания”*.

Общественное сознание испытывает ужас перед перспективой того, что этот век насилия мог бы закончиться так же, как и начался, что человечество так и не стало мудрее на пути предотвращения конфликтов и не научилось находить способы их разрешения. Безусловно, конфликты не утихают, и подход к их разрешению принял направление, которое, как мы думали, мы видели в последний раз.

Однако я все еще надеюсь на то, что международное сообщество, которое живет на взаимодействии индивидов, на функционировании учреждений и организаций и на законах, сделает выводы из трагедий и регресса уходящего столетия”.

Позиция России по актуальным проблемам сохранения мира и обеспечения международного правопорядка была очень подробно изложена в выступлении заместителя министра иностранных дел С.А.Орджоникидзе.

Обращает на себя внимание то, что выступление заместителя министра перед участниками конференции носило не “политизированный”, а “юридизированный” характер. Оно содержало прежде всего международно-правовой анализ состояния и перспектив разрешения проблем, вынесенных в повестку дня Конференции, а также других тесно связанных с ними вопросов. Значительное место в его выступлении было отведено проблеме обеспечения действия принципа неприменения силы в международных отношениях, анализу его соотношения с принципом невмешательства во внутренние дела государств и принципом уважения прав человека. И в этой связи С.А.Орджоникидзе определил действия НАТО против Югославии как агрессию. Это была “одна из

самых трагических страниц в европейской истории второй половины нашего столетия. Жертвой силовой акции стала не только разрушаемая Югославия. Удар пришёлся и на сами устои международного правопорядка. Подрыв этих устоев обосновывается неким "несовершенством" современного международного права, действительно не позволяющего применять силу в обход Устава ООН.

...Однако действующее международное право никто не отменял. Полагают ли сторонники силовой акции, заведомо идущей в разлад с Уставом, что международное право — факультативно, что каждый волен выбирать из него, что нравится и отбрасывать то, что кажется неподходящим в данный момент. Если "да", то не вернейший ли это путь к анархии?

Если же рассматривать упомянутые выше претензии к действующему международному праву по существу, то суть их сводится примерно к следующему: принцип уважения прав человека теперь должен получить приоритет над принципами невмешательства во внутренние дела, суверенного равенства государств и неприменения силы в международных отношениях.

Все дело, однако, в том, что иерархии принципов международного права нет и не может быть. Все эти принципы взаимосвязаны, взаимоподкрепляют друг друга и должны рассматриваться один в контексте другого. Словом, речь идет о целостной системе. Её целостное применение призвано исключить как гуманитарные катастрофы, этнические чистки, так и аспекты агрессии. Раздёргивание же этой системы на части способно привести лишь к её разрушению, чревато хаосом в международных отношениях.

Принцип невмешательства во внутренние дела государств как часть целостной системы эволюционирует в сторону большей открытости и кооперативности. Разумеется, права человека перестали быть исключительно внутренним делом государств.

Ясно и то, что в случае гуманитарной катастрофы международное сообщество может принимать принудительные, в том числе и силовые меры, но лишь в соответствии с Уставом ООН и по решению Совета Безопасности. Так что возможность жестко и эффективно реагировать на нарушения прав человека — на вполне законных условиях, разумеется, — у международного сообщества имеется.

...Таким образом, очевидно, что "подправить" международное право так, чтобы легализовать гуманитарные интервенции, осуществляемые по своему усмотрению группой стран, невозможно, поскольку это уже не право, а произвол. Необходимо продумать комплекс мер по развитию международного права и его адаптации к современным реалиям.

...Сейчас же первейшая задача — восстановить и укрепить уважение к международному праву. А это означает принятие мер к тому, чтобы ООН и ее Совет Безопасности в полной мере сыграли роль, предписанную Уставом ООН".

Касаясь конкретной тематики Санкт-Петербургской конференции, С.А.Орджоникидзе четко определил и позиции нашей страны по всем трем вопросам ее повестки. Отметив, что в активе последних лет имеется ряд важнейших договоров по разоружению и сдерживанию гонки вооружений, С.А.Орджоникидзе в то же время особо подчеркнул, что

“по-прежнему разоруженческая повестка остается критически важной... Есть основания говорить об определенном изменении качества проблемы разоружения. На первый план выступают новые задачи и ориентиры. Стержневым направлением становится укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного оружия. Все большее практическое значение приобретают вопросы неукоснительного осуществления действующих соглашений, включая деятельность предусмотренных ими контрольных механизмов”.

Оценивая состояние дел с соблюдением международного гуманитарного права, С.А.Орджоникидзе заявил: *“Разрыв между нормой права и реальностью зачастую здесь трагически слишком велик. Это со всей очевидностью показала приведшая к разрушению целой страны силовая акция НАТО в Югославии, которая не укладывается ни в какие рамки пропорциональности, предписываемой гуманитарным правом. Необходимо усилить контроль над осуществлением норм гуманитарного права. Важнейшую роль в этом мог бы сыграть Международный Комитет Красного Креста. Стоит также рассмотреть вопросы о расширении функций Международной комиссии по установлению фактов, о создании в рамках Женевских конвенций Комитета по обзору выполнения государствами своих обязательств. Способствовать решению этой проблемы призван и Международный уголовный суд.*

В проблеме мирного урегулирования споров основной акцент должен быть сделан на предотвращение конфликтов. Здесь на передний план выходит проблема эффективного задействования имеющегося инструмента для мирного урегулирования споров”.

Заключительным аккордом выступления С.А.Орджоникидзе прозвучало его заявление о том, что *“международная политика должна быть правомерной, если она действительно желает удовлетворить не эгоистические и честолюбивые интересы, а законные интересы народов, ради которых существует само международное право”.*

На открытии конференции выступили также губернатор Санкт-Петербурга В.А.Яковлев, председатель Ассоциации юристов Санкт-Петербурга А.И.Александров, вице-президент Международного Комитета Красного Креста П.Келлер, вице-президент Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Л.Г.Потравнова, президент международной коалиции неправительственных организаций “Гаагский призыв к миру” К.Вайсс, заместитель Генерального секретаря Постоянной палаты Третейского суда Ф.Хамилтон, председатель Гаагской экспертной конференции, посвященной Столетию Первой международной конференции мира 1899г., Х. ван Мирло.

Текст выступления старшего научного сотрудника Института государства и права Российской Академии наук профессора В.В.Пустогарова, посвященного роли выдающегося российского ученого и дипломата, юриста-международника Ф.Ф.Мартенса в организации и проведении конференции 1899г. и его вкладу в развитие международного права, был оглашен (ввиду болезни В.В.Пустогарова) заведующим кафедрой международного права Московской государственной юридической академии профессором К.А.Бекашевым.

Во всех этих выступлениях содержалось много интересных идей и конструктивных предложений, которые еще ждут своего исследования.

Во второй и третий дни работы Конференции проходили заседания секций. Организационно заседание каждой секции проходило следующим образом: заслушивались выступления основного докладчика и его основного оппонента, а далее выступали в свободной дискуссии остальные участники.

При этом участникам Конференции были предложены довольно объемные три доклада, подготовленные и изданные в Гааге к Третьей Конференции мира. Поэтому в Санкт-Петербурге докладчики выступали по существу с комментариями своих докладов в части их имплементационных аспектов.

Первой 23 июня работала секция “Проблемы разоружения”. С основным докладом выступил почетный директор МАГАТЭ доктор Ханс Бликс. В своем выступлении Х.Бликс сделал вывод о том, что существуют реальные предпосылки для контроля над вооружениями и разоружением и выразил надежду, что мы придем к периоду, когда вооруженные силы не будут использоваться в глобальном масштабе, хотя, возможно, и будут применяться на национальном и региональном уровнях. Этот вывод Х.Бликс основывает на следующих факторах:

- происходит глобальная интеграция в области экономики, финансов и коммуникаций. Соккрытие определенных фактов и производств военного характера с каждым днем становится все более трудной задачей, учитывая интенсивные взаимные связи в современном мире;

- существует большое количество институтов и механизмов для разрешения разногласий и споров между государствами;

- усиливается превалирование в глобальном масштабе идеологии плюрализма и защиты прав человека. И хотя эта идеология еще не установилась повсеместно, очень большие регионы движутся в направлении большей демократии.

- уменьшаются с каждым днем территориальные и пограничные споры и конфликты. Именно эти споры и становятся зачастую причиной гонки вооружений и войн.

- утвердившееся осознание ядерными державами опасности ядерного противостояния, что заставляет эти государства быть более благоразумными. (Данный фактор сам Х.Бликс оценивает как неоднозначный).

Все эти факты, по мнению Х. Бликса, позволили серьезно улучшить ситуацию со сдерживанием гонки вооружения и контролем над вооружением.

Перейдя к детальному анализу конкретных направлений и форм ограничения гонки вооружений и разоружения, Х. Бликс основное внимание уделил различным аспектам контроля и верификации, особенно в отношении оружия массового поражения. При этом для своего анализа и выводов Х. Бликс использовал чаще всего ситуацию с Ираком, которую он охарактеризовал как водораздел в области международной верификации между существующими и будущими системами контроля. Проблема состоит в том, что ни одна из существующих международных систем контроля и инспекции, включая МАГАТЭ, не дает стопроцент-

ной уверенности в том, что принятые обязательства по системе контроля будут уважаться.

Х. Бликс ссылается на мнение экспертов (по существу солидаризируясь с ними), что существующая система международных соглашений по контролю и верификации недостаточна. Эксперты пришли к выводу, что данная система должна быть дополнена расширенными национальными средствами верификации и готовности действовать при необходимости односторонне для того, чтобы заstopорить распространение оружия массового поражения. Такие меры контрраспространения могут включать упреждающие военные удары, удары по таким объектам, которые нарушают международные соглашения. Кроме того, такие меры необходимы для борьбы с какими-либо безответственными государствами, которые могут произвести биологическое, химическое и ядерное оружие.

В случае с Ираком, считает Х. Бликс, это привело к разработке новых мощных методов верификации, которые дают возможность смотреть в будущее с оптимизмом. Бомбардировки, которые начались в 1998г., заставили Ирак предоставить полный и беспрепятственный доступ инспекторам, которые занимались поиском производства ядерного, биологического и химического оружия. К сожалению, признает Х. Бликс, результатом явилось то, что инспекторы Комиссии ООН и МАГАТЭ были вынуждены покинуть Ирак и с тех пор в течение длительного времени не проводилось никаких инспекций в этой стране.

Этот пример контрастирует с ситуацией в отношении КНДР, когда государства не обошли Совет Безопасности вниманием и его постоянные члены проявили солидарность для того, чтобы сдержать риск распространения ядерного оружия.

В целом доклад Х. Бликса был выдержан в духе серьезной озабоченности ухудшением в мире ситуации с разоружением. Сегодня, в конце XX века, считает Х. Бликс, перспектива разоружения по ряду причин выглядит намного мрачнее, чем еще несколько лет назад. Ядерные испытания Индии и Пакистана, военные проекты Ирака и КНДР и некоторых других стран, бесконтрольное производство обогащенного урана и плутония, замедлившийся процесс подписания и ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия, угроза Договору о ПРО, не ратификация Договора СНВ — 2, тупик в работе Конференции по разоружению в Женеве создают реальную угрозу разоруженческому процессу и в конечном итоге международной безопасности.

Сейчас задача первостепенной важности — восстановить детант (ослабление напряженности) в мире, который ускользает. Это восстановление должно включать в себя прежде всего возвращение к тесному сотрудничеству с Советом Безопасности ООН, что, по мнению Х. Бликса, сразу же улучшит ситуацию с ограничением гонки вооружений и разоружением.

Официальным оппонентом по докладу Х. Бликса выступил эксперт Конституционного Суда РФ доцент Б.Р. Тузмухамедов (сразу же заявивший, что выступает в личном качестве), который также выразил озабоченность сложившимся положением в области разоружения.

По мнению Б.Р. Тузмухамедова, проблема разоружения неоднозначно оценивается в теории и практике. Также не было гармоничным и развитие права разоружения как отрасли международного права. Неоднозначное состояние права разоружения в нынешних условиях отразил и Международный Суд ООН. В 1986 г. в своем решении по делу Никарагуа против США Суд записал, что "в международном праве нет норм, за исключением таких, которые признаны заинтересованными государствами договорным или иным путем, в соответствии с которыми уровень вооружений современного государства может быть ограничен. И этот принцип применим ко всем государствам без исключения". Иными словами, делает свой вывод Б.Р.Тузмухамедов, государства не обязаны разоружаться. И никакая сила, кроме их суверенной воли, не может заставить их это сделать.

Десять лет спустя в своем заключении о законности угрозы или применения ядерного оружия Суд единогласно заявил о существовании у государств "обязательства вести в духе доброй воли и завершить переговоры, ведущие к ядерному разоружению во всех его аспектах под строгим и эффективным международным контролем".

На взгляд Б.Р. Тузмухамедова, *"после крупных достижений в области контроля над вооружениями и разоружением, достигнутых в 60-70-х годах, переговорный процесс в области разоружения замедлился, а после того, как был израсходован потенциал, накопленный ранее, в этом процессе наступил спад. Стали явными признаки стагнации"*. Даже подписанные в 90-е годы конвенции по вопросам разоружения должны быть, считает Б.Р. Тузмухамедов, отнесены к тому потенциалу, который был накоплен в прошлом.

"Ряд согласованных и существующих режимов подвергаются воздействию, которое может оказаться для них разрушительным. Договор об ограничении систем ПРО может прекратить свое существование в случае, если через год США, как они намеревались, примут решение о развертывании национальной системы ПРО."

Наряду с сохранением существующих режимов актуальной является задача выработки новых режимов ограничения и сокращения вооружений. Предметы регулирования здесь могут быть самые разнообразные: расщепляющиеся материалы, военно-морские вооружения или что-нибудь вовсе "экзотическое", например, стрелковое оружие.

С правовой же точки зрения, как мне кажется, как некий эксперимент в области юридической техники, не меньший интерес представляло бы изучение возможности и целесообразности превращения в конвенционную норму режима контроля над ядерными технологиями. Строго говоря, этот режим является "мягким правом". Однако, навязывая определенные стандарты в области экспортного контроля, выработанные наиболее влиятельными членами этого режима, он перестает быть сводом простых рекомендаций. Возможно, международная конвенция о нераспространении ракет и ракетных технологий стала бы более демократичным, универсальным и эффективным инструментом. Если бы выработка этой конвенции была поручена Конференции по разоружению, то деятельность этого органа могла бы оживиться.

Вопрос о сочетаемости и сопряжении различных существующих и пер-

спективных режимов может представлять интерес для юристов — ученых и практиков. Разумеется, речь не идет о создании некоей суперорганизации, которая занималась бы всеми вопросами разоружения, начиная от выработки нормы и через процесс проверки, контроля и обеспечения соблюдения. Однако уже сейчас ряд крупных договоров содержат взаимные отсылочные статьи, а исполнение ряда из этих договоров так или иначе связано с Советом Безопасности ООН. Этими договорами образованы конвенционные органы, в отдельных случаях они используют уже существующие структуры. Вот сотрудничество между этими органами (в тех пределах, которые допускают уставные документы) могло бы способствовать взаимодействию режимов, установленных различными договорами об ограничении вооружений”.

В дискуссии по проблемам разоружения выступили И. Дьякону — посол Румынии в России, Дж. Берроуз — исполнительный директор Комитета юристов по ядерной политике (США), Г.М. Мелков — профессор Московской государственной юридической академии, В.Н. Бровкина — председатель Совета мира и согласия (Санкт-Петербург), Ж. Кабассо — исполнительный директор фонда юристов — правозащитников Западных штатов (США), Б. Пейс — генеральный секретарь Гаагского призыва к миру, Ю.В. Гусынина — представитель МИД России, В.С. Котляр — арбитр ООН по спорам государств по морскому праву (Москва) и другие.

Из-за лимита времени не всем желающим выступить было предоставлено слово. Выступающие же ораторы представляли разные страны, разные, порой диаметрально противоположные, точки зрения. Но все выступления отражали обеспокоенность состоянием дел с разоружением. В этих выступлениях содержался анализ состояния разоруженческого процесса и содержались конкретные предложения по совершенствованию существующих и созданию новых имплементационных мер.

Так, в частности, посол Румынии И. Дьякону считает, что к Конвенции о биологическом оружии должен быть принят Протокол, содержащий механизм контроля за соблюдением положений Конвенции.

Дж. Берроуз (США) считает, что устрашающее воздействие ядерного оружия, основанное на политике ответного удара, в XX в. сыграло свою позитивную роль. Оно оказало большое влияние на формирование понятия “стабильность”. Но прогресс в области ядерного разоружения потребует отказа от позиции ядерного сдерживания. И когда ядерное противостояние будет закончено, нужно будет перейти к другим шагам. По мнению Дж. Берроуза, в следующем веке политика ответного удара с использованием ядерного оружия недопустима.

Во внесенном Дж. Берроузом предложении содержится перечень следующих мер:

- сокращение и ликвидация ракет и других средств доставки, а также принятие иных мер, которые бы уменьшили возможность случайного использования ядерного оружия;
- немедленное проведение переговоров для создания институциональных рамок для реализации вышеперечисленных мер;

- создание средств, необходимых для контроля и проверки соблюдения существующих обязательств;
- принятие Конвенции о сокращении обычных вооружений; немедленное проведение переговоров между Россией и США о сокращении стратегических наступательных вооружений;
- установление соответствующего режима проверки за вооружениями и разоружением;
- осуществление контроля за теми средствами, которые часто используются для разведки, в частности, за спутниками.

Профессор Г.М. Мелков, полемизируя со сторонниками полной ликвидации оружия, включая стрелковое, назвал подобные предложения химерой. *“Предположим, что полностью ликвидировали бы стрелковое оружие. Что тогда? Возвращаться к топорам, лукам и стрелам? Конечно, нет. И вряд ли это достижимо”*. Подробно и эмоционально Г.М. Мелков вскрыл опасность, которую несут имеющееся, по его утверждению, на вооружении России, США и НАТО стрелковое оружие с пулями калибром 5,45 мм и 6,55 мм, которые обладают неустойчивой баллистикой полета и при попадании в тело человека опрокидываются, не оставляя раненому шансов на жизнь. Кроме того, по его же утверждению, в России со времен СССР имеются подобные пули со смещенным центром тяжести (что ранее тщательно скрывали), которые в теле человека разрываются на два — три осколка, движущихся в разных направлениях и рвущих человеческое тело на части. *“Я — юрист, — заявил Г.М. Мелков, — и несу ответственность за свои слова”*. Г.М. Мелков передал в президиум Конференции разработанный им проект Дополнительного протокола о запрещении пуль калибром 5,45 мм к Декларации о неупотреблении сплюснывающихся и разворачивающихся пуль 1899г. (которая, кстати, носит рекомендательный характер — В.И.).

Г.М. Мелков, охарактеризовав военную операцию НАТО против Югославии как агрессию, которая перечеркнула всю сложившуюся на основе международного права систему международной безопасности, высказался против дальнейшего ядерного разоружения в отношениях между Россией и США. *“Нам нужно сделать все для того, чтобы у нас остались ракеты СС-18 (“Сатана” по американской терминологии) как гарантия национальной безопасности России. И никакого СНВ-3 быть не может. Мы и так можем уничтожать любое ядерное оружие. Но то, которое достигнет территории США, мы должны иметь (хотя это кому-то и не понравится)”*.

Котляр В.С. (чрезвычайный и полномочный посланник II класса в отставке, арбитр ООН по спорам государств по морскому праву — Москва) высказал мнение о том, что после действий НАТО против Югославии *“вопросы об имплементации соглашений о разоружении очень трудно рассматривать в отрыве от состояния вопросов о мирном разрешении споров и особенно в отрыве от возврата в полном объеме к положениям Устава ООН относительно функций Совета Безопасности”*. До недавнего времени, отмечает В.С. Котляр, Россия при перестройке своей внешней и военно-стратегической политики исходила из понимания того, что *“не может быть принято решение о применении силы в мире иначе, как на согласованной основе, закрепленной в Уставе ООН”*.

Тогда, следовательно, у России не было бы никакой необходимости сохранять крупнейший военный потенциал, потому что ее политические интересы и так будут приниматься во внимание.

Что же получилось на практике? Важнейший инструмент по сохранению безопасности в мире — Совет Безопасности ООН — обойден при принятии решений по Косово. Были предприняты односторонние действия в обход Устава ООН и Совета Безопасности.

То же самое случилось и с механизмом ОБСЕ, который специально и был придуман для того, чтобы предотвращать подобные ситуации. А ведь все 19 стран НАТО являются участниками ОБСЕ.

Постоянный Совет НАТО — Россия создан как раз для того, чтобы проводить консультации в случае, когда ставится вопрос о проведении такого рода операций. Это тоже не было использовано.

Вот и вопрос: улучшили ли события в Косово предпосылки для дальнейшего разоружения или нет? Для меня и для многих в этом зале ответ ясен: они только ухудшили. То, что произошло, на наш взгляд, является совершенно явным нарушением международного права".

По мнению В.С. Котляра, одним из выводов данной Конференции и ее рекомендацией для Генеральной Ассамблеи ООН должен быть призыв "к возврату на твердую основу положений Устава ООН и прежде всего к выполнению в полном объеме всеми государствами, особенно постоянными членами Совета Безопасности, положений о компетенции Совета Безопасности в этих вопросах. Только тогда мы можем говорить о реальных возможностях преодоления процесса сокращения вооружений".

Председательствовавший на секции по проблемам разоружения Яап Рамакер (Нидерланды), подводя итоги заседания, отметил следующие новые положения, выдвинутые на Конференции в Санкт-Петербурге и не обсуждавшиеся в Гааге.

1. Механизм контроля и верификации. Есть потребность в обмене опытом между разными механизмами контроля на основе существующих и будущих многосторонних правовых документов в области нераспространения и разоружения (Договор о нераспространении ядерного оружия, Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия, Конвенция о запрещении бактериологического оружия, Конвенция о запрещении химического оружия и другие (в том числе и возможные в дальнейшем)). Нужно учитывать также аспекты экономической в верификации и контроле.

2. Нераспространение ядерного вооружения. Было высказано много предложений. Указывалось на необходимость дальнейшего сотрудничества и прогресса государств в этой области и, в частности, в имплементации ст.7 Договора о нераспространении ядерного оружия. Конференция по разоружению должна начать свою работу на основе специального подкомитета по ядерному разоружению. Срочно начать переговоры внутри конференции по Договору о сокращении производства расщепляющихся материалов. Выражено мнение о необходимости ратификации и скорейшего вступления в силу договора СНВ-2 и скорейшего начала переговоров об СНВ-3, чтобы далее сокращать арсеналы ядерного вооружения в США и России. Прогресс односторонних переговоров не нужно останавливать в результате блокады одного

из конкретных вопросов. Дальнейший прогресс ядерного разоружения потребует отказа от принципа ядерного сдерживания. Необходимость вступления в силу всеобъемлющего договора о запрещении ядерных испытаний — мнение всех участников обсуждения вопросов разоружения. Ядерное оружие нужно снять с дежурства и вывести за пределы территории государств, где оно находится и вернуть в те государства, которым оружие принадлежит.

Нужен механизм для контроля необратимости процесса ядерного разоружения. Необходимы дополнительные усилия МАГАТЭ, России и США. Так называемая трехсторонняя инициатива для контроля и верификации ядерных материалов под эгидой МАГАТЭ — хороший пример механизма контроля. Договор по ПРО: ряд участников подчеркнули ключевую роль этого договора 1972 г. как основополагающего элемента стратегической безопасности в регионе и необходимости дальнейшего сокращения ядерных вооружений. Так называемая “тактическая оборона” ПРО — это проект, который может поставить под срыв жизнеспособность Договора по ПРО 1972 г.

3. Нераспространение ядерных технологий. Необходимо проводить в рамках Конференции по разоружению переговоры по разработке многосторонней конвенции по нераспространению ракетных технологий (ракет). Обычное вооружение (стрелковое оружие). Есть необходимость продлить и укрепить существующие регистры вооружения ООН с тем, чтобы они охватывали и некоторые виды стрелкового оружия. Необходимость скорейшего заключения соглашения по адаптации Договора по обычным вооружениям в Европе.

4. Что касается региональных организаций, было выражено мнение: больший упор следует сделать на роль региональных договоренностей. Необходимо повысить роль таких учреждений, например, как ОБСЕ, как это и предусматривается гл. 8 Устава ООН, с использованием более политических, чем военных инструментов для урегулирования международных споров.

На второй день после обеденного перерыва работала вторая секция — “Международное гуманитарное право”. С основным докладом выступил Генеральный докладчик Мероприятий по столетию Первой конференции мира К. Гринвуд. Основное внимание докладчик уделил вопросам соблюдения международного гуманитарного права (МГП), методам его имплементации. По мнению К. Гринвуда, *“проблема сегодня состоит в том, что нам не нужны какие-то дополнительные положения права, а нужно добиться соблюдения уже существующих правовых норм”*.

Свое выступление К. Гринвуд разделил на три части. В первой части он рассмотрел меры, которые необходимо предпринять в мирное время, пока не идут боевые действия, для укрепления режима соблюдения МГП. По мнению докладчика, *“необходимо разработать меры со стороны всех государств по обеспечению соблюдения права до того, как они будут вовлечены в вооруженные конфликты. Нам необходимо создать культуру соблюдения права, при которой индивидуальные лица (солдаты, моряки, летчики, политики, гражданские лица) будут считать обязательным учитывать гуманитарные ценности при принятии решений. Нужно создать гуманитарные рефлексы, при которых будет учитываться между-*

народное гуманитарное право, чтобы оно стало второй природной привичкой директивных решений. И это должно основываться не только на угрозе наказания после завершения конфликта. Это требует, прежде всего, соответствующего образования, подготовки кадров. Необходимо добиться осознания военными руководителями их огромной ответственности по отношению к своим подчиненным в деле обеспечения и соблюдения международного гуманитарного права”.

Но учить и готовить к применению МГП нужно, по мнению К. Гринвуда, не только военнослужащих. В период вооруженных конфликтов для участия в них привлекаются гражданские и полугражданские лица, милицейские подразделения. Поэтому нужно учить и регулярные войска и других Потенциальных участников военных действий.

Далее, необходимо добиваться, чтобы государства во исполнение ст. 58 Первого Дополнительного протокола не размещали военные объекты близко к гражданскому поселению.

Государства должны также еще в мирное время принимать соответствующее внутреннее уголовное законодательство, чтобы иметь правовую основу для преследования лиц, виновных в серьезных нарушениях МГП. Однако часто государства ратифицируют Конвенции и Протоколы, не вводя во внутренне законодательство соответствующие юридические процедуры их соблюдения.

Во второй части доклада К. Гринвуд остановился на *“превентивных мерах, которые могут приниматься во время вооруженного конфликта, и на мерах, которые предусматривают профилактику нарушений, а не наказаний”*. Докладчик считает, что прежде всего необходимо *“возобновление или оживление старых инструментов, которыми перестали пользоваться последние пятьдесят лет”*. К ним он относит в первую очередь институт государственной защиты жертв войны. Женевские конвенции предусмотрели механизмы защиты раненых, больных, военнопленных и других покровительствуемых лиц, но ими очень слабо пользовались. Частично это объясняется, по мнению докладчика, *“наследием холодной войны и подозрительностью, что это может быть расценено как инструмент вмешательства во внутренние дела. Но этот период уже позади... Возобновив эту систему защиты и обеспечив известное давление на государства, особенно в условиях конфликта, мы можем сделать существенный шаг вперед в деле повышения уважения законности”*.

Необходимо признавать и уважать роль Красного Креста в вооруженных конфликтах. *“Красный Крест за 100 лет имеет славную историю. Но сейчас перед ним стоят новые проблемы. Если он хочет и далее эффективно действовать, то должен руководствоваться принципом конфиденциальности. Но иногда здесь может возникнуть конфликт с желанием преследовать тех, кто нарушает правила ведения войны, конфиденциальность Красного Креста существенна для возможностей его работы, для доступа к жертвам вооруженных конфликтов. Было бы неправильно компрометировать этот принцип, отдавать ему предпочтение перед принципами уголовного преследования”*.

Необходимо также активнее использовать возможности международной комиссии по установлению фактов, создание которой предус-

мотрено ст. 90 Первого Дополнительного протокола. Государства должны не просто согласиться с ее компетенцией, а активно использовать ее возможности, как в международных, так и во внутрисударственных вооруженных конфликтах.

Требуют своего внимания и защищенные районы. *“Практика за последние несколько лет продвинулась дальше того, что было записано в Женевской конвенции. сейчас это можно называть безопасной зоной. Имеется ввиду, что находящиеся там лица будут в безопасном положении. Но опыт Боснии активно предполагает, что может быть и опасный поход, если только не будет должного понимания всех сторон, что такое защищенные зоны. Это требует единого понимания того, что может находиться в этом районе, должен ли он быть демилитаризован, разоружен, какие виды деятельности могут иметь место в таком районе и каким образом этот район может защищаться третьими сторонами”.*

Третья часть выступления К. Гринвуда была посвящена различным возможным нарушениям гуманитарного права и системе санкций. В связи с этим докладчик поставил перед участниками Конференции ряд проблемных вопросов, особо остановившись на Международном уголовном суде. Сейчас, по мнению докладчика, надо идти дальше слов поддержки и стремиться к ратификации Статута Суда и соответствующего изменения уголовного законодательства государств. *“Суд не будет брать на себя бремя обвинения тех, кто нарушает внутреннее уголовное законодательство. Большая часть такого рода работы должна быть сделана в национальных судах. В результате создания Международного уголовного суда можно сказать, что это является символом для государств в деле пересмотра или создания своих механизмов расследования”.* И здесь, по мнению К. Гринвуда, один из главных вопросов состоит в следующем: *“могут ли индивидуумы, государственные лица пользоваться иммунитетом, особенно имея в виду в качестве примера решение по делу Пиночета в Великобритании”.* Также важно, считает докладчик, решить вопрос о том, чтобы уголовному преследованию подвергались виновные участники не только международных, но и внутренних, немеждународных, конфликтов. Необходимо учитывать и военные преступления по ст. 8 Статута Суда.

К. Гринвуд призвал государства, выступающие против Суда, изменить свое отношение к нему. Вместе с тем, считает он, *“чем более Суд будет эффективным, тем более он станет универсальным с точки зрения участия и поддержки его”.*

Основным оппонентом по докладу К. Гринвуда выступил профессор Ю.М. Колосов, который призвал принять *“срочные меры для того, чтобы остановить, предотвратить и прекратить нарушения норм международного гуманитарного права”.* При этом, по мнению Ю.М. Колосова, важное значение имеет распространение знаний о международном гуманитарном праве. *“Для пропаганды международного гуманитарного права необходимы не разрозненные действия различных правительственных и неправительственных организаций, а их консолидированное сотрудничество. К сожалению, в некоторых странах и, в частности, в России, пропаганда норм МГП остается в значительной мере делом отдельных активистов и энтузиастов. Эта политика еще не стала официальной*

государственной, вмененной в обязанность всех соответствующих структур. Претворение в жизнь норм МГП должно стать чувством моральной обязанности каждого члена общества и каждой государственной структуры”.

Касаясь содержащегося в докладе утверждения К. Гринвуда о том, что в конце этого века международное право может стать сравнительно малоэффективным, Ю.М. Колосов заявил: *“винить в этом нужно не международное право, а политических руководителей за отсутствие у них доброй воли и за несоблюдение императивного принципа *jus cogens* — договоры должны соблюдаться”*.

Полемизируя с К. Гринвудом, утверждающим, что помимо законного применения силы в целях самообороны и выполнения мер Совета Безопасности *“возможна и некоторая другая цель, для которой использование силы может допускаться по международному праву”*, профессор Ю.М. Колосов категорически заявил: *“Современное международное право не знает такого принципа и не знает такой цели. Такой цели и быть не может, она антигуманитарна. Что же касается так называемого “мягкого права”, на которое ссылаются для обоснования действий, которые ведут к нарушению международного гуманитарного права, то такого “права” международное сообщество не признавало до сих пор и его нет. Оно существует только в теориях и не может явиться основанием для принятия политических решений и совершения политических и военных акций”*.

Что касается вопроса о “связанности” вооруженных сил ООН (или действующих под эгидой ООН) в их действиях нормами МГП, на который К. Гринвуд отвечает положительно, то Ю.М. Колосов *“склонен считать, что не ООН как таковая должна нести международную ответственность за соответствие действий войск под эгидой ООН нормам международного гуманитарного права, а каждое отдельно взятое государство, чьи воинские контингенты принимают участие в военных операциях под эгидой ООН по решению Совета Безопасности”*.

Профессор Ю.М. Колосов поддержал предложения К. Гринвуда относительно поднятия возраста призыва на военную службу с 15 до 18 лет. Но в отличие от К. Гринвуда, который считает необходимым внести изменения в Женевские конвенции о защите жертв войны, Ю.М. Колосов высказался за альтернативный вариант: добиваться принятия разработанного в Комиссии ООН по правам ребенка соответствующего факультативного протокола к Конвенциям. Уже в течение нескольких лет не удается принять этот важный протокол из-за сопротивления отдельных государств.

В заключение оратор заявил, что путь к имплементации — это неотвратимость наказания для тех, кто нарушает МГП, совершая преднамеренные действия, противоречащие положениям Женевских конвенций. Согласно международному праву, государства взяли на себя обязательства разыскивать лиц, обвиняемых в этих нарушениях, и выдавать их для суда той стране, которая имеет доказательства, дающие основания для обвинения. Учитывая, что в последние годы все большее количество нарушений направлено против гражданского населения и особенно во время внутригосударственных вооруженных конфликтов,

Ю.М. Колосов особо обратил внимание на положения Конвенции о защите гражданского населения во время войны, закрепившие ее применение не только в случае объявленной войны, но и в случае всякого другого вооруженного конфликта, даже если одна из сторон не признает состояния войны.

Далее в прениях выступили представитель Ватикана Джорджио Филебек, профессор Украинской государственной юридической академии В.С. Семенов, представитель консультивной службы Международного Комитета Красного Креста Пьер Апраксин, представитель Генерального Секретаря международной неправительственной организации “Гаагский призыв к миру” Бил Пейс, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Л.Н. Галенская, начальник кафедры Военно-морской академии Р.Н. Муру, юридический советник правительства Королевства Нидерландов Адриан Бос, вице-президент Гильдии российских адвокатов С.С. Юрьев, глава юридического отдела МИД Югославии Джордже Лопичич и др.

Дж. Филебек (Ватикан) в своем выступлении остановился на необходимости обеспечения культуры соблюдения международного гуманитарного права и выразил убеждение, что в современном мире “сила закона может доминировать над законом силы”.

Пьер Апраксин (Московская делегация МККК) подробно рассказал о деятельности МККК по имплементации международного гуманитарного права и о распространении знаний о нем среди различных государственных органов, военных кругов, вузовской общественности, особо остановившись на работе созданной в 1995 году Консультивной службы по международному гуманитарному праву, которая является специальным отделом юридического департамента МККК. Как отметил П. Апраксин, работа указанной службы в различных странах осуществляется по двум приоритетным направлениям: первое касается содействия принятию этими странами внутреннего уголовного законодательства, которое позволило бы пресечь военные преступления; второе касается создания внутригосударственного межведомственного органа по координации деятельности всех властных структур государства, связанных с имплементацией международного гуманитарного права. В связи с этим оратор детально охарактеризовал формы и методы работы данной службы по имплементации международного гуманитарного права.

Профессор Л.Н. Галенская (Санкт-Петербург) привлекла внимание участников Конференции к еще не рассматриваемому на Конференции аспекту МГП — защите культурных ценностей во время конфликтов. При этом Л.Н. Галенская, рассматривая Конвенцию о защите культурных ценностей во время вооруженных конфликтов 1954 г. как значительное достижение мирового сообщества, указала в то же время и на ряд ее недостатков. Конвенция рассчитана на обычные вооружения. В ней отсутствует указание на какие-либо составы преступлений, отсутствует также понятие военной необходимости. Это снижает действенность Конвенции. Частично, по мнению Л.Н. Галенской эти вопросы были отражены в новом Протоколе к Конвенции, принятом 26 марта 1999 г. В нем не только дается перечень и составы уголовных преступ-

лений и предусматривается уголовная и административная ответственность, но и установлено право государства на наказание, регламентированы вопросы экстрадиции и т.д. Однако, считает Л.Н. Галенская, и этот Протокол вызывает определенную критику. Остался нерешенным вопрос о том, что такое военная необходимость, в ходе которой могут быть уничтожены культурные ценности, в том числе и находящиеся под особой защитой. Протокол не дает возможность разграничить уголовные преступления и просто правонарушения, наказуемые в административном или дисциплинарном порядке.

Но главная проблема, о которой, считает Л.Н. Галенская, практически перестали говорить, состоит не в установлении и привлечении к ответственности конкретного виновного лица. Конечно, можно наказывать солдата. Но, по мнению выступающей, “особенность ответственности в период вооруженных конфликтов состоит в том, что за эти конфликты и за то, что происходит во время конфликтов, несет ответственность государство”. Сославшись на последние примеры бомбардировок НАТО территории Югославии, когда часто ракеты и бомбы “непреднамеренно” поражали гражданские объекты, Л.Н. Галенская выразила обеспокоенность тем, что за это никто не несет ответственности. В заключение она поддержала докладчика в том, что нет необходимости создавать новые нормы гуманитарного права, а нужно выполнять уже существующие.

Д. Лопичич (Югославия) посвятил свое выступление информации о “военных преступлениях против гражданского населения, совершенных странами-членами НАТО против Югославии”, приведя множество фактов, свидетельствующих о значительных жертвах и разрушениях в результате бомбардировок территории Югославии. Он дал юридическую квалификацию действий НАТО против Югославии. НАТО нарушила Устав ООН, нормы международного гуманитарного права, основные права человека. Оратор отметил, что государства-члены НАТО нарушили и свой статут, так как это региональная оборонительная организация, которая может использовать вооруженную силу лишь в случаях, связанных с нападениями на участников этого альянса. Д. Лопичич отвергает тезис о праве на гуманитарное вмешательство. “Сейчас нет ни одного международного документа, который позволял бы проводить агрессию под прикрытием так называемого гуманитарного вмешательства. Ответственность за агрессию и военные преступления в Югославии были совершены всеми членами НАТО. Преступления требуют расследования, и это будет сделано в югославских судах”.

Подводя итоги дискуссии по проблемам МГП, председательствующий Х.В. Лонгва (Норвегия) отметил следующее.

1. В Санкт-Петербурге по сравнению с Гаагской экспертной конференцией основной упор в дискуссии был сделан на имплементацию МГП, а также был поднят и рассмотрен ряд новых проблемных тем, к которым он отнес имплементационные аспекты действия Гаагской конвенции о защите культурных ценностей 1954 г. и нового Протокола к ней, открытого для подписания в мае 1999 г., Оттавской конвенции о противопехотных минах, будущую роль Международного уголовного суда и его Статута в повышении эффективности МГП.

2. Участники дискуссии были единодушны в том, что для обеспечения эффективности МГП необходимо прежде всего соблюдать уже существующие правовые нормы. Но при этом по ряду вопросов возникли разногласия. Например, это касалось вопроса о том, когда считается законным применение силы. С другой стороны, в целом наблюдалось согласие в отношении того, что использование силы всегда должно соответствовать требованиям целесообразности и пропорциональности.

3. При обсуждении вопросов, связанных с военными операциями, оккупацией и урегулированием вооруженных конфликтов, было отмечено, что юрисдикция создаваемого Международного уголовного суда должна распространяться на преступления, совершенные в период вооруженных конфликтов.

4. Должно быть улучшено соблюдение обязательств государств в отношении МГП во время вооруженных конфликтов, а также предприниматься превентивные меры в мирное время как на национальном, так и на международном уровнях. К ним, в частности относятся следующие меры:

- Подготовка, обучение персонала по применению норм МГП;
- Практическое понимание и подготовка в мирное время к предупреждению вооруженных конфликтов;

- Принятие законодательных и административных механизмов необходимых для выполнения государствами обязательств и судебного преследования нарушений Женевских конвенций и их протоколов;

Во время работы третьей секции "Мирное урегулирование международных споров" участники Конференции заслушали выступления Генеральных докладчиков Кристофора Пинто и Франсиско Оррего Вилуны и официального оппонента К.Г. Геворгяна.

Свои выступления докладчики посвятили тому, чтобы *"сделать обзор международных методов разрешения споров, которые использовались в этом веке, и предложить какие-то новые методы, которые будут соответствовать требованиям будущего"*.

К. Пинто в начале своего доклада остановился на предложениях по внесению изменений в Уставе ООН, отметив при этом, что это очень сложный процесс и эти предложения могут быть заблокированы любой из великих держав, отметил важную роль Международного Суда и проанализировал объективно сталкивающиеся в любом споре позиции государств, стремящихся не уронить своего суверенного достоинства и найти наиболее приемлемые методы разрешения споров и разногласий.

В этой связи К. Пинто упоминает прежде всего переговоры и консультации, а также такие *"необязательные методы решения споров, как добрые услуги, посредничество, обслуживание, примирение и арбитраж"*.

При этом докладчик основное внимание уделяет примирению, обращая внимание на тот факт, что сами государства в основном предпочитают примирение как основной метод разрешения своих споров. Для доказательства этого К. Пинто проводит довольно обстоятельный анализ международных договоров и международной практики. В связи с

этим К. Пинто предлагает учредить в рамках ООН Постоянный Комитет по примирению, который мог бы состоять из 20 представителей государств-членов ООН. Эти представители могут назначаться по региональному принципу (например, по 5 представителей от Африки, Америки, Азии и Европы) на определенный срок (например, на полгода или один год). При назначении в Комитет можно использовать алфавитный порядок названия стран в каждом регионе. Комитет мог бы по просьбе любого государства предлагать свои услуги в конфликтных ситуациях. При этом он мог бы также заниматься не только предотвращением ухудшения конфликта, но и нахождением долгосрочных решений. Вся деятельность Комитета должна осуществляться при строжайшей конфиденциальности. Это, по мнению К. Пинто, был бы хороший эксперимент в такой дипломатии, и только окончательный результат мог бы быть открыто объявлен надлежащему органу ООН.

Создание такого Комитета не будет означать внесения поправок в Устав ООН. Это может быть сделано путем принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН в соответствии со ст.ст. 10, 12, 14, 22, 34, 35 Устава. При этом, считает К. Пинто, нагрузка на бюджет будет минимальной, поскольку персонал секретариата ООН мог бы предоставить Комитету необходимую информацию. Кроме того, Комитет будет осуществлять свой мандат без использования принудительной силы. К достоинствам Комитета К. Пинто относит также следующие черты: обычная готовность действовать во всем мире и во всех странах, активная позиция, конфиденциальность, гибкость, временные рамки, ориентированность на положительный результат.

Для реализации выдвинутых предложений необходимо, считает К. Пинто, во-первых, предварительное обсуждение данных предложений на международных конференциях и в других заинтересованных странах, а во-вторых, изменение отношений людей в обществе к проблеме международного гуманитарного права.

Для эффективной имплементации предложений недостаточно заключить новые договоры, принять новые национальные законы, вводить более суровые наказания за неисполнение. Главное — изменить поведение людей в обществе. А этого, считает К. Пинто, можно достичь лишь путем повышения образования. Для осознания необходимости, например, разоружения необходимо, считает докладчик, целое поколение. И если заняться всей этой работой сейчас, то вполне возможно, что XXI станет самым мирным веком в истории человечества.

Второй докладчик Ф.О. Видуныя в начале своего выступления указал прежде всего на происходящую фундаментальную трансформацию мирового сообщества, переход от евро-центристского порядка к глобальному обществу. И здесь наблюдаются две конкретные тенденции широкого плана. *“Мировое сообщество становится более децентрализованным в плане своей организации. Но это влечет за собой определенную опасность и возможность фрагментации права. В то же время, однако, мы сталкиваемся с большей интеграцией в международном сообществе, включая вопросы регионализма и взаимодействия между внутренним и международным правом”.*

В связи с этим значительное место в выступлении Ф.О. Видуны отведено обоснованию необходимости формирования альтернативной глобальной системы урегулирования международных споров.

По мнению докладчика, именно в силу того, что международное сообщество становится более децентрализованным, ряд споров стал более субстантивным. Сам механизм международного урегулирования становится более широкодоступным для спорящих сторон.

Происходящие изменения в мировом сообществе, расширение рыночной экономики вносит изменения в систему средств урегулирования споров. Традиционные механизмы нуждаются в совершенствовании, например, международные суды, другие механизмы (например, консультация, расследование, посредничество и т.д.) необходимо интегрировать в более всеобъемлющую систему, которая более эффективно рассматривала бы спорные вопросы для централизованного сообщества.

По мнению Ф.О. Видуны, наряду с необходимостью совершенствования традиционных форм международного арбитража требует особого внимания развитие арбитража в отдельных областях, например, в международной торговле. Здесь, считает докладчик, нужны свои альтернативные и более гибкие процедуры. В связи с этим он высказался за изменение места и роли Постоянной Палаты Третейского Суда. Этот Суд должен *“стать одним из основных органов в создании глобальной международной альтернативной системы урегулирования споров”*.

Исходя из своего тезиса об “опасности фрагментации права децентрализованным международным сообществом”, Ф.О. Видуна предлагает создать всемирный Конституционный Суд. *“Мы постоянно сталкиваемся с ситуацией, когда есть фундаментальные отличия в спорах и здесь требуется правильная интерпретация ситуации”*. Поэтому, считает докладчик, придет время, и очень скоро, когда будет создан такой глобальный конституционный орган, который будет заниматься урегулированием споров не только в рамках ООН, а всего мирового сообщества.

Рассматривая Международный Суд ООН в качестве одного из важных механизмов предотвращения и урегулирования споров, Ф.О. Видуна заявил, что считает очень важным *“расширить консультативные функции Международного Суда, позволить Генеральному Секретарю ООН запрашивать консультативное мнение Суда, предоставить другим учреждениям ООН, региональным организациям, межправительственным организациям некоторые функции по участию в таких процедурах”*. По мнению докладчика, *“есть необходимость внести важные поправки, касающиеся, например, расширения Международного Суда (или какого-либо другого соответствующего органа), чтобы он наиболее полно отражал международное сообщество сегодня, процедура номинаций, выборов и другие методы работы, возможности назначения адвокатов и других должностных лиц”*. Кроме того, докладчик высказался за то, чтобы рассмотреть и вопросы о возможностях и условиях допуска индивидов и неправительственных организаций к судебным процедурам рассмотрения международных споров.

Ф.О. Видуна внес предложение далее о создании международной школы международного права в форме, например, НИИ высокого

уровня в Гааге. Этот институт, считает он, должен разрабатывать такое международное право, которое бы учитывало те проблемы, которые будут возникать, и то, как их можно решить.

В заключение докладчик вместе с тем отметил, что имеется и другая точка зрения, согласно которой *“нет необходимости в новых структурах международного сообщества, не надо плодить дополнительные механизмы, а нужно как-то подправить существующие структуры”*. Но в любом случае, делает вывод Ф.О. Видуныя, *“необходимы коренные изменения в проблеме мирного урегулирования споров”*.

В своем выступлении основной оппонент К.Г. Геворгян, положительно оценив доклады, в то же время остановился на отдельных дискуссионных моментах. Касаясь прогноза докладчиков о развитии в дальнейшем международного права как суперструктуры, в которой существенно уменьшится роль государства за счет усиления негосударственных акторов (корпораций, неправительственных организаций, индивидов), К.Г. Геворгян согласился, что отдельные институты международного права действительно развиваются в этом направлении. Но эти институты *“не подменяют традиционное и наиболее существенное значение международного права как регулятора и опоры межгосударственных отношений. Правопорядок будущего во многом будет зависеть от укрепления именно этой функции международного права, в том числе и в применении к мирному урегулированию споров”*.

К.Г. Геворгян согласился с общей посылкой докладчиков, что *“децентрализация и пролиферация международно-правовых инструментов и механизмов выдвигают новые задачи для Международного Суда ООН”*. Но при этом он подчеркнул, что в деятельности Суда как органа по разрешению споров появляется новый элемент: *“через решение Суда обеспечить единое применение международно-правовых норм. Эта функция носит, — считает К.Г. Геворгян, — нормотворческий характер. Решение Международного Суда фактически уже стало одним из источников международного права. Можно предположить, что эта сторона деятельности Суда в будущем будет выходить на первый план”*. Вместе с тем К.Г. Геворгян призвал к определенной осторожности в том, что касается выдвинутых докладчиками предложений о расширении круга субъектов, обладающих правом обращения в Суд, в том числе и за консультативными заключениями. *“Это не должно ни политизировать деятельность Суда, ни девальвировать значение его решений”*.

К.Г. Геворгян высказал также сомнение в целесообразности изменения Статута Суда и высказал при этом убеждение, что *“и в рамках существующей структуры имеются широкие возможности повышения эффективности этого органа. Ускорение судопроизводства, создание камер, взаимодействие со специализированными юрисдикциями — вот те направления, которые мы видим в первую очередь”*, — подчеркнул он.

Говоря об имплементационном аспекте мирного урегулирования споров, К.Г. Геворгян присоединился к мнению докладчиков о том, что существующая система мирного урегулирования споров является одной из самых институционализированных в международном праве. Однако большинство механизмов этой системы, считает оппонент, не рабо-

тает, поскольку не используется государствами. Поэтому, делает вывод К.Г. Геворгян, *“дальнейшая институционализация мирного урегулирования споров вряд ли может быть отнесена к основным направлениям развития этого института. То есть путь переговоров без привлечения третьей стороны, по-видимому, и в будущем останется главным средством урегулирования разногласий”*. Под этим углом зрения рассматривается и весьма интересное предложение докладчиков о глобальной альтернативной системе урегулирования споров. Глубокую симпатию вызывает и предложение о создании постоянного Комитета по примирению. Но в его реализации имеются и подводные камни. *“Комитет предлагается как межгосударственный орган с членством, меняющимся по ротации. В этом определенный дефект, на наш взгляд. Как показывает опыт необходимые условия любой примирительной процедуры с участием третьей стороны — высокая степень доверия спорящих к посреднику. Презюмировать наличие такого доверия к органу, действующему на вышеупомянутых принципах, весьма трудно. Кроме того, целый ряд функций, которые авторы относят к компетенции подобного комитета, входит в компетенцию других органов ООН, в том числе и Совета Безопасности”*.

В заключение, говоря об имплементационных аспектах принципа мирного урегулирования споров, К.Г. Геворгян особо подчеркнул, что *“действие данного принципа в будущем не может рассматриваться изолированно от других основополагающих принципов, составляющих фундамент правопорядка. Последние события в Югославии наглядно продемонстрировали этот тезис. Мирное урегулирование споров не существует вне принципа суверенного равенства. Как образно сказал бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали, государственный суверенитет — это искусство превращать неравные силы в равные. Это и неприменение силы и ее угрозы, невмешательство во внутренние дела и соблюдение прав человека. Вот те базовые элементы, которые, — по мнению Геворгяна, — в будущем будут определять эффективность системы мирного урегулирования разногласий”*.

В дискуссии приняли участие Г.И. Курдюков — зав. кафедрой международного права Казанского государственного университета, И. Дьякону — посол Румынии в России, Ф. Берман — движение “Юристы за свободу и справедливость”, С.А. Малинин — профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета, Президент Санкт-Петербургского отделения Российской Ассоциации содействия ООН, Чо Джонг Во — представитель МИД Республики Корея, Платцодер Рената из ФРГ и др.

Так, например, профессор Г.И. Курдюков остановился на применении коллективных санкций, и прежде всего экономических санкций, которые принимаются в рамках Совета Безопасности ООН, и их влиянии на гуманитарную ситуацию. Г.И. Курдюков считает, что *“если устанавливается режим санкций, то надо предусмотреть, как он скажется на гражданском населении, особенно на уязвимых группах населения, прежде всего детях Или если санкции нарушают право на жизнь, здоровье, пищу и т.п., то это приводит к гуманитарной катастрофе. Получается парадоксальная ситуация: коллективные санкции, применяемые в рамках компетенции Совета Безопасности ООН, являясь правомерными дейст-*

виями, вместе с тем создают как бы неправомерную ситуацию, при которой нарушаются нормы международного гуманитарного права. И наоборот, когда осуществляются неправомерные действия, как, например, действия НАТО в Югославии, то обосновывают это стремлением исключить гуманитарную катастрофу". Г.И. Курдюков предложил внести в решение Конференции положение о том, что "введение коллективных санкций не должно приводить к ухудшению положения гражданского населения и тем более к гуманитарной катастрофе. Тогда мы будем говорить о торжестве силы права, а не права силы".

Посол И. Дьякону в своем выступлении обратил внимание на имеющиеся резервы по совершенствованию системы мирного урегулирования споров. По мнению оратора, необходимо упорядочить взаимоотношения и искать новые связи между организациями, занимающимися вопросами обеспечения безопасности, применения силы и мирного урегулирования споров, что должно способствовать разрешению возникающих конфликтов до применения силы. "В первую очередь должна эффективно использоваться система мирного урегулирования споров. Нужна лучшая корреляция глав VI и VII Устава ООН с тем, чтобы больший упор был сделан на главу VI, предусматривающую возможности мирного урегулирования, превентивные меры, профилактику со стороны органов ООН". Он поддержал предложение К. Пинто о необходимости создания Постоянного Комитета по примирению, высказался за более широкое и эффективное использование государствами возможностей ООН в урегулировании международных споров и конфликтов.

В своем выступлении профессор С.А. Малинин (Санкт-Петербург), поддержав мнение К. Пинто о примирении как основном методе урегулирования споров, пошел дальше и определил примирение как "сущностную характеристику мирного урегулирования споров вообще. Практически урегулирование всех споров, происходящих сейчас в мире, в конечном итоге преследует цель достичь примирения". Об этом свидетельствует и практика международных организаций (например, "Типовые правила согласительной процедуры по мирному урегулированию споров — ООН"; "Комплексная система мирного разрешения споров в рамках ОБСЕ", в которой предусмотрена деятельность трех комиссий по примирению).

Выразив от имени Российской Ассоциации содействия ООН беспокойство произошедшим обострением обстановки в мире в связи с Югославским кризисом, С.А. Малинин заявил: "Как это не парадоксально, но именно последний период объявленного ООН Десятилетия международного права стал фактически ником нарушений международного права. Причем нарушений самых серьезных, самых тяжких. При осуществлении операций против Югославии НАТО допустила грубейшие нарушения международного права, положений Устава ООН и даже собственного основополагающего, учредительного акта — Североатлантического договора. Нас очень настораживает та тенденция, которая определилась в документах и выступлениях лидеров НАТО в связи с 50-летием альянса. В Вашингтонской декларации прямо указано, что фактически и в дальнейшем альянс будет использовать силу,

проводить операции без согласия ООН. Это есть прямой подрыв существующего мирового правопорядка”.

В заключение С.А. Малинин высказался за то, чтобы “мирные средства стали не только главенствующими, но и единственными в урегулировании международных конфликтов”.

Подводя итоги работы третьей секции, ее председатель П.С. Рао (Индия) высоко оценил выступления основных докладчиков, оппонентов и участников и сделал в частности следующие выводы из состоявшейся дискуссии.

Соблюдение и имплементация норм по мирному урегулированию споров должны рассматриваться не как односторонние действия, а как комплексный процесс, включающий ряд различных факторов. Имплементация и мирное разрешение конфликтов — это компетенция дипломатии.

Анализируя предложения по созданию новых организаций и органов по урегулированию споров, участники дискуссии считают, что международное сообщество не может ограничиваться лишь их созданием, а должно серьезно воспринимать их и обеспечивать необходимым финансированием.

Неоднозначно оценивается и роль постоянного Комитета по примирению. Многие государства считают предпочтительным обращаться непосредственно к Генеральному секретарю и Совету Безопасности ООН. Функции Совета должны быть более репрезентативны.

Ему необходимо учитывать в работе и другие факторы. Для обеспечения соблюдения культуры международных обязательств могут быть полезны экономические санкции и стимулы.

Мирное урегулирование споров не может быть эффективным, если в это время совершается грубое нарушение Устава ООН. Отмечена важность организации региональных форумов по мирному урегулированию споров.

Поддержана идея создания международной школы международного права.

В своем заключительном слове профессор А.Л. Колодкин, подводя итоги Конференции, выразил удовлетворение ее результатами. Мнения, идеи и предложения, высказанные участниками Конференции, будут учтены председателями Гагской и Санкт-Петербургской конференций при подготовке ими доклада Генеральной Ассамблее ООН. Вопрос об итогах Мероприятий, посвященных отмечаемым в 1999 году Столетию Первой международной конференции мира и завершению Десятилетия международного права ООН, будет включен в повестку дня 54 сессии Генеральной Ассамблеи, открываемой в сентябре 1999 года.

* * *

Состоявшийся Санкт-Петербургский форум (как и ранее Гагская экспертная конференция) вызывает двойное чувство. С одной стороны, вызывает удовлетворение как само проведение Конференции, так и ее теоретические и политические итоги. Обмен мнениями на столь представительном форуме с участием практиков и ученых, ответственных руководителей и сотрудников органов государств и межгосударственных организаций, дипломатов и представителей неправительственных организаций и вузовской и академической общественности явился, безусловно,

важным событием в международных отношениях и в развитии международного права. Материалы Конференции содержат кладезь научной мысли и практических рекомендаций и еще ждут своих исследователей и “реализаторов”.

В работу Конференции органично вписались и мероприятия, организованные юридическим факультетом Санкт-Петербургского государственного университета в связи с отмечаемым 100-летием Гагской Конференции мира. Участники Конференции присутствовали на торжественном открытии на факультете мемориальной доски профессору Ф.Ф. Мартенсу — выдающемуся российскому юристу-международнику, одному из организаторов и руководителей Первой Гагской Конференции мира, в течение 32 лет возглавлявшему кафедру международного права Университета. На факультете состоялась международная студенческая научная конференция “Молодежь — за безопасный мир в XXI веке”, был подготовлен и издан сборник материалов “100-летие инициативы России: от Первой Конференции мира 1899 г. — к Третьей — 1999 г.” (Статья и фотография об этих событиях были опубликованы в нашем журнале № 4 за 1999 г.)

В то же время трудно отделаться от мысли о какой-то незавершенности и нереализованности всего огромного научно-практического потенциала Конференции. И Первая, и Вторая Конференции мира в неизмеримо более сложных условиях конфронтации, враждебности, недоверия, при отсутствии необходимого международного опыта и организационных структур, смогли разработать и принять международно-правовые акты — Конвенции, во многом предопределившие содержание международной безопасности и правопорядка на весь XX (да и XXI) век.

Вызывает сожаление, что ни Генеральная Ассамблея ООН, ни организаторы Конференции не решились в рамках Десятилетия международного права ООН и Мероприятий по Столетию Гагской конференции 1899 г. создать рабочую группу (или группы) и использовать огромный научно-практический потенциал мирового сообщества для подготовки и принятия глубоких по содержанию и детализированных по формам, видам и средствам осуществления и контроля международных конвенций по актуальным проблемам разоружения, международного гуманитарного права и мирного разрешения международных споров уже для XXI века.

“Московский журнал международного права” является правопреемником “Советского журнала международного права”, созданного в 1991 году как общесоюзный журнал юристов-международников СССР. После 1992 года, выходя под названием “Московский” (по месту его издания), журнал сохранил в составе своего Редакционного совета ученых из стран, расположенных на территории бывшего СССР, и на его страницах могут находить отражение как точки зрения самих юристов, так и официальные позиции их государств.

Отбор и содержание материалов журнала определяются Редакцией. Вместе с тем публикация материала в “Московском журнале международного права” не всегда означает, что Редакция разделяет точку зрения автора. При перепечатке материала или его части, а также при цитировании ссылка на наш журнал обязательна.

ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА МГИМО'ва

(Пятьдесят лет спустя)

1949—1999

ТОМ 2

ЮРИСТЫ-МЕЖДУНАРОДНИКИ

“ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА МГИМО'ва”

Публикация этой двухтомной книги, несомненно, явилась незаурядным событием в научной и общественной жизни 1999 года. Огромный курс — почти 200 человек — окончили МГИМО в 1949 году. И вот оставшиеся в живых к концу века вспоминают своих товарищей и себя за минувшие пятьдесят лет. Их девиз — никто не забыт и ничто не забыто. С теплотой рассказывают и о себе и о своих товарищах. О хорошем и не очень, о смешном и грустном.

Половина того выпуска была распределена в МИД, многие из них проработали в этом внешнеполитическом ведомстве всю жизнь, став послами, посланниками, советниками.

Больше половины того выпуска закончили институт как юристы-международники. Теперь эти имена широко известны в стране и за рубежом. Среди них академик Арбатов Г.А., член-корреспондент Российской академии наук Вольский В.В., посол Вдовин В.П., генералы Красильников Р.С. и Хренов В.М., журналист Стура М.Г., доктора юридических наук Мерзляков Н.С., Собакин В.К., доктор экономических наук Плетнев Э.П., доктора исторических наук Москвин Л.Б., Ежов В.Д. и Кузьмищев В.А., доктора философских наук Меграбян Б.В. и Епископов М.Л., один из создателей советской доктрины морского права Жудро А.К.

Эта книга-двухтомник была разослана как подарок бесплатно всем подписчикам “Московского журнала международного права” к новому 2000 году, к новому XXI веку, к третьему тысячелетию!

Так коллектив редакции поздравил своих подписчиков с новым годом и намекнул на то, что, подписываясь на наш журнал, любой подписчик может быть неожиданно очень приятно удивлен.

Желаем Вам, дорогой читатель и подписчик, счастья в Новом 2000-м году!

НА ВЕЧЕРЕ ВЫПУСКНИКОВ МГИМО 1949 ГОДА

В связи с 50-летием выпуска 1949 года 15 октября 1999 года состоялся в МГИМО большой вечер. Его открыл теплым и большим вступительным словом ректор МГИМО Анатолий Васильевич Торкунов. Выступали и другие государственные деятели. Было прислано много поздравительных приветствий. Некоторые из них были оглашены в зале. Имена звучали поднебесные, аплодисменты их встречали вполне земные, даже можно сказать усталые.

**Вступительное слово ректора МГИМО (У) МИД РФ,
Чрезвычайного и Полномочного Посла России,
доктора политических наук,
профессора ТОРКУНОВА А. В.**

Дорогие друзья!

Позвольте начать наши торжества, посвященные Дню Института — самому большому и важному празднику МГИМО.

Особенность сегодняшнего праздника состоит в том, что в нем принимают участие те мгимовцы, которые поступали еще на международный факультет Московского государственного университета пятьдесят пять лет назад и они окончили МГИМО пятьдесят лет назад.

Это — выпуск МГИМО 1949 года. Вот они — выпускники того года, сидят в первых рядах зала. Давайте попросим их всех встать и повернуться лицом к залу, чтобы мы могли на них посмотреть более внимательно. (Седые и лысые, все заслуженные ветераны встанут, зал их встречает овацией).

Прошу сесть.

Хотелось бы более подробно рассказать об этом выпуске, потому что он этого заслуживает.

В 1944 году, чтобы набрать наиболее достойных, был брошен клич по всей стране по радио — телевидения тогда еще не существовало — и через печать.

В Москву ехали из Владивостока и с Украины, из Казахстана и Грузии, из Армении и городов Центрального района России. Некоторые в условиях войны уже поработали на заводах и к своим семнадцати годам стали опытными производственниками, параллельно получая среднее образование. Костяк поступавших составляли фронтовики, прибывшие из госпиталей, или отозванные с фронта по спецзаказу за прежние заслуги в учении.

Конкурс, как и в наши дни, тоже был огромным. Из многих сотен поступавших были отобраны лучшие. Почти все принятые и прошедшие через приемную комиссию Наркоминдела имели замечательные аттестации, обладали прекрасными способностями, отлично закончили среднюю школу, т.е. говоря языком сегодняшнего дня, были “медалистами”.

Тогда в институт было принято 252 человека. 191 из них окончил МГИМО.

Выпускники 1949-го дали стране много дипломатов, ученых, журналистов, военных.

Пятьдесят лет — это солидный жизненный срок. Далеко не всем выпускникам довелось встретить юбилей. Около половины тех, кто юльским днем сорок девятого получил диплом МГИМО, к горькому сожалению, уже нет на белом свете. Прошу почтить их память вставанием.

(Все встают)

Прошу садиться. Мы знаем, что ряд представителей этого выпуска находятся либо в больницах, либо из-за болезни не могут выйти из дома. Думаю, будет правильно, если мы передадим им из этого зала наши поздравления с юбилеем. **(Аплодисменты)**.

Из числа выпускников сорок девятого выросло немало государственных деятелей, плеяда известнейших людей: прославленные дипломаты, работники других внешних ведомств, когорты высших офицеров и генералов разведки, замечательные журналисты, блестящие редакторы.

Вот только некоторые цифры, которые характеризуют этот выпуск. Среди окончивших в 1949 году:

четыре депутата Верховного Совета СССР;

три министра;

три директора институтов Российской академии наук;

два академика и два члена-корреспондента этой же академии;

Чрезвычайные и Полномочные Послы в двенадцати странах, в том числе Италии, Испании, Португалии и три Чрезвычайных и Полномочных Посла по специальной проблематике (дела Центральной Европы, по европейской безопасности и по ядерному нераспространению);

два ректора ВУЗ'ов (Дипломатической академии и Института общественных наук);

56 профессоров;

36 докторов наук;

24 кандидата наук;

два профессиональных писателя;

два генерала и добрый десяток высших офицеров Службы внешней разведки;

главные редакторы ряда газет, в том числе “Комсомольской правды”, “Московского комсомольца” и “Нувель де Моску”;

главные редакторы многих журналов, в том числе “Вопросы философии”, “Советское государство и право”, “Смена”, “Скандинавский сборник”, “Московский журнал международного права”, “Международное право — Интернэшнэл ло”, “Год планеты”, “Молодежь мира”, “Всемирные студенческие новости”;

главные редакторы издательств “Международные отношения”, “Наука”, “Географгиз”;

генеральные директоры издательств “Международные отношения”, ДЭМ;

многие десятки профессиональных журналистов, заполнивших редакции центральных газет и журналов, радио и телевидения, разбехавшихся сборками и спецкорами в разные концы планеты.

Если собрать все книги, написанные выпускниками МГИМО 1949 года, то получилась бы неплохая библиотека в несколько сотен томов. Причем в ней были бы разделы “Внешняя политика” и “История”, “Экономика” и “Право”, “Дипломатия” и “География”; много учебников, книги художественной прозы и поэзии, даже детская литература.

Каждый из выпускников — яркая самобытная личность. Не могу подробно говорить обо всех, но кое о ком хотел бы рассказать.

Прежде всего о феноменальном прямо-таки фантастическом, явлении на этом курсе — человеке-легенде, который несколько месяцев назад, уже в 1999 году был введен в состав действительных членов Нью-Йоркской академии наук. Это — первый и пока единственный из всех выпускников МГИМО, кто стал членом этой престижной амери-

канской академии. В 1998 году Государственная публичная историческая библиотека в Москве устроила выставку его трудов. На двадцати пяти стендах в течение небывалого срока — девяти месяцев экспонировались книги, брошюры, журналы и газеты с его статьями на 14 языках, вышедшие в 25 странах, и это была только малая толика его трудов. Фронтовик, он три года воевал и был отозван из окопов в МГИМО не по ранению, а за свои довоенные успехи в учебе. Наш историк-скандинавист — лауреат двух международных престижных премий: имени Ланге Черетто и имени Гуго Грюция.

Недавно позвонили из Парижа и спросили: “Нельзя ли найти брата историка-скандинависта, того брата, который пишет на кулинарные темы?” Ответ шокировал французов: “Это одно и то же лицо”. Да, автор четырехтомного справочника “Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах” и автор шеститомных избранных сочинений по кулинарному искусству — один и тот же специалист. Это находящийся сейчас с нами Вильям Васильевич Похлебкин. (Аплодисменты).

Мы знаем, что после получения своей международной премии в Риме Вильям Васильевич был шеф-поваром обеда, на котором угощали 200 человек, а затем главным кулинаром на вечернем приеме, который устраивало жюри конкурса. Нельзя ли, уважаемый Вильям Васильевич, обратиться к Вам с просьбой найти возможность в будущем порадовать и нашу Alma Mater Вашим искусством и приготовить прием, допустим, тоже человек на двести-триста.

Помощь, которая потребуется, мы, конечно, окажем. (Аплодисменты).

Хочу представить вам еще одного человека из выпуска МГИМО 49 года со всемирной славой. На фронтах в Великую Отечественную он воевал в подразделении знаменитых “Катюш”. Блестяще окончил МГИМО и вполне закономерно за заслуги в науке продвинулся до звания академика. Это Георгий Аркадьевич Арбатов. Вот он — в зале. (Аплодисменты).

Хочу вспомнить добрым словом и другого академика из этого выпуска Николая Николаевича Иноземцева, который, к сожалению, уже давно ушел из жизни.

Стоит сказать и о прекрасном политологе, великолепном ораторе — полиглоте, мудром и тонком политике, докторе философских наук Загладине Вадиме Константиновиче. Он, тоже здесь, в этом зале. (Аплодисменты).

В том же 1949 году наш институт окончил первый Герой Советского Союза. В последующие годы еще несколько Героев учились в МГИМО, но первым был этот. Он стал членом-корреспондентом Российской Академии наук, директором Института Латинской Америки, заведующим кафедрой социально-экономической географии МГУ имени Ломоносова; на должности заведующего кафедрой он работает уже 40 лет. Вот он, Герой Советского Союза Виктор Вацлавович Вольский. (Аплодисменты).

Преданность профессии и преданность родной газете “Известия” вот уже пятьдесят лет демонстрирует ее корреспондент в Соединенных Штатах. Только удивляться приходится как он из далекого американ-

ского Миннеаполиса ухитряется в один день писать две, а то и три разные статьи и публиковать их в российской печати, да и еще читать лекции в местном американском университете. Вчера прилетев из Америки, сегодня он среди нас, — Мэлор Георгиевич Стуруа. (Аплодисменты).

Кто не знает чарующего обаяния нашего выпускника — 49 прекрасного телеведущего? Десятки фильмов, сотни телесюжетов сделаны им для нашего телевидения, и он всегда был в центре событий. Он тоже в этом зале — Георгий Иванович Зубков. (Аплодисменты).

Я намеренно не рассказываю о том большом числе выпускников 1949 года, которые были распределены тогда в МИД. Получится, что я как бы невольно отбираю хлеб у Первого Заместителя Министра иностранных дел России Александра Алексеевича Авдеева. Он приехал к нам на праздник и собирается, насколько я знаю, говорить об этом сам.

Хочу вспомнить и о единственном выпускнике 1949 года, который и сейчас работает в МГИМО. Он несколько раз отрывался от родной Alma Mater, побывал во многих странах как журналист и как юрист-международник, на ответственных должностях. А сейчас он профессор МГИМО, главный редактор двух журналов “Московского журнала международного права” и “Международное право — Интернэшнэлло”. Он много сделал для успешного проведения этого нашего праздника. Пархитко Всеволод Петрович находится тоже в этом зале. (Аплодисменты).

Конечно, я рассказал не обо всех выпускниках 1949 года. А тот, кто захочет узнать о них, об их жизни может прочитать книгу их воспоминаний, которую они сами подготовили к этому Дню института. Там написано о каждом. Никто не забыт и ничто не забыто. А называется она “Птенцы гнезда МГИМО’ва”.

Разрешите на этом закончить и пожелать нашим юбилярам здоровья и новых добрых дел во имя России и, конечно, нашего родного МГИМО. (Бурные аплодисменты).

Выступление Первого Заместителя Министра иностранных дел России АВДЕЕВА Александра Алексеевича

Дорогие друзья и коллеги!
Дамы и господа!

Разрешите мне от имени Министерства иностранных дел России поздравить вас всех с очередным Днем института, который совпадает с его 55-летием.

Разрешите также присоединиться к ректору МГИМО Анатолию Васильевичу Торкунову в его поздравлениях нашим юбилярам — выпускникам, которые поступали в 44-м и закончили институт в 49-м, ровно 50 лет назад.

К сожалению, Министр иностранных дел Российской Федерации

Выступает Первый Заместитель Министра иностранных дел России Авдеев А.А. Справа — ведущий вечера Торкунов А.В.

Игорь Сергеевич Иванов находится сейчас в Санкт-Петербурге и не смог лично присутствовать на этом празднике, поэтому я передаю Вам поздравления и от его имени. (Аплодисменты).

Наши обращения к архивам Министерства выявляют очень интересные цифры и факты. Почти половина выпускников института тогда была распределена в МИД. Многие из них сразу же были направлены на работу за рубежом. Группу выпускников по просьбе китайской стороны МИД направил в Пекин для оказания содействия в организации органов внешних сношений будущей Китайской Народной Республики. Вместе с опытными специалистами они делали свое дело и потом присутствовали на площади Тяньяньмынь, когда Мао Цзэдун 1 октября провозглашал КНР. Один из них Теймураз Николаевич Горделадзе стал впоследствии заместителем Министра иностранных дел Грузии, а ныне является руководителем одного из главных департаментов Министерства — департамента по связям со странами СНГ.

В Китайской Народной Республике несколько лет проработал Николай Николаевич Иноземцев. Вернувшись на Родину, он стал крупным государственным деятелем, прошел путь в науке до академика и возгла-

вил Институт мировой экономики и международных отношений, был депутатом Верховного Совета СССР.

Жизнь расплескала по свету сразу же в те далекие годы всех, попавших в МИД. В консульстве экзотического Йоганнесбурга (ЮАР) оказался Алексей Дмитриевич Юров. В далеком Сан-Франциско, тоже в консульстве, стал работать Анатолий Георгиевич Мышков.

Говорят, что МГИМО — элитарный ВУЗ. Это — не совсем так. Да, после окончания МГИМО в 1949 году в МИД был распределен сын маршала артиллерии Николай Николаевич Яковлев, который впоследствии стал прекрасным историком-международником. Но в МИД же был распределен и Владимир Павлович Силкин, сын многодетной крестьянки из рязанской глубинки, который окончил деревенскую школу и первым из сельской местности поступил в МГИМО. Он работал в разных посольствах в африканских и европейских странах и умер в ранге Советника-посланника. Ушел из жизни и Николай Николаевич Яковлев — автор многих десятков прекрасных исторических книг.

Многие из окончивших тогда МГИМО всю жизнь посвятили дипломатической работе. Этот выпуск дал стране Чрезвычайных и Полномочных Послов в двенадцати странах, а также трех Чрезвычайных и Полномочных Послов по специальным направлениям внешней политики. Таким специалистом по делам Центральной Европы стал заведующий Третьим Европейским отделом, член Коллегии МИД Александр Павлович Бондаренко. Я работал под его руководством и в МИД и за рубежом и очень многому научился у него — опытного дипломата. Все важнейшие переговоры по ядерному нераспространению проводил посол Роланд Михайлович Тимербаев. В Хельсинском процессе по линии МИД трудились посол Виктор Тимофеевич Шикалов.

Отдельно хотелось бы сказать о Сергее Калистратовиче Романовском. Фронтовик, человек, одним из первых окончивших МГИМО за четыре года вместо пяти, он не только достойно представлял страну на посту посла в зарубежных странах, но и по возвращении на Родину прекрасно проявил себя на посту ректора Дипломатической Академии.

Список стран, где выпускники 49-го были послами, впечатляет: Бангладеш, Бельгия, Замбия, Гана, Испания, Италия, Конго (Браззавиль), Лаос, Мадагаскар, Норвегия, Португалия, Чад. При международных организациях представляли нашу страну или работали в самих организациях тоже выпускники этого памятного 49-го года. Так было в ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЭ и во многих других организациях.

Не имея возможности перечислить всех, назову только несколько наиболее ярких миловцев, которые мне запомнились: сотрудник ЮНЕСКО Михаил Дмитриевич Борисов, с которым приходилось работать вместе в Париже, член коллегии МИД, посол в четырех странах Валентин Петрович Вдовин, советник-посланник Юрий Николаевич Панков, сотрудник ООН Ральф Иванович Цвылев, советник Николай Леонидович Шейкин.

МИДовец — понятие не только московское: в Минске в братской Белоруссии на внешнеполитическом фронте работали выпускники 49-го Валерий Иванович Бovyкин и Владислав Леонидович Швецов.

Всем вам слова и благодарность МИД за Ваши добрые дела, за вашу блистательную жизнь в дипломатии! (Аплодисменты).

ИЗ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА, СВЯЗАННОЙ С ЭТИМ ВЫПУСКОМ 1949 г.

В начале 60-х годов на одном из ученых советов МГИМО какой-то недоброжелатель из числа профессуры, отрицательно относившейся к слову “юрист”, добился того, что на заседании стали обсуждать вопрос: “А нужен ли международно-правовой факультет в МГИМО?” И в качестве аргумента был приведен довод: “Прошло уже более десяти выпусков. Наши выпускники с факультета МО — вон как продвигаются в МИД, да и на международной арене. А вот с МП вроде никого и нет”. (Действительно, выпускники международно-правового факультета стали заместителями Генерального Секретаря ООН, возглавили юридические отделы во многих международных организациях, стали послами в крупнейших странах, составили костяк МИД и МВТ, во всех юридических службах, стали участниками практически всех переговорных процессов на международной арене несколько позднее. А тогда этот “юридофоб” был прав.)

А разрядил обстановку тогда, и фактически спас факультет от разгрома профессор Георгий Петрович Задорожный:

— Как это нет? — сказал он. — У нас в Советском Союзе имеется один-единственный общесоюзный юридический журнал “Советское государство и право”. Ежемесячник. Тридцать сотрудников. А кто в нем главный редактор? Семен Александрович Иванов — выпускник МГИМО 1949 года.

“Нужен ли факультет МП МГИМО?”, такой вопрос на ученом совете Института больше никогда не обсуждался.

Выступление Временного Поверенного в делах Испании в России, посла Мануэля де ЛУНА АГУАДО

Как говорится в старинной испанской поговорке, “где бы ты ни был, делай то, что видишь”. Поэтому, приехав год назад в Москву я отметил для себя, что большинство в России совершенно свободно говорит по-русски и понял, что у меня нет другого выхода, как приступить, с упорством “испанских конкистадоров”, к освоению русского языка. Могу Вас заверить в том, что с самого первого момента я знал, что Пушкиным мне не стать. (Смех. Аплодисменты.)

Сегодня мне действительно очень приятно выступить перед Вами и сказать, что для меня большая честь принимать участие в праздновании Дня Вашего прекрасного Института, в концепции которого, и я, уже почти старый дипломат, ее разделяю, — придется важное значение не только международным отношениям, но и знанию иностранных языков, что так важно в дипломатической деятельности. Подтверждает это тот факт, — и я не думаю, что найдется другой подобный пример, что 50 лет назад в МГИМО преподавали четыре иностранных языка — француз-

ский, английский, немецкий и испанский, а сегодня их более чем пятьдесят. Должен сказать, Вам делает честь высокий уровень преподавания языков, в чем я лично убедился общаясь со многими выпускниками Вашего ВУЗа.

Надо сказать, что некоторые из них говорили по-испански лучше, чем сами испанцы. Вот, например, напротив меня находится бывший Посол в Испании Дубинин. Кроме того, здесь же в зале находятся Посол Сергей Романовский, который прекрасно знает Испанию и проработал в Мадриде несколько лет. Хочу упомянуть, также, Владимира Перцова, который всю жизнь посвятил Испании, и его добрым словом вспоминают многие руководители нашей страны. Если к этому еще прибавить качество и глубину их знаний международных отношений и международного права, то я могу заверить Вас в том, что внешнеполитическая служба Российской Федерации и в двадцать первом веке будет оставаться на одном из первых мест в мире.

В этой связи, мне хотелось бы от имени Посольства Испании и от себя лично сердечно поздравить всех Вас.

Большое спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

Выступление посла Мануэля де Луна Агуадо. Слева — А.В. Торкунов.

МГИМО дает прекрасное многопрофильное университетское образование. Пример тому — те же выпускники 1949 года. Хотя международно-правовой факультет закончили около сотни студентов, юристами (в чистом виде) стали далеко не все. Зато все умели выступать устно, писать статьи в газеты, журналы, наконец, обдумать и создать книгу. Два выпускника — Валентин Скугоров и Реваз Табукашвили — стали профессиональными писателями, причем сонетами Шекспира в переводе Табукашвили зачитывается по сей день грузинская молодежь.

Юрий Бузулуков стал настоящим мастером художественного слова, хотя никогда не работал ни в одной филармонии: он с блеском читал лекции о международном положении, и за всю жизнь прочел их несколько тысяч.

Всю жизнь проработали в МИД или в сопредельных государственных или общественных организациях, направлявших своих сотрудников за рубеж, наши выпускники Борис Аверьянов и Владимир Сергеев. Юрий Жиляев, Генрих Колоколов и Александр Барабейчик, Владимир Белозеров, Александр Берков, Борис Николаевич Иванов и Красарм Иванов, Вадим Кривицкий и Виталий Масько, Чеславий Лупинович и Борис Мельниченко, Виктор Наумов и Владимир Никитин, Борис Червов и Тарас Яковенко, Владимир Перцов и Ярослав Пирогов, Серго Саркисов и Анатолий Таратутин, Юрий Тимофеев и Владимир Кожевников, а некоторые из них дослужились до дипломатического звания Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза. Это — Владимир Лобачев (работал в Конго-Браззавиль), Валентин Попов (в Бангладеш), Владимир Чередник (в Гане, а потом в Замбии).

Президент Российской Федерации. Профессорско-преподавательскому составу, студентам и выпускникам Московского государственного института международных отношений

Дорогие друзья!

Сердечно поздравляю профессорско-преподавательский состав, студентов и выпускников с 55-летием со дня основания Московского государственного института международных отношений и 50-летием выпуска 1949 года!

Ваш прославленный университет воспитал блестящую плеяду государственных деятелей, дипломатов, журналистов, специалистов в области внешнеэкономических отношений и международного права. Его питомцы неизменно высоко несут марку своей “альма матер”, не только достойно представляют Россию в разных уголках мира, но и честно трудятся на ее благо на самых ответственных государственных постах.

Диплом МГИМО — это гарант глубокой профессиональной подготовки, разносторонних знаний и широчайшего кругозора.

Школа высококлассных специалистов-международников, МГИМО сегодня — это ключевой учебный и научный центр, пользующийся заслуженным авторитетом и в России, и во всем мире. В его стенах проводятся уникальные исследования в области международных отношений, политологии и мировой экономики. Участие в совместных проектах с ведущими зарубежными университетами — яркое подтверждение международного признания МГИМО, как вуза, отвечающего самым современным мировым стандартам.

Уверен, коллектив МГИМО и впредь будет вносить весомый вклад в проведение внешнеполитического курса России, сохранит и приумножит замечательные традиции главной “кузницы кадров” для российской дипломатии.

Желаю всем преподавателям, студентам и выпускникам университета крепкого здоровья, счастья и новых успехов во славу Российского государства!

Б. Н. Ельцин

14 октября 1999 г.

**Ректору Московского Государственного института
международных отношений (Университета)
МИД России Торкунову Анатолию Васильевичу**

Уважаемый Анатолий Васильевич!

От имени Правительства Российской Федерации поздравляю Вас, профессорско-преподавательский состав, аспирантов и студентов с 55-й годовщиной образования Московского государственного института международных отношений и 50-летием выпуска 1949 года.

Созданный в 1944 году на базе факультета международных отношений МГУ им. М. В. Ломоносова в целях подготовки специалистов для дипломатической службы, МГИМО за эти годы стал крупнейшим университетским центром, кузницей кадров по 11 специальностям и более чем 50 специализациям, ведущим преподавание почти 50 иностранных языков. МГИМО по-прежнему является главным источником пополнения кадров для дипломатической службы: более 70 % российских дипломатов — это выпускники Института.

Сегодня в нашей стране и за рубежом знают, что МГИМО — это одно из самых престижных высших учебных заведений, крупный мировой научный центр, в котором трудятся более 20 академиков и членов-корреспондентов Российской Академии наук и других академий, почти

70 профессоров и докторов наук, 300 доцентов и кандидатов наук, 400 квалифицированных преподавателей. Не случайно, что ныне в стенах МГИМО получают образование более 4 тысяч студентов — представителей 30 регионов России, всех стран СНГ и 27 стран дальнего зарубежья, а интенсивные международные связи на постоянной основе МГИМО осуществляет более чем с 60 университетами, научно-исследовательскими центрами и фондами многих стран мира.

Отмечая 55-летие МГИМО, желаю Вам, уважаемый Анатолий Васильевич, профессорско-преподавательскому составу, аспирантам и студентам Института дальнейших успехов на всех направлениях вашей многогранной деятельности.

Председатель Правительства
Российской Федерации
В. Путин

14 октября 1999 г.

Участники вечера. В первом ряду (справа налево): представители Международного Комитета Красного Креста Лора Олсон, Элизабет Кнехт, Виктор Геращенко; во втором ряду слева выпускник МГИМО 1949 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол России В.Т. Шикалов; в третьем ряду (слева направо) тоже выпускники МГИМО 1949 г., доктора наук О.Ф. Соловьев и Б.В. Меграбян.

**Совет Федерации Федерального собрания
Российской Федерации .**

**Ректору Московского государственного института
международных отношений, доктору политических
наук, Чрезвычайному и Полномочному Послу,
профессору Торкунову А. В.**

Уважаемый Анатолий Васильевич!

От имени Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации сердечно поздравляю коллектив Московского государственного института международных отношений с Днем Института и замечательным юбилеем — 50-летием выпуска студентов в 1949 году.

В течение 55 лет МГИМО был кузницей по подготовке специалистов для дипломатической службы и внешнеэкономической работы в интересах России.

За эти годы из стен института выпущено более 20 тысяч специалистов-международников, среди них около 300 послов и посланников, 20 членов и членов-корреспондентов Российской академии наук, сотни ученых, журналистов с мировым именем, разведчиков, государственных и политических деятелей.

В МГИМО-университете сложились крупные, пользующиеся мировой известностью научно-педагогические школы в областях международных отношений и дипломатии, востоковедения, конституционного права зарубежных стран, международного частного и публичного права, мировой экономики и экономических отношений; блестящие лингвистические школы европейских и восточных языков.

Сегодня МГИМО — это гуманитарный университет, крупнейший мировой научный центр. Благодаря своему высочайшему авторитету в идеологической и методологической областях знаний, он заслуженно стоит на одном уровне с ведущими зарубежными учебно-научными центрами в сфере международных отношений.

Особенно приятно отметить вклад института в подготовку специалистов России и стран СНГ. Сегодня в МГИМО получают образование более 4 тысяч студентов — представителей 30 регионов России, всех стран Содружества. По договорам с органами власти субъектов Российской Федерации институт осуществляет подготовку кадров международников высокой квалификации.

В день замечательного юбилея МГИМО желаю всем ученым, сотрудникам, особенно ветеранам-выпускникам 1949 года, дальнейших успехов в подготовке специалистов-международников, безупречной службы на благо России, крепкого здоровья и благополучия.

**Председатель Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации
Е. С. Строев**

15 октября 1999 г.

**Ректору МГИМО (У) МИД России
Профессору Торкунову А. В.**

Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич!

Примите мои поздравления по случаю знаменательной даты в жизни Вашего Института — полувекowego юбилея второго, 1949-го года, выпуска студентов. Для каждого высшего учебного заведения каждый выпуск это событие. И тем не менее некоторые годы отмечены тем, что именно выпускники этого года вписывают особые страницы в историю вуза и вносят заметный вклад в дела Отечества. Полагаю, что таким “звездным” выпуском был и нынешний юбиляр. Могу оценить это со всей полнотой и как Министр образования, и как бывший ректор.

Многие мгимовцы второго выпуска стали крупными дипломатами, видными учеными, популярнейшими журналистами, ведущими работниками государственных спецслужб. В списке равных упомяну Чрезвычайных и Полномочных Послов Валентина Вдовина, Сергея Романовского, Роланда Тимербаева (всего их тринадцать), ученых с академическими званиями Георгия Арбатова, Олега Быкова, Виктора Вольского, Николая Иноземцева, журналистов-газетчиков Евгения Григорьева, Бориса Котова, Вадима Некрасова, Мэлора Стурра, телепублициста Георгия Зубкова. Список можно еще долго продолжать.

Нельзя не отметить, что более сорока выпускников стали докторами наук, профессорами, половина выпуска — кандидатами наук. Многие из них преподавали и продолжают преподавать в крупнейших высших учебных заведениях страны.

Желаю выпускникам доброго здоровья, активной деятельности, а МГИМО (У) МИД России — дальнейших успехов в подготовке высококвалифицированных специалистов.

Министр образования
Российской Федерации
В. М. Филиппов

14 октября 1999 г.

**Служба Внешней Разведки Российской Федерации
Члену Коллегии Министерства иностранных дел
Российской Федерации, ректору МГИМО
(Университета) МИД России Торкунову А. В.**

Уважаемый Анатолий Васильевич!

От руководства и сотрудников Службы внешней разведки сердечно поздравляю профессорско-преподавательский состав, административно-технический персонал и студентов Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации с вашим, уже ставшим традиционным, осенним праздником — Днем Института.

Этот праздник олицетворяет связь предшествующих поколений вы-

пускников МГИМО с молодежью, вступающей на благородную стезю служения Родине на внешнеполитическом поприще. Сегодня он примечателен для нас и тем, что прошло 50 лет с памятного выпуска Института 1949 года. Многие из получивших тогда “путевку в жизнь” специалистов пришли на студенческую скамью, не успев остыть от порохового дыма фронтовых дорог Великой Отечественной войны. Они стали послами и ответственными работниками Министерства иностранных дел, известными журналистами-международниками и авторитетными учеными.

Более десяти выпускников Института 1949 года пришли на службу во внешнюю разведку, впоследствии вписав немало ярких страниц в историю ее борьбы на тайных фронтах во имя защиты государственных интересов. Двое из них, Красильников Рэм Сергеевич и Хренов Владимир Михайлович, стали генералами, руководителями крупных подразделений. Они внесли весомый вклад в организацию разведывательной работы и оставили после себя многочисленных, воспитанных на личном примере беззаветного служения Отчизне учеников.

Выпускники Института, работающие в СВР России и составляющие ее боевой костяк, с глубокой благодарностью хранят в памяти студенческие годы. Хорошая профессиональная подготовка, основы которой закладывались в стенах МГИМО, позволяет им успешно решать сложнейшие профессиональные задачи на самых ответственных участках разведывательной работы.

Внешняя разведка высоко ценит вклад Института в подготовку кадров для нашей Службы, других российских внешнеполитических ведомств и в дальнейшем будет способствовать продолжению многолетнего плодотворного сотрудничества.

В этот праздничный день искренне желаю Вам, уважаемый Анатолий Васильевич, всем сотрудникам Института и его студентам крепкого здоровья, счастья и успехов на благо Родины.

В. Трубников,
Директор Службы внешней разведки
Российской Федерации, генерал армии,
выпускник МГИМО 1967 года

15 октября 1999 года

**Ректору Московского Государственного Института
Международных отношений (Университета)
МИД РФ профессору А. В. Торкунову**

Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич!

Сердечно поздравляю коллектив Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ с 50-летием выпуска 1949 года.

Мы гордимся тем, что в суровые годы Великой Отечественной войны именно в МГУ был создан Международный факультет, превратившийся затем в МГИМО, в котором продолжали преподавать лучшие профессора нашего университета. Десятки выпускников МГИМО рабо-

тали и работают в МГУ им. М. В. Ломоносова, снискали заслуженный авторитет и уважение студентов и коллег. Среди них и выпускники МГИМО 1949 года: С. И. Беглов, В. И. Бовыкин, В. В. Вольский, Г. Л. Епископосов, С. А. Иванов, В. С. Кисляков, Г. И. Мамрыкин, С. В. Мокин, В.П. Пархитько, Э. П. Плетнев и др.

На пороге нового столетия желаю Московскому государственному институту международных отношений (университету) МИД РФ сохранить и преумножить его славные научные и образовательные традиции и с честью пронести через годы высокое предназначение истинного Университета.

Желаю коллективу института процветания и больших успехов в его благородной миссии. Желаю всем выпускникам 1949 года крепкого здоровья, счастья и благополучия.

Ректор Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова,
Президент Российского Союза ректоров,
академик В. А. Садовничий

14 октября 1999 года

Выпускникам МГИМО 1949 года

Горячо поздравляю выпускников МГИМО 1949 года со славным юбилеем — 50-летием Вашего выпуска. Вы и сейчас, несмотря на далеко не юношеский возраст, проделали большую работу и подготовили книгу воспоминаний о Вашей молодости и жизни.

Спасибо Вам, что Вы, наши прославленные ветераны войны и труда, своим примером служения стране воспитываете новые поколения специалистов-международников, показываете молодежи, как надо жить, учиться и работать. Нам в Российском университете дружбы народов особенно приятно, что некоторые из Вас активно трудятся или трудились и в наших стенах, помогая воспитывать молодежь в непростое время второй половины XX века, мы имеем в виду Азата Аркадьевича Засухина, Георгия Ивановича Зубкова, Всеволода Петровича Пархитько, Владимира Павловича Стратилатова.

Склоняю вместе с Вами голову в память о Ваших сокурсниках, ушедших из жизни, и приветствую тех, кто создавая такие книги, как “Птенцы гнезда МГИМО’ва”, трудится и сейчас.

Здоровья Вам, долгих лет жизни на благо России!

Ректор Российского университета
дружбы народов
Д.П. Билибин

14 октября 1999 года

Свыше половины выпускников МГИМО 1949 года уже нет в живых. Война, послевоенное лихолетье сказались на здоровье многих. Только в течение месяца после торжественного вечера 15 октября 1949 года ушли из жизни из-за старых болезней и не совсем заживших ран фронтовики Михаил Борисов, всю жизнь проработавший в МИД; член-корреспондент Российской Академии Наук Виктор Вольский — наш первый Герой Советского Союза из плеяды многих Героев, окончивших МГИМО, и Владимир Николаев — прекрасный журналист, много лет работавший во Франции и во Вьетнаме.

Нет, путь этого выпуска в жизни не был усыпан розами. Среди выпускников не было ни одного предателя, но троих все-таки посадили в застенки Лубянки. Это — Николай Яковлев, Вадим Лигский и Георгий Ардаев. Обвинения были смехотворными, но по два-три года им пришлось провести в заключении, затем их реабилитировали. Даже предложили восстановиться в партии. Двое согласились. Н. Яковлев отказался, так и остался до гробовой доски, написав десятки замечательных исторических книг, беспартийным.

**Московский государственный Институт
Международных Отношений (Университет)
МИД России, профессорско-преподавательскому
составу, ректору МГИМО профессору
А. В. Торкунову.**

Уважаемые друзья.

Уважаемый Анатолий Васильевич.

От имени фракции КПРФ в Государственной думе Российской Федерации, Президиума ЦК КПРФ и от меня лично примите искренние поздравления с 55-летней годовщиной МГИМО и 50-летием выпуска 1949 года.

Несмотря на то, что история основания института неразрывно связана с грозными годами Великой Отечественной войны, его создавали для будущего мира.

За 55 лет своей славной истории МГИМО стал всемирно признанным крупнейшим центром подготовки специалистов-международников. Выпускники института внесли много ярких страниц в историю советской и российской дипломатии, и сегодня несмотря на трудности учебная работа органически сочетается с фундаментальными научными исследованиями. В институте трудились и продолжают работу выдающиеся ученые и преподаватели. Главным принципом мгимовцев всегда было служение родине и защита ее государственных интересов. Желаю студентам, преподавателям, всему коллективу МГИМО новых творческих успехов. С уважением.

Руководитель Фракции в Государственной Думе
Председатель ЦК КПРФ Г. А. Зюганов

14.X.1999 г.

И все-таки среди выпускников международно-правового факультета 1949 года было немало юристов, которые стали юристами-практиками, учеными, послами. Вот имена только некоторых из них: доктора юридических наук Собакин В.К., Мерзляков Н.С., Иванов С.А., послы Попов В.Ф., Лобачев В.К. и Чередник В.И., юристы из МИД: кандидат юридических наук Владислав Швецов, Тарас Яковенко, Вадим Кривицкий, Владимир Никитин, Ярослав Пирогов, юристы из других общественных организаций Александр Берков, Юрий Базанов, главный редактор "Московского журнала международного права" Всеволод Пархитько.

**Москва проспект Вернадского, 76, МГИМО (У) МИД
Российской Федерации, А. В. Торкунову**

Уважаемый Анатолий Васильевич!

Примите пожалуйста мои самые искренние поздравления Вам и в Вашем лице всем участникам праздничных торжеств в МГИМО по случаю дня института и 50-летия выпуска 1949 года.

Чрезвычайно отрадно, что и в наше весьма непростое время Московский государственный институт международных отношений свято чтит, сохраняет и множит лучшие традиции института, заложенные старшими поколениями мгимовцев, помнит и отдает дань уважения тем своим выпускникам, которые в течение многих лет составляли честь и славу советской дипломатической службы, мужественно и самоотверженно отстаивавшими в сложной борьбе на международной арене внешнеполитические и внешнеэкономические интересы нашей Родины. Такие праздники, как сегодня, крайне важны и для молодого пополнения мгимовцев для сохранения связи времени и преемственности поколений. Желаю всем участникам праздника крепкого здоровья, большого личного счастья, новых успехов в учебе и труде на благо нашей великой родины. Надеюсь, что на рубеже третьего тысячелетия в 2000 году смогу лично принять участие в торжествах по случаю дня института и очередного 50-летия выпуска 1950 года. С искренним уважением.

Председатель комитета Госдумы
по образованию и науке
И. И. Мельников

14 октября 1999 года

**СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ
Ректору МГИМО МИД Российской Федерации
А. В. Торкунову**

Уважаемый Анатолий Васильевич!

Союз журналистов России сердечно поздравляет Вас и всех питомцев Института международных отношений с полувековым юбилеем выпуска 1949 года.

Мы знаем и помним, что из рядов студентов-мгимовцев набора военного 1944 года вышло немало замечательных труженников нашего журналистского цеха. Таких, как публицисты-международники Спартак Беглов, Георгий Зубков, Мэлор Стуруа, как зарубежные собкоры ведущих органов печати Геннадий Васильев, Евгений Григорьев, Владимир Иванов, Борис Котов, Вадим Некрасов, как руководящие работники газет и журналов, радио и телевидения Борис Мельниченко, Бабкен Серапионянц, Владилен Самохин, Алексей Флеровский. Целые поколения журналистов-международников воспитывались на примере их самоотверженной творческой работы.

В этот торжественный день мы хотели бы поздравить и поблагодарить как наших коллег журналистов, так и всех юбиляров-выпускников МГИМО 1949 года, их преподавателей и наставников, весь коллектив Института за их весомый вклад в отстаивание внешнеполитических позиций нашей Отчизны.

Председатель Союза журналистов России
Всеволод Богданов

15 октября 1999 г.

**Ректору Московского Государственного Института
Международных Отношений (Университета)
МИД России А. В. Торкунову**

Уважаемый Анатолий Васильевич!

Коллеги, друзья!

Сердечно поздравляю вас с 55-летним юбилеем Московского государственного института международных отношений — Университета и 50-летием выпуска 1949 года. За эти годы институт по праву заслужил репутацию уникального учебного центра, специализирующегося на подготовке профессионалов самого высокого уровня в различных сферах международных отношений.

История известного на весь мир МГИМО неразрывно связана с историей России, с основными этапами развития внешней политики и дипломатии российского государства. С именем института ассоциируются имена ряда видных российских дипломатов и государственных деятелей.

Уверен, что МГИМО и впредь будет играть ведущую роль в сохранении лучших традиций российской дипломатии.

Желаю вам дальнейших успехов!

Академик **Е. Примаков**

15 октября 1999 года

С ответным словом благодарности за поздравления от имени выпускников МГИМО 1949 года выступил Мэлор Стурра

**Холдинговая компания ИНТЕРПРОС
Ректору МГИМО (У)
МИД РФ г-ну Торкунову А. В.**

Уважаемый Анатолий Васильевич!

Примите самые искренние поздравления с 55-летием Московского государственного института международных отношений и пожелания успехов всем, кто работает или учится в нем сейчас, кто уже закончил вуз или преподавал в нем раньше — чья жизнь так или иначе связана с Институтом. Поздравляю также с 50-летием выпуска 1949 года.

Успехи выпускников МГИМО на дипломатическом поприще, в сфере экономики, финансов и журналистики постоянно служат подтверждением высокой репутации Института как одного из ведущих вузов страны. Уверен, что и впредь образование, полученное в стенах МГИМО, будет предметом гордости для его выпускников, а талантливые молодые люди во всех российских регионах будут стремиться стать студентами нашего Института.

Президент Компании
В. О. Потанин

14 октября 1999 года

**Ректору МГИМО (У) МИД России
А. В. Торкунову**

Уважаемый Анатолий Васильевич!

От имени всех выпускников МГИМО, работающих в посольстве, и от себя лично от души поздравляю Вас и весь коллектив преподавателей и студентов нашей любимой Alma Mater с прекрасным праздником — Днем Института и 50-летием выпуска 1949 года!

Удач Вам и успехов в благородном труде на благо подготовки кадров российской дипломатии.

Посол РФ в Венесуэле
В. Морозов

14 октября 1999 года

**Ректору МГИМО (У) МИД РФ
Чрезвычайному и Полномочному Послу России,
профессору Торкунову А.В.**

Уважаемый Анатолий Васильевич!

У Посольства Нидерландов в Москве уже давно хорошие отношения с Московским государственным институтом международных отношений. И для этого есть серьезные основания.

Нидерланды всегда были сторонником международного права. Именно в Нидерландах родился отец международного права, Гуго Гроций. Именно в Нидерландах ровно сто лет назад состоялась Первая Конференция Мира. Ее юбилей мы отмечаем в этом году и вместе с выпускниками Вашего института издали специальный выпуск журнала.

Учитывая особый характер наших отношений, наше посольство вместе с ООН и журналом, которым руководит Всеволод Пархитко, ежегодно вручает медали и дипломы имени Гуго Гроция лучшим юристам-международникам и мы хотели бы в дальнейшем поддерживать эту традицию.

Позвольте поздравить Вас с пятидесятилетним юбилеем выпуска 1949 года и пожелать Вам всего наилучшего в следующие пятьдесят лет!

Тиддо П.Хофстее,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Королевства Нидерландов в Российской Федерации

15 октября 1999 года

Ректору Московского Государственного института международных отношений МИД Российской Федерации А.В. Торкунову

Уважаемый Анатолий Васильевич!

Примите мои сердечные поздравления с 50-летним юбилеем второго выпуска Московского Государственного института международных отношений (Университета) МИД Российской Федерации.

Приятно осознавать, что среди выпускников 1949 г. был и наш соотечественник — Шманов Ануарбек Нажмеддинович, человек интереснейшей судьбы, работавший впоследствии на ответственных государственных постах. И в наши дни выпускники института эффективно и с отдачей трудятся в Правительстве, МИДе, других государственных органах нашей страны, вносят свой вклад в развитие суверенного Казахстана.

Уверен, что элитный МГИМО и в будущем останется основным поставщиком высококвалифицированных и профессиональных кадров для дипломатических служб России, Казахстана и других стран.

Позвольте пожелать Вам, профессорско-преподавательскому составу и студентам МГИМО дальнейших успехов, доброго здоровья и благополучия.

С уважением,
Посол Республики Казахстан
в Российской Федерации
Т.А. Мансуров

Октябрь 1999 г.

От имени выпускников МГИМО 1949 года за сердечный теплый прием ректора поблагодарил известный телевизионный обозреватель Георгий Зубков. А завершил он свое выступление рассказом анекдота, который характеризует “жизнерадостность” и “активность” выпускника МГИМО.

— Собралась комиссия, чтобы выяснить, почему так долго живут люди. Привели им четырех старцев.

“Скажите, спрашивают первого, пил ли Вы вино, курили ли табак и имели ли дело с женщинами.” — “Да, отвечает, вино пил, женщин знал, а вот до табака дело не дошло. Никогда я его не курил.” — “Сколько Вам лет?” — “Сто два года.”

Подводят второго, постарше. Задают ему те же вопросы. “Пил и курил много, а вот женщин не знал.” —

“Сколько же Вам лет?” — “Сто десять.”

Приходит третий, еще более старый. И в ответ на те же вопросы говорит: “Табак курил, женщин знал много, а вот вина в рот не брал.” — “Сколько же тебе лет, аксакал?” — “Сто пятнадцать.”

Наконец, приводят самого дряхлого. И он отвечает на те же вопросы. “Да, я пью, я курю, я очень люблю женщин.” — “Сколько же тебе лет, дедушка?” — “Сорок два.” А откуда же ты взялся такой дедушка?” — “Из МГИМО”.

(Конечно, это шутка, но, как говорят люди, обладающие чувством юмора: “В каждой шутке есть доля... шутки”.)

Вечер почти заканчивался. В самом конце торжественной части профессора В.В. Похлебкин и В.П. Пархитко преподнесли ректору А.В. Торкунову двухтомник, который написали совместно выпускники МГИМО 1949 года.

Вильям Васильевич говорил первый:

— В прошлом году выпускники 1948 года преподнесли Вам один том своих воспоминаний. Мы были вторыми, и дарим Вам два тома наших мемуаров. Логично предположить, что третий выпуск на будущий год подарит три тома... Но я не завидую тому ректору, который от пятидесятого выпуска будет принимать пятьдесят томов их трудов.

Зал смеялся. Атмосфера была теплой и раскованной.

А Всеволод Петрович добавил:

— Министр иностранных дел — мгимовец уже был (Козырев), заместитель председателя правительства — мгимовец тоже был (Потанин); остается Вам, Анатолий Васильевич, воспитать теперь только председателя правительства и президента страны!

А завершился вечер концертом вокального ансамбля МГИМО “Лучшие годы” под руководством и при участии Людмилы Пекшевой.

Вот они, герои этого замечательного концерта (слева направо): студент IV курса международно-правового факультета Александр Толпаров, студентка I курса факультета международных отношений Виктория Кравченко, студентка II курса факультета международных экономических отношений Екатерина Фихтова, студентка II курса факультета международных отношений Юлия Шляхтурова, руководитель ансамбля Людмила Пекшева, и студент III курса факультета международного бизнеса и делового администрирования Кашиф Ур-Рахим.

Вопросы теории

У наследия великого юриста — международного XX века Всеволода Николаевича Дурденевского судьба трагична. Она тесно связана и с трагедией конца 40-х годов и первых послевоенных десятилетий: после тяжелой и продолжительной болезни умер его единственный сын, студент третьего курса МГИМО. Не вынесла этого горя супруга ученого, и вскоре после этого и она ушла из жизни. Сам профессор пытался крепиться, все еще ездил в институт, читал лекции, вел семинарские занятия, однако вечерами один, в трехкомнатной квартире, что в переулке Сивцев Вражек, не находил себе места. И все-таки писал статьи.

Одну из них он передал профессору М. И. Лазареву, чтобы прежде чем направить в редакцию журнала узнать его мнение по поводу написанного. Но узнать мнение молодого профессора Всеволод Николаевич не успел, потому что скончался.

После кончины профессора-дипломата милиция собрала рукописи в большой мешок и оставила его надолго в опечатанной квартире. Новый жилец, — им оказался высокий офицер милиции тщетно пытался передать эти рукописи либо в МИД СССР, либо в МГИМО, либо в Институт государства и права АН СССР. Но там почему-то проявили безразличие к этим бесценным бумагам, и тогда милиционер сдал эти бумаги в макулатуру.

Прошло много лет. Марклен Иванович Лазарев, разбирая свои бумаги, нашел статью Всеволода Николаевича и, понимая ее значимость, передал ее в наш журнал.

Низкий наш поклон Вам, Марклен Иванович! И благодарность от всех юристов-международников страны.

Помимо всего прочего, читатель, ознакомившись со статьей, увидит, что она актуальная и для сегодняшнего дня, хотя написана была почти полвека назад.

Ранее она нигде не публиковалась.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ “ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ” ПРЕЗИДЕНТА США.¹

В.Н. Дурденевский*

Конституция США от 17 сентября 1787 г. в п. 2 отд. 2 ст. 2 говорит: “Президент имеет право с совета и согласия Сената заключать² договоры, если согласие дают 2/3 присутствующих сенаторов”.

Эта же конституция в п. п. 1 и 3 отд. 10 ст. 1 устанавливает, что ни один штат не может вступать в договоры, союзы или конференции и без согласия конгресса заключать соглашения или конвенции с другим штатом или с иностранной державой.³

Из сопоставления этих текстов ясно, что творцами американской конституции в конце XVIII столетия проводилось различие между крупными договорами — трактатами и соглашениями по текущим и второстепенным вопросам. Штаты вообще лишены права заключать трактаты-договоры. Соглашения они заключать могут, но при условии согласия высшего федерального законодательного органа.

Президент может заключать трактаты-договоры под контролем сената. Может ли он заключать соглашения? Прямого ответа конституция не дает⁴. Мы имеем здесь типичный пример “лакуны”, или пробела в праве.

По вопросу может ли заключать соглашения президент, которому принадлежит исполнительная власть, и, следовательно практическое руководство международными отношениями (он принимает послов и других полномочных представителей), может быть дано четыре решения. Можно допустить:

- 1) что президент вообще не имеет права заключать соглашения;
- 2) что он, как и отдельный штат, нуждается для заключения такого соглашения в уполномочии со стороны законодательных органов;
- 3) что он имеет право заключать соглашения также под контролем сената;
- 4) что он может заключать их без сената.

Первое решение было бы явно непрактичным, так как потребность в соглашениях, дополняющих или толкующих отдельные постановления договоров, возникла еще в конфедеральном периоде США. Хотя статьи конференции 4 октября 1776 года требовали для заключения международного договора одобрения его квалифицированным большинством Конгресса США, однако необходимость срочного истолкования ст. ст. 2 и 3 договора “О дружбе и торговле с Францией” от 6 февраля 1778 г. вызвала заключение соглашения между президентом США (он же председатель конгресса) и французским министром иностранных дел путем обмена нотами 27 августа 1784 г. с дополнениями 3 и 9 сентября.

Конгресс не протестовал против этого ввиду важности для молодой конфедерации развития торговых отношений с Францией.

* Профессор, доктор юридических наук

В федеральный период была скоро осознана также невозможность по каждому случаю заключать торжественные трактаты.

Президенты США испытывали для установления порядка соглашений последовательно все варианты, данные выше под цифрами 2—4.

В 1792 г. у конгресса был испрошен акт об уполномочии генерал-почтмейстера США заключать, с совета и согласия президента, почтовые соглашения с иностранными державами без представления их сенату. В этом порядке были заключены многочисленные почтовые конвенции, а впоследствии актом 8 июня 1872 г. указанные полномочия были расширены в смысле заключения соглашений о почтовых перевозках между американскими и иностранными почтовыми ведомствами. В этом порядке США заключали конвенции Всемирного почтового союза.

Сенат США сравнительно рано стал держаться политики жесткого контроля в отношении представляемых ему международных договоров. Уже в 1804 г. он впервые принял договор с Англией с поправкой, что сильно осложнило вопрос о ратификации. Впоследствии, вплоть до нашего времени, сенат неоднократно отклонял договоры как Версальский, “замораживал” их как Лозанский, соглашался на ратификацию с поправками и дополнениями как договор о Панамском канале Гэя и Пааунсефота 1901 г.⁵ Положение исполнительной власти, которая заключает и подписывает договор без полной уверенности, что сможет его ратифицировать может быть, естественно, щекотливым.

Английская парламентская “кабинетская” система практически устраняет возможность затруднений с ратификацией, но в США этой системы нет. Понятно, поэтому, что президент Монро (позже автор знаменитой доктрины) с некоторой нерешительностью представил в сенат заключенное им соглашение через государственного секретаря с британским послом о количестве военных кораблей, которые США и Англия будут содержать на Великих озерах. Это соглашение было заключено 28 — 29 апреля 1817 г., но только к 18 апреля 1818 г. оно было представлено в сенат. Однако сенат встал на ту точку зрения, что не всякое соглашение есть договор (“трети”), хотя всякий договор заключает в себе соглашение, и он одобрил представленный ему “эгримент”, заметив в своей резолюции, что президент мог бы заключить такое соглашение в силу полномочий, которыми он облечен конституцией США. По видимому, тут имелись в виду полномочия главнокомандующего армией и флотом США, позволяющие устанавливать дислокацию войск и флота.

Получив это указание, Монро использовал его в том смысле, что не стал производить обмена ратификационными грамотами, а просто опубликовал соглашение и уведомил британского посла, что соглашение считается вошедшим в силу с даты его подписания. Этим был создан крупный прецедент, который дал путь к развитию многочисленных президентских “исполнительных соглашений”. Такие соглашения заключались неоднократно президентом, как руководителем внешней политики США, для улаживания споров с иностранными правительствами из-за жалоб иностранных или американских граждан на действия тех или иных властей. (Техасский прецедент 1838 г.). В этом порядке был заключен и проведен ряд соглашений о третейских разбирательствах

с южноамериканскими республиками, например с Гаити, Бразилией, Перу, Венесуэлой, Сальвадором. В этой же группе можно отметить соглашение с Испанией 11 и 12 февраля 1871 г., заключенное путем обмена нотами, на основании которого была организована международная арбитражная комиссия, разобравшая 140 жалоб граждан США на действия испанских властей на острове Куба и присудившая Испании к уплате крупной тогда суммы в 1 293 450 долларов, и соглашение с Россией об арбитраже по делам о захвате русскими крейсерами у Берингова моря американских китиковых шхун, заключенное также в порядке обмена нотами 26 августа и 8 сентября 1900 г. и приведшее впоследствии к подписанию так называемой китиковой конвенции.

Кроме обмена нотами применялось заключение протоколов и даже просто соглашений, подписываемых обеими сторонами. В ряде случаев такие ноты, протоколы и соглашения, получившие название, затрагивали чрезвычайно серьезные политические вопросы.

Так, в 1899 г., был заключен *modus vivendi* с Англией (Канадой) по вопросу о границах Аляски около канала Линна, в 1888 г. по вопросам о Нью-Фаундленских рыболовных промыслах, в 1891 г. об охоте на китиков в Беринговом море.

Крупное значение имел протокол 9 декабря 1850 г. и последовавший обмен нотами 17 января и 10 февраля 1851 г., которыми Канада уступила США участок земли на своем берегу р. Ниагары у Подковообразной скалы близ знаменитого водопада для постройки электрической станции. Вопрос был разрешен без участия Сената, и конгресс лишь косвенно выразил свое одобрение этого важнейшего соглашения, ассигновав деньги на оплату территории и постройку станции. 6 июня 1882 г. и 4 июня 1896 г. были заключены соглашения с Мексикой, известные под именем соглашений Ромеро⁶, разрешавшие войскам Соединенных Штатов Америки и Мексики пересекать границы между этими государствами при преследовании разбойничьих банд индейцев. 10 августа 1899 г. генерал Бетс заключил с султаном Сулу на Филиппинах соглашение о признании султаном суверенитета США, о дружбе и торговле и о ликвидации рабовладения. Президент Мак-Кинли утвердил соглашение и довел его до сведения сената, но без оформления ратификацией.

Наконец, очень крупным примером международного президентского соглашения явился протокол перемирия с Испанией, заключенный в Вашингтоне, 12 августа 1898 г. и представлявший, строго говоря, предварительный мир и для Вест-Индийских островов. Испания обещала впоследствии формально уступить эти острова Соединенным Штатам.

Меры такого порядка явно выходили за пределы просто исполнительного соглашения. Они не вызывали, однако, сомнений в своей действительности, и конгресс США по инициативе нижней палаты даже поощрял расширение международных договорных прав президента отдельными законодательными актами.

Так, 3 марта 1875 г. актом об отводе земель индейцам было допущено, что в дальнейшем президент будет иметь право в случае нужды заключать соглашения с индейскими племенами, но договоры с ними больше заключаться не будут.⁷

Существенным для отношений с иностранными державами было систематическое расширение прав президента в сфере таможенных и торговых соглашений.

Уже актом 3 марта 1815 г. и последующими актами 7 января и 24 мая 1828 г. президенту были предоставлены известные права в применении реторсий в случае попыток иностранных государств дискриминировать торговлю Соединенных Штатов и отмене реторсий в случае отказа от таких попыток.

Президент использовал эти права для заключения соглашений с Кубой, Порто-Рико, Испанией и т. д. Тарифный закон Мак-Кинли 1 октября 1890 г., расширив указанные полномочия президента (ст. 3), привел к заключению ряда торговых соглашений с Бразилией, Испанией, Доминикой, Гватемалой, Германией, Англией, Никарагуа, Австро-Венгрией, Сальвадором.

Новый тарифный закон 27 августа 1894 г. (ст. 71) и закон Дингли 24 июля 1897 г. (ст. 3), отменив перечисленные соглашения, вместе с тем прямо предоставил и президенту право заключения "торговых соглашений" относительно ввоза товаров, указанных в специальных списках.

Последовало заключение новых торговых соглашений с Италией, Германией, Францией, Португалией, Швейцарией, Испанией (1909 г.), Болгарией (1906), Голландией и Англией (1907).

Торговые законы Фордни-Мак Кембер 21 сентября 1922 г. и Хэнли-Смут 17 июня 1930 г. предоставили президенту, в сущности, законодательные полномочия менять тарифные ставки по совету тарифного комитета (принцип гибкого тарифа). Эти полномочия были использованы для заключения новых соглашений.

Последний крупный шаг в этом направлении был сделан законом США 12 июня 1934 г. Его четыре статьи предоставляют президенту право заключения торговых соглашений с иностранными правительствами и в соответствии с этими соглашениями изменять таможенные тарифы.

Последовал новый поток соглашений, в том числе ежегодно возобновлявшееся торговое соглашение 13 июля 1935 г. с Союзом Советских Социалистических Республик. Во время последней войны к ним прибавились соглашения, заключенные под действием "Ленд-лиз-акта" (о военных поставках).

Об объеме и значении деятельности американской исполнительной власти в сфере "эгримента" можно судить по перечню торговых соглашений, данному Френссом Сейром в "Юридическом обозрении" Колумбийского Университета (т. 39, № 5, с. 770 — 775); с 1826 по 1939 г. таких соглашений было заключено 82, из них 14 приходится на последние пять лет.⁸

Но кроме торговых имелись и важнейшие политические соглашения, как соглашение Рузвельта-Литвинова 3 ноября 1933 г. о признании США Советского Союза или "Джентльменское соглашение" Рузвельта-Черчилля 14 августа 1941 г., известное под именем Атлантической хартии, одобренное СССР 29 сентября 1941 г. и легшее в основу Вашингтонской декларации Объединенных наций.

2 сентября 1940 г. было заключено очень важное соглашение Англии и США об уступке 50 старых американских эсминцев за право аренды 8-ми баз на Антильских островах, соглашение, передавшее США “ключи к Караибскому морю”.

Подобная практика расширения полномочий исполнительной власти (еще более увеличенная специальными актами об авторском праве, в силу и во исполнение которых президент США заключил соглашения с Швейцарией, Бельгией, Францией, Англией, Данией, Португалией, Испанией, Мексикой и рядом других стран), естественно, не раз вызвала сомнения, споры и протесты.⁹

Протесты по американской традиции воплощались в форму отвода по неконституционности, заявлявшегося в порядке судебных процессов, связанных с выполнением той или иной меры, вытекавшей из президентских соглашений. В делах Кларка против Фильда (1892 г.) Альтмана (1922 г.) и Хамптона (1928 г.) против США, Монако против экспертной компании Кертио-Райт (1936 г.), США против Бельмонта (1937 г.). Верховный суд США признавал действия конгресса и правительства конституционными: суд твердо установил (дело Бельмонта), что соглашение, связанное с дипломатическими переговорами и вылившееся в международную договоренность между двумя правительствами, “не должно требовать совета и согласия Сената, как это необходимо в отношении договоров в том смысле, в каком термин употребляется в статье Конституции о заключении договоров (ст. 2, п. 2)”.

К указанному принципиальному важнейшему решению в 1942 г. присоединился казус США против Пинк, как и дело Бельмонта, связанные с соглашением Рузвельта-Литвинова 1933 г.¹⁰

В первых из указанных дел (Фильда и др.) вопрос шел, во-первых, о конституционности полномочий президента на изменение таможенных тарифов, т. е. в сущности, о конституционности передачи президенту законодательной власти в известном объеме, и тем самым, во-вторых, о конституционности соглашений, явившихся следствием этой “делегации”.

Верховный суд признал, что в определенных международных условиях и в определенном объеме полномочия президента на изменение законов и заключение соглашений не противоречат конституции. Президент остается лишь исполнителем воли конгресса по приспособлению закона к этим условиям; его соглашения суть исполнительные соглашения.

В деле США против компании Кертис-Райт вопрос шел о конституционности мер, принятых президентом на основании соединенных резолюции конгресса, уполномочившей президента запрещать торговлю оружием и боевыми припасами со странами, участвовавшими в военном конфликте из-за области Чако (разумелась Боливийско-Парагвайская война 1934 г.).

Компания Кертис-Райт утверждала, что прокламация президента, запрещавшая продажу оружия, равно как и упомянутая резолюция конгресса, не находят обоснования в конституции.

Смысл решения суда сводился к тому, что права президента заключать международные соглашения и вести дипломатические отношения

определяют расширенную делегацию законодательной власти в пользу президента в данном вопросе. Даже иностранный закон может быть "сделан оперативным" в США путем соглашения.¹¹

Именно вопрос о действительности иностранного закона в США вставал в делах Бельмонта и Пинка. В том и другом деле речь шла о денежных капиталах предприятий, подлежащих национализации согласно советским декретам 1918 г. В деле Бельмонта капиталы были депонированы у нью-йорского банкира Бельмонта и по соглашению Рузвельта-Литвинова переданы в США в числе других претензий советского правительства к гражданам США.

Сущность дела Пинка заключалась в следующем. Российская страховая компания учредила филиал в Нью-Йорке в 1907 г. по нью-йоркским законам.

Национализация имущества этой компании в РСФСР в 1918 г. не распространилась де-факто на филиал в силу противодействия американских властей, не признававших советского правительства. Но отсутствие юридического лица собственника побудило американские власти в 1925 г. назначить администратора Пинка для ликвидации дел филиала.

По уплате долгов американским гражданам осталась сумма свыше 1 миллиона долларов. Нью-йоркский апелляционный суд по иску некоего Бега постановил обратить эту сумму на удовлетворение некоторых иностранных кредиторов с передачей остатка бывшим директорам компании. Однако казна США заявила претензию на деньги в силу соглашения Рузвельта-Литвинова и получила поддержку Верховного суда США.

Ни в деле Бельмонта ни в деле Пинка нельзя было сослаться на какое-либо полномочие со стороны конгресса на заключение соглашения Рузвельта-Литвинова. Суд, однако не усомнился в конституционности действий президента, считая, что заключение международных соглашений вытекает из общих дипломатических полномочий президента как главы исполнительной власти США.

Следует заметить, что в деле Пинка суд допустил, как добавочное основание "молчаливое согласие" конгресса на соглашение президента выразившееся в распоряжении суммами, получаемыми казной США в силу соглашения 1933 г. Таким образом решения Верховного суда США различают, по-видимому: а) чисто исполнительные соглашения на основании прямо переданных конгрессом полномочий и б) соглашения "авторизованные молчаливым согласием" или резолюцией конгресса. Те и другие, по мнению суда, конституции США не противоречат. Выше сделана попытка показать, что те и другие являются средством заполнения пробела второго отдела ст. 2 конституции США.

В делах Бельмонта и Пинка ответчики ставили вопрос о противоречии публичному порядку штата Нью-Йорк советских декретов о национализации, последствия которых были признаны на территории США соглашением Рузвельта-Литвинова.

Тем самым ставился более общий вопрос о возможности противоречия президентских соглашений законам и конституциям отдельных штатов. Как известно, этот вопрос в отношении договоров был разрешен утвердительно ст. 6 конституции США. Конституция США, их законы,

установленные в согласии с конституцией, и все договоры, заключенные и которые будут заключены США, будут верховным правом страны, хотя бы в конституциях и законах отдельных штатов встречались постановления, им противоречащие. На основании этой нормы Верховный суд США признавал недействительными законы отдельных штатов, ограничивающие права наследования или право приобретения собственности, или права осуществления профессий для иностранцев, в отношении которых такие права были гарантированы договорами США.¹²

Более того, Верховный суд, считая, что все договоры являются верховным правом США, признал, что закон Конгресса об охране перелетных птиц от истребления, хотя он и выходит за пределы законодательной компетенции конгресса согласно отделу 8 ст. 1 конституции, все же действителен, так как он является следствием соответствующей международной конвенции, ратификованной сенатом и президентом США. Такие международно обусловленные законы не могут лишь давать иностранцам больших прав, чем права граждан США.¹³

Тем самым открыта возможность путем заключения договоров расширять законодательную компетенцию федеральной власти.

Поскольку соглашения президента формально не являются договорами в смысле ст. 2 конституции, возникает вопрос являются ли они в глазах суда США верховным правом США и, следовательно могут ли они устранять законы отдельных штатов и открывать путь к расширению федеральной компетенции за счет штатов?

Насколько мне известно, суд ни разу прямо не высказался за или против. Строго говоря, следует ожидать отрицательного ответа. Однако мы видели, что в делах Бельмонта и Пинка было, по существу, допущено распространение соглашением действия иностранного закона на территорию США, хотя суд в тексте решения старательно избегает сказать это прямо. Тем самым, несомненно, допущена возможность расширения компетенции центрального правительства США за счет штатов путем не только договоров, но и президентских соглашений.

Новейшим американский комментатор прямо признает, что президент и конгресс путем соглашений с иностранными государствами, хотя бы эти соглашения были малы и незначительны, могут "подорывать" права штатов, так же, как это возможно путем договоров, проходящих сенатскую ратификацию.¹⁴

Формальный договор и президентское соглашение здесь, несомненно, начинают сближаться. Большое политическое такое сближение подчеркивается ростом количества президентских соглашений. По подсчету отдела договоров государственного департамента США, на 18 декабря 1937 г. было заключено 914 президентских соглашений, из которых свыше 100 не опубликованы. Эти соглашения распределяются следующим образом:

Почтовые соглашения и конвенции	319
Торговые	100
Арбитражные	99
Паспортные (о визах и сборах)	54

Морские (навигация и посещение морскими судами США иностранных портов)	50
По долгам и мораториям	28
По воздушному транспорту	27
По информации о торговле наркотиками	22
О промышленной собственности	17
О двойном обложении	14
О радиосвязи	12
Пограничные	8
Политические (о перемирии, территориальных приобретениях, валютной политике, членстве в Международной организации труда и т. д.)	164

Эта таблица наглядно показывает, что соглашения “исполнительного” типа (торговые, почтовые, о промышленной собственности) начинают количественно уступать соглашениям, молчаливо “авторизованным”, т. е., в сущности, основанным на истолковании конституционного пробела. Подведем итоги.

* * *

“Исполнительные соглашения” президента США представляют собою своеобразный институт частью конституционного, частью международного характера.

Разветвленная система международных соглашений создана в этом случае практикой, заполнившей конституционную “лакуну” (пробел), и лишь частично основана на специальных законодательных полномочиях. Это не мешает соглашениям сближаться в своем значении с формальными договорами, прошедшими через сенат, и нередко разрешать важнейшие политические вопросы.

Для правящей буржуазии США и ее руководящих партий политический смысл создания этой системы заключается в большой быстроте действия и гибкости данного орудия международных сношений. Поэтому можно ожидать дальнейшего роста этой системы, в особенности в сложной послевоенной международной обстановке.

С конституционноправовой точки зрения президентские соглашения одно из ярких проявлений роста президентской власти и федеральной компетенции, намечившегося в конституционном праве США, начиная с 70-х гг. прошлого века.

¹ См. особенно Мак-Клор Международные исполнительные соглашения, 1941 (на англ. яз.), Кэндалл, Договоры 1916 (на англ. яз) с. 102 — 140, Мур Дигесты, т. V, п. 752 — 756 и указанные у них статьи Из крупных курсов Хайд (1922) и Редлих (1937).

² См. В. Н. Дурденевский Послевоенные конституции Запада, 1924, 1, стр. 16.

³ Там же; с. 15, перевод в сб. “Конституции буржуазных стран” 1936, т. 1 неточен. Так, например, вместо “конфедерации” в нем фигурирует “конференции”.

⁴ О понятии пробела в праве см. Э. Цительман, Пробелы в праве, Лейпциг 1903 (на нем. яз.) с литературными указаниями.

⁵ По данным Госдепартамента США и американского проф. Дендерфильда, сенат США с 1789 г. по 1934 г. из представленных ему для одобрения 962 договоров отклонил или притормозил так или иначе 280; при этом 15 договоров были отклонены полностью и 173 приняты с изменениями, что повлекло в 48 случаях отказ контрагента.

⁶ По фамилии заключавшего их со стороны Мексики министра иностранных дел.

⁷ За первые полвека существования Соединенных Штатов Америки таких договоров было заключено 349 с получением так называемой сенатской ратификации.

⁸ Заметим в числе этих соглашений исторически интересное — протокол от 23 сентября 1915 г. с Россией о разрешении вывоза из России в США товаров, ранее подпадавших под военное эмбарго.

⁹ См. Шульц, Дигесты международного права, т. V, с. 215

¹⁰ Таможенный и патентный суд США в делах Флетчера (1937 г.) и Уислера (1938 г.) признал себя некомпетентным обсуждать вопрос о конституционности торговых соглашений президента. Я не останавливаюсь поэтому на его практике.

¹¹ См. выдержки из решения в “Колумбийском юридическом обозрении” 1942, май, т. 42, № 5, с. 837 и 841.

¹² Дело Хаунштен против Лингама (1879 г. наследование), Асакура против Ситл (1924 г., профессия), Джордон против Таширо (1928 г., приобретение собственности). См. Чарльз Герстенберг, Американское конституционное право, 1937, с. 48 (на англ. яз.).

¹³ См. дела Миссури против Голланда (1920 г.), Тодок против банка США (1930 г.), там же

¹⁴ См. “Колумбийское юридическое обозрение”, 1942, № 5 с. 842.

Статья поступила в редакцию от профессора Лазарева М.И. в июне 1999 г.

НОВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАТО, ВОЕННАЯ АКЦИЯ АЛЬЯНСА ПРОТИВ СРЮ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК (Дискуссия на кафедре международного права МГИМО (У) МИД РФ)

Профессор В.А. Романов

Свое пятидесятилетие Североатлантический альянс отметил под несколько помпезным девизом: “НАТО XXI века берет начало сегодня: новые миссии, новые члены и новые партнеры.” Здесь не упоминается новая Стратегическая концепция, принятая на юбилейном саммите альянса в апреле 1999 г. Это однако не означает, что концепция не заслуживает самого пристального внимания, и прежде всего, с точки зрения ее соотношения с существующими в мире реальностями, включая сложившийся международный правопорядок.

Для Стратегической концепции НАТО характерно то, что выдвигая далеко идущие военно-политические установки для деятельности союза в предстоящие годы, она пытается сконструировать для них и некие особые международно-правовые, а то и квази-международно-правовые параметры.

В Концепции это достигается тем, что ее установки затрагивают не только договор 1949 г., на котором основывается функционирование альянса — Североатлантический пакт 1949 г., ныне все чаще называемый Вашингтонским договором, — и де-факто вносят в него немалые коррективы, а главное, во многом посягают на сложившийся на протяжении более чем столетия международный правопорядок и его договорную основу, воплощенную прежде всего в Уставе ООН.

На содержании Концепции в немалой степени сказалось то обстоятельство, что ее разработка совпала с подготовкой в кругах НАТО военной акции против СРЮ, а окончательную доводку концепция проходила в условиях, когда эта акция началась и приобрела достаточно масштабный характер. Многие положения Концепции предстают поэтому как попытка обоснования предпринятых НАТО военных мер на Балканах, и возведения возможности такого рода действий в правило, в некую новую модель дальнейшей политики и практики альянса, а в целом — как далеко идущие притязания на якобы особые роль и место НАТО в системе современного международного правопорядка. На содержании Концепции не могли, конечно, не сказаться и разногласия между членами НАТО, главным образом США и Англией, с одной стороны, и другими ведущими европейскими членами союза, в том числе и по международно-правовым параметрам, как это показал проводившийся под эгидой американской ассоциации ООН и Фонда Карнеги, Круглый стол (анализ разногласий по этим параметрам дан в разработке “NATO, the UN, and the Use of Force”, by Ivo H. Daalder, Brookings Institution).

1. Безосновательные претензии с опорой на силу.

Рассматривая международно-правовую сторону дела, следует прежде всего отметить, что само по себе наличие в рамках международного правопорядка договора между группой государств о коллективной обороне, каким с момента своего заключения преподносит себя пакт НАТО, не является чем-то таким, что могло бы оправдывать такого рода притязания. В мире имеются и другие договоры военно-политического характера, объединяющие узкие группы государств и содержащие сопоставимые обязательства, в сфере безопасности. Достаточно сослаться на существующий в Европе с 1948 г. (частично изменен в 1954 г.) Брюссельский договор, предусматривающий, наряду с экономическим и культурным сотрудничеством, коллективную оборону в случае вооруженного нападения на его участников и являющийся правовой основой ЗЕС, с окончанием “холодной войны” и затуханием конфронтации Восток-Запад этот союз встал на путь реалистического переосмысления своего места в преодолеляющей раскол Европе.

Иное дело НАТО. После прекращения существования ее военно-политического антагониста — Варшавского договора, а затем и с распадом СССР, казалось, должны были отпасть мотивы для военного активизма Североатлантического альянса, и на римском саммите НАТО в 1991 г. были предпринят ряд мер, в итоге которых и ныне альянс подтверждает в Концепции, что “не считает себя противником какой бы то ни было страны”. Элементарный здравый смысл и логика требовали бы завершить это положение признанием того, что тем самым исчерпывается и военная заостренность механизма НАТО. Однако Концепция показывает, что военной машине альянса уготовано еще более претенциозное, да и опасное, чем ранее, предназначение. Родается новая Европа, и при этом разворачивается евроатлантическая структура безопасности, “основу которой составляет НАТО”, — возвещается в Концепции. Тем самым НАТО, состоящая из 19 государств, претендует на то, чтобы быть основой безопасности на континенте, где уже функционирует Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, охватывающая 50 с лишним стран. Невольно создается представление, что лишившись военного противника в регионе, НАТО видит в ОБСЕ своего политического если не антипода, то соперника, стремится отодвинуть эту общеевропейскую структуру на задний план, расширяя при этом возможности для своего военного активизма.

2. Нарушения принципа неприменения силы и попытки деформирования института самообороны через самоприсвоение права действовать вне рамок статьи 5 договора НАТО.

Подобное, своего рода двойное, посягательство — на общий международный правопорядок и на основы общеевропейской безопасности — в Стратегической концепции НАТО осуществляется прежде всего в вопросе об использовании вооруженной силы для действий против других государств.

На рубеже тысячелетий, после пройденного человечеством опыта войн и конфликтов, казалось бы излишним напоминать, что применение силы, и прежде всего вооруженной, одним государством или группой государств против другого — запрещено, если речь не идет о мерах законной самообороны в ответ на вооруженное нападение или об участии в санкциях по решению Совета Безопасности ООН. Именно эти положения выражены в статьях 2 (п. 4), 39, 42 и 51 Устава ООН и в формуле принципа неприменения силы, содержащейся в Хельсинкском заключительном акте, да и в самом Вашингтонском договоре.

О том, что запрет на применение силы носит характер императивной нормы международного права, т.е. правила, которое признается международным сообществом в целом как норма, отклонение от которой недопустимо. Соединенным Штатам, лидирующим в военной акции против Югославии, известно как никому другому. На императивный характер такого запрета указал Международный суд ООН в своем решении, вынесенном против США в 1986 г. по жалобе Никарагуа по поводу американских военных происков против этого государства.

Нарушение этой императивной нормы квалифицируется в международном праве как акт агрессии — и не только согласно Определению агрессии, принятому ООН в 1974 г., где в числе актов агрессии указывается “бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства”. Уместно напомнить, что сами США еще в 1945 г. при разработке Устава Международного Нюрнбергского военного трибунала предусмотрели в перечне действий, составляющих “преступление агрессии”, такой акт как “нападение наземных, военноморских и военно-воздушных сил, хотя бы и без объявления войны, на территорию, суда или самолеты другого государства”.

Стратегическая концепция трактует полномочия НАТО и участвующих в альянсе стран на применение вооруженной силы против других государств, как если бы все эти постулаты международного и общеевропейского правопорядка были в состоянии отмирания либо накануне упразднения.

Упомянув о том, что действия альянса в случае вооруженного нападения предусматриваются статьями 5 и 6 Вашингтонского договора, Концепция заявляет, что отныне альянс привержен некоему широкому подходу к проблеме безопасности, одним из проявлений чего является “эффективное реагирование на кризисные ситуации”, “в том числе путем осуществления операций, не предусмотренных статьей 5”, иначе говоря, военных мер, не имеющих чего-либо общего с самообороной или санкциями по Уставу ООН.

На проведении таких операций в Концепции делается едва ли не больший акцент, чем непосредственно на обороне от реального нападения. Операции не предусмотренные статьей 5, “могут оказаться такими же насущно необходимыми, как решение некоторых задач в области коллективной обороны”, — подчеркивается в Концепции.

Чтобы максимально расширить возможность военных мер вне рамок этой статьи, их конкретные основания прописаны в Концепции настолько широко и неопределенно, что к числу рисков для безопасности и стабильности в Евроатлантическом регионе и вокруг него отнесены и региональные кризисы “на периферии альянса”, а равно “этническая и политическая вражда, территориальные споры, неадекватные или неудачные попытки реформ, нарушения прав

человека и распад государств". Попросту говоря, все аномальные явления, свойственные переходному — от биполярности к новой модели международных отношений — периоду трактуются в Концепции как факторы, могущие обуславливать военно-силовое реагирование со стороны НАТО.

А в изложении еще более конкретных по существу *casus belli* Концепция вообще утрачивает чувство меры: заявляется, что "интересам безопасности союза может угрожать более широкий" (чем вооруженное нападение) круг явлений, в том числе терроризм, саботаж и организованная преступность, а также перебои в поставке жизненно важных ресурсов" и даже "неконтролируемое перемещение огромных масс людей, особенно в результате вооруженных конфликтов".

Нельзя не заметить, что для россиян в ряде этих положений весьма узнаваемо, кто и что может стать объектом такого реагирования, да и вообще не так уж много найдется в мире государств, которые не сталкивались бы с подобного рода проблемами и тем самым не оказывались бы потенциальными жертвами вооруженных акций НАТО, проводимых вне рамок ст. 5 ее договора, а то и на еще более широком и менее определенном основании — в порядке "реагирования на кризисные ситуации".

Выражаемое этими понятиями нововведение в регламентацию применения вооруженной силы Концепция сопровождает оговоркой "в соответствии с международным правом", что является передержкой, ибо уже более полувека в международном праве, — как уже указывалось, осуждается и отвергается возможность применения вооруженной силы против государства по такого рода основаниям, не имеющим ничего общего с самообороной или санкциями. Как видно из Декларации принципов международного права, принятой ООН в 1970 г., за исключением этих случаев угроза силой или ее применения "является нарушением международного права и Устава ООН"; "они никогда не должны применяться в качестве средства урегулирования международных вопросов".

Но не только в этом дело. Стратегическая концепция НАТО, как видно, прямо деформирует само право государства на индивидуальную или коллективную самооборону, которая Уставом ООН допускается лишь в случае, "если произойдет вооруженное нападение на члена Организации", и меры осуществления которой "нашим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности". За расширенную интерпретацию права на индивидуальную и коллективную самооборону еще в ноябре 1998 г. высказалась Североатлантическая Ассамблея, по мнению которой, это право должно "включать защиту общих интересов и ценностей, в том числе в случае, когда последним угрожают гуманитарные катастрофы, преступления против человечности и военные преступления". Не просто отвергая эту трактовку, но и активно возмущаясь ею, проф. Б. Симма, член Комиссии международного права ООН, член консультативного совета по международному праву и делам ООН при МИД Германии, по поводу подобного расширения сферы применения права на самооборону высказался в том плане, что оно "нетерпимо и, конечно, абсурдно с точки зрения правовой и не заслуживают дальнейшего комментирования". ("NATO, the UN, and the Use of Force: Legal Aspects").

К этому едва ли можно что добавить.

3. "Гуманитарная интервенция" в исполнении военной машины НАТО.

В качестве основания для применения вооруженной силы против третьих государств Стратегическая концепция НАТО поименно не ссылается на допустимость т.н. гуманитарной интервенции, как она признается среди некоторых специалистов международного права на Западе. Однако в ходе разработки Концепции и особенно в связи с ситуацией в Косово немалый акцент делается на том, что грубые и массовые нарушения прав человека и вообще надвигающаяся в этом крае гуманитарная катастрофа являются чуть ли не императивным

основанием для военного вмешательства НАТО, т.е. все той же “гуманитарной интервенции”. Да и ряд цитированных выше положений Концепции по существу выражает притязания НАТО на право осуществлять такую интервенцию. Но притязания эти не имеют международно-правовых оснований.

Посяательства на права человека и принципы гуманности подлежат квалификации как нарушения соответствующих норм международного права и конкретных международных соглашений. Реакция со стороны третьих государств или их организаций не может выходить за пределы того, что называют репрессалиями. Но “государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы” — подчеркивается в Декларации о принципах международного права. Другая стороны дела состоит в том, что “гуманитарная интервенция” вообще не известна как институт позитивного международного права.

Со времени Французской революции 1789 г. и известного послания Президента США Монро 1823 г. относительно невмешательства оно явилось предметом регулирования во многих международных актах, но ни в одном из них не предусматривалось допустимость “гуманитарной интервенции”. Устав ООН, закрепляя принцип невмешательства в дела “по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства”, делает из этого принципа только одно исключение: в случае “применения принудительных мер на основании главы VII”, т.е. по решению Совета Безопасности ООН, а не по собственному усмотрению какого-либо государства, либо их альянса. Концепция “гуманитарной интервенции” не выдерживает проверки на обоснованность. Это констатировал, в частности МИД Великобритании, который в 1986 г. высказался в том плане, что подавляющее большинство современных правовых авторитетов “выступают против существования права на гуманитарную интервенцию” по трем главным основаниям: во-первых, не представляется, что Устав ООН и в целом современное международное право предусматривают такое право; во-вторых, практика государств за последние два века и особенно с 1945 г. в лучшем случае знает лишь небольшое число случаев действительно гуманитарной интервенции, а по мнению многих — вообще ни одного; и наконец, масштабы злоупотребления таким правом в сильной мере свидетельствуют против его создания. “Гуманитарные интервенции”, “военный гуманитаризм”, как это иногда называют на Западе, включающий угрозу или применение силы без полномочий от Совета Безопасности “будет в принципе оставаться нарушением международного права”.

Характерны также соображения, высказывавшиеся в германском бундестаге в октябре 1998 г., когда речь шла лишь об угрозах НАТО в адрес СРЮ. Признавая юридическую уязвимость своей позиции, Правительство ФРГ тем не менее утверждало, что ситуация в Косово настолько отчаянна, что оправдывает эти угрозы, даже без мандата со стороны ООН, “в состоянии гуманитарной необходимости, не оставляющей выбора средств”. При этом подчеркивалось, что германское согласие с правовой позицией, занятой альянсом в специфическом случае с Косово, не должно рассматриваться как “зеленый свет” для подобных интервенций вообще. По словам тогдашнего министра иностранных дел ФРГ Кинкеля, “решение НАТО не должно стать прецедентом”; в том, что касается монополии Совета Безопасности на применение силы “мы должны избежать того, чтобы оказаться на скользком склоне”.

Таким образом, “гуманитарную интервенцию” с применением военной силы невозможно квалифицировать иначе как вооруженной агрессией. В международном праве, международной практике еще с 30-х годов нынешнего столетия сложился постулат, в силу которого, как подчеркивается в принятом ООН определении агрессии, “никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии”.

“Агрессия влечет за собой международную ответственность...” Она является международным преступлением. Интервенция, вмешательство во внутренние или внешние дела государств рассматривается в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленном по линии ООН, как одно из таких преступлений.

Международная норма непререкаема: “никакие соображения...”, а значит и “гуманитарность” интервенции не может служить ее оправданием. Гуманитарные акции вообще не могут осуществляться антигуманными методами — бомбежками, обстрелами и т.п. методами, применяемыми НАТО против СРЮ.

4. Ставка на расширение пространственной сферы действия альянса.

В процессе разработки Стратегической концепции немалое место занял вопрос о расширении пространственной сферы действия НАТО, каковой согласно Вашингтонского договора является североатлантический регион к северу от тропика Рака.

Напрямую, *expressis verbis*, концепция говорит о такого рода расширении весьма сдержанно. Однако из ряда ее положений прямо вытекает распространение сферы действия альянса за пределы обозначенного в договоре региона. Со ссылкой на то, что в договоре предусмотрено отражение нападения на территорию государств-участников “откуда бы оно ни исходило”, в Концепции утверждается, что “соображения безопасности альянса требуют рассмотрения этого вопроса во всемирном масштабе”. В этой связи Концепция предусматривает, что вооруженные силы альянса будут выполнять его обязательства по коллективной обороне “и проведению операций в кризисных ситуациях”, возникающих иногда “вдали от районов их обычного расположения, в том числе за пределами территорий стран НАТО”.

Присваивание со стороны НАТО функций борьбы с распространением ядерного, химического и бактериологического оружия особенно выпукло отражает намерение альянса проводить свои действия и в других регионах.

Известно, что хотя проблема нераспространения этих видов оружия по существу носит глобальный характер, она едва ли остро стоит в Европе и тем более в Североатлантическом регионе, где, кроме признанных ядерных держав — России, Англии и Франции, нет других государств, имеющих программы создания ядерного оружия. Следовательно, закрепляемая в Концепции функция НАТО противодействовать распространению ОМУ (оружия массового уничтожения) означает, что альянс имеет в виду распространять свои прерогативы, в том числе в отношении военного противодействия, на другие районы, и это конечно, учитывая складывающиеся реальности, прежде всего Азии.

При всем этом по вопросу о “географической досягаемости” НАТО, его “радиусе действия”, как, впрочем, и по другим подобного рода новациям в сфере военно-политической деятельности НАТО, за положениями Концепции скрываются прежде всего американские замыслы.

С точки зрения США, фундаментальная цель НАТО после “холодной войны” должна сместиться “с защиты общей территории к защите общих интересов членов альянса”. Это означает его трансформацию не в некую “глобальную НАТО”, а в “НАТО, которая глобально активна”. Вопрос не в том, должен ли альянс “играть роль за пределами Европы, а в том, как далеко за пределы союзной территории его (альянса) роль должна простираться”, пишет А. Даалдер в своей упоминавшейся выше разработке. Союзники уже согласились, что на Балканы прерогативы альянса должны распространяться. Не без юмора С.Тэлботт в одном из недавних выступлений однако заметил, что в НАТО никто не предлагает размещать силы НАТО, например, на островах Спратли.

Говоря о *deeping of NATO*, он вместе с тем отрицал, что расширение пространственной сферы действия альянса, как и наделение его прерогативой применять вооруженную силу вне рамок ст. 5 Вашингтонского договора, требует

его пересмотра. По его словам, создатели этого договора “были достаточно осмотрительны, чтобы не налагать произвольных функциональных или географических ограничений на то, что альянс мог бы делать для защиты своей безопасности”. Мы нуждаемся в силах, доктринах и коммуникационных средствах, позволяющих нам, когда необходимо, ответить на вызовы этнической борьбы и региональных конфликтов, продолжал Тэлбот, — “которые затрагивают нашу безопасность, но находятся за пределами территории НАТО”.

Весьма показательно, что анализу тех положений проекта стратегической концепции, которые посвящены расширению радиуса действия НАТО, Б. Симма предпослал заголовок “Вне района или вне договора?”, в котором в частности упомянул мнение одного из членов Конституционного суда ФРГ о Вашингтонском договоре, как о “договоре на колесах”.

Однако такого рода подвижность этого договора, вернее границ его действия означает не что иное как некую попытку эвентуально распространить его действия на третьи, не участвующие в нем государства, создавая положение, в котором для них возникали бы некие обязательства по отношению к НАТО. В известной Венской конвенции о праве договоров 1969 г. на этот счет предусматривается ряд критериев, которые игнорируются в Концепции: требуется, чтобы обязательство для третьего, т.е. не участвующего, государства возникло “из положения договора”, и чтобы “именно это положение” участники договора имели “намерение сделать” “средством создания обязательства”. Никаких положений такого рода в договоре НАТО нет, и ни одно из положений Стратегической концепции — недоговорного документа не может явиться их заменителем. А главное состоит в том, что согласно Венской конвенции обязательство для государства из договора, в котором оно не участвует, возникает лишь в том случае, если оно “определенно принимает на себя это обязательство в письменной форме”. Не приходится и говорить, что ни от одного из государств, которые может иметь в виду НАТО, подобного рода принятия натовских “благодетений”, тем более в письменной форме, не последовало, не говоря уже о том, что сами члены НАТО отнюдь не едины в том, что касается расширения географической сферы альянса. Не случайно накануне саммита Даалдер писал, что союзникам “следует общим образом ограничить географическую сферу досягаемости НАТО, в том числе в отношении угрозы и применения силы, Евроатлантическим регионом. В то же время им не следует делать ничего, что отнимало бы у тех союзников, которые этого желают, возможность действовать за пределами этого региона, если и когда они считают это необходимым. По его мнению, одна из уникальных сильных сторон альянса состоит в том, что он обеспечивает солидную основу для военных акций некоторых или всех союзников” в защиту их территории, ценностей и интересов, где бы проведение такого рода акций они не сочли бы уместными”.

Именно такой подход и санкционирует стратегическая концепция НАТО, не считаясь не только с постулатами международного права, но и с положениями Вашингтонского договора.

5. НАТО и Совет Безопасности ООН.

В Стратегической концепции встречаются скупые ссылки на ООН и ее роль, в том числе в европейских делах, упоминается о некоторых нормах ее Устава и констатируется, что “Совет Безопасности ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, занимая таким образом ключевую позицию в Евроатлантическом регионе”.

Эта декларируемая, и при том чисто формально, полуприверженность отдельным положениям Устава ООН — обращает на себя внимание, что не говорится о приверженности целям и принципам ООН — перекрывается нагнетаемыми в Концепции притязаниями НАТО на некое верховенство в международных делах и на фактическое оттеснение Совета Безопасности и ООН в целом, всей

нормативной системы в сфере поддержания мира и безопасности, воплощенной в Уставе, на задний план. Даже уставное положение о главной ответственности Совета Безопасности воспроизведено в Концепции таким образом, что оно оказалось вырванным из контекста других положений Устава о роли и месте Совета, в том числе норм, касающихся его прерогатив, имеющих прямое отношение к деятельности таких организаций, как НАТО.

Весьма характерно, что в Концепции, как это имело место и ранее, не признается, что НАТО является региональной организацией. НАТО явно не желает сообразоваться с теми нормативами, которые заложены в Уставе применительно к региональным организациям и их военно-силовой деятельности. Главные из этих нормативов состоят в том, что Совет Безопасности использует, где это уместно, региональные органы для принудительных действий "под его руководством"; что "никакие принудительные действия не предпринимаются" в силу региональных соглашений "без полномочий от Совета Безопасности" (ст. 53) и что Совет "должен быть всегда полностью информирован о действиях", как принятых, так и намечаемых в такого рода региональном порядке (ст. 54). Эти положения Устава обеспечивают возможность необходимого политико-правового контроля со стороны Совета Безопасности за военно-силовой деятельностью региональных организаций, что особенно существенно в постконфракционном мире, в котором, наряду с локальными и внутренними, на первый план все больше выдвигаются региональные конфликты.

Именно в стремлении уйти от такого контроля со стороны ООН, НАТО, как правило, отрешивается от амплуа региональной организации. Об этом, в частности сказано в письме Генеральному секретарю ООН предшественником Х.Соланы на посту Генерального секретаря НАТО В. Клаасом, и это подчеркивается в западной доктрине международного права даже теми юристами, которые не разделяют линию альянса на его особую роль и место в современном международном правопорядке: "НАТО не является региональной организацией в смысле главы VIII Устава ООН", поэтому ст. 53 этой главы "формально не применима в случае НАТО".

Мотивировка отторжения региональности НАТО нередко дается весьма откровенная: В Совете Безопасности правом "вето" пользуется, как и другие постоянные члены Россия, и применив его в отношении какого-либо принимаемого им решения, касающегося альянса, Россия тем самым косвенно наложила бы "вето" на предусматриваемую в решении акцию самой НАТО, что для ее членов принципиально неприемлемо.

По укоренившимся на Западе представлениям, НАТО является не региональной организацией, а организацией коллективной обороны, основывающейся на ст. 51 Устава ООН. Но юридической необоснованности притязаний альянса это не устраивает: поскольку принятием Стратегической концепции НАТО закрепляет распространение сферы своего военного активизма за рамки статьи 51 своего договора, предусматривающей коллективную самооборону, на военные акции альянса вне рамок этой статьи не может не распространяться запрещение применения силы, предусмотренное другими нормами Устава, о которых говорилось выше, так как согласно статье 103 в случае, когда обязательства по международному договору оказываются в противоречии с обязательствами по Уставу, "преимущественную силу", как уже указывалось, имеют обязательства по Уставу.

Такова принципиально-правовая сторона дела. Но есть и практическая. За последние пять лет отношения НАТО и ООН эволюционировали не в пользу ООН.

На своем саммите в Брюсселе в 1994 г. альянс заявил о готовности сотрудничать с ООН в операциях по поддержанию мира "и других операциях под руководством Совета Безопасности ООН", что отвечало требованиям ст. 53 Устава.

Позднее на одном из форумов, проходившем под эгидой НАТО, еще выражалось сомнение, что альянс пойдет на применение принудительных мер, по

крайней мере, за пределами района своего действия, “без полномочий от Совета Безопасности”. В течение менее, чем года сомнения рассеялись. Как обоснованно считает Б. Симма, действия НАТО сдвинулись от полного сотрудничества с ООН в области операций по поддержанию мира и в отношении применения принудительных мер в Боснии, к принудительным действиям “вместо ООН, еще разрешенным Советом Безопасности”, для имплементации Дейтонских соглашений, а теперь в контексте Косово — “к принудительным действиям вместо ООН без такого разрешения. При такой эволюции — взаимоотношениям НАТО и Совета Безопасности Организации Объединенных Наций угрожает “соскльзывание в ненужность”, а Совет Безопасности “рискует исчезнуть как серьезный орган безопасности”. Все, что он может предоставить, по мнению некоторых западных кругов — это легитимация, тогда как НАТО может обеспечить необходимое “многостороннее прикрытие”.

При всем этом практика недавних лет показывает, что в условиях доминирующего в политике НАТО стремления отмежеваться от амплуа региональной организации и от политико-правовых ограничений на ее военно-силовые акции, все же в ряде случаев альянс был вынужден идти на то, чтобы его в Совете Безопасности трактовали как региональную организацию. В частности, это имело место в резолюции Совета 1031 (1996 г.), касающейся Дейтонских соглашений по урегулированию в Боснии, да и в самом Соглашении о военных аспектах урегулирования. В этом соглашении НАТО прямо названа, региональной организацией, и именно в этом качестве была уполномочена Советом на обеспечение выполнения соглашения.

Таким образом, когда альянсу выгодно и угодно, он соглашается на амплуа региональной организации, когда нет — отрешивается от этого амплуа. Но такая двойственность является аномалией: или НАТО признает за собой качество региональной организации или альянс, не признавая этого качества, должен рассматриваться в международном правопорядке как аутсайдер, как некая правовая аномалия, паразитирующая на игнорировании международного правопорядка.

Уже цитировавшаяся выше статья 103 Устава ООН о преимущественной силе обязательств ее членов по Уставу, лишает правовой обоснованности как стремление НАТО не считать себя региональной организацией, так и попытки альянса возвести в принцип возможность прибегать к вооруженным акциям без мандата от Совета Безопасности ООН, как это просматривается в Стратегической концепции и в ее интерпретации, в особенности в кругах США и самого НАТО. В частности, С. Тэлботт, оговорившись, что НАТО и ее члены будут продолжать руководствоваться своими обязательствами по Уставу ООН и Хельсинкскому акту; подчеркнул в одном из своих выступлений, что не следует “подчинять НАТО какому-либо другому международному органу” и что альянс должен резервировать за собой “право и свободу действовать, когда ее члены консенсусом считают это необходимым”.

Сторонником такой свободы действий альянса является и Генеральный секретарь НАТО, утверждавший, что “НАТО должна иметь возможность, от случая к случаю, действовать, если необходимо, по собственному решению” и что вообще могут быть обстоятельства, в которых требуется действовать “из гуманитарных соображений, когда резолюция Совета Безопасности “не будет необходимой или даже уместной”.

В этой связи, давая оценку доводам Соланы, что НАТО — это все-таки серьезная организация, которая принимает решения путем консенсуса между серьезными странами с демократическими правительствами Б. Симма не без оснований заметил, что никакое единогласие государств-членов НАТО не может устранить границы, с которыми эти государства должны соотноситься в силу существующих в международном праве норм *jus cogens*, в особенности в отноше-

нии неприменения силы, как эти нормы выражены “в высшем праве Устава ООН”.

В порядке поиска выхода из ситуации весьма острой коллизии с Уставом ООН, в которую НАТО ставит себя своим игнорированием Совета Безопасности, в кругах западных международных выдвигается идея о том, что санкцию Совета Безопасности на осуществление военных мер против государства такие организации как НАТО должны иметь “как правило”. К сожалению, против искушения соблазниться этой идеей не устоял и Генеральный секретарь ООН К. Аннан. Когда на пресс-конференции в Брюсселе в январе с.г., после посещения им штаб-квартиры НАТО, его спросили о том, что потребуется для действий НАТО в СРЮ, он ответил: “Нормально требуется резолюция Совета Безопасности”, допуская тем самым возможность действий НАТО и без такой резолюции.

Объективно такие допущения исключения, как и утверждение о том, что военная акция против Югославии без санкции Совета Безопасности, не создает прецедента, служит выгораживанию НАТО. В сущности это работает в том же направлении, что и натовская теория самоуполномочивания (self-authorization) на военно-принудительные меры против других государств, которая является еще одним показателем того, что новая стратегическая концепция НАТО, помимо ущербности своих военно-политических установок, является еще и концепцией игнорирования целого ряда ключевых норм международного права, что, конечно, не предвещает для НАТО перспективного будущего.

Насколько юридически несостоятельным является подобное самоуполномочивание со стороны альянса, со всей очевидностью показывает его уже упоминавшееся притязание на противодействия по своей линии в т.ч. и вооруженной силой, без санкции Совета Безопасности, распространению ядерного и другого ОМУ. Хорошо известно, что основополагающие международные акты в этой области и прежде всего Договор о нераспространении ядерного оружия и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний предусматривают вовлеченность Совета Безопасности в такого рода противодействие — в оговоренных договорами обстоятельствах. Если теперь НАТО, исходя из Стратегической концепции, собирается бороться с распространением ОМУ по собственному усмотрению, вплоть до игнорирования зафиксированных в договорах функций Совета Безопасности, то это не может не означать, что Альянс не намерен останавливаться и перед нарушением названных важнейших договоров в части, касающейся предусмотренных в них прерогатив Совета Безопасности.

Поистине, в ряде положений своей новой стратегической концепции Альянс оказался на крутом склоне и начал скользить в состояние беззакония. И этому не помогут никакие попытки проводить близкое к расщеплению волоса различие между *legally* and *legitimely*.

Как считает ряд аналитиков на Западе, если альянс сделает нарушения Устава ООН “регулярной частью своей стратегической программы на будущее”, это окажет “деструктивное воздействие на всю универсальную систему коллективной безопасности, заложенную в Уставе ООН”. И далее: если договор НАТО и может иметь “прочный правовой стержень”, который даже самая инновационная интерпретация не сможет подвергнуть эрозии, то “это подчинение НАТО принципам Устава Организации Объединенных Наций”. Иного выбора у НАТО нет.

6. Югославский аспект посягательств НАТО на международный правопорядок.

Военная акция НАТО против Югославии, предпринятая за месяц до утверждения альянсом новой Стратегической концепции, с самого начала сопровождалась попытками придать ей видимость обоснованности с точки зрения и более специфических положений международного права.

В заявлении, сделанном в ночь на 23 марта с.г., руководство НАТО, сообщая об акции, признало: “Мы хотим тем самым поддержать международные усилия

по обеспечению согласия Югославии на промежуточное политическое урегулирование". Иначе говоря в качестве одного из мотивов военной акции было объявлено намерение вынудить Югославию дать согласие на подписание нужного НАТО имплементационного соглашения, говоря языком международного права, согласиться на заключение договора под военным давлением. Гитлер в Мюнхене в 1938 г. дальше угроз не зашел, хотя его войска концентрировались на границе с Чехословакией; НАТО свою угрозу реализовало.

Известен и получил должное отражение в международном праве эпизод мюнхенского диктата.

Разрабатывая в 1968—1969 гг. Венскую конвенцию о праве договоров, представительная Конференция ООН приняла специальную Декларацию, в которой говорится, что Конференция "торжественно осуждает обращение к угрозе или к применению всех форм какого бы то ни было давления, военного, политического или экономического, каким бы то ни было государством с целью принуждения другого государства совершить какой-либо акт, связанный с заключением договора на нарушение принципа суверенного равенства государств и свободы согласия".

В принятой на конференции Конвенции о праве договоров предусматривается, что недопустимо принуждать государство к заключению договора посредством угрозы силой или ее применения. "Договор является ничтожным, если его заключение вышло в результате угрозы силой или ее применения в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе ООН", подчеркивается в конвенции.

И если НАТО отказывается прекратить бомбардировки и в то же время настаивает, чтобы Югославия пошла на заключение удобного альянсу соглашения, то альянс совершает двойное нарушение международного права: а) игнорирует запрет на оказание военного давления с целью навязывания договора; б) пытается подменить договоренность об урегулировании конфликта заведомо недействительным, ничтожным с точки зрения международного права, соглашением.

Не в ладах НАТО с международным правом и тогда, когда пытается заострить против Югославии Конвенцию о предупреждении геноцида и наказании за него 1948 г.

В этой Конвенции ни слова не говорится о возможности применения военных мер для обеспечения ее соблюдения государствами либо для воздействия на те из них, которые нарушили бы ее положения.

Ее существо и смысл предусмотренных в ней мер таковы, что ответственность за ее нарушения осуществляются только в судебном порядке, через использование национальных и международных судебных процедур.

В свете этого предстают как более чем произвольные действия НАТО, по существу пытающейся усвоить роль некоего судьи над Югославией, взяв правосудие, так сказать, в свои руки, и одновременно с этим выступить в роли судебного исполнителя — с военным охухом. И в этом случае вновь игнорируется право — известный издавна принцип *Ex injuria jus non oritur* — из бесправия не возникает права.

Предъявляя Югославии обвинение в нарушении Конвенции о геноциде, а установив это может только суд — ведущим нагоям следовало бы сверить с конвенцией свое собственное поведение. Как известно, Конвенция о геноциде не только предусматривает ответственность индивидов за это преступление, но и говорит об ответственности государства за совершение геноцида. В статье IX Конвенции, где речь идет о разрешении Международным судом споров относительно конвенции, в числе вопросов, которые подлежат такого рода урегулированию судом, указаны толкование, применение или выполнение конвенции, причем специально оговаривается: "включая споры относительно ответственности того или другого государства за совершение геноцида".

Из этого положения с непреложностью следует, что, считая СРЮ ответст-

венной за несоблюдение Конвенции о геноциде, США располагают основанным на Конвенции способом разрешения создавшейся проблемы — возможностью обращения в Международный суд. Прибегнув вместо этого к военной акции, США и страны НАТО показали, что метод решения вопроса с использованием правового инструментария, тем более такого как Международный суд, они игнорируют. Но это лишь подчеркивает международную противозаконность предпринятой ими военной акции.

Возвращаясь к ссылкам США на эту конвенцию, приходится констатировать, что они проигнорировали еще одно ее положение. Согласно статье VIII каждое участвующее в Конвенции государство “может обратиться к соответствующему органу” ООН “с требованием принять в соответствии с положением Устава” “все необходимые, по его мнению, меры в целях предупреждения и пресечения актов геноцида”.

Таким образом, Конвенция о геноциде не оставляет сомнений в том, что для того, чтобы побуждать к ее соблюдению, допустимы и правомерны отнюдь не односторонние, тем более военные меры, а обращение к предусмотренным конвенцией международным механизмам.

В арсенале самооправданий альянса занимает место также его утверждение, что “НАТО не ведет войну против Югославии”.

Характер наносимых военных ударов по этой стране опровергает эти утверждения, как и рассуждения о том, что НАТО своей военной акцией якобы не преследует цели посягательства на территориальную неприкосновенность или политическую независимость Югославии.

Несостоятельны попытки представить дело так, что якобы нет поэтому и нарушения принципа неприменения силы, предусмотренного соответствующим положением Устава ООН. Как указывается в Докладе Генерального секретаря ООН по вопросу об определении агрессии, представленном в свое время ООН, “им (т.е. этим положением), запрещается не только война как таковая, но также и применение силы, хотя возможно утверждать, что применение силы не создает войны или желания прибегнуть к войне”.

В докладе поясняется, что имеющиеся в Уставе слова “как против неприкосновенности или политической независимости любого государства” были включены “в твердом намерении обеспечить соблюдение территориальной неприкосновенности и политической независимости государства, а не для того, чтобы в некоторых случаях можно было прибегать к угрозе силой или ее применению”.

Военная акция НАТО против СРЮ высвечивает в целом двойственное отношение НАТО к правовым основам современного мироустройства. С одной стороны, там, где это им выгодно, натовцы пытаются опереться хотя бы на какую-либо из этих основ. С другой, дело изображается таким образом, что многие международные принципы и нормы это не более, чем реликты якобы уходящего миропорядка, которые требуют некоего переосмысливания, переоценки, и заниматься этим надо не иначе как под свист натовских бомб и грохот взрывающихся ракет.

Нельзя, конечно, не отдавать отчет в том, что рассуждая, во многом на официальном уровне, о формировании новой международно-правовой доктрины и ставя под вопрос некоторые основополагающие принципы международного права, адвокаты натовской воинственности делают своей мишенью весь международный правопорядок в целом, рассчитывая на подмену его другим, удобным им регулированием, стержнем которого был бы натоцентризм, культ силы. Но тогда закономерно встает вопрос о том, что им становится негодным Устав ООН, это концентрированное выражение современного правопорядка, с основанной на нем обширной и многообразной системой международных соглашений, решений, урегулирований, договоренностей и т.п. Бесценна для человечества уже сама по себе эта ткань координирующих, регулирующих, охраняющих, а, когда необходимо и запрещающих установлений. Непреходящую ценность имеет и

существенное содержание тех норм межгосударственного общения, которые они воплощают. Истина конкретна.

Если оттесняется на задний план существующий правопорядок, основанный на Уставе ООН, то это значит, что:

- попирается решимость народов избавить нынешнее и грядущие поколения людей от бедствий войны, как эта решимость выражена в Уставе;
- подавляется их законное стремление проявлять терпимость жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи;
- парализуются усилия государств и народов разрешать возникающие проблемы таким образом, чтобы не подвергать угрозе мир, безопасность и справедливость;
- подрывается закрепленная в Уставе ООН их твердая воля обеспечить “чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах”, именно в общих, а не в блоковых интересах;
- развенчивается потребность в том, чтобы непрерывно воссоздавать условия, при которых могли бы соблюдаться обязательства по международному праву;
- игнорируется право человека на жизнь, и вообще на международный порядок, при котором его права и свободы могли бы полностью осуществляться.

Все это отнюдь не отвлеченные идеалы, не чисто доктринальные постулаты, а реальные непреходящие устои современного международного правопорядка, его неотъемлемые компоненты и основные цивилизационные грани, опрокинуть которые хотели бы адвокаты натовских военных авантюр.

Но современный международный правопорядок — это не предмет для произвольных манипуляций. Это объективно существующий порядок отношений между участвующими в них государствами и другими действующими лицами, который сложился в итоге длительного неоднозначного опыта межгосударственного общения, непростых процессов формирования и применения общепризнанных норм международного права. Их нарушения, даже тягчайшие — и об этом свидетельствуют политико-правовые итоги второй мировой войны — не в состоянии свести на нет ни сам международный правопорядок, ни его общественно-историческую обусловленность, равно как и необходимость в его дальнейшем совершенствовании. Военные акции НАТО рано или поздно исчерпают себя, жизнь, международное общение будет продолжаться, вновь в должной мере международной правопорядок будет функционировать.

Нельзя вместе с тем отвлекаться и от того, что силовое “переосмысление” международного правопорядка сопровождается все увеличивающимся числом людских жертв в Югославии, превращением в руины ее городов, страданиями сотен тысяч беженцев. И это может стать уделом других стран и народов, если попытки натовских ниспровергателей международного правопорядка не будут обращены вспять.

Дело, конечно, не только в Югославии, а ранее в Боснии. И тут, и там явно отработывается модель военного давления на государства, которые могут попасть или попали в конфликтную ситуацию в мирное время, и вообще один из сценариев реального военного доминирования на континенте. Как выразился английский аналитик на симпозиуме, посвященном роли НАТО в боснийском урегулировании, миссия СВС “снабдила Альянс моделью для будущих многонациональных развертываний от среднего до широкого масштаба”. (N.Figa — Talamanca.. The Role of NATO in the Peace Agreement for Bosnia and Herzegovina. “European Journal of International Law”, vol. 7, N 2, 1996, p. 165).

На противодействие реализации такой модели должны быть направлены все возможности и средства современного международного правопорядка.

Профессор В.П. Пархитко.

Нападение НАТО на Югославию, открытые бомбежки самолетами США, Англии и некоторых других стран, входящих в НАТО, являют собой не только акт агрессии со стороны международной организации, но и действия, представляющие собой международный терроризм, опять-таки впервые в истории международных отношений осуществляемый со стороны международной организации.

В этом особенность этого действия НАТО — агрессия и международный терроризм. Это, — если расценивать эти действия с точки зрения постулатов существующего международного права, о которых говорил В.А. Романов.

В создавшейся обстановке хотел бы обратить внимание на весьма примечательную параллель. Сто лет назад, перед созывом Первой Гаагской конференции мира, рухнула старая Вестфальская система, и мир заговорил о необходимости создания новой системы международных отношений, в которой участвовали бы все “цивилизованные” страны мира. Таких стран тогда насчитали 26, и все они приняли участие в конференции в Гааге в 1899 году. Впервые на международную конференцию прибыли представители стран из Европы и Азии, Америки и Африки, даже из Австралии.

Сейчас таким представительством никого не удивит. Удивляет другое: одна страна так ловко научилась манипулировать своими союзниками, что каждый из них — по тем или иным причинам — разделяет мнение США, голосует в международной организации так, как будет угодно США. И получается — *volens-nolens*, — что США навязывают многим остальным странам свое мнение.

Вот и получается, что главным в доктрине НАТО прописан не “мир во всем мире”, а “защита интересов стран-членов НАТО” во всем мире.

Можно ли в этих условиях что-то противопоставить этой безумной военной доктрине, позволяющей посылать бомбардировщики в любую точку мира, где “задеты интересы НАТО”? Конечно, можно.

Эту формулу нашел академик Евгений Максимович Примаков. Это — идея “многополярного” или как его еще называют иначе “многополюсного мира”. Идея овладела руководством многих весьма уважаемых государств: о ней с удовлетворением говорят в Китае, Индии, Индонезии, Бразилии и ряде других важных и крупных государств.

Речь идет не только о том, чтобы заставить охотников отречься от ООН действовать как раз наоборот и уважать эту организацию. Никто не собирается цепляться за все положения Устава ООН, считать незыблемыми его постулаты. Но действовать нужно только в рамках ООН, только придерживаясь норм и принципов, записанных в ее Уставе.

ООН — основа современного правопорядка. Нарушать ее принципы — значит разрушать существующий правопорядок. XX век с его мировыми войнами, ядерными взрывами и полетами в космос отчетливо показал, что сила и будущее человечества покоятся только на переговорных процессах, а бомбардировки типа натовских по Югославии — это путь в тупик, если не сказать еще резче, что будет справедливей.

Профессор Ю.М. Колосов.

В свете анализа стратегической концепции НАТО, проведенного профессором В.А. Романовым, этот альянс присваивает себе право вмешиваться во внутренние дела государств в случае проведения в них “неадекватных или неудачных попыток реформ. Это представляет собой вызов и угрозу государствам с переходной экономикой, а поэтому действия НАТО в Югославии могут рассматриваться как некий тренировочный полигон.

К сожалению, все эти события, нарушающие сложившийся мировой право-

порядок, происходят в последний год провозглашенного ООН Десятилетия международного права. Поэтому действия НАТО следует расценивать и как вызов всему международному сообществу.

В мае-июне отмечается 100-летие Первой конференции мира, состоявшейся в 1899 г. в Гааге по инициативе России. НАТО нарушает принятые на ней нормы международного гуманитарного права, нанося бомбовые удары по незащищенным гражданским объектам.

Есть в этом вопросе и моральная сторона. В 1928 году был принят Парижский пакт об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Пакт остается в силе и по сей день. Инициаторами его принятия были Бриан (Франция) и Келлог (США). Если США и Франция считают "гуманитарную интервенцию" своей национальной политикой, то в свете Пакта Бриана-Келлога она не должна осуществляться с помощью даже "необъявленной войны". Предание забвению инициативы собственных сограждан является, помимо прочего актом аморальным.

Профессор П.В. Саваськов.

Действия НАТО в отношении Сербии показывают, что современное международное право не просто переживает трудный период. Попранны основополагающие принципы международного права: запрет применения силы или ее угрозы, невмешательства во внутренние дела, добросовестного соблюдения международных обязательств.

Вооруженный конфликт развязали члены ООН, из которых три государства — постоянные члены Совета Безопасности. Применение вооруженной силы вопреки положениям Устава ООН является нарушением не только уставных обязательств, но и обязательств, предусмотренных общим международным правом. Подобные нарушения подрывают не просто основы международного права. Они подрывают веру международного сообщества в международное право.

Между тем обращение ряда государств-членов НАТО к вооруженной силе не является случайным. Так, Соединенные Штаты Америки не раз после Второй мировой войны использовали свои вооруженные силы для вмешательства во внутренние дела других государств. Внимание международного сообщества отвлечалось на действия СССР и его союзников, в частности на вмешательство СССР и его союзников во внутренние дела Венгрии в 1956 г. и во внутренние дела Чехословакии в 1968 г., на противоправный ввод Советским Союзом вооруженных сил в Афганистан. А противоправные действия США, между тем, не получали должной международно-правовой оценки сообщества государств. В конечном счете, это не могло не сказаться и на отношении к международному праву.

Распад СССР нарушил равновесие сил, которое сложилось после Второй мировой войны, и ускорил развитие пренебрежительного отношения к международному праву. В частности, это проявилось и в виде образования Совета Безопасности ООН Международных трибуналов для судебного преследования лиц, ответственных за нарушения международного гуманитарного права, совершенные в бывшей Югославии и Руанде. Создав эти трибуналы, Совет Безопасности превысил полномочия, предусмотренные Уставом ООН. ООН либо ее органы могли бы создавать международные трибуналы, если бы это было предусмотрено ее Уставом либо она являлась наднациональной организацией.

Такие трибуналы могут создаваться в соответствии с современным международным правом только государствами, и юрисдикция таких трибуналов может распространяться лишь на государства, признавшие эту юрисдикцию. В связи с этим, на мой взгляд, одним из действенных шагов явилось бы внесение в ООН предложения о ликвидации названных трибуналов. Ликвидация трибуналов могла бы только укрепить международное право.

Профессор Э.С. Кривчикова.

Военные действия НАТО против Югославии и попытки оправдать подобные действия со стороны Американской ассоциации международного права, так и с позиций Устава ООН.

Современная система международного права, основанная на Уставе ООН подвергла радикальным изменениям “право войны”, сложившееся в течение столетий. Государства не только отказались от войны как орудия национальной политики на основании Пакта Бриана — Келлога 1928 г., но и от угрозы силой или ее применения (любой силой и прежде всего вооруженной) на основе Устава ООН. Этот отказ не исключает правомерного применения силы в порядке индивидуальной или коллективной самообороны в случае вооруженного нападения одного государства на другое. При этом Устав допускает оборонительные вооруженные действия лишь до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Применение силы может иметь место также от имени ООН в случаях угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии по решению Совета Безопасности и под его руководством. Это положение распространяется и на региональные организации, которые не вправе предпринимать принудительные действия без полномочий от Совета Безопасности. Эти краеугольные положения современного международного права полностью нарушены США и их союзниками по НАТО.

Оценка подобного поведения может быть лишь одна “полное разрушение современной системы поддержания мира и безопасности на основе положений Устава ООН и реконструкция ряда старых понятий, норм и принципов” существовавших в международном праве до первой мировой войны — т.н. классическом международном праве. Речь идет прежде всего в возврате к праву государств прибегать к силовым вооруженным действиям под предлогом защиты национальных интересов, интересов собственных граждан и юридических лиц.

В принятой в апреле 1999 г., новой стратегической концепции НАТО, направленной на XXI век, НАТО наделяется правом применять военную силу без решения Совета Безопасности в самых разных ситуациях — противодействия оружию массового поражения, в случаях международного терроризма, распространения наркотиков и т.д. США и их союзники по НАТО идут к такому пониманию международного права целенаправленно. Об этом свидетельствуют действия США против Гренады, Панамы, Сомали, действия США и ряда государств НАТО против Ирака (начиная с “Бури в пустыне” и кончая “Лисой в пустыне”) против боснийских сербов, а теперь и против Союзной Республики Югославия, включая территорию Косово. Надо подчеркнуть, что НАТО своими действиями против Югославии нарушили не только Устав ООН, но и положения собственного Северо-Атлантического договора.

В связи с вышесказанным возникает вопрос о международно-правовой ответственности как НАТО, так и государств-членов НАТО.

В современном международном праве признается правосубъектность международных организаций, а также их ответственность за нарушение ими международных обязательств, вытекающих из договоров и других источников международного права. На любую международную организацию распространяется запрет прибегать к силе или к ее угрозе в обход и нарушение положений Устава ООН. Уже это позволяет поставить вопрос об ответственности НАТО и о ее ответе. Постановку этого вопроса могла бы инициировать Россия на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Резюме дискуссии подвел заведующий кафедрой международного права, профессор Ю.М. Колосов.

Я считаю, что многократные устные выступления нашей страны против агрессии стран НАТО, которых было особенно много в конце марта — начале апреля (то есть в начале конфликта) должны были подтверждаться конкретными действиями. Так как действия стран НАТО нельзя было рассматривать иначе, нежели как агрессию в отношении суверенного государства, Россия, как мне кажется, имела право, допустим, направить в район Адриатики — к берегам Югославии усиленную морскую эскадру, состоящую из кораблей Северного флота, или совершить пролет военных воздушных судов (конечно, в пределах воздушного пространства над открытым морем) в районе границ некоторых стран НАТО (например, Германии и Польши). Такая демонстрация силы, возможно имела бы определенный эффект и заставил бы обе стороны сесть за стол переговоров, особенно, учитывая силу резонанса, вызванного ничем не подтвержденной информацией о перенацеливании российских ядерных ракет на объекты в странах НАТО. По-видимому, этого не было сделано из-за крайне тяжелого финансового и материально-технического состояния российских вооруженных сил в настоящий момент. Учитывая данный фактор, направление в район Адриатики одного небольшого разведывательного корабля стало фарсом (эта “демонстрация силы” напоминает басню Крылова о маленькой собачке Моське, лающей на слона). Я считаю, что такие ничем не подтверждаемые “грозные окрики” со стороны России ведут к снижению нашего и без того уже незначительного авторитета на международной арене. С моей точки зрения грубейшей ошибкой было также попустительство в отношении созыва заседания Совета Безопасности ООН — у России было почти 24 часа для того, чтобы это сделать (я имею в виду период с момента объявления Генеральным Секретарем НАТО о принятии решения о бомбардировках до отдачи приказа о начале военных действий). Даже, если документы, регламентирующие порядок работы такого органа и не позволяют этого сделать в такие короткие сроки, я думаю, что в данном случае все государства-члены СБ согласились бы сделать исключение, учитывая то, что бомбардировки территории Югославии без санкции СБ ООН тоже в настоящий момент часто называются “исключением”.

Говоря о настоящем моменте (конец мая) я считаю необходимым немедленно прекратить переговоры, ведущиеся специальным представителем Президента РФ Черномырдиным В.С., так как они уже на протяжении более чем двух недель не приносят никаких результатов. Они способствуют “затуманиванию” — создается впечатление о том, что ведется серьезная работа и вскоре все успешно завершится, на самом же деле ни одна из сторон в конфликте до сих пор не может сдвинуться с мертвой точки.

Материал поступил в редакцию в мае 1999 г.

Международное гуманитарное право

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВНУТРЕННИХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Альберто Гваделупе Фернандеш де К а с т р о*
(Сан-Томе и Принсипи)

1. Понятие “вооруженного конфликта, не носящего международного характера” и критерии его определения.

Сегодняшний итог процесса кодификации и прогрессивного развития норм международного права, применяемых во время вооруженных конфликтов, носящих немеждународный характер, как нам представляется, создает определенную основу для теоретического осмысления современного состояния и дальнейшей разработки всего комплекса социально-правовых проблем, порождаемых указанными конфликтами. В связи с этим представляется целесообразным начать с рассмотрения самого понятия “вооруженного конфликта, не носящего международного характера”.

Начиная с принятия в 1949 году Женевских конвенций о защите жертв войны, в международном праве было введено понятие вооруженного конфликта, не носящего международного характера.

Еще в 1949 году из проекта ст. 3 Женевских конвенций, предложенного Международным Комитетом Красного Креста, были исключены такие понятия, как “гражданская война”, “колониальные конфликты”, “религиозные войны”. Как полагал профессор Сиордет, исключение этих терминов объяснялось тогда необходимостью не допустить формализации ситуации. Ситуация, которая, по его мнению, “смогла отрицательно повлиять на действие ст. 3 Женевских конвенций, в которых содержится минимум правовых гарантий в случае возникновения вооруженного конфликта, не носящего международного характера, так как те или иные конфликты такого рода могли и не соответствовать указанным понятиям”¹. Другой причиной, по мнению юриста Мбатны из Чада,

*Кандидат юридических наук. Кафедра международного права Российского университета дружбы народов.

явилось “нежелание колониальных держав (их было большинство на Женевской дипломатической конференции 1949 г.) включить в это понятие колониальные войны — то есть национально-освободительные войны, которые они рассматривали, как входящие в область их внутренней компетенции”².

Действительно, такие конфликты долгое время рассматривались как внутренне дело государств, и какой-либо интерес к ним со стороны других субъектов международного права воспринимался, как недопустимое вмешательство или интервенция. Однако, уже в Уставе ООН в п. 7 ст. 2 устанавливается, что принцип невмешательства не распространяется на применение принудительных мер на основании главы VII Устава ООН.

Включение в Женевские конвенции специальной ст. 3 о вооруженных конфликтах, не носящих международного характера, является большим достижением в развитии международного права, в частности, международного гуманитарного права, так как впервые под защиту международного права были поставлены те категории комбатантов, которые ранее не имели такой защиты³.

Ст. 3, общая для всех четырех Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года, гласит: “В случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из высоких договаривающихся сторон, каждая из находящихся в конфликте сторон будет обязана применять, как минимум, следующие положения:

1) Лица, которые непосредственно не принимают участия в боевых действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цветы кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев.

С этой целью запрещается и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия в отношении вышеуказанных лиц:

а) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности, всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания;

б) взятие заложников;

в) посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение;

г) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями.

2) Раненых и больных будут подбирать и им будет оказана помощь.

Беспристрастная гуманитарная организация, такая, как Международный Комитет Красного Креста, может предложить свои услуги сторонам, находящимся в вооруженном конфликте.

Кроме того, находящиеся в конфликте стороны будут стараться

путем специальных соглашений ввести в действие все или часть остальных положений настоящей конвенции.

Применение предшествующих положений не будет затрагивать юридического статуса находящихся в конфликте сторон".

Принятие ст. 3, общей для Женевских конвенций, бесспорно явилось шагом вперед в развитии международного права. Однако, наряду с ее достоинствами, о которых шла речь, эта статья страдает существенными недостатками, на которые указывают многие авторы. К числу этих недостатков следует отнести, например, отсутствие определения вооруженного конфликта, не носящего международного характера, что, конечно, затрудняло проведение каких-либо различий между этим понятием и понятиями гражданской войны, национальной освободительной войны, а также ситуаций, нарушающих внутренний порядок и создающих обстановку внутренней напряженности.

Учитывая наряду с другими обстоятельствами, не отвечавшую требованиям времени степень защиты участников внутренних вооруженных конфликтов, Генеральная Ассамблея ООН в 1968 году приняла резолюцию 2444, в которой призвала участников международного сообщества применять основные гуманные принципы во всех вооруженных конфликтах и просила Генерального Секретаря ООН совместно с МККК изучить "необходимость в принятии дополнительных международных конвенций или других соответствующих правовых документов в целях обеспечения лучшей защиты гражданских лиц и комбатантов во всех вооруженных конфликтах"⁴.

Выполняя просьбу Генеральной Ассамблеи ООН и международной конференции Красного Креста, МККК подготовил и представил на обсуждение конференции правительственных экспертов проект двух дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 г., которые с некоторыми изменениями были приняты в 1977 г. под названием "Дополнительные Протоколы к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г." Первый протокол касается защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Второй Протокол (Протокол II), непосредственно связанный с исследуемым вопросом, относится к защите жертв вооруженных конфликтов, не носящих международного характера.

В нем дается следующее определение вооруженного конфликта такого характера:

1. Настоящий Протокол применяется ко всем вооруженным конфликтам, которые, не подпадая под действие ст. 1 Дополнительного Протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., происходят на территории какой-либо Высокой Договаривающейся стороны между ее вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол. Далее в п. 2 этой ст. I говорится:

"2. Настоящий Протокол не применяется к случаям нарушений внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напря-

женности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами".

Данные определения немеждународного вооруженного конфликта в определенной степени решают долголетний спор о том, что понимается под вооруженным конфликтом, не носящим международного характера.

Однако, до сегодняшнего дня в международно-правовой литературе не встречается единого мнения по поводу того, что такое немеждународный вооруженный конфликт. Не претендуя дать исчерпывающий анализ явления, отметим лишь некоторые высказывания и подходы, часто встречающиеся.

Свое согласие с тем, что термин "немеждународный вооруженный конфликт" используется в качестве синонима термина "гражданская война" высказывает юрист М. Мбатна⁵. Мнение о том, что под немеждународным вооруженным конфликтом подпадает прежде всего ситуация гражданской войны, высказывают некоторые российские ученые⁶.

Кроме того, в литературе встречаются и противоположные взгляды. Например, чилийские юрист Э. Монтеалегре полагает, что неразумно связывать термин "война" с такими ситуациями, которые исключают применение права войны, а именно на это значение указывает использование этого термина. Он придерживается понятия "вооруженного конфликта, не носящего международного характера", под которым понимается внутренняя ситуация коллективного использования силы. По значению эта ситуация превосходит внутренние беспорядки, сталкивающиеся в ней стороны представлены вооруженными группами, не имеющими статуса воюющей стороны⁷. Показательно, что сам Э. Монтеалегре отдает отчет в том, что это определение носит скорее описательный характер, чем содержит качественную оценку данного события.

Кроме прочих высказываний, встречается мнение как бы в международном гуманитарном праве есть два не совпадающих определения: в ст. 3, общей для Женевских конвенций 1949 г., п. 3 ст. 1 Дополнительного Протокола II⁸.

Наконец, встречаются определения немеждународного вооруженного конфликта, воспроизводящие почти дословно дефиницию, данную в ст. 1 Дополнительного Протокола II⁹. Своеобразную позицию занимает Шиндлер Д. Он отказывается от обобщающих определений, а выделяет те виды немеждународных вооруженных конфликтов, которые, по его мнению, признает современное международное право. Д. Шиндлер различает следующие виды немеждународных вооруженных конфликтов: а) Гражданскую войну в классическом смысле международного права как немеждународный вооруженный конфликт высокой интенсивности, в котором за вновь созданным правительством Третьи государства могут признать статус воюющей стороны; б) Немеждународный вооруженный конфликт по смыслу ст. 3 общей для Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и в международном вооруженном конфликте по смыслу Дополнительного Протокола II¹⁰.

Понятие гражданской войны, предложенное Д. Шиндлером, на наш

взгляд соответствует той ситуации, когда гражданская война преобразовывается из конфликта, имеющего внутренний характер, в конфликт, имеющий международный характер, т.е. налицо, национально-освободительная война, подпадающая под действие Дополнительного Протокола I 1977 года.

Определение вооруженных конфликтов, не носящих международного характера, данное в ст. 1 Протокола II, явилось результатом упорной борьбы. Работа конференции была сосредоточена на определении вооруженного конфликта такого рода. Перед экспертами стояло две альтернативы:

а) разработать узкое определение немеждународного вооруженного конфликта, которое может быть сопровождено обширным перечнем норм защиты;

б) или же вырабатывать такое определение, применяемое в многочисленных и различных случаях, которое могло бы быть сопровождено лишь незначительным числом элементарных принципов защиты жертв внутреннего вооруженного конфликта.

Именно первая альтернатива была учтена при определении немеждународного вооруженного конфликта в ст. 1 Дополнительного Протокола II, где дается обширный перечень норм защиты жертв этого вооруженного конфликта.

Один из самых сложных вопросов, возникших при формулировании ст. 1 Протокола II, был вопрос о критериях вооруженного конфликта, не носящего международного характера. Участники конференции выдвигали различные варианты требования, от открытого ношения оружия, контроля государственной территории, вплоть до того, насколько население страны поддерживает ту или иную стороны конфликта.

Среди них выделяется требование о том, что повстанцы должны контролировать часть государственной территории. По этому поводу в литературе встречаются различные мнения, например, утверждается, что такое требование является возвратом к прошлому, так как оно близко к той концепции, которая была поддержана большинством государств на Женевской Дипломатической конференции 1949 г. относительно внутреннего вооруженного конфликта. Это требование "сужает" круг вооруженных конфликтов, на которые должен распространять свое действие Протокол II, так как оно требует, чтобы повстанцы обладали всеми составными элементами государственности: организация, население, территория и т.д. Это означает, что применение норм международного гуманитарного права, касающееся вооруженных конфликтов, не носящих международного характера, предполагает наличие такого конфликта, который фактически носит международный характер¹¹.

Да, действительно, контроль территории является самым сложным в условиях партизанской войны, в которой повстанцы действуют везде и повсюду, спасаясь от варварских методов ведения боевых операций. В данном случае требование именно о постоянном контроле определенной части территории может оказаться трудным, иногда даже невозможным. Однако, это, как нам представляется, не уменьшает значение контроля территории как одного из главных критериев определения

внутреннего вооруженного конфликта, так как, находясь внутри страны повстанцы так или иначе продолжают контролировать ту часть территории, куда они перемещаются.

Говоря о требовании, согласно которому повстанцы должны применять положения Протокола II, следует выделить два момента: во-первых, если повстанцы не соглашаются применять положения документа, то для них он не действует, а во-вторых — любое положение Протокола II действует автоматически, когда на территории одного государства имеет место вооруженный конфликт, как общепризнанные обычные нормы международного права. История показывает, что не желая связывать руки обязательствами, принятыми правительствами, против которых они ведут войну, повстанцы во многих случаях соглашаются применять положения данного Протокола только после того, как ими самими было дано на это согласие¹². Хотя, некоторые эти заявления нельзя рассматривать как специальные соглашения, заключение которых предусмотрено ст. 3 общей, однако, сам факт таких заявлений весьма красноречив (например, односторонние заявления, сделанные сторонами вооруженного конфликта в Нигерии в 1967—1970 гг. о том, что они будут применять некоторые правила Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. к враждебной стороне). Мы полагаем, что второй момент — приемлемый, так как соответствует духу принципов международного права.

К другим критериям определения немеждународного вооруженного конфликта некоторые эксперты относят продолжительность конфликта, интенсивность боевых действий¹³, поддержку населением той или иной противоборствующей стороны¹⁴ и политическую цель борьбы¹⁵.

Говоря о немеждународном вооруженном конфликте, разумеется речь не может идти о каких-либо изолированных или разовых случаях вооруженных столкновений. Речь идет о ситуациях, когда военные действия носят продолжительный и интенсивный характер. В этой связи возникает вопрос: с какого момента можно считать конфликт продолжительным или интенсивным? Означает ли это, что принципы и нормы международного гуманитарного права не могут быть применены до тех пор, пока данный конфликт не будет отвечать этим требованиям? В этом как раз и заключается негативный и опасный аспект включения в качестве обязательного элемента данных критериев в определении этого вооруженного конфликта. Предложение о том, что противоборствующая законному правительству страна должна бороться за такое справедливое дело, чтобы получить поддержку населения, что такая поддержка не должна носить формального характера, а должна явиться конкретным открытым выступлением¹⁶ требует своего уточнения. В действительности поддержка населения как политический фактор может играть большую роль особенно в случае, когда между двумя правительствами одного и того же государства идет спор о представительстве этого государства вовне. Что касается непосредственно внутреннего вооруженного конфликта, то поддержка населения позволяет выявить справедливый характер борьбы, которую ведет та или иная сторона в конфликте. В этой связи высказываются мнения о том, что население не может подвергать себя опасности, открыто вступая в поддержку повстанцев¹⁷. Однако в

условиях внутреннего вооруженного конфликта, население данного государства и без того не находится под защитой от репрессивных действий властей. Поэтому, так или иначе оно должно выразить свое отношение ко всему, что происходит, несмотря на опасность, которой оно подвергается. Форма такой поддержки в каждом конкретном случае разная и зависит от конкретных обстоятельств.

Говоря о политической цели или борьбе противоборствующих сторон в немеждународном вооруженном конфликте следует полагать, что этот критерий сам собой разумеется, ибо нет такой стороны, которая боролась бы без этой цели. Другое дело, что эта цель должна соответствовать интересам широких народных масс, от имени которых очень часто ведется эта вооруженная борьба, нормам и принципам современного международного права, таким как принципы самоопределения народов и наций, включая свободу определения своего внутреннего и внешнего политического статуса, без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие. Политическая цель борьбы должна также соответствовать ранее принятым на себя обязательствам в области прав человека, например, обязательствам по Конвенции о предупреждении геноцида и наказания за него (1948 г.), Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказания за него (1973 г.), Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966 г.) и другим. Следовательно, та сторона, которая ведет войну и при этом нарушает выше указанные обстоятельства, должна нести ответственность как за совершение ею международных преступлений.

Из смысла определения, содержащегося в Протоколе II, можно заключить, что первым признаком понятия выступает вооруженный характер конфликта. Но, в отличие от ст. 3, общей для Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. в Дополнительном Протоколе II проводится различие между немеждународными вооруженными конфликтами и внутренними беспорядками (смотрите ниже).

Второй признак, указывающий на внутреннее происхождение конфликта, сформулирован более четко, чем в ст. 3, общей для четырех конвенций. Здесь использован метод исключения. Дополнительный протокол II действует в отношении всех конфликтов, которые не подпадают под действие Дополнительного Протокола I, т.е. он не распространяется на международные вооруженные конфликты. Таким образом, в этом определении указан верхний и нижний пределы данной разновидности вооруженных конфликтов. Верхним выступает международный вооруженный конфликт, нижним — внутренние беспорядки.

Далее, третий признак как бы дополняет второй, а для его формулировки подобраны более точные выражения. Здесь (ст. 1 Дополнительного Протокола II) такие конфликты будут проходить на территории одного из государств, а не только возникать, как это установлено в ст. 3 общей Женевской конвенции о защите жертв войны 1949 г.

Четвертый признак относится к характеристике восставшей стороны. Отмечается ее организованный характер, состоящий в том, что вооруженные группы должны находиться под ответственным командованием и осуществлять контроль над частью территории государства.

Данный контроль должен позволить или проводить непрерывные и согласованные военные действия и применять данный Протокол. Идентификация восставшей стороны делает более предпочтительным определение немеждународного вооруженного конфликта по Дополнительному Протоколу II по сравнению с определением, данным в ст. 3 общей.

2. Правовая квалификация внутренних беспорядков и напряженности

Наряду с такой формой внутреннего вооруженного конфликта как гражданская война, в доктрине международного права нередко можно встретить и такие понятия, как “мятеж”, “восстание”. Так, по мнению Ч. Хайда, о мятеже можно говорить в том случае, когда народ с оружием в руках восстает против своего правительства или власти его, против его законов или должностных лиц, такое положение называется мятежом (insurrection)¹⁸.

Тот же американский автор считает, что термин “восстание” (rebellion) применяется в отношении мятежа более широких масштабов, который обычно представляет собой войны между законным правительством страны и отдельными частями или провинциями этой страны, причем восставшие стремятся сбросить с себя подчинение этому правительству и образовать свое собственное правительство¹⁹.

Некоторые авторы рассматривают мятеж и подобные им акты как инциденты и пытаются проследить процесс трансформации мятежа в более масштабные формы вооруженного конфликта. “Если ситуация усугубляется и приобретает более серьезные масштабы и пропорции, ... организационный характер лидеров и представляет эффективное в течение времени сопротивление установленному правительству, то можно говорить о восстании, ... когда восстание идет еще дальше и восставшие контролируют часть территории государства и организуют ответственное правительство, тогда ситуация перерастает в гражданскую войну”²⁰.

По мнению И.П. Блищенко, “немеждународный вооруженный конфликт является, как правило, результатом перерастания внутренней напряженности к широкомасштабному нарушению прав человека”²¹.

В отличие от межгосударственных отношений, в сфере которых, как известно, применение силы или угрозы ее применения запрещены современным международным правом (п. 4 ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций) “во внутригосударственном праве в той степени, в какой государство запрещает применение силы для всех, кроме самого себя, преобладает иная ситуация. Иными словами, государство ... пользуется правом применения своих войск, полиции, и т.п. с целью предотвращения или пресечения внутренних беспорядков и напряженности”²².

Между тем, в отличие от ст. 3 Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. в Дополнительном Протоколе II проводится различие между немеждународными вооруженными конфликтами и внутренними

беспорядками. Напоминаем, что такое положение дел нашло свое отражение в п. 2 ст. 1 Дополнительного Протокола II, согласно которому юридические нормы данного документа не применяются “к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения остановки внутренней напряженности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами”.

Давая правовую оценку изложенного выше положения, М. Беджауи, в частности, замечает, что “определяя концепцию немеждународных вооруженных конфликтов, Протокол II ограничен в сфере своего применения конфликтами данной ситуации, не связанными с внутренними беспорядками и напряженностью, которые не достигают такого порога. Однако, в настоящее время именно такие ситуации являются наиболее частыми и распространенными”²³.

По мнению того же автора, “специалисты говорят о внутренних беспорядках, когда в условиях отсутствия вооруженного конфликта государство применяет силу в целях сохранения или восстановления правопорядка и законности, и о внутренней напряженности, когда в условиях отсутствия внутренних беспорядков оно прибегает к превентивному применению силы в целях сохранения мира и законности”²⁴.

А. Эйде предлагает понимать под “внутренними беспорядками и напряженностью... все конфликтные ситуации внутри той или иной страны, достаточно серьезные в плане порождения острых гуманитарных проблем, особенно в силу того, что они ведут к физическому насилию и ограничению свобод, независимо от того, используются ли вооруженные силы или нет”²⁵.

Как представляется, А. Эйде справедливо выдвигает “гуманитарный” критерий для определения “внутренних беспорядков и напряженности”, которые он сводит в одно понятие. Тем не менее, на наш взгляд, более правильно говорить о двух разных понятиях, хотя различия достаточно условны и их очень трудно провести.

В связи с вышесказанным в правовой литературе правомерно поднимаются два основных вопроса. Во-первых, в какой момент та или иная ситуация уже отвечает условиям поддержания правопорядка и перерастает в вооруженный конфликт? И во-вторых, кто, согласно положениям Дополнительного Протокола II, определяет, когда эта “грань” превышена²⁶.

Сложность ответа на первый вопрос (особенно если учесть, что и беспорядки могут сопровождаться применением оружия их участниками) обусловлена отсутствием на сегодняшний день общепризнанного эффективно действующего механизма как во внутригосударственном уровне, так и в международном масштабе, который позволял бы своевременно и объективно определить переход беспорядков в качественно новое состояние, т.е. во внутренний вооруженный конфликт. Выработка объективных критериев и процедур в целях решения таких вопросов — задачи немаловажные, так в сфере международного, как и внутригосударственного права, тем более если речь идет об отграничении ситуаций,

в условиях которых действуют принципиально разные правовые режимы.

Относительно второго вопроса, то в доктрине международного права высказываются соображения, смысл которых сводится к тому, что упомянутую “грань” определяет само государство, так как противоборство имеет место между “... суверенным государством и его собственными гражданами, — отмечает М. Беджауи — и одной из основополагающих атрибутивных функций государств является поддержание правопорядка. Эта задача рассматривается государством в качестве его собственной, ни с кем более не разделяемой прерогативы”²⁷.

В настоящее время большой проблемой для многих стран являются также выступления молодежи, студенчества. А. Эйде также рассматривает эту проблему, выделяя данные явления в одну из категорий внутреннего конфликта: “Протесты молодежи, порождаемые чувством разочарования и безысходности, а также глубоким недовольством властями, но не выливающиеся ни в социальные революции, ни в расовые или этнические столкновения”²⁸.

Представляется вполне очевидным, что решения обоих вопросов взаимно связаны. Поэтому и во втором случае не всегда решение второго вопроса должно связываться с исключительной компетенцией государства, на территории которого имеют место рассматриваемые нами ситуации. В отдельных случаях (прежде всего когда они представляют собой реальную угрозу международному миру и безопасности и таким образом затрагивают интересы государств определенного региона или всего международного сообщества в целом) должны существовать возможности для привлечения третьей стороны, в качестве которой может выступать ООН, региональная организация или уполномоченный орган.

3. Международно-правовая защита жертв внутренних вооруженных конфликтов

а) Основные правовые гарантии.

Статья 4 Дополнительного Протокола II содержит ограничения, которые должны соблюдаться сторонами в конфликте в отношении лиц, находящихся в их власти. Ее цель — защита всего населения в пределах той территории, на которой происходит вооруженный конфликт. Содержание статьи составляют положения ст. 3, общей для всех четырех Женевских конвенций, ст. 33 четвертой Женевской конвенции 1949 года (запрещение терроризма и грабежа), а также ст. 8 Пакта о гражданских и политических правах 1966 года (запрещение рабства и работорговли во всех их формах). Особое внимание уделяется детям, которым должны обеспечиваться необходимые забота и помощь. Они, в частности, должны получать образование, включая религиозное и нравственное воспитание, согласно положению их родителей. Дети, не достигшие пятнадцатилетнего возраста, не подлежат вербовке в вооруженные силы или группы и им не разрешается принимать участие в военных действиях. Особая защита, предусмотренная статьей 4 в отношении детей, не

достигших пятнадцатилетнего возраста, продолжает применяться к ним, если они принимают непосредственное участие в военных действиях вопреки вышеприведенному положению и попадают в плен. Запрещается отдавать приказ не оставлять никого в живых.

б) Правовое положение лиц, свобода которых была ограничена.

Статья 5 Дополнительного Протокола II содержит минимальные стандарты обращения с лицами, свобода которых была ограничена. В п. 1 ст. 5 закреплены нормы, которые должны соблюдаться при любых обстоятельствах. Так, лица, лишённые свободы по причинам, связанным с вооружённым конфликтом, независимо от того, интернированы они или задержаны, в такой же мере, как и местное гражданское население, снабжаются продовольствием и питьевой водой. Им обеспечиваются условия для сохранения здоровья и соблюдения гигиены, а также предоставляется защита от суровых климатических условий и опасностей вооружённого конфликта.

Дополнительные гарантии, изложенные в п. 2 ст. 5, не носят столь абсолютного характера, как в первом случае. Об этом свидетельствует редакция начальной фразы п. 2: “Те, кто несет ответственность за интернирование или задержание лиц, о которых говорится в п. 1, соблюдают также, в пределах своих возможностей, следующие положения, касающиеся таких лиц”. Таким образом, реализация упомянутой группой лиц, например, права на медицинское обслуживание (ст. 5 п.2) поставлена в зависимость от произвольной субъективной, оценки стороны в конфликте своих соответствующих возможностей.

Важным вопросом, который закономерно возникает в связи с этим, является вопрос о контроле обращения с лицами, чья свобода была ограничена. Например, для случаев с военнопленными ст. 126 Третьей Женевской конвенции 1949 года предусматривает специальный механизм, в соответствии с которым представителям или делегатам держав-покровительниц и МККК должно быть разрешено посещение всех мест, где находятся военнопленные. Они могут беседовать с пленными без свидетелей. Аналогичным образом, в соответствии со ст.143 Четвертой Женевской конвенции 1949 года, представители держав-покровительниц и МККК могут посещать все места, где находятся покровительствуемые лица, т.е. места интернирования, заключения и места их работ. Им должен быть разрешен доступ во все помещения, используемые покровительствуемыми лицами, и беседы с ними без свидетелей.

Что касается ст. 5 Дополнительного Протокола II, то в ней вообще ничего не говорится о возможности упомянутых выше посещений представителями независимых учреждений. Поэтому, очевидно, нельзя считать нарушением ст. 5 задерживающей стороной установление ее режима секретности относительно порядка содержания и характера обращения с лицами, лишёнными свободы по причинам, связанным с вооружённым конфликтом. Тем не менее, мы считаем, что МККК не лишен права вести переговоры с целью получения соответствующего разрешения на посещение мест содержания указанных лиц.

в) Защита раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение.

В соответствие с Дополнительным Протоколом II, все раненые и больные, а также лица, потерпевшие кораблекрушение, независимо от

того, принимали ли они участие в вооруженном конфликте или нет, пользуются уважением и защитой. С ними при всех обстоятельствах должны обращаться гуманно и предоставлять им в максимально возможной мере и в кратчайшие сроки медицинскую помощь и уход, которых требует их состояние. Между ними не должно проводиться никакого различия по каким бы то ни было соображениям, кроме медицинских. Во всех случаях, когда это позволяют обстоятельства, и в особенности после боя, необходимо принимать все меры к тому, чтобы разыскать и подобрать раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, и оградить их от ограбления и дурного обращения.

Определенной гарантией реализации этих весьма важных с гуманной точки зрения требований Протокола служат меры по защите лиц, выполняющих медицинские функции, которые в известной мере восполняют пробел ст. 3, общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 года. Так, ст. 9 Дополнительного Протокола II предписывает, что медицинский и духовный персонал пользуется уважением и защитой, ему оказывается вся возможная помощь для выполнения ими своих обязанностей. При этом нельзя требовать, чтобы при выполнении своих функций медицинский персонал отдавал предпочтение какому-либо лицу, кроме как по соображениям медицинского характера. Ни при каких обстоятельствах ни одно лицо не может быть подвергнуто наказанию за выполнение им медицинских функций, совместимых с медицинской этикой, независимо от того, в интересах какого лица выполняются эти функции. Отражая специфику внутреннего вооруженного конфликта, п.4 ст.10 устанавливает, что с учетом национального законодательства ни одно лицо, выполняющее медицинские функции, никоим образом не может быть подвергнуто наказанию за отказ предоставить информацию или за непредоставление информации относительно раненых и больных, которые находятся или находились на его попечении.

В соответствии со ст. 11 медицинские формирования и санитарно-технические средства в любое время пользуются уважением и защитой и не могут быть объектом нападения. Отличительные эмблемы Красного Креста, Красного Полумесяца при всех обстоятельствах должны пользоваться уважением и не должны использоваться не по назначению. В целях укрепления гарантий соблюдения многих из приведенных выше положений требуется, на наш взгляд, принятие соответствующих норм в рамках национального характера.

г) Международно-правовая защита гражданского населения

Часть IV Дополнительного Протокола посвящается защите гражданского населения. Напоминаем, что участники Международной конференции по защите жертв войны, состоявшейся 30 августа — 1 сентября 1993 года в Женеве единодушно высказывались за необходимость максимально полного распространения сферы действия принципа защиты гражданского населения на ситуации внутренних вооруженных конфликтов²⁹.

На особо ожесточенный характер взаимоотношений между воюющими сторонами в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера обращал внимание еще Ф.Ф. Мартенс, который отмечал, что

“... Междоусобная война всегда гораздо больше вызывает у воюющих чувство ненависти и возбуждает страсти, чем война между независимыми народами. Следовательно, при междоусобной войне гораздо труднее найти в обычаях и законах войны надлежащие границы для произвола и насилия”³⁰.

Сегодня боевые действия в таких конфликтах зачастую ведут не регулярные армии, а полувоенные формирования. Широко используются наемники, в том числе уголовные элементы, для которых насилие — образ жизни и источник наживы. Отличительной чертой, характеризующей такого рода конфликт являются массовые казни и депортации в ходе “этнических чисток”, взятие заложников, изнасилования, и т.д., т.е. огромные жертвы среди гражданского населения.

Хотя вопрос об обеспечении надежной защиты гражданского населения, впрочем как и проблема применения других соответствующих норм международного права, во внутренних вооруженных конфликтах, неоднократно рассматривались международным сообществом, в частности, на международных конференциях Красного Креста, однако вплоть до принятия Женевских конвенций 1949 года эта весьма острая и важная проблематика оставалась вне сферы международно-правового регулирования.

Так, что касается норм Дополнительного Протокола II к Женевским конвенциям 1949 года, не определяющих правового положения гражданского населения во время внутреннего вооруженного конфликта, то наиболее важное значение имеет ст. 13 этого документа. Содержание этой статьи дословно воспроизводит текст первых трех пунктов ст. 51 Дополнительного Протокола I. Подтверждая действие принципа защиты гражданского населения в условиях внутреннего вооруженного конфликта (“гражданское население и отдельные гражданские лица пользуются общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными операциями”), указанная статья запрещает нападения на гражданское население как таковое, равно как и на отдельных гражданских лиц. Как и во время международного вооруженного конфликта, единственным основанием для прекращения предоставления защиты (при этом речь идет о защите отдельных гражданских лиц, а не всего гражданского населения в целом) является только непосредственное участие этих лиц в вооруженной борьбе.

Согласно ст. 17 запрещается насильственное перемещение гражданских лиц за исключением тех случаев, когда это продиктовано соображениями обеспечения безопасности этих лиц или же “настоятельными причинами военного характера”. При этом в Протоколе не раскрывается содержание приведенного выше условия, которое отличается (во всяком случае редакционно) от ссылок на военную необходимость, содержащихся в других соответствующих международно-правовых актах. Запрещается также принуждать гражданских лиц покидать собственную территорию по причинам, связанным с вооруженным конфликтом.

Приведенными нормами фактически и определяется правовое положение гражданского населения и отдельных гражданских лиц в

условиях вооруженного конфликта, не носящего международного характера.

Устанавливаемый Дополнительным Протоколом II правовой режим гражданского населения страдает существенными недостатками, что обуславливает явное несоответствие данного режима природе и характеру современных вооруженных конфликтов, происходящих внутри государства. Например, действие ряда положений, закрепленных в Дополнительном Протоколе I, необходимо распространить на ситуации немеждународного вооруженного конфликта. Речь, в частности, идет об обязанности воюющих сторон всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами и не превращать первых в объект нападения, о положениях, обязывающих воюющие стороны в интересах обеспечения защиты гражданского населения постоянно принимать соответствующие меры предосторожности, предусматривающие презумпцию принадлежности физических лиц к категории гражданского населения в случае сомнения в их статусе, запрещающие применение средств и методов ведения военных действий, которые ведут к неизбежному поражению комбатантов и гражданского населения (например, воздушные бомбардировки неизбежного характера), а также ряд других положений, составляющих нормативное содержание упоминавшегося выше принципа защиты гражданского населения.

д) Защита гражданских объектов

Насущная потребность укрепления правового режима защиты гражданских объектов в период внутренних вооруженных конфликтов обусловлена прежде всего необходимостью обеспечения безопасности и нормальных условия жизни гражданского населения.

В конце 60-х — начале 70-х годов Генеральная Ассамблея ООН, выражая глубокую обеспокоенность международного сообщества огромными страданиями, которые вооруженные конфликты продолжают причинять комбатантам и гражданскому населению, а также все возрастающими масштабами материального ущерба в особенности в результате использования жестоких средств и методов ведения войны, а также “вследствие недостаточных ограничений при определении военных объектов”, приняла ряд резолюций, в которых указала на необходимость выработки норм, призванных “усилить защиту некомбатантов и гражданских объектов”³¹.

Касаясь вопроса о правовой защите гражданских объектов, Генеральный Секретарь ООН уделял особое внимание проблеме выработки таких определений и понятий, как “военный объект” и “гражданский объект”, которые исключали бы возможность расширительного толкования понятия “военный объект”. В докладах Генерального Секретаря особо указывалось, что невоенными объектами следует считать: “а) средства, необходимые для существования гражданского населения; б) объекты, которые по своей природе или использованию служат главным образом для помощи или мирных нужд, таких, как религиозные и культурные нужды”³².

Рекомендации, изложенные в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и докладах Генерального Секретаря ООН, были в известной мере учтены участниками Дипломатической конференции по гуманитарному

праву при выработке соответствующих положений Дополнительных Протоколов к Женевским конвенциям 1949 года, работа конференции привела к конвенционному закреплению одного из важнейших принципов права вооруженных конфликтов, согласно которому в целях обеспечения жизненно важных интересов мирного населения стороны в конфликте должны всегда проводить различие между гражданскими и военными объектами и соответственно направлять свои действия только против военных объектов (ст.48 Протокола I). Согласно п.2 ст.52 этого Протокола, “нападения должны строго ограничиваться военными объектами. Что касается объектов, то военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество”. В соответствии с п.1 ст. 52, “гражданскими объектами являются все те объекты, которые не являются военными объектами, как они определены в пункте 2”.

Пункт 3 ст. 52 устанавливает, что в случае сомнения в том, используется ли объект, который обычно предназначен для гражданских целей (например, место отправления культа, жилой дом, школа или другие постройки), для эффективной поддержки военных действий, предполагается, что такой объект используется в гражданских целях.

Дополнительный Протокол I относит к гражданским объектам, против которых не допускается нападения, жилища, сооружения и средства транспорта, используемые гражданским населением; места и районы, используемые исключительно гражданским населением (убежища, больницы, разнообразные зоны и т.п.); районы производства продуктов питания, источника воды; установки и сооружения, содержащие опасные силы (плотины, дамбы и атомные электростанции); объекты, представляющие собой культурную ценность, а также места отправления культа.

В плане правовой регламентации положения гражданских объектов Дополнительный Протокол II заметно уступает Протоколу I. Так, в Протоколе II отсутствуют определения понятий “военный объект” и “гражданский объект”, нет прямого указания на то, что в ходе боевых действия воюющие стороны обязаны обеспечить надлежащую защиту гражданских объектов и соответственно осуществлять военные действия только против военных объектов. Кроме того, из всей совокупности гражданских объектов, подлежащих правовой защите в соответствии с Дополнительным Протоколом I, в Дополнительном Протоколе II упоминаются лишь такие категории, как объекты, необходимые для выживания гражданского населения; установки и сооружения, содержащие опасные силы; исторические памятники, произведения искусства и места отправления культа, а также культурные ценности. О международно-правовой защите культурных ценностей во время внутреннего вооруженного конфликта свидетельствует ст. 19 Гаагской конвенции о защите культурных ценностей 1954 года, согласно которой воюющие стороны обязаны применять положения конвенции и в вооруженных конфликтах немеждународного характера.

Определение немеждународного вооруженного конфликта является более или менее общепринятым, несмотря на то, что в некоторых случаях оно все еще зависит от ряда обстоятельств, политической и юридической интерпретации тех или иных случаев возникновения вооруженного столкновения между различными вооруженными формированиями внутри той или иной страны. Гуманитарные нормы, содержащиеся в ст. 3 общей Женевских конвенций 1949 года и Дополнительном Протоколе II к ним 1977 года представляют гарантии лицам, не принимающим участие в боевых действиях, гражданскому населению, особенно женщинам и детям. Лицам, лишенным свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, документами гарантируется гуманное обращение.

Однако, обстановка в мире не остается застывшей на уровне 1949 или 1977 г. В целях дальнейшей гуманизации внутренних вооруженных конфликтов необходима дальнейшая кодификация норм и принципов международного гуманитарного права, применяемых в условиях внутренних вооруженных конфликтов.

¹ *Siordet F.* Les conventions de Genève et la guerre civile. Genève, 1950, p. 18.

² *Мбатна Б.* Немеждународный вооруженный конфликт и международное гуманитарное право. Автореферат диссертации. М. 1985, стр. 12.

³ *Полторах А.И., Савинский Л.И.* Вооруженный конфликты и международное право, М., 1976, с. 178.

⁴ Резолюция ГА ООН 2444 (XXIII) об уважении прав человека в период вооруженных конфликтов от 1968; Резолюции, принятые ГА ООН на XXIII сессии 24 сентября — 21 декабря 1968 г. Нью-Йорк, с. 66.

⁵ *Мбатна Б.* Указ. соч., с. 8.

⁶ *Блищенко И.П.* Немеждународный вооруженный конфликт и международное право // Советское государство и право, № 11, 1973. С. 131—132; *Арибасов И.Н., Егоров С.А.* Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия, 1989, с. 47.

⁷ *Montealegre H.* Conflictos armados internos y derechos humanos // Studies and essays ... p. 737.

⁸ *Капустин А.Я., Мартыненко Е.В.* Международное гуманитарное право. М., 1991, с. 55—56.

⁹ Словарь международного права. М., 1982, с. 25.

¹⁰ *Schindler D.* The different types of armed conflicts according to the Geneva conventions and protocols // Recueil des cours. Vol. 163. Sijthoff, 1979, 145.

¹¹ *Dupuy R.J. et Leonetti A.* La notion de conflit armé à caractère noninternational dans "The new humanitarian law of Armed conflict". L. 1979, p. 269.

¹² Как примеры: заявления, сделанные странами во время вооруженных конфликтов в Испании 1963 г.; Палестине 1968 г.; Венгрии 1956 г.; Йемене 1962; Нигерии 1967, и другие. См.: *Venthey M.* Guerrilha et droit humanitaire, Genève, 1983.

¹³ Предложение делегации Индонезии на Женевской конференции, 1975 г., см. Док. CDDN/I/SR. 22. p. 16.

¹⁴ Это предложение сделано делегацией Вьетнама. См. там же, p. 17.

¹⁵ *Полторах А.И., Савинский Л.И.* Указ. соч. с. 189.

¹⁶ Такое предложение было сделано представителем Вьетнама на Диплома-

тической конференции по подтверждению и развитию международного гуманитарного права, 1975, см. Doc. CDDN/I/SR.

¹⁷ Dupuy R.J. et Leonetti A. La notion de conflit armé a caractere noninternational dans "The new humanitarian law of Armed conflict". Edit by A. Cassese. Napoli; 1976, p. 273.

¹⁸ Хайд Ч. Международное право (его понимание и применение Соединенными Штатами Америки). М., 1953 г., т. 5, с. 31.

¹⁹ Там же.

²⁰ Thomas A.V. and Thomas A.J. Non-intervention. The law and it's import in the America. Dallas, 1956, p. 216.

²¹ Блищенко И.П. Дополнительный Протокол о немеждународном конфликте 1977 г. и Проблема беженцев // Московский журнал международного права, спец. Выпуск, декабрь 1998 г., с. 92—93.

²² Современные войны (гуманитарные проблемы). М., 1990 г., с. 36—37.

²³ Современные войны ..., с. 38.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Чехарин Ю.Б. Международно-правовая оценка внутренних конфликтов (аналитическое исследование). М., 1989 г., с. 13.

²⁷ Современные войны ... с. 39.

²⁸ Там же.

²⁹ Draft declaration adopted by consensus by the Drafting Committee on September 1, 1993.

³⁰ Цит. по Фуркало В.В. Международно-правовая защита гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов, К., 1986, с. 92.

³¹ Резолюция Г.А. ООН 2444 (XXVIII) от 19 декабря 1968 г., 2852 (XXVI) от 20 декабря 1971 г., 3102 (XXVIII) от 12 декабря 1973 г.

³² Док. ООН/A/7720 от 20 декабря 1969 г., с. 59.

Статья поступила в редакцию в июне 1999 г.

Космическое право

ДИСТАНЦИОННОЕ ЗОНДИРОВАНИЕ ЗЕМЛИ ИЗ КОСМОСА

А. В. Яковенко*

В 1986 году Генеральная Ассамблея ООН (рез 41/65) одобрила Принципы, касающиеся дистанционного зондирования Земли из космического пространства. Принятию документа предшествовали серьезные дискуссии по правовым последствиям дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), проходившие в Юридическом подкомитете Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях с 1972 года. Первоначальной целью переговоров была разработка соответствующей конвенции. Однако она реализована не была.¹

Данный документ обладал юридической силой под вопросом. Однако, как показала практика, принципы действуют уже более 10 лет и их можно рассматривать в качестве обычной нормы.

В принципах дистанционного зондирования Земли содержится ряд важных положений, которые, несомненно, оказывают влияние на практику государств. Причем к ним относятся ряд терминов, которые используются применительно к деятельности по дистанционному зондированию. Этому всецело посвящен первый принцип:

1. "Дистанционное зондирование" означает зондирование поверхности Земли из космоса с использованием свойств электромагнитных волн, излучаемых, отражаемых или рассеиваемых зондируемыми объектами, с целью лучшего распоряжения природными ресурсами, совершенствования землепользования и охраны окружающей среды.

2. "Первичные данные" означают необработанные данные, которые получаются с помощью аппаратуры дистанционного зондирования, установленной на борту космического объекта, которые передаются или доставляются на Землю из космоса посредством телеметрии и в виде электромагнитных сигналов, фотопленки, магнитной ленты или какими-либо другими способами.

3. "Обработанные данные" означают материалы, полученные в результате такой обработки первичных данных, которая необходима для обеспечения возможности пользоваться этими данными.

4. "Проанализированная информация" означает информацию, по-

*Заместитель постоянного представителя Российской Федерации при международных организациях в Вене.

лученную в результате интерпретации обработанных данных, дополнительно введенных данных и сведений из других источников.

5. “Деятельность по дистанционному зондированию” означает эксплуатацию космических систем дистанционного зондирования, станций по приему и накоплению первичных данных и деятельность по обработке, интерпретации и распространению обработанных данных.

Второй принцип посвящен важному положению, констатирующему, что деятельность по дистанционному зондированию предназначается на благо и в интересах всех стран, независимо от уровня их экономического, социального или научно-технического развития и с особым учетом нужд развивающихся стран.

Третий принцип посвящен вопросам следования правовым нормам. Устанавливается, что деятельность по дистанционному зондированию осуществляется в соответствии с международным правом, включая Устав ООН, Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Договор по космосу), и соответствующие документы Международного союза электросвязи (МСЭ).

Четвертый принцип подчеркивает, что деятельность по дистанционному зондированию осуществляется в соответствии с принципами, содержащимися в статье I Договора по космосу. Констатируется, что исследование и использование космического пространства осуществляется на благо и в интересах всех стран, независимо от уровня их экономического или научного развития, и устанавливает принцип в соответствии с которым космическое пространство открыто для исследования и использования на основе равенства. Эта деятельность осуществляется на основе уважения принципа полного и постоянного суверенитета всех государств и народов над своими богатствами и природными ресурсами с должным учетом признаваемых по международному праву прав и интересов других государств и организаций, находящихся под их юрисдикцией. Подобная деятельность должна осуществляться таким образом, чтобы не наносить ущерба законным правам и интересам зондируемого государства.

Пятый принцип важен с точки зрения того, что государства, осуществляющие деятельность по дистанционному зондированию, содействуют международному сотрудничеству в этой деятельности. Такое участие основывается в каждом случае на справедливых и взаимоприемлемых условиях.

Шестой, седьмой и восьмой принципы также посвящены вопросам взаимодействия.

Для получения максимальных выгод от деятельности по дистанционному зондированию государства поощряются к тому, чтобы в соглашениях или иных договоренностях предусматривались создание и эксплуатации станций по приему и накоплению данных и установок по обработке и интерпретации данных, в частности, в рамках региональных соглашений и договоренностей, когда это возможно.

Государства, участвующие в деятельности по дистанционному зондированию, представляют техническую помощь другим заинтересованным государствам на взаимосогласованных условиях.

ООН и соответствующие учреждения системы ООН содействуют международному сотрудничеству, включая техническую помощь и координацию в области дистанционного зондирования.

Девятый принцип констатирует, что в соответствии со статьей IV Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство и статьей XI Договора по космосу, государство, осуществляющее программу дистанционного зондирования, информирует Генерального секретаря ООН. Кроме того оно представляет в максимально возможной и практически осуществимой степени любую другую соответствующую информацию любому другому государству, в частности любому развивающемуся государству из числа затрагиваемых этой программой по его просьбе.

Десятый принцип предусматривает, что дистанционное зондирование должно содействовать охране природной среды Земли. С этой целью участвующие в деятельности по дистанционному зондированию государства, которые установили, что в их распоряжении имеется информация, способная предотвратить любое вредное для природной среды земли явление, сообщают эту информацию соответствующим государствам.

Согласно одиннадцатому принципу дистанционное зондирование должно содействовать защите человечества от стихийных бедствий. С этой целью участвующие в деятельности по дистанционному зондированию государства, которые установили, что в их распоряжении имеются обработанные данные и проанализированная информация, могущие быть полезными для государств, пострадавших от стихийных бедствий или подвергавшихся стихийным бедствиям, передают такие данные и информацию соответствующим государствам по возможности в кратчайшие сроки.

Двенадцатый принцип представляет особый интерес. В нем говорится, что как только получены первичные данные и обработанные данные по территории, находящейся под его юрисдикцией, зондируемому государству представляется доступ к ним на недискриминационной основе и на разумных условиях оплаты. Зондируемому государству предоставляется также доступ к проанализированной информации по территории, находящейся под его юрисдикцией, которой располагает любое государство, участвующее в деятельности по дистанционному зондированию на той же основе и тех же условиях. Особо принимая во внимание нужды и интересы развивающихся стран.

Концепции распространения информации дистанционного зондирования Земли изначально определялись двумя принципиальными подходами к проблемам распространения информации ДЗЗ на международной арене. США, Япония и ряд других западных стран выступали за применение в данной области принципа свободного потока информации, за свободную торговлю спутниковой информацией на мировом рынке. СССР, другие социалистические и развивающиеся страны, а также Франция полагали, что государства обладают суверенными правами на информацию по территориям, находящимся под их юрисдикцией, и могут полностью контролировать ее использование. Позже, смягчая свои позиции, они предложили ввести разрешительный

порядок распространения информации ДЗЗ на международной арене с предварительного явно выраженного согласия на то зондируемого государства.

Поскольку достичь консенсуса на этой основе не удалось, СССР в начале 80-х гг. выступил с компромиссной концепцией деления информации ДЗЗ на определенные категории в зависимости от степени их пространственного разрешения. Данные высокого качества разрешения при этом могли бы распространяться только с согласия зондируемого государства. Другие данные поступали бы в свободное обращение. Эта концепция нашла отражение в проекте Конвенции о передаче и использовании данных дистанционного зондирования Земли из космоса 1978 г.

Компромиссное предложение Советского Союза пользовалось поддержкой большинства членов Комитета ООН по космосу. Однако и оно не собрало консенсуса. В 1982 г. Бразилия выдвинула иной подход, согласно которому правомерность распространения информации ДЗЗ на международной арене ставилась в зависимость от факта предоставления доступа к ней для зондируемого государства. Бразильское предложение способствовало значительному продвижению дискуссий по правовым последствиям ДЗЗ в Комитете ООН по космосу. Оно, однако, было сопряжено с дополнительными трудностями, связанными с требованиями развивающихся стран о предоставлении им льгот в доступе к спутниковой информации.

В итоге в окончательном тексте Принципов, касающихся дистанционного зондирования Земли из космоса, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1986 г., зафиксировано только одно ограничение, касающееся в т. ч. и распространения спутниковой информации чрезвычайно общего характера. Как уже отмечалось, в принципе IV говорится, что деятельность по ДЗЗ должна осуществляться на основе уважения принципа полного и постоянного суверенитета всех государств и народов над своими богатствами и природными ресурсами с должным учетом признаваемых по международному праву прав и интересов других государств и организаций, находящихся под их юрисдикцией, такая деятельность должна осуществляться таким образом, чтобы не наносить ущерба законным правам и интересам зондируемого государства. Что касается доступа последнего к информации по территориям, находящимся под его юрисдикцией, то такой доступ, согласно принципу XII, должен предоставляться на недискриминационной основе и на разумных условиях оплаты.

Прямое отношение к режиму распространения информации ДЗЗ на международной арене имеют также положения Принципов относительно информирования Генерального секретаря ООН о предпринимаемых на национальном и международном уровнях программах дистанционного зондирования Земли из космоса, передача заинтересованным странам спутниковой информации, которая может оказаться полезной в целях охраны окружающей среды, предупреждения о стихийных бедствиях и борьбы с их последствиями и др. Это позволяет ряду экспертов сделать вывод о том, что в международном космическом праве постепенно складывается концепция регулируемого распространения

спутниковой информации, основывающегося на специальном международно-правовом режиме с учетом различных факторов².

Тринадцатый принцип отмечает, что для поощрения и активизации международного сотрудничества особенно с учетом нужд развивающихся стран, государство, осуществляющее дистанционное зондирование Земли из космического пространства, вступает по просьбе в консультации с государством, территория которого зондируется с целью предоставления возможностей участия и увеличения получаемых от этого взаимных выгод.

Четырнадцатый принцип является очень важным с точки зрения всей философии международного сотрудничества в космосе. В соответствии со статьей VI Договора по космосу государства, эксплуатирующие спутники дистанционного зондирования, несут международную ответственность за свою деятельность и обеспечивают, чтобы такая деятельность проводилась в соответствии с настоящими принципами и нормами международного права, независимо от того, осуществляется она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами или в рамках международных организаций, главами которых такие государства являются. Этот принцип не затрагивает применимости норм международного права об ответственности государств в том, что касается деятельности по дистанционному зондированию.

Проблема международной ответственности в области ДЗЗ осложняется тем, что соответствующая деятельность, представляющая собой единое целое в функциональном отношении, подразделяется по месту совершения на 2 стадии: наземную и космическую. Последняя при этом, бесспорно, попадает в сферу действия международного космического права, отличительной чертой которого является установление прямой ответственности государств за всякую национальную деятельность в космосе, независимо от того, кем — правительственными органами или неправительственными юридическими лицами — такая деятельность проводится. Что же касается наземной стадии деятельности ДЗЗ из космоса, то здесь вопрос о режиме ответственности пока остается открытым.

Во время дискуссий по правовым последствиям ДЗЗ в Юридическом подкомитете Комитета ООН по космосу СССР и многие другие страны выступали за решение этого вопроса на основе ст. VI Договора по космосу 1967 г., т. е. в пользу возложения ответственности за деятельность в т. ч. и по распространению спутниковой информации, на государство, под чьей юрисдикцией такая деятельность проводится. США и ряд других западных стран выступали против, ссылаясь на то, что наземная стадия деятельности по ДЗЗ не является космической и не регулируется Договором по космосу. В результате текст соответствующего положения Принципов ДЗЗ 1986 г. получился компромиссным и противоречивым по содержанию. В нем, в частности, говорится о том, что на основании ст. VI договора по космосу международную ответственность несут только государства, эксплуатирующие спутники дистанционного зондирования. В то же время в данном документе речь идет о деятельности по ДЗЗ, к которой, как прямо устанавливается в принципе I, относится и наземная деятельность, связанная с эксплуатацией

станций по приему и накоплению первичных данных дистанционного зондирования Земли, их обработке, интерпретации и распространению полученной информации. Как представляется, систематическое толкование данного документа дает поэтому основания для вывода о том, что режим ответственности в международном космическом праве распространяется на всю деятельность по ДЗЗ на обеих ее стадиях. Такой вывод находит веские подтверждения в американском космическом законодательстве, в т. ч. в Законе США о коммерциализации дистанционного зондирования Земли 1984 г.

Вместе с тем при решении вопроса о природе международной ответственности в области ДЗЗ следует различать ее формы — политическую и материальную ответственность. Политическую ответственность за деятельность по ДЗЗ, включая распространение спутниковой информации на международной арене, несут государства, санкционирующие такую деятельность и осуществляющие за ней контроль. Что касается материальной ответственности за ущерб, причиненный в результате зондирования Земли с помощью космических средств, в т. ч. вследствие передачи полученной информации третьим странам, то, учитывая постепенный переход данной отрасли прикладной космонавтики на коммерческие основы, ее, видимо, следовало бы возложить на соответствующие национальные организации и определять согласно процедурам, принятым в национальном законодательстве и в международном частном праве.

Пятнадцатый принцип посвящен процедуре урегулирования споров. Любой спор, возникающий из применения настоящих принципов, разрешается с помощью установленных процедур мирного урегулирования споров.

В последнее время зарубежные страны, занимающиеся международным космическим правом, все активнее поднимают вопрос об оставании существующих положений правового регулирования ДЗЗ от требований динамично развивающегося рынка услуг по зондированию земной поверхности.

Специфика рынка ДЗЗ состоит в работе на нем одновременно государственных и частных субъектов права, имеющих зачастую различные интересы. Так, в осуществлении запусков и эксплуатации спутников, проводящих зондирование, пока доминируют государственные компании. От государственного сектора в настоящее время также поступает порядка 80% заказов на съемки из космоса, как в целях обороны, так и, например, охраны окружающей среды и городского планирования. Однако для мобилизации средств на нужды программ ДЗЗ в условиях нехватки бюджетных средств правительственным органам многих стран, включая Россию, приходится идти на коммерциализацию этой деятельности.

Уже появились частные компании, ведущие мониторинг земной поверхности из космоса и активно создающие наземную инфраструктуру рынка дистанционного зондирования Земли. При этом, использование ими аппаратуры с большой разрешающей способностью и отсутствие правовых ограничений на распространение ими космических

снимков создает опасность коллизии деятельности частных фирм с существующими юридическими нормами.

Другим аспектом коммерциализации ДЗЗ является необходимость формирования спроса на получаемые в ходе зондирования данные со стороны частных потребителей. С правовой точки зрения стимулировать такой спрос можно, облегчая доступ к данным дистанционного зондирования Земли, организовав их сбыт.

Доступ к данным космического зондирования со стороны государственных институтов обеспечивают принятые ООН в 1986 г. "принципы, касающиеся ДЗЗ из космоса". Других международно-правовых документов такого рода нет. Эти положения, рассматриваемые сегодня как часть обычного международного права, обеспечивают баланс между свободой наблюдения земной поверхности из космоса и права зондируемых стран на доступ к результатам таких исследований. Как уже отмечалось выше, зондируемые государства вправе получать сведения ДЗЗ незамедлительно после их проведения, на недискриминационной основе и по разумной цене.

Для организации же доступа частного сектора к рассматриваемой информации следует обеспечить соблюдение прав зондируемого объекта на интеллектуальную собственность, а также прав граждан на невмешательство в их частную жизнь. Такие права могут быть нарушены не в момент самих наблюдений, а в случае публикации его результатов.

Не решен также вопрос о допустимости передачи данных дистанционного зондирования Земли о частных лицах государственным органам и о том, могут ли такие сведения быть признаны в качестве доказательства в суде. Положительный ответ на этот вопрос создал бы искушение широкого применения зондирования для надзора за гражданами под предлогом соблюдения общественного порядка. Может встать вопрос и об обеспечении доступа граждан к информации, накапливаемой на них через возможности ДЗЗ в административных органах. При этом необработанные данные зондирования не должны рассматриваться как административная информация.

Для проведения сбыта данных ДЗЗ необходимо обеспечить их правовую защиту против незаконного их копирования и контроль за обращением таких сведений. Как представляется, подключение частных фирм к финансированию рассматриваемой деятельности должно быть только в случае обеспечения юридической защиты всей "производственной цепочки" зондирования. Ведь, к примеру, перехват фирмой-конкурентом передаваемой со спутника информации ДЗЗ, если не защищена интеллектуальная собственность на нее, может лишить владельца космического аппарата его законной прибыли.

По мнению ряда юристов, распространение сведений пользователям (например, через Интернет) должно быть законодательно защищено. Однако следует учитывать, что гармонизация соответствующих юридических норм на международном уровне возможна только в отношении обработанных сведений (продукта с добавленной стоимостью). Что касается "сырых" материалов дистанционного зондирования Земли, то защитить интеллектуальные права на них возможно только в рамках

права на копирование, известного в странах “общего права”, но не континентального авторского права.

Ограниченность существующих правовых норм проявляется только в отсутствии защиты инвестиций, необходимых для производства информации — этого нового товара современной экономики. Такое положение вызвано тем, что с сегодняшней юридической точки зрения самой информацией нельзя владеть. Осуществляемые попытки создать правовые нормы в отношении конечного продукта электронного информационного процесса пока не дали желаемого результата. По мнению ряда экспертов, защитить инвестиции в информацию, в том числе, электронную, можно, опережившись на существующие пограничные нормативные акты в отношении звуко- и видеозаписи и создав единые положения для всех видов информации.

С точки зрения юристов, в обозримой перспективе правовые нормы в отношении информации будут базироваться на праве *sui generis*. Они будут относиться ко всем ее видам: данным ДЗЗ, литературным, изобразительным и звуковым произведениям. В компьютерном деле юридические нормы будут применяться к файлам, как единицам хранения информации. Эти права на файлы не будут входить в противоречие с правами на их содержание, поскольку в случае публикации в любом виде содержание файлов будет защищаться отдельными нормами.

Таким образом, как отмечают зарубежные эксперты, мы стоим перед необходимостью создания правовой среды, в которой была бы урегулирована космическая деятельность предпринимателей. Видимо, принятые на международном уровне комплексного регулирования гарантировало бы интеллектуальную собственность на электронную информацию, получаемую в процессе ДЗЗ, а также адекватные правовые гарантии для всех участников этого характера космической деятельности. Оно предотвращало бы размывание авторского права и права на копирование при их использовании в космической сфере. В этом контексте большую роль в актуализации юридических норм призваны сыграть организации системы ООН.

Следует отметить, что в последнее время все громче раздаются голоса в пользу доработки принципов международного космического права в преломлении к дистанционному зондированию Земли. Не исключено, что за этим может стоять желание частных компаний добиться принятия международных юридически обязательных договоренностей о порядке инвестиций в сферу космического зондирования и распространения получаемой в результате этой информации.

¹ Словарь международного космического права. — Издательство МО, 1992 г., — С 192.

² Там же.

Права человека

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ (на примере Конвенции о правах ребенка)

С. Ю. Колосова*

Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Это утверждается в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека 1948 года.

Что же происходит с рожденными свободными и равными в реальной жизни? В большинстве случаев они являются свободными и равными в юридическом смысле. Но они не всегда свободны и равны на практике по причине неравенства в стартовых возможностях или по другим жизненным обстоятельствам.

Те, кто не может пользоваться равными правами с другими по независящим от них причинам, имеют право на специальную заботу и помощь. Поэтому международное сообщество предприняло правовые меры по защите прав и свобод уязвимых групп населения. В этой области не так много международных актов, которые юридически обязательны, но больше документов декларативного характера.

Международные договоры, имеющие для государств-участников обязательную силу, включают:

- Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г. (в силе с 1950 г.);

- Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море 1949 г. (в силе с 1950 г.);

- Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1949 г. (в силе с 1950 г.);

- Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г. (в силе с 1950 г.);

- два Дополнительных протокола к Женевским конвенциям 1949 г.,

* Третий секретарь Управления по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека (УПГЧ) МИД РФ, слушатель Дипломатической академии МИД РФ.

касающихся защиты жертв международных вооруженных конфликтов и вооруженных конфликтов немеждународного характера 1977 г. (в силе с 1978 г.);

- Конвенция о статусе беженцев 1951 г. (в силе с 1954 г.) и Протокол к ней 1966 г. (в силе с 1967 г.);

- Конвенция о статусе апатридов 1954 г. (в силе с 1960 г.);

- Конвенция МОТ № 138 о минимальном возрасте для приема на работу 1973 г. (в силе с 1976 г.);

- Конвенция о правах ребенка 1989 г. (в силе с 1990 г.);

- Международная конвенция о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей 1990 г. (в силу не вступила);

- Конвенция МОТ № 169 о коренных и племенных народах в независимых странах 1989 г. (в силе с 1991 г.);

- Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении международного усыновления 1993 г. (в силе с 1995 г.).

Документы, содержащие рекомендации государствам, включают:

- Декларацию о правах ребенка 1959 г.;

- Декларацию о правах умственно отсталых лиц 1971 г.;

- Декларацию о защите женщин и детей в ситуациях чрезвычайного положения и вооруженных конфликтов 1974 г.;

- Декларацию о правах инвалидов 1975 г.;

- Минимальные стандартные правила об обращении с заключенными 1955 г.;

- Декларацию о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают 1985 г.;

- Минимальные стандартные правила ООН об осуществлении правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г.;

- Декларацию прав лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г. и др.

Наибольшее число лиц, находящихся под специальной защитой международного права, являются детьми. Лица до 18-летнего возраста составляют 52 % населения мира. До совершеннолетия дети не считаются самостоятельными. Во многих случаях они не могут претендовать на наличие собственных прав. За них принимают решения родители или законные опекуны. Благополучие детей зависит от взрослых. Но есть и еще более уязвимые дети, то есть те, кто относится к жертвам вооруженных конфликтов, беженцам, детям без гражданства, детям трудящихся-мигрантов, детям коренного и племенного населения, умственно отсталым детям, детям-инвалидам, детям в местах заключения и интернатах, детям меньшинств и т. д.

Поэтому права детей заслуживают специального рассмотрения.

Понятие социальной уязвимости

Общепризнанного определения социальной уязвимости индивида или группы людей не существует. Можно найти лишь косвенные указания на ситуацию уязвимости.

Уязвимость означает отсутствие специальной защиты тех, чье “существование” или “самобытность” подвергаются опасности (ст. 1 Дек-

ларации ООН о меньшинствах 1992 г.). Эта мысль отражена также в Декларации о защите женщин и детей в случаях чрезвычайных ситуаций и вооруженных конфликтов (нападения, бомбардировки и другие жестокости вооруженных конфликтов в отношении незащищенных женщин и детей).

Это понятие означает также трудности в осуществлении “в полной мере и эффективно” всех прав человека и основных свобод “без какой бы то ни было дискриминации и на основе полного равенства перед законом” (ст. 4 Декларации ООН о меньшинствах 1992 г.).

В ст. 25 Всеобщей декларации прав человека утверждается, что каждый человек имеет право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного “случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам”.

Таким образом, характеристикой уязвимости следует также считать недостаток средств к существованию человека по не зависящим от него обстоятельства.

Лица, подвергающиеся задержанию или тюремному заключению, являются уязвимыми ввиду того, что они лишены свободы и зависят от официальных лиц правоприменительных органов.

Можно, следовательно, считать, что положение социальной уязвимости означает утрату свободы или средств к существованию по независящим от лица причинам, что порождает невозможность пользоваться равными с другими лицами правами без специальной социальной защиты.

Понятие социальной справедливости

Понятие социальной справедливости в международном праве не имеет определения. Основным критерием в этом смысле следует считать равенство прав всех людей (ст. 1 Всеобщей декларации прав человека). Вторым критерием является недискриминация людей по определенным основаниям (ст. 2 Всеобщей декларации прав человека). Еще одним условием социальной справедливости является то, что меры специальной защиты не должны наносить ущерба всем другим лицам, которые имеют право пользоваться универсально признанными правами человека и основными свободами (ст. 8 Декларации о меньшинствах 1992 г.).

Специальная защита и помощь уязвимых групп населения социально оправданны. Поэтому п. 2 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека признает, что материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь.

Другое упоминание социальной справедливости мы находим в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, где говорится о “справедливых” требованиях морали “в демократическом обществе”.

Свобода “от страха и нужды” представляет собой еще одну важную черту социальной справедливости (абзац 3 преамбулы Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Ст. 9 этого же Пакта упоминает право каждого человека на социальное обеспечение).

Участники второй встречи Совета Европы на высшем уровне (Страс-

бург, 10—11 октября 1997 г.) в Заключительной декларации согласились пересмотреть национальное законодательство государств-членов в социальной области с целью борьбы со всеми формами отторжения обществом его наиболее слабых членов и обеспечения их лучшей защиты. Они также решили активизировать сотрудничество, направленное на усиление правовой защищенности детей.

Таким образом, социальная справедливость означает полное равенство людей в деле пользования всеми правами, содержащимися в Международном пакте о гражданских и политических правах и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, а также принятие мер специальной защиты наиболее слабых членов общества (уязвимых лиц), когда такие меры не наносят ущерба всем остальным людям и имеют целью обеспечение равной социальной безопасности для всех.

Права ребенка

В 1924 г. Лига Наций приняла Женевскую декларацию о правах ребенка. В 1959 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла новую декларацию по этому вопросу. Эти два документа были посвящены мерам специальных гарантий, заботы и защиты ребенка. В соответствии с Декларацией 1959 г. каждый ребенок без какого то бы ни было исключения имеет право пользоваться возможностями и условиями для развития в здоровой и нормальной обстановке, пользоваться преимуществами социального обеспечения, воспитываться в атмосфере любви и моральной и материальной защищенности, получать образование, быть свободным от небрежного отношения и эксплуатации, получать защиту от любой дискриминации. Центральным положением декларации является ст. 8, которая устанавливает, что при всех обстоятельствах ребенок должен быть среди тех, кто первым получает защиту и помощь.

Как можно видеть, права ребенка понимались как “пассивные” права. Субъектами этих прав являлись родители, неправительственные организации, местные власти и правительства.

Такой же подход, основанный на принципе “заботы и воспитания”, а также покровительства, находил отражение и в других документах, содержащих положения относящиеся к детям. Приведем лишь несколько примеров “Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой” (п. 2 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека). “Особые меры охраны и помощи должны приниматься в отношении всех детей и подростков...” (п. 3 ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). В п. 3 ст. 13 этого же пакта сказано, что “участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов выбирать для своих детей... школы”. В п. 4 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах говорится, что... “государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями”.

В ряде докладов Комитету по правам ребенка государств-участников Конвенции о правах ребенка и прогрессе, достигнутом ими в выполнении обязательства по Конвенции утверждается, что дети в их странах пользуются равными правами наравне со взрослыми и что нет необходимости в принятии специальных юридических актов, касающихся прав ребенка. Они ссылаются на положения своих конституций и других законов, в которых говорится, что каждый человек имеет равные права. Они также утверждают, что международные договоры по правам человека, когда они являются неотъемлемой частью национальной правовой системы, также относятся как ко взрослым, так и к детям.

В действительности такие утверждения необоснованны в силу двух очевидных причин. Во-первых, в большинстве случаев общество не воспринимает детей в качестве полноценных граждан в силу отсутствия у них поной дееспособности. В самом деле, в каждом государстве устанавливается различный возраст частичной дееспособности ребенка в отношении ряда действий. Например, право обращаться за медицинской помощью без согласия родителей, вступать в брак, вступать в половую связь, устраиваться на работу, совершать сделки, обращаться за юридической помощью и т. д. Это различие между взрослыми и детьми вполне оправданно. Но именно поэтому и все остальные права человека не воспринимаются как автоматически распространяющиеся на ребенка. И именно поэтому права ребенка должны находить специальное отражение в национальных законах.

Во-вторых, не каждое право человека, признаваемое по международным актам, может относиться и к детям. Многие права оправданно распространяются только на совершеннолетних, такие, как равенство перед законом (ведь до определенного возраста дети не несут уголовной ответственности), право на свободу передвижения и выбор места жительства, право на вступление в брак и создание семьи, право на участие в управлении страной и в выборах, право на труд (устанавливаются возрастные ограничения для заключения трудовых договоров), право на добровольное поступление на военную службу и т. д. Некоторые права фактически реализуются детьми только через своих взрослых представителей (право быть зарегистрированным с момента рождения и право на имя, право на владение имуществом и др.).

Все это и побудило международное сообщество принять ряд специальных юридических стандартов, относящихся к детям, с учетом умственной и физической незрелости ребенка и обязанности семьи, общества и государства заботиться о ребенке. И не является случайным тот факт, что начиная с 1989 г. участниками Конвенции о правах ребенка стало уже 191 государство (то есть все, за исключением США и Сомали).

Государства предпринимают шаги по защите прав детей и на региональном уровне. Вторая встреча Совета Европы на высшем уровне в Плане действий, принятом 11 октября 1997 г., призвала к разработке программы по защите интересов детей в сотрудничестве с заинтересованными международными и неправительственными организациями. Главы государств и правительств решили также усовершенствовать

национальное законодательство, имея в виду обеспечение единых стандартов по защите детей, страдающих от бесчеловечного обращения.

Определение понятия “Ребенок”

Конвенция о правах ребенка определяет ребенка как “каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее”.

Поскольку нет юридического определения понятия “человеческое существо”, существуют разногласия по вопросу о том, подпадает ли человеческий зародыш под определение “ребенок”. Поэтому авторы Конвенции о правах ребенка намеренно оставили этот вопрос открытым. Это позволяет государствам-участникам Конвенции самим решить этот вопрос в национальном законе.

Следует отметить, что в преамбуле Декларации о правах ребенка 1959 г. упоминается о специальной охране ребенка “как до, так и после рождения”.

В Чешской Республике зачатый ребенок приобретает правоспособность до рождения. И это не единственный пример.

Что касается возраста совершеннолетия, то и здесь нет единого подхода. В Того совершеннолетие наступает в 21 год. В ряде стран, как в Лаосе, совершеннолетие юридически не установлено и зависит от половой зрелости.

И все же, в подавляющем большинстве государств возраст достижения совершеннолетия установлен в 18 лет.

Возникает вопрос, противоречит ли Конвенция установление совершеннолетия в 21 год. Очевидно, что противоречит. В этом случае лица в возрасте от 18 до 21 года не защищены международными нормами, касающимися прав детей. И в то же время эти лица не могут претендовать на права, предусмотренные в национальном законодательстве для достигших совершеннолетия. Это может создавать для данной группы лиц ситуацию своеобразного “правового вакуума”.

В Конвенции встречаются только два термина, относящихся к несовершеннолетним, — “дети” и “ребенок”, в то время как в национальных законах государств-участников используются различные понятия в отношении несовершеннолетних различных возрастов: “дети” (чаще всего до 12—15 лет), “молодежь”, “юноши”, “подростки”, “молодые люди” (когда это касается несовершеннолетних старше 12—15 лет).

Эти случаи могут создавать проблемы в странах, где Конвенция не является частью национальной правовой системы. Если национальный закон распространяет понятие “ребенок” только на лиц до 15-ти лет, национальные суды могут в ряде случаев принимать решения, противоречащие Конвенции, которая защищает права всех лиц до 18 лет. Очевидно, что в странах, где используются понятия иные, чем “ребенок” и “дети”, было бы необходимо законодательно установить, что вне зависимости от применяемых понятий (“подросток”, “юноша” и т. п.) родовым термином в отношении всех лиц до 18 лет следует считать термин “ребенок”.

Другим недостатком в результате этих терминологических расхожде-

ний является то, что статистические данные о положении детей охватывают только группу лиц до 15 лет. Например, изучение данных переписи населения в Ирландии показывает, что 44 % населения составляют люди в возрасте до 25 лет, а 27 % — до 15 лет. Остается неясным, в отношении какого же числа лиц действуют положения Конвенции о правах ребенка.

Важно отметить, что Конвенция защищает не только права детей, являющихся гражданами данного государства, но и всех других детей, находящихся под его юрисдикцией (детей-беженцев, постоянно проживающих иностранцев, детей без гражданства, детей из семей рабочих-мигрантов и т. п.).

Принцип запрещения дискриминации, который отражен в Конвенции, не означает, что национальные законы не могут проводить различий в отношении возрастных групп детей. Частичная дееспособность может признаваться в отношении различных действий в зависимости от возраста ребенка.

Например, право заключать сделки без согласия родителей наступает в Австрии с 14-ти лет, в Греции с 10-ти, в Ирландии — с 16-ти. Трудовой договор ребенок имеет право заключить на Кипре — с 15-ти лет, во Франции — с 16-ти, в Греции с 14-ти и т. д. Право отказаться от усыновления наступает в Бельгии с 15-ти лет, в Дании — с 12-ти, в Эстонии — с 10-ти, во Франции — с 13-ти и т. д.)¹.

Следовательно, возраст наступления частичной дееспособности может варьироваться в зависимости от национальных традиций, культуры и других факторов.

Все изложенное выше необходимо принимать во внимание, поскольку по Конвенции все лица до 18-ти лет имеют право на защиту и покровительство со стороны закона.

Среди детей имеются группы, которые считаются особо уязвимыми. В отношении таких детей должны приниматься меры специальной защиты.

Дети в вооруженных конфликтах.

В 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о защите женщин и детей в ситуациях чрезвычайного положения и вооруженных конфликтов². Декларация вновь призвала все государства полностью уважать и соблюдать свои обязательства по Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г.

Ст. 38 Конвенции о правах ребенка обязывает государства-участники уважать и обеспечивать соблюдение норм международного гуманитарного права, применимых в случаях вооруженных конфликтов к детям.

Такие нормы содержатся прежде всего в Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г.

Дети вовлекаются в вооруженные конфликты в качестве солдат, многие из которых гибнут или остаются калеками. В районах вооруженных конфликтов дети становятся очевидцами жестокостей, которые оказывают отрицательное влияние на их умственное и психическое здоровье. В некоторых районах мира дети принудительно вербуются в

армию, насильственно разлучаются с семьями, принуждаются к совершению убийств. Иногда дети используются воюющими сторонами в качестве живого щита и даже как живые минные бульдозеры.

Подобные факты представляют собой грубейшие нарушения международного гуманитарного права.

Статья 24 упомянутой выше Женевской конвенции требует от сторон в конфликте принятия необходимых мер для обеспечения того, чтобы дети до 15-ти лет, остающиеся сиротами или разлученные с семьями в результате войны, не оставались на произвол судьбы и чтобы при всех обстоятельствах облегчалось получение ими содержания, выполнение обязанностей, связанных с их религией и воспитанием.

Более того, ст. 50 этой конвенции устанавливает, что оккупирующая держава должна оказывать содействие надлежащему функционированию всех учреждений, которым поручено попечение и воспитание детей.

Дополнительный протокол 1 к Женевским конвенциям содержит статью 77 о защите детей и статью 78 об эвакуации детей. Положения этих двух статей устанавливают, что стороны в конфликте должны обеспечивать детям защиту и помощь, которые им требуются, что дети до 15-летнего возраста не должны принимать непосредственно участия в военных действиях и не должны вербоваться в вооруженные силы и что в случае эвакуации детей в иностранное государство власти стороны, осуществляющей эвакуацию, и власти принимающей страны должны принимать меры для сохранения сведений о ребенке в целях облегчения возвращения его в свою семью.

Конвенция о правах ребенка обязывает участников принимать все возможные меры для обеспечения того, чтобы лица не достигшие 15-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях. В этой связи встают два вопроса. Является ли установление 15-летнего возраста удовлетворительным решением защиты детей от влияния вооруженных конфликтов? И является ли оправданным “косвенное” участие детей в военных действиях (в качестве подносчиков боеприпасов, например)?

Комитет по правам ребенка в 1993 г. выступил с инициативой разработки факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, по которому возраст вербовки в армию повышался бы до 18-ти лет и который защищал бы лиц до 18-ти лет от вовлечения даже в косвенное участие в военных действиях.

Рабочая группа Комиссии ООН по правам человека с 1994 г. занимается разработкой проекта соответствующего факультативного протокола, и можно надеяться, что новый документ защитит всех детей от вовлечения в вооруженные конфликты.

Принятое Комитетом по правам ребенка Общее руководство относительно формы и содержания периодических докладов, представляемых государствами-участниками Конвенции о правах ребенка,³ рекомендует государствам-участникам включать в доклады информацию о мерах, которые принимаются для обеспечения соблюдения норм международного гуманитарного права и их эффективного доведения до сведения соответствующих должностных лиц и их надлежащего обучения.

Дети, сталкивающиеся с системой правосудия.

В соответствии со статьей 37 (b) Конвенции о правах ребенка арест, задержание или тюремное заключение ребенка должны использоваться лишь в качестве крайней меры.

По мнению Комитета по правам ребенка, в большинстве случаев дети вовлекаются в преступную деятельность взрослыми или совершают правонарушения под давлением тяжелых обстоятельств и, следовательно, должны рассматриваться как жертвы, а не правонарушители. Но даже в случае лишения свободы с детьми следует обращаться гуманно, учитывая нужды лиц их возраста. Ст. 40 (4) Конвенции предусматривает различные альтернативные методы вместо помещения ребенка в исправительные учреждения, такие как уход, опека и надзор, консультативные услуги, назначение испытательного срока, воспитание, программы обучения и профессиональной подготовки и т. п.

Чтобы защитить права детей, сталкивающих с правосудием, государства должны организовывать специальное обучение всех должностных лиц, имеющих дело с несовершеннолетними правонарушителями, включая судей, прокурорских работников, адвокатов, судебных исполнителей, работников иммиграционных служб, социальных работников и др.

В некоторых странах создаются специальные ювенальные (подростковые) или семейные суды для рассмотрения дел несовершеннолетних правонарушителей.

В 1990 г. Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 45/112 одобрила Правила по предупреждению подростковой преступности, которые были приняты на VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Текст этих правил был разработан в 1988 г. на международном совещании экспертов в Саудовской Аравии, и поэтому они известны как Риадские правила.

В основе Риадских правил лежит идея разработки национальных, региональных и международных подходов и стратегий по предотвращению подростковой преступности, особенно в отношении детей, находящихся в условиях социального риска, т. е. брошенных детей, оставшихся без присмотра, подвергавшихся насилию, вовлеченных в наркоманию и т. д. Эта политика должна включать поощрение социально полезной деятельности и гуманистическую ориентацию молодых людей, обеспечение их адекватного благосостояния с раннего детства, отказ от криминализации ребенка за поведение, не причиняющее людям серьезного ущерба.

В 1985 г. резолюцией 40/33 Генеральная Ассамблея ООН приняла Стандартные минимальные правила осуществления детского правосудия. Они известны как Пекинские правила, поскольку проект правил был разработан на межрегиональной подготовительной встрече в Пекине накануне VII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

Эти правила рассматривают детское правосудие в качестве неотъемлемой составной части социальной справедливости в отношении детей. Это значит, что конструктивная социальная политика по отношению к

детям играет важную роль в деле предупреждения детской преступности. Государства призываются установить законы, правила и положения, специально применимые в отношении детей-правонарушителей, а также создать специальные учреждения и органы, осуществляющие функции детского правосудия. Дознание и обвинение в отношении детей должны вестись с учетом эмоциональной, умственной и интеллектуальной зрелости ребенка.

Наконец, необходимо назвать Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы. Они были приняты Генеральной Ассамблеей ООН в 1990 г. резолюцией 45/113.

Эти правила поделжат применению в исправительных детских учреждениях, а также в случаях лишения ребенка свободы по причинам материального состояния или здоровья. Целью этого документа является борьба с отрицательными последствиями лишения свободы путем обеспечения уважения прав человека несовершеннолетних. Лишение свободы определяется как любая форма задержания или тюремного заключения или помещение в исправительное учреждение, которое несовершеннолетнему не разрешается покидать по собственному желанию.

Генеральная Ассамблея подтвердила, что помещение несовершеннолетнего в исправительное учреждение всегда должно быть самой крайней мерой и в течение как можно более короткого периода времени. Она также признала, что ввиду их крайней уязвимости несовершеннолетние, лишенные свободы, нуждаются в особой защите. Все записи, относящиеся к лишенному свободы несовершеннолетнему, должны храниться в конфиденциальных досье. Все такие дети имеют право пользоваться удобствами и услугами, которые отвечают требованиям здравоохранения и уважения человеческого достоинства.

Несовершеннолетние в условиях лишения свободы имеют право на образование, профессиональное обучение и работу за справедливое вознаграждение, право на отдых и медицинское обслуживание, а также на поддержание связей со своими семьями и друзьями.

Особо важным представляется положение, предусматривающее инспекции мест заключения должным образом назначенными органами, которые не относятся к администрации учреждения.

Дети, подвергающиеся эксплуатации

Конвенция о правах ребенка признает право ребенка на защиту от экономической эксплуатации и от выполнения любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья или служить препятствием в получении им образования, либо наносить ущерб его здоровью и физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию (ст. 32).

Государства-участники Конвенции согласились устанавливать минимальный возраст для приема на работу, устанавливать необходимые требования о продолжительности рабочего дня и предусматривать соответствующие виды наказания или другие санкции для обеспечения эффективного осуществления этих обязательств.

Комитет по правам ребенка в своем Общем руководстве относитель-

но формы и содержания периодических докладов государств сформулировал ряд предложений по осуществлению упомянутых выше положений Конвенции. Они включают необходимость представления государствами следующей информации: наличие в законодательстве нормы о запрещении опасной или вредной работы, а также определения этого понятия; применяются ли на практике превентивные меры и меры по исправлению положения относительно детского труда как в легальном производстве, так и в неофициальном секторе.

Среди других международных документов Конвенция отсылает к самой важной Конвенции МОТ (Международной организации труда) № 138 относительно минимального возраста для приема на работу 1973 г.

Каждый член МОТ — участник Конвенции № 138 принял на себя обязательство об отмене детского труда и о постепенном повышении возраста приема на работу до уровня, совместимого с наиболее полным физическим и умственным развитием несовершеннолетнего (ст. 1).

Это положение требует некоторых пояснений.

Прежде всего, минимальный возраст для приема на работу (15 лет) соотносится с возрастом завершения обязательного школьного образования. Если в каком-либо государстве возраст обязательного школьного образования выше 15-ти лет, возраст приема на работу также должен быть повышен соответственно.

Во-вторых, наблюдается некоторое расхождение в терминологии Конвенции о правах ребенка и в Конвенции МОТ № 138. Конвенция МОТ предусматривает ликвидацию детского труда, а Конвенция о правах ребенка относит к детям каждое лицо, не достигшее 18-летнего возраста. В то же время существует не так много стран, в которых возраст завершения обязательного школьного образования установлен в 18 лет. Таким образом, ликвидация детского труда по смыслу Конвенции о правах ребенка находится в явном несоответствии с реальностью.

В некоторых случаях ребенок не способен завершить обязательное школьное образование. Если у такого ребенка нет права на работу, его положение может стать даже более тяжелым. Он либо будет вынужден бездельничать, или же попадет на работу в неформальный сектор экономики, а в этом случае трудовые права несовершеннолетнего в большинстве случаев оказываются не защищенными. В обеих ситуациях такой ребенок попадает в группу риска.

Очевидно, что 15-летний минимальный возраст для приема на работу отражает верный подход, но подростки старше 15-ти лет должны иметь право на труд. В то же время такие молодые работники должны считаться уязвимыми личностями, имеющими право на особую защиту. Понятие экономической эксплуатации должно относиться к случаям найма на работу детей до 15 лет или к случаям, когда трудящийся подросток старше 15-ти лет получает заниженное вознаграждение за свой труд, выполняет опасную или вредную работу, не получает регулярного медицинского осмотра или не имеет возможности для продолжения школьного или профессионального обучения.

Другие ситуации эксплуатации ребенка охватывают вовлечение детей в распространение наркотиков или наркоманию, сексуальную эксплуатацию, включая их вовлечение в производство порнографичес-

кой продукции, торговлю детьми и их похищение. Несомненно, что все дети, оказывающиеся в зоне риска, с точки зрения злоупотребления ими в таких ситуациях, должны считаться наиболее уязвимыми и заслуживающими мер специальной защиты как выражения социальной справедливости.

Комитет по правам ребенка.

Каждый из шести существующих договорных комитетов экспертов (Комитет по правам человека, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет против пыток, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по правам ребенка) уделяет много внимания вопросам социальной справедливости по отношению к лицам, принадлежащим к уязвимым группам населения.

Очевидно, что Комитет по правам ребенка представляет особую важность из-за чрезвычайной уязвимости детей, которые имеют ограниченные возможности в отстаивании своих прав. Вот почему эксперты этого Комитета утверждают, что они действуют именем каждого ребенка мира.

Комитет из 10-ти экспертов был создан в соответствии со ст. ст. 43—45 Конвенции о правах ребенка. Первый состав Комитета был избран на совещании государств-участников Конвенции 28 февраля 1991 г. В его состав входил и эксперт от России. Кандидаты в эксперты выдвигаются правительствами, но после их избрания они выступают в личном качестве, являясь полностью независимыми и беспристрастными.

Основная задача Комитета — рассмотрение прогресса, достигнутого государствами-участниками Конвенции в выполнении обязательств, принятых в соответствии с Конвенцией. Эта цель достигается через рассмотрение национальных докладов, которые должны представляться Комитету через каждые 5 лет.

Комитет проводит ежегодно 3 трехнедельные сессии в Женеве. На 1998 год им обсуждены около 90 докладов, и по ним приняты заключительные выводы и рекомендации, обращенные к соответствующим государствам-участникам.

Деятельность Комитета активно поддерживается Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ), другими органами ООН, такими как Верховный комиссар по делам беженцев (УВКБ), и специализированными учреждениями ООН, включая ЮНЕСКО, ВОЗ, МОТ и другие. Такое сотрудничество позволяет Комитету получать дополнительную информацию о положении детей в странах с особым акцентом на положение наиболее уязвимых групп детей.

Заключение

Международное право предусматривает меры специальной защиты наиболее уязвимых групп общества, всех тех, кто сам не имеет равных возможностей защищать свои права человека и основные свободы.

Социально уязвимые личности нуждаются в социальной справедливости.

вости, в том числе и с помощью каналов международного сотрудничества. Особенно в этом нуждаются дети, составляющие 52 % населения Земли.

Международное сообщество конца XX столетия призвано вырастить новое поколение людей, которое могло бы жить в следующем столетии в мире и гармонии. Для достижения этой цели приняты многие международные акты. Их претворение в реальную действительность выходит на передний план в сфере международного сотрудничества.

Комитет по правам ребенка должен внести вклад в дело устранения социальных несправедливостей в отношении детей, что могло бы стать важным шагом в направлении достижения полной социальной гармонии будущих поколений.

Для защиты любых прав человека, особенно социальных, первостепенное значение имеют внутригосударственные факторы. Но нельзя недооценивать и международные: развитие межгосударственного сотрудничества, правотворческую деятельность на международном, региональном, многостороннем и двустороннем уровнях, в результате которой государства принимают определенные обязательства, и в соответствии с ними приводится национальное законодательство. После принятия таких обязательств необходим международный контроль над их исполнением.

¹ Документ Совета Европы CDPS III 8 obs. (94) 1 Rev., Strasbourg, 7 November 1994.

² Рез. ГА ООН 3318 (XXIX) от 14 декабря 1974 г.

³ Док. ООН CRC/C/58 от 20 ноября 1996 г.

Статья поступила в редакцию в июне 1999 г.

В аппарате Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

*С этого номера редакция открывает новую рубрику, в которой будут публиковаться материалы о международно-правовых аспектах деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.**

1. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: новый конституционный институт

Институт Уполномоченного по правам человека является новым для России. Должность Уполномоченного по правам человека учреждена Конституцией Российской Федерации 1993 года. Пункт "д" части 1 статьи 103 Конституции относит к ведению Государственной Думы назначение и освобождение от должности Уполномоченного, действующего в соответствии с Федеральным конституционным законом.

Федеральный конституционный закон "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации" 25 декабря 1996 года был принят Государственной Думой, 12 февраля 1997 года одобрен Советом Федерации, 26 февраля 1997 года подписан Президентом Российской Федерации, 4 марта 1997 года официально опубликован и вступил в силу. Он определил статус Уполномоченного, его компетенцию, порядок назначения и освобождения от должности.

Должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами и государственными служащими. Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо

* Данный материал подготовлен советником международного отдела аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации А. И. Лебедевым.

государственным органам и должностным лицам. Деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации при осуществлении своих обязанностей пользуется привилегиями и иммунитетами по аналогии с теми, которые предусмотрены Статьей 40 Устава Совета Европы и положениями соглашений и конвенций, заключенных на ее основе.

Уполномоченный осуществляет защиту прав человека, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, а также нормами международного права и международными договорами.

Международное определение института Уполномоченного (омбудсмена) — государственная служба, предусмотренная конституцией и возглавляемая независимым публичным должностным лицом высшего ранга, которое ответственно только перед законом.

Назначение Уполномоченного в государственном механизме состоит в том, чтобы контролировать баланс между тремя центрами власти в государстве: законодательным, исполнительным и судебным. Компетенция Уполномоченного не имеет ограничений, связанных с деятельностью высших государственных органов, вооруженных сил, внутренних дел. Согласно статье 2 Федерального конституционного закона “Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации” все решения Уполномоченного (в том числе заключения) не подлежат обжалованию и пересмотру никакими государственными органами.

Основными направлениями деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации являются:

- рассмотрение жалоб и обращений о нарушениях прав и свобод человека и гражданина, принятие мер по их восстановлению;

- анализ законодательства Российской Федерации в области прав человека и гражданина, подготовка рекомендаций по его совершенствованию и приведению в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права;

- развитие международного сотрудничества в области прав человека;

- правовое просвещение по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты;

- информирование органов государственной власти и общественности о положении дел с соблюдением прав и свобод граждан в Российской Федерации.

Уполномоченный готовит ежегодный доклад о своей деятельности, а также направляет в Государственную Думу специальные доклады по отдельным вопросам соблюдения прав и свобод граждан в Российской Федерации.

Для обеспечения деятельности Уполномоченного создан рабочий аппарат, включающий пресс-службу, отраслевые отделы (конституци-

онного и административного права, гражданского права и жилищного законодательства, по земельным спорам, трудового законодательства, уголовного права, по делам ветеранов, по жалобам военнослужащих, по рассмотрению жалоб беженцев), отдел по связям с субъектами РФ и с правозащитными организациями, международный и информационно-аналитический отделы, а кроме того — административно-технические службы.

22 мая 1998 года Государственной Думой тайным голосованием на должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации назначен доктор юридических наук, профессор О. О. Миронов.

* * *

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и его аппарат размещаются по адресу: 103084 г. Москва, Мясницкая ул., 47. Телефоны: 207—34—12, 207—32—20, факс 207—39—77.

2. Выступление Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в защиту свободы совести

В соответствии с частью 2 статьи 31 Федерального конституционного закона “Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации” по результатам изучения и анализа информации о нарушении прав и свобод граждан, обобщения итогов рассмотрения жалоб Уполномоченный вправе обращаться к субъектам права законодательной инициативы с предложениями об изменении и о дополнении федерального законодательства в случае, если законодательство противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации.

По итогам рассмотрения Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” в Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации направлено предложение Уполномоченного о внесении изменений и дополнений в этот закон, к которому прилагалось следующее Заключение.

Заключение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН “О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ” И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принятый 26 сентября 1997 г. Федеральный закон “О свободе совести и о религиозных объединениях” в основном отвечает международно-правовым обязательствам России, взятым ею на себя в качестве государства-участника Международного пакта о гражданских и политических правах и Европейской Конвенции о защите основных прав и свобод человека. В преамбуле Закона (пункты 1-3), как и в статьях 28, 19 (ч. 2) и 29 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, подтверждается

право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений.

В то же время ряд положений Закона вступает в противоречие с принципами, установленными упомянутыми международно-правовыми документами и, соответственно, может быть опротестован гражданами при подаче жалоб в Европейский Суд по правам человека. По сути дела эти нормы и не могут действовать на территории Российской Федерации, исходя из примата над внутренним законодательством правил, установленных международными договорами, что предусмотрено Конституцией РФ (ч. 4 ст. 15).

1. По сравнению с общим международно-правовым принципом **равенства** всех религий, зафиксированным в Конституции Российской Федерации (согласно ч. 1 ст. 14 “никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной”, а согласно ч. 2 этой же статьи “религиозные объединения... равны перед законом”), в Законе о свободе совести по сути закрепляется **привилегированное положение** отдельных религий.

В преамбуле Закона (п. 4-5) делается ссылка на “особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры” и на *уважение* “христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия России”.

Возникает два вопроса. Во-первых, какие религии подпадают под определение “других” — католицизм, униатство, или же, скажем, пятидесятники и молокане, которые также могут рассматриваться как часть исторического наследия России. Во-вторых, означает ли это *неуважение* к другим религиям, не поименованным в Законе — конфуцианству, индуизму и т. п. — не являющимися частью этого наследия. При нынешних формулировках преамбулы строгого юридического ответа на эти вопросы не существует.

2. В Законе о свободе совести (п. 3 ст. 3) говорится, что установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается. Однако, помимо декларированного в преамбуле привилегированного положения отдельных религий, ряд других положений закона устанавливает нормы, по сути ведущие к **дискриминации** отдельных конфессий на практике.

Противоречит как Европейской конвенции, так и прецедентам органов Совета Европы, являющимся важным источником “европейского” права, проводимое в Законе (ст. ст. 6 и 7) разграничение между *религиозными объединениями и религиозными группами*.

В соответствии с п. 1 ст. 7 Закона религиозные группы, в отличие от религиозных объединений, не подлежат государственной регистрации и не пользуются правами юридического лица.

Закон, кроме того, проводит различие между “традиционными” религиозными организациями и религиозными организациями, у которых отсутствует “документ, подтверждающий их существование на соответствующей территории не менее 15 лет” (п. 1 ст. 9 Закона).

“Нетрадиционные” религиозные организации лишены многих прав и в соответствии с п. 3 ст. 27 Закона не могут:

- просить Президента РФ об отсрочке от призыва на военную службу и освобождении от военных сборов своих священнослужителей, а также не имеют права на замену военной службы альтернативной службой для последователей данной религии;

- создавать образовательные учреждения;

- обучать детей религии вне рамок образовательной программы;

- иметь при себе представительство иностранной религиозной организации;

- проводить религиозные обряды в лечебно-профилактических и больничных учреждениях, детских домах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов, в учреждениях, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы;

- производить, приобретать, экспортировать, импортировать и распространять религиозную литературу, печатные, аудио- и видеоматериалы и иные предметы религиозного назначения;

- учреждать организации, издающие богослужебную литературу и производящие предметы культового назначения;

- создавать образовательные учреждения, а также учреждать средства массовой информации;

- создавать учреждения профессионального религиозного образования для подготовки служителей и религиозного персонала;

- приглашать иностранных граждан для занятия профессиональной, в том числе проповеднической, религиозной деятельностью.

Дискриминационным является также противоречащий как Европейской Конвенции, так и Международному пакту о гражданских и политических правах п. 2 ст. 13 Закона, который гласит, что “представительство иностранной религиозной организации не может заниматься культовой и иной деятельностью, и на него не распространяется статус религиозного объединения”.

3. Согласно п. 2 ст. 3 Закона о свободе совести “право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено Федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, **обеспечения обороны страны и безопасности государства**”.

Последнее положение противоречит п. 2 ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, который гласит: “свобода исповедовать свою религию... поделжит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц”. Это — исчерпывающий список предусмотренных Конвенцией законных ограничений права на свободу религии. В отличие от ряда других прав и свобод, гарантируемых, в частности, статьями 8, 10, 11, никакого лимитирования свободы религии по соображениям “национальной безопасности” Конвенция не устанавливает.

4. Ч. 3 и 4 ст. 16 Закона о свободе совести предусматривают возможность совершения религиозных обрядов и церемоний в воинских частях, в местах лишения свободы и местах содержания под стражей. Однако **практические гарантии реализации этих прав** в Законе отсутствуют. Не ясно, что имеется в виду под “учетом требований воинских уставов” и “соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства”, на которые ссылается данная Статья.

С учетом изложенных замечаний Федеральный закон “О свободе совести и религиозных объединений” может быть приведен в соответствие с общепризнанными принципам и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

14 мая 1999 года Постоянная палата по правам человека Политического консультативного совета при Президенте Российской Федерации провела слушания, в центре которых находилось вышеприведенное Заключение.

Большинство выступивших отметили своевременность и правильность постановки в Заключении вопроса о необходимости внесения изменений и дополнений в закон с целью приведения его в соответствие с положениями международных договоров по правам человека, в которых участвует Россия, прежде всего Международного пакта о политических и гражданских правах и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Поддержаны были и основные концептуальные положения Заключения.

- Председатель Палаты депутат Государственной Думы В. В. Борщев отметил, что Закон в его нынешней форме нарушает права верующих различных конфессий, включая православную, и может лишь способствовать развитию в России межрелигиозной вражды по югославскому сценарию. Практика применения Закона свидетельствует о том, что местные власти во многих регионах, руководствуясь положениями преамбулы Закона, произвольно толкуют все его положения в пользу русской православной церкви, ущемляют права верующих других конфессий на проведение своих служб.

Сопредседатель Славянского правового центра В. В. Ряховский информировал о многих случаях прямых нарушений прав религиозных объединений и верующих на основе положения Закона. Он подчеркнул, что правозащитными и религиозными организациями позитивно воспринят интерес Уполномоченного по правам человека к данной проблеме и стремление найти ее позитивное решение.

На слушаниях выступили также представители религиозных конфессий, видные правозащитники.

По итогам слушаний принято Решение Постоянной палаты по правам человека Политического консультативного совета при Президенте Российской Федерации, в котором подчеркивается, что правоприменительная практика, сложившаяся за полтора года действия Закона, показывает, что не только откровенно дискриминационные, но и многие другие положения Закона, в силу их двусмысленности, приводят к грубым нарушениям прав человека, прежде всего в отношении обшин верующих в субъектах Российской Федерации. Постоянная палата всецело поддержала позицию Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, выраженную

в его заключении на Закон, и присоединилась к его предложению привести Закон в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

3. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации о несоответствии международно-правовым обязательствам России Закона “О милиции”

В Комитет по законодательству и судебно-правовой реформе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации направлено следующее Заключение Уполномоченного.

Заключение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

О НЕСООТВЕТСТВИИ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНА “О МИЛИЦИИ”, ДОПУСКАЮЩИХ ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ, СТАТЬЕ 3 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

Ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. Ст. 15 (ч. 2) Конвенции не допускает никаких исключений или оговорок в вопросах соблюдения ст. 3.

В вопросах применения ст. 3 сложилась обширная практика органов Совета Европы, в частности в делах, касавшихся Греции, Северной Ирландии и Турции, где речь шла о массовых нарушениях ее положений полицейскими органами.

В толковании Европейского Суда по правам человека бесчеловечное обращение или наказание — это причинение сильного физического или душевного страдания; унижающее достоинство обращение или наказание — это плохое обращение такого рода, которое направлено на то, чтобы вызвать у жертв чувство страха, подавленности и неполноценности для того, чтобы оскорбить, унижить или сломить их физически и морально.

Главная задача Европейского Суда в любом деле, представленном по ст. 3, состоит в том, чтобы определить, не свидетельствуют ли установленные факты о сложившейся административной практике нарушения Конвенции. Чтобы определить существование такой практики, необходимы два элемента: повторяемость действий и официальная терпимость.

Под “повторяемостью действий” подразумевается значительное число случаев плохого обращения, которые отражают общую ситуацию. Схема таких действий может заключаться в том, что они предпринимаются сотрудниками одной и той же полиции или военного органа.

“Официальная терпимость” означает, что, хотя акты плохого обращения являются совершенно незаконными, с ними мирятся в том смысле, что начальники тех, кто несет непосредственную ответственность, знают о таких актах, но тем не менее не предпринимают никаких действий, чтобы наказать за них или не допустить их повторения; или что вышестоящий орган, имея перед собой многочисленные утвержде-

ния, проявляет безразличие, отказываясь провести надлежащее расследование в целях определения достоверности или недостоверности, или что при судебном разбирательстве не соблюдается беспристрастное слушание таких жалоб.

Практика деятельности органов милиции, существующая в России, может, в случае обращения граждан с жалобами в Европейский Суд по правам человека, иметь результатом решение, констатирующее наличие в России административной практики бесчеловечного и унижающего достоинство обращения. Часть этих проблем коренится в дефектах действующего законодательства.

Хотя § 2 ст. 5 действующего Закона РСФСР "О милиции" прямо указывает, что милиции запрещается прибегать к обращению, унижающему достоинство человека, его ст. 13 предусматривает, что сотрудники милиции имеют право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, для пресечения преступлений и **административных правонарушений, задержания лиц, их совершивших, преодоления противодействия законным требованиям, если ненасильственные способы не обеспечивают выполнения возложенных на милицию обязанностей**. Ст. 14 этого же закона предоставляет сотрудникам милиции право применять специальные средства, имеющиеся на вооружении милиции, в частности, для выявления лиц, совершивших преступления.

Как представляется, в их нынешнем виде эти формулировки являются достаточно общими и допускают неоднозначное толкование, тем самым создавая условия для нарушения ст. 3 Европейской конвенции. В частности, такие административные правонарушения, как нарушения правил дорожного движения, могут восприниматься сотрудниками милиции как дающие ему право применять физическую силу, включая боевые приемы борьбы, подпадающие под понимание бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Не предусмотрена ответственность начальников органов милиции за действия (бездействие), подпадающие под понимание "административной практики" нарушения ст. 3 Конвенции в трактовке Европейского Суда.

К сожалению, Федеральный закон "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О милиции" от 31 марта 1999 г. не учитывает требований Европейской Конвенции. В нем лишь дополнен перечень специальных средств электрошоковыми устройствами.

В этой связи необходимо уточнить те положения Закона о милиции, которые оставляют большую свободу действий и субъективной оценки ситуации сотрудниками милиции.

Для этого следует дополнить Закон положениями о том, что применение физической силы и специальных средств в случаях, составляющих малую общественную опасность, квалифицируется как бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и влечет за собой ответственность, установленную законом и подобную же ответственность несут начальники органов милиции, своим действием или бездействием допускающие повторение подобных случаев. Одновременно в закон требуется ввести определения терминов "ненасильственные способы" и "малая общественная опасность", например установив ограничительный перечень административных правонарушений, не допускающих приме-

нения насильственных способов, со ссылкой на соответствующие положения Кодекса об административных правонарушениях.

4. Обращение Уполномоченного с просьбой дать толкование положений Конституции Российской Федерации, относящихся к международным договорам

В письме Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Председателю Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе и Председателю Комитета по международным делам Государственной Думы отмечена озабоченность проблемой защиты прав российских граждан, находящихся в г. Байконур. О. О. Миронов высказал рекомендацию об учреждении должности Уполномоченного по правам человека в г. Байконуре как субъекте Российской Федерации. Такую правовую возможность открывает положение 3 п. 1 ст. 1 российско-казахстанского Соглашения о статусе города Байконур, согласно которому на весь период аренды у Казахстана этот город “наделяется статусом, соответствующим городу федерального значения Российской Федерации”.

В то же время, говорится в письме, обращает на себя внимание, что российско-казахстанские соглашения по Байконуру содержат положения, которые могут рассматриваться как изменяющие ряд норм Конституции Российской Федерации. Тем самым создается возможность массового нарушения прав и свобод российских граждан по смыслу ст. 21 Федерального конституционного закона “Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации”.

Ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ устанавливает, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Ст. 125 (п. “г” ч. 2) запрещает Конституционному Суду РФ проверять конституционность вступивших в силу международных договоров. Таким образом, создается неопределенность в вопросе о том, следует ли указанные выше положения Конституции РФ понимать как допускающие возможность внесения в нее изменений и дополнений международными договорами РФ, т. е. в порядке ином, нежели установленный ее ст. ст. 134—137.

В соответствии с ч. 5 ст. 125 Конституции Российской Федерации, ст. 21 и ч. 2 ст. 31 Федерального конституционного закона “Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации” и ст. 105 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” О. О. Мирнов попросил предпринять шаги по направлению от имени Государственной Думы обращения в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о толковании ч. 4 ст. 15, п. “г” ч. 2 и ч. 6 ст. 125 Конституции Российской Федерации.

К письму в Государственную Думу приложен следующий справочный материал.

О ПРОБЛЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРОЖИВАЮЩИХ В Г. БАЙКОНУР

Правовой статус космодрома “Байконур” и г. Байконур (Ленинска) определяется Соглашениями между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об основных принципах и условиях использования космодрома “Байконур” от 28 марта 1994 г., о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти от 23 декабря 1995 г. и межправительственным Договором аренды комплекса “Байконур” от 10 декабря 1994 г.

К сожалению, эти документы содержат ряд положений, которые могут нарушить конституционные права граждан Российской Федерации, находящихся на территории комплекса “Байконур”.

1. П. 6.9 ст. 6 Договора аренды предусматривает, что глава администрации города Ленинска “назначается совместно Президентом Российской Федерации и Президентом Республики Казахстан по представлению Российской Стороны”. Это не входит в полномочия Президента Российской Федерации, установленные в ст. ст. 83, 84, 86 и 89 Конституции, а также противоречит нормам о местном самоуправлении, включенным в ее Главу 8. Более того, подписывая Договор аренды, Правительство Российской Федерации вышло за рамки своей компетенции, поскольку было не вправе вносить изменения в перечень полномочий Президента.

2. В соответствии с § 3 п. 1 ст. 1 Соглашения о статусе города Байконур на весь период аренды этот город “наделается статусом, соответствующим городу федерального значения Российской Федерации”. Однако п. 1 ст. 65 Конституции указывает в числе субъектов Российской Федерации только два города федерального значения — Москву и Санкт-Петербург. Поэтому встает вопрос — является ли город Байконур субъектом Российской Федерации или нет с соответствующими последствиями для прав проживающих там граждан (в частности, права на учреждение должности Уполномоченного по правам человека).

3. П. 1 ст. 5 Соглашения о статусе города Байконур предусматривает, что органы городской представительной власти в городе Байконур не формируются. В соответствии с § 3 ст. 6 городскую администрацию формирует Правительство Российской Федерации. Это прямо противоречит п. 1 ст. 131 и ст. 133 Конституции.

4. П. 1 ст. 14 Соглашения о статусе города Байконур устанавливает особый режим проживания граждан, включающий ограничения на въезд и выезд, ограничение на право передачи в собственность недвижимого имущества, ограничения на право заниматься определенными видами деятельности. Эти положения вступают в противоречие со статьями 55 и 56 Конституции.

Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти от 23 декабря 1995 г. и межправитель-

ственный Договор аренды комплекса “Байконур” от 10 декабря 1994 г. были ратифицированы в форме соответствующих федеральных законов. Тем самым Конституционный Суд РФ не может решить вопрос об их соответствии Конституции, поскольку его компетенция, в соответствии с п. “г” ч. 2 ст. 125 Конституции, распространяется только на **не вступившие в силу** международные договоры. Поэтому не может быть применено и положение ч. 6 той же статьи о том, что не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению.

Создавшаяся ситуация требует обращения в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о толковании ч. 4 ст. 15 и ч. 6 ст. 125 Конституции Российской Федерации, а именно, может ли международный договор изменять положения Конституции Российской Федерации и должен ли он применяться, если не соответствует им, однако был ратифицирован в форме федерального закона.

Статья поступила в редакцию в июле 1999 г.

Международное частное право

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ПРИМЕНИМОГО ПРАВА

А. Н. О ш е н к о в*

Приток в российскую экономику иностранного капитала, выросший за последние годы, все больше заставляет обращать внимание специалистов-практиков и ученых-юристов на проблемы правового регулирования иностранных инвестиций.

Действительно, нормативная база для осуществления импорта иностранного капитала в Россию пока что оставляет желать лучшего. Основным нормативно-правовым актом в указанной сфере является Закон РСФСР “Об иностранных инвестициях в РСФСР” от 4 июля 1991 года с изменениями от 24 декабря 1993 года. Естественно, что этот Закон уже не отвечает потребностям, порождаемым современными отношениями в области иностранных инвестиций. В связи с этим понятен тот резонанс, который получили в последнее время в юридической литературе проблемы правового регулирования иностранных инвестиций. Одна из таких проблем заключается в том, что под прямыми инвестициями чаще всего принято понимать вложения иностранного капитала в создание совместных предприятий. Прочие договорные формы осуществления иностранных инвестиций, хотя и декларировались Законом “Об иностранных инвестициях в РСФСР”, все же практической разработке не подвергались. Между тем, не всякий иностранный инвестор может позволить себе риск создания предприятия, которое будет являться российским юридическим лицом (ст. 13 Закона “Об иностранных инвестициях в РСФСР”), по вполне понятным причинам. К тому же некоторые виды деятельности, открытые для иностранных капиталовложений, целесообразней осуществлять без создания юридического лица на территории РФ, например, посредством создания представительства иностранной фирмы или путем заключения инвестиционных соглашений (контрактов). Именно о последних,

* Стажер Института государства и права РАН.

как об одной из возможных форм привлечения иностранных инвестиций, и пойдет речь ниже.

Почему именно инвестиционные соглашения привлекают наше внимание? Если ранее в отечественной юридической литературе этот вопрос и получал некоторое освещение, практического значения он не имел. В настоящее время эта проблема стала актуальной, что в первую очередь связано с необходимостью восполнения пробелов в действующем инвестиционном законодательстве РФ. Понятно, что основные положения, которые будут заложены в нормативные акты, призванные регламентировать отношения с иностранными инвесторами, во многом будут зависеть от существующих доктринальных подходов к иностранным инвестициям вообще и к инвестиционным соглашениям в частности. Вторая причина актуализации вопроса об инвестиционных контрактах вызвана тем, что они являются довольно привлекательной для зарубежных вкладчиков формой инвестирования. И, наконец, третья причина заключается в том, что государство, принимающее инвестиции, заинтересовано в их привлечении прежде всего в конкретные отрасли, которые не могут развиваться на основе национального потенциала. Россия, как известно, обладает большими запасами природных ресурсов, разработка и добыча которых зачастую не под силу ни государству, ни отечественным предпринимателям, ввиду чего необходимо привлечение капиталовложений извне. Как показала мировая практика, наиболее эффективной и обоюдовыгодной формой осуществления иностранных инвестиций в сферу разработки и добычи минерального сырья является заключение инвестиционных соглашений.

Все это послужило стимулом к возобновлению в отечественной юридической литературе дискуссии о правовой природе инвестиционных соглашений.¹ Однако, теперь этот вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

По сей день в юридической науке нет единого мнения относительно того, считать ли инвестиционные соглашения актами административного характера или же относить их к категории гражданско-правовых договоров. Дело в том, что придание инвестиционным контрактам административного характера является более выгодным для государства-реципиента. С другой стороны, если рассматривать инвестиционные соглашения как гражданско-правовые договоры, это побудит иностранных инвесторов к их заключению, поскольку в этом случае в основу таких соглашений будут заложены принципы гражданского права, в том числе и принцип равенства сторон, т. е. государство будет ответственно перед частным инвестором в той же степени, в какой последний отвечает перед государством.

В советской юридической литературе высказывалось много доводов, как в пользу административного характера инвестиционных контрактов, так и в пользу их частноправовой, цивилистической трактовки. Так, профессор В. П. Мозолин, выделил три вида инвестиционных соглашений: акты об одобрении (Instruments of Approval), концессионные договоры (Concession Contracts) и соглашения о гарантиях (Guarantee Agreements).² При этом, по мнению В. П. Мозолина, существенной разницы между ними нет, за исключением того, что в актах об одобрении права и обязанности иностранного инвестора определяются в

соответствии с инвестиционным законодательством государства-импортера капитала, документы же в форме концессионного договора и соглашения о гарантиях обычно *выдаются* инвесторам, когда соответствующее государство или вообще не имеет инвестиционного законодательства или когда правовое положение иностранного инвестора не может быть определено на основании имеющегося закона об инвестициях.³ Как считает В. П. Мозолин, подобная индивидуализация и создает иллюзию договорных отношений, из которой вытекает ложный вывод о частноправовой природе инвестиционных соглашений. По мнению автора монографии “Право США и экспансия американских корпораций” в указанных случаях правовой базы для выдачи документов являются не конкретные нормы инвестиционных законов, “а бланкетные полномочия, заранее предоставляемые государствами своим правительственным органам, или же постановления индивидуального характера, принимаемые высшими органами государств по конкретным иностранным инвестициям”.⁴

Приведенную точку зрения разделяет и профессор М. И. Кулагин, не соглашаясь, однако, с полным отрицанием договорного характера инвестиционных соглашений. В своей статье “Правовая природа инвестиционных соглашений, заключенных развивающимися странами” М. И. Кулагин определяет инвестиционное соглашение как “договор между частным вкладчиком и государством, в котором определяются условия допуска и функционирования частного инвестора в данной стране, взаимные права и обязанности вкладчика капитала и государства”.⁵ “Полностью разделяя и поддерживая административно-правовую трактовку природы инвестиционных соглашений, — пишет М. И. Кулагин, — нельзя согласиться с В. П. Мозолиным, когда он сводит административные акты лишь к одной их форме — административным сделкам, и даже противопоставляет административные документы договорным. Ошибочно сравнивать качественно разнородные понятия — содержание договора и его форму. Это неверное суждение приводит автора к неоправданному отрицанию договорного характера соглашений о гарантиях концессионных договоров”.⁶

Данный вывод имеет под собой реальную основу, в качестве примера административных договоров М. И. Кулагин приводит институты правовых систем Франции, Англии, США.

Что же представляет собой административный договор? Судебная практика Франции выделяет два критерия таких договоров: “цель публичной службы” и “условия договора, выходящие за рамки общего права”. Первый критерий не вызывает особых вопросов, поскольку он подразумевает договоры, по которым частное лицо обеспечивает осуществление каких-либо административных функций. Второй же требует некоторого уточнения. “условия, выходящие за рамки общего права” представляют собой пункты договора, которые предусматривают права и обязанности сторон, принятие которых не зависит от свободного волеизъявления сторон. Так выходят за рамки общего права условия, именуемые “наказующими”, предусматривающие право одностороннего расторжения и изменения условий исполнения договора административным органом.⁷

В правовых системах англо-американской правовой семьи нет столь детализированного понятия административного контракта, как во

французском праве. Но в США, например, существует особая форма подобных договоров — правительственные контракты.⁸

Конечно, отнесение инвестиционных соглашений к категории административных контрактов весьма выгодно для государств, принимающих иностранный капитал. Однако данный подход нежелателен для инвесторов.

Существование в национальных правовых системах указанных институтов, безусловно, делает более убедительной точку зрения сторонников административно-правовой концепции инвестиционных соглашений. Это, однако, не помешало высказыванию в юридической литературе доводов в пользу цивилистической концепции, наиболее обоснованной в работах Л. А. Лунца и Н. Н. Вознесенской.

Впервые инвестиционные соглашения были отнесены к гражданско-правовым договорам Л. А. Лунцем. Возражая зарубежным авторам, приравнивавшим инвестиционные контракты к межгосударственным соглашениям⁹, он писал: “Доктрина, по которой соглашение между частным лицом, иностранной компанией и государством выводится из сферы гражданского права и переносится в область международного публичного права, имеет своей предпосылкой тезис о возможности для частно правовой организации и для отдельного физического лица быть субъектом международно-правовых отношений — тезис, стоящий в прямом противоречии с принципом государственного суверенитета”.¹⁰

Таким образом. Л. А. Лунц однозначно отнес инвестиционные соглашения к гражданско-правовым договорам. В дальнейшем эта точка зрения была детализирована в работах Н. Н. Вознесенской.¹¹ Как известно, государство может выступать субъектом гражданско-правовых отношений, содержащих иностранный элемент, сохраняя при этом ряд специфических особенностей, порожденных наличием у него суверенитета. По мнению Н. Н. Вознесенской, данное положение можно распространить и на инвестиционные соглашения. При этом властные полномочия государства, например, возможность расторгнуть договор в одностороннем порядке, как считает Н. Н. Вознесенская, не противоречат частноправовой природе данных отношений. Выступая как субъект гражданского права, государство не проявляет своих “функций властвования в целях соблюдения единства и нормализации торгового оборота, хотя оно может это сделать, национализировав, например не принадлежащую ему долю в смешанной компании”.¹² Как бы отвечая на тот довод, что гражданско-правовые отношения предполагают равенство их участников, а государство и частое лицо не могут быть равны не фактически, ни юридически, Н. Н. Вознесенская пишет: “При таких субъектах, какими являются с одной стороны государство, с другой стороны частная фирма, равенство возможно в том смысле, если государство устанавливает для себя определенные рамки применительно к данным взаимоотношениям. ...Если же возникнет вопрос, который выходит за установленные гражданско-правовые рамки, он разрешается государством, но уже не как стороной в договоре, а как органом властвования”.¹³

Не соглашаясь с цивилистической концепцией, М. И. Кулагин привел следующий контраргумент: “Основным содержанием инвестиционных соглашений в части обязанностей государства, заключается в предоставлении государством иностранному вкладчику дополнительных гарантий (от национализации, свободного перевода за границу

прибылей и репатриации капитала), а также дополнительных льгот (налоговых, таможенных и др.). Нередко государство гарантирует вкладчику стабильность инвестиционного режима. Все эти права и льготы являются публично-правовыми, а гражданский договор не может заключаться по поводу публичных прав”.¹⁴ Позволим себе не согласиться с приведенным выше доводом. Инвестиционные соглашения заключают как государства, имеющие специальное инвестиционное законодательство, так и строящие свои отношения с иностранными инвесторами на индивидуальной основе. Последние, как правило, закладывают в условия контракта определенные гарантии публично-правового характера в качестве своих обязательств перед иностранным инвестором. В случаях же, когда национальным инвестиционным законодательством предусмотрены все правовые гарантии, и каждый конкретный случай не требует применения специальных норм, например введения особого режима, мы имеем дело с договорами, заключаемыми по поводу гражданских прав и обязанностей. Иначе говоря, когда гарантии публичного характера предоставляются государством не в самом инвестиционном соглашении, а действующим инвестиционным законодательством, мы можем говорить о гражданско-правовой природе таких соглашений, ведь тот, например, факт, что источниками международного частного права являются международные договоры, не позволяет нам усомниться в цивилистическом характере отношений регулируемых международным частным правом.

Наглядным примером сказанного может служить то, что те же концессионные договоры, изначально рассматривавшиеся как административные контракты, в последнее время вобрали в себя много гражданско-правовых элементов.¹⁵

С учетом современных тенденций многие ученые-юристы склонны рассматривать инвестиционное соглашение как особый, “смешанный” тип договора, являющийся институтом международного частного права. В связи с этим небезынтересно было бы привести здесь еще одну точку зрения относительно правовой природы инвестиционных контрактов. Автор книги “Инвестиционное право” А. Г. Богатырев, соглашаясь с тем, что в инвестиционном соглашении присутствуют как публичные, так и частноправовые начала, признает его “промежуточным” институтом.¹⁶ Говоря о международном характере, присущем инвестиционным соглашениям, А. Г. Богатырев, по-видимому, имеет в виду то, что инвестиционные отношения регулируются не только внутренним национальным законодательством, но также и различными межгосударственными договорами. В этом случае становится понятным его вывод о том, что приравнивание инвестиционного контракта “к национальным и международным правовым институтам происходит от недооценки роли и значения современного международного частного права и непонимания его сущности и положения между национальным и международным правом, в то же время являющегося составной и неотъемлемой частью того и другого”. Более того, А. Г. Богатырев прямо называет инвестиционные соглашения институтом международного частного права, который является “средством конкретизации и индивидуализации норм национального и международного права по регулированию инвестиционных отношений с иностранным элементом”.¹⁷ В пользу отнесения к международному частному праву говорит также следующая

выдержка из указанной работы: “Помимо национального права страны-реципиента и норм международных договоров инвестиционный контракт *обязательно должен учитывать также и положения национального права иностранного инвестора*”. (курсив мой — А. О.) По существу, А. Г. Богатырев считает возможным применение института автономии воли сторон путем подчинения инвестиционного соглашения полностью (или частично) тому или иному правопорядку. Эта возможность, в свою очередь, говорит о том, что обязательства, содержащиеся в этих соглашениях, могут регулироваться не только материально-правовыми, но коллизионными нормами, ведь если мы относим инвестиционный контракт к разряду внешнеэкономических сделок, то на него будут распространяться все нормы действующего законодательства, в т.ч. и коллизионные, регламентирующие данный институт международного частного права. В этом случае, к вытекающим из инвестиционного соглашения обязательствам гражданско-правового характера должна применяться норма, содержащаяся в п. 5 ст. 166 Основ гражданского законодательства: “К правам и обязанностям по договорам, не перечисленным в пунктах 1—4 настоящей статьи, применяется право страны, где учреждена, имеет место жительства или основное место деятельности сторона, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания такого договора”.

Таким образом, говоря о правовой природе инвестиционных соглашений, мы уже сталкиваемся с проблемами практического характера: применять или не применять к рассматриваемым отношениям коллизионные нормы? Ответ на этот вопрос необходимо искать в действующем российском законодательстве, содержащем нормы, посвященные инвестиционным соглашениям.

Возможность осуществления иностранных инвестиций посредством заключения инвестиционных контрактов предусматривается Законом РСФСР “Об иностранных инвестициях в РСФСР” от 4 июля 1991 года.¹⁸ В ст. 40 этого Закона говорится, что предоставление иностранным инвесторам прав на разработку природных ресурсов и проведение хозяйственной деятельности, связанной с использованием объектов, находящихся в государственной собственности, осуществляются на основании концессионных договоров. При этом правом заключения подобных договоров наделяются Совет Министров РСФСР или иные, уполномоченные на то государственные органы, а порядок их заключения устанавливается законодательством РСФСР о концессиях.

Можно сказать, что в основу указанного Закона легла традиционная модель инвестиционного соглашения, заключаемого между иностранным инвестором и государством, на основании действующего в принимающей стране внутреннего инвестиционного законодательства. Важно отметить наличие в законе следующей нормы: “Одностороннее изменение условий концессионного договора не допускается, если иное не оговорено в договоре” (ч. 3. ст. 40). данная формула является характерной для гражданско-правовых договоров. наличие такой нормы резко отграничивает концессионный договор от классического административного контракта, который может быть расторгнут государственным органом в одностороннем порядке.

Кроме того, ч. 4 ст. 40 Закона “Об иностранных инвестициях в

РСФСР" гласит: "Концессионные договоры могут содержать изъятия из действующего на территории РСФСР законодательства. В этом случае они подлежат утверждению Верховным Советом РСФСР". То, что законодатель устанавливает особый порядок утверждения договоров, содержащих изъятия из действующего законодательства, позволяет нам сделать следующий вывод: в случаях, когда концессионный договор не содержит изъятий, и гарантии публично-правового характера, предоставляемые государством иностранному инвестору, вытекают из содержания действующего законодательства, мы имеем дело с гражданско-правовыми отношениями, в которых государство выступает в качестве обычного контрагента. В то же время особый порядок утверждения договоров, содержащих изъятия из действующего законодательства по сути приравняет концессионный договор к законодательному акту.

Итак, мы не можем однозначно назвать концессию разновидностью гражданско-правового договора. Тем не менее в условиях российской экономики иностранным инвесторам более выгодно строить свои отношения с государством не на лицензионной системе, предусмотренной действующим законодательством о природопользовании, а в форме концессионных договоров, основанных в большей степени на гражданско-правовой базе. Такой вывод нам позволяет сделать, в частности, проект Закона РФ "О концессионных и иных договорах с иностранными инвесторами". Данный законопроект определяет концессионный договор как соглашение, в соответствии с которым государство на возмездной и срочной основе предоставляет иностранному инвестору исключительное право на осуществление деятельности, предусмотренной в Законе, а также право собственности на произведенную в результате такой деятельности продукцию и полученные доходы. Главной отличительной чертой концессионного договора является то, что одной из его сторон всегда является государство, а предметом может быть только деятельность, связанная с использованием объектов государственной собственности. Именно последнее обстоятельство дает некоторым ученым основание утверждать, что государство в концессионных отношениях приобретает некий дуалистический характер, заключая договор в качестве субъекта гражданского права и одновременно в роли властного органа, уступая свои исключительные права иностранному инвестору, путем выдачи ему лицензии. Однако мы можем возразить, что уступка собственником (хотя бы и государством) своих прав другому лицу происходит в рамках гражданского права.

Нам представляется возможным изменить существующее положение, предусмотрев в законодательстве гарантии иностранным концессионерам и условия их деятельности. При этом в договоре будут предусматриваться конкретные (гражданские) права и обязанности сторон. В случаях же, требующих изъятий из действующего законодательства, их действительно было бы целесообразно оформлять путем издания одностороннего акта соответствующего государственного органа.

Как уже говорилось выше, изначально концессия понималась не столько как договор, сколько как административный акт. С включением в концессионные договоры условий имущественного характера возникла проблема различения концессионных договоров. Тогда в мировой практике и появились так называемые соглашения о разделе продукции

(production sharing agreements), призванные регулировать имущественные отношения между государством-рецепиентом и иностранным инвестором. В зарубежной юридической литературе соглашение о разделе продукции (далее “СРП”) рассматривается как классический договор подряда.¹⁹ т. е. как форма, опосредующая отношения, которые выходят за рамки лицензионных или классических концессионных отношений.

В российском законодательстве СРП впервые предусмотрены Законом РФ “О недрах” 1992 г. как форма отношений между государством и частным инвестором в сфере недропользования. Из смысла этого Закона следует, что СРП является приложением к лицензии, выдаваемой государством на пользование участком недр, и определяет условия этого пользования.

Указ Президента РФ от 24 декабря 1994 г. № 2285 “Вопросы соглашений о разделе продукции при пользовании недрами” не изменил административной природы рассматриваемых отношений.²⁰ (далее Закон “О СРП”) также не внес полной ясности в вопрос об отраслевой принадлежности этих соглашений. С одной стороны, отношения, перечисленные в п. 3 ст. 1 Закона “О СРП”, подлежащие урегулированию в соответствии с СРП и самим Законом, по сути своей, являются гражданско-правовыми. И все же в Законе прямо не сказано, что СРП являются разновидностью гражданско-правовых договоров. Более того, тот же п. 3 ст. 1 Закона гласит: “Права и обязанности сторон соглашения о разделе продукции, *имеющие гражданско-правовой характер*, определяются в соответствии с настоящим Федеральным Законом и гражданским законодательством РФ”. Это значит, что законодатель презумирует возможность включения в СРП условий публично-правового характера.²² Помимо того, закон “О СРП” сохраняет лицензию как документ, удостоверяющий право пользования недрами, хотя в п. 1 ст. 4 и предусмотрено, что право пользования недрами предоставляется на основе самого соглашения. По мнению Н. Н. Вознесенской, поскольку Законом “О СРП” предоставляется исключительное право на поиск и добычу минерального сырья, то лицензия, выдаваемая на их освоение, носит удостоверяющий характер, являясь, по сути, регистрационным, а не правоустанавливающим документом”²³

С таким подходом трудно не согласиться, и тогда возникает вопрос почему законодатель сохранил выдачу лицензий для СРП?

Несмотря на некоторое несовершенство “О СРП” в смысле разрешения вопроса о правовой природе соглашений, многие его положения говорят в пользу цивилистического характера СРП. Так, например, п. 1 ст. 20 Закона гласит: “Стороны несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по соглашению в соответствии с условиями соглашения с соблюдением гражданского законодательства Российской Федерации”. Интерес в рассматриваемом контексте представляет также норма, содержащаяся в ст. 22 Закона, предусматривающая возможность альтернативной подсудности споров, возникающих из СРП. Кроме того, ст. 3 Закона вобрала в себя важное положение международного частного права, предусмотрев возможность отказа государства от иммунитета в соглашениях, заключаемых с иностранными инвесторами.

Являются ли названные положения достаточными для признания СРП разновидностью гражданско-правового договора? Если да, то

возможно ли распространение на него норм, применяемых к внешнеэкономическим сделкам, когда стороной соглашения является иностранное лицо? Как уже говорилось выше, применение к инвестиционным соглашениям норм и, в частности, п. 5 ст. 166 Основ породило бы коллизии между правовой системой страны-реципиента и национальным правом иностранного инвестора.

Действительно, в настоящее время многие специалисты склоняются к мнению о том, что СРП по российскому законодательству имеют цивилистическую природу. Однако есть и другие мнения. так, например, Н.Г. Доронина считает, что признание СРП гражданско-правовым договором ухудшает положение частного инвестора, поскольку оно лишит инвестора особых гарантий, которые сформулированы в законодательстве об иностранных инвестициях.²⁴ Судя по всему, Н. Г. Доронина имеет в виду то обстоятельство, что государство, уравнивая себя с частным лицом, лишается властных полномочий, позволяющих ему предоставлять иностранным инвесторам гарантии публично-правового характера.

Наличие определенного плюрализма мнений говорит о том, что пока еще рано однозначно решать вопросы, подобные рассматриваемому, как минимум по двум причинам: 1) недостаточность практики заключения инвестиционных соглашений; 2) пробелы в инвестиционном законодательстве. Последнее, по нашему мнению, являются серьезным препятствием для определения правовой природы инвестиционных соглашений, поскольку данный институт нельзя рассматривать в отрыве от инвестиционных отношений в целом.

Мы считаем, что на данный момент анализ действующего законодательства не позволяет нам отнести ни СРП, ни инвестиционные соглашения в целом к частноправовому массиву. Безусловно, что в решении данного вопроса нельзя быть чрезмерно радикальным, отставив ту или иную точку зрения. По нашему мнению для регулирования инвестиционных соглашений государство должно создать нормативную базу, сочетающую в себе различные методы правового регулирования и учитывающую как интересы государства, так и иностранного инвестора

Важную роль в определении правовой природы как инвестиционных контрактов, так и иностранных инвестиций вообще может сыграть принятие некоторых законов. Первостепенными в этом смысле, на наш взгляд, являются новый Закон "Об иностранных инвестициях в Российской Федерации", а также раздел VII части 3 Гражданского кодекса РФ, посвященный международному частному праву. Первый из этих актов был принят Государственной думой 15 июля 1998 г., но отклонен президентом РФ. Интересно отметить, что в данном Законе инвестиционные соглашения не называются как отдельная форма осуществления иностранных инвестиций, по-видимому, законодатель имеет в виду принятие в будущем специального законодательства о концессионных и иных договорах с иностранными инвесторами. Что же касается проекта раздела VII части 3 ГК РФ, мы считаем целесообразным включение в него норм, которые создавали бы условия для адекватного коллизионного регулирования отношений с участием иностранных инвесторов. Пока же вопрос об отраслевой принадлежности иностранных инвестиций как предмета правового регулирования остается открытым.

¹ Правовое регулирование иностранных инвестиций в Россию М.: Институт государства и права РАН. 1995 г. — С. 211.2 *Созолин В. П.* Право США и экспансия американских корпораций. М., 1974 г. с. 98

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ *Кулагин М. И.* Правовая природа инвестиционных соглашений, заключенных развивающимися странами//В кн.: Политические и правовые системы стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1975 г. с. 40—53

⁶ Там же.

⁷ *Ведель Ж.* Административное право Франции. М., 1973 г. с. 164—185.

⁸ *Нарышкина Р. Л.* США: государство и частный сектор: Гражданско-правовые отношения. М., 1976 г. с. 6—26

⁹ Приверженцы указанной точки зрения считали, что государство должно нести международную ответственность за нарушение условий инвестиционного контракта, а также в тех случаях, когда внутреннее национальное право не соответствует минимальны требованиям международного стандарта. Подробнее см.: *Nwogugu E.* The Legal Problems of Foreign Investment in Developing Countries. Manchester. 1965. P. 40; *Sharsenberger G.* Foreign Investment and International Law.

¹⁰ *Луниц Л. А.* Международное частное право (особенная часть) М., 1969 г., с. 59.

¹¹ *Вознесенская Н. Н.* Иностранные инвестиции и смешанные предприятия в странах Африки. М., 1975 г., с. 47—82

¹² *Вознесенская Н. Н.* Указ. Соч. с. 55-57

¹³ Там же

¹⁴ *Кулагин М. И.* Указ. Соч. с. 52

¹⁵ *Сосна С. А.* Концессионные договоры с иностранными инвесторами.//В кн.: Правовое регулирование иностранных инвестиций в России. М., 1995. с. 66—76

¹⁶ *Богатырев А. Г.* Инвестиционное право. М., 1992. С. 67—81

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР — 1991 № 29 ст. 1008

¹⁹ *Махлина М. И.* Соглашения о разделе продукции с иностранными инвесторами.//В кн.: Правовое регулирование иностранных инвестиций России. М., 1995 г. с. 76—85

²⁰ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации — 1994 г. № 1 ст. 3.

²¹ Собрание законодательства Российской Федерации — 1996 — № 1 ст. 18

²² *Сосна С. А.* Комментарий к Федеральному закону “О соглашениях о разделе продукции”. М., 1997 г. с. 54

²³ *Вознесенская Н. Н.* Соглашения о разделе продукции в сфере нефтедобычи. М., 1997 г. с. 54

²⁴ *Доронина Н. Г.* К вопросу о правовой природе концессионных соглашений.//Право и экономика. № 1. 1997. с. 47—55

Статья получена в редакции в июле 1999 г.

Вопросы территории

КОГДА СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ПРЕКРАТЯТ УНИЖАТЬ РОССИЮ?

(размышления по поводу одного международного соглашения)

В. А. Константинов*

Множество разногласий и споров в политических и научных кругах России вызвало Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств от 1 июня 1990 г. (далее — Соглашение 1990 г.). В этом Соглашении проводится разграничение территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа между Россией и США в Северном Ледовитом океане, Чукотском море, Беринговом проливе, Беринговом море, а также в северной части Тихого океана. Причем разграничение государственной территории двух стран проведено лишь в Беринговом проливе, воды которого перекрываются территориальным морем России и США. В остальных же морских пространствах были разграничены только исключительная экономическая зона и континентальный шельф, не являющиеся частью государственной территории.

Как следует из заключения Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 6 февраля 1997 г. по проекту Федерального закона “О продлении до 30 июня 1997 года срока временного применения Российской Федерацией Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств”, оценки Соглашения 1990 г. с точки зрения размеров полученных сторонами экономических зон противоречивы. По данным МИД РФ к России отошло в Беринговом и Чукотском морях почти на 9 тыс. кв. км площади зоны больше, чем при делимитации по срединной линии. Вместе с тем ряд экспертов, наоборот, указывают, что Россия уступила США около 20 тыс. кв. км экономической зоны.

Данные по континентальному шельфу в основном совпадают. По экспертным оценкам США получили на 60 тыс. кв. км шельфа больше, чем наша страна.

* Кандидат юридических наук, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Позиция Министерства обороны РФ, в том числе Главного штаба ВМФ, состоит в том, что Соглашение 1990 г. не ограничивает свобод мореплавания и полетов за пределами территориальных вод сторон и не затрагивает оборонных интересов России в Беринговом и Чукотском морях, а также в Северном Ледовитом океане. По мнению Федеральной пограничной службы РФ сам факт наличия Соглашения и договорно-правового закрепления линии разграничения морских пространств облегчает охрану российской границы на Дальнем Востоке.

Существенные претензии к Соглашению 1990 г. высказывались Комитетом России по рыболовству. По его данным еще в 1977 г. при разграничении морских пространств в зону США вошел участок в средней части Берингова моря площадью 16,6 тыс. кв. км, в котором российские рыбаки традиционно добывали около 150 тыс. тонн ценных пород рыб (всего, по оценкам, флот бывшего СССР вылавливал в Беринговом море в то время 2 млн. тонн рыбы). Переговоры с США о компенсации связанных с разграничением потерь России в области рыболовства пока к результатам не привели.

Впервые русско-американская государственная граница была установлена Договором между Россией и Северо-Американскими Соединенными Штатами об уступке Российских Северо-Американских колоний от 18(30) апреля 1867 г.¹ Необходимо отметить, что точные географические координаты линии разграничения русских и американских владений на Дальнем Востоке были обозначены этим Договором лишь в Беринговом проливе, в самой северной части Берингова моря, а также в морских пространствах севернее Берингова пролива. Таким образом, в Беринговом море (за исключением упомянутой выше части) линия разграничения не была точно определена, поскольку Договор 1867 г., не указывая координат, говорил только о том, что эта линия должна пролегать в данном море в юго-западном направлении.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР № 4851-IX от 10 декабря 1976 г. "О временных мерах по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства в морских районах, прилегающих к побережью СССР" нашей страной были введены временные меры по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства в прилегающих к побережью СССР морских районах шириной до 200 морских миль, отсчитываемых от тех же исходных линий, что и территориальные воды СССР. В пределах указанных морских районов Советский Союз начал осуществлять суверенные права над рыбными и другими живыми ресурсами в целях их разведки, разработки и сохранения.² На основании Закона США о сохранении рыбных запасов и управления рыболовством 1976 г. это государство установило 200-мильную рыболовную зону. Таким образом, вследствие вышесказанного необходимо было разграничить указанные зоны в Беринговом море, где расстояние между побережьями СССР и США составляло менее 400 морских миль.

В 1977 г. США предложили СССР при разграничении рыболовных зон взять за основу линию, установленную Договором 1897 г. (несуществующую в Беринговом море и существующую в Беринговом проливе и Северном Ледовитом океане), считая ее как проходящую по ортодро-

мии (дуге большого круга). наша страна приняла это предложение, указав, однако, что “линия 1867 г.” должна проходить по локсодромии (румбовой линии).

Другими словами, СССР и США по-разному понимали, каким именно образом должна проходить “линия 1867 г.” в Беринговом море, в результате чего появился важный с точки зрения рыболовства спорный морской участок площадью чуть менее 15 тыс. кв. миль. Все это имело место потому, что Договор 1867 г. не ставил целью разграничить какие-либо морские пространства между двумя странами, а заключался для передачи США наших колоний и установления границы между русскими и американскими владениями.

В Постановлении Совета Министров СССР № 163 от 24 февраля 1977 г. “О введении временных мер по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства в районах Тихого и Северного Ледовитого океанов, прилегающих к побережью СССР” указывалось, что в Беринговом и Чукотском морях, а также в Северном Ледовитом океане линией, ограничивающей районы действия временных мер, вытекающих из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1976 г., будет служить линия, установленная Договором 1867 г.³ В тот же день, 24 февраля 1977 г., наша страна передала США без заключения договора до окончания переговоров по делимитации морской район площадью 23,7 тыс. кв. км, подтвердив при этом необходимость проведения разграничения по линии локсодромии.⁴

По Соглашению 1990 г. к США помимо указанного выше морского арiona отошла также и часть нашей экономической зоны площадью 7,7 тыс. кв. км. В результате этого исключительная экономическая зона США на отдельных участках стала на 50 миль больше 200-мильного предела, установленного международным правом, а наша зона на данных участках была сокращена на эту величину.⁵ К моменту подписания Соглашения 1990 г. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция 1982 г.) еще не вступила в силу, однако ее положения, касающиеся, в частности, исключительной экономической зоны, должны были применяться в качестве обычно-парвовых норм. Это было подтверждено, например, в решении Международного Суда ООН по спору между Ливией и Мальтой 1982 г. Таким образом, осуществление Соединенными Штатами суверенных прав и юрисдикции в отношении морского пространства, расположенного за пределами 200-мильной зоны, противоречит, по нашему мнению, нормам международного права, хотя некоторые ученые и не придерживаются названной точки зрения.

Указание в п. 3 ст. 3 Соглашения 1990 г. о том, что осуществление как СССР, так и США суверенных прав и юрисдикции в отношении таких пространств вытекает из соглашения между ними, а не является расширением их экономических зон, представляет собой, на наш взгляд, неверное толкование международно-правовых норм. Безусловно, любое государство вправе по международному договору передать какое-либо принадлежащее ему право другому государству. Однако по Соглашению 1990 г. передаются все суверенные права и юрисдикция, тем самым в некоторых районах ширина исключительной экономической зоны при-

брежного государства (СССР и США) становится больше 200-мильного пространства, за пределом которого эти права и юрисдикция в настоящее время не могут осуществляться в соответствии с международным правом (ст. 57 Конвенции 1982 г.).

Представляется, что в данном случае в Соглашении необходимо было бы вместо передачи суверенных прав и юрисдикции от одного государства другому установить режим совместного использования таких морских районов или же предоставить другой стороне определенные права в пределах собственной 200-мильной исключительной экономической зоны (например, квоту на вылов рыбы и т. д.).

Помимо нарушения сторонами упомянутых обычно-правовых норм, наша страна подписанием Соглашения 1990 г. нарушила также и положения ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., согласно которой государство, подписавшее договор под условием ратификации (в данном случае Конвенции 1982 г.), обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели.

Кроме этого в отношении Соглашения 1990 г. высказываются и другие претензии правового характера (отсутствие разграничения по срединной линии, изменение государственной принадлежности территорий, применение Соглашения без ратификации и т. д.). На наш взгляд, такие претензии являются несостоятельными. Срединная линия не является в настоящее время единственным критерием разграничения исключительных экономических зон между государствами с противоположными или смежными побережьями. Как известно, на III Конференции ООН по морскому праву высказывались позиции как в пользу установления принципа срединной линии, так и в пользу того, что срединная линия является лишь одним из методов разграничения, который может быть использован только тогда, когда он ведет к справедливому решению вопросов делимитации.⁶ Пункт 1 ст. 74 Конвенции 1982 г. предусматривает, что делимитация исключительной экономической зоны осуществляется путем соглашения на основе международного права, как это указывается в ст. 38 Статута Международного Суда, в целях достижения справедливого решения. Поэтому разграничение по Соглашению 1990 г., произведенное не по срединной линии, не может расцениваться как нарушение норм международного права.

Что касается вопросов применения положений Соглашения 1990 г. без ратификации, то здесь хотелось бы отметить следующее. В соответствии со ст. 7 Соглашения оно подлежит ратификации и вступает в силу в день обмена ратификационными грамотами. Согласно договоренности между Правительством СССР и Правительством США, оформленной путем обмена нотами при подписании Соглашения, последнее подлежит временному применению до вступления его в силу, начиная с 15 июня 1990 г. Такая практика полностью соответствует ст. 25 Венской конвенции 1969 г. Американская сторона ратифицировала Соглашение 16 сентября 1991 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации своим Постановлением № 671-І ГД от 7 апреля 1995 г. рекомендовала Президенту РФ внести в Государст-

венную Думу проект федерального закона о ратификации Соглашения 1990 г.

21 июля 1995 г. вступил в силу Федеральный закон "О Международных договорах Российской Федерации" № 101-ФЗ от 15 июля 1995 г. (далее — Закон). Пункт 2 ст. 23 Закона предусматривает, что временно применяющийся международный договор, решение о согласии на обязательность которого для России подлежит принятию в форме федерального закона, представляется в Государственную Думу в срок не более шести месяцев с даты начала его временного применения. По решению, принятому в форме федерального закона, срок временного применения может быть продлен.

В соответствии с данным положением, не имеющим обратной силы, Президент РФ письмо № Пр-461 от 9 марта 1996 г. внес в Государственную Думу проект федерального закона о продлении до 30 июня 1996 г. срока временного применения Россией Соглашения 1990 г. В связи с тем, что до предложенного срока закон так и не был принят, по договоренности между Президентом и Государственной Думой был подготовлен законопроект, предусматривающий продление срока временного применения указанного Соглашения до 30 июня 1997 г.

Постановлением № 1072-II ГД от 7 февраля 1997 г. Государственная Дума отклонила этот законопроект и рекомендовала Президенту поручить МИД РФ выполнить процедуры, предусмотренные п. 3 ст. 23 Закона, применительно к Соглашению 1990 г. Согласно данному пункту, если в международном договоре не предусматривается иное либо соответствующие государства не договорились об ином, временное применение Россией договора или его части прекращается по уведомлению других государств, которые временно применяют договор, о намерении Российской Федерации не стать участником договора.

По нашему мнению, п. 3 ст. 23 закона не имеет отношения к рассматриваемому вопросу, так как из указанного Постановления Государственной Думы не вытекает, что Россия выразила намерение не стать участником Соглашения 1990 г. В Постановлении идет лишь речь об отказе нашей страны от продления срока временного применения положений Соглашения, а не об отказе в его ратификации. Поэтому в данном случае необходимо руководствоваться не п. 3, а п. 2 ст. 23 Закона.

Поскольку Государственная Дума отклонила законопроект о продлении срока временного применения Соглашения 1990 г., по смыслу п. 2 ст. 23 Закона такое временное применение должно быть прекращено со стороны нашего государства. Однако прямой нормы, удостоверяющей это правило, в ст. 23 не содержится, что, безусловно, является существенным недостатком Закона. Подобная норма отсутствует и в ст. 25 Венской конвенции 1969 г.

Некоторые ученые (А. Л. Колодкин и др.) полагают, что п. 2 ст. 23 Закона противоречит ст. 25 Венской конвенции 1969 г., поскольку последняя не ограничивает срок временного применения международного договора, который может применяться таким образом до вступления его в силу. Единственным исключением из этого правила является ситуация, когда соответствующее государство уведомляет другие государства, между которыми временно применяется договор, о своем

намерении не стать участником данного договора. В этом случае временное применение договора в отношении такого государства прекращается (п. 2 ст. 25 Венской конвенции 1969 г.).

Автор, в принципе разделяя указанную позицию, считает, однако, целесообразным отметить, что положения п. 2 ст. 23 Закона направлены на недопущение временного применения международного договора в течение неопределенного срока, которое может нанести существенный ущерб интересам нашей страны. Поэтому, во избежание противоречия между российским законодательством и нормами Венской конвенции 1969 г., необходимо было бы вместо установления шестимесячного срока для предоставления временно применяющегося договора в Государственную Думу (ст. 23 Закона, к сожалению, не содержит указания о том, с какой целью такой международный договор должен представляться в Государственную Думу) установить этот или какой-либо другой срок для предоставления такого договора на ратификацию, а не только для продления срока его временного применения. названное положение необходимо внести и в ст. 16 Закона, которая не указывает срок, в течение которого подписанный международный договор должен выноситься на ратификацию.

А. Н. Талалаев также полагает, что пока Россия официально не уведомит американскую сторону о своем желании не стать участником Соглашения 1990 г. либо не ратифицирует это Соглашение, последнее должно временно применяться, даже если такое временное применение уже чрезмерно затянулось.⁷

Положения Соглашения 1990 г. применяются в настоящее время и на практике. Российские рыболовные суда, нарушающие, по мнению американской стороны, линию разграничения экономических зон в Беринговом море, задерживаются и досматриваются властями США, в том числе и в открытом море. Так, в ночь с 15 на 16 августа 1997 г. российский траулер "Черняево" был задержан патрульным кораблем США в открытом море далеко от линии делимитации экономических зон. 20 вооруженных солдат вошли на борт судна, ворвались в каюту капитана, радиорубку и потребовали изменить курс на 180 градусов. Американцы обвинили капитана траулера в том, что он якобы чуть раньше сделал заход в пределы их исключительной экономической зоны и занимался там браконьерским промыслом. Однако никаких реальных доказательств ведения такого промысла российским судном, за исключением какой-то информации со спутника, американская сторона предъявить не смогла.⁸ Были зафиксированы и другие случаи подобного поведения американских властей в Беринговом море.

Таким образом, Соглашение 1990 г. нарушает не столько нормы международного права (хотя это, как мы выяснили, тоже имеет место), сколько национальные (главным образом рыболовные) интересы нашего государства, вследствие чего указанное Соглашение требует в большей степени политической и экономической оценки. Вообще же Соглашение 1990 г. должно быть незамедлительно внесено на ратификацию, и Государственной Думе было бы целесообразно принять решение об отказе в его ратификации. В этом случае в соответствии с п. 2 ст. 25 Венской конвенции 1969 г. и п. 3 ст. 23 Федерального закона "О

международных договорах Российской Федерации” временное применение Соглашения 1990 г. будет прекращено, вследствие чего необходимо будет начинать новые переговоры с американской стороной по всему комплексу вопросов разграничения морских пространств.

¹ Сборник действующих трактатов, конвенций и других международных актов, имеющих отношение к военному мореплаванию//Сост. *И. А. Овчинников*. Петроград, 1914, с. 82—86.

² “Ведомости Верховного Совета СССР”, 1976, № 50, ст. 728.

³ “Собрание постановлений Правительства СССР”, 1977, № 11, ст. 67.

⁴ *Antinory C. M.* The Bering Sea: Maritime Delimitation Dispute between the United States and the Soviet Union//*Ocean development and international law*, 1978, vol. 18, № 1.

⁵ *Зианов В. А.* После Аляски еще одна клякса//“Российская газета”, 1997, 14 января.

⁶ *Симонидес Я.* Критерии делимитации экономической зоны и континентального шельфа//Проблемы морского права на современном этапе. М., В/О “Мортехинформреклама”, 1983, с. 39—43.

⁷ *Талалаев А. Н.* Действует ли нератифицированный договор?//“Международное право”, 1998, № 1, с. 207—210.

⁸ *Виноградов Б.* Еще одна Аляска?//“Завтра России”, 1997, 11—18 сентября

Статья поступила в редакцию в июне 1999 г.

СОГЛАШЕНИЕ

между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств*

Союз Советских Социалистических Республик и Соединенные Штаты Америки (именуемые далее “Стороны”).

напоминая о русско-американской Конвенции от 18/30 марта 1867 г. (именуемой далее “Конвенция 1867 г.”).

желая урегулировать вопросы, касающиеся линии разграничения морских пространств между СССР и США.

желая обеспечить осуществление юрисдикции прибрежного государства во всех морских районах, где при отсутствии линии разграничения морских пространств такая юрисдикция могла бы осуществляться для любых целей в соответствии с международным правом любой из Сторон, согласились о нижеследующем:

Статья I

1. Стороны согласились, что линия, описанная как “западная граница” в статье i Конвенции 1967 г., и как она определена в статье 2 настоящего Соглашения, является линией разграничения морских про-

* Мы специально приводим это нератифицированное соглашение, вокруг которого сшлестнулось так много различных точек зрения политиков, дипломатов, юристов.

странств между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки.

2. Каждая Сторона будет соблюдать линию разграничения морских пространств как ограничивающую пределы ее юрисдикции прибрежного государства, которые в ином случае допускались бы международным правом для любых целей.

Статья 2

1. От начальной точки 65°0' северной широты и 168°58'37" западной долготы линия разграничения морских пространств идет на север по меридиану 168°58'37" западной долготы через Берингов пролив и Чукотское море по Северному Ледовитому океану, насколько допускается по международному праву.

2. От той же начальной точки линия разграничения морских пространств идет на юго-запад и определяется линиями, соединяющими географические точки, которые указаны в Приложении, являющемся неотъемлемой частью настоящего Соглашения.

3. Все географические точки определены во Всемирной геодезической системе 1984 г. ("WGS 84") и, если не оговорено иначе, "соединены геодезическими линиями."

Статья 3

1. В любом районе к востоку от линии разграничения морских пространств, расположенном в пределах 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря Советского Союза, но за пределами 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря Соединенных Штатов ("восточный специальный район"), Советский Союз признает отныне за Соединенными Штатами право осуществлять суверенные права и юрисдикцию, вытекающие из юрисдикции в экономической зоне, которую Советский Союз иначе был бы вправе осуществлять по международному праву при отсутствии соглашения между Сторонами о линии разграничения морских пространств.

2. В любом районе к западу от линии разграничения морских пространств, расположенном в пределах 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря Соединенных Штатов, но за пределами 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря Советского Союза ("Западный специальный район"), Соединенные Штаты признают отныне за Советским Союзом право осуществлять суверенные права и юрисдикцию, вытекающие из юрисдикции в экономической зоне, которую Соединенные Штаты иначе были бы вправе осуществлять по международному праву при отсутствии соглашения между Сторонами о линии разграничения морских пространств.

3. В той мере, как любая из Сторон осуществляет суверенные права или юрисдикцию в специальном районе или районах по ее сторону линии разграничения морских пространств, как предусмотрено в настоящей Статье, такое осуществление суверенных прав или юрисдикции

вытекает из соглашения между Сторонами, а не является расширением ее экономической зоны. С этой целью каждая Сторона принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы любое осуществление ею таких прав или юрисдикции в специальном районе или районах по ее сторону линии разграничения морских пространств было бы надлежащим образом отражено в ее соответствующих законах, правилах и на картах.

Статья 4

Линия разграничения морских пространств, определенная в настоящем Соглашении, ни в коей мере не затрагивает и не наносит ущерба позиции любой из Сторон в отношении норм международного права, касающихся морского права, включая осуществление суверенитета, суверенных прав или юрисдикции в отношении вод или морского дна и его недр.

Статья 5

Для целей настоящего Соглашения термин “Юрисдикция прибрежного государства” означает суверенитет, суверенные права или любую иную форму юрисдикции в отношении вод или морского дна и его недр, которая может осуществляться прибрежным государством в соответствии с международным морским правом.

Статья 6

Любые споры, касающиеся толкования или применения настоящего Соглашения, урегулируются путем переговоров или другими мирными средствами по согласованию между Сторонами.

Статья 7

Настоящее Соглашение подлежит ратификации и вступает в силу в день обмена ратификационными грамотами.

В удостоверение чего представители Сторон, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящее Соглашение.

Совершено в Вашингтоне 1 июня 1990 года в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Союз Советских
Социалистических Республик
Э.А. Шеварднадзе
Министр иностранных дел СССР

За Соединенные Штаты Америки
Д.Э. Бейкер,
Государственный секретарь США

ПРИЛОЖЕНИЕ

Географические точки, установленные в настоящем Приложении, определены во Всемирной геодезической системе 1984 г. ("WGS 83") и, если не оговорено иначе, соединены геодезическими линиями. Одна морская миля равна 1852 метрам.

Линия разграничения морских пространств определена следующим образом:

От начальной точки 65°30' с.ш. и 169°58'37" з.д. линия разграничения морских пространств идет на север по меридиану 168°58'37" з.д. через Берингов пролив и Чукотское море по Северному Ледовитому океану, насколько допускается по международному праву.

От той же начальной точки линия разграничения морских пространств идет на юго-запад, соединяя следующие географические точки:

2. 65°19'58" с.ш. и 169°21'38" з.д. 3. 65°09'51" с.ш. и 169°44'34" з.д.
4. 64°59'41" с.ш. и 170°07'23" з.д. 5. 64°49'26" с.ш. и 170°30'06" з.д.
6. 64°39'08" с.ш. и 170°52'43" з.д. 7. 64°28'46" с.ш. и 171°15'14" з.д.
8. 64°18'20" с.ш. и 170°37'40" з.д. 9. 64°07'50" с.ш. и 172°00'00" з.д.
10. 63°59'27" с.ш. и 172°18'39" з.д. 11. 63°51'01" с.ш. и 172°37'13" з.д.
12. 63°42'33" с.ш. и 172°55'42" з.д. 13. 63°34'01" с.ш. и 173°14'07" з.д.
14. 63°25'27" с.ш. и 173°32'27" з.д. 15. 63°16'50" с.ш. и 173°50'42" з.д.
16. 63°08'11" с.ш. и 174°08'52" з.д. 17. 62°59'29" с.ш. и 174°26'58" з.д.
18. 62°50'44" с.ш. и 174°44'59" з.д. 19. 62°41'56" с.ш. и 175°02'56" з.д.
20. 62°33'06" с.ш. и 175°20'48" з.д. 21. 62°24'13" с.ш. и 175°38'36" з.д.
22. 62°15'17" с.ш. и 175°56'19" з.д. 23. 62°06'19" с.ш. и 176°13'59" з.д.
24. 61°57'18" с.ш. и 176°31'34" з.д. 25. 61°48'14" с.ш. и 176°49'04" з.д.
26. 61°39'08" с.ш. и 177°06'31" з.д. 27. 61°29'59" с.ш. и 177°23'56" з.д.
28. 61°20'47" с.ш. и 177°41'11" з.д. 29. 61°11'33" с.ш. и 177°58'26" з.д.
30. 61°02'17" с.ш. и 178°15'36" з.д. 31. 60°52'57" с.ш. и 178°32'42" з.д.
32. 60°43'35" с.ш. и 178°49'45" з.д. 33. 60°34'11" с.ш. и 179°06'44" з.д.
34. 60°24'44" с.ш. и 179°23'38" з.д. 35. 60°15'14" с.ш. и 179°40'30" з.д.
36. 60°11'39" с.ш. и 179°46'49" з.д. от этой точки она идет по дуге окружности радиусом 200 морских миль с центром в точке 60°38'23" с.ш. и 173°06'54" з.д. до точки 37. 59°58'22" с.ш. и 179°40'55" з.д. от этой точки она идет на юго-запад по локсодромии, соединяющей следующие точки: 64°05'08" с.ш. и 172°00'00" з.д., 53°43'42" с.ш. и 170°18'31" з.д. до точки

38. 58°57'18" с.ш. и 178°33'59" з.д. от этой точки она идет по дуге окружности радиусом 200 морских миль с центром в точке 62°15'09" с.ш. и 179°05'34" з.д. до точки

39. 58°58'14" с.ш. и 178°15'05" з.д. 40. 58°57'58" с.ш. и 178°14'37" з.д.
41. 58°48'06" с.ш. и 177°58'14" з.д. 42. 58°38'12" с.ш. и 177°41'53" з.д.
43. 58°29'16" с.ш. и 177°25'34" з.д. 44. 58°18'17" с.ш. и 177°09'18" з.д.
45. 58°08'15" с.ш. и 176°53'04" з.д. 46. 57°58'11" с.ш. и 176°36'52" з.д.
47. 57°48'04" с.ш. и 176°20'43" з.д. 48. 57°37'54" с.ш. и 176°04'35" з.д.
49. 57°27'42" с.ш. и 175°48'31" з.д. 50. 57°17'29" с.ш. и 175°32'29" з.д.
51. 57°07'11" с.ш. и 175°16'27" з.д. 52. 56°56'51" с.ш. и 175°00'29" з.д.
53. 56°46'29" с.ш. и 174°44'32" з.д. 54. 56°36'04" с.ш. и 174°29'38" з.д.
55. 56°25'37" с.ш. и 174°12'46" з.д. 56. 56°15'07" с.ш. и 173°56'56" з.д.
57. 56°04'34" с.ш. и 173°41'08" з.д. 58. 55°53'59" с.ш. и 173°25'22" з.д.
59. 55°43'22" с.ш. и 173°09'37" з.д. 60. 55°32'42" с.ш. и 172°53'55" з.д.
61. 55°21'59" с.ш. и 172°38'14" з.д. 62. 55°11'14" с.ш. и 172°22'36" з.д.
63. 55°00'25" с.ш. и 172°06'59" з.д. 64. 54°49'36" с.ш. и 171°51'24" з.д.
65. 54°38'43" с.ш. и 171°35'51" з.д. 66. 54°27'48" с.ш. и 171°20'20" з.д.
67. 54°16'50" с.ш. и 171°04'50" з.д. 68. 54°05'50" с.ш. и 170°49'22" з.д.

69. 53°54'47" с.ш. и 170°33'56" з.д. 70. 53°43'42" с.ш. и 170°18'31" з.д.
71. 53°32'46" с.ш. и 170°05'29" з.д. 72. 53°21'48" с.ш. и 169°52'32" з.д.
73. 53°10'49" с.ш. и 169°39'40" з.д. 74. 52°59'48" с.ш. и 169°25'53" з.д.
75. 52°48'46" с.ш. и 169°14'12" з.д. 76. 52°37'43" с.ш. и 169°01'36" з.д.
77. 52°26'38" с.ш. и 168°49'05" з.д. 78. 52°15'31" с.ш. и 168°36'39" з.д.
79. 52°04'23" с.ш. и 168°24'17" з.д. 80. 51°53'14" с.ш. и 168°12'01" з.д.
81. 51°42'03" с.ш. и 167°59'49" з.д. 82. 51°30'51" с.ш. и 167°47'42" з.д.
83. 51°19'37" с.ш. и 167°35'40" з.д. 84. 51°11'22" с.ш. и 167°26'52" з.д. от этой точки она идет по дуге окружности радиусом 200 морских миль с центром в точке 54°29'42" с.ш. и 168°05'25" з.д. до точки 85. 51°12'17" с.ш. и 167°15'35" з.д.
86. 51°09'09" с.ш. и 167°12'00" з.д. 87. 50°58'39" с.ш. и 167°00'00" з.д.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

Вашингтон, 1 июня 1990 г.

Уважаемый г-н Государственный секретарь.

Имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 1 июня, 1990 года следующего содержания:

“Имею честь сослаться на Соглашение между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик о линии разграничения морских пространств, подписанное сегодня представителями наших двух Правительств. Также имею честь предложить, чтобы два Правительства договорились взять на себя обязательства выполнять положения указанного Соглашения до его вступления в силу, начиная с 15 июня 1990 года.

На основе вышеизложенного имею честь предложить Вашему Превосходительству, что, если условия, изложенные в настоящей ноте, приемлемы для Правительства Союза Советских Социалистических Республик, данная нота и ответ Вашего Превосходительства составят договоренность между двумя Правительствами, которая вступит в силу с даты получения Вашего ответа.

Пользуясь случаем, чтобы возобновить Вашему Превосходительству уверения в моем самом высоком уважении”.

Его Превосходительству
г-ну Джеймсу Э. Бейкеру
Государственному секретарю США

г. Вашингтон

Международное уголовное право

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ

П. Н. Бирюков*

В соответствии с ч. 3 ст. 1 УПК РСФСР “независимо от места совершения преступления производство по уголовным делам на территории РСФСР во всех случаях ведется в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР”.

В литературе по уголовному процессу содержание данной нормы зачастую воспроизводится без особых комментариев: “на территории Российской Федерации и ее субъектов — республик, краев, областей, городов Москвы, Санкт-Петербурга, автономной области и автономных округов при возбуждении, производстве, расследовании и рассмотрении дел судом, независимо от места совершения преступлений, во всех случаях применяются правила, установленные настоящим Кодексом”.¹

В других работах это положение дополняется правилом: при совершении преступления членом экипажа российского корабля в море или самолете в воздухе судопроизводство также осуществляется в соответствии с уголовно-процессуальным законом.²

Между тем Российская Федерация является участником многих международных договоров, устанавливающих иные правила действия российского уголовного-процессуального закона в пространстве.

Международные нормы:

ограничивают действие УПК РСФСР в отношении преступлений, совершенных в российских территориальных и внутренних водах; распространяют действие УПК РСФСР в отношении преступлений, совершенных за пределами РФ.

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

1. Действие уголовно-процессуального закона в отношении преступ-

* Кандидат юридических наук, доцент Воронежского государственного университета. Подробнее об авторе см. № 1 нашего журнала за 1999 г.

лений, совершенных в российских территориальных и внутренних водах.

В соответствии со ст. 11 УК РФ лицо, совершившее преступление на территории РФ, подлежит уголовной ответственности по российскому УК. При этом преступления, совершенные в пределах территориальных вод или воздушного пространства РФ, признаются совершенными на территории РФ.

Часть 3 ст. 6 ФЗ “О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне” 1998 г.³ подчеркивает, что на иностранные суда и находящиеся на их борту пассажиров и членов экипажей во время пребывания указанных судов в морских портах распространяется уголовная юрисдикция Российской Федерации.

Однако из этого правила имеются исключения, предусмотренные международными договорами.

Так, на основании ст. 10 Соглашения между Правительством СССР и Правительством Испании о морском судоходстве 1983 г.⁴ уголовная юрисдикция РФ в отношении преступлений, совершенных членами экипажа испанского невоенного судна на борту этого судна во время его пребывания во внутренних водах России (и в частности в портах)⁵, будет осуществляться лишь в случаях:

- “а) когда последствия преступления распространяются на территорию государства, во внутренних водах которого находится судно; или
- б) когда преступление такого рода, что им нарушается спокойствие или добрый порядок в этом государстве; или
- с) когда преступление совершено против иного лица, чем член экипажа судна или любого другого судна этого флага; или
- д) когда это необходимо для пресечения незаконной торговли наркотическими средствами или психотропными веществами”.

В Соглашении между Правительством СССР и Правительством Королевства Нидерландов о торговом судоходстве 1969 г.⁶ (ст. 13) в указанный перечень включено дополнительное условие — преступление по российским законам должно являться тяжким. Кроме того, в ограничительной редакции сформулировано положение об объекте преступного посягательства — преступление должно быть совершено “против какого-либо иного лица, кроме члена экипажа этого судна”.

Сходные правила закреплены в ст. 11 Соглашения между Правительством РФ и Правительством Грузии о торговом судоходстве 1996 г.⁷

В п. 2 ст. 13 Соглашения между Правительством СССР и Правительством Королевства Дании о морском судоходстве 1973 г.⁸ сформулировано дополнительное условие: Российская Федерация будет осуществлять уголовную юрисдикцию также, если правонарушение совершено гражданином РФ или против гражданина РФ, равно как и лицом или против лица, которое имеет постоянное местожительство в РФ, или любым лицом или против любого лица, не являющегося членом экипажа.

Иными словами, далеко не во всех случаях преступление, совершенное в российских внутренних водах, наказуемо по российскому УК, а производство по уголовному делу будет вестись по УПК РСФСР.

Неприменима при данных обстоятельствах и ст. 3 УПК РСФСР: суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны “возбудить уголовное

дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию”.

Далее. В п. 1 ст. 17 ФЗ “О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне” 1998 г. предусматривается, что уголовная юрисдикция РФ “Не осуществляется на борту иностранного судна, проходящего через Территориальное море (-П. Б.), для ареста какого-либо лица или производства расследования в связи с любым преступлением, совершенным на борту иностранного судна во время его ПРОХОДА (-П. Б.), за исключением следующих случаев, если:

последствия преступления распространяются на территорию Российской Федерации;

преступление имеет такой характер, что им нарушается спокойствие в Российской Федерации или добрый порядок в территориальном море;

капитан иностранного судна, дипломатический агент или консульское должностное лицо государства флага обратится к должностным лицам федеральных органов исполнительной власти или к должностным лицам органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации с просьбой об оказании помощи;

такие меры необходимы для пресечения незаконной торговли наркотическими средствами или психотропными веществами, а также для пресечения других уголовных преступлений международного характера, предусмотренных международными договорами Российской Федерации”.⁹

Как видим, в п. 1 ст. 17 закона речь идет об осуществлении Российской юрисдикции в отношении преступлений, совершенных не во внутренних водах РФ, а в территориальном море и лишь во время использования права мирного прохода. Между тем в международных договорах РФ такое ограничение не содержится.

Иными словами, п. 1 ст. 17 закона без всяких на то оснований сужает сферу действия российского УПК и являет собой не самый удачный образец имплементации международных норм в национальное право.

Представляют интерес в этой связи и положения Модельного УПК для государств-участников СНГ 1996 г.¹⁰ (далее МУПК).

Статья 6 МУПК гласит: “на всей территории независимого государства уголовное судопроизводство осуществляется в соответствии с уголовно-процессуальным законом этого государства независимо от места, где случилось соответствующее событие, данных о личности его участников и других обстоятельств... Международным договором независимого государства могут быть установлены другие правила действия его уголовно-процессуального закона в пространстве”.

Как видим, несмотря на то, что ст. 6 МУПК не содержит специального указания на возможность осуществлений иностранной юрисдикции в отношении преступлений во внутренних и территориальных водах, в силу отсылки “другие” в этой сфере допускается применение международных договоров.

Любопытное положение предусмотрено в проекте нового УПК РФ, принятого Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении в 1998 г. В п. 1 ст. 2 проекта говорится: “независимо от места

совершения преступления производство по уголовным делам на территории Российской Федерации ведется в соответствии с настоящим Кодексом, если международным договором о правовой помощи не установлено иное”.

Одобрив включение в проект отсылки к международным договором (“если иное”), хочется заметить, что перечень договоров, затрагивающих производство по уголовным делам, не ограничивается только договорами о правовой помощи. Существует и иные договоры, определяющие вопросы уголовного судопроизводства.¹¹

II. Вторая проблема — применение УПК РСФСР за пределами РФ — имеет, по крайней мере, два аспекта.

1. В соответствии с ч. 2 ст. 11 УК РФ, действие этого Кодекса “распространяется также на преступления, совершенные на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации”.

Согласно ст. 1 ФЗ “О континентальном шельфе Российской Федерации” 1995 г.¹² континентальный шельф РФ — это “морское дно и недра подводных районов, находящиеся за пределами территориального моря РФ на всем протяжении естественного продолжения ее сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка. Внешняя граница континентального шельфа находится на расстоянии 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, при условии, что внешняя граница подводной окраины материка не простирается на расстояние более чем 200 морских миль. Если подводная окраина материка простирается на расстояние более 200 морских миль от указанных исходных линий, внешняя граница континентального шельфа совпадает с внешней границей подводной окраины материка, определяемой в соответствии с нормами международного права.

В соответствии с нормами Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г.¹³ и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹⁴ Российская Федерация вправе определять режим разведки и разработки природных ресурсов шельфа, возводить соответствующие сооружения и установки, создавать вокруг них зоны безопасности (до 500 м), принимать меры по охране ресурсов шельфа, в т. ч. привлекать к ответственности за нарушение законодательства о континентальном шельфе.

Аналогичные правила действуют и в отношении преступлений, совершенных в пределах исключительной экономической зоны.

Согласно ст. 1 ФЗ “Об исключительной экономической зоне Российской Федерации” 1998 г.¹⁵ исключительная экономическая зона РФ представляет собой морской район, находящийся за пределами территориального моря Российской Федерации и прилегающий к нему, с особым правовым режимом, установленным настоящим Федеральным законом, международными договорами Российской Федерации и нормами международного права. Внутренней границей исключительной экономической зоны являются внешняя граница территориального моря. Внешняя граница исключительной экономической зоны находится на расстоянии 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеря-

ется ширина территориального моря, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации.

Лица, виновные в нарушении законодательства об исключительной экономической зоне, привлекаются к ответственности (ст. 40 закона, ст. 253 УК РФ).

Иначе говоря, преступления, совершенные в районе континентального шельфа исключительной экономической зоны РФ, должны расследоваться по правилам действующего УПК.

2. Юрисдикция РФ в отношении преступлений, совершенных на российских невоенных морских и воздушных судах, находящихся за пределами РФ.

Согласно ч. 3 ст. 11 УК РФ “лицо, совершившее преступление на судне, приписанном к порту Российской Федерации, находящемся в открытом водном или воздушном пространстве вне пределов Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации”.

Действующий УПК РСФСР не регламентирует специфики расследования такого рода преступлений. Пункт 7 ст. 117 УПК лишь наделяет “капитанов морских судов, находящихся в дальнем плавании”, правом вести дознание.

Между тем, как мы уже говорили, существует несколько договоров о мореплавании и судоходстве, устанавливающих иные правила о юрисдикции в отношении преступлений на торговых судах.

В п. 2 ст. 6 Модельного УПК это обстоятельство отражено: “за пределами независимого государства его уголовно-процессуальный закон применяется на морском, речном или воздушном судах, правомерно находящихся под флагом или несущих опознавательные знаки независимого государства и приписанных к порту независимого государства”.

Проект нового УПК РФ (ст. 2) учитывает международные обязательства РФ: “правила настоящего Кодекса применяются также при производстве по делу о преступлении, совершенном на воздушном, морском или речном судне, находящемся вне пределов Российской Федерации, если названное судно приписано к порту Российской Федерации”.

III. Несколько слов об уголовной ответственности российских граждан, входящих в состав воинских формирований и совершивших преступление вне пределов РФ.

В литературе проблема ответственности военнослужащих за преступления, совершенные за границей, исследована явно недостаточно.

З. А. Незнакова, например, просто воспроизводит содержание ч. 2 ст. 12 УК РФ.¹⁶

А. Н. Игнатов ограничивается одним предложением: “как правило, международными договорами устанавливается следующий порядок:

за преступления должностные и против порядка несения воинской службы военнослужащие, находящиеся за границей, несут ответственность по законодательству своей страны:

за преступления, совершенные вне территории расположения воинской части и носящие общеуголовный характер (убийство, изнасилова-

ние, кража, грабеж, торговля наркотиками и т. д.), военнослужащие несут ответственность по законодательству страны пребывания".¹⁷

Между тем проблема ответственности военнослужащих за преступления за границей, отнюдь не исчерпывается приведенными положениями.

В соответствии с ч. 2 ст. 12 УК РФ "военнослужащие воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную ответственность по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации".

Статья 22 ФЗ "О статусе военнослужащих" 1998 г.¹⁸ подчеркивает, что "судопроизводство по делам с участием военнослужащих, проходящих военную службу за пределами территории Российской Федерации, осуществляется в соответствии с федеральными законами, с учетом общепризнанных принципов, норм международного права и международных договоров Российской Федерации".

У Российской Федерации имеется около десятка соглашений по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием российских воинских формирований на территории иностранных государств.

В их числе — Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Грузия о юрисдикции и взаимной правовой помощи, по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований РФ на территории Республики Грузия 1993 г.¹⁹, Соглашение между РФ и Республикой Молдова по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований РФ на территории Республики Молдова 1994 г.²⁰, Соглашение между РФ и Республикой Беларусь по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований РФ из состава стратегических сил на территории Республики Беларусь 1995 г.²¹, Соглашение между РФ и Киргизской Республикой по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований РФ на территории Киргизской Республики 1996 г.²² и др.

Под воинскими формированиями понимаются воинские части, военные учреждения, предприятия и организации Вооруженных Сил РФ на территории иностранного государства, а также соединения, части и подразделения Пограничных войск РФ, дислоцированные на территории иностранного государства (ст. 1 Соглашения между РФ и Республикой Кыргызстан о статусе Пограничных войск Российских Федерации, находящихся на территории Республики Кыргызстан, 1991 г.²³, ст. 1 Договора между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь о статусе Сил, временно размещенных на территории Республики Беларусь, 1993 г.²⁴, Соглашение между РФ и Республикой Молдова о правовом статусе, порядке и сроках вывода воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Молдова, 1994, г.²⁵).

На основании соглашений Российская Федерация распространяет

свою юрисдикцию на воинские преступления, совершенные лицами, входящими в состав воинских формирований, в местах дислокации воинских формирований на территории иностранного государства, а также вне пределов их дислокации в случае совершения преступлений в отношении Российской Федерации или лиц, входящих в состав воинских формирований. В иных случаях действует юрисдикция другой Стороны, применяется ее законодательство и действуют ее компетентные органы (ст. 10 Соглашения между Правительством РФ и Правительством Республики Грузия 1993 г., ст. 10 Соглашения между РФ и Республикой Молдова 1994 г., ст. 2 Соглашения между РФ и Киргизской Республикой 1996 г. и др.).

Несколько иным образом вопрос решен в Соглашении между РФ и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины 1997 г.²⁶

По ст. 19 Соглашения вопросы юрисдикции, связанные с пребыванием российских воинских формирований на территории Украины, регулируются следующим образом:

“1. По делам о преступлениях, совершенных лицами, входящими в состав воинских формирований, или членами их семей на территории Украины, применяется законодательство Украины и действуют суды, прокуратура и другие компетентные органы Украины.

2. Пункт 1 настоящей статьи не применяется:

а) в случае совершения лицами, входящими в состав воинских формирований, или членами их семей — гражданами Российской Федерации — преступлений против Российской Федерации, а также против лиц, входящих в состав воинских формирований, или членов их семей — граждан Российской Федерации;

б) в случае совершения лицами, входящими в состав воинских формирований, преступлений при исполнении служебных обязанностей в местах дислокации воинских формирований.

В случаях, предусмотренных настоящим пунктом, применяется законодательство Российской Федерации и действуют суды, прокуратура и другие компетентные органы Российской Федерации.

3. Компетентные органы Сторон могут обращаться друг к другу с просьбой о передаче или принятии юрисдикции в отношении отдельных дел, предусмотренных настоящей статьей.”

Любопытно также, что международные договоры РФ в число лиц, “входящих в состав воинских формирований”, включают не только военнослужащих, но и:

“граждан, работающих по найму в воинских формированиях” (ст. 1 Соглашения между РФ и Республикой Молдова о правовом статусе, порядке и сроках вывода воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Молдова, 1994 г. и пр.);

“лиц, командированных Российской Стороной в воинские формирования (ст. 2 Договора между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь о статусе воинских формирований Российской Федерации из состава стратегических сил, временно размещенных на территории Республики Беларусь, 1993 г. 27, ст. 1 Соглашения между

РФ и Республикой Молдова по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований РФ на территории Республики Молдова 1994 г. и т. д.);

Члены семей военнослужащих и гражданского персонала воинских формирований, кроме граждан иностранного государства (ст. 1 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о статусе Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Кыргызстан, 1992 г., ст. 1 Соглашения между РФ и Республикой Беларусь по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований РФ из состава стратегических сил на территории Республики Беларусь 1995 г. и др.).

Таким образом, международные договоры РФ непосредственно регулируют вопросы действия российского уголовно-процессуального закона в пространстве, делая изъятия из сферы действия ст. 1 УПК РСФСР. Очевидно, что действующий УПК нуждается в совершенствовании, приведении его в соответствие с международными обязательствами РФ.

В связи с изложенным представляется целесообразным дополнить УПК РСФСР специальной статьей следующего содержания:

“Статья. Действие российского уголовно-процессуального закона в пространстве

1. На всей территории Российской Федерации уголовное судопроизводство осуществляется в соответствии с российским уголовно-процессуальным законом независимо от места, где случилось соответствующее событие, данных о личности его участников и других обстоятельств.

2. За пределами Российской Федерации настоящий Кодекс применяется на морском, речном или воздушном судах, правомерно находящихся под флагом или несущих опознавательные знаки Российской Федерации и приписанных к порту Российской Федерации.

3. Судопроизводство по делам лиц, входящих в состав российских воинских формирований, находящихся за пределами территории Российской Федерации, осуществляется в соответствии с федеральными законами, с учетом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

4. Международным договором Российской Федерации могут быть установлены другие правила действия его уголовно-процессуального закона в пространстве”.

¹ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. В. М. Лебедева. М., 1997. С. 16.

² Уголовный процесс. Общая часть / Под ред. В. П. Божьева, М., 1997. С. 25; Громова Н. А. Уголовный процесс России. М., 1998. С. 47

³ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3833.

⁴ СМД СССР. Вып. XXXIX. М., 1985. С. 223 — 226.

⁵ Согласно п. 2 ст. 1 ФЗ “О внутренних морских водах, территориальном море

и прилежащей зоне" 1998 г., воды российских портов относятся к внутренним водам.

⁶ СДД СССР. Вып. XXVII. М., 1974. С. 257 — 261.

⁷ СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 2834.

⁸ СДД СССР. Вып. XXX. М., 1976. С. 289 — 293.

⁹ В соответствии с п. 2 ст. 17 закона эти положения "не затрагивают права Российской Федерации принимать любые меры в соответствии с законами Российской Федерации для ареста или производства расследования на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море после выхода его из внутренних морских вод".

¹⁰ Информационный бюллетень. 1996. № 10. Приложение.

¹¹ Подробнее см.: *Бирюков П. Н.* Взаимодействие органов ФСНП РФ с зарубежными правоохранительными органами при расследовании налоговых преступлений: правовые вопросы. Воронеж, 1999.

¹² СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4694.

¹³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 28.

¹⁴ Ратифицирована РФ в 1997 г. // Действующее международное право — Сост. *Ю. М. Колосов* и *Э. С. Кривчикова*. В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 322 — 475.

¹⁵ СЗ РФ 1998. № 51. Ст. 6273.

¹⁶ Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. *И. Я. Козаченко*, *З. А. Незнамова*. М., 1997. С. 51.

¹⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. *Ю. И. Скуратова* и *В. М. Лебедева*. М., 1999. С. 13.

¹⁸ СЗ 1998. № 22 Ст. 2331

¹⁹ Соглашение в силу не вступило и не опубликовано.

²⁰ Соглашение в силу не вступило и не опубликовано.

²¹ Соглашение в силу не вступило и не опубликовано.

²² Соглашение в силу не вступило, но временно применяется с 1996. Не опубликовано.

²³ Соглашение вступило в силу в 1992 г. Не опубликовано.

²⁴ Договор вступил в силу в 1995 г. Не опубликован.

²⁵ Соглашение в силу не вступило // Дипломатический вестник. 1994. № 21 — 22.

²⁶ Соглашение в силу не вступило, но временно применяется с 1997 г. Не опубликовано.

²⁷ Вступил в силу в 1995 г. Не опубликован.

Статья поступила в редакцию в июле 1999 г.

Новая Европа

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ГРАЖДАНСТВА В РАМКАХ СОВЕТА ЕВРОПЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ИХ НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ

Н. Е. Богданова*

Развитие процесса сотрудничества России со странами Западной Европы ознаменовалось вступлением в 1996 России в Совет Европы. В связи с этим особую актуальность приобретают документы Совета Европы, в том числе Европейская конвенция о гражданстве, разработанная в рамках Совета Европы и открытая для подписания в городе Страсбурге 7 ноября 1997 года.¹ (далее в тексте — Европейская конвенция о гражданстве 1997 г.).

В настоящее время вопросы, касающиеся статуса личности, защиты прав и свобод человека и гражданина становятся приоритетными, что в свою очередь ведет к повышению необходимости их унифицированного регулирования. Это относится и к вопросам гражданства, так как основой правового положения лица и в государстве и в межгосударственных отношениях является гражданство. Современное регламентирование вопросов гражданства государствами осуществляется как внутренним так и международным правом. Однако, и те и другие нормы представляют собой комплекс правил, только в своей совокупности дающих полное представление об общем направлении узаконенной воли соответствующего государства по регулированию вопросов населения.²

При существующем положении нельзя говорить о более или менее равнозначном толковании различными государствами сути проблем, относящихся к гражданству, именно поэтому и не ставится под сомнение необходимость их международно-правового регулирования.

Дело здесь не только в том, что вопросы гражданства традиционно входили и входят во внутреннюю компетенцию государств, но и в том, что сейчас в мире происходят изменения, которые государствам не достаточно только лишь оперативно отразить во внутреннем праве путем принятия новых норм, так как проблемы, возникающие в связи с данными изменениями, оказывается невозможным решить в односто-

* Аспирантка кафедры международного права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

порядке посредством одного только принятия внутреннего акта в каждом конкретном государстве.

Таким образом, одним из ключевых моментов проблемы является то, что когда каждое государство в данной области продолжает действовать самостоятельно — это ведет к неизбежности коллизий законов о гражданстве различных государств. Такие коллизии могут стать источником трений и конфликтов международного характера. Вероятность подобных ситуаций и порождает потребность в урегулировании международно-правовыми средствами возникающих в сфере международного общения проблем, связанных с гражданством.

Осознание важности проблемы международного урегулирования вопросов гражданства привело к созданию ряда международных конвенций, касающихся вопросов устранения безгражданства и к сокращению случаев двойного гражданства либо урегулирования последствий такового. Это наиболее актуальные проблемы в сфере международно-правового регулирования вопросов гражданства, в сфере их решения наметилось несколько новых тенденций, о которых будет сказано ниже.

Примером возрастания интереса государств к международно-правовому регулированию вопросов гражданства может служить разработка новой конвенции по вопросам гражданства (Европейская конвенция о гражданстве 1997 года), учитывающей практику применения предыдущих международно-правовых актов по данному вопросу и современные тенденции в этой области.

Несмотря на то, что данная конвенция не является международно-правовым актом универсального характера, тем не менее, ее вступление в силу и применение будет способствовать разрешению многих проблем, связанных с гражданством, впоследствии это может привести к использованию данной конвенции в качестве международного обычая для государств, не являющихся ее участниками, что, в свою очередь, будет способствовать расширению сферы ее деятельности и снятию многих противоречий и конфликтов, возникающих в этой области.

Если говорить о Российской Федерации, то неоднократно отмечалось, что закон Российской Федерации “О гражданстве Российской Федерации” от 28 ноября 1991 года (в редакции изменений и дополнений от 17 июня 1993 года)³ в некоторых своих положениях устарел и требует соответствующего пересмотра и изменения. Учитывая факт вступления России в Совет Европы и подписания ею Европейской конвенции о гражданстве 1997 г., изменения в данный закон или принятие нового закона следует осуществлять, учитывая содержащиеся в данной Конвенции нормы.

Совет Европы рассматривает вопросы, касающиеся гражданства, на протяжении более чем 30 лет. В 1963 году была открыта для подписания Конвенция о сокращении случаев множественного гражданства и об исполнении воинской обязанности в случаях множественного гражданства (далее в тексте — Конвенция 1963 года)⁴.

Впоследствии все чаще признавалось, что многочисленные проблемы, касающиеся гражданства, в частности множественного гражданства, рассмотрены в этой Конвенции недостаточно полно. Некоторым из этих проблем были посвящены протоколы, открытые для подписания в

1977 году⁵. В 1993 году был открыт для подписания Второй протокол о поправках к Конвенции⁶.

В 1977 году Комитет Министров Совета Европы принял две резолюции: одну о гражданстве супругов с разным гражданством, а другую — о гражданстве детей, рожденных в браке.⁷ В одной резолюции предполагалось, чтобы правительства государств-членов предприняли шаги с тем, чтобы дать иностранным супругам их граждан возможность получения гражданства на более льготных условиях, чем те, которые действуют в обычном порядке, а также устранить различия между иностранными мужьями и иностранными женами в том, что касается гражданства. Вторая резолюция касалась возможности для государств-членов предоставления или облегчения приобретения их гражданства детьми, рожденными в браке, если один из родителей является их гражданином.

В то же время Парламентской ассамблеей было принято несколько рекомендаций, касающихся гражданства, призывающих, в частности, государства-члены содействовать натурализации беженцев в своих странах. В 1988 году была принята рекомендация по проблемам гражданства в смешанных браках.⁸

В рекомендациях Ассамблея отметила, что желательно, чтобы каждый из супругов смешанного брака имел право приобрести гражданство другого супруга без утраты гражданства происхождения; кроме того, дети, рожденные в смешанном браке, также должны иметь право приобрести и сохранить гражданство обоих родителей.

Таким образом, уже в 1988 году, хотя и на уровне рекомендаций, принимается решение, исполнение которого приведет к возникновению случаев множественного гражданства, следовательно, уже тогда намечилась тенденция возможности признания государствами множественного гражданства и стремление прежде всего регулировать его отдельные последствия.

Как уже отмечалось выше, Конвенция 1963 года со всеми последующими Протоколами не обеспечивала решение многих вопросов, связанных с гражданством, более того, как видно из названия и содержания данной Конвенции, она и не должна была охватить весь спектр проблем, касающихся гражданства.

Оценив все вышеприведенные факты, в декабре 1992 года Комитет экспертов по множественному гражданству (КЭМГ), впоследствии переименованный в Комитет экспертов по гражданству (КЭГ), предложил провести исследование возможности подготовки новой, всеобъемлющей конвенции, которая решала бы на современном уровне вопросы, касающиеся гражданства, приемлемыми для всех европейских государств способами.⁹

На основе этого исследования в ноябре 1993 года КЭГ приступил к подготовке текста такой Конвенции.

В результате проделанной работы и консультаций, проведенных с Парламентской ассамблеей, Руководящим комитетом по правам человека (РКПЧ), Европейским Комитетом по миграции (ЕКМ), Специальным Комитетом юрисконсультов по международному публичному праву (СКЮМПП) и Комитетом экспертов по семейному праву (КЭСП), 29 ноября 1996 года Европейский комитет по правовому сотрудничеству (ЕКПС) подготовил окончательный текст проекта Конвенции, который

был принят Комитетом министров и открыт для подписания 7 ноября 1997 года. Данная Конвенция вступила в силу для всех государств, выразивших согласие на ее обязательность по истечении трех месяцев с даты, когда три государства-члена Совета Европы выразили свое согласие нести по ней обязательства (данная Конвенция уже подписана Российской Федерацией, но не ратифицирована по состоянию на 25.01.99 г.).

Оценивая необходимость и своевременность принятия новой конвенции, прежде всего следует проанализировать основные положения Конвенции 1963 года.

В основу первой главы Конвенции 1963 года положена идея, которая в то время была широко распространена во многих европейских государствах, а именно идея о том, что множественное гражданство является нежелательным и что его следует в максимальной степени избегать. Ст. 1 этой Конвенции предусматривает, в частности, что граждане, добровольно приобретшие другое гражданство, утрачивают свое прежнее гражданство и, в случае отсутствия соответствующей оговорки, лишаются права на его сохранение.¹⁰

Тем не менее, в Конвенции 1963 года признается, что множественное гражданство возникает, к примеру, тогда, когда гражданство другого государства-участника приобретается автоматически или когда государство, которое не является участником первой главы Конвенции, допускает множественное гражданство в иных случаях. Поэтому во вторую главу, которая может быть обязательной для государства-участника, даже если оно не приняло первую главу, включены положения о выполнении воинской обязанности в случаях множественного гражданства, с тем, чтобы освободить лиц с множественным гражданством от выполнения своей воинской обязанности более чем в одном государстве.

Ввиду ряда изменений, произошедших в Европе с 1963 года, Совет Европы принял решение о пересмотре жестких рамок применения принципа недопустимости двойного гражданства. Причиной такого пересмотра служат несколько факторов: миграция рабочей силы между европейскими государствами, ведущая к значительному увеличению численности мигрантов; необходимость интеграции лиц, постоянно проживающих в стране; растущее число браков между лицами, имеющими разное гражданство; свобода передвижения между государствами-членами Европейского Союза.

Кроме того, принцип равноправия полов означает, что супругам, имеющими разное гражданство, следует позволить приобретать гражданство своего супруга на одинаковых условиях, и что оба супруга должны иметь возможность передать свое гражданство своим детям. Именно поэтому Второй протокол 1993 г. о поправках к Конвенции 1963 года допускает множественное гражданство в следующих трех дополнительных случаях: мигранты второго поколения, лица, состоящие в смешанном браке, и их дети.¹¹

Исходя из всего сказанного следует, что нельзя однозначно навязывать государствам обязанность устранения двойного гражданства, более того государствам должна быть предоставлена возможность самим учитывать свои собственные особые обстоятельства при определении рамок, в которых они допускают существование множественного граж-

данства. Одни государства могут считать, что сохранение второго гражданства затруднило бы полную интеграцию лиц, желающих приобрести их гражданство, другие же государства могут считать более предпочтительным оказание содействия приобретению их гражданства путем предоставления лицам возможности сохранить свое гражданство происхождения и, тем самым ускорить процесс их интеграции. Помимо этого, необходимость принятия всеобъемлющей Конвенции о гражданстве можно также объяснить следующими факторами.

Во-первых, с момента заключения в 1930 году Гаагской конвенции по некоторым вопросам, касающимся коллизии законов о гражданстве, число международных документов, содержащих положения о гражданстве, значительно возросло. Следовательно, возникли новые идеи в этой области, которые необходимо объединить в единый документ.

Во-вторых, произошла эволюция во взглядах государств на различные проблемы гражданства, и, как итог, государства вносят изменения в свое внутреннее право, которые также необходимо учесть на международном уровне с целью создания единообразных норм.

В-третьих, ранее принятые конвенции, касающиеся вопросов гражданства, регламентируют лишь отдельные проблемы, как на региональном, так и на универсальном уровне (например, Конвенция 1961 года о сокращении безгражданства).

В-четвертых, в результате изменений, произошедших в Центральной и Восточной Европе в период с 1989 года, практически всем новым государствам необходимо разрабатывать новые законы о гражданстве и об иностранцах. В этой ситуации, опираясь на всеобъемлющую конвенцию как важный стандарт в этой области, государства смогут избежать внесения противоречивых положений в свои внутренние системы права.

Таким образом, принимая во внимание все вышеприведенные факторы, разработчики Конвенции о гражданстве включили в нее положения, касающиеся всех основных аспектов гражданства, за исключением вопросов, связанных с коллизией норм.

Развитие международно-правового регулирования вопросов гражданства шло по пути отражения появляющихся новых тенденций. Можно выделить следующие основные тенденции, прежде всего, в сфере вопросов, связанных с двойным гражданством (бипатризм) и безгражданством (апатризм).

Первоначально считалось, что на первом месте для государств стоят проблемы устранения бипатризма и его последствий, так как апатризм считался меньшим злом для государства. В настоящее же время происходят кардинальные изменения в области отношения государств к проблемам бипатризма и апатризма. Если ранее общепризнанной считалась позиция, что множественное гражданство является нежелательным для государства, так как ущемляет его суверенитет¹² то сейчас государства приходят к выводу о необходимости урегулирования на межгосударственной основе прежде всего некоторых последствий множественного гражданства вместо устранения этого состояния вообще (см., например, преамбулу Европейской Конвенции о гражданстве). Несмотря на то, что данная позиция нашла свое закрепление пока лишь на региональном уровне, не исключено, что эта тенденция может быть

воспринята и при заключении других международно-правовых актов, в том числе универсального характера.

В то же время все большее внимание уделяется государствами вопросам устранения безгражданства, так как проблема отсутствия у индивида гражданства какого-либо государства непосредственно связана с проблемой обеспечения его прав и свобод.

Важнейшей областью, которую оказалось невозможным охватить в Европейской конвенции о гражданстве, является коллизия правовых норм, касающихся множественного гражданства. Однако все большее число стран вместо понятия “гражданство” использует в качестве связующего элемента в международном частном праве понятие “Обычного проживания”. Это позволяет устранить ряд проблем, которые могут возникнуть в отношении лиц, имеющих множественное гражданство. В этой связи следует особо подчеркнуть, что понятие “Обычного проживания”, используемое в соответствующей конвенции о гражданстве 1997 года, применяется, как правило, к лицам, которые регулярно и действительно проживают в определенном месте.

В Европейской конвенции о гражданстве 1997 года содержатся нормы, касающиеся принципов в области гражданства, его приобретения, сохранения, утраты, восстановления, процессуальных прав, множественного гражданства, гражданства в контексте правопреемства государств, воинской обязанности и сотрудничества между государствами-участниками. Эта Конвенция не изменяет Конвенцию 1963 года и не противоречит ей. Как следствие, обе конвенции могут существовать одновременно (в ст. 26 новой Конвенции ясно подтверждается эта совместимость).

Следовательно, предмет регулирования Европейской конвенции о гражданстве 1997 года включает, с одной стороны, принципы общего характера (см., например, ст. 4, 18) и, с другой стороны, конкретные нормы, связанные с гражданством (см., например, главы III и VII), которым должно соответствовать внутреннее законодательство государств-участников.

Анализ Конвенции дает возможность выделить следующие принципы в области гражданства, которые составляют часть нормального содержания основных принципов международного права.

Во-первых, в ст. 3 Европейской конвенции о гражданстве в качестве основополагающего принципа подтверждено положение ст. 1 Гагской конвенции 1930 года по некоторым вопросам, касающимся коллизии законов о гражданстве¹³, о том, что вопросы гражданства подпадают под внутреннюю юрисдикцию государства: “каждое государство определяет в соответствии со своим законодательством, кто является его гражданином”.

Данное положение является составным элементом таких основных принципов международного права, как уважение суверенитета и суверенное равенство государств, невмешательство в их внутренние дела.

Во-вторых, в самостоятельную статью главы II данной Конвенции был выделен пункт о недискриминации в области гражданства, что непосредственно связано с общим принципом международного права о недопущении дискриминации.

Необходимость отдельного рассмотрения данного положения связана с некоторой сложностью, которая заключается в том, чтобы отгра-

ничить дифференциацию или преференциальный режим, имеющий справедливые обоснования от дискриминации. Именно поэтому необходимо было по-разному подойти к особенностям режима, которые не являются дискриминацией, и особенностям, которые, возможно, равносильны запрещенной дискриминации в области гражданства.

В обязательном пояснении нуждаются составляющие элементы терминов “национальное и этническое происхождение”, которые основываются на ст. 1 Конвенции 1966 года о ликвидации всех форм расовой дискриминации¹⁴ и отчасти на ст. 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁵. В свое содержание они включают религиозное происхождение, в то время, как “социальное происхождение” не было включено по той причине, что его значение было сочтено разработчиками Конвенции слишком размытым. Поскольку некоторые из различных причин для дискриминации, перечисленные в ст. 14 Европейской конвенции по правам человека, были определены как не представляющие собой дискриминацию в области гражданства, они не были включены в перечень причин для дискриминации в пункте 1 ст. 5. Кроме того, было отмечено, что, поскольку Европейская конвенция по правам человека не предназначена для применения к проблемам гражданства, все причины для дискриминации в целом, перечисленные в ст. 11, имеют отношение лишь к правам и свободам, охватываемым этой Конвенцией.¹⁶

В качестве отдельных принципов в области гражданства, которые непосредственно вытекают из основных принципов международного права, Европейской конвенцией 1997 года выделены следующие:

Во-первых, это право каждого человека на гражданство. Данное право было впервые провозглашено в ст. 15 Всеобщей декларации прав человека, затем это право было закреплено также за каждым ребенком (ст. 7 Конвенции ООН 1989 года о правах ребенка). Этот принцип включен в Конвенцию по той причине, что он предопределяет последующие положения Конвенции, касающиеся ее существа и смысла, в частности те, в которых речь идет об избежании безгражданства.

Во-вторых, в качестве принципа было сформулировано обязательство избегать безгражданства. Разработчики Конвенции рассматривают это право в качестве позитивно сформулированного обязательства не допускать безгражданства, оговаривая, что право на какое-либо конкретное гражданство определяется внутренними правилами каждого государства-участника.

Правила для его выполнения устанавливаются в Конвенции 1961 года о сокращении безгражданства. Что касается определения безгражданства, то делается ссылка на ст. 1 Конвенции 1954 года о статусе лиц без гражданства¹⁷, которая содержит следующее определение данного термина: “лицо без гражданства означает лицо, которое никакое государство не считает своим гражданином в силу своего закона”. Таким образом, охватываются только “лица без гражданства де-юре”, и не “лица без гражданства де-факто”. Беженцы охватываются лишь в той мере, в которой они также считаются лицами без гражданства де-юре.

Цель включения этого принципа в Конвенцию в том, чтобы защитить право на гражданство путем предотвращения возникновения безгражданства. Как только конкретный индивид становится лицом без

гражданства, в силу такого правового статуса он может лишиться некоторых прав и защиты со стороны государства.

В-третьих, необходимо выделить принцип, содержание которого сводится к тому, что никто не может быть произвольно лишен своего гражданства. Этот принцип основан на п. 2 ст. 15 Всеобщей декларации прав человека. Он служит общей гарантией, имеющей особое значение для ст. 7 настоящей Конвенции, касающейся утраты гражданства *ex lege* (по закону — *лат.*) или по инициативе государства-участника.

В отношении предотвращения произвольного лишения гражданства необходимо отметить следующее. Если говорить о веских основаниях для лишения гражданства, то лишение гражданства должно быть в целом предсказуемым, пропорциональным и предписанным законом. В ст. 7 Конвенции приводятся исчерпывающие перечни оснований для лишения гражданства.¹⁸

В тех случаях, когда лишение гражданства может привести к безгражданству, применяются запрещающие положения, которые содержатся в п. 3 ст. 7. Согласно этому пункту единственным исключением является приобретение гражданства в результате ненадлежащего поведения заявителя (см. пункт 3 ст. 7).

В-четвертых, в качестве принципа можно выделить положение о том, что “вступление в брак или расторжение брака между гражданином государства-участника и иностранцем, изменение гражданства одним из супругов, состоящих в браке, не влекут за собой автоматически последствий для гражданства другого супруга. Этот пункт (п. d ст. 4) распространяет действие положений ст. 1 Конвенции 1957 года о гражданстве замужней женщины на супругов в целом, с тем, чтобы отразить принцип равноправия женщин и мужчин.

Таким образом, необходимо отметить, что в главе II Европейской конвенции о гражданстве содержатся как принципы, составляющие часть содержания основных принципов международного права, так и принципы в области гражданства, непосредственно связанные с основными принципами международного права, но и те и другие являются основой для применения более детальных норм в области гражданства, именно этими принципами должны руководствоваться государства-члены, применяя положения данной Конвенции при разрешении споров в области гражданства.

Отдельно в Главе VI данной Конвенции рассматриваются вопросы гражданства, вытекающие из правопреемства государств, как это определено общим международным публичным правом. Венская конвенция 1978 года о правопреемстве государств в отношении международных договоров¹⁹ определяет правопреемство государств “как переход ответственности за международные отношения территории от одного государства к другому”. Положения, касающиеся правопреемства государств и гражданства, опираются на существующую общую международную практику и исходят из общих основополагающих принципов, в соответствии с которыми государства вправе сами решать каким образом применять данные нормы в рамках их внутреннего законодательства. Эти положения не применяются непосредственно к отдельным лицам, но они прежде всего направлены на то, чтобы конкретные индивиды,

проживающие в том или ином районе, не оказались в неблагоприятной ситуации просто в силу территориальных изменений в соответствующих государствах. В ст. 18 закреплены те принципы, которые государства-участники обязуются соблюдать при решении вопросов гражданства при правопреемстве государств.

Определяющим положением при анализе данной статьи будет служить норма международного права, в соответствии с которой в вопросах гражданства население следует за изменением суверенитета над территорией.

В п. 2 ст. 18 речь идет о факторах, которые необходимо учитывать государствам-участникам, затрагиваемым правопреемством государств, когда они принимают решение о предоставлении или сохранении своего гражданства. К таким факторам относится:

- “наличие реальной и полноценной связи соответствующего лица с данным государством;
- место законного и постоянного проживания соответствующего лица в момент правопреемства государств;
- воля соответствующего лица;
- территориальное происхождение соответствующего лица.”²⁰

Таким образом, при правопреемстве государств, они должны урегулировать вопросы гражданства, исходя прежде всего из интересов индивидов и соблюдения принципа недопущения безгражданства, то есть государство должно предоставить гражданство индивидам, имеющим с ним фактическую связь, учитывая их желание на закрепление своей связи с государством юридическими средствами.

Гражданство в настоящее время большинством авторов понимается как устойчивая политико-правовая связь с определенным государством, устойчивая во времени и пространстве, обеспечивающая наличие взаимных прав и обязанностей. Кроме того, отмечается, что эта связь должна быть основана на фактически существующих взаимоотношениях. Все более широкое применение наряду с понятием “гражданства” получает понятие “обычного проживания” (домицилий), которое используется в качестве критерия определения наиболее прочной связи конкретного индивида с государством, не заменяя в то же время самого понятия “гражданства”. Попытки различных авторов использовать критерий образования, проживания родителей и т. д. не прижились, и это объяснимо, так как в настоящее время очевидно удобство и практичность использования для определения наличия фактической связи индивида и государства именно факт проживания индивида в конкретном государстве. Это представляется обоснованным ввиду того, что человек реализует предоставленные ему права, несет обязанности в конкретном государстве, и данное конкретное государство будет нести ответственность в определенных случаях за обеспечение этих прав и свобод. Государства используют этот критерий в своей практике, включая его как в двусторонние, так и в многосторонние договоры²¹. Это лишний раз подтверждает возможность и эффективность его использования при решении проблем, связанных, например, с множественным гражданством.

С проблемой устойчивости политико-правовой связи между гражданином и государством теснейшим образом связано рассмотрение вопроса о существовании безусловного права личности на выход из гражданства. В теории международного права нет единой точки зрения

на эту проблему. Так, некоторые западные юристы считают, что существует некое безусловное право личности на выход из гражданства, в то время как Ю. Р. Боярс, ссылаясь на отсутствие общепризнанной нормы международного права, подтверждающей наличие этого права, считает, что его не существует.²²

Анализ Европейской Конвенции (ст. 7, 8) дает основание считать, что в настоящее время существует следующий подход к решению данной проблемы. С одной стороны, в ст. 7 содержится исчерпывающий перечень случаев, когда гражданство может быть утрачено автоматически в силу закона (*ex lege*) или по инициативе государства-участника. Более того, это положение сформулировано в форме отрицания, чтобы подчеркнуть, что автоматическая утрата гражданства или утрата гражданства по инициативе государства может произойти лишь тогда, когда имеет место один из случаев, предусмотренных в данной статье. С другой стороны, в ст. 8 предусмотрена возможность утраты гражданства по инициативе лица, здесь существует единственное ограничение — лицо, отказывающееся от гражданства, не должно стать лицом без гражданства. Также п. 2 данной статьи дает возможность государству-участнику предусмотреть в своем внутреннем законодательстве возможность отказа от гражданства только для граждан, постоянно проживающих за границей.

Таким образом, трудно говорить о безусловной свободе лица на выход из гражданства, так как оно ограничено суверенной волей государства, однако, такое право у лица есть, и разработчики данной Конвенции большое внимание уделили ограничению прав государств на произвольное лишение лица гражданства, нежели ограничению прав личности на выход из гражданства.²³

Итак, здесь необходимо подчеркнуть следующее: государство не должно прибегать к лишению гражданства лиц, если это лишение делает их апатридами (ст. 7, 8 Европейской конвенции о гражданстве), государство не должно лишать гражданства за исключением случаев, когда оно действует в соответствии с законом (Конвенция 1961 года), в то же время государство обладает суверенным правом в исключительных случаях, предусмотренных в законодательстве, лишать своих граждан гражданства за серьезные правонарушения; денационализация, в свою очередь, должна носить индивидуальный характер и не должна быть направлена против определенной расы, национальности, религиозной группы, содержать другие элементы дискриминации, она должна осуществляться строго согласно закону; индивидуальная экспатриация может иметь место по инициативе лица, но эта инициатива ограничивается суверенной волей государства и положением международного права о том, что лицо, отказываясь от гражданства, не может стать лицом без гражданства.

Теперь необходимо перейти к рассмотрению наиболее важных проблем в области гражданства, а именно — апатризм и бипатризм.

Двойное (бипатризм) или множественное гражданство есть такой правовой статус лица, при котором оно одновременно обладает гражданством более чем одного государства. В настоящее время бипатризм представляет собой весьма часто встречающееся в международной прак-

тике явление, которое существует объективно, независимо от отношения к нему того или иного государства. До настоящего времени в мировой практике был распространен так называемый принцип непризнания двойного гражданства (непризнание правовых последствий би-патризма).

Теперь государства постепенно приходят к осознанию возможности признания двойного гражданства в определенных ситуациях, в частности это следует из анализа положений Европейской конвенции о гражданстве 1997 года.

В отношении лиц с двойным гражданством в сфере межгосударственных отношений возникают определенные трудности. С одной стороны, может возникнуть спор о гражданстве лица между государствами, рассматривающими его как своего гражданина, а с другой — по каким-либо причинам третье государство может быть вынуждено решать, какому гражданству лица с двойным гражданством следует отдать предпочтение.²⁴

В первом случае наибольший интерес для соответствующих государств представляет вопрос о дипломатической защите лиц с двойным гражданством, об их военной службе и налогообложении. Судебную практику, связанную с оказанием дипломатической защиты лицам с двойным гражданством, можно разделить на несколько групп. Решения первой группы исходят из того, что оба гражданства лица имеют равное значение и ни одна из заинтересованных сторон не может рассчитывать на удовлетворение своей претензии, основанной на гражданстве такого лица, к другой стороне (принцип равенства). Решения второй группы основываются на принципе эффективного гражданства: если с претензией выступает государство, с которым лицо, обладающее его гражданством, имеет большую фактическую связь, чем с другим государством, гражданством которого оно также обладает, и к которому эта претензия предъявляется, указанная претензия удовлетворяется; если же с претензией выступает государство, с которым данное лицо фактически связано слабо (т. е. не обладает его эффективным гражданством), претензия отклоняется.

Относительно проблемы “связи с государством” международными судами принят ряд решений, наиболее известным из которых было решение по делу Каневаро.²⁵

Применение данного принципа возможно лишь на международном уровне, так как применение принципа эффективного гражданства национальными судами, по мнению С. В. Черниченко, Ю. Р. Боярса и других авторов, с которыми нельзя не согласиться, противоречат международному праву, так как, принимая решение об эффективности того или иного гражданства, внутригосударственный суд ставит себя в положение надгосударственного органа. Применение же этого принципа международными судами допустимо, поскольку государства передают на рассмотрение данных органов спорный вопрос добровольно.²⁶

Специальный докладчик Комиссии международного права ООН Р. Кордова в представленном Комиссии на ее VI сессии докладе о множественном гражданстве назвал следующие признаки эффективного гражданства: а) проживание лица на территории государства, гражданством которого оно обладает; б) обычное проживание лица или его проживание в прошлом в одном из государств, гражданство которых оно

имеет, если данное лицо постоянно проживает в третьем государстве; в) при отсутствии указанных признаков критериями эффективности можно считать: военная служба в соответствующем государстве, осуществление политических прав или государственная служба, язык, обращение в прошлом к данному государству с просьбой об оказании дипломатической защиты, владение недвижимой собственностью.²⁷

Утверждение, что государство не может оказать защиту своему гражданину против государства, гражданство которого он также имеет, представляется необоснованным. Такое положение может быть предусмотрено международным договором, но вне договора оно не должно применяться. Таким образом, оба государства, гражданство которых лицо имеет, вправе оказывать ему защиту друг против друга, так как это право вытекает из их суверенитета, но, с другой стороны, каждое из них имеет право отвергнуть любую попытку другого оказать защиту их гражданину под тем предлогом, что он имеет и его гражданство.

Итак, может возникнуть парадоксальная ситуация, когда одно государство вправе оказать защиту своему гражданину в той или иной форме, а другое государство, гражданство которого этот гражданин также имеет, вправе ее отклонить. Лучшим выходом из данной ситуации является ее урегулирование с помощью международно-правовых средств (например, в международном договоре).

Примером многостороннего соглашения, в котором стороны пытались устранить последствия двойного гражданства, связанные с дипломатической защитой лиц с двойным гражданством и их положением в третьих государствах, является Гаагская конвенция 1930 года о некоторых вопросах, относящихся к коллизии законов о гражданстве. В ст. 3 Конвенции содержится общее положение: "лицо, имеющее два или более гражданств, Конвенции содержится общее положение: "лицо, имеющее два или более гражданств, может рассматриваться как гражданин каждого из государств, гражданством которых оно обладает". Ст. 4 касается споров между государствам по поводу лица, имеющего гражданство обоих, и закрепляет принцип равенства. Трактовка этого принципа соответствует взглядам большинства западных юристов: "Государство не может оказывать дипломатическую защиту одному из своих граждан против государства, чьим гражданством такое лицо также обладает"²⁸. Данная норма подтверждена в Европейской конвенции 1997 года (ст. 17), однако, в комментариях к Конвенции, разработчики отмечают, что ввиду изменений, которые произошли в этой области международного публичного права в период после 1930 года, при исключительных индивидуальных обстоятельствах и с соблюдением норм международного права государство-участник может предоставить дипломатическую или консульскую помощь или защиту одному из своих граждан, который одновременно имеет другое гражданство, например, в некоторых случаях похищения детей.²⁹

Вопрос о военной службе лиц с двойным гражданством особенно часто становится предметом межгосударственных споров. Может возникнуть положение, когда лицо, имеющее двойное гражданство, подлежит призыву на военную службу в государствах своего гражданства, причем, конечно, оно будет проходить ее только в одном из них. Другое государство, гражданином которого это лицо также является, вправе

привлечь его к ответственности за прохождение военной службы в иностранном государстве или уклонение от призыва на военную службу в своих вооруженных силах. Защита, которую первое государство имеет право ему предоставить, практически оказывается бессильной. Вопрос может быть урегулирован либо путем непосредственных дипломатических переговоров, либо путем заключения международного договора о военной службе лиц с двойным гражданством.

Примером многосторонних соглашений, посвященного военной службе лиц с двойным гражданством, может служить Конвенция 1963 г., Протокол о воинской обязанности в некоторых случаях двойного гражданства от 12 апреля 1930 года. В Европейской конвенции о гражданстве 1997 года также не оставлен без внимания данный вопрос. В главе VII закреплено правило, согласно которому лица, имеющие гражданство двух или более государств-участников, должны выполнять свою воинскую обязанность только в одном из этих государств-участников.³⁰

С помощью международных способов государства могут сократить случаи двойного гражданства с тем, чтобы между ними возникало как можно меньше конфликтных ситуаций в данной сфере. В то же время учитывая появившуюся тенденцию к признанию возможности существования двойного гражданства, государства с помощью международно-правовых средств могут регулировать отдельные последствия двойного гражданства, не устранивая этого состояния.

Теперь о проблеме безгражданства. Термин “лица без гражданства” (апатриды) в различных правовых системах квалифицируется по-разному. Конвенция о статусе апатридов от 28 сентября 1954 года дает следующее определение лица без гражданства — это лицо, “которое не рассматривается гражданином каким-либо государством в силу его закона”.³¹

Апатризм, без сомнения, представляет собой отрицательное явление как с точки зрения государства, так и с точки зрения конкретного индивида. Для государства это явление является отрицательным, так как основой существования государства является наличие прочной политико-правовой связи с определенной общностью людей, создать определенные неудобства для государства и споры между ними, связанные, например, с регулированием въезда и выезда лиц без гражданства.

Если же подходить к этому вопросу с точки зрения интересов физических лиц, то безгражданство представляет собой не меньшее, а большее зло, чем двойное гражданство. Для апатридов существует реальная опасность, что ни в одном из государств они не будут обладать всей полнотой политических и гражданских прав, то есть их общая правоспособность всегда в существенной степени будет ограничена. Кроме того, правовое положение лиц без гражданства ущемлено тем, что они не могут притязать на защиту их интересов каким-либо государством. В то же время сейчас в качестве международного обычая утвердилась норма, согласно которой апатридов в международном общении защищают государства, на территории которых они имеют постоянное место жительства.

Исходя из актуальности рассматриваемого вопроса, необходимо остановиться на ряде документов универсального характера.

Так, ст. 15 Всеобщей декларации прав человека, подчеркивая важность обладания гражданством, гласит:

“1. Каждый человек имеет право на гражданство.

2. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство”.

В 1928 году Лига наций безуспешно пыталась сократить количество лиц без гражданства путем заключения многосторонней конвенции. Вторично под эгидой Лиги наций этот вопрос был поднят во время Гаагской конференции по кодификации международного права 1930 года. В принятой на этой конференции Конвенции о некоторых вопросах, относящихся к коллизии законов о гражданстве, безгражданство предусматривалось ограничить при помощи следующих мер. Так, в ст. 7 Конвенции предусматривалось условное разрешение на выход лица из гражданства перед его натурализацией в иностранном государстве, то есть оно должно зависеть от того, приобретет ли это лицо иностранное гражданство или нет. Статьи 8 и 9 устанавливают: “если по закону государства, гражданство которого имеет женщина, вступление ее в брак с иностранцем влечет утрату гражданства, то такая утрата будет зависеть от приобретения ею гражданства мужа; если же в связи с изменением гражданства мужа в течение брачного союза жена утрачивает его гражданство, то эта утрата будет опять-таки зависеть от приобретения ею гражданства мужа.”³²

Статья 14 предусматривает, что ребенок неизвестных родителей приобретает гражданство страны рождения, а ребенок, найденный на территории какого-либо государства, считается рожденным в данном государстве. В соответствии со ст. 15 в тех странах, где гражданство не приобретается в силу “права почвы”, ребенок, рожденный на их территории, от лиц без гражданства или лиц, гражданство которых не известно, может получить гражданство этих стран на условиях, установленных их законодательством. если усыновление ребенка имеет следствием утрату прежнего гражданства ребенка, то такая утрата может иметь место только в том случае, если ребенок одновременно приобретает гражданство родителей. (с. 16, 17).

Отдельные из указанных положений стали общепризнанными нормами внутреннего права большинства государств, а также международного права.

На данной конференции были также выработана два специальных протокола, посвященных вопросам безгражданства. В первом протоколе было закреплено положение, согласно которому в государстве, где гражданство не приобретается в силу самого факта рождения от матери-гражданки данного государства и отца-апатрида или лица неустановленного гражданства, ребенок должен приобрести гражданство по месту рождения. Во втором протоколе было предусмотрено, что если лицо по прибытии в другое государство утрачивает прежнее гражданство, не приобретая нового, то государство первичного гражданства обязано принять его по требованию государства, на территории которого оно находится, если: а) это лицо нуждается в средствах либо вследствие неизлечимой болезни, либо по другой причине; б) оно приговорено в государстве пребывания к тюремному заключению не менее чем на один месяц или отбыло подобное наказание.³³

В силу спорности ряда положений протоколов, содержащиеся в них положения по вопросам ограничения безгражданства не стали общепризнанными нормами международного права (СССР ни к Гаагской конвенции 1930 г., ни к протоколам не присоединился).

28 сентября 1954 года в ООН была принята Конвенция о статусе апатридов, которая вступила в силу в 1960 году. СССР не являлся участником данной Конвенции, так как она предписывала международную юрисдикцию по спорам, оспариваемую в то время СССР.

Данная Конвенция предусматривает установление в странах-участниках для лиц без гражданства в основном режима иностранцев, она содержит ряд спорных положений, поэтому большинство стран-участниц присоединились к ней со множеством оговорок.

В 1961 году ООН была принята Конвенция о сокращении случаев безгражданства (вступила в силу 31 декабря 1975 года). Целями этой Конвенции является установление благоприятного режима для приобретения апатридами гражданства государства постоянного проживания и ликвидации возможностей обретения лицом статуса апатрида при его выходе из гражданства. Конвенция ориентируется на преобладающее влияние "права почвы", в силу которого дети апатридов должны приобретать гражданство по месту рождения. Дети неизвестных родителей (в некоторых государствах для определения правового статуса таких детей существует термин "подкидыш"), обнаруженные на территории государства, приобретают гражданство по "праву почвы", Утрата гражданства женщиной при заключении брака обуславливается приобретением нового гражданства.

Конвенция допускает отказ от гражданства и отвергает принцип лишения лица гражданства, если вследствие этого оно становится лицом без гражданства, в то же время лишение лица гражданства, приобретенного обманным путем, признается правомерным.

В случае территориальных изменений Конвенция устанавливает обязанность государств предусмотреть в договорах о передаче территории гарантии от возникновения безгражданства. (СССР не участвовал также и в данной Конвенции).³⁴

Конвенция о гражданстве замужней женщины, принятая ООН 20 февраля 1957 года, тоже содержит положения, целью которых является устранение случаев возникновения безгражданства вследствие вступления женщины в брак с иностранцем. С этой целью Конвенция закрепляет принцип исключения автоматического влияния вступления в брак и расторжения брака женщиной на ее гражданство, а также принцип возможности сохранения гражданства жены в случае приобретения или отказа от гражданства мужа. Для СССР эта Конвенция вступила в силу 11 августа 1958 года.

Государства, устанавливая тот или иной правовой режим для лиц без гражданства, находящихся на их территории, действуют по собственному усмотрению. Лицо без гражданства может быть в правовом отношении полностью приравнено к своим гражданам (маловероятно), может быть приравнено к иностранцам (более вероятно) либо ему может быть предоставлен какой-либо специальный режим.

Необходимо, однако, иметь в виду, что любое уравнивание в правах

граждан и лиц без гражданства имеет значение лишь в границах данного государства и не влияет на международно-правовую оценку положения лиц без гражданства. Эти лица не имеют устойчивой правовой связи ни с одним государством, и государства поэтому не вправе оказывать им защиту во время их пребывания за границей.

Безгражданство условно можно разделить на “относительное” и “абсолютное” в зависимости от того, имело ли лицо ранее гражданство или же является лицом без гражданства с момента рождения.

В западной доктрине распространено мнение, согласно которому, лицо, утратившее гражданство какого-либо государства, сохраняет все же с ним правовую связь: государство в некоторых случаях обязано его/ее допустить на свою территорию³⁵. Такое деление в той мере, в какой оно основывается на обязанности допуска, не обосновано. Это подтверждается в том числе тем обстоятельством, что принятый на Гаагской конференции 1930 года специальный протокол о безгражданстве, который детально регламентировал обязанность допуска, так и не вступил в силу.³⁶ Иными словами, большинство государств не считает такую обязанность международно-правовой, так как государства вправе действовать по собственному усмотрению, регулируя въезд и выезд лица без гражданства на свою территорию.

При установлении того или иного режима для лиц без гражданства, государство должно соблюдать общепризнанные принципы международного права, включая принцип уважения прав человека.

Однако, обязанности государств предоставлять свое гражданство всем желающим не существует. Право на гражданство не должно противоречить суверенитету государства и общепризнанным принципам международного права. Оно свидетельствует лишь о том, что нормальная и наиболее полная реализация прав человека связана с наличием у индивида определенного гражданства.

Если же говорить о порядке и условиях осуществления данного права, то это относится к исключительной компетенции государства. Толкование п. 1 ст. 15 декларации необходимо осуществлять совместно с п. 2 данной статьи: если никто не может быть произвольно лишен своего гражданства, то, следовательно, по каким-либо уважительным причинам лишение гражданства все же допускается, то есть, право на гражданство не является безусловным.³⁷

Подводя итог, следует отметить, что тенденция стремления к сокращению случаев безгражданства становится общепризнанной в практике большинства государств.

Причиной этого, с моей точки зрения, является прежде всего необходимость для государства стремиться к сокращению случаев безгражданства посредством использования международно-правовых средств, так как реализация прав и свобод отдельной личности напрямую зависит от наличия у данного индивида гражданства конкретного государства, а обеспечение общепризнанных прав и свобод, в свою очередь, должно быть приоритетным для государств в современном мире.

Установление и закрепление в международном праве общих принципов и правил, касающихся гражданства, стало бы полезным дополнительным инструментом в урегулировании многих вопросов в сфере

гражданства, возникших после распада СССР, так как в настоящее время для государств-членов бывшего СССР существует реальная потребность решения вопросов гражданства, осложненная существовавшим ранее единым гражданством, а также необходимостью учитывать тесную взаимосвязь между народами, сохранившуюся до настоящего момента.

Особую актуальность это имеет для Российской Федерации, так как России необходимо иметь теоретическую основу для становления и развития ее взаимоотношений в данной области как со странами-членами бывшего СССР, так со странами-членами Совета Европы, а также с другими государствами.

Таким образом, важность урегулирования вопросов гражданства с помощью многосторонних международных договоров не вызывает сомнения, так как именно этот международно-правовой способ дает наибольшую полноту решения многих проблем в области гражданства, учитывая не только интересы различных государств как суверенов, но и каждой отдельной личности, ее прав и свобод.

Так как гражданство является неотъемлемой стороной статуса личности как во внутреннем, так и в международном праве, то необходимо определить те пределы (рамки), в которых вопросы, связанные с гражданством, будут входить исключительно во внутреннюю компетенцию государств и в какой степени данные отношения будут урегулированы международным правом.

В настоящее время большинством государств принята позиция, согласно которой приобретение, утрата и связанные с ними вопросы регулируются внутренним правом, однако с учетом положений международного права, в том числе о недопустимости безгражданства и о признании за государствами права самостоятельно определять, в какой мере они допускают существование двойного гражданства.

В области отношения государств к проблемам двойного гражданства произошли изменения, в частности, в отношении принципа непризнания двойного гражданства. Стало очевидным, что наличие у лица двух или более гражданств не должно влечь для него негативных последствий (как, например, служба в вооруженных силах нескольких государств), лишение его дипломатической защиты, других прав и свобод, которые лицо имеет в отношении каждого государства, гражданством которого оно обладает, по мотиву того, что оно обладает гражданством нескольких государств.

Таким образом, государства приходят к выводу, что необходимо прежде всего урегулировать некоторые последствия множественного гражданства, так, чтобы не ущемить права лиц, им обладающих и избежать конфликтных ситуаций в межгосударственных отношениях. Достижение таких результатов возможно лишь в случае выработки государствами норм, приемлемых для различных правовых систем и обеспечивающих прежде всего реализацию прав и свобод конкретных индивидов.

Проблема обеспечения прав и свобод человека непосредственно связана с проблемой устранения безгражданства.

Совершенно очевидно, что безгражданство представляет собой зло и для государств, и для индивидов, так как конкретная реализация прав и свобод, как уже было сказано выше, возможна лишь при условии, что

за таковую будет отвечать государство, а государство в свою очередь несет ответственность лишь за своих граждан. Следовательно, состояние безгражданства может привести к тому, что конкретный человек будет лишен защиты и покровительства какого-либо государства, его права не будут обеспечены.

Более того, наличие лиц, не имеющих гражданства, осложняет отношения между государствами, например, при регулировании въезда и выезда таких лиц, определения того, в чьей юрисдикции находится регулирование правового положения таких лиц, каким объемом прав они обладают, на каком основании и перед кем несут ответственность.

Очевидно, что подобные вопросы невозможно решить на внутригосударственном уровне. Государства, осознав это, заключают международные соглашения в области гражданства, либо включают вопросы, связанные с гражданством, в международные договоры универсального характера, в том числе в договоры комплексного содержания, которые регулируют не только вопросы, связанные с гражданством.

Принятие Европейской конвенции о гражданстве 1997 г., в которой получили закрепление практически все вопросы, касающиеся гражданства, может служить примером обобщения новых идей и тенденций в области гражданства.

В данной Конвенции закреплено положение о приоритетном устранении состояния безгражданства и признание того, что государства должны самостоятельно определять, до какой степени они допускают состояние множественного гражданства.

Подводя итог, следует отметить, что наметившиеся тенденции в области гражданства еще раз свидетельствуют о признании приоритетов обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина, которые должны лежать в основе как внутренней политики государства, так и межгосударственного общения.

¹ European Treaty Series, № 166

² Ю. Р. Боярс "Вопросы гражданства в международном праве", М., "Международные отношения", 1986 г., стр. 4

³ Действующее международное право", том I, составители проф. Ю. М. Колосов, проф. Э. С. Кривчикова, М., Издательство Московского независимого института международного права, 1996, (Далее, "Действующее международное право").

⁴ European Treaty Series, № 43

⁵ European Treaty Series, № 95, European Treaty Series, № 96

⁶ European Treaty Series, № 149

⁷ Постатейный комментарий и пояснительный доклад к Европейской конвенции о гражданстве на английском языке (European convention on nationality and explanatory report. DIR/JUR (97) 6, Strasbourg, 14 May 1997 — далее в тексте "Постатейный комментарий и пояснительный доклад к Европейской конвенции о гражданстве 1997 года DIR/JUR (97)6".

⁸⁸ Постатейный комментарий и пояснительный доклад к Европейской конвенции о гражданстве 1997 года DIR/JUR(97)6

⁹ Постатейный комментарий и пояснительный доклад к Европейской конвенции о гражданстве 1997 года DIR/JUR(97)6

¹⁰ European Treaty Series, № 43

- ¹¹ Там же.
- ¹² Ю. Р. Боярс, указ. соч., стр. 10
- ¹³ "Действующее международное право", т. 2
- ¹⁴ "Действующее международное право", т. 2
- ¹⁵ Бюллетень международных договоров, 1998 г., № 7
- ¹⁶ Постатейный комментарий к Европейской конвенции о гражданстве 1997 г. DIR/JUR (97)6
- ¹⁷ "Действующее международное право", т. 2.
- ¹⁸ Представитель Российской Федерации в пределах своих полномочий настаивал на том, чтобы данный перечень был закрытым, возражая представителям Бельгии и Франции (см. основные итоги 66 заседания Комитета Совета Европы)
- ¹⁹ "Действующее международное право", т. 2.
- ²⁰ Ст. 18 Европейской конвенции о гражданстве 1997 г.
- ²¹ См., например, договор между РФ и Республикой Туркменистан о правовом статусе граждан РФ, постоянно проживающих на территории Республики Туркменистан, и граждан Республики Туркменистан, постоянно проживающих на территории РФ от 18.05.95 г., БМД 1997, № 11
- ²² Ю. Р. Боярс, указ. соч., стр. 28
- ²³ Постатейный комментарий к Европейской конвенции о гражданстве 1997 г. DIR/JUR (97)6
- ²⁴ "Курс международного права" под редакцией Н. А. Ушакова, М., "Наука", 1990 г., т. 3, стр. 79
- ²⁵ Ю. Р. Боярс, указ. соч., стр. 19
- ²⁶ Там же, стр. 20
- ²⁷ Bases of discussion drawn up for the conference by the preparatory committee, 1929, Vol. 1, p 25—30
- ²⁸ "Курс международного права" под редакцией Н. А. Ушакова, М., "Наука", 1990 г., т. 3, стр. 82
- ²⁹ Постатейный комментарий к Европейской конвенции о гражданстве 1997 г. на английском языке
- ³⁰ Ст. 21 К Европейской конвенции о гражданстве 1997 г.
- ³¹ Ю. Р. Боярс, указ. Соч., стр. 32
- ³² С. В. Черниченко, указ. соч., стр. 72
- ³³ Ю. Р. Боярс, указ. соч., стр. 34
- ³⁴ Там же, стр. 35
- ³⁵ P. Weis, Nationality and Statelessness in International Law, L., 1956, p. 44
- ³⁶ "Курс международного права" под редакцией Н. А. Ушакова, М., "Наука", 1990 г., т. 3, стр. 86
- ³⁷ Там же, стр. 87

Статья поступила в редакцию в апреле 1999 г.

Книжная полка

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Умархунов И. М. Учебное пособие. Республика Узбекистан и международное договорное право. Издательство “Узбекистан” Ташкент. 1998. — 315 с.

Республика Узбекистан, опираясь на конструктивные нормы своей внешней политики, является полноправным субъектом международного права. Ее внешняя политика строится на принципах суверенного равенства, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ и иных общепризнанных принципах, закрепленных в международно-правовых документах и Основном Законе Узбекистана, принятом 8 декабря 1992 года.

В работе подчеркивается, что основными приоритетами внешнеэкономической деятельности Узбекистана являются:

1) Либерализация внешнеэкономической деятельности, предоставлении большей свободы в установлении прямых связей с иностранными партнерами, упрощение порядка экспорта и импорта товаров;

2) Стимулирование привлечения иностранных инвестиций, обеспечение защиты интересов инвесторов, поощрения создания совместных предприятий с иностранным капиталом;

3) Первоочередное использование иностранных кредитов, валютной выручки на закупку технологического оборудования для перевооружения предприятий жизненно важных продуктов питания, медикаментов;

4) Подготовка и переподготовка кадров и специалистов за рубежом;

5) Создание и укрепление инфраструктуры внешнеэкономической деятельности — специализированных внешнеторговых, лизинговых, консалтинговых и страховых фирм, систем связи, транспорта и коммуникаций.

Исходя из приоритетных направлений Узбекистан последовательно осуществляет международно-правовую договорную практику.

Рассматривая в учебном пособии вопросы правотворчества автор справедливо отмечает, что в правотворчестве каждое суверенное государство выступает со своими позициями, включая процесс подготовки каждой нормы международного права.

Автор пособия придерживается позиции примата международного права и отмечает, что применение норм международного права в национальном праве обусловлено принципом примата международного

права над национальным, и далее последовательно отстаивает изложенную позицию.

В представленном пособии последовательно, основываясь на положениях Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. и Закона “О международных договорах Республики Узбекистан” 1995 г., рассмотрены и проанализированы (с учетом современной договорной практики) стадии заключения договоров.

Несомненным достоинством работы является раздел “Теория и практика выражения согласия на обязательность международного договора” (с. 43—68).

Автором рассмотрены различные теоретические и практические подходы, связанные с подписанием международного договора (в частности, проанализированы и систематизированы основные отличия между подписанием и парафированием); ратификацией международного договора — автор занимает общепризнанную позицию, что ратификация международного договора — это государственный акт окончательного утверждения; принятием и утверждением международного договора — автор обоснованно считает, что следует делать различие между утверждением как формой согласия государства на обязательность для него международного договора и предварительным одобрением, а также утверждением Правительством (Ст. 20 Закона “О международных договорах Республики Узбекистан” 1995 г.); обменом ратификационными грамотами и сдачей их на хранение; присоединением к международному договору. Решение о присоединении к международным договорам в Республике Узбекистан принимается:

во-первых, в отношении подлежащих ратификации договоров — Олий Мажлисом Республики Узбекистан;

во-вторых, в отношении не подлежащих ратификации договоров, присоединение к которым производится от имени Республики Узбекистан, а в отношении не подлежащих ратификации договоров, присоединение к которым производится от имени Республики Узбекистан, по вопросам, относящимся к ведению Правительства Республики Узбекистан — Правительством Республики Узбекистан;

в-третьих, в отношении не подлежащих ратификации договоров, присоединение к которым производится от имени Правительства Республики Узбекистан — Правительством Республики Узбекистан;

в-четвертых, решение о присоединении к международным договорам межведомственного характера принимаются в порядке, определяемом Правительством Республики Узбекистан.

Кроме того, в указанном разделе рассмотрены вопросы, связанные с денонсацией международных договоров. Следует согласиться с мнением автора о том, что денонсация международных договоров выполняется тем государственным органом страны, которому это право предоставлено национальным законодательством. По Конституции Республики Узбекистан П. 21 Ст. 78 денонсация относится к исключительной компетенции Олий Мажлиса Республики Узбекистан.

Закон “О международных договорах Республики Узбекистан” 1995 г.

конкретизирует полномочия государственных органов Республики и процедуру денонсации международных договоров Республики Узбекистан.

Практическую значимость рецензируемого учебного пособия составляют 4 приложения и Перечень многосторонних международных конвенций, к которым присоединилась Республика Узбекистан.

Учебное пособие И. М. Умарухунова "Республика Узбекистан и международное договорное право" представляет научную и практическую ценность, может быть использовано в научной, педагогической и практической работе. Все кто интересуется вопросами международного права найдут в ней много полезного и интересного.

Кандидат юридических наук
В. В. А л е ш и н

Рецензия поступила в редакцию в июне 1999 г.

ПРАВО В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

(Рецензия на "Вестник Рязанского Института права и экономики МВД России").

Сам факт издания такого журнала — свидетельство целеустремленности и научного поиска творческого коллектива института. Основные цели периодических правовых изданий заключаются в исследовании различных аспектов конкретной отрасли права, проведении сравнительно-правового анализа, обобщении современного и исторического опыта, выработки конкретных рекомендаций для науки и практики.

Не вызывает сомнения, что данное издание отвечает целям и требованиям, которые предъявляются к такого рода правовой литературе.

На страницах журнала авторы обсуждают достаточно широкий круг проблем, связанных с: наказанием; исследованием норм исправительно-трудового законодательства; анализом зарубежной практики; педагогикой и психологией и т.д. Несомненной заслугой журнала является раздел "первая публикация", где слушатели института достаточно уверенно и аргументированно рассуждают об отдельных аспектах деятельности ИТУ.

Среди опубликованных работ из 2-х Вестников № 1—1993 и № 1(10)—1996 обращает на себя внимание статья С. Боронбекова "Шариат: перспективы взаимоотношений с уголовным государственным правом в республиках Центральной и Средней Азии" (№1—1993, с. 42—43).

Автор отмечает, что в обыденном сознании, как правило, шариат понимается в качестве религии. На самом деле это — законоведение — мусульманское право, которое в отличие от других правовых систем не является самостоятельной отраслью науки. В нем нет разграничения норм по отраслям права. Автор утверждает, что шариат это свод норм, регулирующих поведение лица в частной и общественной жизни, определяющих форму, вид и меру воздействия в качестве одобрения или

порицания. До появления в республиках Центральной и Средней Азии кодифицированного уголовного законодательства вопросы о наказании совершаемых деяний, рассматривались нормами шариата, обычаями и отдельными нормативными актами светского характера, которые соответствовали нормам шариата. Главенствующая роль шариата в республиках Центральной Азии сохранена и ныне. Подтверждением служат Конституция Афганистана, Ирана и Пакистана, в которых ислам объявлен государственной религией, а шариат признан основным источником права.

Следует согласиться с точкой зрения С. Боронбекова, что инкорпорация (термин, используемый автором статьи — В.А.) норм шариата в уголовное законодательство республик Средней Азии должна происходить постепенно, без “шокового” решения такой непростой проблемы.

Отличаются содержанием и проработанностью статьи В. Литвишкова “Коллектив как средство исправления”; О. Старкова “Некоторые проблемы предмета, методы и системы кримиопедагогики” (Обе статьи опубликованы в №1(10)—1996). Эти работы несомненно представляют научную ценность.

Рецензируемое издание без сомнения имеет свою читательскую аудиторию, является важным и актуальным научно-правовым журналом, может быть использовано в научно-педагогическом и творческом процессе.

В. В. Алешин,
кандидат юридических наук

Рецензия поступила в редакцию в сентябре 1999 г.

МОРАЛЬНЫЙ ДУХ ... С “ДУШКОМ”

(Рецензия на книгу В.И. Шерпаева, “Моральный дух российской армии”, Екатеринбург, 1999 г.)

*“Почему наиболее интуитивно ясные понятия
наиболее оболтаны за последние 20 веков”
“Отягощенные злом”*

Писать о таких, казалось бы, простых и, в то же время, беспредельно сложных понятиях, как мораль, духовность, милосердие нелегко. Приходится постоянно лавировать между излишней патетикой, которую невозможно воспринимать без иронии, нравоучительными банальностями и откровенным цинизмом. Однако, именно такую стезю избрал себе В.И. Шерпаев, чья книга “Моральный дух российской армии” была недавно издана в Екатеринбурге. Надо отдать автору должное: вопреки неизбежной инерции темы и логике жанра его работа не стала ни ура-патриотическим памфлетом (хотя определенный перекос в эту сторону все же заметен), ни патетической проповедью.

Для социологов, занимающихся изучением военной среды, эта работа представляет, я думаю, определенный интерес. Книга содержит данные множества социологических исследований, мнения авторитетных философов, историков и т.д. Однако, меня заинтересовал, в первую очередь, не научный аспект, а скорее знаковость данной работы для современной ситуации.

Работа полковника Шерпаева во многом интересна не столько тем, что в ней сказано, сколько, как и кем, она во многом симптоматична, ведь автор сам вышел из той среды, о которой пишет и является выразителем взглядов офицерства. Армия для него — начало созидающее, здоровая сила общества.

“Как можно смешивать такие разнородные понятия — война и армия? Мы все ненавидим войну. Война — это ужасно.

Но ведь это война! Она достойна всяческого осуждения! И совсем иное дело — армия ... вы должны помнить эту картину: войска, выставленные побатальонно, строгость линий, мужественные лица под касками, оружие блестит, аксельбанты сверкают, а потом командующий на специальной военной машине объезжает фронт, здоровается, и батальоны отвечают послушно и кратко, как один человек!

Это последнее прибежище мужества в наше время повсеместного падения нравов. Это дико, это смешно — государство без армии...” (Аркадий и Борис Стругацкие “Хищные вещи века”).

В отрыве от контекста можно и не заметить иронию Стругацких. Ведь, что ни говори, армии существуют для ведения войн, а война, как ее не называй (бывший политрук Шерпаев находит много красивых слов: справедливая, освободительная, народная), — это кровь и грязь, смерть и разрушение.

Автор, отстаивающий необходимость существования боеспособной армии должен, следуя элементарной логике, признать войну необходимым и даже разумным средством государственной политики. “... термоядерная война в современных условиях привела бы к всеобщей катастрофе... Это значит, что война не может более служить *разумным инструментом государственной политики*” (курсив мой — Д.Н.) (стр. 23). Конечно, эта цитата выдернута из контекста, но доценту кафедры теории государства и права и обладателю четырех высших образований Шерпаеву следовало бы обратить большее внимание на формулировки в частности и на стиль вообще. Приведу лишь один, наиболее яркий пример несовершенства последнего: “... воинская деятельность — труд, и как всякий труд, трудна, требует усилий. Специфика воинского труда в том что он сверхтруден...” стр. 41.

Одной из целей книги, несомненно, было создание некой идеологической базы для воспитания “морального духа” в войсках, в связи с этим интересен тот факт, что бывший член ЦК комсомола Белоруссии Шерпаев во многом предвосхищает тот стиль и те приемы военной пропаганды, которые получили свое развитие в последнее время. Основная часть работы была написана, по всей видимости, еще до косовского и, что гораздо важнее, до чеченского, конфликтов — событий, повлекших за собой коренное переосмысление обществом своего отношения к армии. Ведь нельзя не заметить разницы, если сравнивать

представление об армии, как о насквозь прогнившей, коррумпированной и реакционной бездумной машине, возглавляемой бездарными генералами, сложившееся к 1996 году, с тем представлением, которое доминирует в обществе в настоящий момент. Теперь после событий в Косово и вторжения в Дагестан все почувствовали необходимость и важность армии, а во время чеченской кампании поверили в ее боеспособность. А с ростом поддержки общества, несомненно, изменился и, так называемый, моральный дух армии.

Раздувание в обществе истерии на почве антизападных настроений, создание образа врага в общественном сознании (а ведь во многом именно на это направлен пафос книги), как и “малая победоносная война” в Чечне выгодны, в первую очередь, военным, ибо делают их снова уважаемой и влиятельной частью общества.

Нет, конечно, автор не опускается до прямых обвинений Запада во всех смертных грехах. Выпускник Военно-политической академии имени В.И. Ленина В.И. Шерпаев действует гораздо тоньше и умней, его рассуждения логичны и по-военному четки: Россия не умеет отставивать свою точку зрения, Запад нас ни во что не ставит (заметьте не строит козни, а просто ни во что не ставит, что гораздо обиднее и не может не задевать национальной гордости), мы должны заставить себя уважать (читай — иметь сильную армию). Я не говорю, что это неправильно или я с этим не согласен, это просто работает на развитие в обществе тех настроений, которые кажутся мне опасными.

Далее на героических примерах, коих российская история содержит, слава Богу, предостаточно, автор демонстрирует храбрость, мужество и другие положительные качества русских солдат. Никто не спорит: воспитание патриотизма, любви к Отечеству, к своей истории — это прекрасно, однако патриотизм легко переходит в национализм, самые лучшие чувства — в ксенофобию и нетерпимость, поэтому всегда необходимо чувствовать тонкую грань, переход которой может привести к последствиям, совершенно противоположным ожидаемым. А пассажи вроде нижеследующего, на мой взгляд, вообще не соответствуют духу и стилю научной работы: “Нравственная энергия россиян побуждала их сплотиться для отпора врагу, а не для нападения, завоевания, угнетения (и это про самую большую в мире империю, в свое время простиравшуюся от Эльбы до Индокитая). Россиянам чужд культ жестокости, беспощадности по отношению к покоренному народу, поверженному врагу. По-видимому, сочетание бесстрашия и великодушия, незлобivosti и составляет уникальность, специфику российского воинского духа. В традициях российской ментальности ... смотреть на войну, как на христианский подвиг. В ... русской армии сформировался определенный духовно-нравственный тип русского солдата: беззаветно храброго, расторопного, неунывающего, сметливого, добродушного”. (стр. 62)

При этом непопулярные в народе Афганская и I Чеченская войны списываются на глупость неких абстрактных политиков, хотя по-моему никакому сомнению не подлежит тот факт, что в любой стране именно армия, причем не только в лице своего высшего руководства, втягивала общество и государство во всякого рода конфликты, особенно “маленькие и победоносные”.

Возможно, я несколько упрощаю и вульгаризирую идеи автора. Но дело ведь не только и не столько в них, сколько в тех опасных настроениях общества, озвучиванием которых они являются. Нельзя забывать: то, что в устах кандидата философских наук, правоведа Шерпаева звучит вполне здраво и миролюбиво, в устах толпы, ему внявшей, будет звучать примерно так: “Бей американцев (чеченцев, прибалтов), спасай Россию”. (Возможно толпа эту книгу читать не будет, но распространение идей великодержавного шовинизма и ура-патриотических настроений в среде курсантов, коим книга в основном и предназначена, также недопустимо).

А намеки на то, что, завоевывая “диких азиатов”, мы делали им только лучше, ибо несли с собой цивилизацию (не утверждаю, что автор подразумевал именно это, но подобные выводы могли прийти в голову в связи с некоторыми идеями, высказанными в книге), очень похожи на демагогию вырезавших индейцев белых пионеров и, в конечном итоге, сводятся к лозунгам типа “хороший индеец (чеченец) — мертвый индеец (чеченец)”, что в конце XX века звучит дико и безответственно.

Эдвард Радзинский сказал однажды замечательную фразу: “Страна унижена с ощущением былого величия”. Современная Россия во многом похожа на Веймарскую республику 20-х: за спиной проигранная война (в данном случае холодная), территория империи значительно сократилась, экономика в коллапсе, инфляция, огромные внешние долги вместо репараций, нестабильное правительство и внутренняя политика, ностальгия по “великому прошлому”. И в этой ситуации все силы современных культурной и политической элит должны быть направлены на то, чтобы предотвратить возможное повторение сработавшего там сценария (кстати, не мешало бы напомнить: 1933 года, престарелый президент, боясь прихода к власти левых, которые получили большинство мест в Рейхстаге, назначает канцлером молодого, жесткого, в первую очередь по отношению к США, политика ... продолжение следует), а не потакать, в силу конъюнктурных соображений, великодержавным и антизападным настроениям общества. Именно поэтому некоторые идеи книги вызвали у меня такую, возможно незаслуженно резкую, реакцию.

Некрасов Д.А.

Статья поступила в редакцию в ноябре 1999 г.

ВКЛАД В ТЕОРИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

(Гусейнов Л. Г. Международные обязательства государств в области прав человека. — Баку — 1998. — 188 с.)

Монография кандидата юридических наук Л. Г. Гусейнова — первая в международно-правовой литературе попытка создать целостный теоретический “портрет” международных обязательств государств в области прав человека. Нормативное содержание основных прав и свобод человека автор исследует через призму корреспондирующих им международных обязательств государств, ставя во главу угла их особую природу и особое предназначение в международно-правовом массиве норм.

Хотя в структурно-методологическом плане автор следует довольно упрощенной схеме (природа, виды и действие международных обязательств в области прав человека), но в содержательном плане он, проявляя новаторский подход, поднимает весьма интересные вопросы, относительно новые как для советской, так и постсоветской науки международного права.

Свое исследование автор начинает с такого тезиса, что основные права человека и корреспондирующие им в *определенной степени* обязательства государств не могут безоговорочно рассматриваться как “две стороны одной медали”, т. е. как два равнозначных (но разнополюсных) слагаемых одной правовой связи. Он пишет: “Применяемая в международных соглашениях о правах человека единообразная конструкция “каждый имеет право...”, проецируясь на плоскость соответствующих международно-правовых обязательств государств, приобретает дифференцированное правовое содержание” (с. 152). Учет данного момента, по его мнению, имеет ключевое значение при установлении факта нарушения государством того или иного международно признанного права человека.

Немалая часть монографии (с. 13—68) посвящена всестороннему обоснованию высказывавшейся и на страницах “Московского журнала международного права” идеи о том, что международные обязательства государств в области прав человека имеют специфическую природу, которая не свойственна другим категориям международно-правовых обязательств. Эти обязательства автор рассматривает как объективные обязательства, т. е. как обязательства “каждого и всех участников договора перед каждым и всеми его участниками”, нежели набор субъективных прав и обязанностей между договаривающимися государствами. Отсюда он приходит к выводу, что по внешним признакам международные обязательства в области прав человека во многом идентичны обязательствам *erga omnes* (соглашений универсального характера — лат.), но вместе с тем подчеркивает, что их не следует отождествлять. Они действуют не по отношению к мировому сообществу, а ко всему “договорному составу” государств, к определенному *omnes* (сообществу — лат.) состоящему в данном случае из всех других государств-участ-

ников (т. е. *erga omnes partes* — стороны соглашений универсального характера — *лат.*). Заслуживает внимания предпринятый в работе весьма обстоятельный анализ генезиса, развития и современного состояния концепции *erga omnes*. Не соглашаясь с утверждениями ряда ученых, Л. Гусейнов полагает, что только ограниченный круг международных “правозащитных” обязательств имеет *erga omnes* характер.

В работе описываются две новейших тенденции, которые подтверждают идею об объективном характере международных обязательств в области прав человека и отчетливо свидетельствуют о растущей правовой значимости “правозащитного фактора”: а) соблюдение прав человека ныне становится одним из важнейших критериев признания вновь возникшего государства или его принятия в международную организацию; б) в определенных случаях обязательства в области прав человека (вовсе необязательно в силу их *jus cogens* (императивные обязательные нормы права — *лат.*) происхождения) могут обладать приоритетом над другими международными обязательствами государства; например, именно на этой основе какое-либо государство, вопреки своему договорному обязательству об экстрадиции может отказать в выдаче лица другому государству, в котором данному лицу грозит применение пыток или другого недопустимого поведения или другое тяжкое нарушение его основных прав.

Мы солидарны с утверждением автора о том, что “жизнь” прав человека не может и не должна зависеть от “рождения” и “смерти” государств, вызывающих вопросы правопреемства; поэтому вполне разумно допустить, что любое вновь появившееся на свет государство связано не только нормами общего обычного международного права, но и также теми договорами о правах человека, которые были обязательны для государства-предшественника. Мы разделяем *умеренный* подход Л. Гусейнова к данному вопросу, когда он, после тщательного анализа новейшей государственной практики, материалов Комитета по правам человека заключает о *только складывающейся* обычно-правовой норме, в соответствии с которой обязательства по международным договорам в области прав человека не затрагиваются правопреемством государств и автоматически переходят к государству-преемнику.

Базируясь на практике международных правозащитных институций, автор указывает на определенную специфику толкования международных договоров о правах человека. Он отмечает, что особая природа этих договоров “сообщает” процессу их толкования целевую ориентацию; достижение именно *эффективной* защиты прав человека становится главным мерилом для “взвешивания” наиболее адекватной реализации государством этих прав. Это позволяет лучшим образом адаптировать цель защиты прав индивида к меняющимся социальным условиям; т. е. речь идет о применении так называемого динамического или “эволютивного” толкования.

Специфическую природу международных договоров в области прав человека Л. Гусейнов усматривает также в неприменимости к этим договорам действующего Венского режима оговорок. Ссылаясь на практику Европейского Суда по правам человека, придерживающегося так называемой доктрины “отделимости” (“*severability*”), он обосновывает

необходимость изменения данного режима также и на универсальном уровне, когда международный контрольный орган был бы уполномочен отделить недействительную оговорку от соответствующего договорного положения, “возобновляя” тем самым согласие государства на обязательность для него данного положения. В таких случаях государство, не снявшее эту оговорку, считалось бы нарушившим свое соответствующее международное обязательство.

Третью главу монографии автор полностью посвятил исследованию видов международных обязательств в области прав человека. Подробно рассмотрены, в частности, следующие их виды: 1) договорные и обычно-правовые обязательства; 2) “зонтичные” и конкретные обязательства; 3) обязательства поведения и обязательства результата; 4) позитивные и негативные обязательства; 5) обязательства, осуществляемые “немедленно” и “постепенно”. К сожалению, в монографии отсутствует, — хотя в ней есть об этом упоминание, — анализ такой “пары” обязательств как абсолютные обязательства и обязательства, от которых государства не могут отступать в условиях чрезвычайного положения.

Описывая новейшие тенденции в области обычного нормообразования в целом и в сфере защиты прав человека в частности, Л. Гусейнов приходит к верному, на наш взгляд, заключению, что последнее имеет свои определенные особенности. По его мнению, “фактическая” практика государств здесь не играет столь существенной роли; государства оказываются связанными той или иной обычно-правовой нормой не в результате последовательной, единообразной и длительной практики, а большей частью — в силу *opinio juris generalis* (общественного мнения — *лат.*), основанного на “элементарных соображениях гуманности” и на идее коллективного признания и защиты универсальных ценностей.

Удачным как в теоретическом, так и в практико-прикладном плане представляется выделение, — по терминологии автора, — “зонтичных” обязательств. Под этим он понимает обязательства общего характера, касающиеся не отдельно взятых, а всех закрепленных в нем прав человека в совокупности (например: уважать и обеспечивать права человека; добиваться постепенного обеспечения реализации прав человека; не допускать дискриминацию при осуществлении прав человека; принимать законодательные и другие имплементационные меры и др.). Эти общие положения в различных международных соглашениях имеют различное содержание, и это накладывает свой отпечаток на характер соответствующих обязательств государств-участников в отношении того или иного конкретного права индивида. На основе анализа практики международных правозащитных органов автор делает вывод о том, что всем “зонтичным” обязательствам присуща одна важная черта — их вспомогательный характер: это означает, что в принципе, их нарушение может иметь место только кумулятивно, в связи с конкретным фактом нарушения государством какого-либо права человека; т. е. “зонтичные” обязательства не могут быть предметом отдельного нарушения и, соответственно, обжалования со стороны индивида.

А конкретные обязательства государств, которые выступают “контрагентами” отдельных прав и свобод человека, по мнению автора, в свою очередь, можно подразделять на основные и производные. Основное

обязательство непосредственно заложено в самом содержании права человека, образно говоря, выступает в качестве его *alter ego* (второго “я” — лат.). Нарушение права человека — это, в первую очередь, основного обязательства. К примеру, нарушение права на жизнь будет прежде всего выражаться в произвольном лишении государством жизни индивида. Производные обязательства государств прямо или косвенно вытекают из содержания основных обязательств и дополняют их. Однако им не должна быть приписана второстепенная роль. Они — неотъемлемый компонент того или иного права человека: соответственно, невыполнение их также представляет собой нарушение данного права человека. Так, право на жизнь вполне может считаться нарушенным и в тех случаях, когда, например, в государстве отсутствуют или явно недостаточны законодательные акты, направленные на охрану жизни человека, или государство не обеспечило эффективное расследование имевшего место акта убийства (с. 95—96).

Касаясь позитивных и негативных обязательств в области прав человека, автор правильно указывает, что в основе этого деления не лежит различие “первого” и “второго” поколений прав человека, не воспринимаемое современной философией и юриспруденцией прав человека. Вместе с тем он полагает, что в рассматриваемом контексте разницы между двумя указанными группами прав человека все же существует, но она состоит не в самом факте, что “вмешательство” со стороны государства требуется или нет, а в степени, в которой это “вмешательство” необходимо. Мы разделяем следующий вывод автора: “Можно смело утверждать, что в наше время не существует ни одного права человека, которое, при отсутствии каких-либо позитивных действий со стороны государства, можно было бы считать полностью гарантированным. В этом ракурсе логичным выглядело бы деление всех прав человека на две группы: в первую входили бы права, из которых вытекают только позитивные обязательства, а во вторую — те, которые требуют как негативных, так и позитивных обязательств” (с. 105).

Интересные суждения содержатся в той части работы, где на базе соответствующих общих положений Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного Пакта о гражданских и политических правах анализируются обязательства, осуществляемые немедленно и постепенно.

Добротный материал читатель найдет и в последней главе монографии, в которой рассмотрен вопрос о действии международных обязательств в области прав человека *ratione loci* (обстоятельства места — лат.) и *ratione temporis* (обстоятельства времени — лат.). Относительно первого вопроса примечательно, в частности следующее утверждение автора: “Обязательство государств обеспечивать права и свободы человека не имеет в принципе территориального лимита: его действие не ограничивается лишь терриорией этих государств: деяние государства, которое приводит к нарушению того или иного права человека и вызывает тем самым его международную ответственность, может иметь место где угодно, в любой точке мира, но с учетом единственного критерия, что это — деяние, подпадающее под юрисдикцию данного государства или же, еще проще, деяние его органа или представителя”

(с. 128 — 129). Весьма актуален и вывод о том, что государство, чья территория оккупирована другим государством или каким-либо иным образованием, не будет нести ответственность за нарушения прав человека, совершенные данным образованием или государством (с. 124).

При изложении вопроса о действии международных договорных положений в области прав человека во времени, основное внимание автор уделит раскрытию концепции “длящегося нарушения”, суть которой заключается в том, что международное обязательство государства признается нарушенным, если соответствующее деяние продолжается или имеет продолжающиеся последствия и после того, как договор вступил в силу в отношении данного государства.

Монография содержит удачно обобщенные выводы, а также резюме на английском и азербайджанском языках. В конце книги приведен внушительный список использованной литературы, включающий в основном новейшие монографии и статьи на английском, немецком и французском языках, а также список использованных в работе решений Международного Суда ООН, Комитета по правам человека, Европейской Комиссии по правам человека, Европейского Суда по правам человека и Межамериканского Суда по правам человека.

Монография Л. Гусейнова — результат кропотливой и трудоемкой работы. Она выполнена на очень высоком теоретическом уровне, — и что больше всего импонирует, — с использованием строго юридического инструментария. Мы склонны рассматривать эту монографию как определенный вклад в теорию международно-правовой защиты прав человека, и хотим выразить уверенность, что она привлечет внимание специалистов и за пределами нашего государства.

У. Юсубова,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры международного права и государственного
права зарубежных стран Бакинского Государственного
Университета им. М. Э. Расул-заде

г. Баку

Рецензия получена редакцией в мае 1999 г.

Кто есть кто в нашей науке и практике

КОПЫТКОВА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА
(Гомель)

Родилась 19 августа 1964 года в Добрушском районе Гомельской области Белоруссии.

В 1986 году окончила юридический факультет Гродненского госуниверситета. Работала преподавателем гражданского и семейного права в Гомельском сельскохозяйственном техникуме. За время работы разработала типовые учебные программы по различным дисциплинам: гражданское право, семейное право, хозяйственный суд, правоохранительные органы в Белоруссии, основы международного права и другие. В 1996 году окончила Академию управления при Президенте Республики Беларусь факультет “Международное право”. С 1997 года работает преподавателем международного права юридического факультета Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины. Разработала программу спецкурса “Международное гуманитарное право”, который по ее инициативе включен в учебный план решением кафедры теории и истории государства и права.

Много внимания уделяет совершенствованию методики преподавания международного права. С этой целью подготовила учебные задания для студентов по курсу международного публичного права. Завершает работу над учебно-методическими указаниями для изучения международного гуманитарного права.

Занималась вопросами международно-правовой защиты прав женщин и детей. С ее точки зрения в международном гуманитарном праве недостаточно урегулирован вопрос защиты прав женщин и детей в вооруженных конфликтах.

На вопрос редакции, что она считает основной проблемой в между-

народном гуманитарном праве Наталья Васильевна Копыткова ответила, что такой проблемой она видит недостаточность разнообразия методов и норм урегулирования вооруженных конфликтов немеждународного характера. Для сегодняшнего дня это является весьма актуальным.

СИДОРЧЕНКО ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ
(Санкт-Петербург)

Родился в г. Спасске Приморского края 13 февраля 1931 г. в семье военнослужащего. Отец погиб на фронте в 1941 г.

В 1948 г. после окончания средней школы поступил во Владивостокское высшее инженерное морское училище им. адмирала Г.И. Невельского на судоводительский факультет, который окончил в 1954 г. Был направлен на работу в Камчатско-Чукотское пароходство. В период с 1954 по 1968 г. работал на судах в должности штурмана и капитана торговых и рыболовных судов, получил диплом капитана дальнего плавания. В 1968 г. поступил в очную аспирантуру при кафедре морского права Ленинградского высшего инженерного морского училища им. адмирала С.С. Макарова. В 1968 г. заочно окончил Московский факультет Всесоюзного юридического заочного института. В 1971 г. защитил кандидатскую, а в 1980 г. докторскую диссертации по проблемам международного морского права.

С 1971 по 1973 гг. работал в должности старшего научного сотрудника и доцента в институтах г. Ленинграда, с декабря 1975 г. и по настоящее время работает на кафедре международного права Санкт-Петербургского государственного университета: с декабря 1975 г. по февраль 1982 г. — в должности доцента, с февраля 1982 по февраль 1989 г. в должности профессора, с февраля 1989 г. по апрель 1999 г. в должности заведующего кафедрой международного права, с апреля 1999 г. — в должности профессора кафедры международного права.

С середины 1960-х годов и до настоящего времени опубликовал 15 монографий, 2 учебника (в соавторстве), свыше 400 статей (включая энциклопедические). Под его руководством 15 аспирантов из России и из 7 иностранных государств защитили кандидатские диссертации. Является председателем диссертационного совета юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета по защите докторских диссертаций.

Из опубликованных монографий можно назвать: "Правовые проблемы охраны человеческой жизни и имущества на море", Л., ЛГУ, "1983 г. 9, 1 п.л.; "Экономико-правовые аспекты спасания промысловых судов", М., 1985. 11,15 п.л.; "Суда-спасатели и их служба", Л., 1983. 19 п.л.; "Морские буксиры и их операции", Л., 1986. 20 п.л.; "Кораблекрушения на море", Л., 1990. 25 п.л.; "Тайны покинутых судов", СПб., 1995. 12 п.л.; "Общая авария", СПб., 1999. 12 п.л.

На вопрос редакции о значении морского права в его жизни, Виктор Федорович ответил: "Значение морского права в его практическом применении я в полной мере почувствовал тогда, когда был капитаном морских судов, когда приходилось за один рейс перевозить десятки партий грузов разных отправителей, оформляя сотни различных документов с очень высокой вероятностью возникновения претензий и споров. При этом приходилось брать на себя полную ответственность за действия судна и его экипажа".

**ШАТУНОВСКИЙ-БЮРНО
СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ**
(Москва)

Кандидат юридических наук.

Родился 9 апреля 1968 года в Москве.

В 1986—1988 гг. проходил воинскую службу в Вооруженных силах СССР.

В 1995 году с отличием окончил международно-правовой факультет Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (специализация — право международных организаций; право международной безопасности; право вооруженных конфликтов; мирное урегулирование международных споров, право международных договоров).

В 1991—1992 гг. направлялся на учебу в Скидмор колледж (Саратога Спрингс, Нью-Йорк, США) по специальности "Политические науки", где завершил курс с отличием.

В 1995 году Национальным комитетом Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН и Российской ассоциацией международного права награжден Почетной грамотой Ф.Ф. Мартенса за дипломную работу, выполненную на высоком научном уровне.

В 1999 году на кафедре международного права МГИМО МИД России защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юриди-

ческих наук на тему "Повышение эффективности Организации Объединенных Наций: международно-правовые аспекты".

С августа 1995 года по настоящее время работает в Правовом департаменте МИД России. Имеет дипломатический ранг второго секретаря II класса.

Направления работы в разное время: правовые аспекты деятельности международных организаций в области безопасности (ООН, НАТО, ЗЕС, ОБСЕ); правовые аспекты всеобъемлющей и региональной международной безопасности; правовые вопросы деятельности Спецкомитета по операциям по поддержанию мира; деятельность Совета Европы; правовые аспекты миротворчества; правовые аспекты разоружения; деятельность международных судебных органов и другие средства мирного урегулирования споров; работа VI Комитета ГА ООН и Спецкомитета по Уставу ООН и усилению роли Организации; Комиссия международного права ООН; международно-правовые форумы; право международных договоров (политические договоры Российской Федерации, договоры Российской Федерации в военной области и в области обеспечения коллективной безопасности).

За время работы принимал участие в ряде сессий различных международных организаций (ООН, Совет Европы, ОЗХО, СНГ) в качестве юридического советника российских делегаций.

С 1994 года — член Российской ассоциации международного права (РАМП), советник президента РАМП, член московской ассоциации международного права, член Ассоциации международного морского права. С 1997 года — ответственный секретарь Национального комитета Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН. С 1998 года — член Исполкома (РАМП). Имеет ряд научных публикаций, в том числе: статья "Развитие средств и методов мирного урегулирования споров" в "Московском журнале международного права", № 1 за 1996 г., статья "Организационно-правовые аспекты развития международного права" в "Московском журнале международного права", № 2 за 1997 г., статья "100-летие Первой конференции мира". В соавторстве с д.ю.н., профессором Колодкиным А.Л., в журнале "Международная жизнь", № 9 за 1997 г.; статья "Russia in the 1899 and 1907 Hague Peace Conferences" (With A.L. Kolodkin). In *"Essays on the History of the Hague Peace Conference of 1899"*. Publication of the Ministry of Foreign Affairs of the Kingdom of the Netherlands, The Hague, 1999. Готовятся к изданию ряд статей в юридическом энциклопедическом словаре (том "Международное право").

На вопрос редакции. "В чем Вы видите повышение эффективности ООН?", Сергей Валерьевич ответил: "ООН является главным форумом, в рамках которого должны гармонизироваться усилия государств по созданию более безопасного и справедливого мира. Повышению авторитета и эффективности ООН может способствовать только тщательно подготовленная и рациональная реформа, основанная на максимальной поддержке всех государств-членов. На основе положений Устава ООН построена система международной безопасности, которая до сих пор предохраняла мир от глобальной войны. Совершенствование этой системы, повышение ее способности реагировать на новые вызовы, заключается не в ревизии положений Устава ООН, а в создании надежного механизма контроля за добросовестным и неукоснительным его соблюдением. "Обновление" ООН должно основываться не на ломке старых основ, а на новом прочтении имеющихся положений ее Устава, их адаптации к современным реалиям и возрождении забытых институтов, предусмотренных в нем и весьма актуальных сейчас."

Страницы истории

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР 1938 ГОДА И ПРОБЛЕМА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КАНУН ХХІ ВЕКА

Л.Н. А н и с и м о в*

60 лет назад разразилась вторая мировая война, в преддверии которой с политической карты Европы исчезло суверенное государство — Чехословацкая Республика.

В 1999 году, спустя шесть десятилетий, государства-участники НАТО во главе с Соединенными Штатами Америки совершили агрессию против суверенной и никому не угрожающей Югославии. Отшвырнув ООН, растоптав ее Устав, Североатлантический блок возгласил на весь мир и на следующий век древний закон: кто имеет силу, тот и полностью прав. На глазах человечества уничтожалась прекрасная европейская страна, а цивилизованные правительства ряда государств цинично аплодировали этому. В их числе, наряду с другими странами, Франция и Великобритания, открывшие в 1938 году военно-политические шлюзы для агрессии против Чехословакии. Парадоксально, но факт, что позицию Североатлантического альянса разделила и порабошенная в 1939 г.¹ Гитлером Чехия, умилявшаяся в 1999 г. бандитскими бомбардировками своего европейского соседа и оказавшаяся в одной упряжке с нынешней Германией.

Но надо полагать, что не только чехи и словаки, но и весь мир помнит трагедию ЧСР 1938 года. Что лежало тогда в основе “мюнхенской политики” западных держав, давно ясно даже тем, кто не посвящен в секреты дипломатии. Общеизвестно, что прямым шагом к развязыванию второй мировой войны явилось Мюнхенское соглашение, завершившее смутное время уступок агрессорам.

В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. правительства нацистской Германии, фашистской Италии, Великобритании и Франции подписали договор, по которому от Чехословакии была отторгнута и присоединена к Германии значительная жизненно важная территория.

Заключение Мюнхенского соглашения и проведение его в жизнь

*Профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ, академик Международной Академии информатизации. Более подробные сведения об авторе см. в № 2 нашего журнала за 1995 г.

означало не только грубое нарушение территориальной целостности Чехословакии, но и сознательное принесение в жертву ее политической независимости.

Мюнхенский сговор 1938 года и последовавшая затем ликвидация чехословацкого государства соответствовали масштабным агрессивным планам германского империализма. После прихода Гитлера к власти в январе 1933 года была разработана программа экспансионистских акций. Составной ее частью стал и план “Грюн”, целью которого было уничтожение в Европе Чехословакии как таковой. Менее чем за полгода страна была полностью поработана гитлеровской Германией.

Мюнхенский сговор подрвал обороноспособность Чехословакии и ее жизненные основы. Уже в первые дни октября 1938 года фашистская Германия захватила 28291 км² территории республики с населением свыше 3,8 миллиона. В совокупности с районами, отошедшими после Мюнхена к Польше и Венгрии, Чехословакия лишилась 29 процентов территории и 34 процента населения. Страна утратила 39,7 промышленного потенциала². Мюнхенский договор служил для Германии лишь “победоносной” альтернативой обстоятельно спланированной агрессии против Чехословакии, облегчившей реализацию первого этапа далеко идущих экспансионистских планов.

Капитулянтская “мюнхенская политика” находилась в резком противоречии с реальными возможностями противодействия гитлеровской агрессии.

Объективно необходимо отметить, что изначально президент ЧСР Э. Бенеш строил свою концепцию защиты республики на союзнических договорах, заключенных Чехословакией с Францией, со странами Малой Антанты — Югославией и Румынией — и с Советским Союзом. Он также рассчитывал на военную помощь Франции с учетом политического договора с этой страной. Однако в 1938 году союзнические отношения с Югославией и Румынией оказались фикцией. В частности, румынское правительство не только не собиралось помогать союзнику, но и заявило, что если помощь окажет СССР, то Румыния не позволит перебросить через свою территорию, включая воздушное пространство, советские войска и самолеты в Чехословакию.³

Не оправдались и расчеты президента Бенеша на военную помощь Франции, с которой имелся политический договор о взаимопомощи. Однако он не был своевременно дополнен соответствующими документами, уточняющими и конкретизирующими формы этой помощи. Французская сторона, особенно представители армии, воспринимали этот договор лишь как обязательство Чехословакии помочь Франции в случае, если на нее нападет Германия. Обратный вариант в расчет не принимался. К тому же политическая и военно-стратегическая близорукость, нерешительность французских правящих кругов привели в итоге к предательству своего чехословацкого союзника.

Не менее важное значение с международно-политической точки зрения имела для защиты Чехословакии в 1938 году и позиция английского правительства. Обязательство Великобритании, касающееся оказания помощи Чехословакии, вытекало из норм международного права, связанных с членством в Лиге Наций. Кроме того, оно было связано с

франко-британским союзом. В то же время политика невмешательства, предопределившая роль главы британского правительства Чемберлена в подготовке и осуществлении мюнхенского сговора, исключила возможность военной поддержки Чехословакии со стороны англичан.⁴

При этом подчеркнем, что 19 сентября 1938 года Великобритания и Франция предложили Чехословакии добровольно отказаться от районов с преимущественно немецким населением, с тем, что будет гарантирована неприкосновенность остающейся территории страны. 20 сентября чехословацкое правительство отвергло такое предложение.⁵ И уже ночью 21 сентября (1938 года) послы Франции и Великобритании явились к президенту Бенешу, которые, как он отмечает в своих воспоминаниях, провели с ним “исторический ультимативный разговор”. Он (разговор), по словам президента, “стал вступительным словом ко всей последовавшей затем катастрофе, затронувшей столько европейских государств, да, собственно, и весь мир”.⁶

Концепция коллективной обороны Чехословакии, которой руководствовался Бенеш, основывалась и на чехословацко-советском договоре 1935 года о взаимной помощи. Однако этот договор предусматривал, что Советский Союз поможет Чехословакии защищаться от нападения, если такую помощь окажет и Франция. Правительство СССР, тем не менее, в 1938 году заявило, что оно выполнит свои союзнические обязательства по оказанию помощи Чехословакии и в том случае, если Франция от своих обязательств откажется. Единственным условием в оказании помощи было то, чтобы Чехословакия защищалась от нападения, а ее правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой об оказании такой помощи. *Десять* раз советские руководители и печать публично заявляли, что Советский Союз выполнит свой долг; *шесть* раз давались заверения Франции, — *четыре* — Чехословакии и *три* раза Англии, не говоря о *четырнадцати* частных заверениях, предложениях о штабных переговорах и т.д.⁷ Однако западные державы отвергли советское предложение дать совместный отпор фашистской агрессии. Заклучив позорное Мюнхенское соглашение, западные “миротворцы” рассчитывали направить фашистскую экспансию на Восток, против Советского Союза.

Между тем, помощь со стороны СССР могла коренным образом изменить соотношение сил Чехословакии и Германии. Заметим, что Советский Союз на 1 января 1938 года располагал 96 стрелковыми дивизиями. В канун мобилизации чехословацкой армии, в сентябре 1938 года, к западной границе СССР были передислоцированы специальные группировки советских войск. В боевой готовности находилось 30 стрелковых и десять кавалерийских дивизий, 7 танковых, 1 мотострелковая и 12 авиационных бригад. Кроме того, в боевую готовность были приведены 7 укрепленных районов. Несколько авиационных соединений с боевыми самолетами численностью около 550 единиц были готовы вылететь в Чехословакию⁸.

Помощь со стороны Советского Союза могла стать решающим фактором коллективной обороны от гитлеровской агрессии, но она была отвергнута. Это, разумеется, открыло шлязы для реализации далеко идущего гитлеровского захватнического плана.

Как отмечает А. Ротштейн, Мюнхен был “заговором для агрессии”⁹. “Политика, проводившаяся с марта по сентябрь 1938 г., — подчеркивает автор, — хотя и имела элементы импровизации от этапа к этапу, но была в своей основе продолжением политики, проводимой с 1933 года и даже раньше”¹⁰.

Если основная стратегическая цель Мюнхена — стремление толкнуть Гитлера на Восток, развязать антисоветскую агрессию, то конкретная ближайшая цель — сделать Чехословакию “неспособной сопротивляться распространению германского политического и экономического влияния в Восточной Европе”¹¹.

Нынешние реалии на европейском континенте, связанные с агрессивным курсом НАТО во главе с Соединенными Штатами Америки против Югославии, свидетельствуют далеко не о “внедрении” идеи об автономии косовских албанцев в многонациональной стране под дулами иноземных интервентов в качестве гарантов. Прежде всего, США не устраивает сближение России с Западной Европой, и они стали искать участок, где можно было бы столкнуть ее с государствами европейского континента. Таковым явилось Косово, и НАТО превращается из инструмента коллективной военной обороны в инструмент защиты экономических интересов одной из стран. И надо отдать должное американцам: тактический момент выбран удачно — у их европейских партнеров уже были намерения идти своим путем, объединить усилия с Россией, но не было еще нужной для этого базы и конкретного плана реализации своих идей. Кроме того, в планы США входило и входит неотвратимое желание возглавить мир после распада СССР и быть лидером планеты в XXI веке.

В апреле 1999 года лидеры 19 стран-участниц Североатлантического альянса утвердили на его юбилейной сессии в Вашингтоне “Новую стратегическую концепцию НАТО”, в соответствии, с которой они наделили себя “правом” вооруженного вмешательства во всем мире без соответствующих санкций Совета Безопасности ООН или ОБСЕ. Суперсаммит НАТО прошел под знаком экспансионизма этой военно-политической организации, ее расширения на Восток, то есть в сторону России.

Еще ранее, в ноябре 1998 года, эта позиция нашла свое закрепление на состоявшейся в Эдинбурге очередной сессии Североатлантической ассамблеи (САА) — своеобразного объединенного парламента НАТО, — в специальном докладе — концепции “НАТО в XXI веке”, представленном американской стороной.

Другое новшество — расширение сферы действия Североатлантического союза. Конкретно не указывается, какие территории попадают отныне в поле зрения натовских войск, но говорится вполне определенно, что альянс намерен дипломатическими и силовыми средствами защитить территории своих стран-членов и “общие ценности, и интересы”, в том числе за пределами своей зоны ответственности.

Что же касается ракетно-бомбового удара по суверенной Югославии, то они по заявлениям представителей альянса, наносились в целях “предохранения гуманитарной катастрофы на Балканах”. Фактически гуманитарная катастрофа произошла именно в Европе, отказавшейся не

только от самостоятельной геополитики, но и от собственных гуманитарных ценностей. За несколько часов одного дня бомбардировок Югославии — 24 марта 1999 года — эти “европейские нормы” подверглись девальвации под явным нажимом США, стремящихся на любом уровне не допустить объединения “бесконтрольной” Европы и реализовать свои сверхдержавные притязания.

Характер наносимых военных ударов по Югославии, масштабы причиненных ими разрушений-потерь, напроць опровергают измышления “о предотвращении гуманитарной катастрофы” в этом регионе, а являюстя неопровержимым свидетельством посягательства на территориальную неприкосновенность и политическую независимость СРЮ, вмешательства в ее внутренние дела. При этом общеизвестно, что ни в одном международно-правовом акте не предусмотрена допустимость “гуманитарной интервенции”. Натовская военная акция невольно представляется как рецидив того, что получило печальное наименование и осуждение как мюнхенский диктат по отношению к Чехословакии осенью 1938 года.

К сожалению, в условиях безнаказанности агрессоров трагедия для народов Европы может повториться. Та, которая в свое время обозначилась в “Мюнхене”, как и натовские “операции” против Югославии в 1999 году — это не сработанный в спешке механизм, а тщательно спланированный сговор. “Предательство в отношении Чехословакии — пишет В. Фалин, — было не вынужденным, а сознательным актом, навеянным идеологическими мотивами и политикой силы”¹². Это определение подходит и к сегодняшней ситуации в Европе.

Содержание Мюнхенского соглашения и методы его заключения явились предметом справедливой критики со стороны многих исследователей уже как в 1938 г., так и позднее. Вместе с тем в стане реакции “Мюнхен” находил апологетическую оценку¹³. В частности, вскоре после окончания второй мировой войны реваншистские крути Западной Германии начали ссылаться на Мюнхенское соглашение для обоснования своих территориальных притязаний. Они взяли на вооружение пресловутую теорию некоторых западных юристов о том, что соглашение в момент его заключения было действительным¹⁴.

Такая точка зрения не соотнобразуется, во-первых, с фактическими обстоятельствами, которые имели место в период заключения Мюнхенского соглашения, во-вторых, с принципами и нормами международного права¹⁵.

В обоснование недействительности (ничтожности) Мюнхенского соглашения с точки зрения действовавшего в тот период международного права можно привести ряд аргументов¹⁶.

1. *Соглашение противоречит основным принципам международного права.* Мюнхенское соглашение затрагивало территориальную целостность Чехословакии (в пользу Германии была отторгнута жизненно важная часть пограничной территории страны, причем без прямого ее согласия). Это являлось грубейшим нарушением принципа суверенитета. Игнорировался и другой важнейший принцип международного права — принцип суверенного равенства. Чехословакия в переговорах в Мюнхене участия не принимала, их результаты ей были лишь сообщены.

Следовательно, она была поставлена в неравное по сравнению с другими "договаривающимися сторонами" положение, нарушалась свобода волеизъявления Чехословакии, что противоречило Парижскому пакту 1928 г., где зафиксирована необходимость мирного разрешения международных споров.

2. *Соглашение противоречит обязательствам, возложенным на государства Статутом Лиги Наций и другими действовавшими в тот период договорами.* Во время заключения Мюнхенского соглашения Франция, Великобритания и Италия, так же как и Чехословакия, будучи членами Лиги Наций, были связаны ее Статутом. Ст. 10 последнего предписывала "беречь и защищать нынешнюю территориальную целостность и независимость всех членов Лиги Наций от любого внешнего вторжения"¹⁷. А в соответствии со ст. 20 государства-участники давали торжественное обязательство не заключать в будущем договоров, несовместимых со Статутом Лиги Наций.

Вопрос о возможных спорах между членами Лиги Наций и государствами, не входящими в нее, регулировался ст. 17 Статута, которая гласила, что государство, не входящее в Лигу, приглашается подчиняться обязательствам, лежащим на ее членах, в целях урегулирования спора на условиях, признанных Советом Лиги Наций справедливыми. Если государство откажется взять на себя упомянутые обязательства и прибегнет к войне, то против него можно использовать санкции в соответствии со ст. 16 Статута¹⁸.

Германия и Чехословакия, кроме того, были связаны арбитражным соглашением, заключенным в Локарно 16 октября 1925 г., в соответствии с которым обе договаривающиеся стороны обязались решать все споры мирным путем. Причем в преамбуле соглашения говорилось, что "права государства не могут изменяться без его согласия, поскольку честное соблюдение методов мирного разрешения международных споров позволяет без насилия решать вопросы, которые могли бы поссорить государства"¹⁹.

Франция, помимо Парижского пакта и Статута Лиги Наций, была связана с Чехословакией еще и союзническими договорами: Договором от 25 января 1924 г. о союзе и дружбе и Договором о взаимных гарантиях, заключенным в Локарно 16 октября 1925 г.

3. *Соглашение навязано Чехословакии под угрозой агрессии.* Это положение доказано многочисленными документами и материалами, которые ныне широко известны²⁰. В частности, документы, взятые в качестве трофея в период войны, главным образом представленные Международному военному трибуналу в Нюрнберге, а также документы дипломатического характера, опубликованные в ряде стран, помогли полностью осветить подоплеку политики, приведшей к "Мюнхену". Они содержат неопровержимое доказательство того, что со стороны гитлеровской Германии имела место явная угроза применения силы против Чехословакии.²¹

Нюрнбергский трибунал после окончания второй мировой войны подтвердил, что оккупация Чехословакии была продуманным шагом, которому отводилась значительная роль в экспансионистских планах нацистов. Начало второй мировой войны трибунал назвал заговором

против мира, преступлением. Составной частью этого заговора был мюнхенский диктат от 29 сентября 1939 года — один из серьезных актов, открывающий путь всемирному военному пожару.

Понуждение к заключению договоров при помощи силы или угрозы силой рассматривается международным правом как незаконный акт, а сами договоры как недействительные. Данное положение в настоящее время четко закреплено в ст. 52 Венской конвенции о праве международных договоров²². Ранее же оно было обычной нормой. Эта норма действовала и в период заключения Мюнхенского соглашения.

4. *Соглашение заключено с помощью обмана со стороны Германии.* На Нюрнбергском процессе было доказано, что Гитлер заключил Мюнхенское соглашение не для того, чтобы, как он утверждал, решить с чехословацким правительством спор, намеренно разжигаемый нацистским правительством с помощью немецкого меньшинства в Чехославии, а исключительно для того, чтобы обеспечить себе выгодные условия для реализации следующего этапа преступного плана, направленного против мира.

С самого начала переговоров, как ныне известно, Гитлер вообще не собирался соблюдать заключенное соглашение²³. Оно было использовано им как ширма для захвата всех пограничных укреплений, что облегчило оккупацию остальной части страны 7 октября 1938 г. оккупация пограничной территории на основании Мюнхенского соглашения была закончена, и уже 21 октября, т.е. через две недели, Гитлер дал указание относительно того, как подготовить ликвидацию остальной части Чехословакии. Таким образом, налицо обман со стороны нацистского правительства²⁴. Нюрнбергский трибунал, говоря о недействительности Мюнхенского соглашения, имел в виду именно данное обстоятельство. В своем приговоре он констатировал, что Мюнхенское соглашение страдает дефектом воли, если и в период заключения соглашения Германия не собиралась осуществить его²⁵.

Действительность международного договора, как отмечает О.И. Тиунов, “является его (международного договора) качеством, определяющим рамки правомерного действия соглашения. Законно действие только такого договора, который действителен”²⁶.

5. *Соглашение заключено в нарушение чехословацких конституционных норм.* В соответствии с Чехословацкой Конституцией от 29 февраля 1920 г., действовавшей в период подписания Мюнхенского соглашения, правомочия заключать договоры, изменяющие государственную территорию, имел президент республики с согласия Национального Собрания. В ней сказано, что “территория Чехословацкой республики образует единое неделимое целое, границы которого могут изменяться только конституционным законом (ст.3, абз.1). Статья 33 Конституции закрепляла, что конституционный закон считается принятым, когда за него проголосовали 3/5 всех депутатов обеих палат Национального Собрания. Об этом порядке было информировано как британское, так и французское правительства. В частности, в ноте чехословацкого правительства от 20 сентября 1938 г. указывалось, что “в любом случае необходимо запросить мнение парламента”²⁷.

Однако из документов переговоров, предшествовавших Мюнхенско-

му соглашению и последовавших после него, ясно, что вел их президент Чехословакии Э. Бенеш совместно с представителями правительственной коалиции. Так называемые британо-французские предложения от 19 сентября 1938 г. были продиктованы правительству Чехословацкой республики²⁸. "Принятие" Мюнхенского "соглашения" также состоялось лишь от имени президента республики и правительства²⁹. Следовательно, ни в одном из указанных случаев не было дано согласие Национального Собрания.

Из мнения Чехословацкого правительства по поводу уже подписанного "соглашения", сообщенного 30 сентября 1938 г. чехословацким министром иностранных дел французскому, британскому и итальянскому послам, ясно, что чехословацкое правительство считало его не действительным международным договором, а навязанным в результате диктата, которому оно вынуждено было подчиниться. Иного смысла не могли иметь слова о том, что "подчиняемся решению, которое было принято в Мюнхене без нас и против нас"³⁰.

Приведенные аргументы убедительно доказывают, что свободное волеизъявление Чехословакии, служащее необходимой предпосылкой возникновения действительного договора, при подписании Мюнхенского соглашения отсутствовало. Оно было сфабриковано без участия Чехословацкой Республики и против ее воли.

Историческая справедливость была восстановлена лишь после разгрома фашизма во второй мировой войне. При этом заметим, что с образованием двух немецких государств ЧССР неоднократно проявляла добрую волю и стремление нормализовать отношения с ФРГ³¹. Однако вплоть до конца 60-х годов тогдашнее правительство ФРГ не давало официального ответа правительству ЧССР. Западногерманские правящие круги исходили из известной "доктрины Хальштейна", согласно которой правительство ФРГ не устанавливало дипломатические отношения или разрывало их с теми государствами, которые устанавливали или поддерживали дипломатические отношения с ГДР, так как считало ФРГ единственным представителем немецкой нации.

Подписание и ратификация договоров между СССР, ПНР, ГДР с ФРГ и Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину от 3 сентября 1971 г. внесли в политическую ситуацию в Европе и во всем мире ряд новых позитивных моментов.

В Договоренности о намерениях сторон³², выработанной при подписании Договора между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г., сказано, что указанный договор и соответствующие договоры с ГДР, ПНР и ЧССР "представляют собой единое целое" (ст. 1). В ней также зафиксировано положение о том, "что вопросы, связанные с недействительностью Мюнхенского соглашения, будут урегулированы в переговорах между Федеративной Республикой Германии и Чехословацкой Социалистической Республикой в приемлемой для обеих сторон форме". (ст. 4).

В ходе последующих сложных чехословацко-западногерманских переговоров, после того как правительство Западной Германии выразило готовность признать Мюнхенское соглашение недействительным, 11 декабря 1973 г. был подписан Договор о взаимных отношениях между ЧССР и ФРГ³³.

В преамбуле и ст.ст.1 и П Договора, которые, по мнению авторов, составляют единое целое³⁴, ФРГ признает в качестве одной из главных причин недействительности Мюнхенского соглашения угрозу силой, с помощью которой соглашение и было навязано Чехословакии. Отсюда общий вывод: положения Мюнхенского соглашения не имеют правовой силы, т.е. они ничтожны, как ничтожны и последствия соглашения. Речь идет о последствиях морально-политических и международно-правовых. В первом случае — это осуждение политики “Мюнхена”, ее мотивов, целей и последствий. Одновременно разрушен один из основных фундаментов реваншистской деятельности реакционных сил ФРГ. Подтверждение со стороны ФРГ ничтожности мюнхенского диктата имело положительное значение не только для двусторонних отношений между ЧССР и ФРГ, но и для общего развития международных отношений.

Международно-правовое последствие, вытекающее из ничтожности Мюнхенского соглашения, в том, что отторжение под угрозой силы значительной территории Чехословацкой республики с самого начала было незаконно и недействительно и что чехословацкая пограничная территория никогда не принадлежала германскому рейху.

Из ничтожности Мюнхенского соглашения вытекает недействительность всех актов, которые на его основе были навязаны Чехословакии либо опирались на него, включая и те, которые имели форму международного договора.³⁵ Судьбу Мюнхенского соглашения разделили также нормы, принятые чехословацким правительством с 30 сентября 1938 г. до освобождения Чехословакии³⁶.

Итак, ст.1 Договора о взаимных отношениях между ЧССР и ФРГ отражает чехословацкое требование о признании со стороны ФРГ недействительности Мюнхенского соглашения.

Этот договор явился важной вехой в укреплении системы европейской безопасности и сотрудничества, которые после долголетних усилий стали тогда реальностью.

За опыт Мюнхена 1938 года народы Чехословакии и Европы в целом заплатили дорогой ценой. Этот опыт и в настоящее время напоминает о необходимости беречь суверенитет и безопасность государств, строго соблюдать нормы и принципы международного права.

Сегодня, независимо от каких бы то ни было гуманитарно-политических доводов, которыми НАТО пытается оправдать свою силовую акцию против Югославии, она представляет собой в правовом отношении бесспорный факт агрессии, грубейшего нарушения Устава ООН, Хельсинкского Заключительного акта 1975 г., а также Основополагающего акта Россия — НАТО от 1997 года. “Основы правового миропорядка, — пишет А. Арбатов, — попорчены в угоду политической “целесообразности”, причем в односторонней трактовке Запада — спорной и воплощающей двойные стандарты”³⁷. В этих условиях оказался подорванным престиж и авторитет ООН и ОБСЕ — признанных легитимных организаций, призванных от имени международного сообщества содействовать обеспечению мира и безопасности. Между тем, действиями НАТО архитектуре европейской и мировой безопасности нанесен сильный удар.

Война, развязанная против Югославии, вызванная высокомерием мощи и ощущением безнаказанности, является прямым вызовом сложившемуся после второй мировой войны правопорядку, нормам и принципам международного права.

В то же время военная акция НАТО на Балканах сопровождалась перманентными усилиями придать ей видимость легитимности с точки зрения норм и принципов международного права, хотя вот уже несколько десятилетий общепризнанна противоправность такого рода применения силы по отношению к государству. Запрет на применение силы одним государством или группой государств против другого, кроме случаев законной самообороны в ответ на вооруженное нападение или участие в санкциях по решению Совета Безопасности ООН, носит характер императивной нормы международного права. Ее нарушение с точки зрения международного права квалифицируется как акт агрессии. В соответствии с Определением агрессии, принятым международным Сообществом на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 году, «агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций». К актам агрессии, согласно определению, относится, в частности, «бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государствами против территории другого государства». При этом в рассматриваемом определении агрессии подчеркивается, что никакие соображения политического, экономического, военного или любого иного характера не могут служить ее оправданием. Агрессия является международным преступлением и влечет за собой международную ответственность.

В действиях государств-участников НАТО по отношению к Югославии налицо состав преступления агрессии и нарушения принципа неприменения силы, предусмотренного пунктом 4 статьи 2 Устава ООН.

Агрессивные действия НАТО на Балканах вызвали самое острое и опасное противостояние между Москвой и Вашингтоном не только за период после окончания холодной войны, но, пожалуй, со времен Берлинского и Карибского кризиса начала 60-х годов.

Политические и военные руководители Североатлантического альянса в одночасье перечеркнули все конструктивное, что с огромными усилиями было достигнуто в сфере безопасности за последние десятилетия.

Военные акции НАТО против Югославии являются свидетельством перерождения этого союза из оборонительного в экспансионистский (не только в плане территориальных границ, но с точки зрения применения силы) с соответствующими вооруженными силами и оперативными планами наступательного характера. Данное важное обстоятельство позволяет говорить о том, что Североатлантический блок в настоящее время предстал как главная проблема для европейской безопасности, и также в качестве основного препятствия на пути сотрудничества России с Западом, включая Соединенные Штаты Америки.

При этом необходимо подчеркнуть, что наряду с последовательным торпедированием российских мирных инициатив по урегулированию косовского вопроса и стабилизации обстановки в Европе, США демонстративно заявляли в тот же самый момент о намерениях принять в НАТО страны Балтии. 23 апреля 1999 года в канун 50-летия этого альянса и усиливавшихся бомбовых ударов против Югославии госсекретарь США Мадлен Олбрайт заявила, повторив неоднократно сказанное американскими официальными лицами самого высокого ранга, что Вашингтон “создаст крепкую основу для вступления” Латвии, Литвы и Эстонии в Североатлантический блок³⁸. Кстати, база для этого решения уже давно подготовлена Хартией партнерства в сфере безопасности, подписанной 16 января 1998 года между США и странами Балтии. Словом, Запад использовал максимум возможностей для усиления своего влияния в официально объявленных зонах особого интереса России.

Однако в этой связи нелишне напомнить следующее: при подписании Основополагающего акта Россия — НАТО Москва довела до сведения руководства альянса, что расширение НАТО не должно затрагивать республики бывшего СССР, в том числе и страны Балтии. В противном случае Российская Федерация оставляет за собой право коренного пересмотра своей внешней политики, и в частности, курса на партнерские отношения со странами Североатлантического договора. В последующем границы балтийских государств были обозначены премьер-министром Е.А. Примаковым как “красная линия”, переходить которую блок не должен. “НАТО, — по уместному замечанию Д. Горностаева и В. Соколова, — перешла ее в другом месте, напад на Югославию. Теперь, в тот же момент, грозит нарушить этот своеобразный рубеж на главном направлении”³⁹.

Агрессия против Югославии после расширения НАТО, другие изменения в международной ситуации, положения России в мире, происшедшие за последние годы, требуют определенного осмысления и, возможно, координальной переориентации российской внешнеполитической и военной доктрины. При осуществлении усилий по поиску путей для укрепления европейского и международного мира России не помешало бы понимание того, что будущий миропорядок зависит, в том числе и от решения таких жизненно важных для нее вопросов, как перспективы интеграции в мировое хозяйство, судьба контроля над стратегическими вооружениями, будущее режимов нераспространения оружия массового уничтожения, договора о противоракетной обороне, вопросов укрепления национальной безопасности и благосостояния всех российских граждан.

¹ Вторжение немецко-фашистских войск на территорию Чехословакии произошло, как известно, 15 марта 1939 года.

² Новое время, 1988. — № 39. — С. 32.

³ Кстати, аналогичную позицию первоначально заняла Венгрия в связи с косовским конфликтом 1999 года. Румынский же парламент дал “зеленый свет” самолетам НАТО для неограниченного захода в воздушное пространство Румынии. При этом ее президент Эмиль КонстантINESКУ утверждает, что военная операция НАТО в Югославии не может рассматриваться как акт агрессии, поэтому

Румыния не нарушает двусторонний договор СРЮ о дружбе и добрососедстве от 1996 года, в котором стороны обязались не предоставлять свои территории третьим сторонам в случае совершения ими акта агрессии против одной из стран-подписантов.

⁴ Также о позиции участников мюнхенскогоговора см., например: *Несвадба Франтишек*. Сражение, проигранное без боя//Новое время. 1988. — № 39. — С. 31—32; *Фалин В.* Почему в 1939-м? Размышления о начале второй мировой войны//Новое время. 1987. — № 39. — С. 18—19; *Загладин В.* Заговор обреченных//Новое время. 1984. — № 43. — С. 17—18.

⁵ В последующем, как это общеизвестно, Бенеш капитулировал.

⁶ *Бенеш Эдуард*. Воспоминания о трагедии//Новое время. 1989. — № 11. — С. 39.

⁷ О подготовке мюнхенскогоговора см. например: *Майский И.М.* Кто помогал Гитлеру (Из воспоминаний советского посла). — М., 1962; *Матеев В.А.* Провал мюнхенской политики (1938—1939 гг.). — М., 1955; Мюнхен не повторится. — М., 1970; Мюнхенскийговор: история и современность (встреча историков). — “Международная жизнь”, 1969, № 11.

⁸ *Несвадба Франтишек*. Сражение, проигранное без боя. — С.32.

⁹ *Rothstein A.* The Munich Conspiracy. Lawrence and Wishart. — I., 1958, p. 271.

¹⁰ *Ibid.*, p. 79.

¹¹ *Ibid.*, p. 74.

¹² *Фалин В.* Почему в 1939-м? Размышления о начале второй мировой войны//Новое время. 1987. — № 39. — С. 18.

¹³ В 1939 г. профессор международного права *Квинси Райт* заявил, что упомянутое соглашение недействительно с самого начала (см.: “American Journal of International Law”, 1939, vol. 39, p. 12—32).

¹⁴ Например: *Raschhofer H.* Die Sudetenfrage vom ersten Weltkrieg bis zur Gegenwart. München, 1953: Milde de l'Accord de Munich. — “Bulletin de Droit Tchecoslovaque”, 1963, N 3, p. 151—168.

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Pisk Z., Čech J.* Smlouva o vzajemnych vztazích mezi Československou Socialistickou Republikou a Německou Spolkovou Republikou. — “Právník”, 1974, N 10, s. 913—918.

¹⁶ *Анисимов Л.Н., Мазуров В.К.* Недействительность (ничтожность) Мюнхенского соглашения//Правоведение. 1975 — # 5. — С. 82—85.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Гарантии безопасности по Статуту Лиги Наций, вып. 11. — М., 1937.

¹⁸ Следует сделать оговорку, что указанные положения в значительной степени носили формальный характер, поскольку Статут (в частности, ст. 12) допускал обращение к войне.

¹⁹ Цит. по: “Studie z mezinárodního práva”, 1969, N 13, s. 74.

²⁰ См., в частности: *Супале В., Панкратова М.* Подготовка мюнхенскогодиктата. — “Международная жизнь”, 1973, № 3, 5, 6.

²¹ О ряде аспектов мюнхенскогоговора кроме упомянутых и иных известных публикациях см. также: Lectures on the History of Munich. Delivered at the International Conference on the occasion of the 20th anniversary of Minich. Prague. 1958.

²² Работа Комиссии международного права ООН. Нью-Йорк, 1963, с. 234.

²³ *Mnichov v dokumentech*, sv. 1, Praha, 1958, s. 30—34, 62, 98.

²⁴ В нынешних условиях в этой связи ст. 49 Венской конвенции о праве международных договоров гласит: “Если государство заключило договор под влиянием обманных действий другого участвовавшего в переговорах государства, то оно вправе ссылаться на обман, как на основание недействительности своего согласия на обязательность для него договора”.

²⁵ Judgement of International Military Tribunal of the Trial of German Major War

Criminals. Numberg, 30th September and 1-st October 1946. His Majesty's Statutory Office, Cmd., 1964, p. 21.

²⁶ Туунов О.И. О сущности и элементах структуры принципа "pacta sunt servanda" // Советский ежегодник международного права. 1975, — М., 1977. — С. 120.

²⁷ Mnichov v documentech, s. 149.

²⁸ Ibid, с. 169.

²⁹ Ibid, с. 275.

³⁰ Ibid.

³¹ Подробнее об этом см., например: *Gotz J. Ke vztahum mezi CSSR a NSR. — "Nova myzel", 1973, N 10, s. 1322—1331.*

³² Договоренность о намерениях сторон, в которой зафиксировано взаимопонимание между СССР и ФРГ по ряду вопросов европейской политики, выработана в ходе переговоров, предшествовавших заключению договора между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г. (текст Договоренности см.: "Международная жизнь", 1973, № 2, с. 156—157).

³³ "Международная жизнь", 1974. — № 2. — С. 154—155.

³⁴ *Pisk Z., Čech J. Op. cit., s. 916—921.*

³⁵ Имеется в виду договор между Германией и Чехословакией о вопросах гражданства и оптации от 20 ноября 1938 г.

³⁶ См. ст. 1 Конституционного декрета Президента Республики от 3 августа 1944 г. "Об обновлении правопорядка", (см. об этом: *Pisk Z., Čech J. Op. cit., s. 917).*

³⁷ См.: *Арбатов А. НАТО — главная проблема для европейской безопасности* // Независимая газета. 1999, 16 апреля.

³⁸ См.: Независимая газета, 1999, 24 апреля.

³⁹ Там же.

Статья поступила в редакцию 20 апреля 1999 г.

**Горячо поздравляем корреспондента
"Московского журнала международного права",
студентку IV курса МГИМО (У) МИД РФ**

**ИВЕТТУ ВЛАДИМИРОВНУ
ГЕРАСИМЧУК**

с получением Первой премии на Всемирном конкурсе эссе, который проводился берлинским журналом "Lettre International" и Веймаром—99 (культурным городом Европы этого года) в содружестве с Институтом имени Гете.

Нам это особенно приятно делать, поскольку ее эссе "Словарь ветров" оказалось лучшим среди 2281 работы из 123 стран всех континентов планеты.

Как только нам предоставится возможность, мы опубликуем эту работу на страницах нашего журнала.

Премия была вручена в торжественной обстановке в Веймаре 4 декабря 1999 года.

Хроника

ОБ УЧАСТИИ МГИМО(У) МИД РФ ВО ВСЕМИРНОМ СТУДЕНЧЕСКОМ КОНКУРСЕ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ КОММЕРЧЕСКОМУ АРБИТРАЖУ ИМЕНИ В. ВИСА

27 марта — 1 апреля 1999 г. в Вене прошел шестой Всемирный студенческий конкурс по международному коммерческому арбитражу имени В. Виса, первого секретаря Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), в котором приняла участие и команда МГИМО (У) МИД РФ. Студенты МГИМО отстаивали честь института в этом соревновании уже в четвертый раз, впервые приехав на него в 1996 году.

Конкурс является моделью разбирательства, максимально приближенной к реальным условиям международного коммерческого арбитража. Команды-участницы выступают в роли представителей двух вымышленных компаний в споре, являющемся специально сформулированной сложной правовой проблемой, вытекающей из якобы заключенного между этими компаниями договора международной купли-продажи товаров. Одной из главных целей конкурса является поощрение изучения студентами международного коммерческого арбитража и права международной торговли, в особенности правовых документов, разработанных ЮНСИТРАЛ, в частности, Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года. Международный характер конкурса предполагает развитие у его участников способностей применять и толковать нормы права международной торговли, а также выработку навыков выступления перед арбитражем, в состав которого входят, как правило, представители различных правовых систем.

Конкурс состоит из двух этапов. Задачей каждой команды на первом этапе является подготовка письменных материалов. В его ходе команды последовательно составляют документы, обосновывающие позицию как истца, так и ответчика, получая тем самым возможность увидеть сущность сформулированной организаторами конкурса правовой проблемы. Последняя включает в себя вопросы материально-правового регулирования международной купли-продажи товаров, а также процессуальные аспекты международного коммерческого арбитража.

Второй этап состоит из устных разбирательств, которые в последние годы проходили на факультете права Венского университета. В качестве арбитров, оценивающих выступления команд, выступают специально приглашенные лица, которые профессионально занимаются научными и практическими проблемами права международной торговли и международного коммерческого арбитража.

Языком конкурса является английский, и письменные обоснования позиций сторон, равно как и слушания на втором этапе, проходят именно на нем, что создает достаточно большие сложности для лиц, у которых английский не является родным.

Организатором конкурса выступает Институт международного коммерческого права при факультете права Университета Пейс (Уайт Плейнс, штат Нью-Йорк, США). Конкурс проводится при содействии Американской Арбитражной Ассоциации, Международного Арбитражного Центра Федеральной экономической палаты Австрии, Международной Торговой Палаты, Лондонского международного третейского суда, ЮНСИТРАЛ и факультета права Венского университета.

За исключением полуфиналов и финала, арбитры не выносят вердикт в пользу одной из сторон проводимых слушаний: в их задачу входит только оценка основывающихся на подготовленных письменных документах выступлений команд как представителей поочередно истца и ответчика. В первую очередь оценке подлежит умение убедительно изложить сильные аргументы в отношении защищаемой позиции и квалифицированно интерпретировать в свою пользу ее неоднозначные моменты. Любопытно, что при подготовке письменных обоснований и в ходе выступлений успеваешь поверить в то, что именно та сторона, позицию которой отстаиваешь в данный момент, и должна была бы выиграть арбитражное разбирательство. Этому способствует сам подбор конкурсной проблемы. Она относится к числу достаточно часто встречающихся в арбитражной практике сложных споров, в которых одни и те же факты могут быть использованы как против одной, так и против другой стороны, и в которых выигрыш дела в очень большой степени зависит от квалификации юристов.

В 1999 году участниками команды МГИМО были студентка Института европейского права МГИМО Славина М., студенты международно-правового факультета пятикурсники Камышева Н. и Павленко Е., а также четверокурсники Леонов А. и Кашицин С. Научная, организационная и моральная поддержка команде была оказана преподавателями кафедры международного частного и гражданского права МГИМО Артемьевой Н. М. и Мурановым А.И., а также ее заведующим профессором Лебедевым С. Н. Особо хотелось бы отметить, что поездка команды в Вену во многом стала возможной благодаря поддержке ректора МГИМО Торкунова А. В. и администрации МГИМО, в очередной раз проявивших свое стремление к поддержанию престижа института как центра подготовки специалистов на уровне международных стандартов.

Участие команды студентов МГИМО в столь престижном и ответственном конкурсе стало также возможным благодаря широкой известности в международных кругах самого МГИМО и благодаря тому, что ее участники получили во время учебы в институте солидную теоретическую подготовку, прослушав включенные в его учебный план курсы лекций по международному частному праву, правовому регулированию внешнеэкономических связей, а также специальный курс "Международный коммерческий арбитраж". Наличие у студентов солидной базы теоретических знаний обеспечило успешное выполнение практических задач, возникавших во время конкурса. Наконец, языковая подготовка, которой в МГИМО постоянно уделяется особое внимание, дала нашим студентам возможность успешно участвовать в конкурсе наравне с командами из англоязычных стран.

Конкурс проводится между студенческими командами университетов разных стран мира. Его участники имеют редкую возможность еще до начала работы в качестве практикующего юриста встретиться с кол-

легами из других государств, оценить их профессиональную подготовку и подходы к решению тех или иных проблем в области права международной торговли и международного коммерческого арбитража. В частности, нельзя было не заметить разницы в особенностях арбитражного разбирательства между арбитрами из стран романо-германской правовой семьи и стран общего права. Впрочем, по словам одного из австрийских арбитров, судивших встречу с участием команды МГИМО, профессиональный почерк российских юристов также отличается своеобразием, позволяющим безошибочно определять принадлежность к определенной правовой школе. Такой получаемый участниками конкурса опыт является крайне важным для профессионального становления юриста внешнеэкономического профиля.

К сожалению, в 1999 году команде МГИМО не удалось выйти в полуфинал конкурса (всего в нем приняли участие команды 70 университетов из 38 стран). Однако и арбитры, и все те, кто имел возможность наблюдать нашу команду в действии, отмечали, что она выступала успешно. Так, средняя оценка за каждое из выступлений Славиной Маргариты и Камышевой Натальи составила соответственно 130 и 129 баллов, в то время как максимально высокой на конкурсе была оценка в 140 баллов, а средняя оценка для всех участников конкурса равнялась 120 баллам. По словам бывшего председателя Американской Арбитражной Ассоциации Роберта Калсона, являвшегося председателем состава арбитража в соревновании команды МГИМО со студентами одного из американских университетов, команда МГИМО была лучшей из всех, которые ему на конкурсе пришлось судить. Такая оценка — своего рода знак качества, подтверждающая, что подготовка студентов, обучающихся в МГИМО, позволяет им принимать участие в очень серьезных профессиональных мероприятиях на равных с учащимися таких известных западных учебных заведений как, например, Колумбийский университет (США) и Кельнский университет (Германия).

Важность участия студентов МГИМО в подобных мероприятиях тем более велика, что международный коммерческий арбитражный конкурс является не просто одной из множества обучающих программ, способствующих изучению права международной торговли. Главная его задача состоит в создании средства профессионального общения представителей различных правовых систем, через которое осуществляются обмен и взаимопроникновение современных юридических идей и методов. Именно развитие такого рода общения и способствует более глубокому взаимопониманию между юристами различных государств, формирует единые подходы к решению их профессиональных проблем, создает психологические предпосылки для сближения подчас противоположных позиций и, в конечном счете, приводит с течением времени к возникновению объективных возможностей для все более глубокой унификации правового регулирования международного коммерческого оборота. С уверенностью можно утверждать, что интеграция России в этот процесс зависит не в последнюю очередь от частоты участия российских студентов в мероприятиях, подобных всемирному студенческому конкурсу по международному коммерческому арбитражу имени В. Виса.

А. И. Муранов,
старший преподаватель кафедры международного частного
и гражданского права МГИМО (У) МИД РФ,
кандидат юридических наук

Статья поступила в редакцию в августе 1999 г.

Информация

В 1999 Г. ОТКРЫЛСЯ ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Юридическая научная библиотека на сегодняшний день является уникальным хранилищем правовой информации, охватывающей все отрасли юридической науки.

Созданная два года назад на базе крупнейшего юридического издательства “Спарк” и сохранившая строгие критерии издательства — научный подход к отбору литературы, Юридическая научная библиотека в свой “фундамент” положила частные собрания виднейших отечественных ученых. Среди них можно назвать имена Г.И. Тункина, С.Н. Братуся, Р. О. Халфиной, В. Н. Кудрявцева, С. В. Бородина и др.

Кроме этого библиотека пополнялась за счет взаимодействия с различными научными учреждениями и библиотеками. Это РГБ, РНБ, Академия МВД, библиотека Администрации Президента РФ, библиотека РАН, ВГИБЛ, ВНИИСЗ, ВНИИСЭ, ИГиП РАН, МГУ.

Многие их хранящихся в библиотеке изданий ранее имели ограниченный доступ. Это, в частности, касается книг по криминалистике и судебной экспертизе, по судебной статистике.

О широте предоставляемых возможностей можно судить по следующим цифрам: общий объем фонда библиотеки — около 80 тысяч единиц хранения. Самая ранняя из хранящихся книг “Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, направленное к употреблению основания положительной юриспруденции” Даниила Неттелбладта, была отпечатана при Императорском Московском Университете в 1771 году. Последние книжные поступления 1999 года отражают актуальные проблемы юридической науки сегодняшнего дня.

Кроме изданий на русском языке библиотека обладает богатым фондом юридической литературы на многих иностранных языках. Этот фонд постоянно пополняется и на сегодняшний день составляет примерно семь тысяч единиц хранения.

Среди книг иностранного фонда есть много изданий, имеющих в России в единственном экземпляре, например, Полное собрание материалов Гаагской академии международного права, насчитывающее более 100 томов, объем около 50 тысяч печатных страниц.

Фонды библиотеки содержат около трех тысяч рефератов кандидатских и докторских диссертаций. Тексты диссертаций представлены на микрофильмах.

Важную часть библиотеки составляют периодические издания, ох-

ватывающие период с 1895 по 1999 год. Их количество насчитывает около 30 тысяч единиц хранения и постоянно растет. Многие периодические издания представляют не только юридическую, но и библиографическую и историческую ценность. Например: "Право" — газета, выходившая с 1902 по 1917 год; журналы первых лет советской власти: "Революция права", "Государство и Революция" и др.

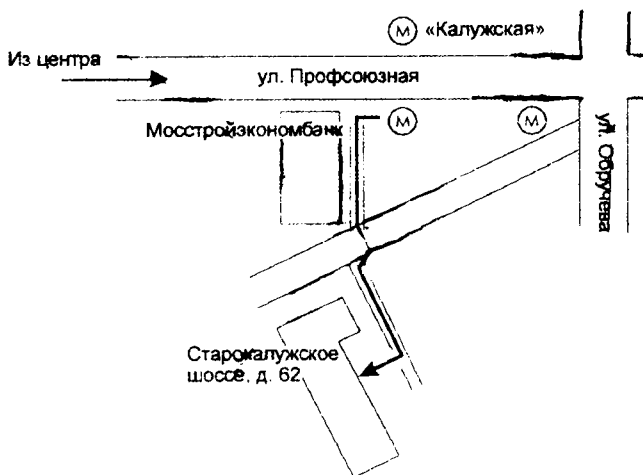
Для удобства читателей был разработан электронный каталог, обеспечивающий поиск по названию, автору, году издания, месту издания, по оглавлению книги и другие формы поиска. Периодические издания расписываются постатейно непосредственно в день их поступления. на сегодняшний день количество статей в электронном каталоге приближается к 40 000.

Для обеспечения сохранности редких дореволюционных изданий, количество которых составляет около тысячи единиц хранения, при библиотеке создана реставрационная мастерская с высокопрофессиональными специалистами.

Библиотека оказывает читателям услуги по ксерокопированию.

Библиотека предназначена для обслуживания научных работников. Для докторов юридических наук обслуживание бесплатное. Кандидаты юридических наук оплачивают 50% стоимости услуг. Для остальных читателей абонентная плата составляет 90 руб. за 1 день, 290 руб. за 1 неделю, 550 руб. за 1 месяц. Для организаций предусмотрены скидки.

Наш адрес: м. "Калужская" (последний вагон из центра), 3 минуты пешком, Старокалужское шоссе, 62. Тел 784—7218 (многоканальный)

Наши справки

НЕЗАВИСИМАЯ ИНСПЕКЦИОННАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО БАНКА РЕКОНСТРУКЦИИ И РАЗВИТИЯ (МБРР) И МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ РАЗВИТИЯ (МАР)

Независимая инспекционная комиссия (Independent Inspection Panel) является новым независимым органом, созданным Советом директоров МБРР и МАР в 1993 году с целью выработки независимого мнения по обращениям частных лиц, которые полагают, что они сами или их интересы были или могут быть прямо нарушены проектом, финансирование которого осуществляется МБРР или МАР — вместе далее в этой статье именуемых Банком.

Создание Независимой инспекционной комиссии стало одним из конкретных шагов, предпринятых МБРР и МАР за последние 10 лет с целью установления публичной отчетности и открытости в операциях Банка. Учрежденная в августе 1993 года, Инспекционная комиссия работает с августа 1994 года. Создание Инспекционной комиссии является не только шагом вперед для Банка, но также создает прецедент для других международных банков, участвующих в содействии развитию регионов.

Полномочия Инспекционной комиссии основаны на идентичных резолюциях (МБРР № 93-10 и МАР № 93-6 — далее резолюции)¹, принятых исполнительными директорами обоих учреждений. Компетенция Комиссии определена также в Правилах процедуры Комиссии² и в директиве Совета директоров, принятой в 1996 году, и дополняющей резолюции.

Комиссия уполномочена рассматривать “запросы на инспекцию” (жалобы) от лиц, понесших ущерб в результате осуществления проектов, финансируемых Банком, включая жалобы о нарушении банковской политики, процедур и соглашений о займах. Запрос могут осуществлять двое или более пострадавших лиц, проживающих в стране, получившей кредит от Банка. Они должны доказать, что их права или интересы были (или будут) прямо нарушены в результате осуществления проектов, финансируемых Банком, включая нарушения банковской политики и процедурные нарушения. Лица, осуществляющие запрос также должны указать, что они сообщили о подобных нарушениях руководству Банка, и руководство не ответило им должным образом. Лица, подающие

жалобу, могут быть представлены местными неправительственными организациями, действующими в стране их проживания, а в исключительных случаях — международными неправительственными организациями.

В особых случаях “серьезных преднамеренных нарушений” исполнительный директор Банка также может обратиться в Комиссию.

Комиссия состоит из трех членов, которые назначаются Исполнительными директорами на пятилетний срок и, в целях объективности принимаемых ими решений, не могут в дальнейшем работать в структурах Банка. Они могут быть переизбраны более чем на один срок. Основными критериями при выборе членов Комиссии является их умение независимо и добросовестно выполнять свои обязанности, наличие продолжительного опыта работы в Банке и знание специфики развивающихся стран.

Комиссия располагает секретариатом, руководство которым осуществляет Исполнительный секретарь. В его компетенцию входит оказание административной поддержки председателю и членам Комиссии. Такая помощь включает в себя, в частности, процедурное оформление запросов, рассмотрение запросов о предоставлении информации, проведение консультаций Комиссией как с Банком, так и за его пределами.

Структура Инспекционной комиссии и ее деятельность подлежат дальнейшим изменениям и будет развиваться в ходе приобретения Инспекционной комиссией опыта работы, поэтому роль ее деятельности несомненно будет возрастать. Метод функционирования, которым в настоящее время руководствуется Инспекционная комиссия, опирается на Правила процедуры, которые ее члены разрабатывают с целью реализации резолюций Совета директоров, учредившего Комиссию.

Механизм функционирования можно разделить на несколько стадий. Когда Комиссия получает “запрос на инспекцию” по финансируемому Банком проекту от пострадавших лиц в районе осуществления проекта, предпринимаются следующие шаги:

— Комиссия посылает запрос в Правление Банка, которое готовит ответ на заявление и передает его обратно в Комиссию.

— Комиссия проводит предварительное изучение запроса, независимую оценку содержания ответа Правления Банка и дает рекомендации Директорату Банка, относительно необходимости проведения расследования по такому запросу.

— Если Директорат поддерживает предложение Комиссии о проведении расследования, то Комиссия проводит такое расследование.

— После окончания расследования Комиссия представляет свои выводы в Директорат и Правление Банка. Правление Банка в течение недели представляет Директорату свои рекомендации о мерах, если такие требуются, которые следует предпринять в ответ на выводы Комиссии по проведенному расследованию.

— Основываясь на выводах Комиссии и рекомендациях Правление Банка, Директорат принимают окончательное решение о том, какие меры будут предприняты.

В ходе осуществления данного процесса правление Банка предоставляет Комиссии неограниченный доступ к информации по рассматриваемому запросу, передает иную необходимую документацию. Комиссия, в свою очередь, продолжает поддерживать контакты с заявителями и в случае необходимости может просить их предоставить дополнительные пояснения или информацию, необходимую для рассмотрения такого

заявления. Члены Комиссии посещают районы, где осуществляется проект, с которым связано рассмотрение претензий к Банку. Кроме того, в случае необходимости, они проводят встречи с персоналом и управленцами Банка. Вся поступающая в Комиссию информация и переписка подлежит рассмотрению.

Порядок осуществления запроса конкретизируется в Правилах процедуры Комиссии с приведением образцов таких заявлений.³ Минимальные требования, предъявляемые к содержанию запроса, сводятся к следующему:

- отправители запроса должны проживать или представлять людей в районе осуществления проекта Банка;

- должно быть указано, что им нанесен или может быть нанесен ущерб в ходе осуществления проекта;

- они должны полагать, что ущерб причиняется в результате ошибок Банка в проводимой им политике и применении процедур;

- запрос должен содержать информацию о том, что заявители уже обращались в правление Банка, но не были удовлетворены его реакцией.

Комиссия приступила к работе в августе 1994 года. Из пяти первых поступивших запросов было проведено два расследования по проектам, осуществляемым Банком в Непале и Бразилии. Общественность этих стран долгое время выступала с критикой некоторых аспектов проектов Банка, и вмешательство Инспекционной комиссии в качестве независимого органа способствовало направлению такой критики в конструктивное русло и привело к внесению необходимых поправок и корректировок в проекты при участии всех заинтересованных сторон. По этим двум проектам независимое расследование Комиссии четко показало возможность нанесения морального ущерба физическим лицам на местном уровне. Тем не менее, Комиссия встретила с непредвиденными сложностями в установлении размера ущерба заявителей.

Возникают сложности и с формой представляемых в Комиссию запросов. В практическом плане форма предоставленных ранее запросов отличалась необычайной сложностью юридических формулировок, включая анализ политики Банка и его процедур. Предоставление подобных запросов было дорогим и сложным процессом, отнимающим много времени, и необязательно фокусировалось на том, что в первую очередь требовалось знать Комиссии. Комиссия в настоящее время стремится к упрощению формы и содержания заявлений. В будущем она будет рассматривать и простые письма заявителей, содержащие фактическую информацию.

Одним из наиболее интересных аспектов является роль Совета директоров Банка в работе Инспекционной комиссии. Комиссия была создана в период активных выступлений международной общественности, направленных на придание Банку большей открытости, а также давления Конгресса США, который требовал принять конкретные меры для усиления отчетности Банка. В Совете директоров велись напряженные дискуссии относительно необходимости создания Комиссии. В то время, как большинство членов Совета директоров из стран-кредиторов Банка поддерживало ее создание, некоторые Исполнительные директора из стран-получателей кредитов и помощи со стороны Банка выступали против этого, так как полагали, что Комиссия будет вмешиваться во внутренние дела государств и помешает осуществлению важных проектов. В результате этого Комиссия с самого начала была сильно политизирована. В то время как одни Исполнительные директора поддерживали Комиссию, другие продолжали ее критиковать и препят-

ствовали проведению расследований. Такая политизация работы Комиссии ограничивает и по сей день ее независимость, поскольку приводит к задержкам в процессе расследования.

Тем не менее, уже отчет 1996 года о деятельности Комиссии за два года показал, что было достигнуто согласие между Исполнительными директорами, которые поддерживали работу Комиссии и ее существующую структуру. Было решено не принимать новых резолюций, а внести некоторые уточнения в уже существующие путем принятия директивы.

Наиболее важным изменением стала возможность Комиссии продлить срок предварительного расследования до восьми недель путем направления простого уведомления Директорату о том, что требуется дополнительное время для проверки обоснованности запроса.⁴

Учреждение Комиссии представляет собой определенный прогресс в области международного права, так как впервые международный финансовый орган стал практически напрямую подотчетен гражданам, которым был причинен ущерб в результате финансирования проектов Банком. Инспекционная комиссия может также служить моделью для участия граждан в том или ином качестве в других международных организациях, например таких как Всемирная торговая организация.

В заключении следует отметить, что тенденции развития данного инспекционного механизма ясно свидетельствуют о том, что значение деятельности Комиссии с каждым годом будет возрастать, и ее роль при формировании различных проектов заметно увеличится. Не так давно мне удалось встретиться с заместителем Исполнительного директора России в МБРР Н.А. Субботиным по вопросу о наиболее актуальных аспектах развития Банка, политики реформирования и адаптации его деятельности к современным условиям. В ходе состоявшегося разговора было особо подчеркнуто, что руководство Всемирного банка придает особое внимание деятельности данной Комиссии. Несмотря на определенные неудобства, возникающие в результате, по сути дела, вмешательства Комиссии в деятельность, осуществляемую Банком в рамках проводимых им проектов, в самом Банке широко распространено мнение, что деятельность Комиссии является необходимой и полезной как для оптимизации деятельности МБРР и МАР, так и для проводимого Всемирным банком курса политики открытости и доступности информации о его деятельности.

Как представляется, и нашей стране необходимо своевременно принять во внимание создание данного органа и планировать финансируемые Банком проекты таким образом, чтобы они приносили пользу не только государству в целом, но и учитывали интересы отдельных граждан.

К.Ю. Федотов
Атташе МИД России,
аспирант Московской юридической академии

¹ Resolutions of the Executive Directors Establishing the Inspection Panel: Resolution IBRD 93-10, Resolution IDA 93-6 "The World Bank Inspection Panel".

² Operating procedures as adopted by the Panel on August 19, 1994.

³ Model form: Request for Inspection, Operating Procedures.

⁴ "The World Bank Inspection Panel: a three year review", Lori Udall, Bank Information Center, 1997.

Документы

РАЗВИТИЕ ДОГОВОРНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1998 ГОДА: НОВЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ (Комментарий)

В 1998 году продолжалось активное развитие договорно-правовой базы отношений России с зарубежными партнерами — как традиционными, в том числе государствами СНГ, так и относительно новыми.

1. В ходе визита в Москву 26—28 января Президента Македонии, первого контакта на таком уровне между нашими странами, членами официальной делегации были подписаны два соглашения, явившихся серьезным дополнением набора ранее подписанных документов, регулирующих двустороннее сотрудничество¹.

Соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах является серьезным и объемным документом, направленным на повышение эффективности взаимодействия таможенных служб двух государств в целях борьбы с нарушениями таможенного законодательства, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, обеспечения правильного взимания импортных и экспортных пошлин и налогов.

Статья 2 Соглашения, определяющая его сферу действия, предусматривает, что Договаривающиеся Стороны оказывают друг другу содействие в предотвращении и расследовании нарушений таможенного законодательства, а также в наказании за их совершение, принимают меры по облегчению и ускорению пассажирского и грузового сообщения, сотрудничают в области исследования, разработки и испытания новых таможенных процедур, обучения кадров, обмена специалистами, стремятся к гармонизации и унификации таможенных систем. При этом специально оговаривается, что вступление Соглашение в силу не ограничит уже сложившуюся практику оказания взаимной помощи в таможенных делах.

Согласно части 1 Статьи 4 таможенные службы России и Македонии принимают по взаимному согласию меры по упрощению таможенного

оформления в целях облегчения и ускорения перемещения товаров и пассажиров.

Статьи 5, 6 и 7 определяют конкретный порядок осуществления сотрудничества между таможенными службами. В частности, они обязуются по запросу или по собственной инициативе проводить наблюдение за перемещением лиц, известных или подозреваемых в совершении нарушений таможенного законодательства, средств транспорта, за местами для хранения товаров. Стороны могут использовать метод контролируемой поставки незаконных товаров и предметов в целях выявления лиц, занимающихся их оборотом. Специальные меры устанавливаются в целях пресечения незаконного перемещения оружия и боеприпасов, ядовитых веществ, предметов старины и искусства, представляющих значительную историческую, художественную или археологическую ценность.

В соответствии со Статьей 12 таможенные службы уполномочиваются проводить официальные расследования по фактам нарушения таможенного законодательства другой Договаривающейся Стороны.

В Соглашение (Статья 16) включена следующая оговорка: в тех случаях, когда таможенная служба считает, что выполнение запроса может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или любым другим существенным интересам ее государства, она может частично или полностью отказать в содействии. Об этом должна быть незамедлительно информирована другая сторона.

Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды направлено на установление долгосрочного сотрудничества в области экологии и рационального использования природных ресурсов².

Статьей предусматривается, что сотрудничество будет осуществляться по нескольким направлениям, включая нормативно-правовое регулирование деятельности по охране окружающей среды, мониторинг окружающей среды и оценку влияния хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и здоровье населения, реабилитацию загрязненных территорий, охрану и улучшение состояния окружающей среды в городах и населенных пунктах, экологическое воспитание, образование и просвещение.

Для координации деятельности по реализации Соглашения Стороны создают Смешанную Российско-Македонскую комиссию по сотрудничеству в области охраны окружающей среды, которая будет проводить свои заседания не реже одного раза в год поочередно в России и Македонии. Задача Комиссии — разрабатывать и утверждать программы сотрудничества и давать рекомендации по их реализации. намечается развивать прямые связи между учреждениями, предприятиями и организациями обоих государств, деятельность которых связана с охраной окружающей среды.

31 марта состоялся также первый в истории визит в Российскую Федерацию Президента Намибии. Во время его визита была подписана **Совместная Декларация о принципах отношений между Российской Федерацией и Республикой Намибия**, закрепляющая основополагающие принципы взаимодействия между двумя странами.

В Декларации говорится, что Стороны будут воздерживаться от действий, наносящих ущерб интересам безопасности друг друга, и урегулировать любые споры, которые могут возникать между ними, мирными средствами.

Стороны (пункт III) считают важным развитие многостороннего диалога и взаимодействие в укреплении международного мира и безопасности, предотвращении и мирном урегулировании конфликтов и обеспечении стабильности, в частности на Юге Африки и на Африканском континенте в целом.

Предусматривается развитие сотрудничества в обеспечении экологической безопасности, обмен опытом в рациональном использовании природных ресурсов, проведение мероприятий по охране и восстановлению окружающей среды.

Отдельными пунктами Декларации запланировано развитие межмидовского и межпарламентского сотрудничества, а также взаимодействия по военной линии. Пункты XII, XIII и XIV намечают совместные шаги в торгово-экономической и научно-технической области, в сфере культуры, образования, здравоохранения, спорта, средств массовой информации.

Не являясь по своему характеру международным договором, Совместная Декларация содержит широкую программу действий двух государств в договорно-правовой сфере. При этом они будут исходить из пункта XV, гласящего, что в целях реализации положений декларации будут заключаться отдельные Соглашения.

Аналогичного характера документ был подписан в ходе визита в Москву 22—24 июня Президента Анголы Ж. Э. Душ Сантуша. Декларация об основах дружественных взаимоотношений и сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Ангола подтверждает приверженность основным положениям Советско-ангольского Договора о дружбе и сотрудничестве, подписанного в 1976 году.

Специальный акцент в Декларации сделан на совершенствовании торгово-экономического взаимодействия. Подчеркивается, что Стороны будут способствовать установлению и развитию деловых связей и контактов между российскими и ангольскими гражданами и юридическими лицами, частнопредпринимательскими и государственными структурами, осуществлению совместных проектов между предприятиями, торгово-промышленными палатами, ассоциациями и профессиональными организациями.

Стороны обязуются принять меры, направленные на упрощение процедур, в том числе касающихся выдачи виз, с тем, чтобы способствовать взаимным поездкам своих граждан с деловыми, культурными, научными и частными целями.

Из формулировок документа (в отличие от Совместной Декларации с Намибией в нем не содержится ссылки на необходимость заключения отдельных соглашений), вытекает, что мы имеем дело с квази-международным договором, что предполагает прямое действие ряда его норм.

II. Солидными выглядят и результаты, достигнутые в 1998 году в

договорно-правовой сфере с традиционными зарубежными контрагентами России.

Премьер-министр **Люксембурга**, находившийся с визитом в Москве 26—28 января, подписал **Соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения, медицинской науки и медицинской промышленности**, предусматривающие расширение сотрудничества в различных областях медицины. Согласно Статье 5 учреждается Совместная комиссия, отвечающая за практическое выполнение совместных проектов.

Во время визита президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в Италию 9—11 февраля подписано шесть документов. **План действий в отношениях между Российской Федерацией и Итальянской Республикой** представляет собой широкую программу совершенствования сотрудничества в различных областях.

В рамках расширения политического сотрудничества предусмотрено проводить по крайней мере два раза в год встречи Министров иностранных дел двух стран, заместителей министров, а также периодические консультации на уровне руководителей департаментов. Особое внимание Стороны уделят консультациям по вопросам деятельности ООН, безопасности, урегулирования кризисных ситуаций, включая Балканы и Ближний Восток, борьбы с организованной преступностью и международным терроризмом.

Отмечая благоприятные предпосылки для наращивания сотрудничества в экономической, промышленной и финансовой областях, Стороны обязались предпринимать все возможные усилия для его углубления и диверсификации. Они высказались за качественное изменение структуры взаимной торговли путем увеличения товарообмена наукоемкой продукцией, в том числе в таких отраслях, как авиатехника, космос, телекоммуникации, почтовая связь, конверсия оборонных предприятий. Стороны согласились взаимодействовать в развитии транспортной инфраструктуры, соединяющей Российскую Федерацию и Итальянскую Республику.

Констатируя наличие прочного фундамента для наращивания потенциала сотрудничества в научно-технической сфере, Стороны считают что к его приоритетным направлениям будут относиться фундаментальные и прикладные исследования в области источников энергии, новых материалов, космоса, информатизационных технологий и вычислительной техники, экологии.

Отмечается стремление Сторон придать больший динамизм структурной эволюции двусторонних культурных связей с тем, чтобы они охватывали все общество.

Подчеркивается, что План действий не носит исчерпывающего характера и по мере необходимости в него могут вноситься дополнения и изменения.

Соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования, имеющее рамочный характер, предусматривает проведение гастролей театральных и музыкальных коллективов, проведение выставок, развитие контактов в области кинематографии и кинопроизводства, установление и развитие контактов между творческими союзами и специалистами в различных областях искусства.

В соответствии со Статьей 3 Стороны будут содействовать учреждению и деятельности Российского центра науки и культуры в Риме и Итальянского института культуры в Москве.³ Для выполнения Соглашения Стороны создают Смешанную комиссию, заседания которой будут проводиться поочередно в Москве и Риме.

Протокол о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики в области двустороннего технического сотрудничества на 1998—99 годы имеет целью профессиональную подготовку управленческих кадров в таких областях, как приватизация и конверсия, менеджмент, развитие малых и средних предприятий, строительство, сельское хозяйство и т. п.

Заключены также **Соглашение о сотрудничестве и взаимной административной помощи в таможенных делах** (во многом аналогичное подписанному с Македонией), **Соглашение по космосу** и **Соглашение по энергетике**.

9—12 марта в Вашингтоне состоялось юбилейное (пятое) заседание Российско-Американской Комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству. В этой связи сопредседатели Комиссии — Председатель Правительства Российской Федерации и Вице-президент соединенных Штатов Америки подписали **Совместный Доклад**, подводящий пятилетние итоги работы Комиссии и формулирующий планы на будущее, в том числе содержащий конкретные обязательства сторон.

В Докладе констатируется, что за истекшие пять лет российско-американское сотрудничество в экономической и технологической сферах стало весомым фактором укрепления партнерских отношений между Россией и США, обеспечения их устойчивости, предсказуемости и преемственности. Круг рассматриваемых Комиссией вопросов сегодня охватывает области космоса, ядерной и неядерной энергетики, науки и технологии, экологии, агропромышленного комплекса, здравоохранения, развития делового сотрудничества, фондовых рынков. Зримым итогом деятельности Комиссии стало подписание или принятие более 200 межправительственных и межведомственных документов, охватывающих все сферы и направления российско-американского сотрудничества.

Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов посетил Москву 5—7 мая. Президенты Российской Федерации и Республики Узбекистан подписали **Совместное заявление**, в котором подчеркнули наличие реальных возможностей все более динамичного наращивания многопланового сотрудничества между двумя странами в русле стратегического партнерства. Правительствам двух стран (пункт 2) поручено подготовить Соглашение об углублении экономического сотрудничества между Россией и Узбекистаном сроком на десять лет и соответствующую Программу действий.

Особый акцент в Совместном заявлении делается на сотрудничестве в области производства и реализации авиационной техники, включая самолеты ИЛ-114, ИЛ-76МФ и АН-70.

В пункте 7 документа выражается принципиальная приверженность России и Узбекистана как государств-гарантов Общего соглашения об

установлении мира и национального согласия в Таджикистане продвижению этой страны по пути строительства правового, демократического, светского государства.

В Соглашении о статусе корреспондентов средств массовой информации Российской Федерации в Республике Узбекистан и корреспондентов средств массовой информации Республики Узбекистан в Российской Федерации содержится обязательство сторон (Статья 3) содействовать тому, чтобы корреспонденты получали и распространяли объективную информацию о политической, социально-экономической и культурной жизни государства аккредитации. В соответствии со Статьями 4, 6 и 7 для корреспондентов обеспечивается свободный доступ к официальным источникам информации, соблюдение права на конфиденциальность источника информации, свобода передачи материалов без какой-либо цензуры, а также свобода передвижения и действия на территории России и Узбекистана.

Соглашение об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров предусматривает учреждение Российского центра науки и культуры в Ташкенте и Информационного культурно-просветительского центра Республики Узбекистан в Москве. Стороны имеют возможность открывать филиалы центров в других городах. К визиту в Москву 25—29 мая короля **Норвегии** было приурочено подписание четырех двусторонних договоров.

Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступностью регулирует вопросы взаимодействия между двумя странами в борьбе с такими преступлениями, как терроризм, незаконный оборот наркотиков и оружия, контрабанда, отмывание доходов от преступной деятельности, незаконная иммиграция, торговля людьми, экономические преступления, хищения автотранспортных средств. Соглашением предусматривается обмен информацией и совершение иных действий соответствующими компетентными органами. Вопросы оказания правовой помощи по уголовным делам или выдачи не затрагиваются (пункт 4 Статьи 1).

Целью **Соглашения о научно-техническом сотрудничестве** является осуществление совместной деятельности в этой области, включая проведение встреч и совещаний экспертов, обмен информацией, учеными и экспертами, реализация совместных проектов и программ. Имеется в виду (Статья 3) наладить прямые контакты между государственными организациями, академиями наук, университетами, научными учреждениями и частными фирмами обеих стран. Согласно Статье 9 с целью эффективного выполнения Соглашения Стороны образуют рабочую группу по научно-техническому сотрудничеству.

Подписаны также **Соглашение по ядерной и радиационной безопасности** и **Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды** в связи с утилизацией российских подводных лодок.

Во время пребывания в Москве 24—28 июня Президента Аргентины К. Менема подписан базовый рамочный договор, регулирующий отношений двух стран — **Соглашение об основах отношений между Российской Федерацией и Аргентинской Республикой**.

Статья 3 предусматривает регулярный диалог на уровне высшего политического руководства по основным вопросам двусторонних и международных отношений, осуществление обмена опытом в области проведения в обеих странах внутренних преобразований.

В Статье 6 содержится обязательство Сторон руководствоваться действующими резолюциями ГА ООН, призывающими к разрешению спора о суверенитете над Фолклендскими (Мальвинскими) островами.

Статьи 9, 12, 13 и 14 декларируют общие принципы развития двусторонних отношений в экономической, военной, культурной областях, в вопросах защиты прав человека.

Соглашение о воздушном сообщении, построенное по образцу аналогичных договоров России с другими странами и на основе положений Чикагской Конвенции о международной гражданской авиации 1944 года, регулирует порядок установления и эксплуатации воздушных линий, оплаты сборов и платежей за пользование аэропортами, транзита пассажиров и багажа, обеспечения авиационной безопасности, обмена информацией.

В ходе визита К. Менема подписаны также типовое **Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений**⁴ и **Программа обменов в области культуры и образования на 1998—1999 годы**.

Полугодие завершилось визитом в Москву Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева (6—7 июля). По его итогам были подписаны крупные, масштабные документы, свидетельствующие о достижении нового этапа углубленного партнерства между Россией и Казахстаном.

Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о вечной дружбе и союзнничестве, ориентированном в XXI столетие⁵ подтверждает стремление двух государств к всестороннему сотрудничеству, сближению и интеграции.

Согласно Декларации, Российская Федерация и Республика Казахстан будут совместно принимать все доступные им меры для устранения угрозы или противодействия актам агрессии против них со стороны любого государства или группы государств и в случае необходимости окажут друг другу соответствующую помощь, включая военную.

Важным обязательством, направленным на обеспечение прав граждан обеих государств, является проведение ими согласованной социальной политики, поэтапное выравнивание уровней пенсионного обеспечения, пособий и льгот. Эту же цель преследует положение о том, что этнические русские, проживающие в многонациональной Республике Казахстан, и этнические казахи, проживающие в многонациональной Российской Федерации, являются одним из факторов сближения двух стран, прочности российско-казахстанских отношений на стратегическую перспективу. Предусматривается создание совместных учебных заведений (Русско-Казахского Университета и Казахско-Русского Университета, а также гимназий).

В пункте 5 Совместного заявления Президентов Российской Федерации и Республики Казахстан подтверждается важность дальнейшего использования космодрома “Байконур” в интересах России и Казахстана, всех государств СНГ и других стран, прогресса мировой науки. Президенты

высказались также за развитие и углубление двустороннего сотрудничества в области ядерной энергии.

В пункте 7 отмечается значение упорядочения режима на совместной границе, необходимости постепенного проведения ее делимитации при том понимании, что она была и останется границей дружбы, добрососедства и сотрудничества.

Подтверждается приверженность двух государств повышению динамики и эффективности деятельности Содружества Независимых Государств, успешному проведению Специального Межгосударственного форума по совершенствованию СНГ и его реформированию.

Важным вкладом в договорное урегулирование между двумя государствами вопросов защиты прав и свобод человека является **Соглашение о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев.**

В соответствии со Статьей 1 Стороны признают недопустимым любое принуждение лиц к переселению. Статьей 6 гарантируется право переселенцев и членов их семей вывезти из государства выезда все движимое имущество, находящееся в личной собственности, переводить денежные вклады и активы в банковские учреждения государства въезда.

Статья 9 обеспечивает защиту Сторонами переселенцев от любых действий в форме насилия, угроз и запугивания, а также иных действий по признаку пола, расы, языка, религии и убеждений, политических или иных взглядов, национального, этнического или социального происхождения, экономического, имущественного и семейного положения.

Статьями 10—11 предусматриваются меры по освобождению переселенцев от ограничений на ввоз и вывоз личного имущества, налогов и сборов на вывозимые и переводимые денежные средства, содействию в аренде, найме, приобретении и строительстве жилья.

А. И. Лебедев,
кандидат исторических наук

¹ С 1993 по 1997 год было подписано одиннадцать двусторонних российско-македонских договоров, главным образом по вопросам торгово-экономического сотрудничества. (Напомним, что Россия была в числе первых государств, признавших Македонию как самостоятельное государство).

² Македония является одним из немногих государств, с которыми Россия заключила соглашение такого характера.

³ Эти центры будут созданы на основе отдельного соглашения.

⁴ Подобные соглашения уже заключены Россией с большинством важнейших торговых партнеров.

⁵ По мнению авторов, несмотря на политический характер этого документа, он содержит многие обязательства, характерные для международных договоров.

Материал поступил в редакцию в июне 1999 г.

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Македония о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах

Правительство Российской Федерации и Правительство Республики Македония, именуемые в дальнейшем Договаривающимися Сторонами,

исходя из того, что нарушения таможенного законодательства наносят ущерб экономическим, налоговым, торговым и социальным интересам их стран,

учитывая важность обеспечения точного исчисления таможенных пошлин, налогов и других сборов, взимаемых при импорте или экспорте товаров, а также надлежащего выполнения условий запрета, ограничения и контроля,

считая, что усилия по предотвращению нарушений таможенного законодательства и по обеспечению правильного взимания импортных и экспортных пошлин и налогов могут стать более эффективными благодаря сотрудничеству между их таможенными службами,

принимая во внимание, что незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров представляет опасность для здоровья граждан и общества,

принимая во внимание Рекомендацию Совета таможенного сотрудничества о взаимном административном содействии от 5 декабря 1953 года,

принимая во внимание положения Единой конвенции о наркотических средствах от 30 марта 1961 года, Конвенции о психотропных веществах от 21 февраля 1971 года и Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 года,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Определение терминов

Понятия, используемые в настоящем Соглашении, означают:

а) "таможенное законодательство" — совокупность нормативных правовых актов, применяемых таможенными службами, и касающихся ввоза, вывоза и транзита товаров, относящихся либо к таможенным пошлинам, налогам и другим сборам, либо к мерам по запрету, ограничению или контролю;

б) "нарушение" — любое нарушение таможенного законодательства, а также любую попытку нарушения этого законодательства;

в) таможенные службы";

в Российской Федерации — Государственной таможенный комитет Российской Федерации;

в Республике Македония — Таможенное управление Республики Македония.

Статья 2

Сфера действия Соглашения

Договаривающиеся Стороны через свои таможенные службы в соответствии с условиями настоящего Соглашения;

а) оказывают друг другу взаимное содействие в предотвращении и расследовании нарушений таможенного законодательства, а также в наказании за их совершение;

б) принимают меры по облегчению и ускорению пассажирского и грузового сообщения;

в) по запросу оказывают друг другу взаимное содействие в предоставлении информации для использования в целях применения и соблюдения таможенного законодательства;

г) предпринимают меры для осуществления сотрудничества в области исследования, разработки и испытаний новых таможенных процедур, обучения кадров, обмена специалистами, а также по другим вопросам, которые могут потребовать их совместных действий;

д) стремятся к гармонизации и унификации таможенных систем, к усовершенствованию таможенной техники, а также к решению вопросов, связанных с применением и соблюдением таможенных правил.

2. Содействие, которое предусматривается в подпунктах а) и в) пункта 1 настоящей статьи, может быть оказано с целью использования в любых судебных или административных разбирательствах.

3. Содействие в рамках настоящего Соглашения осуществляется в соответствии с законодательством, действующим на территории государства запрашиваемой таможенной службы и в пределах ее компетенции и возможностей.

4. Условия настоящего Соглашения не будут истолкованы таким образом, что их применение ограничит практику оказания взаимной помощи, существующую в настоящее время между Договаривающимися Сторонами.

Статья 3

Формы сотрудничества и взаимной помощи

Таможенные службы по собственной инициативе или по запросу:

а) передают друг другу всю необходимую информацию согласно положениям настоящего Соглашения;

б) обмениваются опытом, касающимся их деятельности, и информацией о новых средствах и методах совершения нарушений таможенного законодательства;

в) сообщают друг другу о существенных изменениях их таможенного законодательства, о применяемых ими технических средствах контроля и методах их использования, а также обсуждают другие вопросы, представляющие взаимный интерес.

Статья 4

Упрощение таможенных формальностей

1. Таможенные службы принимают по взаимному согласованию необходимые меры по упрощению таможенного оформления в целях облегчения и ускорения перемещения товаров и пассажиров между территориями государств обеих Договаривающихся Сторон.

2. Таможенные службы могут по взаимному согласованию признавать принимаемые единообразные бланки таможенных документов на русском и македонском языках.

Статья 5

Наблюдение за лицами, товарами и средствами транспорта

Таможенная служба одной Договаривающейся Стороны по собственной инициативе или по запросу таможенной службы другой Договаривающейся Стороны проводит наблюдение за:

а) перемещениями, в частности, въездами на территорию ее государства и выездами с нее лиц, известных или подозреваемых в совершении нарушений таможенного законодательства государства другой Договаривающейся Стороны;

б) перемещениями товаров и средств платежа, определяемым таможенной службой другой Договаривающейся Стороны как приводящие к существенному незаконному перемещению на территорию ее государства или с нее либо вызывающие подозрение в этом;

в) любыми средствами транспорта, включая контейнеры, о которых известно, что они используются с целью нарушения таможенного законодательства, дей-

ствующего на территории государства другой Договаривающейся Стороны, или в отношении которых имеется подозрение в этом;

г) местами, используемыми для хранения товаров, которые могут стать предметом существенного незаконного ввоза на территорию государства другой Договаривающейся Стороны.

Статья 6

Контролируемая поставка

1. Таможенные службы Договаривающихся Сторон могут, в соответствии с национальным законодательством их государств и по взаимной договоренности, использовать метод контролируемой поставки незаконных товаров и предметов, наркотических средств и психотропных веществ в целях выявления лиц, вовлеченных в незаконный оборот этих товаров, предметов, наркотических средств и психотропных веществ.

2. Незаконные партии, контролируемые поставки которых осуществляются в соответствии с достигнутыми договоренностями, с согласия обеих таможенных служб Договаривающихся Сторон могут быть перехвачены и оставлены для дальнейшей перевозки с сохранением или изъятием, полной или частичной заменой незаконной партии.

3. Решение об использовании контролируемых поставок принимаются таможенными службами Договаривающихся Сторон в каждом отдельном случае и могут при необходимости учитывать договоренности по финансовым вопросам и порядку их осуществления.

Статья 7

Борьба с незаконным оборотом товаров, имеющих особо важное значение

Таможенные службы Договаривающихся Сторон незамедлительно передают друг другу по собственной инициативе или по запросу всю необходимую информацию об установленных действиях, готовящихся или совершенных, которые нарушают или могут нарушить таможенное законодательство, действующее на территории государства одной из Договаривающихся Сторон в области:

а) перемещения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств;

б) перемещение предметов старины и искусства, представляющих значительную историческую, художественную, или археологическую ценность для одной из Договаривающихся Сторон;

в) перевозки ядовитых веществ, радиоактивных материалов, а также веществ, представляющих опасность для окружающей среды и здоровья людей;

г) перемещения товаров, облагаемых высокими таможенными пошлинами или налогами;

д) перемещение товаров, имеющих особо важное значение, и стратегических товаров, которые подвергаются нетарифным ограничениям в соответствии с перечнями, согласованными таможенными службами Договаривающихся Сторон.

Статья 8

Предоставление информации

1. Таможенные службы Договаривающихся Сторон предоставляют друг другу по собственной инициативе или по запросу всю информацию, которая может помочь в обеспечении:

а) взимания таможенными службами таможенных пошлин, налогов и других сборов и, в частности информацию, которая может помочь в правильной оценке таможенной стоимости товаров и установления их тарифной классификации;

- б) соблюдения запретов и ограничений по ввозу, вывозу и транзиту или предоставления освобождения от таможенных пошлин, налогов и других сборов.
- в) применения национальных правил происхождения товаров.
2. В случае, если запрашиваемая таможенная служба не располагает запрашиваемой информацией, она примет меры к получению этой информации, действуя от собственного имени в соответствии с национальным законодательством своего государства.

Статья 9

Информация о перемещении товаров

Таможенная служба одной Договаривающейся Стороны по собственной инициативе или по запросу представляет таможенной службе другой Договаривающейся Стороны следующую информацию:

а) были ли товары, ввезенные на территорию государства запрашивающей Договаривающейся Стороны, законно вывезены с территории государства другой Договаривающейся Стороны;

б) были ли товары, вывезенные с территории государства запрашивающей Договаривающейся Стороны, законно ввезены на территорию государства другой Договаривающейся Стороны;

Статья 10

Информация о других действиях

Таможенная служба одной Договаривающейся Стороны по собственной инициативе или по запросу предоставляет таможенной службе другой Договаривающейся Стороны всю информацию, которая может быть использована ею в связи с нарушениями таможенного законодательства, действующего на территории государства этой другой Договаривающейся Стороны, в частности, касающуюся:

а) физических и юридических лиц, известных или подозреваемых в нарушении таможенного законодательства, действующего на территории государства другой Договаривающейся Стороны;

б) товаров, которые известны как предметы значительного незаконного перемещения или вызывают подозрение в этом;

в) средства транспорта, включая контейнеры, о которых известно, что они используются при нарушениях таможенного законодательства, действующего на территории государства другой Договаривающейся Стороны, или в отношении которых имеется подозрение в этом.

Статья 11

Документы

1. Таможенная служба одной Договаривающейся Стороны по собственной инициативе или по запросу предоставляет таможенной службе другой Договаривающейся Стороны акты, свидетельские показания или заверенные копии документов, содержащие всю имеющуюся информацию, касающуюся действий, готовящихся или совершенных, которые приводят или могут привести к нарушению таможенного законодательства, действующего на территории государства другой Договаривающейся Стороны.

2. Вместо документов, предусмотренных настоящим Соглашением, для тех же целей может быть передана в любой форме компьютеризованная информация. Одновременно должны быть переданы все сопутствующие материалы, необходимые для толкования или использования этой информации.

3. Подлинники документов могут быть запрошены лишь в случаях, когда предоставления заверенных копий недостаточно.

4. Подлинники документов, полученные от таможенной службы другой До-

говаривающейся Стороны, должны быть возвращены при первой же возможности.

Статья 12

Расследования

1. По получении запроса таможенной службы одной Договаривающейся Стороны таможенная служба другой Договаривающейся Стороны проводит официальные расследования в отношении действий, которые противоречат или могут противоречить таможенному законодательству, действующему на территории государства запрашивающей таможенной службы. Результаты такого расследования передаются запрашивающей таможенной службе.

2. Такие расследования проводятся в соответствии с законодательством, действующим на территории государства запрашиваемой таможенной службы. Запрашиваемая таможенная служба проводит расследование, действуя от своего собственного имени.

3. Должностные лица таможенной службы одной Договаривающейся Стороны могут в отдельных случаях с согласия таможенной службы другой Договаривающейся Стороны находиться на территории государства последней и присутствовать при расследовании нарушений таможенного законодательства, действующего на территории государства запрашивающей таможенной службы.

Статья 13

Присутствие должностных лиц

Когда в случаях, предусмотренных настоящим Соглашением, должностные лица таможенной службы одной Договаривающейся Стороны находятся на территории государства другой Договаривающейся Стороны, они должны быть способны представить в любое время доказательство своих официальных полномочий. Эти лица не должны быть одеты в форменную одежду и иметь при себе оружие.

Статья 14

Эксперты и свидетели

В случае запроса таможенной службы одной Договаривающейся Стороны таможенная служба другой Договаривающейся Стороны может уполномочить своих должностных лиц выступить в качестве экспертов или свидетелей на судебных или административных разбирательствах. Эти должностные лица дают показания по фактам, установленным ими при исполнении своих служебных обязанностей. В запросе о таком выступлении должно быть ясно указано, по какому делу и в каком качестве должен предстать служащий.

Статья 15

Использование информации и документов

1. Информация, документы и другие сведения, полученные в соответствии с настоящим Соглашением, используются только для целей, указанных в настоящем Соглашении. Они могут быть переданы или использованы для любых других целей только с согласия таможенной службы, передавшей эти документы.

2. Положения пункта 1 настоящей статьи не применяются в отношении информации о нарушениях, касающихся наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. Такая информация может быть передана другим ведомствам, непосредственно занимающимся борьбой с незаконным оборотом наркотиков.

3. Запросам, информации, актам экспертизы, документам и другим сведениям, переданным в соответствии с настоящим Соглашением таможенной службе

одной из Договаривающихся Сторон в какой бы то ни было форме, обеспечивается получившей их таможенной службе такой же режим конфиденциальности, который существует в ее стране для собственной информации аналогичного характера и содержания.

4. Таможенные службы могут в соответствии с целями и в объеме настоящего Соглашения использовать информацию и документы, полученные на основании настоящего Соглашения в качестве доказательства в своих протоколах, актах, записях свидетельских показаний, а также в ходе судебных и административных разбирательств.

5. Использование такой информации и документов в качестве доказательства в судебных и административных органах и их доказательная сила определяются в соответствии с национальным законодательством Договаривающихся Сторон.

Статья 16

Исключения из обязательства по оказанию содействия

1. В тех случаях, когда таможенная служба запрашиваемой Договаривающейся Стороны считает, что выполнение запроса может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или любым другим существенным интересам ее государства, она может полностью или частично отказать в содействии, предусмотренном настоящим Соглашением, либо оказать его при соблюдении определенных условий или требований.

2. Если в содействии отказано, то решение об отказе с указанием причины должно быть в письменном виде незамедлительно доведено до сведения запрашивающей таможенной службы.

3. Если таможенная служба одной из Договаривающихся Сторон обращается за содействием, которое не могла бы оказать сама, в своем запросе она отмечает этот факт. Выполнение такого запроса передается на усмотрение запрашиваемой таможенной службы

Статья 17

Форма и содержание запросов о помощи

1. Запросы, сделанные на основании настоящего Соглашения, должны представляться в письменной форме. Документы, необходимые для выполнения запроса, должны быть к нему приложены. В условиях чрезвычайной ситуации может быть принят устный запрос, однако он должен быть незамедлительно подтвержден в письменной форме.

2. В запросы, сделанные на основании пункта 1 настоящей статьи, следует включать следующую информацию:

- а) таможенная служба, делающая запрос;
- б) вид разбирательства;
- в) цель и причина запроса;
- г) законы, правила и другие законодательные акты, имеющие отношение к делу;
- д) возможно более точные и исчерпывающие сведения о физических и юридических лицах, являющихся объектом разбирательства;
- е) краткое описание обстоятельств, имеющих отношение к делу.

3. Запросы должны быть сделаны на официальном языке государства запрашиваемой таможенной службы, либо на английском или на другом приемлемом для нее языке.

4. В случае если запрос не отвечает предусмотренным в настоящей статье требованиям, может быть затребована его корректировка или дополнение. При этом не должны быть нарушены меры предосторожности.

Статья 18

Техническая помощь

Таможенные службы Договаривающихся Сторон оказывают друг другу техническую помощь в области таможенного дела, включающую:

- а) обмен визитами сотрудников таможен с целью ознакомления с техническими средствами, используемыми обеими таможенными службами;
- б) обучение и помощь в совершенствовании специальных навыков сотрудников таможен;
- в) обмен информацией и опытом в использовании технических средств контроля;
- г) обмен визитами экспертов по таможенным вопросам;
- д) обмен профессиональными, научными и техническими сведениями относительно таможенного законодательства и таможенных процедур.

Статья 19

Расходы

1. Расходы, связанные с исполнением запроса в соответствии с настоящим Соглашением, несет запрашиваемая таможенная служба.

2. Возмещение расходов, связанных с исполнением положений статьи 18, может быть предметом отдельной договоренности между таможенными службами Договаривающихся Сторон

Статья 20

Реализация Соглашения

1. Содействие, предусмотренное настоящим Соглашением, осуществляется непосредственно таможенными службами Договаривающихся Сторон. Эти службы согласуют конкретные мероприятия, необходимые для его реализации.

2. Таможенные службы могут предусмотреть установление прямых каналов связи между их подразделениями по борьбе с контрабандой и нарушениями таможенных правил, а также другими подразделениями.

Статья 21

Территориальное действие Соглашения

Настоящее Соглашение имеет действие на таможенных территориях государств обеих Договаривающихся Сторон.

Статья 22

Вступление в силу и прекращение действия Соглашения

1. Настоящее Соглашение вступает в силу на тридцатый день с даты получения последнего письменного уведомления по дипломатическим каналам о выполнении Договаривающимися Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу.

2. Настоящее Соглашение заключено на неопределенный срок, но перестанет действовать по истечении шести месяцев с даты, когда одна из Договаривающихся Сторон письменно, по дипломатическим каналам, известит другую Договаривающуюся Сторону о своем намерении прекратить действие этого Соглашения.

Совершено в Москве "27" января 1998 года в двух подлинных экземплярах, каждый на русском и македонском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Правительство Российской Федерации
За Правительство Республики Македония

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия о сотрудничестве в борьбе с преступностью

Правительство Российской Федерации и Правительство Королевства Норвегия, в дальнейшем именуемые **Сторонами**,
выражая озабоченность ростом преступности, особенно в ее организованных формах,

признавая важность укрепления и развития международного сотрудничества в борьбе с преступностью,

принимая во внимание цели и принципы международных соглашений, участниками которых они являются, а также резолюции Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений в области борьбы с преступностью,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Сфера сотрудничества

Стороны в соответствии с законодательством своих государств и настоящим Соглашением будут сотрудничать в борьбе с преступностью, особенно в ее организованных формах, в случаях, когда предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений требуют взаимодействия компетентных органов обоих государств.

2. Стороны будут сотрудничать прежде всего в борьбе со следующими видами преступлений:

терроризм;

незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, а также прекурсоров;

контрабанда;

легализация (отмывание) доходов от преступной деятельности;

незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, ядерных и радиоактивных материалов, взрывчатых и отравляющих веществ;

незаконная иммиграция, торговля людьми и эксплуатация проституции третьими лицами;

экономические преступления, включая преступления в области налогообложения;

хищения автотранспортных средств и незаконные операции, связанные с ними;

незаконный оборот предметов, имеющих культурную и историческую ценность.

3. Сотрудничество между Сторонами охватывает информацией и иные действия, соответствующие целям настоящего Соглашения и обязательствам Сторон, вытекающим из других международных договоров.

4. Настоящее Соглашение не затрагивает вопросов оказания правовой помощи по уголовным делам или выдачи.

Статья 2

Компетентные органы

Реализация настоящего Соглашения осуществляется следующими компетентными органами:

С Российской Стороны — Генеральная прокуратура Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Государственный таможенный комитет

Российской Федерации, Федеральная пограничная служба Российской Федерации и Федеральная служба налоговой полиции Российской Федерации;

С Норвежской Стороны — Министерство юстиции и полиции Королевства Норвегия, выступающее, в частности, от имени других государственных органов, ответственных за борьбу с преступностью.

Стороны незамедлительно уведомляют друг друга по дипломатическим каналам об изменениях в составе своих компетентных органов.

Компетентные органы Сторон могут создавать совместные рабочие группы, проводить встречи экспертов и заключать между собой соглашения в целях выполнения положений настоящего Соглашения.

Статья 13

Выполнение запросов о содействии и распределении расходов

Запрос о предоставлении информации или производстве действий в соответствии с настоящим Соглашением составляется в письменной форме и направляется непосредственно компетентными органами Сторон. В безотлагательных случаях запрос может быть передан устно, однако он должен быть незамедлительно подтвержден в письменной форме.

Запросы о предоставлении информации или производстве действий исполняются компетентными органами Сторон в возможно более короткий срок. Запрашиваемый компетентный орган может обратиться за дополнительными сведениями, если это необходимо для исполнения запроса.

Запрашиваемый компетентный орган несет все расходы, возникающие на территории его государства при исполнении запроса, соблюдая при этом подпункты “а” и “б” настоящего пункта:

а) запрашивающий компетентный орган несет все расходы, связанные с поездкой своих представителей в связи с запросами;

б) оплата любых расходов чрезвычайного характера, связанных с запросами, согласовывается компетентными органами до того, как эти расходы возникнут.

Статья 4

Передача запроса компетентному органу

Если исполнение запроса о предоставлении информации или производстве действий не входит в компетенцию запрашиваемого органа, данный орган незамедлительно передает запрос в соответствующий компетентный орган и сообщает об этом запрашивающему органу.

Статья 5

Отказ в исполнении запроса о содействии

1. В исполнении запроса о предоставлении информации или производстве действий отказывается, если компетентный орган запрашиваемой Стороны полагает, что выполнение запроса может нанести ущерб суверенитету или безопасности либо иным существенным интересам своего государства или противоречит национальной правовой системе.

2. Причины отказа в исполнении запроса о предоставлении информации или производстве действий доводятся до сведения соответствующего компетентного органа запрашивающей Стороны.

Статья 6

Защита информации

В соответствии с законодательством своих государств компетентные органы Сторон выполняют следующие требования к защите информации о физических

лицах, предоставляемой в рамках сотрудничества, предусмотренного в настоящем Соглашении:

компетентный орган получающей Стороны использует переданную ему информацию только в целях и на условиях, определенных компетентным органом передающей Стороны;

информация может быть передана только и исключительно органам, указанным в статье 2 настоящего Соглашения. Информация может быть передана третьим сторонам только с предварительного разрешения компетентного органа передающей Стороны;

если физическое лицо, в отношении которого передана информация, просит ознакомить его с этой информацией, запрашиваемый компетентный орган предоставляет такую возможность, за исключением тех случаев, когда в выполнении просьбы может быть отказано в соответствии с его внутренним законодательством.

Статья 7

Ограничения на использование информации, документов и материалов

Полученные в соответствии с настоящим Соглашением информация, документы и материалы не могут быть использованы без письменного согласия компетентного органа запрашиваемой Стороны в целях, отличных от тех, которые указаны в запросе и согласованы с компетентным органом запрашиваемой Стороны.

Статья 8

Конфиденциальность информации

Каждая Сторона в соответствии с законодательством своего государства обеспечивает конфиденциальность полученного от компетентных органов другой Стороны запроса о предоставлении информации или производстве действий и такую степень защиты данного запроса, которую он имеет в государстве передающей Стороны.

Статья 9

Другие формы сотрудничества

Компетентные органы Сторон будут также сотрудничать путем обмена опытом и знаниями, предоставления друг другу правовой информации, а также данных о состоянии преступности и тенденциях ее развития в своих государствах. Финансовые условия такого сотрудничества определяются компетентными органами Сторон по взаимной договоренности.

Статья 10

Рассмотрение вопросов реализации настоящего Соглашения

Компетентные органы Сторон при необходимости проводят консультации с целью рассмотрения вопросов реализации настоящего Соглашения.

Статья 11

Изменение, вступление в силу и прекращение действия

Изменения в настоящее Соглашение могут быть внесены по взаимному согласию обеих Сторон посредством обмена дипломатическими нотами.

Настоящее Соглашение вступает в силу на пятнадцатый день после того, как Стороны обменяются по дипломатическим каналам письменными уведомлениями о выполнении соответствующих внутригосударственных процедур, необходимых для вступления настоящего Соглашения в силу.

Настоящее Соглашение остается в силе до истечения шести месяцев после

получения одной из Сторон по дипломатическим каналам письменного уведомления другой Стороны о ее намерении прекратить его действие.

Совершено в Москве "26" мая 1998 года в двух экземплярах, каждый на русском, норвежском и английском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу. В случае разночтений при толковании настоящего Соглашения преимущество имеет текст на английском языке.

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия о научно-техническом сотрудничестве

Правительство Российской Федерации и Правительство Королевства Норвегия, именуемые в дальнейшем Сторонами,

сознавая, что международное сотрудничество в области науки и техники укрепит узы взаимопонимания между их народами и будет способствовать прогрессу науки и техники на благо обеих стран,

убежденные в том, что сотрудничество в области науки и техники является важной составной частью двусторонних отношений,

рассматривая двустороннее научно-техническое сотрудничество как важный вклад в развитие научно-технических связей, и признавая обоюдное желание расширять сотрудничество,

желая привести двустороннее сотрудничество в области науки и техники в соответствие с новыми политическими, экономическими и социальными реалиями,

учитывая положения Декларации об основах отношений между Российской Федерацией и Королевством Норвегия от 26 марта 1996 г.,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Целью настоящего Соглашения является расширение и углубление связей между научно-техническими сообществами обеих стран путем создания благоприятных условий для сотрудничества и его развития на взаимовыгодной и сбалансированной основе.

Статья 2

Стороны будут поощрять совместную деятельность, которая в рамках настоящего Соглашения может осуществляться в следующих формах:

встречи, совещания экспертов для обсуждения и обмена информацией по научным и технологическим аспектам общего и специального характера и для определения проектов и программ научно-исследовательских работ, которые могут быть с пользой осуществлены на совместной основе;

обмен информацией по вопросам сотрудничества, политики, законодательства Российской Федерации и Королевства Норвегия, относящимся к научно-исследовательской деятельности;

обмен учеными, техническими специалистами или иными экспертами по общим или специальным вопросам;

реализация согласованных совместных проектов и программ;

подготовка кадров и повышение квалификации ученых и технических специалистов.

Иные формы совместной деятельности могут быть согласованы Сторонами.

Сотрудничество в рамках настоящего Соглашения будет взаимовыгодным и будет основываться на принципах разделения ответственности и вклада Сторон.

Статья 3

|Стороны будут поощрять по мере необходимости развитие прямых контактов и сотрудничество между государственными организациями, академиями наук, университетами, научными учреждениями и частными фирмами обеих стран.

В рамках настоящего Соглашения эти организации и учреждения могут заключать соглашения, договоры и контракты о реализации сотрудничества в конкретных областях науки и техники.

Статья 4

Стороны будут содействовать разработке совместных проектов, которые могли бы явиться составной частью существующих и будущих международных программ, способствуя активному участию ученых и специалистов обеих стран в их реализации.

Статья 5

Сотрудничество в рамках настоящего Соглашения будет осуществляться в соответствии с действующими законами, правилами и процедурами обеих стран и будет зависеть от наличия средств.

Расходы на совместную деятельность в рамках настоящего Соглашения будут нести сотрудничающие организации по взаимной договоренности.

Статья 6

Научно-техническая информация, полученная в результате сотрудничества в рамках настоящего Соглашения, будет доступной для научно-технических сообществ обеих стран, если иное не предусмотрено в соглашениях, договорах и контрактах, упомянутых в статье 3 настоящего Соглашения, при условии, что эта информация не относится:

- к категории коммерческой или служебной тайны;
- к категории информации, не раскрываемой из соображений национальной безопасности.

Стороны обязуются обеспечивать охрану и реализацию создаваемой, используемой, передаваемой и распространяемой в результате сотрудничества интеллектуальной собственности в соответствии с законами и правилами каждой из стран и международными договорами, в которых Российская Федерация и Королевство Норвегия участвуют.

Вопросы прав на использование интеллектуальной собственности, возникающей в результате совместной деятельности, определенной настоящим Соглашением, будут предусматриваться в каждом конкретном случае в соглашениях, договорах и контрактах, упомянутых в статье 3 настоящего Соглашения.

По вопросам, регламентируемым настоящей статьёй, компетентные государственные органы Сторон будут проводить по мере необходимости консультации друг с другом.

Статья 7

Положения настоящего Соглашения не затрагивают прав и обязательств Российской Федерации и Королевства Норвегия, вытекающих из заключенных ими международных соглашений с третьими странами.

Статья 8

В отношении сотрудничества в рамках настоящего Соглашения и с учетом международных обязательств, законодательства Российской Федерации и Королевства Норвегия, включая законы и правила относительно въезда, пребывания и работы физических лиц, каждая Сторона будет:

рассматривать в духе доверия, а при необходимости оказывать содействие в рассмотрении обращений по вопросам въезда и выезда с территории своего государства граждан другой Стороны, а также ввоза и вывоза оборудования, используемого в проектах и программах в рамках настоящего Соглашения;

оказывать содействие в организации программ совместной деятельности, в том числе совещаний, ознакомительных посещений научных центров, в эффективном осуществлении мероприятий, указанных в настоящем Соглашении, включая проезд по территории государства другой Стороны, посещение необходимых институтов, ознакомление с данными и материалами, представляющими интерес для сотрудничества, а также в организации необходимых для осуществления этих мероприятий контактов ученых и специалистов обеих Сторон.

Статья 9

С целью эффективного выполнения настоящего Соглашения Стороны образуют рабочую группу по научно-техническому сотрудничеству в рамках Межправительственной российско-норвежской комиссии по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству, которая будет выполнять следующие функции:

- создание наиболее благоприятных условий для реализации научно-технического сотрудничества;

- оценка приоритетов научно-технического сотрудничества между двумя странами;

- оказание поддержки консультативной деятельности и обмен информацией, способствующей научно-техническому сотрудничеству;

- оценка состояния научно-технического сотрудничества и разработка рекомендаций, направленных на повышение его эффективности;

- обсуждение других вопросов, относящихся к научно-техническому сотрудничеству.

Заседания рабочей группы будут проводиться поочередно в Российской Федерации и в Королевстве Норвегия один раз в год или в иные согласованные сроки.

Статья 10

Положения настоящего Соглашения не могут трактоваться в нарушение других соглашений о сотрудничестве между двумя Сторонами, существующих на дату подписания настоящего Соглашения или заключаемых после его подписания.

Статья 11

Настоящее Соглашение вступает в силу со дня его подписания и будет действовать в течение десяти лет. Оно может быть изменено или продлено на последующие десятилетние периоды по взаимному письменному согласию Сторон.

Действие настоящего Соглашения может быть прекращено в любое время по инициативе любой из Сторон путем письменного уведомления другой Стороны не позднее чем за шесть месяцев до предполагаемой даты прекращения действия Соглашения.

Прекращение действия настоящего Соглашения не будет затрагивать осуществления совместной деятельности, проводимой в рамках настоящего Соглашения и не завершенной к моменту прекращения его действия.

Совершено в Москве "26" мая 1998 года в двух экземплярах, каждый на русском и норвежском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

СОГЛАШЕНИЕ
между Правительством Российской Федерации и Правительством
Республики Македонии о сотрудничестве в области охраны окружающей среды

Правительство Российской Федерации и Правительство Республики Македонии, далее именуемые Сторонами,

учитывая важность решения вопросов охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, в связи с их глобальным характером,

осознавая ответственность за экологическую безопасность своих граждан, желая содействовать осуществлению права каждого человека на благоприятную для жизни окружающую среду,

принимая во внимание опыт, накопленный в области международного природоохранного сотрудничества,

руководствуясь законодательством своих государств и общепризнанными нормами международного права,

желая содействовать установлению долгосрочного сотрудничества в этой области и решению вопросов, представляющих взаимный интерес,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Стороны будут развивать сотрудничество в области охраны окружающей среды на основе равноправия и взаимной выгоды.

Статья 2

Сотрудничество будет осуществляться по следующим направлениям: нормативно-правовое регулирование деятельности по охране окружающей среды;

экономические проблемы природопользования;

механизмы регулирования природопользования;

внедрение экологических стандартов в хозяйственной деятельности;

промышленная экология и ресурсосбережение;

мониторинг окружающей среды и оценка влияния хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и здоровье населения;

осуществление государственного экологического контроля;

методологические подходы к организации и проведению оценки воздействия на окружающую среду, экологическая экспертиза проектов хозяйственного развития, разработка предложений по решению различных ситуаций и проблем в области охраны окружающей среды;

охрана недр и рациональное недропользование;

защита земель и геологической среды от вредных воздействий, реабилитация загрязненных территорий и контроль их использования;

охрана поверхностных и подземных вод;

охрана и развитие заповедников и других особо охраняемых природных территорий;

охрана и устойчивое использование биологического разнообразия;

сохранение, воспроизводство и расширение лесов;

охрана и улучшение состояния окружающей среды в городах и населенных пунктах;

обмен экологической информацией;

экологическое воспитание, образование и просвещение;

другие направления сотрудничества, которые будут признаны Сторонами целесообразными.

Статья 3

Сотрудничество будет осуществляться в следующих формах:

- осуществление совместных программ, проектов и мероприятий по направлениям, указанным в статье 2 настоящего Соглашения;
- проведение совещаний, конференций, симпозиумов, семинаров и консультаций;
- обмен учеными, специалистами, а также делегациями в ознакомительных, научных и учебных целях;
- обмен научно-технической и юридической документацией, методиками и другой информацией;
- решение вопросов профессионального образования;
- создания совместных рабочих групп;
- оказание консультационных услуг;
- проведение работ на основе договоров и контрактов;
- обмен ежегодными докладами о состоянии окружающей среды;
- иные согласованные в ходе реализации настоящего Соглашения формы.

Статья 4

Для координации деятельности по реализации настоящего Соглашения Стороны создают Смешанную Российско-Македонскую комиссию по сотрудничеству в области охраны окружающей среды (далее именуется — Комиссия).

В течение 6 месяцев после вступления в силу настоящего Соглашения Стороны уведомляют друг друга о назначении сопредседателей Комиссии.

Комиссия будет действовать на основе положения, утвержденного на ее первом заседании.

Комиссия разрабатывает и утверждает программы сотрудничества между Сторонами по направлениям, указанным в статье 2 настоящего Соглашения, и дает необходимые рекомендации по их реализации.

Комиссия будет проводить свои заседания по мере необходимости, но не реже одного раза в год, поочередно в Российской Федерации и Республике Македонии.

Статья 5

При командировании экспертов и других лиц на заседания Комиссии, а также на проведение работ в рамках утвержденных программ сотрудничества, расходы несет командирующая Сторона.

Принимающая Сторона организует пребывание делегации командирующей Стороны и берет на себя расходы, связанные с поездками в пределах территории ее государства с целью осуществления совместных мероприятий.

Статья 6

Стороны в соответствии с законодательством своих государств будут способствовать установлению и развитию прямых связей между учреждениями, предприятиями и организациями обоих государств, деятельность которых связана с охраной окружающей среды.

Указанные учреждения, предприятия и организации в рамках настоящего Соглашения могут заключать договоры и контракты о реализации сотрудничества, которые будут определять условия сотрудничества.

Стороны не несут ответственности по обязательствам сотрудничающих организаций, принятым в соответствии с договорами и контрактами, заключенными на основе настоящего Соглашения.

Статья 7

Результаты, полученные вследствие осуществления совместной деятельности

в рамках настоящего Соглашения, не подлежат передаче или продаже юридическим и физическим лицам третьих государств, если нет иной договоренности между Сторонами.

Статья 8

Разногласия относительно толкования и применения настоящего Соглашения разрешаются путем консультаций между Сторонами.

Статья 9

Настоящее Соглашение не затрагивает прав и обязательств Сторон, вытекающих из ранее заключенных ими международных соглашений или связанных с их членством в международных природоохранных организациях.

Статья 10

Настоящее Соглашение вступает в силу с даты получения последнего письменного уведомления, подтверждающего выполнение Сторонами надлежащих внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу.

Настоящее Соглашение заключается на 5 лет и по истечении указанного срока будет автоматически продлеваться на последующий пятилетний период, если ни одна из Сторон не уведомит в письменной форме другую Сторону не позднее чем за 6 месяцев до истечения срока действия соответствующего пятилетнего периода о своем намерении прекратить его действие.

Договоры и контракты, заключенные на основе настоящего Соглашения, остаются в силе до истечения срока их действия.

Совершено в Москве 27 января 1998 г. в двух экземплярах, каждый на русском и македонском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

СОВМЕСТНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ о принципах отношений между Российской Федерацией и Республикой Намибией

Российская Федерация и Республика Намибия (далее именуемые Сторонами),

опираясь на традиции взаимного доверия и дружбы, подтверждая свои обязательства по Уставу Организации Объединенных Наций,

последовательно выступая за реализацию концепции многополярного мира, построение справедливого мирового правопорядка, основанного на равноправном и взаимовыгодном сотрудничестве, уважении суверенитета и территориальной целостности, невмешательстве во внутренние дела государств и обеспечении прав и основных свобод человека,

преисполненные стремлением придать новое качество двусторонним связям в интересах народов обоих государств, заявляют о следующем:

I

Стороны будут развивать свои отношения как дружественные государства и партнеры, руководствуясь общими идеалами мира, уважения прав человека, демократии, суверенного равенства и общепризнанными нормами международного права.

II

Стороны будут воздерживаться от действий, наносящих ущерб интересам безопасности друг друга.

Стороны будут урегулировать любые споры, которые могут возникать между ними, мирными средствами, в том числе используя существующие международные механизмы.

III

Стороны будут сотрудничать в укреплении международного мира и безопасности, предотвращении и мирном урегулировании конфликтов и обеспечении стабильности, в частности на Юге Африки и на Африканском континенте в целом. Они с удовлетворением отмечают решительный настрой африканского сообщества на то, чтобы полнее задействовать свои собственные силы и возможности для урегулирования проблем континента и обеспечить более весомое участие Африки в решении глобальных задач.

Стороны считают важным развитие многостороннего диалога и взаимодействия в достижении этих целей, отвечающих интересам всего мирового сообщества.

IV

Стороны намерены и далее содействовать повышению эффективности, роли и авторитета Организации Объединенных Наций в соответствии с ее Уставом. Они будут развивать взаимное сотрудничество в рамках ООН и других международных организаций.

V

Стороны будут активно участвовать в международных усилиях, направленных на обеспечение эффективного контроля над вооружениями, на повышение доверия и безопасности в военной и политической областях.

VI

Стороны подтверждают свою приверженность процессу ядерного, химического и биологического разоружения, укреплению режима нераспространения оружия массового уничтожения и связанных с ним технологий и будут координировать свои усилия в этих вопросах.

Стороны приветствуют решение о бессрочном продлении действия Договора о нераспространении ядерного оружия, принятое в 1995 г. Конференцией государств-участников Договора, как весомый вклад в обеспечение всеобщего мира, укрепление предусмотренной Уставом ООН системы коллективной безопасности на глобальном и региональном уровнях. Стороны подчеркивают важность полномасштабной реализации всего комплекса договоренностей, одобренных Конференцией, и подтверждают свою поддержку созданию зон, свободных от ядерного оружия.

VII

Стороны, рассматривая в качестве важной задачи обеспечение экологической безопасности, будут в соответствии с их национальным законодательством и международными обязательствами стимулировать сотрудничество в этой области путем обмена опытом в рациональном использовании природных ресурсов, внедрении экологически чистых технологий и проведении мероприятий по охране и восстановлению окружающей среды.

VIII

Стороны будут развивать сотрудничество в области борьбы с международной

организованной преступностью и терроризмом в различных их проявлениях, незаконной торговлей оружием и оборотом наркотиков, нелегальной иммиграцией, контрабандой, в том числе предметами, представляющими культурную, историческую и художественную ценность.

IX

Стороны будут поддерживать регулярные контакты на различных уровнях, в том числе в соответствии с Протоколом о консультациях между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Республики Намибии.

X

Стороны будут развивать обмены и сотрудничество между вооруженными силами и министерствами обороны двух стран.

XI

Стороны будут поощрять развитие связей между парламентами, государственными, региональными и местными органами, а также неправительственными организациями двух стран.

XII

Стороны будут развивать торгово-экономическое сотрудничество на долговременной и взаимовыгодной основе и с учетом принципов партнерства в целях развития Африки, зафиксированных в ходе встреч “восьмерки” в Лионе и Денвере. Стороны с удовлетворением отмечают, что инициатива ведущих индустриальных стран по поддержке усилий развивающихся стран в обеспечении своего собственного развития обретает конкретное содержание.

Стороны в соответствии с их национальным законодательством и международными обязательствами будут создавать необходимые экономические, финансовые и правовые условия в целях:

- расширение всех форм торгового обмена, предпринимательской и иной экономической деятельности;

- содействие созданию совместных предприятий и поощрения инвестиций;

- установления прямых контактов между бизнесменами и экономическими организациями;

- развития обмена опытом и информацией по вопросам экономической, коммерческой и финансовой политики.

XIII

Стороны будут развивать научно-техническое сотрудничество в областях, представляющих взаимный интерес.

Они будут поощрять расширение контактов и прямых связей между научными, техническими организациями и учеными обоих государств, а также осуществление совместных исследовательских проектов и обмен научно-технической информацией.

XIV

Стороны будут поощрять развитие связей в области культуры, образования, здравоохранения, печати, радио, телевидения, кино, туризма и спорта.

Стороны будут в соответствии с их национальным законодательством принимать меры, направленные на упрощение процедур и практики осуществления контактов между своими гражданами, включая взаимные поездки с деловыми, культурными, научными и частными целями.

В целях реализации положений настоящей Декларации Стороны будут заключать отдельные Соглашения.

Совершено в Москве "31" марта 1998 года в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках.

ДЕКЛАРАЦИЯ

об основах дружественных взаимоотношений и сотрудничества **между Российской Федерацией и Республикой Ангола**

Российская Федерация и Республика Ангола, далее именуемые Сторонами, движимые чувствами традиционной дружбы и взаимной симпатии между народами обеих стран;

подтверждая приверженность основным положениям связывающего Стороны Договора о дружбе и сотрудничестве, подписанного в 1976 году;

преисполненные стремлением поднять двусторонние связи на качественно новый уровень, который бы соответствовал их потенциалу, а также современным политическим, экономическим и социальным реалиям, сложившимся в настоящее время в обеих странах и в мире в целом;

считая, что укрепление отношений дружбы и сотрудничества между двумя странами отвечает интересам их народов и соответствует задачам гармоничного развития международного сообщества и строительства многополярной и демократической модели мироустройства;

выражая твердое намерение следовать своим обязательствам по Уставу Организации Объединенных Наций, укреплять международный мир и безопасность;

заявляют, что Стороны будут исходить в своих двусторонних отношениях из следующих принципиальных положений:

1. Стороны будут развивать свои отношения как дружественные государства и партнеры на основе целей и принципов Устава ООН, общепризнанных норм международного права, закреплённых в основополагающих международных соглашениях, участниками которых они являются. Стороны будут, в частности, руководствоваться принципами равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, мирного разрешения споров, отказа от угрозы силой или ее применения, уважения суверенного права каждого из государств на политическую и экономическую независимость, самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику.

2. Стороны будут конструктивно взаимодействовать на международной арене, в том числе в рамках ООН и других международных организаций в целях формирования многополярного мироустройства и установления нового международного правопорядка, которые призваны не только обеспечить прочный мир и безопасность, но и создать благоприятные условия для устойчивого развития всех членов мирового сообщества.

3. Стороны подтверждают свою приверженность системе коллективной безопасности, зафиксированной в Уставе ООН. Они убеждены, что ООН является ведущей структурой объединения усилий всех государств по обеспечению мира и международной безопасности. Они будут расширять и углублять взаимодействие в интересах повышения эффективности Организации Объединенных Наций и ее органов, их адаптации к новым мировым реалиям, усиления роли Организации в деле создания благоприятных условий для мирных и дружественных отношений между народами, расширения международного сотрудничества, укрепления стабильности и безопасности государств.

4. Стороны будут и впредь предпринимать целенаправленные усилия по совершенствованию процесса контроля за вооружением и разоружением, в том числе и на региональном уровне. Они будут вносить свой вклад в предотвращение распространения оружия массового уничтожения и связанных с ним технологий.

Признавая, что мир и стабильность в Центральной и Южной Африке представляют собой важный вклад в дело сохранения международного мира и безопасности, стороны будут на регулярной основе проводить консультации по развитию обстановки в этих двух регионах с целью координации действий, гарантирующих равновесие во входящих в их состав странах.

5. Стороны намерены активно взаимодействовать в целях укрепления режима нераспространения ядерного оружия, в том числе и на Африканском континенте, а также режима всеобъемлющего запрещения ядерных испытаний.

Стороны единодушны в признании необходимости мирного урегулирования межгосударственных и внутренних споров, недопустимости применения силы и угрозы ее применения для преодоления разногласий. Они будут активно сотрудничать в вопросах поддержания стабильности и урегулирования кризисных ситуаций в Африке.

Стороны, признавая приоритетную роль ООН и ее Совета Безопасности в вопросах миротворчества, намерены содействовать активизации участия африканских региональных механизмов в обеспечении безопасности и поддержании мира на Африканском континенте в соответствии с Уставом ООН.

По мнению Сторон, акцент в международной миротворческой деятельности в целом должен быть сделан на предотвращении возникновения и разрастания конфликтов. Стороны выступают за то, чтобы выработать по линии ООН сводный документ об основных принципах и критериях деятельности миротворческих механизмов ООН по предупреждению и урегулированию кризисов и конфликтов в случае возникновения вооруженного кризиса внутрисударственного характера и о международном содействии в его урегулировании, в том числе с учетом опыта внутриафриканского примирения.

6. Стороны с удовлетворением отмечают важный вклад в дело мира, стабильности и сотрудничества, который вносят международные организации и форумы, основывающие свою деятельность на принципах Устава ООН.

7. Стороны намерены способствовать развитию политического диалога между географическими регионами, к которым они принадлежат, и региональными организациями, в которых они участвуют, в целях содействия расширению присутствия Российской Федерации в Африке и сближению Республики Ангола со странами Содружества Независимых Государств. Стороны считают актуальной задачу укрепления сотрудничества между Россией и Организацией африканского единства по международным и региональным проблемам, представляющим взаимный интерес.

8. Стороны выступают за оптимизацию международных экономических отношений на основе справедливости, равенства и взаимовыгодного сотрудничества, отказа от дискриминации в мировой торговле. Они будут координировать свои действия в международных торговых, экономических и финансовых организациях в целях создания благоприятных условий для эффективного развития экономики обеих стран, региональных и глобальных интеграционных процессов.

9. Стороны будут осуществлять обмен опытом и укреплять сотрудничество как на двусторонней, так и на многосторонней основе в борьбе против терроризма и транснациональной преступности во всех ее видах и проявлениях, включая незаконный оборот наркотиков, контрабанду культурных и исторических ценностей, исчезающих видов флоры и фауны, а также "отмывание грязных денег". Они подчеркивают возможность активизации международных усилий по пресечению распространения транснациональной организованной преступности и со своей стороны будут стремиться к налаживанию эффективного практического взаимодействия на антикриминальном направлении и созданию необходимых механизмов и процедур.

10. Стороны намерены сотрудничать в вопросах уважения прав человека, дальнейшего совершенствования международных гуманитарных связей, развития

отношений в области культуры, информации, образования, контактов между людьми, учреждениями и организациями.

11. Исходя из того, что право жить в здоровой и незагрязненной окружающей среде является одним из основных прав человека, и осозная кардинальное значение качества окружающей среды для обеспечения устойчивого развития и необходимости более тесного сотрудничества в области экологии, Стороны будут прилагать усилия по защите глобальной окружающей среды и рациональному использованию природных богатств и ресурсов на благо нынешнего и будущих поколений в соответствии с национальным законодательством, своими международными обязательствами и взаимными интересами, а также принципами, закрепленными в документах Конференции ООН 1992 года в Рио-де-Жанейро по охране окружающей среды и развитию.

12. Стороны будут углублять и расширять диалог по вопросам двусторонних отношений, представляющим взаимный интерес, совершенствовать их договорно-правовую базу, способствовать обмену информацией и опытом в области строительства правового демократического государства.

13. В целях развития политического диалога Стороны будут расширять практику взаимных визитов, проводить консультации между министерствами иностранных дел, осуществлять регулярный обмен мнениями по вопросам, обсуждаемым в Организации Объединенных Наций, а также по любой другой тематике, представляющей взаимный интерес.

Стороны будут содействовать развитию контактов между законодательными, судебными органами и другими государственными учреждениями, способствовать связям между региональными и городскими структурами управления.

14. Стороны отмечают, что важным направлением деятельности ООН на современном этапе должно быть претворение в жизнь принципов, заложенных в согласованной всеми государствами-членами "Повестке дня для развития", базирующейся на всеобъемлющем подходе к проблемам развития и предполагающей взаимосвязанные усилия в области экономического развития, социального прогресса, защиты окружающей среды, соблюдения прав человека.

15. Стороны будут развивать и укреплять двусторонние экономические отношения, содействовать установлению и развитию деловых связей и контактов между российскими и ангольскими гражданами и юридическими лицами.

Они окажут необходимое содействие развитию различных форм торгово-экономического сотрудничества, в частности, будут поощрять установление непосредственных связей между предприятиями обеих стран, создание совместных российско-ангольских предприятий, в том числе и с участием третьих стран.

Стороны будут способствовать развитию взаимовыгодного сотрудничества в таких представляющих взаимный интерес областях, как промышленность, агропромышленный комплекс, рыболовство, энергетика, горнодобывающая промышленность, нефтедобыча и нефтепереработка, транспорт, связь, защита окружающей среды, образование и здравоохранение.

В этих целях они намерены поощрять сотрудничество между частнопредпринимательскими и государственными структурами, осуществление совместных проектов между предприятиями, торгово-промышленными палатами, ассоциациями и профессиональными организациями.

16. Стороны будут содействовать организации обменов в области культуры, искусства, образования, средств информации и спорта, способствовать установлению прямых связей между учебными заведениями, исследовательскими центрами и деятелями культуры.

17. Стороны будут обеспечивать на основе норм международного права и взаимности условия для нормальной деятельности их дипломатических, консульских и иных официальных представителей.

18. Стороны будут принимать меры, направленные на упрощение процедур, в том числе касающихся выдачи виз, с тем, чтобы содействовать взаимным

поездкам своих граждан с деловыми, культурными, научными и частными целями.

19. Стороны будут совершенствовать сотрудничество в правовой области, в том числе в оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам.

20. Настоящая декларация не направлена против какого-либо третьего государства и никоим образом не затрагивает обязательств и прав Российской Федерации и Республики Ангола, вытекающих из заключенных ими двусторонних и многосторонних договоров.

Москва, 23 июня 1998 г.

За Российскую Федерацию Б.Н. Ельцин
За Республику Ангола Ж.Э. Душ Сантуш

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ

в отношениях между Российской Федерацией и Итальянской Республикой

Российская Федерация и Итальянская Республика, с удовлетворением отмечая превосходное развитие своих отношений в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной и других областях, намерены обогащать и укреплять свое сотрудничество, с тем чтобы переводить его на уровень подлинного партнерства на основе Договора о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Итальянской Республикой от 14 октября 1994 года.

С этой целью они приняли настоящий План действий.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ДИАЛОГ

Стороны, учитывая положения статьи 7 Договора о дружбе и сотрудничестве, подтверждают обязательство интенсифицировать политические контакты на всех уровнях в целях расширения внешнеполитического взаимодействия, а по возможности и способствовать принятию совпадающих позиций.

В этих целях, по крайней мере два раза в год, будут проходить встречи Министров иностранных дел двух стран.

Стороны согласны также институционализировать их политический диалог посредством задействования системы углубленных консультаций по политическим вопросам, представляющим взаимный интерес, которые будут проводиться по согласованию или по запросу одной из Сторон. В этом контексте будут проводиться, по крайней мере два раза в год и как правило поочередно в обеих столицах, встречи на уровне заместителей Министров иностранных дел и/или генеральных директоров, а также периодические консультации на уровне руководителей департаментов.

Для участия в вышеуказанных встречах могут приглашаться технические эксперты иных, чем Министерство иностранных дел, министерств и ведомств обеих стран.

Кроме того, в соответствии с положениями статьи 6 Договора о дружбе и сотрудничестве Стороны будут задействовать свои посольства и представительства при соответствующих международных организациях, с тем чтобы на местах осуществлять совместные инициативы, принятые на политическом уровне.

4. Стороны будут оказывать поддержку друг другу в подключении к обсуждению на форумах расширенного или ограниченного состава вопросов, непосредственно их касающихся.

5. Особое внимание Стороны уделят консультациям по вопросам деятельности ООН, безопасности, включая соответствующие аспекты ядерного и обычного вооружения, нераспространения ядерного оружия, контроля за экспортом вооружений, урегулирования кризисных ситуаций, возникающих на международ-

ной арене, по вопросам, затрагивающим регионы Черного и Средиземного морей, включая Балканы и Ближний Восток, борьбы с организованной преступностью и международным терроризмом.

6. Стороны подтверждают свою поддержку Организации Объединенных Наций и намерены вносить вклад в ее реформу для того, чтобы ООН была в состоянии дать ответ вызовам XXI века. Их шаги и впредь будут нацелены на то, чтобы содействовать эффективности, транспарентности и демократизации ООН. В дополнение к консультациям между Министерствами иностранных дел двух стран Стороны будут поощрять тесные рабочие контакты и периодический обмен мнениями между представителями Российской Федерации и Итальянской Республики при ООН в Нью-Йорке, Женеве и Вене для того, чтобы осуществлять в пределах возможного согласование своих позиций.

7. Стороны подтверждают свою приверженность Парижской Конвенции о запрещении химического оружия, нацеленной на полное освобождение мира от этой категории оружия массового уничтожения. Они признают, что достижение этой цели потребует значительных усилий в политической, дипломатической, технологической и финансовой областях. С этой целью они приложат усилия для более тесной координации своих действий в рамках Организации по запрещению химического оружия. Кроме того, признавая необходимость безопасного и экологически обоснованного уничтожения существующих запасов химического оружия, Стороны заявляют о своем намерении заключить в возможно короткие сроки рамочное Соглашение о технологическом и финансовом содействии Италии в реализации Федеральной целевой программы "Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации".

8. Стороны считают Европу своим общим домом и будут вести дело к тому, чтобы европейские страны приумножали свои усилия в пользу мира, стабильности и безопасности, развивая одновременно отношения добрососедства, взаимопонимания, растущего доверия, взаимной выгоды с целью установления подлинного партнерства. Признавая центральную роль ОБСЕ в обеспечении безопасности и стабильности в Европе, Стороны подтверждают свое обязательство содействовать построению новой архитектуры европейской безопасности и, следуя решениям Лиссабонского саммита и Совета Министров в Копенгагене, ставят в центр сотрудничества в рамках ОБСЕ разработку всеобъемлющего и содержательного Документа — Хартии европейской безопасности.

Признавая ключевую роль Договора об обычных вооруженных силах в Европе, Стороны подчеркивают важность процесса адаптации Договора для обеспечения равной безопасности всех государств-участников, независимо от их членства в военно-политических союзах, для упрочения их отношений в области безопасности и укрепления доверия. В рамках деятельности Форума ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности Стороны согласны с целесообразностью поощрять развитие Венского документа 1994 года и разработку новых мер контроля над вооружениями.

Они также подтверждают свою поддержку развитию человеческого и экономического измерения ОБСЕ, работы "Минской группы" и деятельности долгосрочных миссий ОБСЕ в кризисных регионах в Европе.

9. Стороны придают важное значение вступлению в силу и реализации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейским Союзом, призванному поднять их взаимоотношения на качественно новый уровень. В этой связи они будут содействовать проведению двустороннего диалога, особенно в том, что касается политического сотрудничества Российской Федерации и Европейского Союза.

10. Стороны предпримут необходимые шаги в целях полного и своевременного осуществления инициатив по диалогу и сотрудничеству, предусмотренных Основопологающим Актом о сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора и, в частности,

обеспечения эффективной и конструктивной деятельности Совместного Постоянного Совета.

11. Стороны с удовлетворением отмечают свое сотрудничество в рамках "восьмерки" и подтверждают обязательство вносить вклад в решение глобальных проблем в перспективе Третьего тысячелетия.

II. СОТРУДНИЧЕСТВО В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ФИНАНСОВОЙ ОБЛАСТЯХ

Российская Федерация и Итальянская Республика, положительно оценивая сотрудничество в экономической, промышленной и финансовой областях, пришли к выводу о наличии благоприятных предпосылок для его наращивания в интересах обеих стран на долгосрочной и стабильной основе.

1. Стороны продолжают в полной мере использовать возможности механизма межправительственного сотрудничества, основными элементами которого являются Российско-Итальянский Совет по экономическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству и его Рабочие группы, а также действующий под эгидой Совета Комитет предпринимателей.

2. Стороны согласны с важностью устойчивого и плодотворного развития международного экономического сотрудничества путем гармонизации торгово-экономических отношений. Стороны будут предпринимать все возможные усилия для углубления и диверсификации российско-итальянских торговых связей.

3. Стороны сознают важную роль, которую играет для российско-итальянских экономических отношений развитие сотрудничества между Российской Федерацией и Европейским Союзом. Стремясь содействовать становлению подлинного партнерства между Российской Федерацией и Европейским Союзом, Стороны продолжают двусторонние консультации по вопросам деятельности совместных органов (Совета сотрудничества, Комитета сотрудничества, Комитета парламентского сотрудничества), создаваемых между Европейским Союзом и Российской Федерацией в соответствии с Соглашением о партнерстве и сотрудничестве, вступившим в силу 1 декабря 1997 года. Стороны будут уделять особое внимание всеобъемлющему претворению в жизнь этого Соглашения. Стороны считают, что либерализация их двусторонней торговли, с учетом соответствующих многосторонних международных торговых соглашений, участниками которых они являются, явится важным вкладом в общий процесс гармонизации международных торгово-экономических отношений. Стороны считают важным поддерживать постоянные контакты между Представительством Российской Федерации и Представительством Итальянской Республики при Европейском Союзе.

4. Стороны будут поощрять постоянный обмен информацией и опытом между компетентными министерствами двух стран в различных областях их экономических отношений в целях содействия положительному решению вопросов, связанных с сотрудничеством Российской Федерации с Европейским Союзом, третьими странами и международными организациями. В этих целях могут быть также согласованы обмены специалистами для ознакомительных стажировок в компетентных ведомствах каждой из двух стран.

5. Будучи убеждены, что успеху демократических и экономических преобразований в Российской Федерации будет способствовать скорейшая интеграция Российской Федерации в мирохозяйственные связи, Стороны будут взаимодействовать в Европейском Деловом Конгрессе, созданном под эгидой ОБСЕ, в рамках Европейской Энергетической Хартии и Парижского клуба. Итальянская Сторона активно высказывается за успешное развитие и благоприятное завершение переговоров о вступлении Российской Федерации в ВТО. Стороны будут поддерживать рабочие контакты, призванные способствовать решению проблем, стоящих на пути вступления Российской Федерации в ОЭСР, а также в целях

содействия сотрудничеству между Российской Федерацией и МВФ, Всемирным банком и ЕБРР.

6. Стороны будут развивать сотрудничество в рамках инициатив регионального характера, в том числе с учетом возможностей, открывающихся в рамках ЦЕИ (Центрально-Европейской инициативы), ЧЭС (Черноморского экономического сотрудничества) и Евро-средиземноморского процесса.

7. Отмечая важность подписанных в последнее время российско-итальянских договоров — Соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений, Конвенции об избежании двойного налогообложения, Соглашения о сотрудничестве и взаимной помощи в области валютного контроля, Соглашения о сотрудничестве по военно-техническим вопросам и в области оборонной промышленности, Стороны подтверждают свою готовность расширять и дополнять новыми договоренностями их торгово-экономическое и финансовое сотрудничество.

8. Стороны высказываются за качественное изменение структуры взаимной торговли путем увеличения товарообмена наукоемкой продукцией, считая, что подобные обмены на долгосрочной основе могут развиваться в таких отраслях, как авиатехника, космос, телекоммуникации, почтовая связь, конверсия оборонных предприятий, а также в целом высокотехнологичной продукции.

Стороны с удовлетворением отметили совместные инициативы, которые способствуют укреплению российско-итальянского сотрудничества в таких ключевых секторах экономики, как автомобилестроение, энергетика, агропромышленный комплекс, транспорт и инфраструктура. Российская сторона окажет государственную поддержку, в частности, в организации совместного производства семейств легковых автомобилей среднего класса в Нижнем Новгороде и городских автобусов в Санкт-Петербурге и других регионах Российской Федерации.

Стороны будут всемерно поощрять сотрудничество между организациями, предприятиями и другими экономическими субъектами двух стран, в том числе путем создания и обеспечения деятельности совместных предприятий, а также другие формы промышленной кооперации. В этом контексте российские и итальянские органы власти предпримут усилия для того, чтобы обеспечить конкретные благоприятные условия и режим инвестиций, осуществляемых на своей территории физическими и юридическими лицами другой страны на основе положений и с учетом духа российско-итальянского Соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений, подписанного в Риме 9 апреля 1996 года.

9. Стороны считают, что для развития российско-итальянской торговли и в целом экономического сотрудничества необходимо эффективное взаимодействие в финансовой сфере. Стороны будут и далее стремиться к углублению своего сотрудничества в финансовой сфере и изучать возможности более эффективного использования механизма финансирования совместных проектов, а также привлечения альтернативных негосударственных источников финансирования. В этом контексте они высказываются за активизацию взаимодействия между банковскими учреждениями двух стран. Российская Сторона с удовлетворением отмечает возобновление деятельности Итальянского Агентства по страхованию экспортных кредитов (САЧЕ) в отношении России.

10. Особое внимание Стороны будут уделять поощрению капиталовложений путем совершенствования соответствующих правовых актов, а также использования специализированных институтов кредитования и страхования.

11. В целях содействия двустороннему экономическому сотрудничеству Стороны будут взаимодействовать, в том числе в рамках общеевропейских и региональных транспортных проектов, в развитии транспортной инфраструктуры, соединяющей Российскую Федерацию и Итальянскую Республику.

12. Стороны, с удовлетворением констатируя укрепление связей между ними,

признают целесообразным в полной мере задействовать потенциал межрегионального сотрудничества с учетом разграничения полномочий общегосударственного и регионального уровня. Стороны считают, что более тесная работа с регионами будет способствовать наращиванию традиционных деловых связей и капиталовложениям, а также увеличению числа конкретных проектов.

13. Стороны отмечают, что, учитывая многолетний опыт сотрудничества и анализ его перспектив, приоритетными направлениями двусторонних экономических связей являются: энергетика, машиностроение, химия и нефтехимия, фармацевтическая промышленность, легкая и пищевая промышленность, агропромышленный комплекс, металлургия, производство средств связи, строительство. Стороны положительно оценивают деятельность совместных Рабочих групп по вышеуказанным областям сотрудничества. По мнению Сторон, существенную пользу может также принести расширение взаимодействия между российскими и итальянскими отраслевыми и территориальными союзами и ассоциациями производителей и экспортеров, которые, наряду с Итало-Российской Торговой Палатой, призваны стать эффективным инструментом расширения торговых связей между Российской Федерацией и Итальянской Республикой. Стороны согласны также с необходимостью поощрять сотрудничество между малыми и средними предприятиями двух стран.

14. В связи с инициативой Президента Российской Федерации Б. Е. Ельцина, нацеленной на совершенствование подготовки управленческих кадров для экономических организаций и предприятий Российской Федерации, Стороны намерены осуществлять сотрудничество по подготовке руководителей российских предприятий в тех областях, которые имеют ключевое значение для промышленного развития и укрепления экономики Российской Федерации. Там, где это необходимо, Стороны заключат специальные соглашения для регулирования своего сотрудничества в этой сфере. Стороны также предпримут шаги в соответствующих структурах ЕС в целях реализации проектов профессиональной подготовки российских управленческих кадров в рамках программы ТАСИС и Европейского центра подготовки кадров в г. Турине.

15. Стороны признают целесообразным активизацию экономического и промышленного сотрудничества в третьих странах путем совместного участия в проектировании, поставках оборудования, выполнении строительно-монтажных и иных работ, освоении природных ресурсов, выполнении государственных заказов, в том числе в области оборонной промышленности в тех случаях, когда это не противоречит их законодательству.

III. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

1. Российская Федерация и Итальянская Республика осознают ключевую роль научно-технического прогресса в развитии современного общества, его возрастающее влияние на формирование картины мира в наступающем столетии;

с удовлетворением оценивают результаты, достигнутые благодаря двустороннему сотрудничеству в различных областях фундаментальных и прикладных исследований и новых технологий;

принимают во внимание отличный уровень сотрудничества между научно-техническими институтами и университетами двух стран;

пришли к выводу о наличии прочного фундамента для наращивания потенциала сотрудничества в научно-технической сфере.

2. Стороны положительно оценивают значимость и актуальность межправительственного Соглашения о научно-техническом сотрудничестве, подписанного 1 декабря 1995 года, особо отмечая сформулированный в нем четкий механизм регулирования вопросов интеллектуальной собственности.

3. Проанализировав состояние и тенденции развития науки и технологий в Российской Федерации и Итальянской Республике, Стороны считают, что приоритетными направлениями научно-технического сотрудничества будут:

— фундаментальные и прикладные исследования в области естественных наук, в том числе источников энергии, новых материалов, космоса, медицины и здравоохранения, фармацевтических наук, сельского хозяйства и в области агропромышленного комплекса;

— информатизационные технологии и вычислительная техника;

— промышленные исследования и новые технологии;

— проблемы экологии и охраны окружающей среды.

4. Для определения приоритетов финансирования при отборе проектов сотрудничества Стороны намерены исходить из следующих критериев:

— соответствие проектов национальным приоритетным направлениям развития науки и техники в обеих странах;

— междисциплинарный характер проектов, их направленность на создание новых технологий;

— перспективность подключения двусторонних проектов к международным многосторонним проектам, в частности, программам Европейского Союза.

5. Стороны будут всячески поощрять финансирование совместных проектов из частных источников.

6. Научное и технологическое сотрудничество, напрямую финансируемое Сторонами, будет реализовываться в соответствии с национальными законодательствами и международными обязательствами и может проходить, в частности, в следующих формах:

— обмен публикациями, документацией и информацией;

— совместные проекты и публикации;

— выставки, симпозиумы, круглые столы и экспозиции по научно-техническим темам;

— стажировки ученых в течение кратких и продолжительных сроков.

7. В контексте глобальной информационной революции важнейшим направлением российско-итальянского сотрудничества будет также являться область внедрения и распространения новых информационных технологий (НИТ).

Стороны будут совместно работать на направлении формирования глобального информационного сообщества, включая выработку международно-правовых принципов функционирования такого сообщества и определение, в частности, для всех государств-участников равных, недискриминационных условий доступа к НИТ, которые устраняли бы дисбаланс в их развитии и всемерно поощряли международное сотрудничество.

8. Особое внимание Стороны намерены уделить вопросам предотвращения использования научно-технических достижений в противозаконных целях. Стороны будут сотрудничать в том числе в деле недопущения распространения по каналам "Интернет" электронной продукции криминального и вредного содержания и разработки возможных законодательных, технических и других мер, направленных на предотвращение и нейтрализацию последствий злоупотребления в этой области.

9. Министерство науки и технологий Российской Федерации и Министерство иностранных дел Итальянской Республики уполномочены, в качестве соответствующих координирующих органов, на выполнение настоящего Плана действий в том, что касается научного и технологического сотрудничества.

IV. СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Российская Федерация и Итальянская Республика констатируют, что устойчивое развитие их сотрудничества в области культуры опирается на глубокие исторические связи и на постоянный взаимный интерес населения обеих стран к богатому культурному наследию друг друга.

Россия считала и считает Италию одной из колыбелей мировой культуры, внесшей огромный вклад в искусство античности и эпохи Возрождения, архи-

тектурное и музыкальное наследие. Италия, в свою очередь, всегда высоко ценила духовное богатство России, русскую классическую литературу и искусство.

Принимая во внимание богатство созидательного потенциала двух стран, а также прогресс, достигнутый за последнее десятилетие на многосторонних и европейских форумах, в частности, в рамках Совета Европы, Стороны намерены расширять культурное сотрудничество с тем, чтобы оно стало одной из важнейших составляющих развития российско-итальянских отношений.

В этой связи Стороны будут стремиться придать большой динамизм структурной эволюции двусторонних культурных связей с тем, чтобы они охватывали все общество, в том числе неправительственные организации, женские, молодежные, спортивные ассоциации, города, регионы и граждан.

В целях активизации координирующей роли государственных организаций в области культуры и содействия развитию вышеупомянутых связей, придавая им максимально возможную эффективность, Стороны будут улучшать механизмы двусторонних консультаций путем проведения не реже одного раза в два года регулярных заседаний Смешанной российско-итальянской комиссии по культурному сотрудничеству (создавая подкомиссии по отдельным вопросам: стипендий, сотрудничества между университетами и т. д.).

Стороны считают приоритетными следующие цели:

1. Заключение нового Соглашения в области культуры и образования, которое определяло бы направления культурного сотрудничества и намечало приоритетные шаги на основе соответствующей программы сотрудничества.

2. Подписание регулярных межправительственных Программ сотрудничества в области культуры и образования.

3. Заключение специального Соглашения об учреждении и условиях деятельности Российского культурного центра в Риме и Итальянского института культуры в Москве.

4. Заключение межведомственных договоренностей, в частности, в области среднего и высшего образования, кинематографии и т. д.

5. Дальнейшее развитие сотрудничества в области образования и научных исследований в целях:

- углубления и расширения прямых контактов между академиями, исследовательскими центрами, университетами и школами;

- поощрения создания высших учебных заведений и исследовательских центров (имеющиеся проекты — российско-итальянский институт археологии в Москве и российско-итальянский университет Нижнего Новгорода и Калабрии);

- изучения возможности заключения межправительственного соглашения о взаимном признании свидетельств об образовании и дипломов об ученых степенях и званиях;

- изыскания возможностей для взаимного увеличения квот стипендий для студентов, преподавателей и научных работников;

- содействия открытию и деятельности в России и Италии как итальянских, так и российских двуязычных колледжей, учебные программы которых включают преподавание языка и культуры другой страны, с выдачей свидетельств об образовании, признаваемых в обеих странах;

- включения преподавания информатики в учебные программы в системе среднего образования.

6. Поощрение распространения языка и литературы двух стран путем:

- расширения возможностей подготовки и повышения квалификации преподавателей языков на взаимной основе, в частности, русского языка — в Институте русского языка им. А. С. Пушкина и университетах Российской Федерации;

- более активного использования преподавателей языков для работы в университетах и других учебных заведениях двух стран в рамках двусторонних обменов;

— изыскания возможности увеличения финансирования для обучения студентов, подготовки и повышения квалификации преподавателей со знанием языка и литературы двух стран.

— Изучение целесообразности создания механизма двустороннего спонсорства с целью реализации в России и Италии крупномасштабных проектов гастролей, выставок и других культурно-художественных мероприятий.

8. Расширение взаимодействия в области охраны и использования памятников истории и культуры путем активизации сотрудничества в соответствии с национальными законодательствами и международными обязательствами с целью предотвращения незаконного ввоза и вывоза культурных ценностей обеих стран, а также используя соответствующие механизмы дипломатических консульств по этим вопросам.

9. Активизация в соответствии с межправительственным Соглашением о молодежных обменах работы Смешанной российско-итальянской комиссии по молодежному обмену, включая подготовку и подписание очередной Программы сотрудничества в этой области на 1998 — 1999 годы.

10. Оказание поддержки российским и итальянским неправительственным организациям, принимающим активное участие в развитии двусторонних культурных связей.

11. Содействие сотрудничеству на региональном и местном уровнях путем установления более тесных культурных связей между регионами и городами двух стран.

Настоящий План действий не носит исчерпывающего характера. По мере необходимости Стороны могут вносить в него дополнения и изменения.

Подписано в Риме “10” февраля 1998 года в двух экземплярах, каждый на русском и итальянском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве и взаимной административной помощи в таможенных делах

Правительство Российской Федерации и Правительство Итальянской Республики, именуемые в дальнейшем Договаривающимися Сторонами,

исходя из того, что нарушения таможенного законодательства наносят ущерб экономическим, налоговым, социальным, культурным интересам их государств, а также законным интересам торговли,

принимая во внимание, что незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ представляет опасность для здоровья граждан и общества, учитывая важность обеспечения точного исчисления таможенных пошлин, налогов и других сборов, взимаемых при ввозе или вывозе товаров, а также надлежащего выполнения условий запрета, ограничения и контроля,

считая, что усилия по предотвращению нарушений таможенного законодательства и по обеспечению правильного взимания импортных и экспортных пошлин и налогов могут стать более эффективными благодаря сотрудничеству между их таможенными службами,

принимая во внимание Рекомендацию Совета таможенного сотрудничества о взаимном административном содействии от 5 декабря 1953 года,

принимая во внимание также положения Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 года,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Определение понятий

Понятия, используемые в настоящем Соглашении, означают:

а) “таможенное законодательство” — совокупность нормативных правовых актов, соблюдение которых обеспечивается таможенными службами, регулирующими ввоз, вывоз и транзит товаров, включая средства платежа, а также помещение их под таможенный режим, и касающихся либо взимания таможенных пошлин, налогов и других сборов, либо мер по запрету, ограничению или контролю, либо борьбы с незаконным оборотом наркотиков и других товаров;

б) “таможенные службы”:

в Российской Федерации — Государственный таможенный комитет Российской Федерации,

в Итальянской Республике — Итальянская таможенная служба, включая Финансовую Гвардию;

в) “нарушение” — любое нарушение таможенного законодательства, а также любая попытка нарушения этого законодательства;

г) “импортные и экспортные пошлины и налоги” — импортные и экспортные пошлины, а также все другие пошлины, налоги или сборы, взимаемые при ввозе или вывозе, включая для Итальянской Республики пошлины и налоги, устанавливаемые компетентными органами Европейского Союза;

д) “лицо” — любое физическое или юридическое лицо;

е) “сведения о физических лицах” — любые сведения относительно определенного или определяемого физического лица;

ж) “собственность” — активы любого рода, движимые или недвижимые, материальные или нематериальные, а также юридические документы или акты, удостоверяющие право на такие активы или участие в них;

з) “наложение ареста” или “замораживание” — временное запрещение перевода, конверсии, размещения или перемещения собственности или временный арест или взятие под контроль собственности на основании решения суда или иного компетентного органа;

и) “конфискация” — лишение собственности по решению суда или иного компетентного органа;

к) “контролируемая поставка” — метод, при котором допускается перемещение по территории государства каждой из Договаривающихся Сторон под контролем их компетентных органов товаров, известных или подозреваемых в незаконном обороте, с целью выявления лиц, участвующих в совершении нарушений.

Статья 2

Сфера действия Соглашения

1. Договаривающиеся Стороны через таможенные службы в соответствии с условиями настоящего Соглашения:

а) оказывают взаимное содействие в предотвращении и расследовании нарушений таможенного законодательства, а также в их пресечении;

б) по запросу оказывают взаимное содействие в предоставлении информации для использования в целях применения и соблюдения таможенного законодательства;

в) осуществляют сотрудничество с целью определения возможностей по облегчению и ускорению перемещения пассажиров и товаров;

г) оказывают друг другу техническую помощь и сотрудничают в решении вопросов, связанных с применением и соблюдением таможенного законодательства, а также по другим вопросам, которые могут потребовать их совместных действий.

2. Содействие, которое предусматривается в подпунктах а) и б) пункта 1

настоящей статьи может быть оказано с целью использования в судебных или административных разбирательствах, включая расследования.

3. Содействие в рамках настоящего Соглашения осуществляется в соответствии с законодательством, действующим на территории государства запрашиваемой Договаривающейся Стороны и в пределах компетенции и возможностей запрашиваемой таможенной службы.

4. Настоящее Соглашение предназначено единственно для осуществления взаимной административной помощи в таможенных делах Договаривающимися Сторонами. Положения настоящего Соглашения не создают для какого-либо лица права получать, препятствовать использованию или отводить любые доказательства либо препятствовать выполнению запроса.

5. Условия настоящего Соглашения не будут истолкованы таким образом, что их применение ограничит практику оказания взаимной помощи по таможенным вопросам, существующую в настоящее время между Договаривающимися Сторонами.

Статья 3

Формы сотрудничества в взаимной помощи

Таможенные службы по собственной инициативе или по запросу в соответствии с положениями настоящего Соглашения:

а) передают друг другу всю необходимую информацию, которая может помочь в обеспечении надлежащего применения таможенного законодательства, а также предупреждения, расследования и пресечения нарушений;

б) обмениваются опытом, касающимся их деятельности, и информацией о новых средствах и методах совершения нарушений, а также эффективных методов борьбы с ними;

в) обмениваются информацией, которая может помочь в обеспечении правильности взимания таможенных пошлин и налогов, в частности информацией, способствующей оценке таможенной стоимости товаров, установлению происхождения товаров и их тарифной классификации;

г) передают друг другу всю необходимую информацию, которая может помочь в обеспечении надлежащего соблюдения запретов, ограничений или контроля по ввозу, вывозу и транзиту товаров;

д) сообщают друг другу о существенных изменениях их таможенного законодательства, о применяемых ими технических средствах контроля и методах их использования, а также обсуждают другие вопросы, представляющие взаимный интерес.

Статья 4

Особые случаи взаимной административной помощи

Таможенные службы оказывают друг другу содействие в разбирательствах, включающих наложение ареста, замораживание или конфискацию в отношении собственности и доходов, связанных с нарушениями, а также орудий их совершения.

Статья 5

Техническая помощь

Таможенные службы оказывают друг другу техническую помощь в таможенных делах, включающую:

а) обмен визитами сотрудников таможен с целью достижения более глубокого понимания таможенных технологий, применяемых обеими таможенными службами;

б) обучение и помощь в совершенствовании специальных навыков сотрудников таможен;

- в) обмен информацией и опытом в использовании технических средств таможенного контроля;
- г) обмен визитами экспертов по таможенным вопросам;
- д) обмен сведениями, касающимися таможенного законодательства.

Статья 6

Предоставление информации и наблюдение

Одна таможенная служба по собственной инициативе или по запросу другой таможенной службы обеспечивает предоставление информации и проводит наблюдение за:

- а) лицами, известными или подозреваемыми в совершении нарушений, в частности, их въездами на территорию государства каждой из таможенных служб или выездами с нее;
- б) перемещением или складированием товаров и средств платежа, известных как приводящие к значительному незаконному перемещению на территорию государства другой таможенной службы или вызывающие подозрение в этом;
- в) транспортными средствами, о которых известно, что они используются с целью совершения нарушений на территории государства каждой из таможенных служб, или в отношении которых имеется подозрение в этом;
- г) местами, о которых известно, что они используются для совершения нарушений на территории государства каждой из таможенных служб.

Статья 7

Контролируемая поставка

1. Таможенные службы могут по взаимной договоренности и в соответствии с их национальным законодательством использовать метод контролируемой поставки товаров с сохранением или изъятием, полной или частичной заменой этих товаров.

Статья 8

Борьба с незаконным оборотом товаров, имеющих особо важное значение

Таможенные службы незамедлительно передают друг другу по собственной инициативе или по запросу всю необходимую информацию об установленных действиях, готовящихся или совершенных, которые нарушают или могут нарушить таможенное законодательство, действующее на территории государства одной из Договаривающихся Сторон, в области:

- а) перемещения наркотических средств и психотропных веществ, а также веществ, которые могут быть использованы для их изготовления;
- б) перемещения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств;
- в) перемещением предметов старины и искусства, представляющих значительную историческую, художественную или археологическую ценность для одной из Договаривающихся Сторон;
- г) перевозки ядовитых веществ, а также веществ, представляющих опасность для окружающей среды и здоровья людей;
- д) перемещения товаров, облагаемых высокими пошлинами или налогами;
- е) перемещения товаров, которые подвергаются нетарифным ограничениям в соответствии с перечнями, согласованными таможенными службами;
- ж) перемещением товаров, находящихся под защитой в соответствии с Конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения от 3 марта 1973 года.

Статья 9

Информация о перемещении товаров

Таможенные службы по собственной инициативе или по запросу предоставляют друг другу следующую информацию:

а) были ли товары, ввезенные на территорию государства запрашивающей таможенной службой, законно вывезены с территории государства другой таможенной службы, а также под какой таможенный режим, если это имело место, они были помещены;

б) были ли товары, вывезенные с территории государства запрашивающей таможенной службы, законно ввезены на территорию государства другой таможенной службы, а также под какой таможенный режим, если это имело место, они были помещены.

Статья 10

Дела и документы

1. Таможенные службы предоставляют друг другу по собственной инициативе или по запросу акты, свидетельские показания или заверенные копии документов, содержащие всю имеющуюся информацию, касающуюся действий, готовящихся или совершенных, которые приводят или могут привести к нарушению на территории государства другой таможенной службы.

2. Вместо документов, предусмотренных настоящим Соглашением, для тех же целей может быть передана компьютеризованная информация, представленная в любой форме. Одновременно должны быть переданы все сопутствующие материалы, необходимые для толкования или использования этой информации.

3. Подлинники дел и документов могут быть запрошены лишь в случаях, когда предоставления заверенных копий недостаточно.

4. Подлинники дел и документов, полученные в соответствии с настоящим Соглашением, должны быть возвращены при первой возможности.

Статья 11

Эксперты и свидетели

1. По запросу одной Договаривающейся Стороны в связи с совершением нарушений запрашиваемая таможенная служба может уполномочить своих должностных лиц, если это возможно, выступить перед компетентными органами запрашивающей Договаривающейся Стороны в качестве экспертов или свидетелей и дать показания по фактам, установленным ими при исполнении своих служебных обязанностей. В запросе о таком выступлении должно быть ясно указано, по какому делу и в каком качестве должно предстать должностное лицо.

2. Таможенная служба, принимающая такой запрос, если это потребует, установит, в каких пределах могут давать показания ее должностные лица.

Статья 12

Форма и содержание запроса

1. Запросы, сделанные на основании настоящего Соглашения, должны представляться в письменной форме с приложением документов, необходимых для их выполнения. В условиях чрезвычайной ситуации может быть принят устный запрос, однако он должен быть незамедлительно подтвержден в письменной форме.

2. В запросы, сделанные на основании пункта 1 настоящей статьи, следует включать следующую информацию:

- а) название таможенной службы, делающей запрос;
- б) цель и причина запроса;

в) краткое описание обстоятельств, а также перечень нормативных правовых актов, имеющих отношение к делу;

г) точные и исчерпывающие сведения о лицах, являющихся предметом расследования.

3. Запросы должны быть сделаны на официальном языке государства запрашиваемой таможенной службы или на другом приемлемом для нее языке.

4. Информация, представленная в рамках настоящего Соглашения, передается только должностным лицам, назначенным для этих целей каждой таможенной службой. Таможенные службы обмениваются списками таких должностных лиц и по мере необходимости обновляют эти списки.

Статья 13

Выполнение запроса

1. По получении запроса одной таможенной службы другая таможенная служба проводит расследования в отношении действий, которые противоречат или могут противоречить таможенному законодательству, действующему на территории государства запрашивающей таможенной службы, и передает результаты такого расследования запрашивающей таможенной службе.

2. Такие расследования проводятся в соответствии с законодательством, действующим на территории государства запрашиваемой таможенной службы. Запрашиваемая таможенная служба проводит расследования, действуя от своего собственного имени.

3. В случае, если выполнение запроса не входит в компетенцию запрашиваемой таможенной службы, она незамедлительно передает его соответствующему органу и предпринимает действия по получению содействия от этого органа. Уведомление об этом, в случае просьбы, направляется запрашивающей таможенной службе.

Статья 14

Присутствие должностных лиц

1. Должностные лица одной таможенной службы с согласия и в соответствии с условиями, установленными другой таможенной службой, могут в отдельных случаях находиться на территории государства последней при расследовании нарушений таможенного законодательства, действующего на территории государства запрашивающей таможенной службы. В этих случаях упомянутые должностные лица могут предоставлять и получать информацию, включая документальную, или содействие в отношении сделанного запроса.

2. Когда в случаях, предусмотренных настоящим Соглашением, должностные лица одной таможенной службы находятся на территории государства другой таможенной службы, они должны быть способны представить в любое время доказательство своих официальных полномочий. При этом они пользуются такой же защитой, которая предоставляется должностным лицам таможенной службы Договаривающейся Стороны в соответствии с законодательством, действующим на территории государства этой другой Договаривающейся Стороны, и несут ответственность за любые нарушения, которые они могут совершить. Они не должны быть одеты в форменную одежду и иметь при себе оружие.

Статья 15

Использование информации и документов

1. Информация, документы и другие сведения, полученные в соответствии с настоящим Соглашением, используются только для целей, указанных в настоящем Соглашении. Они могут быть переданы или использованы для любых целей с согласия таможенной службы, передавшей эти документы.

2. Положения пункта 1 настоящей статьи не применяются в отношении

информации о нарушениях, касающихся наркотических средств и психотропных веществ. Такая информация может быть передана другим ведомствам, непосредственно занимающимся борьбой с незаконным оборотом наркотиков.

3. Таможенные службы могут в соответствии с целями и в объеме настоящего Соглашения использовать информацию и документы, полученные на основании настоящего Соглашения, в качестве доказательства в своих протоколах, актах, записях свидетельских показаний, а также в ходе судебных и административных разбирательств. Использование такой информации и документов в качестве доказательства в судебных органах и их доказательная сила определяются в соответствии с национальным законодательством государств Договаривающихся Сторон.

4. Запросам, информации, актам экспертизы и другим сведениям, переданным в соответствии с настоящим Соглашением одной таможенной службе в какой бы то ни было форме, обеспечивается получившей их таможенной службой такой же режим конфиденциальности, который существует в ее государстве для собственной информации аналогичного характера и содержания.

5. С учетом обязательств Итальянской Республики как члена Европейского Союза, положения пункта 1 настоящей статьи не препятствуют тому, чтобы полученные информация, документы и сведения, если это необходимо, могли быть переданы Европейской Комиссии и другим государствам-членам Европейского Союза с предварительным извещением об этом таможенной службы Российской Федерации.

6. С учетом обязательств Российской Федерации как члена Содружества Независимых Государств, положения пункта 1 настоящей статьи не препятствуют тому, чтобы полученные информация, документы и сведения, если это необходимо, могли быть переданы соответствующим органам Содружества Независимых Государств с предварительным уведомлением об этом таможенной службы Итальянской Республики.

7. В случаях, когда в соответствии с настоящим Соглашением осуществляется обмен сведениями о физических лицах, Договаривающиеся Стороны обеспечивают меры по защите информации, как минимум соответствующие тем, которые следует из реализации принципов, изложенных в Приложении к настоящему Соглашению, являющемуся его неотъемлемой частью.

Статья 16

Исключения из обязательств по оказанию содействия

1. В тех случаях, когда таможенная служба одной Договаривающейся Стороны считает, что выполнение запроса может нанести ущерб суверенитету, безопасности, публичному порядку или любым другим существенным интересам государства этой Договаривающейся Стороны, а также противоречит основным принципам ее национального законодательства, она может полностью или частично отказать в содействии, предусмотренном настоящим Соглашением, либо оказать его при соблюдении определенных условий или требований.

2. Если в содействии отказано, то решение об отказе с указанием причины должно быть в письменной форме незамедлительно доведено до сведения запрашивающей таможенной службы.

3. Если таможенная служба одной из Договаривающихся Сторон обращается за содействием, которое не могла бы оказать сама, в своем запросе она отмечает этот факт. Выполнение такого запроса передается на усмотрение запрашиваемой таможенной службы.

4. Оказание содействия может быть отложено запрашиваемой таможенной службой на основании того, что это будет затрагивать ведущиеся расследование, преследование или разбирательство. В этом случае запрашиваемая таможенная служба консультируется с запрашивающей таможенной службой с целью опре-

деления того, может ли быть оказано содействие при соблюдении таких требований или условий, какие могут быть выдвинуты запрашиваемой таможенной службой.

Статья 17

Расходы

1. Таможенные службы отклоняют любые требования о возмещении расходов, связанных с выполнением настоящего Соглашения, за исключением расходов на свидетелей, экспертов и переводчиков, не состоящих на государственной службе. Указанные расходы несет запрашивающая таможенная служба.

2. Если выполнение запроса потребует значительных расходов или же они носят чрезвычайный характер, таможенные службы проводят консультации с целью определения условий, на которых данный запрос может быть выполнен, а также формы оплаты.

Статья 18

Реализация Соглашения

1. Содействие, предусмотренное настоящим Соглашением, осуществляется непосредственно таможенными службами. Эти службы взаимно согласуют конкретные мероприятия, необходимые для его реализации.

2. Таможенные службы могут предусмотреть установление прямых каналов связи между их центральными и местными подразделениями по борьбе с контрабандой и нарушениями таможенных правил, а также, при необходимости, с другими подразделениями.

3. Таможенные службы проводят регулярные консультации по вопросам сотрудничества и взаимной помощи, предусмотренные настоящим Соглашением, в рамках Смешанной комиссии, которую они образуют для этой цели. Представители Смешанной комиссии встречаются по мере необходимости по запросу одной из таможенных служб.

4. Таможенные службы будут стремиться к разрешению по взаимному согласию проблем или вопросов, которые могут возникнуть в отношении толкования или применения настоящего Соглашения. Спорные вопросы, не урегулированные в рамках Смешанной комиссии, разрешаются по дипломатическим каналам.

Статья 19

Территориальное действие Соглашения

Настоящее Соглашение имеет действие на таможенных территориях государств обеих Договаривающихся Сторон, определяемых в соответствии с их национальным законодательством.

Статья 20

Вступление в силу и прекращение действия Соглашения

1. Настоящее Соглашение вступает в силу в первый день второго месяца с даты получения последнего из двух официальных уведомлений о выполнении Договаривающимися Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу.

2. Настоящее Соглашение заключается на неопределенный срок. Каждая из Договаривающихся Сторон может в любой момент прекратить его действие, направив письменное уведомление об этом другой Договаривающейся Стороне

по дипломатическим каналам. Действие настоящего Соглашения прекращается по истечении трех месяцев с даты такого уведомления.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные своими Правительствами, подписали настоящее Соглашение.

Совершено в Риме "10" февраля 1998 года в двух экземплярах, каждый на русском, итальянском и английском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу.

В случаях разногласий для целей толкования будет использоваться текст на английском языке.

За Правительство Российской Федерации

За Правительство Итальянской Республики

ПРИЛОЖЕНИЕ

Положения о передаче сведений о физических лицах, которыми руководствуются таможенные службы Договаривающихся Сторон

1. Таможенные службы могут использовать полученные сведения о физических лицах только в указанных целях и на условиях, определенных передающей их таможенной службой. Последующая передача таких сведений другим органам разрешается только с предварительного согласия передавшей эти сведения таможенной службы.

2. По запросу передающей сведения таможенной службы, таможенная служба, получившая сведения, сообщает об их использовании и достигнутых при этом результатах.

3. Передающая сведения таможенная служба должна следить за их правильностью. Если выясняется, что переданы неправильные или не подлежащие передаче сведения, то об этом незамедлительно сообщается запрашивающей таможенной службе. Запрашивающая таможенная служба производит исправление или уничтожение сведений, в случае запроса об этом.

4. Таможенные службы документально фиксируют передачу и получение сведений, касающихся физических лиц.

5. Таможенные службы защищают полученные сведения от неправомерного доступа, внесения в них изменений без согласия передающей сведения таможенной службы, а также от неправомерной их последующей передачи.

6. Передающая сведения таможенная служба определяет предельный срок их уничтожения. Сведения о физических лицах уничтожаются в определенный предельный срок или по мере истечения потребности в них.

7. Настоящее Соглашение применяется в любом случае таким образом, чтобы обращение со сведениями о физических лицах осуществлялось с соблюдением основных прав и свобод человека, включая неприкосновенность его частной жизни и индивидуальность личности, как это гарантируется национальным законодательством государств Договаривающихся Сторон.

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в области культуры и образования

Правительство Российской Федерации и Правительство Итальянской Республики,

стремясь к дальнейшему развитию сотрудничества между двумя странами в области культуры и образования,

будучи убежденными в том, что это сотрудничество будет способствовать укреплению взаимопонимания и дружбы между народами двух стран,

учитывая глубокие исторические корни российско-итальянских культурных связей и традиционный интерес народов двух стран к ознакомлению с культурными и гуманитарными ценностями друг друга.

руководствуясь принципами Договора о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Итальянской Республикой от 14 октября 1994 года, действуя в соответствии с договоренностями, достигнутыми в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и Совета Европы, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Стороны с целью развития сотрудничества в области культуры и искусства поощряют:

гастроли театральных, музыкальных и других художественных коллективов и исполнителей;

прямые обмены между театрами, художественными коллективами и иными учреждениями культуры;

проведение выставок;

развитие контактов в области кинематографии и кинопроизводства;

взаимодействие специалистов в сфере литературы, различных областей изобразительного искусства, музыки, танца, кино и архитектуры,

обмен информацией о фестивалях, конкурсах, конференциях и других культурных мероприятиях, проводимых в обеих странах, а также участие в них деятелей культуры;

установление и развитие контактов между творческими союзами и другими организациями.

Статья 2

Стороны поощряют обмен опытом в области культуры и популяризацию культурных и художественных ценностей обеих стран путем организации совместных конференций, симпозиумов и других форумов, а также путем встреч специалистов и проведения совместных научных исследований.

Стороны способствуют обмену информацией и опытом в области сохранения и реставрации культурных ценностей.

Статья 3

Стороны содействуют учреждению и деятельности Российского центра науки и культуры в Риме и Итальянского института культуры в Москве, которые будут регулироваться на основе отдельного межправительственного соглашения.

Статья 4

Стороны с целью развития сотрудничества в области образования и гуманитарных наук между двумя странами поддерживают:

развитие взаимовыгодных связей на основе прямых договоров между науч-

но-исследовательскими центрами, научными обществами и организациями двух стран;

обмены научными работниками и другими специалистами для осуществления проектов совместных исследований, прохождения научной стажировки, участия в симпозиумах, конференциях и других научных форумах;

прямые контакты и обмены между университетами и другими учебными заведениями, учреждениями и организациями в сфере образования;

изучение и преподавание языков и литературы двух стран;

обмен стипендиями, прежде всего, для обучения в аспирантуре лиц с высшим образованием и для обучения российских специалистов на курсах подготовки управленческих кадров;

поездки преподавателей, научных работников, специалистов в области образования для чтения лекций и участия в различных научных мероприятиях;

обмен информацией о международных мероприятиях в области образования и научных исследований;

взаимодействие в области профессиональной подготовки и переподготовки кадров, разработки образовательных стандартов, методики составления учебных пособий, программ и др.;

другие формы взаимовыгодного сотрудничества в области образований и научных исследований.

Статья 5

Стороны способствуют:

реализации прямых связей в области культуры и образования между городами и регионами Российской Федерации и Итальянской Республики;

деятельности по развитию культурных и научных связей неправительственных организаций двух стран.

Статья 6

Стороны поощряют прямое сотрудничество между органами печати, издательствами, телерадиовещательными организациями и другими учреждениями двух стран в области информации.

Статья 7

Стороны содействуют сотрудничеству и взаимному обмену между архивами, библиотеками и музеями двух стран.

Статья 8

Стороны поощряют сотрудничество между соответствующими органами государственной власти с целью предотвращения и пресечения незаконного перемещения культурных ценностей, а также аудиовизуальных материалов и других предметов, подлежащих защите на основе их внутреннего законодательства и международных обязательств двух государств.

Статья 9

Стороны поощряют сотрудничество в сфере охраны авторских и смежных прав в соответствии с их внутренним законодательством и международными обязательствами своих государств.

Статья 10

Стороны способствуют сотрудничеству между органам государственной власти, выдающими вопросами молодежи, а также прямым контактам между молодежными организациями и молодыми людьми двух стран.

Статья 11

Стороны содействуют развитию сотрудничества в области физической культуры и спорта, поощряют прямые контакты между спортивными обществами, командами, спортсменами и тренерами двух стран.

Статья 12

Стороны поддерживают развитие сотрудничества в области туризма как важного средства взаимного ознакомления с художественными и гуманитарными ценностями каждой из двух стран.

Статья 13

Любая деятельность в рамках настоящего Соглашения осуществляется в соответствии с законодательством того государства, на территории которого проводится указанная деятельность.

Статья 14

Для выполнения настоящего Соглашения Стороны создают Смешанную комиссию с целью наблюдения за ходом культурного сотрудничества и регулярного принятия конкретных Программ.

Заседание Смешанной комиссии будут проводиться поочередно в столицах двух государств.

Статья 15

Вопросы, возникающие в связи с толкованием или применением настоящего Соглашения, будут разрешаться по дипломатическим каналам.

Статья 16

Настоящее Соглашение вступает в силу с даты последнего из письменных уведомлений, подтверждающих выполнение каждой Стороной соответствующих внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу.

С даты вступления в силу настоящего Соглашения прекращают свое действие в отношениях между Российской Федерацией и Итальянской Республикой Культурное Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Итальянской Республикой от 9 февраля 1960 года и Соглашение о культурном сотрудничестве между Правительством Российской Республики и Правительством Итальянской Республики от 19 декабря 1991 года.

Статья 17

Настоящее Соглашение является бессрочным и будет оставаться в силе до истечения шести месяцев с даты письменного уведомления одной из Сторон о своем намерении прекратить действие настоящего Соглашения.

Прекращение действия Соглашения не повлияет на реализацию Программ, согласованных в ходе выполнения Соглашения, если Стороны не договорятся об ином.

Совершено в Риме "10" февраля 1998 года, в двух экземплярах, каждый на русском и итальянском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Правительство Российской Федерации

За Правительство Итальянской Республики

ПРОТОКОЛ
о взаимопонимании между правительством Российской Федерации
и Правительством Итальянской Республики в области двустороннего
технического сотрудничества на 1998 — 99 годы

Правительство Российской Федерации и Правительство Итальянской Республики, далее именуемые Сторонами,
в целях развития сотрудничества между Российской Федерацией и Итальянской Республикой
достигли взаимопонимания о нижеследующем:

Статья 1

Итальянская Сторона окажет поддержку проектам в области технического сотрудничества, согласованным между итальянскими некоммерческими организациями их российскими партнерами, путем выделения средств, необходимых для покрытия значительной части соответствующих расходов.

Статья 2

Проекты, указанные в Статье 1 настоящего Протокола, будут осуществляться в целях профессиональной подготовки управленческих кадров, технического содействия и составления технико-экономического обоснования в следующих областях:

приватизация, конверсия и реорганизация предприятий, менеджмент (производство, внешняя торговля и финансирование), подготовка и переподготовка управленческих кадров, главным образом, для совместных, малых и средних предприятий;

развитие малых и средних предприятий;
сельское хозяйство, переработка сельскохозяйственных продуктов и маркетинг;

строительство и городские инфраструктуры;
здравоохранение, охрана окружающей среды, производство энергии;
телекоммуникации и транспорт;
культура, информация, образование и исследования;
наука и технологии.

Статья 3

Российская Сторона будет представлять Итальянской Стороне предложения о проектах в указанных в Статье 2 настоящего Протокола областях для их технической оценки и получения согласия на финансирование через Посольство Итальянской Республики в Российской Федерации или, если будет сочтено более удобным, через Посольство Российской Федерации в Итальянской Республике.

Такие предложения должны носить детализированный характер, содержать четко обозначенные цели, сроки реализации и стоимость проектов.

Статья 4

Российская Сторона при обращениях с просьбой о финансировании проектов к двусторонним или многосторонним органам будет отдавать приоритет тем проектам, на технико-экономическое обоснование которых и/или на оказание технического содействия по которым были выделены финансовые средства Итальянской Стороной.

Статья 5

Предложения по проектам в областях, не предусмотренных в настоящем

Протоколе, могут быть представлены на рассмотрение Итальянской Стороне по дипломатическим каналам только по обращению. Российской Стороны, если она считает, что такие проекты имеют особо важный характер. Упомянутые предложения должны соответствовать основным направлениям политики Итальянской Республики в области сотрудничества с зарубежными странами.

Статья 6

В целях достижения наибольшей эффективности этих проектов, а также избежания дублирования других проектов, финансируемых иными донорами, Российская Сторона назначает в качестве единственного уполномоченного органа по отбору и представлению проектов Министерство экономики Российской Федерации.

Статья 7

Споры по толкованию и выполнению настоящего Протокола будут разрешаться путем переговоров между Сторонами.

Статья 8

Настоящий Протокол вступает в силу с даты обмена дипломатическими нотами, подтверждающими выполнение Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу.

Совершено в Риме "10" февраля 1998 года в двух экземплярах, каждый на русском и итальянском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Правительство Российской Федерации

За Правительство Итальянской Республики

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Российской Федерации и Правительством Великого Герцогства Люксембург о сотрудничестве в области здравоохранения, медицинской науки и медицинской промышленности

Правительство Российской Федерации и Правительство Великого Герцогства Люксембург, именуемые в дальнейшем "Сторонами", учитывая дружественные отношения, существующие между двумя государствами,

сознавая важность развития сотрудничества между обеими странами в области медицины и здравоохранения в интересах повышения уровня оказания медицинской помощи гражданам обеих стран,

исходя из целесообразности объединения усилий обеих стран в решении проблем в области здравоохранения, представляющих взаимный интерес, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Стороны способствуют развитию и расширению сотрудничества по актуальным вопросам медицины, политики и практики здравоохранения на основе равенства и учета взаимных интересов и в соответствии с действующим в их государствах законодательством, в следующих областях медицины:

- кардиология,
- психиатрия и наркология,
- молекулярная биология,
- экспериментальная иммунология,
- контроль качества медикаментов,
- медицинская информатика,
- организация здравоохранения,
- медицинская, фармацевтическая и биотехнологическая промышленность.

Указанный перечень проблем не является окончательным и исчерпывающим и может быть дополнен по взаимному согласию Сторон.

Статья 2

Придавая важное значение расширению и укреплению взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества, Стороны осуществляют сотрудничество в рамках настоящего Соглашения путем:

- а) обмена информацией об организации медицинской помощи населению, новых методах лечения, новых лекарственных препаратах, новых прогрессивных технологиях производства продукции медицинского назначения;
- б) обмена специалистами и делегациями;
- в) участия экспертов в конгрессах и научных конференциях, организуемых одной из Сторон или совместно обеими Сторонами;
- г) осуществления других взаимно согласованных форм сотрудничества в области медицины и здравоохранения.

Статья 3

Стороны сотрудничают в области производства и разработки отдельных видов продукции медицинского назначения (иммунобиологические препараты и диагностическое оборудование, медицинская техника и изделия медицинского назначения, медицинская информатика, новые формы лечения, фармацевтические субстанции и сырьё для их производства).

Статья 4

Стороны способствуют установлению и развитию экономических и других связей, а также прямых контактов между российскими и люксембургскими учреждениями и организациями в области медицины, общественного здравоохранения, руководства службами здравоохранения, исследований и медицинской промышленности.

Статья 5

Стороны учреждают Совместную комиссию, которой поручается практическое выполнение настоящего Соглашения. В рамках настоящего Соглашения и в соответствии с законодательством своих государств Комиссия:

- а) разрабатывает программы сотрудничества на согласованные периоды;
- б) определяют формы, методы и условия сотрудничества;
- в) подводит итоги и анализирует результаты сотрудничества.

Комиссия поощряет участие ученых и специалистов различных учреждений и организаций и соответствующих производителей двух стран в проектах, к которым прилагается описание с уточнением:

- названия учреждений, организаций или производителей, участвующих в проекте;
- цели проекта;
- технического описания проекта;
- сроков проекта;
- поименного списка лиц, участвующих в проекте;

- предполагаемых результатов проекта;
- необходимых финансовых средств для сотрудничества с указанием людских и материальных затрат, расходов по переездам и пребыванию, участию в работе конгрессов и других научных мероприятиях.

Комиссия состоит из представителей Сторон, а также представителей организаций, по усмотрению обеих Сторон и собирается поочередно в Российской Федерации и Великом Герцогстве Люксембург.

Статья 6

Сотрудничество в рамках настоящего Соглашения финансируется на основе договоренности, которая будет достигнута Совместной комиссией, за счет средств Сторон, а также за счет средств организаций и учреждений, участвующих в сотрудничестве.

Статья 7

Настоящее Соглашение вступает в силу с даты его подписания и будет действовать до истечения шести месяцев со дня, когда одна из Сторон уведомит другую Сторону о своем намерении прекратить действие Соглашения.

Совершено в Москве "27" января 1998 г. в двух экземплярах, каждый на русском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Правительство Российской Федерации

За Правительство Великого Герцогства Люксембург

СОВМЕСТНЫЙ ДОКЛАД

Председателя Правительства Российской Федерации и Вице-президента

Соединенных Штатов Америки в связи с пятой годовщиной создания

Российско-Американской Комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству

Председатель Правительства Российской Федерации и Вице-президент Соединенных Штатов Америки, Сопредседатели Российско-Американской Комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству в связи с пятой годовщиной учреждения Комиссии рассмотрели итоги ее работы и наметили пути дальнейшего взаимодействия в интересах реализации целей, сформулированных в Ванкуверской Декларации.

В апреле 1993 года Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки договорились о создании механизма координации усилий для устранения барьеров во взаимной торговле и научно-техническом сотрудничестве; налаживании взаимодействия федеральных органов двух стран в обеспечении благоприятных условий для деятельности деловых людей на рынках России и США; своевременного выявления и решения проблем, возникающих в процессе совместной деятельности в экономической, инвестиционной и технологической областях.

Председатель Правительства Российской Федерации и Вице-президент Соединенных Штатов Америки с удовлетворением констатировали, что за истекшие пять лет российско-американское сотрудничество в экономической и технологической сферах стало весомым фактором укрепления партнерских отношений

между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки, обеспечения их устойчивости, предсказуемости и преемственности. Комиссия оправдала связанные с ее деятельностью ожидания.

Сопредседатели Комиссии подтвердили приверженность принципам, зафиксированным в "Совместном Заявлении по российско-американской экономической инициативе", подписанном Президентами Б. Н. Ельциным и Б. Клинтон 21 марта 1997 г., Россия и США будут предпринимать шаги по расширению взаимного доступа на рынки, а также создавать соответствующие условия для распространения на Россию режима наибольшего благоприятствования на постоянной и безусловной основе. Они отметили приверженность России переходу на международно признанные стандарты бухгалтерского учета и отчетности, формированию эффективных механизмов урегулирования коммерческих споров.

Стороны с удовлетворением отметили, что Комиссия содействовала созданию предпосылок для значительного роста взаимного товарооборота, который за истекшие пять лет более чем удвоился и достиг по итогам 1997 года объема свыше 7 млрд. долл. Крупным достижением стало существенное повышение диверсификации товарооборота. Хотя удельный вес сырья, полуфабрикатов и продовольствия во взаимной торговле еще велик, доля высокотехнологических товаров, прежде всего благодаря сотрудничеству в аэрокосмической отрасли, неуклонно повышается.

Расширение российско-американского взаимодействия непосредственно отражается на деятельности Комиссии. Круг рассматриваемых ею вопросов сегодня охватывает области космоса, ядерной и неядерной энергетики, науки и технологии, экологии, агропромышленного комплекса, здравоохранения, развития делового сотрудничества, конверсии оборонных отраслей, фондовых рынков. По каждому из этих направлений достигнуты существенные результаты.

Комитет по развитию делового сотрудничества внес существенный вклад в создание предпосылок для удвоения товарооборота в 1993 — 1997 годах. Сегодня по объему совокупных капиталовложений в российскую экономику США, на долю которых приходится около трети всех иностранных инвестиций в Россию, прочно заняли первое место среди зарубежных инвесторов.

Комитет, в частности, выработал рекомендации по вопросам доступа на рынки обеих стран, налогообложения коммерческой деятельности, сотрудничества в области стандартов и сертификации, таможенного контроля, борьбы с преступностью в коммерческой сфере. Комитет также способствовал преодолению препятствий для завершения конкретных коммерческих проектов.

Важной инициативой Комитета явилось развитие сотрудничества по линии малого предпринимательства, рассматриваемого сторонами в качестве одного из важнейших резервов расширения и укрепления российско-американского делового партнерства.

Успешная деятельность созданной в 1995 году Специальной рабочей группы по поощрению коммерческого сотрудничества между Дальним Востоком России и Западным побережьем США дала импульс активному вовлечению в процесс хозяйственного взаимодействия различных регионов обеих стран для выработки инвестиций, таких как пилотный проект предварительных уведомлений таможенных органов "Клир Пак".

Стороны отметили активизацию деятельности Экспортно-Импортного Банка США в содействии финансированию экспорта американских товаров и услуг в Россию. Объем операций Эксимбанка по проектам в России в настоящее время превышает 2 млрд. долл., почти половина из которых задействована в финансировании нефтедобывающей промышленности. Эксимбанк также наращивает сотрудничество с российскими коммерческими банками и занимается поиском путей расширения взаимодействия с ними. Эксимбанк примет участие в усилиях по поддержке Региональной инвестиционной инициативы и продолжает работу

над реализацией договоренностей о поддержке малого и среднего предпринимательства.

Осуществление **Региональной инвестиционной инициативы**, о создании которой было объявлено в феврале 1997 года и которая призвана создать более благоприятный климат для частных инвестиций в регионы России, идет полным ходом на Дальнем Востоке, в Новгородской и Самарской областях. В каждом регионе был выработан план технического сотрудничества, финансирования и деятельности на основе партнерства в целях поощрения предпринимаемых усилий по привлечению инвестиций.

Форум по рынкам капитала, работающий при активном участии частного сектора, внес рекомендации по приоритетным реформам, направленным на ускорение развития российских фондовых рынков.

Активно работает **Комитет по космосу**. К настоящему времени в рамках программы "Шаттл-Мир" осуществлено девять полетов кораблей "Спейс Шаттл" к станции "Мир". Шесть американских астронавтов совершили длительный полет на российской космической станции "Мир", четверо российских космонавтов летали в составе экипажей корабля "Спейс Шаттл".

29 января 1998 года между Россией, Соединенными Штатами, Японией, Канадой и одиннадцатью государствами-членами Европейского космического агентства было подписано Межправительственное соглашение о Международной космической станции, которое формально положило начало партнерству России по МКС. Кроме того, был также официально оформлен Меморандум о взаимопонимании между РКА и НАСА. Эти документы, официально закрепляющие партнерство по МКС, обеспечивают дальнейшее развитие программы Международной космической станции и продолжение российско-американского взаимодействия в аэрокосмической отрасли на ближайшие пятнадцать лет.

Кроме того, на основе ряда отдельных соглашений, подписанных в рамках Комитета по космосу Комиссии, было налажено сотрудничество в таких областях, как исследование Земли, астрофизика, исследования планет, астрономия, космическая медицина и биология.

Работа Комиссии также укрепила связи между российской и американской аэрокосмической промышленностью в области производства и испытаний российских ракетных двигателей в целях создания нового поколения систем запуска.

Наиболее значимыми программами сотрудничества в области авиации, созданными в рамках Комиссии, стали российско-американская программа исследований "Ту-144", которая предполагала проведение высокоскоростных летных испытаний самолетов гражданской авиации на базе самолета "Ту-144", и совместная программа испытаний гиперзвукового прямоточного воздушно-реактивного двигателя.

Совместные усилия в рамках **Комитета по энергетической политике** и Комитета по развитию делового сотрудничества в области **неядерной энергетики** послужили важным вкладом в дело правового обеспечения функционирования топливно-энергетического комплекса и улучшения инвестиционного климата в России. Эти усилия включают в себя принятие Федерального закона "О соглашениях о разделе продукции" и разработку законодательной базы для повышения эффективности закона.

Комитеты участвовали по проектам двух первых соглашений о разделе продукции по проектам освоения нефтегазовых месторождений на Сахалине (Сахалин-1 и Сахалин-2). Эти проекты были реализованы, и их экономическая отдача для региона становится все более ощутимой.

Комитет содействовал развитию сотрудничества между Российской федеральной комиссией по энергетике и Федеральной комиссией США по регулированию энергетики США, а также регулирующими органами регионов и штатов в обмене информацией по созданию справедливых и транспарентных режимов регулирования в энергетике. Другим направлением сотрудничества в области

энергетики является повышение эффективности использования энергии и освоение ее возобновляемых источников. Опыт американского законодательства использован при подготовке Закона Российской Федерации "Об энергосбережении", при разработке механизмов финансирования и привлечения средств международных финансовых институтов для осуществления энергосберегающих проектов, при реализации проектов модернизации систем теплоснабжения в ряде городов России.

Предусматривается долгосрочное взаимодействие в рамках федеральных инвестиционных программ "Энергосбережение России" и "Энергообеспечение северных территорий", а также сотрудничество в производстве энергосберегающего оборудования в России, обмен современными технологиями.

В **ядерной области** работа велась по двум главным направлениям: мирному использованию атомной энергии, а также сотрудничеству, связанному с процессом сокращения ядерных вооружений, включая сферы безопасного обращения, диспозиции и использования ядерных материалов.

Наглядным примером российско-американского взаимодействия в этой области является переработка высокообогащенного оружейного урана в низкообогащенный и его поставки в США для дальнейшего использования в энергетических целях; сотрудничество в прекращении производства оружейного плутония; сотрудничество в деле его безопасного и эффективного использования и диспозиции; повышение уровня защиты и учета ядерных материалов, а также некоторые улучшения в области ядерной безопасности.

Комитет по конверсии оборонного комплекса осуществлял эффективную работу в области расширения российско-американского оборонного сотрудничества.

Усилия Комитета по получению доступа к государственному и частному финансированию конверсионных проектов увенчались успехом. Помимо этого, Комитетом проводилась работа по созданию более благоприятной обстановки в области предпринимательства для привлечения инвестиций в конверсию оборонной промышленности. Комитет также оказывал содействие в разработке ряда новых программ и нормативных актов в этой области.

В рамках Программы по совместному снижению военной угрозы на реализацию проектов в России, включающих ликвидацию стратегических наступательных вооружений, создание хранилищ расщепляющихся материалов и выполнение конверсионных проектов, было выделено около одного миллиарда долларов США. В числе приоритетных задач Программы по сокращению военной угрозы — продолжение сотрудничества в области ликвидации стратегических наступательных вооружений, в том числе уничтожение подводных лодок с БРПЛ, межконтинентальных баллистических ракет, твердотопливных ракетных двигателей и жидкого ракетного топлива; хранение и сокращение объемов низкоактивных радиоактивных отходов; строительство хранилищ расщепляющихся материалов; уничтожение химического оружия.

Комитет выразил решительную поддержку расширению технологического сотрудничества и ожидает заключения рамочного соглашения по сотрудничеству в области двойных технологий.

Комитет по науке и технологиям содействует реализации крупных совместных проектов, охватывающих практически все области фундаментальной и прикладной науки.

Основываясь на Межправительственном соглашении о научно-техническом сотрудничестве от 16 декабря 1993 года, Комитет по науке и технологиям оказывает содействие в координации осуществления перспективных программ исследования фундаментальных свойств материи, прогнозирования долгосрочных изменений климата и совершенствования методик оперативного предупреждения стихийных бедствий, телекоммуникаций и высокопроизводительных вычислений для научных целей. Многообещающей представляется совместная

программа коммерциализации результатов научных исследований и опытно-конструкторских разработок.

Достигнут прогресс в согласовании позиций сторон по защите и распределению прав интеллектуальной собственности, а также при решении вопроса о льготных условиях временного ввоза в Российскую Федерацию американского научного оборудования, используемого в совместных проектах.

Комитет по защите окружающей среды занят изучением последствий глобального изменения климата, реализацией международных программ по защите озонового слоя, сохранению биоразнообразия, мониторингу изменений в окружающей среде.

В числе перспективных задач — “экологизация” всех направлений российско-американского сотрудничества, от природоохранных аспектов освоения северных месторождений энергетических ресурсов до безопасной ликвидации стратегических наступательных вооружений.

Рабочая группа по окружающей среде (РГОС) успешно продемонстрировала возможность эффективного сотрудничества между Россией и США в применении несекретной информации, полученной через системы национальной безопасности, в конкретных областях защиты окружающей среды. Исследования РГОС продемонстрировали, что такие данные в сочетании с данными, полученными с помощью гражданских систем, могут значительно расширить научное понимание окружающей среды и экологических процессов.

В настоящее время РГОС занимается разработкой новых инициатив по сотрудничеству в различных областях, включая изучение процессов поглощения углекислого газа boreальными лесами, мониторинг стихийных бедствий и арктическую климатологию.

Комитет по здравоохранению разработал совместные программы, содействующие охране и укреплению здоровья населения, также совершенствованию организации и управлению системой здравоохранения.

Усилиями Комитета достигнута договоренность об упрощении системы регистрации в России лекарственных средств, производимых в США; в России уже зарегистрировано около 500 таких американских фармацевтических препаратов. При поддержке Агентства США по международному развитию успешно реализуются два совместных проекта в области фармацевтического производства.

Сотрудничество в области борьбы с инфекционными заболеваниями расширило возможности наблюдения за заболеваниями, способствовало совершенствованию контроля над эпидемией дифтерии и будет содействовать прогрессу в борьбе с туберкулезом, полиомиелитом и ВИЧ-инфекцией\СПИДом.

Коммуникационные средства медицинской науки, включая использование системы анализа и получения медицинской литературы (МЕДЛАРС) и системы “Интернет”, были усилены посредством установления связи Государственной центральной научной медицинской библиотеки с Национальной медицинской библиотекой.

Успешно осуществляются проекты программы “Репродуктивное здоровье женщин”, в рамках которых в различных городах России созданы 6 специальных центров, а также проекты по профилактике воздействия свинца на здоровье населения, недостаточности йода, фтора, железа, селена и других микроэлементов в питании населения Российской Федерации.

Приоритетные направления сотрудничества в рамках **Комитета по агробизнесу** — вопросы аграрной реформы и приватизации в России, обеспечение взаимного доступа на рынки, сельскохозяйственное машиностроение, сельскохозяйственная наука и образование.

Рабочая группа по сельскохозяйственному машиностроению оказывает постоянное содействие развитию сотрудничества в сфере торговли, инвестиций, технологий и подготовки специалистов в области обработки и упаковки продуктов питания, а также созданию совместных предприятий по производству современ-

менной сельскохозяйственной техники и оборудования для пищевой промышленности.

Реализуется программа обновления сельского хозяйства России с помощью региональных инвестиций (ПРАРИ).

Подписано межведомственное Соглашение по ветеринарии, регламентирующее осуществление ветеринарно-санитарного контроля при экспорте, импорте и транзите грузов животного происхождения, а также предупреждение распространения болезней животных в обеих странах.

Разработаны основные положения организации совместного предприятия по производству бройлеров и схема размещения его объектов. Ведется активная работа по созданию совместной коллекции генетических ресурсов растений.

Связи в области сельскохозяйственных исследований и обмена расширились за счет проведения ряда совместных семинаров и конференций по пересмотру учебных программ для студентов, по вопросам сотрудничества в целях создания российских неправительственных профессиональных ассоциаций.

Зримым итогом деятельности Комиссии стало подписание или принятие в ходе девяти сессий более 200 межправительственных и межведомственных документов, охватывающих все сферы и направления российско-американского сотрудничества.

Особое место занимает Совместное Заявление Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о будущей работе Российско-Американской Комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству, которое устанавливает четкую повестку дня по достижению целей, вытекающих из Российско-американской экономической инициативы, подписанной Президентом Б. Н. Ельциным и Б. Клинтонем в марте 1997 года.

С удовлетворением было отмечено, что значительные позитивные результаты достигнуты в деле интеграции России в ведущие международные экономические и финансовые организации, включая "восьмерку", Парижский клуб и форум Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество.

Стороны подтвердили свои намерения и впредь уделять особое внимание вопросам, связанным со скорейшей интеграцией России в ведущие международные экономические организации, в том числе в ВТО и ОЭСР. Они отметили, что предстоящая в апреле 1998 года в Москве Министерская встреча "восьмерки" по вопросам энергетики должна стать важной вехой на пути подготовки к саммиту "восьми" в Бирмингеме.

В. С. Черномырдин,
Председатель Правительства
Российской Федерации

А. Гор,
Вице-президент
Соединенных Штатов Америки

Вашингтон, 11 марта 1998 года

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

президентов Российской Федерации и Республики Узбекистан

Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин и Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов, всесторонне проанализировав состояние отношений и перспективы развития всего комплекса сотрудничества между Россией и Узбекистаном, а также проводя обстоятельный обмен мнениями по актуальным международным проблемам, заявляют следующее.

1. Отношения между Россией и Узбекистаном поступательно развиваются на принципах традиционной дружбы и доверия, суверенного равенства и взаимной выгоды в соответствии с Договором об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 30 мая 1992 года и Декларацией о развитии и углублении всестороннего сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 2 марта 1994 года.

Активизируются двусторонние контакты, делегационные обмены, в том числе на высоком политическом уровне. Оживились межпарламентские связи. Эффективно заработал механизм Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. Укрепляется договорно-правовая база российско-узбекских отношений.

Руководители России и Узбекистана убеждены в необходимости и видят реальные возможности дальнейшего, все более динамичного наращивания многопланового сотрудничества между двумя странами в русле стратегического партнерства.

Россия позитивно оценивает важную роль Узбекистана в Центральноазиатском регионе. Узбекистан признает стратегические интересы России в Центральной Азии и считает, что российское участие в региональных делах способствует поддержанию политического баланса, экономического развитию, укреплению безопасности и стабильности в регионе. В этой связи углубление взаимодействия между Россией и Узбекистаном, отвечая коренным интересам обеих стран, является также и конструктивным фактором международного масштаба.

2. Россия и Узбекистан придают первостепенное значение расширению и углублению взаимовыгодных экономических связей.

Правительствам двух стран поручено подготовить Соглашение об углублении экономического сотрудничества между Россией и Узбекистаном сроком на десять лет и соответствующую Программу действий, предусматривая создание благоприятных условий для расширения торгово-экономических и научно-технических связей, сотрудничества в области топливно-энергетического комплекса, активизации прямых связей между регионами и хозяйствующими субъектами.

Необходимо совершенствовать правовое регулирование деловых отношений, упорядочить систему взаиморасчетов. Стороны поручают Правительствам двух стран и Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству обеспечить необходимое государственное содействие этим процессам.

Одно из наиболее перспективных направлений сотрудничества — создание межгосударственных финансово-промышленных групп (ФПГ). Важно ускорить выполнение межправительственных соглашений о транснациональной ФПГ "Ильюшин" и о сотрудничестве в области производства и реализации самолетов Ил-114, Ил-114Т и Ил-76МФ. Выход этих самолетов на регулярные маршруты авиaperевозок следует считать приоритетными задачами партнерских связей в области высоких технологий.

Многообещающие перспективы открываются на этой базе и в связи с обсуждением проектов создания многосторонней и двусторонней основе самолета Ан-70 и других самолетов следующего поколения.

Позитивный опыт партнерства в авиастроении будет активно использоваться в целях создания финансово-промышленных групп и в других сферах.

Стороны выражают обоюдную заинтересованность в укреплении взаимовыгодных связей между предприятиями машиностроительной и химической отраслей промышленности, аграрно-промышленных комплексов, развитии производств по переработке сельскохозяйственной продукции, открытии торговых домов.

Взаимный интерес представляет также исследование космоса. Стороны активизируют совместные усилия по созданию международной радиоастрономической обсерватории "Суффа".

Россия учитывает позицию Узбекистана, выступающего за многовариантность транспортировки экспортных поставок нефти и газа, включая их транзит через российскую территорию, и подтверждает готовность продолжать предоставление соответствующих услуг в необходимом объеме и ассортименте.

3. Важное место в российско-узбекских отношениях занимают вопросы оборонной безопасности и военно-технического сотрудничества. Стороны намерены развивать партнерские связи в этих сферах на основе двусторонних соглашений.

Упрочению российско-узбекских отношений будет способствовать углубление взаимодействия правоохранительных органов обеих стран. Предстоит отладить сотрудничество в противодействии нелегальному распространению наркотиков, торговле оружием, а также по другим аспектам правоохранительной работы, представляющим обоюдный интерес.

4. Народы России и Узбекистана исторически связаны неразрывными узами духовной и культурной близости, тесным переплетением человеческих судеб. Это предопределяет необходимость развития сотрудничества в сферах культуры, науки, образования, информации, поощрения контактов между людьми и общественными организациями.

Соответствующим ведомствам дано поручение изучить вопросы, связанные с регулированием правового статуса граждан одной страны, постоянно проживающих на территории другой страны, а также процесса переселения и защиты прав переселенцев.

Российская Сторона сохраняет заинтересованность в открытии консульских учреждений в Узбекистане и подтверждает готовность учесть возможные встречные пожелания Узбекской Стороны.

5. Россия и Узбекистан занимают совпадающие или близкие позиции по актуальным международным проблемам и намерены углублять конструктивные и систематическое внешнеполитическое взаимодействие как на двусторонней основе, так и в рамках ООН, ОБСЕ и других международных организаций и форумов. Они исходят из того, что Организации Объединенных Наций принадлежит ключевая роль в поддержании международного мира и безопасности при одновременном возрастающем значении региональных организаций в урегулировании и предотвращении межэтнических, межконфессиональных и других конфликтов как между государствами, так и внутри них.

Россия позитивно оценивает выдвинутую Узбекистаном и поддержанную другими государствами Центральной Азии инициативу создания в регионе зоны, свободной от ядерного оружия, и готова содействовать ее продвижению под эгидой ООН в соответствии с международной практикой. Россия и Узбекистан поддерживают идею создания и в других регионах мира зон, свободных от ядерного и иных видов оружия массового уничтожения.

6. Россия и Узбекистан подтверждают приверженность целям и принципам Содружества Независимых Государств как интеграционного инструмента равноправного партнерства и взаимовыгодного сотрудничества его участников.

Действуя в духе договоренностей, достигнутых на заседании Совета глав государств СНГ 29 апреля с. г., Стороны будут добиваться укрепления и повыше-

ния эффективности Содружества в целях более полного задействования его соиздательного потенциала.

7. Стороны выразили принципиальную приверженность продвижению Таджикистана по пути строительства правового, демократического, светского государства. С удовлетворением отмечен прогресс по пути к национальному примирению в Таджикистане после подписания 27 июня 1997 года в Москве Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в этой стране. Вместе с тем Россия и Узбекистан как государства-гаранты Общего соглашения выражают озабоченность по поводу того, что межтаджикские договоренности, прежде всего по вопросам реинтеграции, разоружения и расформирования вооруженных формирований Объединенной таджикской оппозиции, реализуются со значительным отставанием от согласованного графика.

Призывая участников мирного процесса в Таджикистане к безусловному и четкому выполнению взятых ими обязательств, Россия и Узбекистан считают важным активизировать взаимодействие на двусторонней основе и в рамках международных усилий, в том числе по линии ООН и ОБСЕ, в интересах полной и своевременной реализации Общего соглашения.

8. Стороны выразили серьезную тревогу в связи с взрывоопасной ситуацией в Афганистане. Дальнейшая эскалация напряженности в этой стране, чреватая распространением религиозного экстремизма и терроризма, ростом контрабанды оружия и наркотиков, исходом беженцев, представляет угрозу национальным интересам и безопасности государств региона.

Путь к миру в Афганистане лежит в плоскости конструктивного диалога между противоборствующими сторонам под эгидой Организации Объединенных Наций и при активном содействии заинтересованных государств, через создание широкопредставительного правительства с учетом законных прав и интересов всех этнических, конфессиональных групп населения и политических сил.

Россия и Узбекистан, поддерживая инициативы и усилия друг друга, намерены сообща добиваться выполнения афганскими группировками соответствующих резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, незамедлительного прекращения занятувшегося конфликта.

9. Президенты выразили удовлетворение содержанием и итогами государственного визита И. А. Каримова в Российскую Федерацию, который прошел в традиционной атмосфере дружбы и взаимопонимания. Они отметили важное значение визита как этапного события в отношениях между Россией и Узбекистаном.

Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов пригласил Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина посетить Узбекистан с государственным визитом. Приглашение с благодарностью принято. Сроки визита будут согласованы дополнительно.

Президент
Российской Федерации

Б. Ельцин

Президент
Республики Узбекистан

И. Каримов

Москва
6 мая 1998 года

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Российской Федерации и Правительством
Республики Узбекистан о статусе корреспондентов средств массовой
информации Российской Федерации в Республике Узбекистан
и корреспондентов средств массовой информации Республики
Узбекистан в Российской Федерации

Правительство Российской Федерации и Правительство Республики Узбекистан, именуемые в дальнейшем Сторонами,

исходя из необходимости создания условий для широкого и свободного распространения информации об общественно-политической, экономической и культурной жизни двух стран,

учитывая необходимость обеспечения журналистам и другим работникам средств массовой информации правовой защиты и наилучших условий для осуществления их профессиональной деятельности,

руководствуясь положениями Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.,

желая содействовать выполнению положений Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. и последующих документов ОБСЕ, касающихся сотрудничества в области информации и гуманитарной сфере,

действуя в соответствии со статьей 4 Соглашения о создании Содружества Независимых Государств 1991 г., предусматривающей содействие широкому информационному обмену и необходимость заключения соглашений в указанной области взаимодействия, другими договоренностями, достигнутыми в рамках СНГ и на двусторонней основе,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

В целях настоящего Соглашения:

1) термин “иностранные корреспонденты” означает корреспондентов средств массовой информации (агентств, газет, журналов, других периодических печатных изданий, издательств, радио, телевидения), зарегистрированных в Российской Федерации, которые аккредитуются в Республике Узбекистан, и корреспондентов средств массовой информации, зарегистрированных в Республике Узбекистан, которые аккредитуются в Российской Федерации;

2) термин “государство аккредитации” означает государство, в котором аккредитован иностранный корреспондент.

2. В качестве иностранных корреспондентов могут быть аккредитованы граждане государства аккредитации, а также граждане третьих государств.

Статья 2

Права, обязанности и ответственность иностранных корреспондентов в государстве аккредитации определяются и регулируются общепризнанными нормами международного права, законодательством государства аккредитации и положениями настоящего Соглашения.

Статья 3

Стороны через уполномоченные органы и организации в рамках национального законодательства всемерно содействуют тому, чтобы иностранные корреспонденты получали и распространяли объективную информацию о политической, социально-экономической и культурной жизни государства аккредитации, уважали общепризнанные нормы журналистской этики.

Статья 4

Стороны через уполномоченные органы и организации в рамках национального законодательства обеспечивают для иностранных корреспондентов при осуществлении ими своих профессиональных обязанностей свободный доступ к официальным источникам информации, а также соблюдение права иностранных корреспондентов на конфиденциальность источника информации.

Статья 5

Стороны через уполномоченные органы и организации содействуют созданию и функционированию в своих странах пресс-центров, а также обеспечивают, чтобы официальные пресс-конференции и другие подобные мероприятия для национальной прессы были открыты для иностранных корреспондентов.

Статья 6

Иностранным корреспондентам на основе взаимности с учетом требований национального законодательства государства аккредитации предоставляется право свободного передвижения и действия на территории Российской Федерации и Республики Узбекистан, за исключением районов и объектов, для посещения которых установлен специальный порядок.

Статья 7

Стороны через уполномоченные органы и организации обеспечивают соблюдение прав иностранных корреспондентов на свободную передачу своих материалов, радио-, видео- и телеинформации без какой-либо цензуры. В случае, если корреспондент не аккредитован, то ссылка на него в средствах массовой информации как на аккредитованного корреспондента не допускается.

Статья 8

Стороны через уполномоченные органы и организации обеспечивают принятие решений об открытии корреспондентских пунктов иностранных средств массовой информации и аккредитации иностранных корреспондентов в сроки, не превышающие двух месяцев со дня получения обращения.

Аккредитация иностранных корреспондентов и принятие решений об открытии корреспондентских пунктов иностранных средств массовой информации осуществляются уполномоченными органами аккредитующего государства в соответствии с нормами международного права и вытекающими из них нормами национального законодательства.

Статья 9

Стороны через уполномоченные органы и организации в случае необходимости оказывают содействие постоянно аккредитованным иностранным корреспондентам в приобретении помещений для размещения корреспондентских пунктов, а также предоставляют материальную помощь при непредвиденных обстоятельствах (стихийное бедствие, несчастный случай и т. п.). Что касается вопросов, связанных с жильем, то иностранные корреспонденты и их семьи могут сами, либо через своих представителей разрешить эти проблемы.

Статья 10

Соответствующие органы и организации Сторон будут воздерживаться от принятия ограничительных мер в отношении иностранных корреспондентов за исключением случаев нарушения ими законодательства государств аккредитации или положений настоящего Соглашения.

Статья 11

Стороны периодически рассматривают ход выполнения настоящего Соглашения.

Вопросы, связанные с толкованием и применением настоящего Соглашения, будут решаться уполномоченными органами Сторон путем переговоров и консультаций.

Статья 12

Настоящее Соглашение вступает в силу с даты его подписания.

Соглашения заключено сроком на пять лет и будет автоматически продлеваться каждый раз на последующие пятилетние периоды до тех пор, пока одна из Сторон не направит другой стороне за шесть месяцев до окончания соответствующего периода письменное уведомление о своем намерении прекратить его действие.

Совершено в Москве "6" мая 1998 года в двух экземплярах, каждый на русском и узбекском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Правительство
Российской Федерации

За Правительство
Республики Узбекистан

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров

Правительство Российской Федерации и Правительство Республики Узбекистан, именуемые далее Сторонами,

учитывая интерес народов Российской Федерации и Республики Узбекистан к взаимному ознакомлению с гуманитарными и культурными ценностями, сохранению, взаимообогащению и развитию традиционных связей между ними,

придавая большое значение повышению информированности общественности о развитии политических, экономических, культурных, научных и образовательных процессов и Российской Федерации и Республике Узбекистан,

стремясь содействовать развитию двусторонних гуманитарных, культурных, научно-технических и информационных связей в духе Договора об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 30 мая 1992 года, Соглашения о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма от 19 марта 1993 года и других двусторонних документов,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Стороны учреждают Российский центр науки и культуры в Ташкенте и Информационный культурно-просветительский центр Республики Узбекистан в Москве, именуемые далее Центрами.

Стороны могут на основе взаимной договоренности открывать филиалы Центров в других городах обоих государств.

Деятельность Центров и их филиалов строится на основе общепризнанных норм международного права, положений настоящего Соглашения и с учетом законодательства государства пребывания.

Статья 2

Российский центр науки и культуры и его филиалы осуществляют свою деятельность под руководством главы дипломатического представительства Российской Федерации в Республике Узбекистан и Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при Правительстве Российской Федерации, обеспечивающего работу указанного Центра и его филиалов.

Информационный культурно-просветительский центр Республики Узбекистан в Москве и его филиалы осуществляют свою деятельность под руководством главы дипломатического представительства Республики Узбекистан в Российской Федерации.

Статья 3

С целью осуществления своей деятельности Центры могут устанавливать прямые связи с министерствами, другими государственными учреждениями и организациями, местными органами власти, обществами, ассоциациями, фондами, а также с отдельными гражданами государства пребывания.

С согласия Стороны государства пребывания Центры могут осуществлять свою деятельность вне своих помещений.

Статья 4

Основными задачами Центров являются:

участие в реализации программ двустороннего гуманитарного, культурного, научно-технического, информационного сотрудничества;

ознакомление общественности государства пребывания с историей и культурой своей страны, внутренней и внешней политикой, событиями, происходящими в ее общественной и экономической жизни;

содействие установлению контактов и расширению сотрудничества между творческими, культурно-просветительскими, научными и профессиональными организациями двух государств;

содействие изучению языков народов двух государств;

использование информационных возможностей Центров в интересах создания благоприятных условий для расширения научно-технического и культурного сотрудничества двух государств;

содействие установлению и развитию партнерских отношений между городами и регионами Российской Федерации и Республики Узбекистан;

организация информационно-рекламной работы в области культуры, науки и техники.

Статья 5

Центры в соответствии с возложенными на них задачами:

создают информационно-справочные фонды и банки данных по вопросам культурного, научно-технического, общественно-политического и экономического развития своих государств, проводят конференции, симпозиумы, семинары, консультации по проблемам международного гуманитарного, научного, культурного и делового сотрудничества;

осуществляют информационное и консультационное обслуживание заинтересованных организаций, отдельных граждан культурно-просветительскими, на-

учными, образовательными и профессиональными организациями своих государств;

проводят культурно-просветительскую и информационную работу среди соотечественников, постоянно проживающих в государстве пребывания, поддерживают связи с их объединениями, оказывают содействие в обмене профессиональными туристическими группами;

организуют выступления художественных коллективов и отдельных исполнителей, теле- и кинопросмотры;

проводят экспонантные выставки, фотовыставки, выставки художественных произведений и изделий народного творчества, книжные выставки;

создают общественные советы и клубы по различным направлениям своей деятельности с привлечением к их работе авторитетных представителей местной общественности и деловых кругов, видных деятелей науки и культуры, а также зарубежных представительств, организаций обоих государств, средств массовой информации;

организуют курсы по изучению языков и культур народов их государств, учебные стажировки для граждан государства пребывания, оказывают методическую помощь научным работникам и преподавателям языка и литературы, работающим в местных научных и учебных заведениях;

оказывают содействие в подборе и направлении на учебу и стажировку в свои государства граждан государства пребывания;

содействуют работе ассоциаций и клубов выпускников учебных заведений своего государства в государстве пребывания, способствуют поддержанию связей таких ассоциаций и клубов с этими учебными заведениями, а также организуют семинары по повышению квалификации для выпускников в государстве пребывания;

обеспечивают работу библиотек и других информационных служб в Центрах для заинтересованных организаций, отдельных граждан государства пребывания; сотрудничают с ассоциациями и обществами дружбы, учебными, культурными и научными учреждениями государства пребывания, культурно-информационными центрами третьих стран.

Центры могут осуществлять и другие виды деятельности, отвечающие целям настоящего Соглашения, с учетом законодательства государства пребывания.

Статья 6

Центры пользуются правами юридического лица в соответствии с законодательством государства пребывания.

Статья 7

Стороны обеспечивают беспрепятственный доступ общественности на мероприятия, проводимые Центрами.

Стороны на основе взаимности принимают необходимые меры по обеспечению безопасности персонала и помещений Центров, а также проводимых ими мероприятий.

Статья 8

Деятельность Центров осуществляется на некоммерческой основе. В то же время для частичного возмещения своих затрат Центры могут:

взимать плату за посещение мероприятий, которые они организуют, за обучение на языковых курсах и другие виды деятельности;

продавать периодические издания, каталоги, афиши, программы, книги, картины и репродукции, аудиовизуальные, а также дидактические материалы независимо от способа записи информации, другие предметы, непосредственно имеющие отношение к мероприятиям, которые они организуют, при условии,

что эти предметы не будут продаваться через торговую сеть государства пребывания и что это не нанесет вреда правилам торговой деятельности, а также не нарушит права владельцев интеллектуальной собственности;

иметь в помещениях Центра книжные магазины, рестораны, кафе, кафетерии и сувенирные киоски для обслуживания его посетителей, а также гостиничные помещения для временного проживания гостей Центра;

сдавать в аренду помещения, принадлежащие Центру.

Статья 9

Стороны на условиях взаимности будут содействовать друг другу в предоставлении подходящих земельных участков, а также в аренде, приобретении или строительстве зданий (помещений) под Центры в соответствии с законодательством принимающего государства.

Работы по проектированию, строительству и обустройству зданий (помещений) Центров, после получения разрешения на их строительство или обустройство, будут осуществляться направляющей Стороной в соответствии с правилами градостроительства государства пребывания. При этом направляющая Сторона вправе самостоятельно назначать подрядчиков на проведение соответствующих работ.

Статья 10

Налоговый режим для Центров и их персонала определяется законодательством государства пребывания с учетом принципа взаимности.

Статья 11

Каждая из Сторон назначает персонал своего Центра. Этот персонал может состоять из числа граждан направляющего государства, государства пребывания или третьего государства. В последнем случае назначение должно быть согласовано с компетентными органами власти государства пребывания.

Директора Центров и их заместители могут являться членами дипломатического персонала посольства направляющего государства.

Численность персонала Центров устанавливается по взаимной договоренности,

Стороны будут взаимно информировать друг друга о комплектовании персонала Центров, а также о вступлении сотрудников в должность и о прекращении их работы в Центрах.

Статья 12

На сотрудников Центров и членов их семей, являющихся гражданами направляющего государства и не проживающих постоянно в государстве пребывания, распространяется трудовое законодательство и режим социального обеспечения направляющего государства.

Статья 13

Принимающая Сторона разрешает сотрудникам Центра направляющей Стороны и проживающим с ними членами их семей ввоз и вывоз в период всего срока работы в Центре принадлежащего им движимого имущества, в том числе транспортных средств, с освобождением от уплаты таможенных платежей, за исключением сборов за таможенное оформление, хранение и иные подобного рода услуги. Упомянутые предметы могут быть отчуждены на территории государства пребывания только при условии уплаты таможенных платежей и выполнения иных требований, установленных законодательством этого государства. Действие предусмотренных настоящей статьей льгот не распространяется на членов персонала Центров, являющихся гражданами государства пребывания или лиц, постоянно проживающих на его территории.

Статья 14

Каждая Сторона на основе взаимности предоставляет членам персонала Центра другой Стороны, а также совместно проживающим с ними членам семьи льготы, предусмотренные законодательством ее государства в вопросах выдачи виз и разрешений на проживание в принимающем государстве.

Статья 15

Каждая из Сторон в случае необходимости окажет содействие другой Стороне в подборе подходящих жилых помещений для сотрудников ее Центра.

Статья 16

Вопросы, возникающие в связи с толкованием и применением настоящего Соглашения, будут разрешаться путем переговоров.

Статья 17

Настоящее Соглашение вступает в силу с даты последнего письменного уведомления, подтверждающего выполнение Сторонами соответствующих внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу.

Настоящее Соглашение заключается сроком на пять лет. Его действие будет автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды до тех пор, пока одна из Сторон, не менее чем за шесть месяцев до истечения соответствующего периода, не уведомит в письменном виде другую Сторону о своем намерении прекратить его действие.

Совершено в Москве "6" мая 1998 года, в двух экземплярах, каждый на русском и узбекском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Правительство
Российской Федерации

За Правительство
Республики Узбекистан

ПРОТОКОЛ

о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о создании транснациональной финансово-промышленной группы "ИЛЬЮШИН" от 27 июля 1995 г.

Правительство Российской Федерации и Правительство Республики Узбекистан, руководствуясь статьей 11 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о создании транснациональной финансово-промышленной группы "Ильюшин" от 27 июля 1995 года, в целях реализации достигнутых договоренностей, согласились о нижеследующем:

Изложить статью 2 в следующей редакции:

"Финансово-промышленная группа создается на основе объединения капиталов ее участников путем учреждения Сторонами межгосударственной авиастроительной компании "Ильюшин" и форме открытого акционерного общества, зарегистрированного в Российской Федерации.

Предусмотреть создание межгосударственной авиастроительной компании "Ильюшин" в два этапа:

I этап — создание авиастроительной компании “Ильюшин” путем внесения в ее уставный капитал пакетов акций акционерных обществ “Авиационный комплекс им. С. В. Ильюшина” (в размере 60 % уставного капитала) и “Воронежское акционерное самолетостроительное общество” (в размере 30 % уставного капитала), находящихся в федеральной собственности Российской Федерации,

II этап — Межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан продолжит работу по формированию межгосударственной авиационной компании “Ильюшин”.

Совершено в г. Москве “6” мая 1998 г. в двух экземплярах, каждый на русском и узбекском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Правительство
Российской Федерации

За Правительство
Республики Узбекистан

СОГЛАШЕНИЕ **об основах отношений между Российской Федерацией** **и Аргентинской Республикой**

Российская Федерация и Аргентинская Республика, в свете эволюции политических и экономических процессов в обеих странах, а также глубоких перемен, произошедших в мировом сообществе.

двигимые стремлением крепить узы дружбы и сотрудничества, сложившиеся на протяжении вековой истории российско-аргентинских отношений, основываясь на строгом соблюдении принципов Устава Организации Объединенных Наций и других общепризнанных норм международного права, желая содействовать осуществлению целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций и упрочению международного мира и безопасности через разоружение и предотвращение распространения оружия массового уничтожения.

выступая в поддержку утверждения системы коллективной безопасности, заявляя о своей приверженности общепринятым ценностям и идеалам свободы, демократии, справедливости и равноправия, отмечая важность соблюдения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии,

исходя из того, что экономика, основанная на естественном рыночном механизме, является неперменным условием улучшения качества жизни населения и необходимого упрочения демократии,

принимая во внимание прогресс в двусторонних отношениях, достигнутый в результате осуществления Совместной декларации, подписанной 25 октября 1990 года, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Российская Федерация и Аргентинская Республика в своих отношениях будут руководствоваться положениями Устава Организации Объединенных Наций и стремиться к укреплению дружбы и сотрудничества между ними.

Статья 2

Стороны обязуются во взаимоотношениях друг с другом решать любые разногласия мирными средствами на основе принципов и положений Устава ООН и международного права.

Статья 2

Стороны будут поддерживать регулярный диалог на уровне высшего политического руководства по основным вопросам двусторонних и международных отношений, осуществлять обмен опытом в области проведения в обеих странах внутренних преобразований.

Они будут также содействовать контактам на различных уровнях, в том числе проведению ежегодных политических консультаций между министерствами иностранных дел.

Статья 4

Стороны будут содействовать обмену между законодательными и исполнительными органами обоих государств, встречам представителей различных государственных и частных организаций в целях наращивания двустороннего сотрудничества и координации их деятельности.

Стороны будут способствовать деятельности уже имеющихся и созданию по мере необходимости и по взаимной договоренности новых смешанных комиссий и других постоянных и специальных органов по сотрудничеству в различных областях, в том числе экономики, окружающей среды, культуры и науки.

Статья 5

В соответствии со своими обязательствами в сфере разоружения и контроля над вооружениями и без ущерба для законных потребностей в области обороны Стороны будут координировать свои усилия, направленные на сокращение вооружений, военных расходов и контроль над ними, а также на ликвидацию незаконной торговли оружием, укрепление мер доверия.

Стороны заявляют о своей твердой приверженности режиму нераспространения, подтверждают свои обязательства в рамках группы стран-поставщиков ядерных материалов и технологий.

Они будут осуществлять меры по предотвращению распространения химического и иного оружия массового уничтожения, средств его доставки и соответствующих технологий, включая контроль за экспортом, в соответствии со своим национальным законодательством и принятыми ими международными обязательствами.

Стороны будут продолжать двустороннее сотрудничество в рамках Конференции по разоружению.

Стороны будут сотрудничать в разработке и реализации проектов конверсии оборонной промышленности в технически и экономически конкурентоспособное гражданское производство.

Статья 6

Стороны будут расширять и углублять сотрудничество в рамках ООН в целях укрепления миротворческой роли Организации в предотвращении и мирном урегулировании споров и ситуаций, которые ставят под угрозу международный мир и безопасность.

При этом они исходят из действующих резолюций Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, которые призывают к разрешению спора о суверенитете над Фолклендскими (Мальвинскими) островами, островами Южная Георгия и Южными Сэндвичевыми и окружающими их водными пространствами.

Подтверждая важность региональных организаций, Стороны будут содействовать расширению сотрудничества ООН с этими организациями, которые являются инструментом содействия поддержанию международной безопасности.

В этом контексте Стороны будут действовать в духе уважения демократических структур, прав человека и его личных свобод, экономической свободы, социальной справедливости, а также ответственности в деле охраны окружающей

среды с учетом положений Устава Организации Американских Государств и документов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Статья 7

Стороны будут поощрять инициативы, направленные на расширение контактов между Содружеством Независимых Государств (СНГ) и "Группой Рио", а также Общим рынком стран Южного конуса (МЕРКОСУР).

Статья 8

Стороны, придавая важное значение обеспечению стабильного развития государств, сбалансированному росту мирового хозяйства, будут содействовать упрощению доступа к мировым технологическим достижениям для целей развития, укреплению системы многосторонней торговли при участии в ней на равной и недискриминационной основе всех государств и интеграционных группировок, а также осуществлению принципов Всемирной торговой организации (ВТО). Стороны будут поддерживать деятельность Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития других международных организаций, добиваясь максимального использования ускорения своих экономических реформ и окончательного урегулирования проблемы внешней задолженности.

Статья 9

Стороны предпримут эффективные меры по совершенствованию организационно-правовой основы двустороннего торгово-экономического и научно-технического сотрудничества путем достижения договоренностей, которые стимулировали бы развитие торговли, инвестиционной деятельности, в том числе в третьи страны, с участием государственного и частного капитала в таких областях, как машиностроение, городское хозяйство, транспорт, энергетика, легкая и пищевая промышленность, нефтехимия, геология, горнодобывающая промышленность, рыбное хозяйство, оказание профессиональных услуг.

Стороны будут поощрять сотрудничество в исключительно мирных целях в таких передовых отраслях науки и техники, как использование ядерной энергии, космического пространства, электроника, информатика, биотехнология, генетика, создание новых материалов и других сферах.

Статья 10

Стороны, признавая глобальное значение охраны окружающей среды, будут развивать сотрудничество в этой области на двусторонней и многосторонней основе, а также осуществлять обмен информацией, передачу научно-технических знаний и опыта, проводить взаимные консультации.

Стороны отмечают важную роль ООН в поисках решения общих экологических проблем и применении принципов устойчивого развития. Деятельность Сторон будет направлена на рациональное использование и сохранение природных ресурсов. Стороны будут взаимодействовать в целях эффективного упорядочения промысла и сохранения живых морских ресурсов и их рационального использования в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву и другими соответствующими международно-правовыми инструментами. Они будут способствовать регулярному созыву и плодотворной работе соответствующих международных форумов.

Статья 11

Стороны выражают готовность активизировать совместную научную деятельность в рамках Договора об Антарктике, в частности в целях сохранения экологической системы региона.

Статья 12

Стороны будут поддерживать отношения в военной области в рамках соглашений, подписанных между двумя странами.

Статья 13

Стороны будут содействовать развитию отношений между их компетентными организациями в целях расследования, предотвращения и пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, организованной преступности, международного терроризма и контрабанды, в том числе незаконного преемещения через границы культурных ценностей.

Они заключат соглашение о правовой помощи по гражданским и уголовным делам.

Статья 14

Стороны будут развивать обмен идеями и информацией в целях обеспечения на их территории уважения прав человека и основных свобод, расширения прямых контактов между гражданами двух стран.

Они будут всемерно поощрять прямое сотрудничество между учреждениями и отдельными представителями культуры, содействовать обменам по линии туризма и спорта, контактам между политическими партиями, профессиональными и творческими союзами, фондами, средними и высшими учебными заведениями, правозащитными, религиозными, женскими, молодежными, экологическими и другими организациями.

Они будут способствовать межпарламентским контактам и содействовать обмену опытом в разработке и принятии законов.

Стороны будут поощрять сотрудничество между отдельными регионами и административными единицами Российской Федерации и Аргентинской Республики.

Статья 15

Стороны будут заключать по мере необходимости соглашения и другие договоренности, необходимые для реализации настоящего Соглашения.

Статья 16

Положения настоящего Соглашения не наносят ущерба обязательствам Сторон по другим двусторонним и многосторонним международным договорам.

Статья 17

Настоящее Соглашение вступает в силу в день получения последнего уведомления, подтверждающего выполнение Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу.

Оно будет оставаться в силе в течение десяти лет и автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды, если ни одна из Сторон не заявит не менее чем за один год до истечения соответствующего периода путем письменного уведомления о своем намерении прекратить его действие.

Совершено в Москве "25" июня 1998 года в двух экземплярах, каждый на русском и испанском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Российскую Федерацию

За Аргентинскую Республику

ПРОГРАММА

обменов в области культуры и образования между Российской Федерацией и Аргентинской Республикой на 1998—1999 годы

Правительство Российской Федерации и Правительство Аргентинской Республики, далее именуемые Сторонами,
руководствуясь желанием укреплять дружественные отношения между двумя странами,
сознавая важность взаимовыгодного культурного сотрудничества между обеими странами,
и в соответствии с действующим Соглашением о культурном сотрудничестве, подписанном в г. Буэнос-Айресе 25 ноября 1997 года,
согласились утвердить настоящую Программу обменов в области культуры и образования на 1998—1999 годы.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

1. Стороны будут обмениваться информацией о работе в области культуры и искусства в обеих странах. Они также изучат возможность осуществления взаимных поездок представителей культуры и искусства с целью ознакомления с достижениями в этой области.

2. Стороны будут поощрять развитие связей между творческими организациями и культурными фондами России и Аргентины, подписавшими прямые соглашения о сотрудничестве, а также установление прямых связей между деятелями культуры.

3. Министерство культуры Российской Федерации и Госсекретариат по культуре Аргентинской Республики проведут консультации с целью укрепления связей и поощрения полезных инициатив по сотрудничеству между двумя странами.

4. Стороны будут поощрять прямое сотрудничество и заключение соглашений между организациями, занимающимися культурной деятельностью, с целью проведения гастролей театральных, музыкальных и других художественных коллективов, а также отдельных солистов.

В этой связи “Московский цирк Никулина на Цветном бульваре” в период действия Программы готов ежегодно направлять в Республику Аргентина полные цирковые программы под маркой “Московский цирк”. В ходе гастролей будут организованы благотворительные выступления в пользу детей-сирот, детей-инвалидов и других нуждающихся.

5. Международный культурный центр Министерства культуры Российской Федерации готов направить по просьбе Аргентинской Стороны российских специалистов в области музыки, живописи, театра и танца. Упомянутые мероприятия будут осуществляться на основе взаимности по контрактам с учебными заведениями и оркестрами Аргентины.

6. Стороны будут содействовать обмену информацией и специалистами в области музейного дела.

7. Российская академия художеств готова направить по просьбе Аргентинской Стороны выставку произведений членов Академии, молодых художников, произведения русских художников из коллекции музея Академии и принять в выставочных залах Москвы и Санкт-Петербурга выставки произведений аргентинских мастеров.

8. Госсекретариат по культуре Аргентинской Республики особо заинтересован в организации выставок, посвященных русскому конструктивизму и архитектуре “сталинской эпохи” как в гражданской, так и индивидуальной застройке.

9. Стороны будут способствовать расширению сотрудничества в области

самодетельного народного творчества. В этой связи Стороны изучат возможность направления фольклорных коллективов и специалистов в области народного творчества.

10. Стороны будут содействовать прямому сотрудничеству между учебными заведениями культуры России и Аргентины. Они изучат возможность выделения квот для обучения преподавателей в хореографических учебных заведениях каждой страны.

11. Стороны будут взаимно информировать друг друга о международных конференциях, конкурсах, фестивалях и других культурных мероприятиях, которые ежегодно будут проходить на территории каждого государства.

12. Стороны будут поощрять прямые контакты между библиотеками России и Аргентины с целью обмена информацией о структуре и работе библиотек, хранении документации, автоматизации библиотечных и информационных служб, а также по другим вопросам, представляющим взаимный интерес.

13. Стороны будут содействовать обменам делегациями между Союзом архитекторов России и соответствующими аргентинскими организациями, а также проведению курсов и семинаров по архитектуре жилых зданий в рамках социальных программ, а также по государственным и частным программам строительства в сельской местности.

14. Стороны будут содействовать развитию связей между писательскими организациями обеих стран.

15. Стороны будут поощрять сотрудничество и обмен информацией, документацией и специалистами между своими соответствующими архивными учреждениями, а также содействовать публикации совместных сборников документов.

16. В период действия настоящей Программы Стороны проведут переговоры с целью подписания двустороннего соглашения о взаимной охране национальных и культурных ценностей.

ОБРАЗОВАНИЕ

17. Стороны будут развивать сотрудничество между правительственными учреждениями, ведающими вопросами образования.

18. Стороны будут содействовать подписанию двустороннего соглашения о совместных исследованиях древнегреческих и византийских рукописей в архивах Москвы и Санкт-Петербурга.

19. Стороны будут обмениваться информацией, публикациями и другими материалами о системе образования всех уровней, действующих в их странах.

20. Стороны примут необходимые меры для подготовки и подписания в ближайшее время соглашения о взаимном признании эквивалентности документов об образовании, дипломов и ученых степеней.

21. Российская Сторона готова принимать для обучения в высших учебных заведениях, в аспирантуру и на стажировку граждан Аргентины при условии возмещения затрат на обучение за счет направляющей Стороны или за счет личных средств граждан. Конкретные условия их обучения будут определяться по дипломатическим каналам.

22. Стороны будут содействовать обмену экспертами в области технологического образования и информатики, специалистами по выработке механизмов увязки системы образования с производственно-трудовой сферой, а также обмену информацией о внедрении систем образования на конкурсной основе.

23. Стороны будут содействовать изучению русского языка в Аргентине и испанского языка в России, а также обмену учебниками и учебными материалами.

С этой целью на основе взаимности и в соответствии с договоренностью:

— Стороны изучат возможность направления стажеров в вузы для совершен-

ствования знаний соответствующих языков, литературы и культуры каждой страны;

— Российская Сторона примет одного преподавателя испанского языка для работы в вузе России сроком до 10 месяцев;

— Аргентинская Сторона примет одного преподавателя русского языка для работы в вузе Аргентины сроком до 10 месяцев.

24. Аргентинская Сторона будет предоставлять Российской Стороне ежегодно определенное число мест для обучения российских студентов в университетах Аргентины. Условия их предоставления определяются резолюцией 1523/90 Министерства культуры и образования Аргентины.

25. Аргентинская Сторона будет ежегодно сообщать о дате начала курсов испанского языка для иностранцев в национальных университетах и учреждениях.

26. Стороны будут поощрять прямое сотрудничество между российскими и аргентинскими вузами, а также содействовать установлению связей между университетами обеих стран, подписанию между ними соответствующих соглашений.

27. Стороны будут обмениваться информацией о системе высшего образования, учебно-методическими материалами, учебными программами и планами.

28. С целью обеспечения распространения объективного отражения действительности в каждой стране Стороны будут обмениваться информацией по содержанию учебников истории и географии для начальной и средней школы.

СТИПЕНДИИ

29. Аргентинская Сторона предлагает Российской Стороне две стипендии ежегодно для обучения в аспирантуре или для научно-исследовательской работы в аргентинских университетах.

30. Российская Сторона предоставить ежегодно в период действия Программы Аргентинской Стороне 15 стипендий, в том числе:

— 8 стипендий на курс обучения в высших учебных заведениях России на сроки, предусмотренные учебными планами и программами;

— 7 стипендий для обучения в аспирантуре и для повышения квалификации выпускников советских и российских вузов на курсах и факультетах повышения квалификации.

Стипендии, предоставляемые Российской Стороной, не включают оплаты проезда кандидатов на учебу до г. Москвы и обратно по окончании обучения и расходы по отправке на родину отчисленных за академическую неуспеваемость и в случае летального исхода.

Аргентинским гражданам, принятым на все формы обучения будет выплачиваться стипендия в размере, предусмотренном для соответствующей категории российских учащихся.

КИНО И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

31. Стороны будут содействовать взаимному участию в международных кинофестивалях, которые будут проходить в их странах.

32. Стороны окажут содействие в организации недель российских фильмов в Аргентине и аргентинских в России. Подготовительные мероприятия и соответствующие расходы будут согласовываться по дипломатическим каналам.

33. Стороны будут обмениваться информацией, публикациями и другими материалами в области кинематографии.

34. Стороны будут способствовать обменам телевизионными выпусками новостей, телефильмами и радиопрограммами, музыкальными записями и другими материалами как на коммерческой, так и на некоммерческой основе.

35. Государственные информационные агентства обеих Сторон ИТАР-ТАСС и ТЕЛАМ продолжат сотрудничество по обмену общеполитической информацией и фотоматериалами.

36. Стороны будут развивать обмены специалистами для обучения на курсах

повышения квалификации в области средств массовой информации, организуемых в обеих странах.

КНИГОИЗДАНИЕ

37. Стороны будут содействовать расширению обмена информацией в виде книг и других печатных публикаций, содействовать укреплению и развитию контактов между издательствами обеих стран.

38. Стороны будут содействовать инициативам по переводу и публикации литературных произведений другой Стороны.

39. Стороны будут поощрять участие на взаимной основе в выставках и книжных ярмарках, проводимых в каждой из стран.

40. Стороны будут содействовать развитию сотрудничества между издательствами и организациями по охране авторских прав с целью обеспечения взаимной защиты этих прав, взаимного ознакомления с произведениями в области науки, литературы и искусства и взаимной охраны авторских прав.

ДРУГИЕ ОБМЕНЫ

41. Стороны будут содействовать развитию связей между молодежными и женскими как правительственными, так и неправительственными организациями.

42. Стороны будут содействовать увеличению туристического обмена, более тесному сотрудничеству организаций по туризму, поощрять на основе взаимности распространение туристической рекламы и подпишут в период действия настоящей Программы Соглашение о сотрудничестве в области туризма.

43. Стороны будут содействовать развитию связей в области физической культуры и спорта путем обмена спортивными делегациями, тренерами и специалистами. Конкретные формы и финансовые условия сотрудничества будут регулироваться соответствующими соглашениями, которые будут подписаны в период действия настоящей Программы.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

44. Стороны согласны в том, что мероприятия, предусмотренные настоящей Программой, не исключают возможности организации других, не входящих в нее мероприятий.

45. Стороны будут стремиться, по мере возможности, к тому чтобы выставки и другие культурные мероприятия, предусмотренные настоящей Программой, проводились в различных местах на территории соответствующей страны.

46. Финансовые условия осуществления визитов, порядок обменов и мероприятий, предусмотренных настоящей Программой, будут регулироваться обеими Сторонами в каждом конкретном случае в соответствии с действующими в каждой стране законами и на основе взаимной договоренности между заинтересованными участниками.

47. Следующее заседание Смешанной российско-аргентинской комиссии состоится в Москве в 1999 году.

48. Настоящая Программа вступает в силу со дня ее подписания и будет действовать до 31 декабря 1999 года.

Совершено в г. Москве "25" июня 1998 года в двух экземплярах, каждый на русском и испанском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Правительство Российской Федерации

За Правительство Аргентинской Республики

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Российской Федерации и Правительством Аргентинской Республики о воздушном сообщении

Правительство Российской Федерации и Правительство Аргентинской Республики, именуемые в дальнейшем Сторонами,

принимая во внимание, что Российская Федерация и Аргентинская Республика являются участниками Конвенции о международной гражданской авиации, открытой для подписания в г. Чикаго 7 декабря 1944 г.

желая заключить Соглашение с целью установления воздушного сообщения между территориями их государств и за их пределы, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Определения

1. Для целей настоящего Соглашения нижеследующие понятия, если в контексте не предусматривается иное, означают:

а) “Конвенция” — Конвенцию о международной гражданской авиации, открытую для подписания в г. Чикаго 7 декабря 1944 г., а также любое Приложение к этой Конвенции и любую поправку к такому Приложению, принятые согласно статье 90 этой Конвенции, в той степени, в которой такое Приложение и поправка к нему применимы к Сторонам, и любую поправку к Конвенции, принятую согласно статье 94 Конвенции, ратифицированную соответственно Российской Федерацией и Аргентинской Республикой;

б) “авиационные власти” в отношении Российской Федерации — Федеральную авиационную службу России или любое лицо либо организацию, уполномоченные осуществлять функции, выполняемые в настоящее время этой Службой, и в отношении Аргентинской Республики — Министерство экономики и общественных работ, Секретариат по транспорту — Национальную дирекцию авиационного транспорта или любое лицо либо организацию, уполномоченные осуществлять функции, выполняемые в настоящее время указанной Дирекцией;

с) “уполномоченное авиапредприятие” — авиапредприятие, имеющее лицензии, сертификаты и разрешения, выданные компетентными властями каждой Стороны;

д) “назначенное авиапредприятие” — авиапредприятие, которое назначено и уполномочено в соответствии со статьями 3 настоящего Соглашения;

е) “территория” в отношении государства — земные поверхности, внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, находящиеся под суверенитетом этого государства;

ф) “воздушное сообщение”, “международное воздушное сообщение”, “авиапредприятие” и “остановка с некоммерческими целями” имеют значения, указанные в статье 96 Конвенции;

г) “тариф” — ставки оплаты за перевозки пассажиров, багажа и грузов, а также за агентские и другие дополнительные услуги и условия, на которых эти ставки применяются, за исключением ставок и условий перевозки почты;

h) заголовки статей в данном Соглашении используются для удобства и не будут приниматься во внимание при толковании этих Статей.

2. Приложение к настоящему Соглашению составляет его неотъемлемую часть.

Статья 2

Предоставление прав

1. Каждая Сторона предоставляет другой Стороне права, предусмотренные настоящим Соглашением, в целях установления и эксплуатации международных воздушных линий по маршрутам, указанным в Приложении к настоящему Соглашению (далее такие линии и маршруты именуются соответственно — договорные линии и установленные маршруты).

2. В соответствии с положениями настоящего Соглашения назначенное авиапредприятие или авиапредприятия каждой Стороны при эксплуатации договорных авиалиний по маршрутам, указанным в Приложении к настоящему соглашению, будут пользоваться следующими правами и привилегиями:

- а) совершать пролет территории государства другой Стороны без посадки;
- б) совершать на территории государства другой Стороны остановки с некоммерческими целями;
- в) совершать посадки на территории государства другой Стороны в пунктах, указанных в Приложении к настоящему Соглашению, с целью посадки и/или высадки пассажиров, погрузки и/или выгрузки почты и груза международного следования.

3. Ничто в настоящей статье не рассматривается как предоставление права назначенному авиапредприятию одной Стороны брать на борт пассажиров, почту и груз для их перевозки между пунктами на территории государства другой Стороны за вознаграждение или на условиях аренды.

4. Маршруты полетов воздушных судов и пункты пролета государственных границ устанавливаются каждой Стороной на территории своего государства.

5. Авиационные власти на основании отдельного соглашения могут предоставлять указанные права уполномоченному авиапредприятию каждой Стороны.

Статья 3

Назначение и предоставление разрешений

1. Каждая Сторона имеет право назначить авиапредприятия с целью эксплуатации договорных линий по установленным маршрутам, уведомив об этом письменно другую Сторону.

2. По получении такого уведомления другая Сторона незамедлительно предоставит каждому назначенному авиапредприятию разрешение на эксплуатацию в соответствии с пунктами 3 и 4 настоящей статьи.

3. Авиационные власти одной Стороны до выдачи разрешения на эксплуатацию могут потребовать от назначенного авиапредприятия другой Стороны доказательств того, что оно способно выполнять условия, предписанные законами и правилами, обычно применяемыми этими властями при эксплуатации международных воздушных линий.

4. Каждая Сторона будет иметь право отказать в предоставлении разрешения на эксплуатацию, указанного в пункте 2 настоящей статьи, или потребовать выполнения таких условий, которые она сочтет необходимыми при использовании назначенным авиапредприятием прав, указанных в статье 2 настоящего Соглашения, в случае, когда упомянутая Сторона не имеет доказательств того, что преимущественное владение или действительный контроль над этим авиапредприятием принадлежат Стороне, назначившей это авиапредприятие, или гражданам ее государства в соответствии с законами государства, назначающего авиапредприятие.

5. Назначенное авиапредприятие, получившее разрешение, может начать эксплуатацию договорных линий при условии, что согласованное между назначенными авиапредприятиями расписание полетов утверждено авиационными властями Сторон и тарифы, установленные в соответствии с положениями статьи 9 настоящего Соглашения, введены в действие.

Статья 4

Аннулирование или приостановление действия разрешения на эксплуатацию

1. Каждая Сторона будет иметь право аннулировать разрешение на эксплуатацию или приостановить пользование указанными в статье 2 настоящего Соглашения правами, предоставленными назначенному авиапредприятию другой Стороны, или потребовать выполнения таких условий, которые она сочтет необходимыми при пользовании этими правами:

а) в случае, если она не убеждена в том, что преимущественное владение или действительный контроль над этим назначенным авиапредприятием принадлежит Стороне, назначившей это авиапредприятие, или гражданам ее государства в соответствии с законами государства, назначающего авиапредприятие, или

б) в случае, если это назначенное авиапредприятие не соблюдает законы и правила государства Стороны, предоставляющей эти права, или

с) в случае, если назначенное авиапредприятие каким-либо иным образом не соблюдает условия, предусмотренные настоящим Соглашением.

2. Если немедленное аннулирование разрешения на эксплуатацию, приостановление пользования правами или требование выполнения условий, указанных в пункте 1 настоящей статьи, не являются необходимыми для предупреждения дальнейших нарушений законов и правил, то право, о котором говорится в этом пункте, используется только после консультаций между авиационными властями Сторон. Такие консультации между авиационными властями должны состояться в возможно короткий срок после получения просьбы о консультации.

Статья 5

Применение законов и правил

1. Законы и правила государства одной Стороны, регулирующие прилет и вылет с его территории воздушных судов, совершающих международные полеты, либо эксплуатацию или навигацию этих воздушных судов во время их пребывания в пределах его территории, применяются к воздушным судам авиапредприятий другой Стороны.

2. Законы и правила государства одной Стороны, регулирующие прибытие, пребывание и отправление с его территории пассажиров, экипажей, багажа, груза и почты, совершение валютных операций, и, в частности, правила, регулирующие паспортный, таможенный, санитарный режим, будут применяться к пассажирам, экипажам, багажу, почте и грузу воздушных судов, назначенных авиапредприятий другой Стороны во время их пребывания в пределах указанной территории.

Статья 6

Сборы

Сборы и другие платежи за пользование каждым аэропортом, включая его сооружения, технические и другие средства и услуги, а также любые платежи за пользование аэронавигационными средствами, средствами связи и услугами будут взиматься в соответствии со ставками и тарифами, установленными каждой Стороной.

Авиапредприятие или авиапредприятия не будут оплачивать сборы, превышающие сборы за использование оборудования и услуги, установленные другой Стороной для других иностранных авиапредприятий, эксплуатирующих аналогичные международные авиалинии.

Статья 7

Прямой транзит

Пассажиры, багаж и груз, следующие прямым транзитом через территорию государства одной Стороны и не покидающие зоны аэропорта, выделенной для

этой цели, подвергаются лишь упрощенному контролю, за исключением случаев, касающихся мер безопасности против актов насилия и воздушного пиратства.

Багаж и груз, следующие прямым транзитом, освобождаются от обложения таможенными пошлинами и другими подобными налогами.

Статья 8

Принципы, регулирующие эксплуатацию договорных линий

1. Назначенным авиапредприятиям Сторон предоставляются справедливые и равные условия эксплуатации договорных линий по установленным маршрутам между соответствующими территориями их государств.

2. При эксплуатации договорных линий назначенное авиапредприятие одной Стороны принимает во внимание интересы назначенного авиапредприятия другой Стороны, с тем, чтобы не нанести ущерба перевозкам этих последних авиапредприятий, которые эксплуатируют авиалинию по этому же маршруту или его части.

3. Договорные линии, обслуживаемые назначенными авиапредприятиями Сторон, должны соответствовать общественным потребностям в перевозках по установленным маршрутам, и каждое назначенное авиапредприятие должно иметь своей основной задачей предоставление такой емкости, которая при разумном коэффициенте загрузки отвечала бы существующим или предполагаемым потребностям в перевозках пассажиров, багажа, груза и почты между территориями государств Сторон.

4. Договорные линии, предоставляемые назначенному авиапредприятию в соответствии с настоящим Соглашением, должны соответствовать общему принципу, согласно которому емкость будет зависеть от:

- а) потребностей в перевозках между странами, в которых начинаются и оканчиваются перевозки;
- б) потребностей в перевозках того района, через который проходит авиалиния; и
- с) потребностей в транзитных перевозках.

Статья 9

Тарифы

1. Тарифы, которые будут применяться авиапредприятием или авиапредприятиями одной из Сторон для перевозки на территорию или с территории государства другой Стороны на договорных линиях должны устанавливаться на разумном уровне с учетом всех соответствующих факторов, включая стоимость, разумную прибыль и тарифы, установленные другими авиакомпаниями.

2. Тарифы должны быть представлены для одобрения авиационным властям обеих Сторон по крайней мере за 30 (тридцать) дней до даты вступления их в силу. В особых случаях этот срок может быть сокращен по согласованию между указанными властями.

3. Такое одобрение должно быть выражено явным образом. Если ни одна из авиационных властей не выразит своего неодобрения в течение 15 (пятнадцати) дней со дня представления на одобрение, как оговорено в пункте 2 настоящей Статьи, эти тарифы будут считаться утвержденными. В случае сокращения срока утверждения, как оговорено в пункте 2 настоящей Статьи, авиационные власти могут договориться, что временной предел, в течение которого должно быть выражено неодобрение тарифа, может быть менее 15 (пятнадцати) дней.

4. Тарифы, установленные в соответствии с положениями настоящей статьи, остаются в силе до тех пор, пока не будут установлены новые тарифы в соответствии с теми же положениями.

Статья 10

Освобождение от таможенных пошлин

1. Воздушные суда, эксплуатируемые на договорных линиях назначенными авиапредприятиями одной Стороны, а также их табельное имущество, запасные части, запасы топлива и смазочные материалы, бортовые запасы (включая продукты питания, напитки и табачные изделия), находящиеся на борту таких воздушных судов, освобождаются от всех таможенных пошлин и других налогов по прибытии на территорию государства другой Стороны при условии, что подобное оборудование, запасные части и запасы остаются на борту воздушного судна до момента их обратного вывоза.

2. Также освобождаются от таких же пошлин и налогов:

а) бортовые запасы, взятые на территории государства одной Стороны в пределах лимитов, установленных властями упомянутой Стороны, и предназначенные для использования на борту воздушного судна, эксплуатируемого на договорных линиях назначенными авиапредприятиями другой Стороны;

б) запасные части, ввезенные на территорию государства одной Стороны для технического обслуживания или ремонта воздушного судна, эксплуатируемого на договорных линиях назначенными авиапредприятиями другой Стороны;

с) топливо и смазочные материалы, предназначенные для использования воздушным судном, эксплуатируемым на договорных линиях назначенным авиапредприятием одной Стороны;

д) документы, используемые назначенными авиапредприятиями, включая авиабилеты, авианакладные, доставленные или доставляемые назначенными авиапредприятиями одной Стороны на территорию государства другой Стороны для своих эксплуатационных нужд.

Сборы за предоставленное обслуживание, хранение и таможенное оформление будут взиматься в соответствии с национальным законодательством Сторон и не должны быть выше сборов, применяемых к авиапредприятиям, занятым в подобном международном воздушном сообщении.

3. Материалы, запасы, запасные части и документы, указанные в пункте 2, по требованию таможенных властей могут быть поставлены под их контроль или наблюдение.

4. Табельное бортовое имущество, материалы, запасы и запасные части, находящиеся на борту воздушного судна, эксплуатируемого на договорных линиях назначенными авиапредприятиями одной Стороны, могут быть выгружены на территории государства другой Стороны только с согласия таможенных властей этой Стороны. В этом случае они могут быть помещены под наблюдение упомянутых властей до того момента, пока они не будут вывезены обратно или не получат другого назначения в соответствии с таможенными правилами.

Статья 11

Перевод доходов

1. Каждая Сторона предоставляет назначенному авиапредприятию или авиапредприятиям другой Стороны право свободного перевода сумм превышения доходов над расходами, полученных этим назначенным авиапредприятием в связи с эксплуатацией договорных линий.

Перевод осуществляется в свободно конвертируемой валюте по официальному обменному курсу, действующему на день перевода, в соответствии с финансовым законодательством государства Стороны, с территории которой осуществляется перевод.

2. Положения настоящей статьи никоим образом не затрагивают вопросов налогообложения доходов, которые являются предметом отдельного соглашения между Сторонами.

Статья 12

Представительства авиапредприятия и продажа перевозок

1. Каждая Сторона предоставляет назанченному авиапредприятию или авиапредприятиям другой Стороны право открыть на территории государства другой Стороны свои представительства с административным, коммерческим и техническим персоналом, состоящим из граждан государства одной или обеих Сторон, необходимым для обеспечения эксплуатации договорных линий.

2. Наем персонала третьих стран на территории государства каждой Стороны должен осуществляться с одобрения соответствующих властей.

3. На указанный персонал будет распространяться действие законов государства Стороны, регулирующих иммиграцию, равно как и законов и административных положений, действующих на его территории.

4. Каждая Сторона окажет любую помощь и содействие, которые могут быть необходимыми для вышеуказанных представителей и персонала.

5. Назанченному авиапредприятию или авиапредприятиям одной Стороны предоставляется право самостоятельной продажи авиаперевозок и дополнительных услуг с использованием собственной перевозочной документации на территории государства другой Стороны в соответствии с законами и правилами этого государства непосредственно в представительствах назанченных авиапредприятий и через агентов по продаже, имеющих соответствующее разрешение на предоставление таких услуг.

Статья 13

Авиационная безопасность

1. В соответствии со своими правами и обязательствами, вытекающими из международного права, Стороны подтверждают, что взятое ими по отношению друг к другу обязательство защищать безопасность гражданской авиации от актов незаконного вмешательства составляет неотъемлемую часть настоящего Соглашения. Не ограничивая общую применимость своих прав и обязательств по международному праву, Стороны действуют в соответствии с положениями Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, подписанной в г. Токио 14 сентября 1963 г., Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, подписанной в г. Гааге 16 декабря 1970 г., Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, подписанной в г. Монреале 23 сентября 1971 г., и Протокола о борьбе с незаконными актами насилия в международных аэропортах, подписанного в г. Монреале 24 февраля 1988 г., положениями действующих двусторонних соглашений между Сторонами, а также тех соглашений, которые будут заключены между ними в будущем.

2. Стороны оказывают по просьбе всю необходимую помощь друг другу в предотвращении незаконного захвата воздушных судов и других незаконных актов, направленных против безопасности воздушных судов, их пассажиров и экипажей, аэропортов и аэронавигационных средств, а также любой другой угрозы безопасности гражданской авиации.

3. Стороны действуют в соответствии с положениями по авиационной безопасности и техническими требованиями, устанавливаемыми Международной организацией гражданской авиации и предусмотренными приложениями к Конвенции о международной гражданской авиации, в той степени, в которой такие положения по безопасности и требования применимы к Сторонам; Стороны будут требовать, чтобы эксплуатанты воздушных судов, зарегистрированных в их государствах, эксплуатанты воздушных судов, основное место деятельности или постоянное местопребывание которых находится на их территории, действовали в соответствии с такими положениями по авиационной безопасности.

4. Каждая Сторона может потребовать от таких эксплуатантов воздушных

судов соблюдения упомянутых в пункте 3 настоящей статьи положений по авиационной безопасности и требований другой Стороны, которые регулируют въезд, выезд и нахождение в пределах территории государства другой Стороны.

Каждая Сторона обеспечивает применение в пределах территории ее государства надлежащих мер для защиты воздушных судов и проверки пассажиров, экипажа, ручной клади, багажа, груза и бортовых запасов до и во время посадки или погрузки. Каждая Сторона также благожелательно рассматривает просьбу другой Стороны о принятии специальных мер безопасности в связи с конкретной угрозой.

5. Когда имеет место инцидент или угроза инцидента, связанного с незаконным захватом гражданских воздушных судов или с другими незаконными актами, направленными против безопасности воздушных судов, их пассажиров и экипажа, аэропортов или аэронавигационных средств, Стороны оказывают друг другу помощь посредством облегчения связи и принятия соответствующих мер в целях быстрого и безопасного пресечения такого инцидента или его угрозы.

Статья 14

Консультации

Для обеспечения конструктивного сотрудничества по всем вопросам, относящимся к выполнению настоящего Соглашения, между авиационными властями Сторон периодически могут проводиться консультации.

Статья 15

Разрешение споров

1. В случае спора между Сторонами в связи с толкованием или применением настоящего Соглашения или Приложения к нему Стороны в первую очередь будут стремиться разрешить его путем прямых переговоров между авиационными властями Сторон. Если упомянутые власти не придут к соглашению, спор решается по дипломатическим каналам.

2. В случае, если урегулирование не может быть достигнуто вышеуказанными способами, спор по запросу любой из Сторон передается на рассмотрение арбитража, состоящего из трех арбитров, два из которых назначаются каждой из Сторон, а третий — двумя назначенными арбитрами.

3. Каждая Сторона назначает арбитра в течение шестидесяти (60) дней с даты получения одной Стороной запроса по дипломатическим каналам от другой Стороны на рассмотрение спора в арбитраже, а третий арбитр назначается в течение последующих шестидесяти (60) дней. В случае, если какой-либо из Сторон не удастся назначить арбитра в указанный срок, или если третий арбитр не будет назначен в установленный срок, любая из Сторон может обратиться к президенту Совета Международной организации гражданской авиации с просьбой о назначении арбитра или арбитров в зависимости от обстоятельств.

4. Третий арбитр, назначенный в соответствии с положениями пунктов 2 и 3, должен быть гражданином третьего государства и выполнять обязанности председателя арбитража. В случае, если президент является гражданином государства одной из Сторон или по какой-либо другой причине не сможет выполнить указанную функцию, то произвести необходимое назначение будет предложено вице-президенту.

5. Арбитраж выносит свое решение большинством голосов. Такое решение является обязательным для обеих Сторон. Каждая Сторона несет расходы по участию ее арбитра и представителей в арбитражном разбирательстве. Расходы, связанные с участием председателя арбитража, и другие подобные расходы распределяются между Сторонами поровну. По всем другим аспектам арбитраж самостоятельно определяет процедуру своей работы.

6. Обе или одна из Сторон могут запросить комментарии арбитра по существу вынесенного решения. Запрос на преесмотр решения может быть представлен в

течение 15 (пятнадцати) дней только по вновь открывшимся обстоятельствам, которые могли иметь решающее влияние на исход разбирательства вследствие своих характеристик, и в ходе принятия решения ни арбитр, ни апеллирующая Сторона не знали об этих обстоятельствах. Запрос на пересмотр решения должен быть рассмотрен арбитром, принявшим такое решение. Если это невозможно, утверждается "ad hoc" арбитр в соответствии с положениями настоящей статьи.

Статья 16

Признание свидетельств и удостоверений

Свидетельства летной годности, квалификационные свидетельства и удостоверения, выданные или признаваемые действительными одной Стороной, признаются действительными другой Стороной для целей эксплуатации договорных линий, если они выданы или признаны в соответствии со стандартами, установленными в Конвенции. Однако, каждая Сторона оставляет за собой право не признавать действительными для полетов над территорией своего государства свидетельства и удостоверения, выданные гражданам ее государства другой Стороной.

Статья 17

Обмен информацией

Авиационные власти любой из Сторон должны предоставлять периодически друг другу по запросу статистические данные или иную соответствующую информацию, которая может быть объективно необходима для оценки объемов перевозок по договорным линиям назначенным авиапредприятием другой Стороны.

Такие данные должны включать всю информацию, касающуюся количества перевозок, осуществленных назначенным авиапредприятием по договорным линиям.

Статья 18

Регистрация Соглашения

Настоящее Соглашение и любые последующие поправки к нему должны быть зарегистрированы в Международной организации гражданской авиации.

Статья 19

Изменение Соглашения

Если одна из Сторон сочтет желательным изменить условия настоящего Соглашения или Приложения к нему, она может запросить консультации между авиационными властями Сторон относительно предлагаемого изменения.

Консультации должны начаться в течение шестидесяти (60) дней с даты запроса об их проведении, если только авиационные власти Сторон не договорятся о продлении этого срока. Поправки к Соглашению вступают в силу после подтверждения по дипломатическим каналам выполнения всех необходимых требований, предусмотренных национальным законодательством.

Поправки к Приложению могут быть приняты по согласованию между авиационными властями Сторон и вступают в силу с даты, установленной указанными властями.

Статья 20

Прекращение действия Соглашения

1. Настоящее Соглашение заключено на неопределенный срок.
2. Каждая Сторона может в любое время уведомить другую Сторону по дипломатическим каналам о своем намерении прекратить действие настоящего Соглашения. Такое уведомление одновременно должно быть направлено в Меж-

дународную организацию гражданской авиации. Настоящее Соглашение прекратит свое действие через двенадцать (12) месяцев с даты получения уведомления другой Стороной, если только уведомление о прекращении действия Соглашения не будет отозвано по обоюдному согласию до истечения этого срока.

Статья 21

Вступление в силу

Настоящее Соглашение вступит в силу по истечении 30 (тридцати) дней с даты последнего письменного уведомления по дипломатическим каналам о выполнении Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу.

Совершено в Москве 25 июня 1998 года в двух экземплярах, каждый на русском, испанском и английском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу. В случае любых разногласий для целей толкования будет применяться текст на английском языке.

За Правительство Российской Федерации

За Правительство Аргентинской Республики

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТАБЛИЦА МАРШРУТОВ

1. Маршруты, которые будут эксплуатироваться назначенным/и/ авиапредприятием/ями/ Российской Федерации в обоих направлениях:

Начальные пункты	Промежуточные пункты	Пункты назначения	Пункты за пределами(*)
Пункты в России	Будут определены позднее	Пункты в Аргентине	Будут определены позднее

2. Маршруты, которые будут эксплуатироваться назначенным/и/ авиапредприятием/ями/ Аргентинской Республики в обоих направлениях:

Начальные пункты	Промежуточные пункты	Пункты назначения	Пункты за пределами(*)
Пункты в Аргентине	Будут определены позднее	Пункты в России	Будут определены позднее

П р и м е ч а н и я:

а) чартерные, дополнительные рейсы и/или рейсы вне расписания могут выполняться по предварительному запросу назначенных авиапредприятий; этот запрос должен подаваться не позднее чем за 48 часов до полета воздушного судна, за исключением выходных или праздничных дней;

б) назначенные авиапредприятия обеих Сторон могут на любом или всех рейсах изменять последовательность использования либо опускать любой из вышеуказанных промежуточных пунктов и/или пунктов за пределами.

с) пункты на вышеуказанных маршрутах и коммерческие права будут определяться совместно авиационными властями Сторон.

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Российской Федерации и Правительством
Аргентинской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений

Правительство Российской Федерации и Правительство Аргентинской Республики, именуемые в дальнейшем Договаривающимися Сторонами,

желая создавать благоприятные условия для осуществления капиталовложений инвесторов одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны,

признавая, что поощрение и взаимная защита капиталовложений на основе настоящего Соглашения будут способствовать развитию взаимовыгодного торгово-экономического и научно-технического сотрудничества,

согласились о следующем:

Статья 1

Определения

Для целей настоящего Соглашения:

1. Термин "инвестор" означает в отношении каждой из Договаривающихся Сторон:

а) любое физическое лицо, являющееся гражданином государства этой Договаривающейся Стороны и правомочное в соответствии с законодательством данной Договаривающейся Стороны осуществлять капиталовложения на территории другой Договаривающейся Стороны;

б) любое юридическое лицо, созданное или учрежденное в соответствии с действующим законодательством на территории этой Договаривающейся Стороны и имеющее местопребывание там же, при условии, что оно правомочно в соответствии с законодательством данной Договаривающейся Стороны осуществлять капиталовложения на территории другой Договаривающейся Стороны.

2. Термин "капиталовложения" означает, согласно действующему законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой осуществляются капиталовложения, любой вид имущественных ценностей, который вкладывается инвестором одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны, в соответствии с законодательством последней, и в том числе:

а) движимое и недвижимое имущество и соответствующие имущественные права;

б) акции и другие формы участия в коммерческих предприятиях и компаниях;

с) требования по кредитам и другим денежным средствам, непосредственно связанных с капиталовложением и предназначенных для создания экономических ценностей;

д) исключительные права на интеллектуальную собственность, включая права на промышленную собственность, авторские права, товарные знаки и знаки обслуживания, патенты, промышленный дизайн, фирменные наименования, а также технологию и ноу-хау;

е) права на осуществление хозяйственной и коммерческой деятельности, предоставляемые на основе закона или договора, включая, в частности, связанные с разведкой, разработкой, добычей и эксплуатацией природных ресурсов.

Никакое изменение формы, в которой имущественные ценности вкладываются или реинвестируются, не будет влиять на характер капиталовложений при условии, что такое изменение не будет противоречить законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой капиталовложения осуществляются.

3. Термин "доходы" означает суммы, получаемые в результате капиталовло-

жений согласно пункту 2 настоящей Статьи и включает, в частности: прибыль, дивиденды, проценты, лицензионные, коммиссионные и другие вознаграждения.

4. Термин "территория" охватывает территорию Российской Федерации или территорию Аргентинской Республики, включая территориальное море, а также исключительную экономическую зону и континентальный шельф, в которых они осуществляют суверенные права или юрисдикцию в соответствии с международным правом.

5. Термин "законодательство Договаривающейся Стороны" означает законодательство государства Договаривающейся Стороны в отношении обеих Договаривающихся Сторон.

Статья 2

Поощрение и защита капиталовложений

1. Каждая Договаривающаяся Сторона поощряет капиталовложения инвесторов другой Договаривающейся Стороны и допускает такие капиталовложения на своей территории в соответствии со своим законодательством.

2. Каждая Договаривающаяся Сторона гарантирует инвесторам другой Договаривающейся Стороны в соответствии со своим законодательством полную защиту капиталовложениям инвесторов другой Договаривающейся Стороны.

Статья 3

Режим капиталовложений

1. Каждая Договаривающаяся Сторона обеспечивает на своей территории капиталовложениям, осуществленным инвесторами другой Договаривающейся Стороны, и деятельности в связи с такими капиталовложениями справедливый и равноправный режим, исключаящий применение мер дискриминационного характера, которые могли бы препятствовать управлению, руководству, содержанию, использованию, владению или распоряжению капиталовложениями.

2. Режим, упомянутый в пункте 1 настоящей Статьи, должен быть по крайней мере не менее благоприятным, чем режим, который предоставляется капиталовложениям и деятельности в связи с такими капиталовложениями собственных инвесторов или инвесторов третьего государства.

3. Режим наиболее благоприятствуемой нации, предоставляемый в соответствии с пунктом 2 настоящей Статьи, не распространяется на преимущества, которые каждая Договаривающаяся Сторона предоставляет или предоставит в будущем:

а) в связи с участием в зоне свободной торговли, таможенном или экономическом союзе;

б) в силу соглашений между Российской Федерацией и государствами, ранее входившими в состав Союза Советских Социалистических Республик;

с) в силу соглашений, подписанных Аргентинской Республикой и Итальянской Республикой (Соглашение о создании особых ассоциативных отношений от 10 декабря 1987 г.) и с Королевством Испании (от 3 июня 1988 г.)

д) на основе соглашений об избежании двойного налогообложения или других договоренностей по вопросам налогообложения.

Статья 4

Основной персонал

1. Договаривающаяся Сторона в соответствии со своим законодательством, касающимся въезда и пребывания лиц, не являющихся ее гражданами, разрешает физическим лицам, которые являются инвесторами другой Договаривающейся Стороны, и персоналу, нанятому юридическими лицами этой Договаривающейся Стороны, въезжать и оставаться на ее территории с целью осуществления деятельности, связанной с капиталовложениями.

2. Договаривающаяся Сторона, в соответствии со своим законодательством, разрешает инвесторам другой Договаривающейся Стороны, осуществившим капиталовложения на территории первой Договаривающейся Стороны, нанять на своей территории технический и административный персонал по своему выбору, независимо от гражданства.

Статья 5

Открытость законов

Каждая Договаривающаяся Сторона в целях содействия пониманию своих законов, касающихся капиталовложений, осуществляемых инвесторами другой Договаривающейся Стороны на ее территории, обеспечивает открытость и доступность таких законов.

Статья 6

Экспроприация

1. Капиталовложения, осуществленные на территории другой Договаривающейся Стороны и принадлежащие ее инвесторам, не подлежат национализации, экспроприации или другим равносильным им мерам, за исключением случаев, когда такие меры принимаются в общественных интересах в установленном законодательством порядке, не являются дискриминационными и влекут за собой выплату быстрой, адекватной и эффективной компенсации.

2. Размер данной компенсации должен соответствовать рыночной стоимости экспроприируемых капиталовложений непосредственно до момента экспроприации или до того, как стало официально известно об экспроприации, при этом компенсация будет выплачиваться незамедлительно с учетом процентов, начисляемых с даты экспроприации до даты выплаты по обычной коммерческой ставке той Договаривающейся Стороны, на территории которой капиталовложения осуществлены, и будет эффективно реализуемой и свободно переводимой.

Статья 7

Возмещение ущерба

Инвесторы одной Договаривающейся Стороны, капиталовложению которых нанесен ущерб на территории другой Договаривающейся Стороны в результате войны или другого вооруженного конфликта, переворота, восстания или мятежа, либо введения чрезвычайного положения получают в качестве реституции, возмещения, компенсации или/и другой формы возмещения ущерба, не менее благоприятный режим, чем ее собственные инвесторы или инвесторы третьих государств.

Статья 8

Перевод платежей

1. Каждая Договаривающаяся Сторона предоставляет инвесторам другой Договаривающейся Стороны после выполнения ими всех налоговых обязательств беспрепятственный перевод всех платежей за границу в связи с капиталовложениями, и в частности:

- a) первоначального капиталовложения и дополнительных сумм для поддержания и расширения капиталовложения;
- b) доходов, как они определены в пункте 3 Статьи I настоящего Соглашения;
- c) сумм для выплат по займам, осуществляемым в связи с капиталовложением;
- d) сумм от продажи и частичной или полной ликвидации капиталовложений;
- e) компенсаций, предусмотренных в статьях 6 и 7 настоящего Соглашения;
- f) заработной платы и других вознаграждений граждан и основного персонала

одной Договаривающейся Стороны, получивших разрешение на работу в связи с капиталовложением на территории другой Договаривающейся Стороны.

2. Переводы платежей осуществляются без задержки, в свободно конвертируемой валюте, по курсу, применяемому на дату перевода, в соответствии с действующими валютными правилами, установленными той Договаривающейся Стороной, на территории которой были осуществлены капиталовложения.

Статья 9 **Суброгация**

Если Договаривающаяся Сторона или уполномоченный ею орган, произведет платеж инвестору на основе гарантии от некоммерческих рисков в связи с его капиталовложением на территории другой Договаривающейся Стороны, то они смогут осуществлять в порядке суброгации права инвестора в том же объеме, что и сам инвестор. Такие права осуществляются в соответствии с законодательством последней Договаривающейся Стороны.

Статья 10

Разрешение споров между Договаривающейся Стороной и инвестором другой Договаривающейся Стороны

1. В случае любого спора между одной Договаривающейся Стороной и инвестором другой Договаривающейся Стороны, возникающего в связи с капиталовложением, включая споры, касающиеся размера, условий или порядка выплаты компенсации, в соответствии со статьями 6 и 7 настоящего Соглашения, или порядка осуществления перевода платежей, предусмотренного в Статье 8 настоящего Соглашения, подается письменное уведомление, сопровождаемое подробными комментариями, которые инвестор направляет Договаривающейся Стороне, участвующей в споре. Стороны в споре стремятся урегулировать такой спор по возможности путем консультаций и переговоров.

а) компетентный суд или арбитраж Договаривающейся Стороны, на территории которой капиталовложения осуществлены; или

б) арбитражный суд *ad hoc* в соответствии с Арбитражным регламентом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ); или

с) любой арбитражный трибунал одной из международных торговых палат при согласии обеих сторон в споре.

3. Арбитражное решение является окончательным и обязательным для обеих сторон в споре. Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется обеспечить выполнение такого решения в соответствии со своим законодательством.

Статья 11

Разрешение споров между Договаривающимися Сторонами

1. Споры между Договаривающимися Сторонами относительно толкования и применения настоящего Соглашения разрешаются путем переговоров по дипломатическим каналам.

2. Если таким способом спор не урегулирован в течение шести месяцев с начала переговоров, то по требованию любой из Договаривающихся Сторон он передается на рассмотрение третейского суда.

3. Такой третейский суд создается для каждого отдельного случая следующим образом. Каждая Договаривающаяся Сторона назначает по одному члену третейского суда в течение двух месяцев с даты получения уведомления о третейском разбирательстве. Затем эти два члена суда избирают гражданина третьего государства, с которым обе Договаривающиеся Стороны поддерживают дипломатические отношения и который с одобрения обеих Договаривающихся Сторон

назначается Председателем третейского суда в течение месяца с даты назначения последнего из двух членов суда.

4. Если в сроки, указанные в пункте 3 настоящей Статьи, необходимые назначения не произведены, то при отсутствии иной договоренности любая из Договаривающихся Сторон может обратиться к Председателю Международного Суда с просьбой произвести такие назначения. Если Председатель Международного Суда является гражданином одной из Договаривающихся Сторон или по другим причинам не может выполнить указанную просьбу, то произвести необходимые назначения предлагается заместителю Председателя Международного Суда. Если заместитель Председателя Международного Суда также является гражданином одной из Договаривающихся Сторон или по другим причинам не может выполнить указанную просьбу, то произвести необходимые назначения предлагается следующему за ним по старшинству члену Международного Суда, который не является гражданином ни одной из Договаривающихся Сторон.

5. Третейский суд выносит свое решение большинством голосов. Такое решение является окончательным и обязательным для Договаривающихся Сторон. Каждая Договаривающаяся Сторона несет расходы, связанные с деятельностью назначенного ею члена суда и своим представительством в третейском разбирательстве; расходы, связанные с деятельностью Председателя третейского суда, а также прочие расходы Договаривающихся Сторон несут в равных долях.

6. Третейский суд определяет порядок своей работы самостоятельно.

Статья 12

Консультации

Договаривающиеся Стороны по просьбе любой из них проводят консультации по вопросам, касающимся толкования или применения настоящего Соглашения.

Статья 13

Применение Соглашения

Настоящее Соглашение применяется ко всем капиталовложениям, осуществленным инвесторами одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны начиная с 1 января 1987 года.

Положения настоящего Соглашения применяются в отношении споров, о которых идет речь в статьях 10 и 11 настоящего Соглашения, с момента вступления его в силу.

Статья 14

Вступление в силу, поправки и срок действия Соглашения

1. Каждая Договаривающаяся Сторона письменно уведомит другую Договаривающуюся Сторону о выполнении предусмотренных ее законодательством процедур, необходимых для вступления в силу настоящего Соглашения. Настоящее Соглашение вступает в силу с даты последнего из двух уведомлений.

2. Настоящее Соглашение остается в силе в течение десяти лет. После этого срока оно остается в силе в течение двенадцати месяцев с даты, когда одна Договаривающаяся Сторона письменно уведомит другую Договаривающуюся Сторону о своем намерении прекратить действие настоящего Соглашения.

3. В настоящее Соглашение могут быть внесены поправки по взаимному согласию Договаривающихся Сторон. Любая поправка вступает в силу после того, как каждая Договаривающаяся Сторона письменно уведомит другую Договаривающуюся Сторону о выполнении предусмотренных ее законодательством процедур, необходимых для вступления такой поправки в силу.

4. В отношении капиталовложений, осуществленных до даты прекращения действия настоящего Соглашения и подпадающих под его действие, положения

статей с 1 по 13 настоящего Соглашения остаются в силе в течение последующих десяти лет после даты прекращения его действия.

Совершено в Москве "25" июня 1998 года в двух экземплярах, каждый на русском и испанском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Правительство Российской Федерации

За Правительство Аргентинской Республики

ПРОТОКОЛ

Во время подписания Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Аргентинской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (далее именуемого "Соглашение") нижеподписавшиеся согласились со следующими положениями, которые являются неотъемлемой частью Соглашения:

1. В отношении подпункта а) пункта 1 Статьи I:

Положения Соглашения не распространяются на капиталовложения, осуществляемые физическими лицами, являющимися гражданами Российской Федерации, на территории Аргентинской Республики, если эти лица на момент капиталовложений проживали в последней более двух лет, за исключением наличия доказательств, что капиталовложения были получены из-за границы.

- 2. В отношении Статьи 3:

Российская Федерация оставляет за собой право определять отрасли экономики и сферы деятельности, в которых исключается или ограничивается деятельность иностранных инвесторов.

Совершено в Москве "25" июня 1998 года в двух экземплярах, каждый на русском и испанском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Правительство Российской Федерации

За правительство Аргентинской Республики

Международная частноправовая практика юридической фирмы “ММЦП & К”

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДА, КОМПЕТЕНТНОГО РАССМАТРИВАТЬ ВОПРОС О ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ РЕШЕНИЙ ПО КОММЕРЧЕСКИМ СПОРАМ

В практике международной юридической фирмы “ММЦП & К” нередко возникают вопросы принудительного приведения в исполнение в Российской Федерации решений иностранных государственных и третейских судов, а также решений международного коммерческого арбитража. В первый раз проблема принудительного исполнения на территории России решения иностранного международного коммерческого арбитража встала перед международной юридической фирмой “ММЦП & К” в 1994 г. в связи с оказанием содействия крупнейшему внешнеторговому предприятию Союзной Республики Югославии “ЮКО” (“YUCO”). Получив во Внешнеторговом арбитраже при Хозяйственной палате Югославии решение о взыскании 27.905.000 долларов США с АО “Камаз” (Набережные Челны), это югославское предприятие столкнулось с проблемой его принудительного приведения в исполнение в России, которую международная юридическая фирма “ММЦП & К” успешно помогала ему решить.

Вряд ли следует подробно описывать всю сложность вопросов принудительного приведения в исполнение в России решений иностранных государственных и третейских судов, а также решений международного коммерческого арбитража (в дальнейшем в совокупности также именуемых “иностранное решения”¹⁾), равно как и их значимость, проистекающую из интернационализации экономики, интенсификации международного торгового оборота, а также повышающейся в течение последних десятилетий важности международного коммерческого арбитража как весьма эффективного и перспективного способа разрешения международных частноправовых споров и как одного из очень важных средств унификации регулирования международной торговли.

1. ЦЕЛЬ ДАННОЙ СТАТЬИ

Далее будут изложены взгляды автора настоящей работы на один из аспектов принудительного приведения в исполнение иностранных решений (причем от

проблемы признания таких решений, не требующих принудительного исполнения, автор настоящей статьи для большей простоты отвлечется), впрочем, достаточно важный, так как от того или иного подхода к нему будет зависеть не только процедура приведения в исполнение конкретного иностранного решения и не только его успешность, но в более далекой перспективе и положение российских участников внешнеэкономической деятельности в международном торговом обороте, а также отношение к ним и к российскому праву со стороны других участников данного оборота. Речь идет о проблеме того, какие государственные суды в Российской Федерации обладают компетенцией разрешать приведение в исполнение иностранных решений²: государственные арбитражные суды или суды общей юрисдикции? Как известно, в Российской Федерации связь с частноправовыми спорами имеют только эти два вида судов, в то время как все остальные³ обладают иной компетенцией. Соответственно, в дальнейшем применительно к определению компетенции разрешать исполнение иностранных решений речь будет идти только о государственных арбитражных судах и судах общей юрисдикции.

Следует отметить, что анализ обозначенного вопроса способен вскрыть очень многие проблемы исполнения в Российской Федерации иностранных решений. В ходе осуществляемого в настоящей статье исследования на них будет указано, правда, в довольно краткой форме.

2. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПРИЧИНЫ, ЕЕ ПОРОДИВШИЕ

Итак, на момент написания настоящей статьи (июль 1999 г.) вопрос об определении суда, компетентного разрешать исполнение иностранных решений, несколько неоднозначен, причем не столько в законодательстве, сколько в правоприменительной практике: разрешают приводить в исполнение иностранные решения как государственные арбитражные суды, так и суды общей юрисдикции: *“До этого бремя рассмотрения обращений за признанием и приведением в исполнение иностранных судебных решений возлагалось в основном на суды общей юрисдикции. В современной России с этой проблемой столкнулись и арбитражные суды: объем обращений с ходатайствами об исполнении иностранных арбитражных решений все увеличивается. Нередки случаи, когда суды общей юрисдикции отказывают в приеме таких ходатайств, указывая, что в связи с вынесением решения по экономическому спору судом, компетентным решать вопрос об исполнении иностранного судебного решения, может быть только арбитражный суд”*⁴.

Вообще же говоря, до 1995 г. проблемы определения судов, компетентных разрешать исполнение иностранных решений, в российском праве просто не существовало: ими однозначно являлись суды общей юрисдикции. Какие же обстоятельства обусловили возникновение такой проблемы после 1995 г.? Дело в том, что в 1995 г. в силу вступил ныне действующий Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, согласно которому государственные арбитражные суды были наделены компетенцией рассматривать экономические споры с участием любых иностранных лиц⁵ и организаций с иностранными инвестициями (согласно же Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации 1992 г. государственные арбитражные суды могли рассматривать споры с участием лиц, находящихся за границей и организаций с иностранными инвестициями, только если это предусматривалось международным договором Российской Федерации (к их числу относились только международные договоры в рамках СНГ) или же соглашением спорящих сторон). И хотя в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации 1995 г., а также в других принятых после 1995 г. нормативных актах ничего прямо не говорится о том, что государственные арбитражные суды имеют право разрешать исполнение иностранных решений, с объективной точки зрения является вполне закономерным то, что, сделав первый шаг и получив компетенцию рассматривать экономические споры с участием любых иностранных лиц и организаций с иностранными

инвестициями, государственные арбитражные суды непременно должны были сделать второй, стремясь к получению компетенции разрешать исполнение иностранных решений.

Стремление это вполне объяснимо: в тот момент, когда в России возник не материальный частноправовой дуализм, а юрисдикционный частноправовой дуализм, две ветви судебной системы неизбежно должны были вступить между собой в конкуренцию. Как известно, *Est boni iudicis ampliare jurisdictionem* (Хороший судья должен понимать свою юрисдикцию расширительно).

Подобная конкурирующая юрисдикция не могла не породить с первых же дней своего существования многочисленные проблемы разграничения компетенции, которые, в частности, вызвали появление Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 18 августа 1992 г. № 12/12 "О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам"⁶. Данным Постановлением острота проблемы по большому счету была снята, хотя и сегодня в правоприменительной практике нередко встают вопросы разграничения компетенции между двумя видами судов, и они часто являются ни чем иным, как проявлением того, что можно было бы назвать "борьбой за юрисдикцию". В целом же можно утверждать, что в такой "борьбе" преимущество имели и имеют государственные арбитражные суды. И одним из важнейших шагов на пути получения такого преимущества было наделение государственных арбитражных судов в 1995 г. компетенцией рассматривать споры с участием иностранных лиц и организаций с иностранными инвестициями. Однако, в отличие от "внутренних" споров государственные арбитражные суды в этой сфере столкнулись со стремлением Верховного Суда Российской Федерации сохранить за судами общей юрисдикции компетенцию рассматривать экономические споры с участием иностранных лиц. Так, в своем определении от 28 октября 1996 г. Судебная Коллегия Верховного Суда Российской Федерации указала: *"Нельзя согласиться с доводами жалобы о том, что данная категория споров подведомственна лишь арбитражному суду. Действительно, согласно п. 6 ст. 22 Арбитражного процессуального кодекса РФ, арбитражный суд рассматривает подведомственные ему дела с участием организаций и граждан Российской Федерации, а также иностранных организаций, организаций с иностранными инвестициями, международных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Однако в соответствии со ст. 25 ГПК РСФСР споры с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных предприятий и организаций подведомственны также и судам общей юрисдикции. Поэтому споры с участием иностранных предприятий и организаций могут рассматриваться как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах"*⁷.

Сказанное с наглядностью демонстрирует правильность следующего тезиса: любая организованная система стремится конкурировать с другими аналогичными системами и доминировать над ними, поскольку в этом во многом состоит предпосылка ее самосохранения. А поскольку сфера приведения в исполнение иностранных решений на сегодняшний день является последней связанной с частноправовыми коммерческими спорами областью, которая до последнего времени еще не была охвачена вниманием государственных арбитражных судов, то вполне понятно, почему они начинают проявлять к ней интерес. Автору известно по меньшей мере несколько случаев, когда государственные арбитражные суды разрешали исполнение решений иностранного международного коммерческого арбитража, причем в ряде случаев делали это после того, как суды общей юрисдикции отказывались разрешить приведение в исполнение таких решений, считая этот вопрос находящимся в сфере компетенции государственных арбитражных судов. Указания на то, что государственные арбитражные суды постепенно начинают разрешать исполнение иностранных решений, неоднократно приводила и Т.Н. Нешатаева⁸. Наконец, 11 июня 1999 г. Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации принял Постановление № 8 "О

действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса"⁹, в котором упоминается, в том числе, и об исполнении государственными арбитражными судами иностранных решений.

Таким образом, на сегодняшний день в правоприменительной практике существует конкурирующая юрисдикция между судами общей юрисдикции и государственными арбитражными судами как в сфере разрешения экономических споров с участием иностранных лиц, так и в сфере разрешения приводить в исполнение иностранные решения.

Следует подчеркнуть и следующий момент. Если в отношении рассмотрения экономических споров с участием иностранных лиц наличие конкурирующей юрисдикции подтверждено официально опубликованным судебным актом Судебной Коллегии Верховного Суда Российской Федерации, санкционирующим деятельность судов общей юрисдикции по разрешению таких споров независимо от юрисдикции государственных арбитражных судов (причем подтверждено не голословно, а со ссылками на действующие нормативные акты уровня федерального закона), то в отношении сферы разрешения приводить в исполнение иностранные решения положение дел на момент написания настоящей статьи несколько иное.

Хотя Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и было принято Постановление № 8 "О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса", в котором упоминается в том числе и об исполнении в России государственными арбитражными судами иностранных решений, это действительно только упоминание, причем весьма косвенное, а не прямое обоснование компетенции разрешать приведение таких решений в исполнение. Так, в пункте 38 этого Постановления говорится: *"Согласно международным соглашениям о правовой помощи, предусматривающим компетенцию арбитражных судов на исполнение иностранных судебных решений, основанием для отказа в исполнении могут являться следующие условия..."*. Очевидно, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в этом Постановлении исходит из того, что вопрос о такой компетенции в некоторых международных договорах Российской Федерации решен прямо, ввиду чего какое-либо прямое указание на ее наличие у государственных арбитражных судов не требуется. Однако для любого, знакомого с этой проблемой не понаслышке, очевидно, что этот вопрос далеко не так прост, как кажется на первый взгляд. Ввиду этого, он подлежит дополнительному анализу.

Кроме того, не следует забывать и о том, что в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда от 11 июня 1999 г. № 8 упоминается о компетенции государственных арбитражных судов разрешать исполнение иностранных решений только в контексте положений международных договоров. Соответственно, возникает вопрос: а обладают ли государственные арбитражные суды такой компетенцией в условиях, когда соответствующий международный договор не применим? Как уже указывалось, правоприменительная практика этих судов пошла по пути утвердительного ответа на него. В таких условиях встает еще один вопрос: основано ли такое имеющееся положение дел на законе или же является стихийно сложившейся практикой, объективно объяснимой, но не находящей обоснования в нормативном регулировании? При этом следует учитывать то, что ранее принятое специальное законодательство по вопросам разрешения приводить в исполнение иностранные решения, наделяющее компетенцией разрешать такое исполнение суды общей юрисдикции, не изменялось. Соответственно, никаких сомнений в том, что ныне действующее законодательство рассматривает суды общей юрисдикции как компетентные разрешать исполнение иностранных решений, быть не может: об этом прямо говорится в пункте 2 Указа Президиума ВС СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей"¹⁰, а также, например, в пункте 1 Указа Президиума ВС СССР от 12 сентября 1958 г. "О порядке исполнения

решений судов государств, с которыми СССР заключены договоры об оказании правовой помощи”¹¹.

По этим причинам поставленный в разделе 1 настоящей статьи вопрос может быть выражен и следующим образом: действительно ли на сегодняшний момент российское законодательство и международные договоры Российской Федерации признают компетентными разрешать исполнение иностранных решений наряду с судами общей юрисдикции и государственные арбитражные суды¹²?

Попробуем ответить на этот вопрос, исходя из содержания как ныне действующего российского законодательства, так и международных договоров Российской Федерации. Хотелось бы особо подчеркнуть, что предпринимаемый ниже анализ является исследованием *de lege lata*, а не *de lege ferenda*. Автор полагает, что арбитражные суды *de lege ferenda* с неизбежностью должны обладать компетенцией разрешать исполнение иностранных решений: иное в условиях развитого юрисдикционного частногоправового дуализма просто объективно невозможно. Однако сегодня, когда такой компетенцией они еще прямо не наделены и ситуация до конца не прояснена, исследование вопроса о компетентном суде не может *de lege lata* не вызывать интерес, хотя бы с точки зрения теории либо юридико-технического анализа.

При дальнейшем исследовании обозначенного вопроса следует отвлечься от судебной практики в его отношении: во-первых, она еще недостаточно развита, если вообще не отсутствует (исходя из официальных публикаций), а во-вторых, что еще более важно, в условиях фактически сложившейся конкурирующей юрисдикции практика любых из двух ветвей судебной системы не всегда может являться надежным толкованием истинного смысла законодательного регулирования.

При поиске ответа на поставленный вопрос автор не будет стремиться найти его и в доктрине: это неизбежно хотя бы потому, что в российском праве еще никто не исследовал проблему рассматриваемой конкурирующей юрисдикции с серьезных теоретических позиций¹³.

3. НЕЯСНОСТИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Внимательный анализ российского законодательства по рассматриваемому вопросу позволяет выявить следующую черту: в принятых за последние шесть лет нормативных актах, непосредственно связанных как с определенными видами иностранных решений (в частности, с решениями иностранного международного коммерческого арбитража), так и с исполнительным производством, в “лучших” традициях отечественного регулирования весьма важный вопрос о суде, компетентном разрешать исполнение соответствующих иностранных решений, обходится молчанием. Так, Закон Российской Федерации “О международном коммерческом арбитраже” от 7 июля 1993 г.¹⁴ в пункте 1 статьи 35 “Признание и приведение в исполнение арбитражного решения” ограничивается следующим указанием: “*Арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным и при подаче в компетентный суд письменного ходатайства приводится в исполнение с учетом положений настоящей статьи и статьи 36*” (выделение мое. — М.А.). При этом ни в статье 35, ни в статье 36, ни в каких-либо других положениях данного Закона ничего не говорится о том, какой именно суд является компетентным разрешать исполнение решений международного коммерческого арбитража. Зато в статье 2 этого Закона содержится бессодержательное с точки зрения исследуемой проблематики упоминание о том, что “суд” означает соответствующий судебный орган судебной системы государства”. Что же касается Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ “Об исполнительном производстве”¹⁵, то он также в пункте 1 статьи 80 “Исполнение решений иностранных судов и арбитражей” ограничивается абстрактным

замечанием о том, что *“Порядок исполнения в Российской Федерации решений иностранных судов и арбитражей определяется соответствующими международными договорами Российской Федерации и настоящим Федеральным законом”*. Далее, в пункте 1 статьи 7 этого же Закона говорится о том, что *“Исполнительными документами являются:*

1) исполнительные листы, выдаваемые судами на основании:

принимаемых ими судебных актов;

решений Международного коммерческого арбитража и иных третейских судов;

решений иностранных судов и арбитражей; ...” (выделение мое. — М.А.), а перед этим в пункте 3 статьи 6 указывается, что суд общей юрисдикции или арбитражный суд в дальнейшем будет именоваться *“суд”*. Тем самым вопрос о компетентном суде Федеральный закон *“Об исполнительном производстве”* оставляет открытым.

Соответственно, для определения того, являются ли государственные арбитражные суды по российскому внутреннему праву компетентными разрешать исполнение иностранных решений, следует обратиться к иным нормативным актам Российской Федерации, посвященным деятельности таких судов.

Вслед за этим для того же самого необходимо обратиться и к международным договорам Российской Федерации. При этом следует учитывать, что главной задачей международного договора является, как правило, определение каких-либо обязательств именно государств, которые вольны сами определять порядок реализации целей такого международного договора на своей территории (причем конкретное содержание такого порядка может со временем изменяться по желанию самих государств), а вовсе не определение того, какой конкретный орган власти соответствующего государства будет реализовывать такие цели. Ввиду этого совсем не удивительно то, что один из основополагающих международных договоров по вопросам исполнения решений иностранных третейских судов, а именно Нью-Йоркская конвенция 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений¹⁶, применительно к вопросу о внутригосударственном органе, компетентном разрешать исполнение иностранных арбитражных решений, оперирует в статье V понятием *“компетентная власть”*, оставляя на усмотрение каждого участвующего в ней государства определение того, какой его орган будет разрешать исполнение таких решений. В то же время, конечно же, нельзя отрицать и того, что государства иногда могут в своем международном соглашении указывать на конкретные внутренние органы, компетентные для реализации целей такого соглашения. Однако применительно к вопросу о принудительном приведении в исполнение иностранных решений все дело состоит в том, что ни один из международных договоров с участием Российской Федерации не устанавливает прямо (за одним единственным исключением, значение которого крайне незначительно, если вообще оно существует), по мнению автора настоящей статьи (к которому он пришел после тщательного анализа таких договоров, в том числе заключенных в рамках СНГ), того, какой из российских государственных судов обладает компетенцией разрешать исполнение подобных решений.

Вместе с тем обращение к таким международным договорам действительно необходимо, так как сторонники точки зрения о том, что у государственных арбитражных судов имеется компетенция разрешать исполнение иностранных решений, основывают свою аргументацию на ряде международных договоров Российской Федерации. И именно эта точка зрения нашла отражение в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. № 8 *“О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса”*.

4. АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ АРБИТРАЖНЫМ СУДАМ

Итак, если обратиться к нормативным актам Российской Федерации, посвященным деятельности государственных арбитражных судов, то прежде всего обращает на себя внимание то, что, например, ни в Арбитражном процессуальном кодексе РФ 1995 г. (в частности, в статье 22), ни в Федеральном конституционном законе от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ “Об арбитражных судах в Российской Федерации” ничего не указывает на то, что государственные арбитражные суды обладают компетенцией разрешать исполнение иностранных решений: такого рода процессуальные действия в них просто не упоминаются. Равным образом они не упоминаются ни в каком другом нормативном акте, относящемся к государственным арбитражным судам. Поэтому можно согласиться с утверждением о том, что *“действующие нормативные акты не содержат никаких изъятий в компетенции арбитражных судов по вопросам приведения в исполнение иностранных судебных решений”*¹⁷. Изъятий в данном отношении действительно нет, поскольку законодательство по этому вопросу просто хранит полнейшее молчание. И хотя наличие молчания закона изъятием из компетенции действительно не является, все же следует учитывать не подобное отсутствие изъятий, а прямое отсутствие указаний закона на наличие компетенции.

На этом основании, и исходя из того, что разрешение исполнения иностранных решений является специальным процессуальным действием *sui generis*, не могущим быть отождествленным ни с каким другим, указанным, в частности, в упомянутых нормативных актах, а также руководствуясь тем, что в публично-правовой сфере, к коей относится и процесс, признается как принцип невозможности выхода органа власти за рамки своей компетенции, так и принцип *“Запрещено все, что не разрешено”*, и, наконец, с учетом того, что данные принципы неоднократно применялись государственными арбитражными судами, можно было бы применить их к самим государственным арбитражным судам и можно было бы однозначно утверждать об отсутствии у них компетенции производить специальные процессуальные действия по разрешению исполнения иностранных решений, ввиду чего дальнейший анализ проблемы следовало бы прекратить.

Однако все далеко не так просто: на сегодняшний день уже имеется аргументация, обосновывающая наличие у государственных арбитражных судов такой компетенции. Таким образом, пройти мимо нее для решения исследуемой проблемы невозможно, и она должна быть подвергнута анализу. Еще раз следует повторить, что такой анализ будет только исследованием *de lege lata*, но не *de lege ferenda*. При этом помимо аргументов, уже выдвигавшихся, ниже будут рассмотрены и некоторые “потенциальные” аргументы в пользу наличия у государственных арбитражных судов такой компетенции.

Кроме того, для большей точности следует еще раз отметить, что такая аргументация исходит из того, что у российских государственных арбитражных судов имеется компетенция разрешать исполнение не всех иностранных решений, а только решений по таким спорам, какие сами эти суды имеют право рассматривать согласно российскому праву: прежде всего речь идет о частноправовых спорах коммерческого характера. Кроме того, данная аргументация никоим образом не отрицает того, что суды общей юрисдикции обладают компетенцией разрешать исполнение иных иностранных решений: в условиях прямого указания законодательства на такую компетенцию оспаривать ее было бы по меньшей мере бесперспективно. Более того, на сегодняшний день такая аргументация не отрицает и того, что суды общей юрисдикции обладают компетенцией разрешать исполнение иностранных решений и по частноправовым спорам коммерческого характера. Соответственно, она лишь обосновывает то, что точно такая же компетенция есть и у государственных арбитражных судов.

5. АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ НАЛИЧИЯ У ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ КОМПЕТЕНЦИИ РАЗРЕШАТЬ ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ РЕШЕНИЙ

1. Итак, одним из возможных аргументов в пользу наличия у государственных арбитражных судов такой компетенции может являться указание на то, что нормы Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. вполне позволяют государственным арбитражным судам разрешать приведение иностранных решений в исполнение. Иными словами, данный аргумент основывается на расширительном толковании статьи 22 "Подведомственность дел" Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. Проанализируем положения этой статьи более подробно, начав с пунктов 1 и 2 и закончив поочередно пунктами 3 и 5.

1.1. Итак, в пункте 1 данной статьи устанавливается: *"Арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам, возникающим из гражданских, административных и иных правоотношений..."*. Встает вопрос: является ли процедура рассмотрения судом ходатайства заинтересованного лица о разрешении привести в исполнение иностранное решение тем, что согласно такой статье 22 можно назвать *"делом по экономическому спору, вытекающему из гражданских, административных и иных правоотношений"*?

Очевидно, что такое рассмотрение можно без каких-либо сомнений назвать *"делом"*: последний термин имеет настолько большой смысловой объем, что вполне применим и в данном случае. Равным образом такое рассмотрение можно квалифицировать как *"дело по спору"*: в самом деле, обращение заинтересованного лица в суд с каким-либо требованием подразумевает наличие спора с другим лицом (если только речь не идет, в частности, об установлении факта). В таких условиях тот факт, что второе лицо не выражает суду свою позицию устно или письменно, не имеет значения: отказываясь своими действиями требование первого лица удовлетворить, оно тем самым указывает на наличие между ними спора. В противном случае было бы достаточно не являться в суд и не выдвигать никакие возражения для того, чтобы потом утверждать о том, что спор отсутствовал.

Однако представляется вполне очевидным и не требующим доказательств то, что подобное *"дело по спору"* никак нельзя назвать *"вытекающим из гражданских или административных правоотношений"*. Вместе с тем, это обстоятельство ничего не значит: использование в анализируемой норме слова *"иных"* не оставляет ничего иного, как согласиться с утверждением о том, что процедура рассмотрения ходатайства заинтересованного лица о разрешении привести в исполнение иностранное решение всегда будет являться *"делом по спору, вытекающему если и не из гражданских или административных, то из иных правоотношений"*.

Ввиду сказанного все становится зависящим от того, допустимо ли называть рассмотрение вопроса о разрешении приводить в исполнение иностранное решение делом именно по *экономическому* спору (еще раз укажем, что речь сейчас идет именно о спорах, а не об установлении юридических фактов, в которых наличие спора по определению отсутствует, и не о таких сложных делах, как признание несостоятельным).

Попробуем сначала определить, что же является экономическим спором.

Исходя из того триумизма, что экономические споры возникают между субъектами экономического оборота, с точки зрения формальной и правовой логики можно утверждать, что ввиду специфики экономического оборота существует только три вида споров, могущих возникать между его субъектами: 1) в отношении статуса этих субъектов; 2) в отношении нематериальных благ, принадлежащих этим субъектам; 3) в отношении принадлежащих им материальных благ. Представляется, что четвертого не дано.

При этом очень важно подчеркнуть, что любой из таких трех видов споров возникает по поводу ни чего иного, как статики или динамики субъективных

прав: иными словами, по поводу субъективных прав, которые у одной из сторон спора либо уже имеются (статика), либо которые имелись и были ей прекращены, либо приобретения которых она требует (динамика). При этом в дальнейшем такие права будут именоваться материальными, но только для целей противопоставления их процессуальным правам (кроме того, в дальнейшем для большей простоты не будет учитываться и то обстоятельство, что субъективным правам могут корреспондировать субъективные обязанности: для рассматриваемого вопроса оно ничего не добавляет и не убавляет). Соответственно, наличие спора задается тем, что другое лицо не согласно с подобной статикой или динамикой: оно либо оспаривает имеющиеся субъективные материальные права, либо оспаривает правомерность их прекращения, либо возражает против их приобретения первым лицом. Суд же, изучая фактические составы правоотношений и соотнося их с предписаниями объективного права, соответственно, либо подтверждает или не подтверждает существование оспариваемых прав, либо подтверждает или не подтверждает правомерность их прекращения, либо наделяет или не наделяет соответствующую сторону спора подобными правами. Само собой разумеется, что согласно проведенной выше градации такие субъективные материальные права будут иметь отношение либо к статусу субъектов экономического оборота, либо к принадлежащим им нематериальным или материальным благам.

В том, что это действительно так, позволяет убедиться анализ пункта 2 статьи 22 "Подведомственность дел" Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г.: достаточно взглянуть на его положения¹⁸ и увидеть, что любой из указанных в нем споров может быть определен как спор по поводу статик или динамики субъективных материальных прав: их наличия, правомерности их прекращения либо возможности их приобретения. При этом то обстоятельство, что приводимый в данном пункте список споров исчерпывающим не является, ничего не значит: представляется, что любой другой возможный экономический спор все равно должен будет возникнуть по поводу подобных статик или динамики субъективных материальных прав.

Иначе и не может быть: в экономическом обороте участвуют именно субъекты с рациональной мотивацией, каждый из которых стремится приобрести какой-то статус или упредить его, равно как приобрести или упредить свои материальные или нематериальные блага. В свою очередь такие упреждение или приобретение возможны только через статику или динамику существующих субъективных материальных прав.

Теперь попробуем применить сказанное к процедуре рассмотрения судом ходатайства заинтересованного лица о разрешении привести в исполнение иностранное решение. Во-первых, несложно заметить, что в ней речь идет совсем не о статике субъективного материального права. Напротив, в ней речь идет в конечном итоге о возможности **возникновения** у стороны, в пользу которой вынесено иностранное решение, такого права, причем права особого — бесспорного и подлежащего принудительному исполнению, — основанного на иностранном решении и закрепляемого им. Вплоть же до момента разрешения исполнения такого решения это право еще не существует. В самом деле, разве может иностранное решение в процессе рассмотрения вопроса о разрешении привести его в исполнение считаться подтверждающим существование субъективного материального права, бесспорного и подлежащего принудительному исполнению? Само собой разумеется, что нет. Положение несколько иное: такое право, основанное на иностранном решении, может считаться существующим только после того, как будет разрешено приведение последнего в исполнение. До этого же момента иностранное решение никакой принудительной силой не обладает и не наделяет ни лицо, в пользу которого оно вынесено, каким-либо правом, ни лицо, против которого оно вынесено, какой-либо обязанностью. Можно утверждать, что вплоть до момента разрешения приведения такого решения в исполнение последнее, с точки зрения российского права, равно как и подтверждаемое,

прекращаемое или порождаемое им субъективное материальное право, не обладают никакими юридическими качествами, но получают свое полноценное бытие только после такого разрешения. В противном случае необходимости обращения за разрешением исполнения иностранного решения просто не существовало бы.

Равным образом нельзя считать, что при процедуре рассмотрения судом ходатайства заинтересованного лица о разрешении привести в исполнение иностранное решение речь может идти о динамике субъективного материального права в форме подтверждения правомерности его прекращения: это было бы возможно только при условии предварительного признания существования такого права, а, как было только что показано, вплоть до момента разрешения исполнения иностранного решения его существование просто не признается.

Для большей точности необходимо отметить, что вышесказанное ни в коем случае не следует понимать так, что будто российское объективное право не признает самого факта существования иностранного решения. Нет, без такого признания рассмотрение вопроса о разрешении его исполнения вообще было бы невозможно. Речь идет о другом: российское объективное право не признает не существование иностранного решения самого по себе, но только юридическую силу этого решения и, вследствие этого, не признает субъективное материальное право лица, в пользу которого такое решение вынесено, как бесспорное и подлежащее принудительному исполнению. Таким образом, признается существование иностранного решения, но не фиксируемого им субъективного материального права, могущего быть принудительно осуществленным. В то же время юридическая сила за таким решением не признается.

Иными словами, в данном случае имеет место очень интересный феномен: существование явления объективным правом допускается, но оно никакими юридическими характеристиками не наделяется. Можно утверждать, что, по общему правилу, такое объективное право относится к иностранному решению индифферентно: с одной стороны, оно его не отрицает и не запрещает, а с другой — ничем своего отношения к нему по общему правилу не выражает вплоть до начала рассмотрения вопроса о разрешении его исполнения. В этой связи можно даже провести некоторую аналогию между иностранными решениями и натуральными обязательствами: в отношении последних, возникающих, например, из пари, объективное право также по общему правилу демонстрирует индифферентность. Так, оно, с одной стороны, их не отрицает и не запрещает. С другой стороны, оно начинает выражать к ним отношение только в процессе рассмотрения вопроса об их исполнении¹⁹.

Все это является неизбежным следствием таких объективных явлений как суверенитет государств и проистекающая из него территориальная сила судебных решений: *“...всякое судебное решение в той стране, где оно последовало, имеет два важных последствия:*

1) Оно считается актом правосудия (*res judicata pro veritate habetur*) и исключает возможность предъявления нового иска по тому же спорному делу в том же или другом суде (*exceptio rei judicatae*).

2) Оно может быть исполнено принудительно, даже *manu militari*.

С той и другой точки зрения судебное решение есть акт суверенной власти. Отправляя правосудие есть право и обязанность суверена и образует одно из существенных и неприкосновенных атрибутов, в признании которого выражается достоинство и независимость самого суверена.

Но всякий суверенитет, по самому своему существу, есть власть территориальная. На всем пространстве территории, где она господствует, исходящие от нее акты имеют исключительную силу, которой должны беспрекословно повиноваться все лица частные и должностные.

Но, с другой стороны, в силу того же принципа территориальности, распоряжения, исходящие от суверенной власти, не имеют никакой силы на иностран-

ной территории; авторитет ее, выражаясь картинно, погашается на границе государства.

Каждая суверенная власть может протестовать против исполнения на ее территории актов, исходящих от иностранных властей. И ни одна суверенная власть не смеет претендовать на признание и допущение отправления ее функций на иностранной территории.

Такое принудительное отправление правосудия, хотя бы и в стадии исполнения, является глубоким оскорблением публичного порядка в иностранном государстве.

Но это лишь одна сторона вопроса. Признание *de plano* исполнительной силы судебного решения нарушило бы публичный порядок еще и в другом отношении: оно имело бы последствием исполнение всех решений без проверки их основательности. Общественный порядок в высшей степени заинтересован в отправлении правосудной юстиции.

Если туземный законодатель предпринимает все меры, чтобы обеспечить беспристрастие и справедливость юстиции на своей родине, то он не может уклониться от той же обязанности, раз дело идет о иностранной юстиции; он не может, поэтому, с закрытыми глазами применять презумпцию "*res judicata pro veritate habetur*" к тем решениям, которые, может быть, были постановлены при условиях, наиболее вопиющих по своей несправедливости. ...

Строгое, последовательное проведение принципа взаимной независимости государств не соответствует воззрениям нашей эпохи, находящейся под сильнейшим влиянием принципа *comitas gentium* (Savigny. *System VIII*, 288: "Исполнение решений иностранных судов есть постулат, покоящийся на с давних пор постоянно растущей правовой общности народов").

Этому последнему принципу и обязан институт *exequatur*, — так называется тот акт, коим, после предварительной более или менее глубокой формальной или материальной проверки представленного судебного решения, туземный суд разрешает привести последнее в исполнение на туземной территории.

Exequatur есть судебное определение, которым государственная власть снабжает иностранное судебное решение исполнительной формулой, т.е. дает этому решению на его территории содействие закона и помощь местных властей²⁰.

Но, может быть, коль скоро при процедуре рассмотрения судом ходатайства заинтересованного лица о разрешении привести в исполнение иностранное решение нельзя говорить о статике субъективных материальных прав или их динамике в форме подтверждения правомерности их прекращения, то, может быть, при ней имеет место их динамика в форме требования одной из сторон спора наделить ее субъективным материальным правом? На первый взгляд, это действительно так.

Однако более внимательный анализ позволяет такой взгляд опровергнуть. В самом деле, идет ли речь при такой процедуре о наделении субъективным материальным правом как таковым и от чего бы то ни было не производным (как это имеет место при экономическом споре), или же речь идет о том, что лицо получает такое право в качестве неизбежного следствия признания за иностранным решением полноценной юридической силы? Очевидно, что правильным ответом будет только выбор второго варианта. Отсюда можно сделать вывод о том, что процедура рассмотрения судом ходатайства заинтересованного лица о разрешении привести в исполнение иностранное решение обладает самостоятельным правовым характером и является правовым институтом, самодовлеющим и независимым. Возможно, что нижеследующий тезис может звучать как трюизм, но однако именно его принуждает сформулировать неверная логика аргумента о том, что процедура разрешения исполнить иностранное решение является рассмотрением экономического спора: на самом деле такая процедура является ни чем иным, как рассмотрением вопроса о возможности придания иностранному решению полноценной юридической силы, которой оно до этого не обладало.

В ответ на это могут возразить, что, подобно тому, как при разрешении экономического спора имеет место рассмотрение фактических составов правоотношений с целью наделить лицо субъективным материальным правом, так и при процедуре рассмотрения вопроса о разрешении исполнить иностранное решение имеет место рассмотрение фактического состава (в роли которого выступает сам факт признаваемого существования иностранного решения, условия его вынесения и его содержание) с целью наделить лицо субъективным материальным правом. Но это на самом деле не так. В действительности речь идет именно о придании иностранному решению полноценной юридической силы, а то обстоятельство, что в результате этого лицо получает субъективное материальное право, является не первичным, а производным и вторичным, хотя при этом и неизбежным следствием такого первичного обстоятельства. В самом деле, разве, провозглашая определение о разрешении исполнить иностранное решение, суд преследует цель провозглашения субъективного материального права лица? Нет, он утверждает именно юридическую силу иностранного решения.

Будь иначе, то тогда лицо, в пользу которого было вынесено иностранное решение, имело бы возможность заявить в российский суд точно такой же иск к тому же должнику, с тем же основанием и предметом иска, которые фигурировали в иностранном решении: если бы речь шла именно о наделении лица субъективным материальным правом, то это лицо не могло бы только вторично обратиться в российский суд с тем же самым ходатайством о разрешении исполнения иностранного решения, но в то же время ничто не препятствовало ему обратиться в российский суд с тем же самым иском к должнику. В самом деле, такое обращение было бы невозможно только в том случае, если бы признавалась юридическая сила именно за иностранным решением, а не тогда, когда признавалось бы только субъективное материальное право лица. Именно это с неизбежностью вытекает из принципа *Res judicata pro veritate habetur*, в то время как даже бесспорное обладание лицом субъективным материальным правом, судебным решением не подтвержденным, не препятствует полноценному инициированию и осуществлению процедуры оспаривания такого права.

Между тем при процедуре рассмотрения вопроса о разрешении исполнить иностранное решение имеет место именно наделение последнего полной юридической силой, ввиду чего предъявление в российском суде точно такого же иска к тому же лицу будет невозможным.

Сказанное подтверждается содержанием статьи 214 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г.²¹ Из нее следует, что у лица, чьи субъективные права нарушены в ходе осуществления международного торгового оборота, существует два способа их защитить: обратиться с иском в российский государственный арбитражный суд (при условии, что он компетентен его рассмотреть) и обратиться с иском в иностранный суд. В том случае, если он выберет последний вариант, то первый вариант согласно такой статье 214 будет для него исключен (при условии, что иностранное решение подлежит признанию и исполнению на территории России и спор не относится к исключительной компетенции российского государственного арбитражного суда). Соответственно, для защиты своих прав на территории России такое лицо должно будет прибегнуть только к процедуре рассмотрения российским компетентным судом вопроса о разрешении исполнения иностранного решения. Иными словами, из статьи 214 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации 1995 г. вытекает, что такая процедура противопоставляется процедуре обращения в российский государственный арбитражный суд с иском. Иными словами, во второй процедуре речь идет о рассмотрении вопроса о возможности наделения лица субъективным материальным правом, а в первой — о разрешении исполнить иностранное решение. Соответственно, из такого противопоставления с неизбежностью следует, что эти две процедуры обладают различной правовой сущностью. В ином

случае не было бы смысла их противопоставлять. В самом деле: во втором случае речь шла бы об оценке российским судом фактических составов правоотношений с целью решить вопрос о возможности наделения лица субъективным материальным правом. В первом же случае российский суд не стоял бы перед такой задачей: ввиду того, что подобное право устанавливалось бы иностранным решением, имевшим строго территориальное действие в пределах юрисдикции вынесшего его суда, российский суд был бы вынужден решать уже другой вопрос, а именно вопрос о возможности разрешения исполнения такого решения в России.

Но в таком случае возникает вопрос: если, как уже указывалось выше, признавать, что рассмотрение ходатайства о разрешении исполнить иностранное решение все-таки является рассмотрением спора, то о каком тогда споре идет речь? Попробуем ответить и на этот вопрос.

Как известно, существует несколько теорий, объясняющих юридическую природу процессуального действия по рассмотрению ходатайства о разрешении исполнить иностранное решение: *“Различные соображения выдвигались в пользу того взгляда, что, поскольку это не создает каких-либо посягательств на территориальный суверенитет данного государства, судебные решения, вынесенные судами другой страны, должны иметь действие в данной стране. Доктрина международной “в е ж л и в о с т и” ничего не объясняет и приводит к возникновению несовершенной нормы о взаимности как условия признания иностранных судебных решений. Доктрина п р и о б р е т е н н ы х п р а в принимает без доказательств положение о том, что право уже приобретено, в то время как вопрос именно и заключается в том, приобретено ли право. Доктрина о б я з а т е л ь с т в а базируется на положении, по которому судебное решение, вынесенное судом компетентной юрисдикции, создает договорное обязательство; эта доктрина ссылается на фикцию договора и не может оправдать признания, например, приказа о разводе или других судебных решений in rem”²².*

Можно согласиться с М. Вольфом: ни одна из указанных им доктрин не в состоянии в своем “чистом” виде объяснить юридическую природу рассмотрения вопроса о разрешении привести в исполнение иностранное решение. Представляется, что это происходит потому, что все такие предлагавшиеся в своем “чистом” виде доктрины слишком узки и однозначны, в то время как вопрос о приведении в исполнение иностранных решений необходимо рассматривать с позиций более общих правовых категорий. Одна из них — справедливость: *“Признание иностранных судебных решений, так же, как и применение иностранного права, основано на справедливости, но едва ли можно в короткой и простой формуле дать ответ на вопрос о том, когда именно справедливость требует такого признания, а когда она этого не требует”²³.* Очевидно, что такая короткая и простая формула не только невозможна, но и не необходима: проблема приведения в исполнение иностранных решений отнюдь не заслуживает того, чтобы ее упрощали.

Таким образом, разрешение приводить в исполнение иностранные решения можно охарактеризовать как одно из специфических средств достижения справедливости в сфере международного гражданского и торгового оборота в форме установления процедуры разрешения особого спора: *“Едва ли есть необходимость подчеркивать, какие преимущества вытекают для международных отношений из факта признания иностранных судебных решений. Если бы судебные решения могли признаваться повсюду, это обеспечило бы устойчивость для личных отношений во всем мире. ... Новые иски в других странах стали бы излишними”²⁴.* При этом нельзя не признавать, что такая процедура является равной по своему статусу процедуре рассмотрения других споров, в частности экономических.

Такое особое средство достижения справедливости реализуется в сфере процесса и обладает достаточно сложной правовой природой. Ввиду этого было

бы весьма неразумно отказывать в признании за ним особой правовой сущности и не считать его правовым институтом *sui generis*.

Прежде всего, в отличие от **экономического** спора рассмотрение ходатайства о разрешении исполнить иностранное решение можно назвать спором **политическим**. Как уже говорилось, экономический спор лежит в сфере экономики, в области вопросов, относящихся к статусу субъектов экономики либо к принадлежащим им материальным или нематериальным благам. Рассмотрение же ходатайства о разрешении исполнить иностранное решение лежит в сфере взаимодействия двух суверенных властей, одна из которых в той или иной форме выражает свое отношение к другой, допуская или не допуская при определенных условиях за актами судов последней признание юридической силы. А коль скоро взаимодействие двух суверенов и их взаимное отношение друг к другу и можно назвать "*политикой*", то рассмотрение ходатайства о разрешении исполнить иностранное решение нельзя не назвать политическим спором. Само собой разумеется, что это не спор между двумя суверенами, а спор между частными лицами, однако по поводу того, имеются ли условия для проявления одним из таких суверенов своего благожелательного отношения к другому в форме допущения за актами судов последнего силы на территории первого, то есть придания им экстерриториальной силы.

Кстати говоря, рассмотрение вопроса о разрешении исполнить иностранное решение очень близко по своей сущностной природе рассмотрению вопроса о применении иностранного права. В самом деле, подобно тому, как в первом случае суд одного государства допускает при определенных условиях действие на своей территории иностранного решения, придает ему экстерриториальную силу, так и во втором случае суд одного государства в случаях и при условиях, законом предусмотренных (в качестве примера таких условий можно привести, в частности, институт коллизийной взаимности и институт обратной отсылки), допускает применение иностранного права, придает ему экстерриториальное действие: "*Наука права рассматривает судебное решение, как *lex specialis*. Если иностранные законы и применимы туземными судами и даже, как мы видели выше..., имеют силу равную с национальными законами, — то это обязано воле национального законодателя: судья повинутся распоряжениям не иностранной власти, а — своей, туземной. То же самое соображение применимо и к судебным решениям. Суверенная власть может допустить при известных условиях, определяемых законом, трактатом или конвенцией, исполнение решений иностранных судов, и ее независимость перед другими суверенными властями, ее достоинство сохраняется свободной дачей такого разрешения*"²⁵. В связи с этим встает вопрос: разве можно спор двух сторон о возможности применения иностранного права назвать спором экономическим? Очевидно, что нет: речь в таком случае идет точно также о споре, относящемся к сфере политики, а не экономики.

И хотя рассмотрение спора о разрешении исполнить иностранное решение по своей глубинной сути относится к сфере политики, оно одновременно не в меньшей степени располагается и в области правовой. Уточняя, можно утверждать, что такой спор относится к сфере правовой политики, а не экономики. В ответ на это могут возразить, что в сфере экономики правовая политика также может себя реализовывать. Это действительно так, и поэтому следует сделать еще одно уточнение и указать, что рассмотрение спора о разрешении исполнить иностранное решение лежит в сфере "чистой", концентрированной правовой политики. Данное обстоятельство очень важно для понимания правовой природы института разрешения исполнить иностранное решение.

Представляется, что это обстоятельство обусловливается тем, что, в отличие от рассмотрения **экономического** спора, рассмотрение вопроса о разрешении исполнения иностранного решения надлежит назвать **исключительно правовым спором**, лежащим, впрочем, в сфере политики. Поясним данный тезис более подробно.

Словосочетание *“исключительно правовой”* в совокупности с понятием *“спор”* имеет особое значение, подчеркивая то, что рассмотрение судом вопроса о разрешении исполнения иностранного решения локализуется **исключительно в сфере объективного права** и, в отличие от экономического спора, не имеет никакого отношения к внеправовым обстоятельствам, в частности, к экономическому обороту, принадлежащим его субъектам нематериальным и материальным благам. Иметь или не иметь отношение к ним иностранное решение станет только после того, как будет (или, соответственно, не будет) разрешено привести его в исполнение. Только после этого оно будет являться тем обстоятельством, с которым связывается (или не связывается) наступление определенных юридических последствий в экономическом обороте, и только после этого оно наделит (или не наделит) лицо реальным субъективным правом в отношении другого, обязанного лица.

Для избежания непонимания следует подчеркнуть, что любой рассматриваемый в государственном арбитражном суде экономический спор является, само собой разумеется, спором правовым. Однако в сравнении с рассмотрением вопроса о разрешении исполнения иностранного решения экономический спор является правовым лишь частично и, если так можно выразиться, не **“чисто правовым”**: в нем речь идет лишь об оценке наличия или отсутствия тех обстоятельств или фактических составов, с которыми объективным правом связывается наступление определенных юридических последствий в виде подтверждения существования, правомерности прекращения субъективных материальных прав или наделения ими.

Можно утверждать, что объективное право в таком случае выступает только в качестве средства оценки правомерности наличия, прекращения или возникновения субъективного материального права, своего рода применимого к нему масштаба и эталона, имеющего, однако, смысл и назначение только в соотношении с самим таким субъективным материальным правом.

В случае же с рассмотрением вопроса о разрешении исполнения иностранного решения положение несколько иное: перед объективным правом не стоит задача оценки правомерности наличия, прекращения или возникновения субъективного материального права. Как уже говорилось, иностранное решение вплоть до момента разрешения привести его в исполнение никакого субъективного материального права не порождает: вплоть до этого момента такое право просто не существует, но получает свое бытие и характеристику принудительности только после разрешения исполнить иностранное решение. Поэтому его отсутствие с точки зрения российского права нельзя назвать тем отсутствием, с которым право может связать какие-то правовые последствия. Нет, его отсутствие — **“абсолютное юридическое ничто”** (при том, что сам факт существования иностранного решения признается), из которого ничего и не может вытекать. Считать можно только так — в противном случае вопрос о разрешении исполнять иностранное решение вообще не возникал бы: субъективное материальное право, будучи закрепляемо таким решением, могло бы быть реализовано принудительно.

Но коль скоро перед судом и перед объективным правом в случае рассмотрения вопроса о разрешении исполнения иностранного решения не стоит задача оценки правомерности наличия, прекращения или возникновения субъективного материального права, то объективное право в таком случае уже не выступает в качестве средства оценки, масштаба и эталона. Задача суда и объективного права в этом случае уже совсем иная — руководствуясь требованиями справедливости, находящими то или иное закрепление и преломление в нормативном регулировании, решить вопрос о признании существующим того, что ранее принципиально признавалось несуществующим, иными словами, признать юридическую силу за иностранным решением, юридическая сила которого и порожаемое им субъективное материальное право прежде принципиально не признавались.

Таким образом, суд и право в таком случае, руководствуясь требованиями справедливости, выступают в творческой роли, *создавая из ничего нечто и тем самым демонстрируя одну из сущностных, “чистых” характеристик права: его креативность.*

И именно поэтому можно утверждать, что, в отличие от рассмотрения **экономического спора**, рассмотрение судом вопроса о разрешении исполнения иностранного решения следовало бы назвать **исключительно правовым спором**: в решении такого спора суд, имея дело с лишенным юридических характеристик явлением, наделяет его ими, действуя в сфере “чистого” права и показывая сущность права. То обстоятельство, что в итоге появляется субъективное материальное право, имеющее отношение к субъектам экономического оборота, не имеет значения: оно является не более чем следствием процедуры рассмотрения вопроса о разрешении исполнения иностранного решения, а не составной ее частью, что и дает основания не относить эту процедуру к рассмотрению экономических споров. В самом деле: может ли рассмотрение вопроса, в котором суд и право выступают в роли творца нового явления, быть названо рассмотрением экономического спора? Очевидно, что нет: это может быть исключительно правовой спор.

Выше уже проводилась аналогия между отношением права к иностранному решению и отношением права к натуральным обязательствам. В этой связи подобные аналогии можно продолжить и указать на то, что рассмотрение вопроса о разрешении исполнить иностранное решение находится в одном ряду с такими правовыми явлениями, как установление фикций или признание правосубъектности за юридическими лицами. В самом деле, в каждом из таких случаев имеет место признание несуществующего существующим. Очевидно, что спор по поводу установления фикций или по поводу возможности признания правосубъектности за юридическими лицами никак нельзя отнести к экономическим спорам.

Можно также отметить, что будучи особым средством достижения справедливости, то есть выражая одну из характеристик права, рассмотрение судом вопроса о разрешении исполнения иностранного решения не может не иметь исключительно “чисто правового” значения и не может не находиться исключительно в сфере “чистого” права.

Наконец, еще одно отличие спора о разрешении исполнить иностранное решение от экономического спора заключается в том, что в то время как последний может иметь как частноправовую, так и публично-правовую природу, первый обладает исключительно публично-правовой.

Все сказанное позволяет утверждать, что спор о разрешении исполнить иностранное решение и экономический спор — явления разноплановые, лежащие в различных плоскостях.

На это указывает также следующий факт: спор о разрешении исполнить иностранное решение по своей правовой природе тождествен спорам о разрешении исполнить третейское решение (доказательства в пользу такой тождественности вынужденно опускаются). Соответственно, если бы последний спор являлся бы подвидом экономического спора, не существовало бы необходимости специального законодательного указания на то, что государственные арбитражные суды обладают компетенцией разрешать исполнение третейских решений: для наличия такой компетенции достаточно было бы пункта 2 статьи 22 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. Однако нет, законодатель предусмотрел специальное указание на наличие у арбитражных судов такой компетенции: речь идет о “Временном положении о третейском суде для разрешения экономических споров”, утвержденном постановлением ВС РФ от 24 июня 1992 г. № 3115-1²⁶ (в редакции Федерального закона от 16 ноября 1997 г. № 144-ФЗ²⁷), статья 25 которого устанавливает, что *“В случае неисполнения ответчиком решения в установленный срок исполнительный лист выдается арбитра-*

разным судом республики в составе Российской Федерации, края, области, города, арбитражным судом автономной области, автономного округа, на территории которых находится третейский суд”.

Интересно и то, что никто никогда не пытался утверждать, что наличие у арбитражных судов компетенции разрешать исполнение третейских решений вытекает не столько из упомянутого “Временного положения”, сколько из пункта 2 статьи 22 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. Соответственно, точно также нельзя утверждать о том, что данный пункт этой статьи обосновывает наличие у арбитражных судов компетенции разрешать исполнение иностранных решений.

Все изложенное выше было посвящено сущностному различию споров о разрешении исполнить иностранное решение и экономических споров. Между тем, если взглянуть на эту проблему с формальной стороны, то можно убедиться, что все последующие положения Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. вовсе не свидетельствуют о том, что в пункте 2 его статьи 22 имелись в виду споры о разрешении исполнить иностранное решение. В самом деле, в них речь идет только об искомом производстве, которое к подобным спорам неприменимо.

Более того, как известно, пункт 1 статьи 160 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. предусматривает: *“Определения арбитражного суда могут быть обжалованы в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом”*. Нет особой нужды доказывать, что по поводу спора о разрешении исполнить иностранное решение арбитражный суд мог бы вынести только определение, а не принять решение (это обусловливается именно различием между таким спором и экономическим спором, по которому выносится решение). Но обжалование подобных определений в Арбитражном процессуальном кодексе РФ 1995 г. не предусматривается. А коль скоро возможность принципиального и сознательного отказа в допущении такого обжалования предположить невозможно, следует только прийти к выводу о том, что рассмотрение споров о разрешении исполнить иностранное решение в Арбитражном процессуальном кодексе РФ 1995 г. просто не имеется в виду. Пожалуй, это обстоятельство может явиться тем окончательным доводом, который убедит сомневающихся в том, что Арбитражный процессуальный кодекс РФ 1995 г. совсем не наделяет государственные арбитражные суды компетенцией разрешать исполнение иностранного решения.

Тем не менее следует признать, что спор о разрешении исполнить иностранное решение имеет в своей структуре элементы, общие с элементами структуры экономического спора. Так, в иске, присутствующем в последнем, выделяется процессуальное право на иск и материальное право на иск. Очевидно, что аналогичные элементы присутствуют и в ходатайстве о разрешении исполнить иностранное решение. Не следует забывать и о том, что и в первом и во втором случае мы имеем дело со спором.

Тем не менее это различные по своей природе споры. Спор о разрешении исполнить иностранное решение лежит не в области экономики, а в сфере “чистой”, концентрированной правовой политики, являясь специфическим средством достижения справедливости. В том случае, если бы в России существовали только государственные арбитражные суды, следовало бы безоговорочно признать наличие у них компетенции разрешать исполнение иностранных решений даже в отсутствие прямых указаний законодательства на такую компетенцию: только так могла бы быть достигнута справедливость. В условиях же, когда в России существует частноправовой юрисдикционный дуализм, данная справедливость может быть достигнута и помимо государственных арбитражных судов. Возможно, это и неоправданно *de lege ferenda*, но *de lege lata* это именно так.

1.2. Продолжая анализ статьи 22 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г., можно задаться вопросом о том, допустимо ли считать, что компетенция государственных арбитражных судов разрешать исполнение иностранных реше-

ний вытекает из пункта 3 такой статьи (*“Арбитражный суд рассматривает иные дела, в том числе:*

об установлении фактов, имеющих значение для возникновения, изменения или прекращения прав организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (далее — об установлении фактов, имеющих юридическое значение);

о несостоятельности (банкротстве) организаций и граждан”)?

Иными словами, является ли рассмотрение спора о разрешении исполнить иностранное решение делом об установлении факта, имеющего юридическое значение? Очевидно, что нет.

Как известно, дело об установлении юридического факта несовместимо со спором субъектов. В частности, статья 87 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. предусматривает, что арбитражный суд оставляет иск без рассмотрения, если при рассмотрении заявления об установлении фактов, имеющих юридическое значение, выясняется, что возник спор о праве. И хотя в случае с рассмотрением спора о разрешении исполнить иностранное решение спор идет не по поводу субъективного материального права, все равно имеет место спор, который должен быть разрешен в особом порядке, отличающемся от процедуры установления юридического факта.

Кроме того, представляется не требующим особых доказательств то, что разрешение исполнить иностранное решение совсем не является установлением юридического факта. Выше уже было доказано, что это процедура *sui generis*, обладающая самостоятельной природой и не сводимая ни к каким другим.

1.3. Наконец, ссылки на пункт 5 статьи 22 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (*“Федеральным законом могут быть отнесены к подведомственности арбитражного суда и другие дела”*) также ничего не дают. Этот пункт не позволяет утверждать, что государственные арбитражные суды обладают компетенцией разрешать приведение иностранных решений в исполнение. Он только допускает принципиальную возможность этого, в то время как для ее реального наличия необходимо специальное указание в федеральном законе.

Таким образом, нормы Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. **вовсе не позволяют государственным арбитражным судам разрешать приведение иностранных решений в исполнение.** Напротив, как следует из пункта 5 статьи 22 этого кодекса, для наличия у них такой компетенции необходимо прямое указание закона, а оно-то и отсутствует.

2. Далее, разнovidностью первого аргумента о том, что нормы Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. вполне позволяют государственным арбитражным судам разрешать приведение иностранных решений в исполнение, может выступать аргумент о том, что после того как государственные арбитражные суды получили компетенцию рассматривать споры и иные дела с участием иностранных лиц и организаций с иностранными инвестициями, они также обладают компетенцией разрешать исполнение иностранных решений.

Проанализировав этот возможный довод, можно прийти к выводу о том, что рассмотрение вопроса об исполнении иностранного решения не имеет, как было показано выше, ничего общего с рассмотрением государственным арбитражным судами экономических споров и иных дел, упоминаемых в Арбитражном процессуальном кодексе РФ 1995 г. Ввиду того, что разрешение исполнения иностранных решений является специальным процессуальным действием *sui generis*, не могущим быть отождествленным ни с каким другим, государственные арбитражные суды не могут его осуществлять до тех пор, пока это прямо не будет им разрешено законодателем. Признание иного означало бы не что иное, как выход этих судов за рамки их компетенции, тем более принимая во внимание то, что согласно действующим нормативным актам компетентными разрешать такое исполнение являются суды общей юрисдикции.

Кроме того, данный аргумент не учитывает то обстоятельство, что и до

принятия Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. государственные арбитражные суды обладали компетенцией рассматривать споры с участием иностранных лиц и организаций с иностранными инвестициями, когда это предусматривалось соглашением сторон спора или международными договорами Российской Федерации.

В частности, такие международные договоры были заключены Российской Федерацией в рамках СНГ. Не вызывает также сомнений и то, что до 1995 г. стороны экономических споров, находившиеся в различных государствах, нередко заключали соглашения о подсудности их споров российским государственным арбитражным судам.

Но тогда, исходя из логики рассматриваемого аргумента, государственные арбитражные суды должны были обладать компетенцией разрешать исполнение иностранных решений и до 1995 г. В самом деле, после 1995 г. ничего, по большому счету, принципиально нового в сфере компетенции государственных арбитражных судов рассматривать споры с участием иностранных лиц и организаций с иностранными инвестициями не произошло: эта сфера за счет положений Арбитражного процессуального кодекса 1995 г. была лишь расширена, а не появилась вновь.

Между тем до 1995 г. никто не утверждал, что государственные арбитражные суды компетентны разрешать исполнение иностранных решений: такая аргументация появилась гораздо позднее. Соответственно, это означает только то, что сегодня имеет место уже упоминавшаяся выше “борьба за юрисдикцию”, в которой государственные арбитражные суды не столько исходят из строгого содержания действующего права, сколько пытаются расширительно толковать его для обоснования своих устремлений. На самом же деле такое расширительное толкование *de lege lata* невозможно. Ввиду этого для государственных арбитражных судов было бы более перспективным направить свои усилия на изменение действующего законодательства.

Наконец, нельзя забывать и о том, что *de lege lata* судам общей юрисдикции ничего не препятствует в том, чтобы рассматривать коммерческие споры с участием иностранных лиц, на что и указала Судебная Коллегия Верховного Суда Российской Федерации в своем упоминавшемся выше определении от 28 октября 1996 г. Уже одного этого достаточно для того, чтобы признать рассматриваемый аргумент несостоятельным.

3. Логически связан с предыдущим аргументом и возможный довод о том, что принятые в Союзе ССР нормативные акты, наделяющие компетенцией разрешать исполнение иностранных решений суды общей юрисдикции, противоречат российским нормативным актам, принятым позднее, в частности, Арбитражному процессуальному кодексу РФ 1995 г., ввиду чего они не должны применяться в полном объеме.

В свете сказанного выше такой довод состоятельным признать также нельзя. Однако в его отношении можно указать еще на три момента.

Во-первых, внимательный анализ показывает, что никакие нормы в российских правовых актах, принятых после 1991 г., ни с формально-юридической, ни с сущностно-правовой точки зрения не могут рассматриваться как регулирование, которому противоречит, например, Указ Президиума ВС СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI “О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей”.

Во-вторых, этот аргумент несколько порочен с логико-правовой точки зрения. Учитывая то, что ни в одном российском правовом акте, принятом после 1991 г., не указывается на то, что государственные арбитражные суды компетентны разрешать исполнение иностранных решений, по сути дела с помощью этого аргумента доказывается, что ранее принятые нормативные акты могут противоречить явному молчанию закона. Между тем противоречие возможно только

между двумя реально существующими регулированиями, а не между существованием одного и отсутствием другого.

В-третьих, данный аргумент является скорее попыткой *de lege ferenda* указать на то, что отсутствие у государственных арбитражных судов компетенции разрешать исполнение иностранных решений противоречит будущему, “идеальному” регулированию, чем серьезным доводом *de lege lata*.

3.1. Конкретизируя тот же самый аргумент, можно пытаться утверждать, что признание государственных арбитражных судов некомпетентными разрешать исполнение иностранных решений противоречит положениям о единстве судебной системы, закрепленным в главе 7 Конституции Российской Федерации и статьях 3 и 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ “О судебной системе Российской Федерации”²⁸. И опять-таки внимательный анализ законодательства не позволяет с такими утверждениями согласиться.

Единство судебной системы в условиях частноправового юрисдикционного дуализма вовсе не означает невозможности того распределения компетенции между государственными судами в вопросе о приведении в исполнение иностранных решений, которое устанавливается ныне действующими нормативными актами. Более того, этот аргумент является несколько двусмысленным: его можно использовать и для обоснования того, что суды общей юрисдикции могут рассматривать те споры, которые сейчас рассматривают государственные арбитражные суды, и наоборот. В конечном же итоге он может служить обоснованием необходимости ликвидации судов общей юрисдикции и государственных арбитражных судов и создания на их основе единых судов.

3.2. В качестве еще одной конкретизации рассматриваемого аргумента может выступать указание на то, что непризнание за государственными арбитражными судами компетенции разрешать исполнение иностранных решений входит в противоречие с новыми законодательными актами об исполнительном производстве в Российской Федерации, которые не отдают приоритета судам общей юрисдикции. Однако и с ним *de lege lata* согласиться нельзя.

Во-первых, исполнительное производство носит самостоятельный характер и не имеет ничего общего с вопросом об определении суда, компетентного разрешать исполнение иностранных решений: судебный пристав действует на основании исполнительного документа и для него не имеет значения то, каким судом он выдан. В данном аргументе следствие ставится впереди причины: на самом деле исполнительное производство не может влиять на компетенцию суда. Напротив, исполнительное производство само зависит от компетенции суда. Поэтому данный аргумент был бы верен только тогда, когда в России существовали бы только государственные арбитражные суды. В условиях же, когда одновременно с ними существуют и суды общей юрисдикции, он не может быть признан правильным. В связи с этим неудивительно, что Федеральный закон “Об исполнительном производстве” в пункте 1 статьи 7 в отношении исполнительных листов, выдаваемых на основании иностранных решений, использует термин “суды”, относимый как к судам общей юрисдикции, так и государственным арбитражным судам.

Также и содержание статьи 1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ “О судебных приставах”²⁹ доказывает, что для судебных приставов не имеет никакого значения, чьи исполнительные документы они будут исполнять, ввиду чего говорить о противоречии новым законодательным актам об исполнительном производстве нельзя: последние просто относятся к другой сфере. Между тем противоречие может быть только между нормативными актами, чьи сферы действия пересекаются.

Во-вторых, данный аргумент можно рассматривать как стремление государственных арбитражных судов контролировать деятельность судебных приставов

вне пределов, допускаемых Федеральным законом “Об исполнительном производстве”, что вряд ли будет способствовать успешной деятельности последних.

4. Выше уже упоминалось о том, что, по мнению автора настоящей статьи, ни один из международных договоров с участием Российской Федерации не устанавливает прямо, какой из российских государственных судов обладает компетенцией разрешать исполнение иностранных решений.

4.1. Между тем в качестве международного договора Российской Федерации, положения которого как будто приводят к выводу о том, что государственные арбитражные суды обладают компетенцией разрешать исполнение иностранных решений, но не всех, а только вынесенных иностранными третейскими судами государств-участников СНГ, в судебной практике упоминается Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.)³⁰. “В арбитражный суд Российской Федерации было направлено для исполнения решение по экономическому спору, вынесенному третейским судом — Международным коммерческим арбитражем при Торгово-промышленной палате Республики Беларусь.

Ответчиком в данном споре являлось российское акционерное общество. Суд общей юрисдикции отказался исполнять это решение, посчитав, что это является компетенцией арбитражного суда. При этом суд общей юрисдикции сослался на то обстоятельство, что Российская Федерация и Республика Беларусь являются участниками Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 1992 г.), которое предусматривает, что хозяйствующие субъекты каждого государства — участника Содружества Независимых Государств имеют на территории других государств — участников СНГ право беспрепятственно обращаться в суды, арбитражные (хозяйственные) суды, третейские суды и другие органы, к компетенции которых относится разрешение дел (ст.3).

Согласно ст. 7 и 8 Соглашения решения компетентных судов взаимно признаются и исполняются на территории государств — участников СНГ.

Механизм исполнения судебных решений определяется по праву страны, в которой решение подлежит исполнению.

Арбитражный суд выдал приказ на исполнение решения третейского суда иностранного государства, указав, что оснований для отказа в его выдаче суд не усматривает. Кроме того арбитражный суд подчеркнул, что Российская Федерация и Республика Беларусь являются участниками Соглашения, определяющего национальный порядок исполнения решений третейских судов. На территории Российской Федерации такой порядок установлен Временным Положением о третейском суде для разрешения экономических споров, где предусмотрено, что решения третейского суда исполняются арбитражным судом (раздел V).

Таким образом, арбитражный суд посчитал себя вправе выдать приказ на исполнение решения, вынесенного третейским судом государства — участника Содружества Независимых Государств³¹.

Внимательный анализ данного случая позволяет прийти к выводу о том, что и тот и другой суд пришли к неверным выводам. Бесспорно то, что Киевское соглашение предусматривает национальный порядок исполнения иностранных решений (учитывая, что словосочетание “*национальный порядок*” не должно пониматься как синоним понятия “*национальный режим*”: оно означает только то, что иностранные решения исполняются в порядке, установленном национальным правом государства, где должно быть исполнение)³². Верно и то, что в России решения третейских судов, разрешающих экономические споры, приводятся в исполнение на основании судебного акта государственного арбитражного суда в соответствии со статьей 25 уже упоминавшегося выше “Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров” 1992 г.³³.

Однако все дело в том, что статья 1 данного “Временного положения” предусматривает: “Если иное не установлено соглашением сторон, настоящее По-

ложение не применяется, когда хотя бы одна из сторон находится на территории другого государства либо является предприятием, организацией с иностранными инвестициями.

Настоящее Положение не распространяется на организацию и деятельность Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации и Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации”.

Когда речь заходит об иностранном для российского права решении, то очевидно, что практически всегда оно вынесено по спору, в котором одна из сторон либо находится за пределами России, либо является предприятием с иностранными инвестициями (правда, не исключены ситуации, когда иностранное решение будет вынесено по спору между субъектами, находящимися в России и предприятиями с иностранными инвестициями не являющимися). Однако вопрос о таких решениях будет рассмотрен ниже, сейчас же от него следует абстрагироваться). Соответственно, можно утверждать, что согласно статье 1 “Временного положения” государственные арбитражные суды не обладают компетенцией разрешать исполнение решений иностранных третейских судов или решений международного коммерческого арбитража, если иное не установлено соглашением сторон. Других же нормативных актов, которые наделяли бы государственные арбитражные суды такой компетенцией, в российском праве не существует.

Ввиду этого в рассмотренном случае государственный арбитражный суд не обладал компетенцией разрешать исполнение в России решения Международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате государства — участника СНГ именно согласно “Временному положению о третейском суде для разрешения экономических споров” 1992 г., если только стороны спора прямо не договорились об обратном (однако коль скоро о таком соглашении сторон не упоминалось, следует предположить, что его не было). Ирония заключается в том, что для обоснования своей компетенции государственный арбитражный суд сослался на нормативный акт, который прямо его такой компетенции лишал.

На основании сказанного можно прийти к выводу о том, что Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.), не только не устанавливает прямо, что государственные арбитражные суды обладают компетенцией разрешать исполнение решений иностранных третейских судов, но, напротив, предписывая исполнение иностранного решения в соответствии с правилами внутреннего регулирования, тем самым автоматически указывает на то, что компетентными решать вопрос о таком исполнении являются российские суды общей юрисдикции, коль скоро только к такому выводу можно прийти, анализируя российское внутреннее регулирование, что и было показано выше.

4.2. Кроме того, в пользу наличия у государственных арбитражных судов компетенции разрешать исполнение иностранных решений приводится следующий довод: *“Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает, что арбитражные суды первой инстанции компетентны выполнять судебные поручения иностранных судов в порядке правовой помощи, в том числе и предусмотренной международным договором (ст. 215). Иными словами, арбитражные суды полномочны оказывать правовую помощь по исполнению иностранных судебных решений”*³⁴. На первый взгляд, данный аргумент очень основателен. Однако после внимательного его анализа и изучения содержания международных договоров, содержащих положения о правовой помощи, нельзя не прийти к выводу о том, что он неправилен или, по меньшей мере, крайне сомнителен.

4.2.1. Во-первых, пункт 2 статьи 215 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. предусматривает: *“Поручение не подлежит исполнению:*

1) если исполнение поручения противоречит суверенитету Российской Федерации или угрожает безопасности Российской Федерации;

2) если исполнение поручения не входит в компетенцию арбитражного суда”.

Как уже говорилось выше, ни в одном действующем российском нормативном акте не говорится о том, что государственные арбитражные суды обладают компетенцией разрешать исполнение иностранных решений: такого рода процессуальные действия в них просто не упоминаются. В то же время в российском праве имеются положения о том, что такой компетенцией обладают суды общей юрисдикции. В связи с этим будет закономерным следующий вывод: в контексте института оказания правовой помощи и исполнения судебных поручений иностранных судов государственный арбитражный суд не только не может ссылаться на статью 215 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. для обоснования наличия у себя такой компетенции, но напротив, он должен *de lege lata* признать ее отсутствие именно ввиду пункта 2 этой статьи, если только международный договор прямо не предусматривает его такую компетенцию.

Но может быть существуют международные договоры Российской Федерации, в которых именно это и указано прямо? Возможно, что они и есть, однако автор настоящей статьи обнаружить их, в том числе и среди соглашений стран СНГ, не смог (за одним-единственным исключением, значение которого крайне незначительно, если вообще оно существует. На него будет указано ниже). Так, часть 3 статьи 7 уже упоминавшегося Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.) предусматривает: *“Решения, вынесенные компетентным судом одного государства — участника Содружества Независимых Государств в части обращения взыскания на имущество ответчика, подлежат исполнению на территории другого государства — участника Содружества Независимых Государств органами, назначенными судом либо определенными законодательством этого государства”*³⁵. Как видно, прямо о государственных арбитражных судах в этой статье не говорится, а напротив, используется общий термин *“суд”*, согласно самому Киевскому соглашению применимый в том числе и к судам общей юрисдикции, и делается ссылка на национальное законодательство. Далее, в части 1 статьи 9 этого же Соглашения говорится: *“В приведении в исполнение решения может быть отказано по просьбе Стороны, против которой оно направлено, только если эта Сторона представит компетентному суду по месту, где испрашивается приведение в исполнение, доказательства того, что: ...”* (выделение мое. — М.А.). Между тем, в части 2 статьи 3 данного Соглашения указано, что термин *“компетентный суд”* распространяется и на суды, и на арбитражные (хозяйственные) суды, на третейские суды, и на иные органы, к компетенции которых относится разрешение хозяйственных споров. Таким образом, ввиду содержания норм российского права о компетенции судов общей юрисдикции разрешать исполнение иностранных решений, под термином *“компетентный суд”*, используемым в Киевском соглашении, следует понимать именно их, а не государственные арбитражные суды.

Аналогичным образом и в пункте 1 статьи 53 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.)³⁶ используется термин *“компетентный суд”*³⁷. Что же в таких условиях можно сказать о других международных договорах Российской Федерации, предусматривающих оказание правовой помощи и заключенных до 1992 г.?

Правда, следует отметить, что 6 марта 1998 г. в Москве странами СНГ было заключено Соглашение о порядке взаимного исполнения решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов на территориях государств — участников Содружества³⁸, в силу для Российской Федерации еще не вступившее. Данное Соглашение, как указано в его преамбуле, основывается на Киевском соглашении и принято в его развитие, однако, как можно судить по его названию и содержанию, оно посвящено вопросам исполнения решений только государственных арбитражных, хозяйственных и экономических судов, а не судов общей юрисдикции и не третейских судов. В этом Соглашении 1998 г. применительно

к исполнению таких решений также используется термин *“компетентный суд”*, однако при условии ряда допущений можно считать, что под ним применительно к России имеется в виду только государственный арбитражный суд (следует, однако, учитывать, что поскольку Соглашение 1998 г. основывается на Киевском соглашении и содержит ссылки на него, то термин *“компетентный суд”* в отношении органа, призванного разрешать исполнение иностранного решения, может быть истолкован и согласно Киевскому соглашению). По меньшей мере, в Соглашении 1998 г. в этом отношении наблюдается неясность. Более того, в нем можно даже усмотреть и неточность. Так, статья 2 этого Соглашения предусматривает, что *“Компетентным судом, решение которого подлежит исполнению на территории другой Договаривающейся Стороны, признается суд Договаривающейся Стороны, который вправе рассматривать споры в соответствии с положениями статьи 4 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности”*, а далее в части 2 его статьи 3 понятие *“компетентный суд”* используется в отношении органа, призванного разрешать исполнение решения иностранных арбитражных, хозяйственных или экономических судов стран СНГ: *“Обращение взыскания на имущество должника производится в соответствии с законодательством государства местонахождения должника по ходатайству взыскателя в компетентный суд Договаривающейся Стороны...”*. Точно также этот термин используется в части 2 статьи 8 Соглашения 1998 г. *“...взыскатель вправе обратиться с ходатайством о разрешении принудительного исполнения решения суда или обращении взыскания на имущество должника в компетентный суд места нахождения должника в порядке, предусмотренном статьей 8 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности”*. В связи с этим встает вопрос: а не вкладывается ли в понятие *“компетентный суд”* в одном случае одно значение, а в другом — другое? Если это так, то тогда вопрос о *“компетентном суде”* должен решаться опять-таки на основании российского внутреннего права, а его содержание ввиду вышеизложенного уже известно. Таким образом, ныне действующие международные договоры Российской Федерации не предусматривают прямо, что российские государственные арбитражные суды обладают компетенцией разрешать исполнение иностранных решений (за одним исключением, на которое будет указано в следующих абзацах). Что же касается Соглашения о порядке взаимного исполнения решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов на территориях государств — участников Содружества (Москва, 6 марта 1998 г.), то только после того, как оно обретет силу для России, у государственных арбитражных судов появятся некоторые основания (правда, не вполне однозначные) считать, что этим Соглашением они наделены компетенцией разрешать исполнение решений иностранных арбитражных, хозяйственных или экономических судов стран СНГ, для которых это Соглашение имеет силу.

Правда, следует признать, что существует Соглашение о сотрудничестве хозяйственных, арбитражных судов Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины (Минск, 21 декабря 1991 г.)³⁹, статья 6 которого предусматривает: *“Хозяйственные, арбитражные суды государств — членов Содружества взаимно признают и исполняют вступившие в законную силу судебные решения”*.

Решения, вынесенные судами одного государства — члена Содружества, подлежат исполнению на территории других государств — членов Содружества, кроме случаев, когда исполнение производится на территории государства, вынесшего решение.

Решения, вынесенные судом одного государства — члена Содружества в части обращения взыскания на имущество ответчика, подлежат исполнению на территории другого государства — члена Содружества органами, назначенными судом либо определенными законодательством этого государства”.

Пожалуй, это единственный случай, когда международный договор предусматривает, что государственные арбитражные суды обладают компетенцией

исполнять иностранные решения. Тем не менее значение этого случая не следует переоценивать.

Прежде всего, данное Соглашение носит межведомственный характер.

Далее, в нем говорится только о решениях государственных арбитражных (хозяйственных) судов.

Кроме того, в нем говорится только о решениях указанных судов Белоруссии и Украины. Несмотря на присутствующие в этом Соглашении широковещательные заявления о решениях, вынесенных судами государств — членов Содружества Независимых Государств, все-таки представляется, что оно распространяется только на решения государственных арбитражных (хозяйственных) судов Белоруссии и Украины.

Наконец, не совсем понятна юридическая сила этого Соглашения и его соотношение с Киевским соглашением 1992 г. Совсем не исключено, что последнее можно рассматривать как международный договор, заменивший рассматриваемое Соглашение. Это тем более вероятно, что Киевское соглашение с точки зрения юридической техники значительно превосходит такое Соглашение, в этом плане весьма посредственное. В связи с этим совсем не удивительно, что ссылки на данное Соглашение не встречаются не только в судебной практике, но и в правовой литературе. Создается впечатление, что это Соглашение просто игнорируется.

Но даже если оно и продолжает обладать полноценной юридической силой, в любом случае следует признать, что компетенция государственных арбитражных судов разрешать исполнение иностранных решений является очень и очень узкой и незначительной.

4.2.2. Во-вторых, вывод о том, что государственный арбитражный суд не только не может сослаться на статью 215 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. для обоснования наличия у себя компетенции разрешать исполнение иностранных решений, но, напротив, что *de lege lata* он должен признать ее отсутствие именно ввиду пункта 2 этой статьи, указав на компетенцию судов общей юрисдикции, является еще более обоснованным в свете того обстоятельства, что опять-таки *de lege lata* судам общей юрисдикции ничто не препятствует в том, чтобы рассматривать коммерческие споры с участием иностранных лиц, на что и указала Судебная Коллегия Верховного Суда Российской Федерации в своем упоминавшемся выше определении от 28 октября 1996 г.

4.2.3. В-третьих, ссылки на институты правовой помощи и исполнения поручений иностранных судов для обоснования наличия у государственных арбитражных судов компетенции разрешать исполнение иностранных решений не учитывают следующий важный момент: далеко не все договоры о правовой помощи устанавливающие процедуру исполнения иностранного решения при помощи судебного поручения. Действительно, пункт 1 статьи 53 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) предусматривает: *“Ходатайство о признании принудительного исполнения решения подается в компетентный суд Договаривающейся Стороны, где решение подлежит исполнению. Оно может быть подано и в суд, который вынес решение по делу в первой инстанции. Этот суд направляет ходатайство суду, компетентному вынести решение по ходатайству”*. Но как быть с теми случаями, когда процедура исполнения иностранного решения при помощи судебного поручения не установлена международным договором, или когда лицо, желающее исполнить иностранное решение в России, предпочтет вместо обращения в суд, вынесший решение, самостоятельное обращение в российский суд? В самом деле, нельзя же считать, что государственные арбитражные суды компетентны разрешать исполнение иностранных решений, если ходатайство об его исполнении получено от иностранного суда, его вынесшего, и некомпетентны тогда, когда ходатайство об его исполнении подано заинтересованным лицом по той или иной причине непосредственно им! Пред-

почтительнее вообще признать отсутствие у них такой компетенции, чем допускать подобную непоследовательность. Кроме того, интересен и следующий нюанс: процедура исполнения иностранного решения при помощи судебного поручения установлена Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.), в то время как в Соглашении о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.), о ней ничего не упоминается. Но в то же время в литературе можно встретить указания на то, что упомянутое Киевское соглашение имеет приоритет по отношению к Минской Конвенции: *“Однако Минская конвенция не распространяется на случаи исполнения решений хозяйственных (арбитражных) судов по спорам, связанным с осуществлением хозяйственной деятельности. Этот вывод обусловлен содержанием статьи 82 Конвенции, установившей, что она не затрагивает положений других международных договоров, участниками которых являются Договаривающиеся Стороны. Таким действующим международным договором для государств-членов СНГ, подписавших и Соглашение, и Конвенцию, является Киевское соглашение от 20 марта 1992 г., которое регулирует вопросы разрешения соответствующих дел, а также исполнения судебных решений по ним.*

Киевское соглашение является в этом случае международным соглашением специального характера, регулирующим вопросы разрешения только хозяйственных споров”⁴⁰.

С этим в целом нельзя не согласиться. Но в таком случае нельзя не придти и к выводу о том, что коль скоро Киевское соглашение не предусматривает процедуру исполнения иностранного решения при помощи судебного поручения, а Минская конвенция к решениям арбитражных (хозяйственных) судов стран СНГ неприменима, то возможность ссылок на статью 215 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. для обоснования наличия у российских государственных арбитражных судов компетенции разрешать исполнение таких решений утрачивается.

4.2.4. В-четвертых, ссылки на институты правовой помощи и исполнения поручений иностранных судов для обоснования наличия у российских государственных арбитражных судов компетенции разрешать исполнение иностранных решений допустимы только тогда, когда понятия “правовая помощь” и “судебные поручения” охватывают, в том числе, и вопросы исполнения иностранных решений. Между тем, во внутреннем отечественном праве эти два понятия традиционно толковались ограничительно и не применялись к вопросам исполнения таких решений⁴¹. Если взглянуть на пункт 1 статьи 215 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г., то несложно заметить, что он также придерживается подобного подхода: *“Арбитражный суд исполняет переданные ему в порядке, установленном федеральными законами или международными договорами Российской Федерации, поручения судов иностранных государств о выполнении отдельных процессуальных действий (вручение повесток и других документов, получение письменных доказательств, производство экспертиз, осмотр на месте и другие)”*. В то же время понятиям “правовая помощь” и “судебные поручения” иногда придается расширительное значение, охватывающее и вопросы исполнения иностранных решений, но преимущественно в международных договорах о правовой помощи, причем не во всех. Одним из примеров этого является статья 6 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.): *“Договаривающиеся Стороны оказывают друг другу правовую помощь путем выполнения процессуальных и иных действий, предусмотренных законодательством запрашиваемой Договаривающейся Стороной, в частности: составления и пересылки документов, проведения обысков, изъятия, пересылки и выдачи вещественных доказательств, проведения экспертизы, допроса сторон, обвиняемых, свидетелей, экспертов, возбуждения уголовного преследования, розыска и выдачи лиц, совершивших преступления, признания и исполнения судебных*

решений по гражданским делам, приговоров в части гражданского иска, исполнительных надписей, а также путем вручения документов”.

Но как быть с теми случаями, когда в международном договоре Российской Федерации понятия “правовая помощь” и “судебные поручения” не охватывают вопросы исполнения иностранных решений, или когда международный договор вообще отсутствует? В самом деле, нельзя же считать, что в этих случаях государственные арбитражные суды не обладают компетенцией разрешать исполнение иностранных решений, тогда как в случае с международным договором, содержащим формулировки, подобные статье 6 Минской конвенции, они ею обладают! В таком случае точно так же было бы предпочтительнее вообще признать отсутствие у них такой компетенции, чем допускать подобную непоследовательность. Кроме того, поскольку Минская конвенция предусматривает, что понятия “правовая помощь” и “судебные поручения” охватывают вопросы исполнения иностранных решений, а Киевское соглашение этого не устанавливает, то и применительно к рассматриваемому аспекту сохраняет силу все сказанное выше в предыдущем пункте 4.2.3 по поводу соотношения этих двух международных договоров, равно как и вывод о том, что возможность ссылки на статью 215 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. для обоснования наличия у российских государственных арбитражных судов компетенции разрешать исполнение таких решений утрачивается.

4.2.5. В-пятых, ссылки на институты правовой помощи и исполнения поручений иностранных судов для обоснования наличия у российских государственных арбитражных судов компетенции разрешать исполнение иностранных решений не являются совсем точными в том плане, что они не учитывают проблему исполнения решений иностранных третейских судов и решений международного коммерческого арбитража.

В самом деле, не до конца понятен вопрос о порядке обращения иностранных третейских судов или иностранного международного коммерческого арбитража с поручениями к российским государственным арбитражным судам. С одной стороны, часть 1 статьи 5 Киевского соглашения предусматривает, что “Компетентные суды и иные органы государств-участников Содружества Независимых Государств обязуются оказывать взаимную правовую помощь”, а часть 2 его статьи 3 под “компетентными судами” понимает в том числе и третейские суды. С другой стороны, в этом вопросе существует много неясностей и сложностей, тем более если не ограничиваться рамками СНГ. Их устранение, конечно же, было бы *de lege ferenda* весьма полезным для международного торгового оборота, однако *de lege lata* они существуют.

Кроме того, даже если возможность обращения к российскому государственному арбитражному суду с поручениями у иностранных третейских судов или иностранного международного коммерческого арбитража и существует, весьма сомнительно то, что иностранные третейские суды или иностранный международный коммерческий арбитраж сочли бы необходимым направлять российскому государственному арбитражному суду именно поручение исполнить вынесенные ими решения: так, с вынесением решения они могли достичь свой мандат исчерпанным.

Наконец, представляется маловероятным и то, что государственный суд по месту нахождения иностранного третейского суда или иностранного международного коммерческого арбитража, вынесшего подлежащее исполнению в России решение, всегда согласился бы с просьбой лица, в пользу которого оно вынесено, направить российскому государственному арбитражному суду судебное поручение с просьбой исполнить такое решение в порядке оказания правовой помощи или всегда имел бы для этого правовую возможность.

Сказанное указывает на то, что часть 1 статьи 5 Киевского соглашения вряд ли допустимо толковать как охватывающую также и направление судебных поручений исполнить иностранное решение: сомнительность подобного толко-

вания обуславливается именно тем, в части 2, статьи 3 этого соглашения под компетентными судами понимаются, в том числе, и третейские суды.

Между тем, все это означает только одно: ссылки на институты правовой помощи и исполнения поручений иностранных судов для обоснования наличия у российских государственных арбитражных судов компетенции разрешать исполнение иностранных решений могут использоваться, отвлекаясь от всех вышеизложенных нюансов, только применительно к решениям иностранных государственных судов, а не к решениям иностранных третейских судов или иностранного международного коммерческого арбитража. В свою очередь это показывает всю относительность целесообразности и оправданности таких ссылок.

4.2.6. Наконец, в отношении институтов правовой помощи и исполнения поручений иностранных судов необходимо отметить следующий нюанс: в отечественном праве, в доктрине и нормативном регулировании присутствует принцип, согласно которому правовая помощь оказывается, а судебные поручения исполняются вне зависимости от того, существует ли у Российской Федерации международный договор с иностранным государством, откуда исходит просьба о правовой помощи или судебное поручение, равно как и не взирая на взаимность. С другой стороны, иностранные решения могут быть исполнены на территории России только в трех случаях: а) если это предусмотрено международным договором Российской Федерации (в частности, пункты 1 и 11 Указа Президиума ВС СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей" соответственно предусматривают: *"Решения иностранных судов признаются и исполняются в СССР, если это предусмотрено международным договором СССР"*, *"Положения... настоящего Указа... применяются также к иностранным арбитражным решениям, признание и исполнение которых предусмотрены соответствующим международным договором СССР"*); б) если это предусмотрено федеральным законом Российской Федерации (так, Закон Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже" допускает в статье 36 исполнение в России решения иностранного международного коммерческого арбитража *"независимо от того, в какой стране оно было вынесено"*); в) на началах взаимности (например, Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)"⁴² в пункте 7 статьи 1 устанавливает: *"Решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности (банкротстве) признаются на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации"*.

При отсутствии международных договоров Российской Федерации решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности (банкротстве) признаются на территории Российской Федерации на началах взаимности, если иное не предусмотрено федеральным законом". Кроме того, при ратификации Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. Президиум Верховного Совета СССР сделал следующее заявление: "Союз Советских Социалистических Республик будет применять положения настоящей Конвенции в отношении арбитражных решений, вынесенных на территории государств, не являющихся участниками Конвенции, лишь на условиях взаимности"⁴³).

Ввиду этого ссылки на институты правовой помощи и исполнения поручений иностранных судов для обоснования наличия у российских государственных арбитражных судов компетенции разрешать исполнение иностранных решений следует, отвлекаясь от всего сказанного выше, уточнить: когда государственные арбитражные суды будут обладать компетенцией разрешать исполнение иностранных решений в порядке оказания правовой помощи на основании судебного поручения иностранного суда, они тем не менее должны игнорировать судебные поручения иностранных судов о разрешении исполнения в России иностранных решений, если только возможность такого исполнения не предусмотрена между-

народным договором Российской Федерации или федеральным законом России, либо если в отношении государства, с территории которого исходит такое решение, Россия не провозгласила принцип взаимности исполнения решений.

Представляется, что подпункт 2) пункта 2 статьи 215 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г., предусматривающий, что поручение не подлежит исполнению, *“если исполнение поручения не входит в компетенцию арбитражного суда”*, вполне позволяет государственному арбитражному суду проигнорировать подобное поручение: в самом деле, при отсутствии оснований для его исполнения государственный арбитражный суд нельзя назвать компетентным. Иными словами, никаких уточнений указанной статьи 215 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. для адекватного регулирования указанной в предыдущем абзаце ситуации по большому счету не требуется.

4.2.7. Подводя итог сказанному, представляется, что на сегодняшний день было бы проще вообще признавать за государственными арбитражными судами компетенцию разрешать исполнение иностранных решений, чем обосновывать ее ссылками на статью 215 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. и международные договоры Российской Федерации о правовой помощи.

Между тем, практика государственных арбитражных судов пошла по иному пути. Так, в пунктах 16 и 37 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. № 8 *“О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса”* соответственно говорится: *“Выполнение поручений о совершении отдельных процессуальных действий, а именно: вручение документов участнику арбитражного процесса, опрос свидетелей, производство экспертизы, обеспечение иска, признание и исполнение судебного решения, взыскание судебных расходов и т.д. производится в порядке, предусмотренном международными договорами с участием Российской Федерации, статьей 215 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации...”; “Арбитражным судам следует иметь в виду, что при решении вопроса о признании и исполнении судебного решения государств-участников “Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с хозяйственной деятельностью” (Киев, 1992), в исполнении решения иностранного хозяйственного суда может быть отказано при наличии обстоятельств, предусмотренных статьей 9 названного Соглашения”* (пункт 37 содержится в разделе X *“Отказ в оказании правовой помощи”* Постановления № 8).

В конечном итоге представляется, что Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации совершил ошибку, указав на возможность разрешения государственными арбитражными судами исполнения иностранных решений в порядке оказания правовой помощи. Впрочем, вполне очевидно, что такая ошибка была совершена умышленно в ходе *“борьбы за юрисдикцию”*. Однако, совершив такую ошибку, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации автоматически обусловил и неизбежность возникновения в судебной практике всех тех проблем толкования, на которые было указано выше. Кроме того, для Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации было бы гораздо более последовательно выбрать не то неясное решение проблемы, которое было им предложено в Постановлении от 11 июня 1999 г. № 8 *“О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса”* (с замалчиванием проблем и косвенным указанием на то, что такая компетенция у государственных арбитражных судов имеется), а предпочесть более четкую позицию с описанием всех нюансов, отчасти указанных выше. Впрочем, понятно, что такой путь был невозможен потому, что в системе государственных арбитражных судов эти нюансы по большому счету мало кому интересны.

С другой стороны, внушает оптимизм то, что Высший Арбитражный Суд Российской Федерации ограничился упоминанием о том, что государственные арбитражные суды обладают компетенцией разрешать исполнение иностранных

решений только в порядке оказания правовой помощи, причем, как следует из Постановления № 8, только применительно к решениям судов стран СНГ, и, далее, только арбитражных (хозяйственных) судов. Этот факт как нельзя лучше свидетельствует в пользу правильности доводов автора настоящей статьи.

6. АРГУМЕНТЫ В ПОЛЗУ ОТСУТСТВИЯ У ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ КОМПЕТЕНЦИИ РАЗРЕШАТЬ ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ РЕШЕНИЙ

Рассмотренный пример из судебной практики с исполнением в России решения международного коммерческого арбитража, вынесенного в Белоруссии, показал, что в российском праве существует нормативный акт, из которого вытекает, что, по общему правилу, государственные арбитражные суды не обладают компетенцией разрешать исполнение решений иностранных третейских судов или решений международного коммерческого арбитража. Речь идет о “Временном положении о третейском суде для разрешения экономических споров”, утвержденном постановлением ВС РФ от 24 июня 1992 г. № 3115-1 (в редакции Федерального закона от 16 ноября 1997 г. № 144-ФЗ).

Как уже говорилось, согласно статье 25 этого “Временного положения” государственные арбитражные суды обладают компетенцией разрешать исполнение решений третейских судов, действующих в России и разрешающих споры, вытекающие из гражданских правоотношений и подведомственные государственным арбитражным судам. Однако в то же время статья 1 “Временного положения” прямо указывает на то, что оно не применяется, когда хотя бы одна из сторон находится на территории другого государства либо является предприятием, организацией с иностранными инвестициями, если только иное не установлено соглашением сторон.

Правда, можно также считать, что истинный смысл статьи 1 “Временного положения” несколько иной. Так, вполне очевидно, что ее появление было вызвано следующей причиной: “Временное положение” писалось в увязке с Арбитражным процессуальным кодексом РФ 1992 г., в то время как согласно ему государственные арбитражные суды по общему правилу не могли рассматривать споры с участием иностранных лиц и организаций с иностранными инвестициями. А коль скоро российские третейские суды для разрешения экономических споров с точки зрения юрисдикционной компетенции рассматривались как полный аналог государственных арбитражных судов (исключая споры в сфере управления), призванный облегчить нагрузку тяжб на государственные арбитражные суды, то вполне очевидно, что они также не могли быть наделены компетенцией решать споры с участием иностранных лиц и организаций с иностранными инвестициями (за исключением того случая, когда иное было предусмотрено соглашением сторон. Интересно отметить, что в этом плане опять-таки наблюдается согласование с Арбитражным процессуальным кодексом РФ 1992 г.: согласно ему государственные арбитражные суды также обладали компетенцией решать споры с участием иностранных лиц и организаций с иностранными инвестициями в случае согласия на это сторон спора). Поэтому можно считать, что истинный смысл статьи 1 “Временного положения” состоял в лишении российских третейских судов компетенции рассматривать споры с участием иностранных лиц и организаций с иностранными инвестициями, и что, соответственно, в действительности “Временное положение” не имеет никакого отношения к исследуемой проблеме: в нем говорится только о том, что государственные арбитражные суды разрешают исполнение решений российских третейских судов, а вопрос о компетенции разрешать исполнение решений иностранных третейских судов или решений международного коммерческого арбитража в нем просто не затрагивается.

Однако при формулировании статьи 1 “Временного положения” не было

учтено, что в нем говорится не только о компетенции российских третейских судов, но и о том, что исполнение их решений осуществляется по разрешению государственных арбитражных судов. В результате этого и благодаря исключению в статье 1 “Временного положения” все-таки представляется более верным считать, что государственные арбитражные суды прямо лишены компетенции разрешать исполнение решений по спорам, в которых одна из сторон находится вне России или является организацией с иностранными инвестициями. А именно к таким решениям и относятся решения иностранных третейских судов или решения международного коммерческого арбитража.

Отсутствие во “Временном положении” прямого указания на лишение государственных арбитражных судов такой компетенции и утверждения о том, что такое лишение его целью не являлось, ничего не значит: в условиях наличия в статье 1 этого “Временного положения” общего исключения ничто не указывает на то, что оно не должно распространяться и на вопрос разрешения государственных арбитражными судами исполнения указанных решений.

Но коль скоро государственные арбитражные суды в силу статьи 1 “Временного положения” не обладают компетенцией разрешать исполнение решений иностранных третейских судов или решений международного коммерческого арбитража (если стороны не договорились об ином), то было бы разумно предположить, что точно такой же режим должен существовать и для решений иностранных государственных судов. В противном случае имела бы место ситуация, при которой решения иностранных третейских судов или решения международного коммерческого арбитража разрешали бы приводить в исполнение суды общей юрисдикции, а решения государственных иностранных судов — государственные арбитражные суды. Само собой разумеется, что ее существование было бы не только нежелательно, но и абсурдно, ввиду чего не остается ничего иного, как утверждать о том, что в свете “Временного положения” государственные арбитражные суды на сегодняшний день не обладают компетенцией разрешать исполнение и решений иностранных судов. При этом соглашение сторон спора на такую компетенцию еще ничего не значит: “Временное положение” допускает такое соглашение только в отношении процедуры третейского разбирательства, а не судебного.

Следует также отметить, что не являются правильными любые утверждения о том, что “Временное положение” принималось в то время, когда государственные арбитражные суды вообще не обладали компетенцией рассматривать дела с участием иностранных лиц (за двумя исключениями: когда это было предусмотрено международным договором Российской Федерации или соглашением сторон спора), и что ввиду этого, после того как согласно Арбитражному процессуальному кодексу РФ 1995 г. государственные арбитражные суды получили такую компетенцию, соответствующие положения статьи 1 “Временного положения” не имеют силы. Как известно, в 1997 г. данное “Временное положение” подверглось корректировке путем внесения в него изменений Федеральным законом от 16 ноября 1997 г. № 144-ФЗ. При этом статья 1 “Временного положения” была поправлена только в той части, которая не имеет никакого отношения к рассматриваемым в настоящей работе вопросам. Соответственно, во всех других частях статья 1 “Временного положения” несомненно является действующей: законодатель хотя и имел возможность ее изменить, однако этого не сделал, пусть даже по недосмотру, а не преследуя какие-то правовые цели.

Таким образом, исходя из “Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров” можно утверждать, что государственные арбитражные суды лишены компетенции разрешать исполнение иностранных решений, за исключением решений иностранных третейских судов или решений международного коммерческого арбитража, причем только тех, в отношении которых стороны спора договорились о применении “Временного положения”.

Попутно заметим, что государственные арбитражные суды также не обладают

компетенцией разрешать исполнение иностранного решения, даже если оно вынесено по спору между только российскими лицами, ни одно из которых не находится вне России и не является российской организацией с иностранными инвестициями. Такая ситуация вполне возможна благодаря институтам пророгационных соглашений и неисключительной подсудности. Представляется, что один тот факт, что решение является иностранным, лишает российские государственные арбитражные суды компетенции разрешать его исполнение в России: по меньшей мере этот вывод верен исходя из того, что ни один действующий нормативный акт такой компетенцией его не наделяет, а отдает предпочтение судам общей юрисдикции.

Также заметим, что, исходя из “Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров”, можно утверждать, что ничто не препятствует тому, чтобы государственные арбитражные суды разрешали принудительное исполнение решений международного коммерческого арбитража, проходившего на территории России (за исключением МКАС и МАК при ТПП РФ), при условии, что сторонами спора являлись лица, ни одно из которых не находится вне России и не является российской организацией с иностранными инвестициями. В самом деле, согласно пункту 2 статьи 1 Закона “О международном коммерческом арбитраже”⁴⁴ в такой арбитраж могут передаваться споры следующих “исключительно” российских лиц: а) любых субъектов, один из которых имеет вне России коммерческое предприятие, с которым связан спор (такое вполне возможно: этот субъект может иметь личный статусом российский закон, в то время как его предприятие как объект торгового оборота может находиться вне России); б) участников предприятий с иностранными инвестициями (очевидно, что в статье 1 имеются в виду ситуации, когда участником спора является иностранный инвестор и российское лицо. Однако из-за нечеткости формулировки ничто с формальной точки зрения не мешает тому, чтобы в международный коммерческий арбитраж могли обратиться два “исключительно” российских лица, каждое из которых наряду с иностранным инвестором является участником предприятия с иностранными инвестициями). Далее, спор таких лиц может быть рассмотрен не только международным коммерческим арбитражем в России, но и государственным арбитражным судом. Следовательно, он может быть рассмотрен и третейским судом, упомянутым во “Временном положении о третейском суде для разрешения экономических споров”⁴⁵. При этом ни в таком “Временном положении”, ни в Законе “О международном коммерческом арбитраже” ничто не препятствует тому, чтобы международный коммерческий арбитраж, проходящий в России и рассматривающий спор между вышеупомянутыми лицами, квалифицировать как “*третейский суд*” в том смысле этого понятия, который придается ему в этом “Временном положении”⁴⁶. Соответственно, согласно предписаниям последнего, государственные арбитражные суды по месту нахождения такого международного коммерческого арбитража будут компетентны разрешить исполнение решения последнего в России путем выдачи исполнительного листа⁴⁷.

Однако этот отмеченный нюанс, сам по себе довольно любопытный, для дальнейшего анализа не имеет никакого значения, поскольку предметом рассмотрения в настоящей статье являются иностранные решения, а не решения, вынесенные в России, пусть даже и международным коммерческим арбитражем.

Ввиду сказанного можно утверждать, что, помимо “Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров”, допускающего наличие у государственных арбитражных судов компетенции разрешать исполнение решений иностранных третейских судов или решений международного коммерческого арбитража при условии наличия особого на то соглашения сторон, единственным имеющим силу нормативным основанием, учитывая и международные договоры Российской Федерации (за исключением Соглашения о сотрудничестве хозяйственных, арбитражных судов Республики Беларусь, Российской

Федерации и Украины (Минск, 21 декабря 1991 г.)), на основе которого наименее косвенным образом, по сравнению с другими нормативными актами, можно было бы утверждать о наличии у государственных арбитражных судов компетенции разрешать исполнение иностранных решений, является Федеральный закон "Об исполнительном производстве", в пункте 1 статьи 7 которого говорится о том, что исполнительными документами являются исполнительные листы, выдаваемые судами, с учетом того, что под судами этот закон понимает, в том числе, и государственные арбитражные суды. Но даже если отвлечься от того, что такой пункт 1 статьи 7 можно толковать как свидетельствующий точно так же в пользу упомянутой компетенции судов общей юрисдикции, является вполне очевидным, что данное очень косвенное указание оказывается крайне слабым аргументом в пользу наличия у государственных арбитражных судов такой компетенции. Других же нормативных аргументов в российском позитивном праве или в международных договорах Российской Федерации либо просто не имеется, либо они очень неясны и имеют еще более косвенный характер.

В то же время, как уже говорилось, в российском праве имеются нормативные акты, прямо указывающие на то, что единственно компетентными судами для разрешения приводить в исполнение иностранные решения являются суды общей юрисдикции. Как было показано выше, хотя они и являются актами органов Союза ССР, тем не менее они не противоречат позднему российскому регулированию. Более того, в таком позднейшем регулировании имеется подтверждение того, что именно суды общей юрисдикции являются на сегодняшний день единственно компетентными разрешать исполнение иностранных решений.

Так, согласно пункту 2 статьи 6 и статье 34 Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже" решение международного коммерческого арбитража, вынесенное в России, может быть отменено только судом общей юрисдикции второй инстанции. При этом очень существенно то, что устанавливаемый данным Законом в статье 34 перечень оснований для отмены такого решения совпадает с перечнем указанных в статье 36 этого же Закона оснований для отказа в признании или приведении в исполнение решения международного коммерческого арбитража, вынесенного как в России, так и за рубежом. В связи с этим встает вопрос: коль скоро компетентным для отмены решения признается суд общей юрисдикции второй инстанции, то почему бы не считать, что именно этот же суд имеется в виду в статье 35 Закона "О международном коммерческом арбитраже", просто упоминающей о "компетентном суде" для приведения в исполнение решения международного коммерческого арбитража? В таком случае никакого противоречия между Законом "О международном коммерческом арбитраже", статьей 1 "Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров" и Указом Президиума ВС СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-ХІ "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей" не возникает. Напротив, они в данном отношении идеально "стыкуются".

Наконец, можно указать и то, что Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, в письме от 25 августа 1993 г. № С-13/ОСЗ-268 "В связи с принятием Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже" высказал следующее мнение применительно к Международному коммерческому арбитражному суду при ТПП РФ и Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ: *"Признание и приведение в исполнение решений этих арбитражных учреждений производится общими судами"*. Соответственно, коль скоро Закон "О международном коммерческом арбитраже" устанавливает одинаковую процедуру для признания и приведения в исполнение решений международного коммерческого арбитража, вынесенных как в России, так и за рубежом, то вопросы признания и приведения в исполнение решений иностранных международных арбитражей также должны рассматриваться судами общей юрисдикции, а не государственными

арбитражами судами. Но если это так, то сложно предположить, что действующее законодательство предлагает вопросы признания и приведения в исполнение решений иностранных международных арбитражей рассматривать судам общей юрисдикции, а вопросы признания и приведения в исполнение решений иностранных государственных судов — российским государственным арбитражным судам. Нет, согласно ныне действующим нормативным актам последние вопросы также входят в компетенцию только судов общей юрисдикции.

На основании всего вышеизложенного можно сформулировать следующий вывод: содержание действующего на сегодняшний момент российского законодательства позволяет считать, что компетентными разрешать исполнение иностранных решений однозначно являются только суды общей юрисдикции, в то время как государственные арбитражные суды лишены компетенции разрешать их исполнение, за исключением решений иностранных третейских судов или решений международного коммерческого арбитража, причем только тех, в отношении которых стороны спора договорились о применении “Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров”. При этом любые попытки обращения к международным договорам Российской Федерации, заключенным, в том числе, в рамках СНГ, на данный вывод влиять никак не могут: среди последних отсутствуют такие, в которых однозначно бы утверждалось о наличии подобной компетенции у государственных арбитражных судов (за исключением упоминавшегося выше Соглашения о сотрудничестве хозяйственных, арбитражных судов Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины (Минск, 21 декабря 1991 г.), значение которого, однако, весьма незначительно).

В связи с этим нельзя согласиться с указанием на то, что “В силу того обстоятельства, что в России все еще действует законодательство СССР (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г.), существует мнение, что арбитражные суды не исполняют решений по хозяйственным спорам судов иностранных государств, не подписавших Киевское соглашение”⁴⁸. Во-первых, как полагает автор настоящей статьи, факт отсутствия у государственных арбитражных судов компетенции разрешать исполнение иностранных решений является не просто мнением, а нормативно закрепленным во внутреннем российском праве положением вещей (за исключением случая с соглашением о применении к решению иностранного третейского суда “Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров”). Во-вторых, как было показано выше, государственные арбитражные суды не обладают компетенцией исполнять решения также и судов государств, подписавших Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.).

7. ОЦЕНКА СЛОЖИВШЕГОСЯ ПОЛОЖЕНИЯ ВЕЩЕЙ

Но, несмотря на отсутствие компетенции разрешать исполнение иностранных решений, государственные арбитражные суды в своей практике пошли по пути признания ее за собой, вступив в “борьбу за юрисдикцию” с судами общей юрисдикции. При этом, если подобная конкуренция юрисдикций изначально складывалась в российской правоприменительной практике стихийно, то на текущий момент она приобрела уже осознанный характер.

Можно отметить и то, что на сегодняшний день сложившаяся в российской правоприменительной практике конкуренция между судами общей юрисдикции и государственными арбитражными судами по вопросу обладания компетенцией разрешать исполнение в России иностранных решений, обуславливая значительную неопределенность в данном вопросе, создает предпосылки, с одной стороны, для выбора заинтересованными лицами максимально выгодного для защиты их субъектных интересов того или иного суда, каждый из которых может считать себя компетентным, а с другой — для процессуальных злоупотреблений (в виде такого явления как *forum shopping* в пределах российской судебной системы). В самом

деле, ничто не препятствует тому, чтобы должник всячески недобросовестно доказывал суду общей юрисдикции, рассматривающему ходатайство об исполнении иностранного решения, что на самом деле он не компетентен решать этот вопрос.

Далее, не вызывает сомнений и то, что такая правоприменительная практика государственных арбитражных судов скоро получит санкционирование в какой-либо форме в нормативном регулировании. В самом деле, сделав один шаг и наделив государственные арбитражные суды компетенцией рассматривать споры с участием иностранных лиц и организаций с иностранными инвестициями, в сложившейся на сегодня ситуации нельзя отказываться делать другой шаг, отрицая возможность наделения таких судов компетенцией разрешать исполнение определенных видов иностранных решений.

Не входя в обсуждение моментов, лежащих в сфере политики и целесообразности, можно утверждать, что с правовой точки зрения ничто не препятствует наделению государственных арбитражных судов такой компетенцией. Кроме того, наделение их ей ничем принципиально новым для российского права, по большому счету, являться не будет: эти суды и так уже обладают компетенцией рассматривать дела, схожие с разрешением исполнения иностранных решений. Как известно, в России существуют два вида “внутренних” третейских судов: для рассмотрения экономических споров (о которых уже говорилось выше) и для рассмотрения гражданско-правовых споров между физическими лицами (действующие согласно Приложению № 3 “Положение о третейском суде” к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР 1964 г.). Соответственно, существует и юрисдикционный дуализм в сфере разрешения принудительного исполнения их решений: государственные арбитражные суды, как уже указывалось выше, разрешают исполнение решений первых, а суды общей юрисдикции — вторых⁴⁹. По этой причине наделение государственных арбитражных судов компетенцией разрешать исполнение иностранных решений будет означать не нечто принципиально новое, а только дальнейшее расширение их полномочий, хотя и на новом уровне: как уже говорилось выше, разрешение исполнения решений “внутренних” третейских судов с правовой точки зрения аналогично разрешению исполнения иностранных решений, тем более учитывая, что среди последних фигурируют решения иностранных третейских судов и решения международного коммерческого арбитража.

Бесспорно то, что наделение государственных арбитражных судов компетенцией разрешать исполнение иностранных решений будет являться усложнением правового регулирования. Однако такое усложнение вовсе не означает автоматического ухудшения регулирования, при условии квалифицированного подхода к делу.

Действительно, на основании неудовлетворительной ситуации, сложившейся в сфере приведения иностранных решений в исполнение, можно утверждать, что специфика правоотношений с иностранным элементом подобно увеличительно-му стеклу ярко показывает нежелательность сложившегося в России частноправового юрисдикционного дуализма и что ему следовало бы уж лучше предпочесть частноправовой материальный дуализм; что установление юрисдикционного дуализма в сфере приведения в исполнение иностранных решений будет крайне нежелательным и опасным; что имеющая место в российских условиях конкурирующая частноправовая юрисдикция очень далека, например, от конкурирующей юрисдикции судов, продолжавшейся в Англии в течение нескольких веков и сыгравшей очень положительную роль для английского права; что в современных российских реалиях аналогом английских судов права справедливости выступает скорее международный коммерческий арбитраж и пока еще маловероятно, что те достойные принципы, которые лежат в его основе, одержат верх. Следует согласиться, что для России по ряду причин более предпочтительным было бы использование одного вида судов как для споров между всеми без исключения

субъектами права, так и для исполнения иностранных решений. Однако, с одной стороны, это задача будущего, тогда как сегодня следует исходить из имеющихся реалий, а с другой — все отмечавшиеся выше опасности несколько преувеличены. Представляется, что введение в российское право нового развитого и адекватного регулирования порядка исполнения иностранных решений могло бы эффективно решить все имеющиеся на сегодняшний день проблемы, включая проблему юрисдикционного дуализма в сфере приведения их в исполнение.

Тем не менее, несмотря на то, что государственные арбитражные суды с правовой точки зрения могут и должны быть наделены компетенцией разрешать исполнение иностранных решений, это совсем не значит, что до момента внесения соответствующих изменений в законодательство они должны продолжать свою практику рассмотрения ходатайств о разрешении приведения таких решений в исполнение, за исключением случая, когда речь идет о решении иностранного третейского суда или решении международного коммерческого арбитража, при условии, что стороны спора договорились о применении “Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров” (равно как и за исключением того указанного выше сомнительного случая, когда речь идет о решении государственных арбитражных (хозяйственных) судов Белоруссии и Украины).

Понять сторонников мнения о том, что государственные арбитражные суды обладают компетенцией разрешать исполнение иностранных решений, можно: отказ последних признать за собой такую компетенцию означает признание ими своей “слабости”, что в процессе “борьбы за юрисдикцию” недопустимо. При этом соображения соблюдения закона (пусть и несовершенного, но действующего) приносятся в жертву соображениям целесообразности. Представляется, что это далеко не первый случай подобного рода в практике государственных арбитражных судов. Правда, в отличие от преобладающего количества подобных случаев, в которых соображения целесообразности далеко не всегда были продиктованы стремлением к справедливости, в рассматриваемой ситуации однозначно утверждать о том, что несоблюдение действующего законодательства одновременно нарушает и принципы справедливости, нельзя.

Тем не менее представляется, что на сегодня для Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации гораздо более продуктивным было бы выступить с законодательной инициативой и представить проект нормативного акта, устанавливающего качественное регулирование порядка исполнения в России иностранных решений и предусматривающего наделение государственных арбитражных судов компетенцией разрешать их исполнение, чем допускать складывающуюся практику государственных арбитражных судов, состоящую в признании ими за собой такой компетенции, которая, как уже говорилось, на действующем нормативном регулировании не основана: никакие соображения *de lege ferenda* не могут оправдывать несоблюдение действующего регулирования, которое, к тому же, несправедливым не является, а предоставляет достаточные средства для защиты права лиц, желающих добиться принудительного исполнения в России иностранного решения. Впрочем, приняв Постановление от 11 июня 1999 г. № 8 “О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса”, Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации продемонстрировал, что половинчатые решения, основанные на целесообразности, являются для него более предпочтительными, чем стопроцентный правовой подход. С другой стороны, именно такая половинчатость позволяет предположить, что вскоре должен будет появиться нормативный акт, предусматривающий наделение государственных арбитражных судов компетенцией разрешать исполнение иностранных решений (если он уже не появился к моменту публикации настоящей статьи). Его появление, будет, кстати говоря, еще одним доказательством того, что согласно ныне действующему законодательству арбитражные суды такой компетенцией на основании внутреннего россий-

ского права на момент написания настоящей статьи еще не обладали (за исключением ранее упомянутого случая с “Временным положением о третейском суде для разрешения экономических споров”).

8. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СИТУАЦИИ, СЛОЖИВШЕЙСЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ РЕШЕНИЙ

В заключение настоящей статьи хотелось бы указать на некоторые дополнительные соображения, связанные с проблемой, рассмотренной выше.

1. Прежде всего, в современном российском праве регулирование такого актуального и очень сложного вопроса⁵⁰, как приведение в исполнение иностранных решений, устарело и не учитывает многие реалии: *“Необходимо признать, что механизм исполнения решений иностранных судов по хозяйственным спорам в России еще далек от совершенства”*⁵¹. Между тем, интенсификация международного гражданского и торгового оборота и дальнейшее упрочение международного коммерческого арбитража будут неизбежно продолжаться и делать такие недостатки российского регулирования все более рельефными.

Нет особой нужды подробно обосновывать значение адекватного регулирования в отечественном праве вопросов исполнения в России иностранных решений. От него зависит не только процедура приведения в исполнение конкретного решения, но в более далекой перспективе и положение российских участников внешнеэкономической деятельности в международном торговом обороте, а также отношение к ним и к российскому праву со стороны других участников данного оборота. Более того, отсутствие адекватного регулирования этих вопросов в России может создавать в иностранных государствах сложности с исполнением российских решений, вынесенных в пользу российских субъектов права, что вряд ли будет способствовать развитию российской экономики: иностранные субъекты какого-либо государства, столкнувшись при исполнении иностранных судебных решений в России со сложностями, могут настаивать на принятии каких-либо мер против российских субъектов, пытающихся исполнить в таком государстве вынесенное в их пользу российское решение.

Тем не менее, законодатель продолжает относиться к вопросу об исполнении в России иностранных решений весьма формально и невнимательно. Критике можно подвергнуть и то, что некоторые положения Закона Российской Федерации “О международном коммерческом арбитраже” от 7 июля 1993 г. были дословно и механистически заимствованы из Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г.⁵² без учета особенностей российского права⁵³, и, тем более, то, каким образом в Федеральном законе от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ “Об исполнительном производстве” регулируются вопросы исполнения иностранных решений. Это регулирование настолько беспомощно, что можно утверждать, что Федеральный закон “Об исполнительном производстве” не выполняет очень важную функцию и является для исполнения иностранных решений бесполезным.

В отношении Федерального закона “Об исполнительном производстве” можно также упомянуть о том, что пункт 2 его статьи 80 “Исполнение решений иностранных судов и арбитражей” устанавливает, что *“Исполнительный лист, выданный судом Российской Федерации на основании решения иностранного суда, может быть предъявлен к исполнению в течение трех лет с момента вступления решения в законную силу”*, в то время как продолжающая действовать статья 437 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. предусматривает: *“Решение иностранного суда или арбитража может быть предъявлено к принудительному исполнению в течение трех лет с момента вступления решения в законную силу”*. В итоге возможны ситуации, когда решение иностранного суда, исполнение которого российский суд разрешил вчера, сегодня уже нельзя будет исполнить (хотя

их возникновение маловероятно, тем более принимая во внимание, что в международных договорах Российской Федерации, допускающих исполнение решений иностранных судов, не всегда встречается указание на истечение срока предъявления решения к исполнению как основание отказа в исполнении решения, ввиду чего статья 437 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. может оказаться неприменимой). Кроме того, не совсем понятно, почему в пункте 2 статьи 80 Федерального закона "Об исполнительном производстве" ничего не говорится об иностранных арбитражах, и это при всем при том, что в пункте 1 этой же самой статьи они упоминаются⁵⁴?

Можно также задаться вопросами о том, что в подпункте 1 пункта 1 статьи 7 "Перечень исполнительных документов" Федерального закона "Об исполнительном производстве"⁵⁵ понимается под *"иными третейскими судами"*, указание на которые идет сразу за упоминанием о международном коммерческом арбитраже (причем слово *"международный"*, стоящее в начале предложения, в официальном тексте, опубликованном в "Собрании законодательства Российской Федерации", почему-то начинается с заглавной буквы): российские третейские суды или иностранные, либо и те и другие?; что там же понимается под *"иностранными арбитражами"*, указание на которые идет сразу за упоминанием об иностранных судах: иностранные третейские или государственные суды? Если в последнем случае имеются в виду иностранные государственные суды, подобные тем, которые в России именуются *"арбитражными судами"*, то зачем нужно было о них упоминать после указания на государственные суды? Если же в этом случае имеются в виду иностранные третейские суды, то как соотнести такое указание с упоминанием в предыдущей строчке такого подпункта 1 о *"международном коммерческом арбитраже"* и *"иных третейских судах"*? Если для избежания противоречия под *"иными третейскими судами"* понимать только российские третейские суды, то встает юридико-технический вопрос о том, зачем указание на них следовало делать после упоминания о международном коммерческом арбитраже, который обладает все же несколько иными особенностями по сравнению с внутренними третейскими судами?

Стоит взглянуть на статью 14 Федерального закона "Об исполнительном производстве"⁵⁶, в которой упоминается о международном коммерческом арбитраже (причем слово *"международный"*, стоящее в начале предложения, опять-таки почему-то начинается с заглавной буквы) и просто об иных третейских судах, а об иностранных арбитражах ничего не упоминается, и ситуация еще больше запутывается, тем более если вспомнить о содержании продолжающей действовать статьи 437 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г., где говорится об иностранных арбитражах, причем под ними понимаются именно иностранные третейские суды. При этом далее в пункте 1 статьи 80 Федерального закона "Об исполнительном производстве", как уже упоминалось, говорится опять-таки об *"иностранных судах и арбитражах"*.

Представляется, что такое положение вещей с "культивированием" неточностей в российском праве стало уже своего рода традицией. Обращение к истории вопроса об исполнении иностранных решений в отечественном праве позволяет в этом убедиться с наглядностью и увидеть, что неточности сопровождали регулирование исполнения таких решений с самого момента его появления. Так, статья 1273 Устава гражданского судопроизводства Российской Империи предусматривала: *"Решения судебных мест иностранных государств исполняются на основании правил, установленных по сему предмету взаимными трактатами и договорами. В тех случаях, когда ими не установлены самые правила исполнения, соблюдается порядок, изложенный в следующих статьях"*⁵⁷. В 1873 г. Правительствующий Сенат в деле Теодориди, основываясь на данной статье, пришел к выводу о том, что при наличии в международных договорах правил об исполнении иностранных решений суды Империи должны руководствоваться ими. В том же случае, когда договора не существует, российские суды, невзирая на этот факт,

должны все равно разрешать исполнение иностранного решения в соответствии с иными положениями Устава гражданского судопроизводства⁵⁸. Иными словами, Правительствующий Сенат признал за иностранными решениями силу *rei judicatae* (при условии соблюдения статей 1279 и 1281 Устава гражданского судопроизводства, соответственно устанавливающих, что *“Судебные места, при рассмотрении сих дел, не входят в обсуждение существа спора, разрешенного судами иностранных государств, но лишь определяют: не заключает ли в себе рассматриваемое решение таких распоряжений, которые противны общественному порядку, или не допускаются законами Империи”*, а также что *“Решения судебных мест государств иностранных не приводятся в исполнение и не имеют никакой силы в Империи, если ими разрешаются иски о правах собственности на недвижимые имущества, в России находящиеся”*⁵⁹), указав лишь на то, что порядок исполнения определяется либо на основании соответствующего международного договора, либо на основании внутренних процессуальных норм Российской Империи: *“Исполнение в России решения иностранного суда может быть допущено совершенно независимо от того, в каком государстве постановлено решение, есть ли трактат, разрешающий исполнение решений судов этого государства в России, допускается ли в этом государстве исполнение решений русских судебных мест, и поставлено в зависимость от совершенно иных условий, а именно требуется только разрешение суда Империи”*⁶⁰.

Однако в 1882 г. в деле Шипова Правительствующий Сенат пришел в отношении исполнения иностранных решений к совершенно другому выводу: *“Прав. Сенат нашел, что за неизменем в действующих законах положительного разрешения приводить их в исполнение, заключение о неисполнимости их в России вытекает уже из того основного положения, по которому в России могут иметь силу и почитаться действительными решения, исходящие лишь от таких учреждений, коим право постановления решений предоставлено существующей в России верховной властию. Из чего следует, что решения иностранных судов, действующих не от имени и не по уполномочию Российской верховной власти, сами по себе не могут иметь в России никакого значения, без предоставления им такого значения каким-либо актом российской верховной власти, т.е. или действующим в России законом или заключенным с иностранным государством договором. А как в действующих у нас законах не содержится, кроме ст. 1273-1281 уст. гр. суд., никакого указания на разрешение приводить в исполнение в России решения судов иностранных государств, статьи же 1273-1281 относятся исключительно к решениям судов тех государств, с которыми существуют договоры о взаимном исполнении судебных решений, то из сего следует заключить, что решения судов тех государств, с которыми нет договоров о взаимном их исполнении, столь же необязательны к исполнению в России, так и всякие административные распоряжения, исходящие от иностранных властей. (Реш. гр. кас. деп. 1882 г., № 58)”*⁶¹.

И в самом деле, статья 1273 Устава гражданского судопроизводства Российской Империи была весьма нечеткой, что и позволяло толковать ее двумя совершенно противоположными способами. В российской доктрине конца прошлого века даже разгорелась дискуссия по поводу предпочтения того или иного толкования: так, Ф.Ф. Мартенс выступал за толкование, предложенное в деле Теодориди⁶², а И.Е. Энгельман — за толкование, предложенное в деле Шипова⁶³, подвергнув решение по делу Теодориди, как высказался Т.М. Яблочков, резкой и обстоятельной критике⁶⁴.

Казалось бы, подобная неточность относится к далекому прошлому. Однако можно легко убедиться в обратном, если взглянуть на пункт 1 статьи 80 Федерального закона “Об исполнительном производстве”, который предусматривает: *“Порядок исполнения в Российской Федерации решений иностранных судов и арбитражей определяется соответствующими международными договорами Российской Федерации и настоящим Федеральным законом”*.

Сравнивая статью 1273 Устава гражданского судопроизводства Российской

Империи и только что процитированный пункт, можно убедиться в том, что они весьма похожи, хотя, впрочем, последний является несколько более точным за счет указания на внутренний закон, что в целом не удивительно, учитывая прогресс юридической техники за прошедшие более чем сто лет. И хотя на сегодняшний день предпосылки следования по пути Правительствующего Сената для российских судов законодательством устранена (хотя бы Указом Президиума ВС СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI “О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей”, в котором прямо указано, что иностранные решения исполняются, если это предусмотрено международным договором), совсем не исключено то, что каким-либо российским судом пункт 1 статьи 80 Федерального закона “Об исполнительном производстве” будет подвергнут такому же толкованию, к которому прибегнул в 1873 г. Правительствующий Сенат в деле Теодориди. При всем при этом не может не вызывать интерес то, что Федеральный закон “Об исполнительном производстве” вопросам исполнения иностранных решений уделяет ничтожное внимание, ввиду чего норма пункта 1 его статьи 80 звучит несколько самонадеянно.

Если же быть более точным, то представляется, что такой пункт 1 статьи 80 является не более чем калькой (хотя и усовершенствованной) с нормы статьи 437 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. (*“Порядок исполнения в РСФСР решений иностранных судов и арбитражей определяется соответствующими международными договорами СССР”*⁶⁵) и аналогичной нормы статьи 63 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и республик 1961 г., которая, в свою очередь, основывалась на норме Приложения к статье 255 Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР 1923 г.⁶⁶ (*“Порядок исполнения решений иностранных судов определяется специальными соглашениями с подлежащими государствами”*), а вот уже последняя имела несомненную связь со статьей 1273 Устава гражданского судопроизводства Российской Империи. В самом деле, и приведенная норма статьи 437 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г., и норма статьи 63 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и республик 1961 г., и норма Приложения к статье 255 Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР 1923 г. были сформулированы не совсем корректно, что давало основания для следующего вывода: *“Такой текст постановления, говорящий только о порядке исполнения, как будто дает понять, что для советских законодателей самый вопрос об исполнении не вызывает никаких сомнений: они подлежат исполнению, но о порядке необходимо договориться с соответственным иностранным государством”*⁶⁷. Продолжая такое толкование, можно было прийти к выводу о том, что в отсутствие международного договора порядок исполнения должен определяться внутренними нормами права, в то время как сама возможность исполнения даже в отсутствие такого договора сомнений вызывать не может.

Вот таким образом в отечественном праве правовая неточность в регулировании исполнения иностранных решений, появившись более ста лет назад, регулярно себя воспроизводила и продолжает существовать и сегодня. Тем не менее, все это свидетельствует, по меньшей мере, о преемственности традиций в российском праве.

Далее, совсем не впечатляет и проект приложения № 2 “Исполнение в Российской Федерации решений иностранных судов и арбитражей” к Гражданскому процессуальному кодексу РФ⁶⁸: он представляет собой немного улучшенный вариант Указа Президиума ВС СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI “О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей” (который также совсем не свободен от недостатков). Не говоря о том, что такое приложение № 2 могло бы быть и более подробным, следует подчеркнуть, что в нем обходится полным молчанием проблема конкурирующей компетенции судов общей юрисдикции и государственных арбитражных судов по вопросам исполнения иностранных решений. Кроме того, в этом приложении иностранные решения предлагается приводить в исполнение, только если это предусмотрено

международными договорами Российской Федерации либо на началах взаимности (при этом никак не подвергая более подробному регулированию очень непростой институт взаимности), а о том, что такое же может быть предусмотрено федеральными законами Российской Федерации, не говорится ни слова. В современных условиях это означает не что иное, как отказ придать законодательной политике России по рассматриваемому вопросу необходимую гибкость, равно как и приверженность устаревшему подходу советского права, для которого проблема приведения в исполнение иностранных решений большой актуальностью не обладала.

2. Вышеизложенное является однозначным указанием на насущную необходимость введения в российское внутреннее право нового регулирования порядка исполнения иностранных решений. Оно может иметь форму либо внесения изменений в Федеральный закон “Об исполнительном производстве”, либо форму принятия отдельного Федерального закона, либо форму внесения соответствующих положений одновременно в Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Гражданский процессуальный кодекс РСФСР.

Как уже говорилось, коль скоро государственные арбитражные суды уже обладают компетенцией рассматривать споры с участием иностранных лиц и стремятся обладать компетенцией разрешать исполнение иностранных решений, их не следует исключать из перечня тех органов, которые будут решать вопрос об исполнении таких решений. Однако в таком случае данную компетенцию необходимо разграничить между ними и судами общей юрисдикции очень тщательно в зависимости от видов иностранных решений, могущих быть исполненными в России. Очевидно, что изначальными критериями для этого должны быть те же, которые использовались для разграничения компетенции этих судов по рассмотрению частноправовых споров.

Представляется, что самое главное при этом — избежать абстрактных формулировок и придать нормам о разграничении компетенции максимально точный и конкретный характер. Это очень и очень сложная и ответственная задача, которая тем не менее должна быть решена. В противном случае “борьба за юрисдикцию” в этом вопросе со всеми вытекающими из нее неопределенностью и возможностью процессуальных злоупотреблений сохранится. В крайнем случае, при невозможности избежания абстрактных формулировок, такое разграничение компетенции может быть установлено совместным постановлением Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, подобным Постановлению Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 18 августа 1992 г. № 12/12 “О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам”⁶⁹.

Кроме того, наделение государственных арбитражных судов компетенцией разрешать исполнение иностранных решений потребует согласования с некоторыми российскими нормативными актами, в частности:

а) с Законом “О международном коммерческом арбитраже”. Как уже говорилось, в этом Законе вопрос о суде, обладающем компетенцией разрешать исполнение решений международного коммерческого арбитража, не решен. Зато в нем установлено, что решать вопрос об отмене решения международного коммерческого арбитража компетентен суд общей юрисдикции второй инстанции по месту нахождения международного коммерческого арбитража в России. Соответственно, после наделения государственных арбитражных судов компетенцией разрешать исполнение иностранных решений может возникнуть следующая ситуация: отменять решения таких арбитражей будут суды общей юрисдикции, а решать вопрос о разрешении исполнения решений иностранного международного коммерческого арбитража — государственные арбитражные суды. Очевидно, что следует искать какой-то выход из такой ситуации;

б) с “Временным положением о третейском суде для разрешения экономических споров”, часть 2 статьи 1 которого предусматривает: “Если иное не

установлено соглашением сторон, настоящее Положение не применяется, когда хотя бы одна из сторон находится на территории другого государства либо является предприятием, организацией с иностранными инвестициями". Представляется, что эта норма должна быть в конечном итоге из "Временного положения" исключена; в) с разрабатываемым в настоящее время проектом Закона РФ "О третейских судах".

При отсутствии указанного согласования ситуация с исполнением иностранных решений в российском праве станет еще более запутанной.

Следует особо отметить, что суть части 3 статьи 1 "Временного положения", устанавливающей, что *"Настоящее Положение не распространяется на организацию и деятельность Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации и Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации"*, должна быть в новом регулировании сохранена, так чтобы в итоге решения МКАС, равно как и МАК при ТПП РФ, отменялись и исполнялись именно по решению Московского городского суда: так требует их особые специфика, история и значение в российском праве, равно как и то обстоятельство, что Арбитражный суд г. Москвы может проявлять своего рода правовую "ревность" по отношению к ним, обуславливающую предвзятость, что совсем не исключено, учитывая сильное пересечение их компетенции.

Вместе с тем, учитывая, что, помимо МКАС и МАК при ТПП РФ, в России могут существовать и другие международные коммерческие арбитражи, необходимо решить вопрос и со статусом их решений: либо приравнять их к иностранным решениям (такое вполне возможно: достаточно взглянуть на пункт 1 статьи I Нью-Йоркской конвенции 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений⁷⁰⁾, либо считать их решениями "внутренних" третейских судов, обладающими, однако, своей спецификой.

Также представляется необходимым предусмотреть в новом регулировании то, что иностранные решения исполняются в России не только в случаях, предусмотренных международным договором (как это устанавливается в Указе Президиума ВС СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей"): они также должны исполняться в случаях, предусмотренных федеральными законами Российской Федерации, либо на началах взаимности (при условии урегулирования вопросов, связанных с таким институтом взаимности).

Как уже говорилось, такие основания допущения исполнения иностранных решений российскому праву уже известны (ввиду чего они должны только найти полномасштабное и окончательное закрепление): речь идет о Законе Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже", допускающем в статье 36 исполнение в России решения иностранного международного коммерческого арбитража *"независимо от того, в какой стране оно было вынесено"* (в том числе и в отсутствие международного договора об исполнении иностранных решений с государством, где оно было вынесено), а также о Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", пункт 7 статьи 1 которого говорит о том, что *"Решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности (банкротстве) признаются на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации"*.

При отсутствии международных договоров Российской Федерации решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности (банкротстве) признаются на территории Российской Федерации на началах взаимности, если иное не предусмотрено федеральным законом".

Вообще говоря, представляется, что подход, согласно которому иностранные решения исполняются в России только в случаях, предусмотренных международным договором, является одним из не лучших пережитков советского прошлого, в котором международное частное право и международный гражданский процесс успешно развиваться не могли по определению, и от него следует отказаться.

Отдельно следует отметить, что такой подход совсем не способствует развитию международного гражданского и торгового оборота, но только препятствует защите справедливых прав его участников и, более того, не может не влиять неблагоприятно на защиту за границей прав российских субъектов.

Более того, для развития экономики России и упрочения ее положения в мировом хозяйстве было бы гораздо более продуктивным допустить исполнение в России любых иностранных решений (даже вынесенных в государстве, с которым у Российской Федерации не имеется международного договора об исполнении иностранных решений), при соблюдении детализированных особых условий и порядка применительно к каждому типу решений, установленных в специальном федеральном законе. Представляется, что задачам будущего отвечал бы именно такой подход.

Само собой разумеется, что отмеченным выше совершенствование российского регулирования исполнения иностранных решений ограничиваться не должно. Однако вопрос о других конкретных предложениях по такому совершенствованию уже выходит за рамки настоящей работы.

3. Процесс выработки нового развитого и адекватного регулирования порядка исполнения иностранных решений мог бы с наглядностью показать соотношение сил в той "борьбе за юрисдикцию", которая шла в последние годы между судами общей юрисдикции и государственными арбитражными судами. Он также мог бы свидетельствовать об их отношении к такой "борьбе" в будущем и указывать на те тенденции, которые могут присутствовать во взаимном сосуществовании этих судов в будущем.

С одной стороны, те факты, что Верховный Суд Российской Федерации отстаивает право судов общей юрисдикции рассматривать споры с участием иностранных лиц, что проект Гражданского процессуального кодекса РФ исходит из того же, а также наделяет суды общей юрисдикции компетенцией разрешать исполнение иностранных решений, говорят, с одной стороны, о том, что "борьба за юрисдикцию" продолжается, и процесс нахождения взаимоприемлемых подходов может оказаться сложным. С другой стороны, встречающиеся в литературе указания на то, что суды общей юрисдикции иногда отказываются от своей компетенции разрешать исполнение иностранных решений в пользу государственных арбитражных судов, не могут не вызывать некоторого удивления и опасений за степень активности системы судов общей юрисдикции в такой "борьбе за юрисдикцию". Кроме того, качество предлагаемого проектом Гражданского процессуального кодекса РФ регулирования вопросов исполнения иностранных решений свидетельствует о том, что они по-прежнему не находят в отечественном праве должного внимания.

4. Вывод о том, что регулирование исполнения иностранных решений в России очень далеко от совершенства и нуждается в развитии, верен не только в отношении российского внутреннего права, но и в отношении международных договоров Российской Федерации. Вводимое ими регулирование также свидетельствует о невнимании к очень сложному вопросу исполнения иностранных решений.

4.1. Так, статья 8 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.), предусматривает: *"Приведение в исполнение решения производится по ходатайству заинтересованной Стороны.*

К ходатайству прилагаются:

должным образом заверенная копия решения, о принудительном исполнении которого возбуждено ходатайство;

официальный документ о том, что решение вступило в законную силу, если это не видно из текста самого решения;

доказательства извещения другой Стороны о процессе;

исполнительный документ". При этом в статье 7 Соглашения говорится:

*“Государства-участники Содружества Независимых государств взаимно признают и исполняют вступившие в силу решения компетентных судов”, а в его статье 3 устанавливается, что под термином “компетентные суды” следует понимать “суды, арбитражные (хозяйственные) суды, третейские суды”. В итоге встает вопрос: в том случае, если решение вынесено третейским судом государства СНГ, который действовал как международный коммерческий арбитраж, как получить в таком государстве исполнительный документ, учитывая, что на территории этого государства должник не находится и имущества не имеет? Очевидно, что в том случае, когда в законодательстве такого государства не имеется нормы о том, что исполнительный документ на решения международного коммерческого арбитража выдается судом по месту нахождения последнего (а такое вполне возможно: так, в российском праве подобной нормы в отношении международного коммерческого арбитража нет. Вместе с тем она имеется в российском праве в отношении внутренних третейских судов для решения экономических споров⁷⁰), то исполнительный лист получить будет невозможно, и в итоге суд государства, в котором находится должник, ссылаясь на статью 8 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.), и принцип приоритета международного договора над внутренним правом, вполне может отказать в разрешении исполнить такое решение. Подобные случаи в российской правоприменительной практике уже были: автору настоящей статьи известны случаи, когда российские суды отказывались исполнять решения международного коммерческого арбитража, имевшего место на территории государства-участника СНГ, именно со ссылкой на статью 8 Киевского соглашения и отсутствие исполнительного листа. В такой ситуации попытки обращения к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений могут и не помочь, так как пункт 1 ее статьи VII предусматривает: *“Постановления настоящей Конвенции не затрагивают действительности многосторонних или двусторонних соглашений в отношении признания и приведения в исполнение арбитражных решений, заключенных Договаривающимися Государствами, и не лишают никакую заинтересованную сторону права воспользоваться любым арбитражным решением в том порядке и в тех пределах, которые допускаются законом или международными договорами страны, где испрашивается признание и приведение в исполнение такого арбитражного решения”*. Подобные абсурдные ситуации являются ни чем иным, как порождением невнимания к очень сложному вопросу исполнения иностранных решений, выразившимся применительно к Соглашению о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.), в том, что статус третейских судов в нем приравнен к статусу государственных судов. Ввиду этого тот факт, что *“суды признали Киевское соглашение о разрешении хозяйственных споров приоритетным в применении по отношению к Нью-Йоркской конвенции 1958 г.”*⁷², не всегда может вызывать приветствие: в только что приведенном примере было бы гораздо более целесообразным, если бы они признали приоритет Нью-Йоркской конвенции, тем более, что этому не препятствуют ни положения Киевского соглашения, ни сама Нью-Йоркская конвенция. Представляется, что формализм права не должен оправдывать подобные явно абсурдные ситуации.*

Данный пример также показывает, насколько правильным было то, что в Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) регулирование исполнения решений иностранных третейских судов не было включено: его отсутствие в свете Нью-Йоркской конвенции более предпочтительно, чем его наличие в неразвитой форме.

4.2. Такая допущенная в Киевском соглашении невнимательность не повторяется в уже упоминавшемся Соглашении о порядке взаимного исполнения решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов на территориях

государств — участников Содружества (Москва, 6 марта 1998 г.): оно посвящено исполнению решений только государственных судов.

Вместе с тем последнее Соглашение представляет собой на редкость неудачную попытку введения регулирования упрощенного порядка исполнения в рамках СНГ решений государственных судов по хозяйственным спорам. Впрочем, оно является не более чем отражением того далеко не радостного положения вещей, которое имело и имеет место в отечественном праве в отношении исполнения иностранных решений. Это Соглашение настолько интересно именно с точки зрения своей неудачности, что действительно стоит привести его основные положения, тем более что информация о нем не так широко распространена. Итак:

“Статья 1

Настоящее Соглашение определяет порядок взаимного исполнения вступивших в законную силу решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов Договаривающихся Сторон по подведомственным им делам, затрагивающим экономические споры.

Порядок взаимного исполнения судебных решений в случаях, не охватываемых настоящим Соглашением и Соглашением о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, а также по другим категориям судебных дел определяется Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года.

Статья 2

Компетентным судом, решение которого подлежит исполнению на территории другой Договаривающейся Стороны, признается суд Договаривающейся Стороны, который вправе рассматривать споры в соответствии с положениями статьи 4 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности.

Статья 3

Вступившее в законную силу решение компетентного суда одной Договаривающейся Стороны исполняется на территории другой Договаривающейся Стороны в бесспорном порядке.

Обращение взыскания на имущество должника производится в соответствии с законодательством государства местонахождения должника по ходатайству взыскателя в компетентный суд Договаривающейся Стороны, которому заявитель обязан представить:

должным образом заверенную копию решения компетентного суда с подтверждением о вступлении его в законную силу (если это не видно из текста самого решения), о принудительном исполнении которого возбуждено ходатайство;

документ компетентного суда, подтверждающий участие должника в судебном заседании, а в случае неявки — о надлежащем извещении его о судебном процессе;

исполнительный документ.

В случае, если исполнение решения уже начато или решение частично исполнено на территории одной из Договаривающихся Сторон, необходимы также документы, подтверждающие этот факт, с указанием оставшейся суммы или имущества, подлежащего взысканию.

Статья 4

Очередность, процедура, пределы взыскания и меры для обеспечения исполнения решения компетентного суда определяются законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой производится взыскание. Взыскание производится на таких же условиях, как и исполнение решения собственного суда данной Договаривающейся Стороны.

Государство не несет ответственности по обязательствам юридического лица, кроме случаев предоставления государственной гарантии.

Статья 5

На основании платежного документа взыскателя, содержащего ссылку на

данное Соглашение, а также документов, указанных в статье 3 настоящего Соглашения, банк, обслуживающий должника, производит списание присужденной суммы с банковского счета должника. При этом взыскатель обязан представить заверенный компетентным судом документ, подтверждающий участие должника в судебном заседании, или документ о своевременном получении должником надлежащего извещения о судебном процессе.

...

Статья 7

Если по решению компетентного суда должно быть изъято определенное имущество в натуре, то исполнение решения обеспечивается судебным исполнителем суда по месту нахождения имущества должника в соответствии с действующим на этой территории законодательством.

Статья 8

Банк возвращает взыскателю платежный документ без исполнения в случае непредставления последним документов, указанных в статье 3 настоящего Соглашения, или поступления мотивированных возражений должника против исполнения решения по другим основаниям, предусмотренным статьей 9 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности.

В этом случае взыскатель вправе обратиться с ходатайством о разрешении принудительного исполнения решения суда или обращении взыскания на имущество должника в компетентный суд места нахождения должника в порядке, предусмотренном статьей 8 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности.

Статья 9

В случае, предусмотренном статьей 8 настоящего Соглашения, суд рассматривает ходатайство в открытом судебном заседании с извещением должника о времени и месте рассмотрения ходатайства.

При рассмотрении дела по желанию должника в суде могут принимать участие представители суда государства местонахождения должника.

Нелявка без уважительной причины должника, относительно которого суду известно, что извещение ему вручено, не является препятствием к рассмотрению ходатайства.

Если должник обратился в суд с просьбой о переносе времени рассмотрения ходатайства и эта просьба признана судом уважительной, суд переносит время проведения заседания и извещает должника о новом времени рассмотрения ходатайства.

В приведении в исполнение судебного решения взыскателю может быть отказано только в случае несоблюдения положений статей 8 и 9 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности.

Статья 10

В случае невозможности списания суммы долга со счета должника из-за отсутствия на его счете денежных средств, достаточных для погашения долга, банк возвращает взыскателю исполнительный документ.

По ходатайству взыскателя должностное лицо, на которое возложено исполнение судебных решений, при соблюдении требований статьи 3 настоящего Соглашения, обязано по месту нахождения имущества должника обратить взыскание на это имущество (движимое и недвижимое) и обеспечить перевод взыскателю денежных сумм, полученных от его реализации.

...

Статья 12

Национальные банки Договаривающихся Сторон осуществляют контроль за беспрепятственным взысканием денежных сумм всеми банковскими учреждениями по решениям компетентных судов Договаривающихся Сторон, вступившим в законную силу, в пределах полномочий, предоставленных им национальным законодательством и международными договорами⁷³.

Прежде всего, вызывают неприятие положенные в основу данного Соглашения методологические подходы. Очевидно, что одной из его целей было создание такого механизма регулирования исполнения решений арбитражных, хозяйственных или экономических судов стран СНГ, при котором одновременно существовал бы и упрощенный порядок исполнения с автоматическим признанием юридической силы за такими решениями, и в то же время сохранялся бы порядок экзекватурирования. В итоге такой механизм получился несколько эклектичным и противоречивым: после прочтения Соглашения так и нельзя понять, следует ли обращаться в компетентный суд с ходатайством разрешить исполнение решение арбитражного, хозяйственного или экономического судов стран СНГ, или же оно уже имеет силу и обращаться необходимо непосредственно к органам, осуществляющим взыскание? Одни нормы Соглашения говорят одно (часть 1 статьи 3 (заявляющая о *“беспорном порядке”*), статья 7, часть 2 статьи 10), а другая — совсем противоположное (часть 2 статьи 3).

Более или менее ясно решен вопрос с обращением взыскания на денежные средства в банке, но и в нем не обошлось без методологических противоречий: коль скоро указанное иностранное решение признается обладающим полной силой (часть 1 статьи 3), то почему банк может отказать его исполнить (часть 1 статьи 8) и почему взыскатель тогда обязан обращаться в суд с ходатайством о разрешении привести его в исполнение? Очевидно, это означает, что оно принудительной силой не обладает или обладает ей не в полной мере. Но тогда опять-таки встает вопрос: зачем предоставлять взыскателю право обращаться непосредственно в банк в условиях, когда такой силы у решения нет, и почему банк имеет право при отсутствии возражений должника его исполнить? Если тем самым хотели ввести допущение исполнения решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов стран СНГ, против которых должники не возражают, то это было излишне: такие должники исполнили бы вынесенные против них решения и в отсутствие рассматриваемого Соглашения. Если же в виду имелось именно беспорочное действие таких решений на иностранной для них территории, то тогда более логичным было бы введение процедуры их оспаривания должниками, вплоть до момента начала которой они имели бы в России полную силу (или установление какого-то иного, более логичного и выдержанного механизма).

Кроме того, беспорочно и то, что в соответствии со статьей 8 должник всегда сможет представить в банк мотивированные возражения, и в таком случае эта статья не имеет никакого смысла: последний может состоять только в установлении возможности обратиться взыскание на денежные средства в банке без волеизъявления должника.

Большие сомнения вызывают формулировки части 1 статьи 8 Соглашения: кто будет определять, являются ли возражения должника мотивированными или нет? Если это будет банк, тогда это означает не что иное, как наделение частной организации судебными функциями, что по меньшей мере противоречит пункту 1 статьи 118 Конституции РФ (*“Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом”*). Кроме того, встает вопрос о возможности возложения на банки ответственности за неисполнение решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов стран СНГ: более чем вероятно, что после того, как банк на основании возражений должника откажется исполнять иностранное решение, а впоследствии взыскатель добьется разрешения его исполнить, но фактически обратив взыскание на денежные средства должника не сможет ввиду того, что последний уже успел их из банка *“вывести”*, он попытается привлечь банк к ответственности за принятие во внимание возражений должника, которые мотивированными, как впоследствии может выяснит суд, в действительности не являлись.

Также непонятно, почему процедура рассмотрения ходатайства о разрешении исполнения иностранного решения, установленная в статье 9, не распространена на аналогичное ходатайство, упомянутое в части 2 статьи 3?

Число указаний на подобные несуразности, присутствующие в Соглашении, может быть только увеличено, а более подробный их анализ должен быть осуществлен в отдельной работе.

Ввиду этого нельзя согласиться с мнением о том, что Соглашение 1998 г. *"нуждается в скорейшей ратификации"*⁷⁴: напротив, России его не следовало бы ратифицировать во избежание появления в российском правовом обороте многочисленных неясностей, неточностей, противоречий и проблем (особенно для российских банков), из него протекающих, а также для предотвращения еще большей путаницы в нормативном регулировании вопроса исполнения иностранных решений. Гораздо более разумным была бы действительно квалифицированная разработка такого международного договора, который не стремился бы к упрощенчеству, а вводил многоплановое и подробное сбалансированное регулирование, причем учитывая различные типы судебных решений, а также принимая во внимание необходимость регулирования исполнения решений иностранных третейских судов, одновременно заменяя собой Киевское соглашение 1992 г.

5. Выше были отмечены неточности только в отечественном нормативном регулировании, а также в международных договорах Российской Федерации. Между тем, не следует забывать и о том, что такие неточности во многом обуславливают и недостатки правоприменительной практики. Не имея возможности осветить последние подробно, укажем лишь на то, что в системе государственных арбитражных судов было настолько распространено мнение о том, что Нью-Йоркская конвенция 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений распространяется на исполнение за рубежом решений государственных судов, называемых арбитражными, что Высший Арбитражный Суд Российской Федерации даже издал письмо от 1 марта 1996 г. № ОМ-37, в котором указал на ошибочность этого мнения⁷⁵.

Наконец, все подобные недостатки не могут не отражаться и на теоретическом осмыслении проблем, возникающих в связи с исполнением иностранных решений. Так, не следует особо упоминать о том, что количество работ по этим проблемам в отечественном праве даже в последние годы является очень небольшим. Кроме того, даже в трудах, публикуемых сегодня в официальных изданиях, можно встретить утверждения, с которыми согласиться принципиально нельзя хотя бы потому, что они неверны⁷⁶.

6. Возвращаясь к вопросу о компетенции государственных арбитражных судов *de lege ferenda* разрешать исполнение иностранных решений, хотелось бы отметить, что если они такой компетенцией в законодательном порядке будут наделены, было бы очень важным восприятие ими всего того положительного, что было накоплено судами общей юрисдикции в этом плане, преемственность всего лучшего, а не изначально новая выработка определенных позиций. Как известно, суды общей юрисдикции накопили достаточно большой опыт в сфере разрешения исполнения иностранных решений. В то же время можно утверждать, что такой опыт распределен между ними не равномерно, а скорее точно, причем наибольший опыт накоплен городскими судами Москвы и Санкт-Петербурга. Использование государственными арбитражными судами опыта данных судов могло бы помочь нейтрализовать любые попытки неправомерного расширительного толкования оснований отказа в исполнении иностранных решений.

Не вызывает сомнений, что такая опасность существует: государственные арбитражные суды во многом продолжают придерживаться традиционного инквизиционного подхода к процессу, что может побудить их к пересмотру иностранных решений по существу или к проверке их содержания на соответствие российскому праву. Между тем, как известно, такой пересмотр или такая проверка ныне действующим регулированием не допускаются: основания отказа в исполнении иностранного решения строго формальны и ограничиваются несколькими процессуальными соображениями и необходимостью отсутствия при

исполнении такого решения противоречия публичному порядку Российской Федерации⁷⁷. Между тем соответствие публичному порядку Российской Федерации и соответствие российскому праву являются совершенно различными вещами, и их ни в коем случае нельзя отождествлять.

В качестве одного из примеров удачного рассмотрения государственным российским государственным судом вопроса о приведении в исполнение решения международного коммерческого арбитража, составной частью которого была проверка решения на соответствие публичному порядку Российской Федерации, можно привести дело, упомянутое в пункте 14 обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации "Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам"⁷⁸.

Еще одним подобным же удачным примером является Определение Судебной Коллегии Верховного Суда РФ от 25 сентября 1998 г. "Вывод городского суда о противоречии решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации публичному порядку Российской Федерации признан неправильным"⁷⁹.

Вообще говоря, категория *"противоречие публичному порядку Российской Федерации"* является, по мнению автора настоящей статьи, тем правовым институтом, который на сегодняшний день требует особого внимания в правоприменительной практике государственных судов. Можно смело утверждать, что ввиду исторической слабости нормативного регулирования международных частноправовых отношений в России, отсутствия развитой правоприменительной практики по этим вопросам, в целом низкого уровня распространения информации об институтах международного частного права и более чем недостаточной их разработки в доктрине, категория *"противоречие публичному порядку Российской Федерации"* будет неправомерно толковаться очень широко и станет тем основанием отказа признать и привести в исполнение иностранное решение, к которому суды часто будут неправомерно прибегать в отсутствие процессуальных нарушений при вынесении иностранного решения, хотя бы никакого такого противоречия и не было. Ввиду этого представляется важным учет тех подходов, которые были выработаны в отношении категории *"противоречие публичному порядку"* в иностранном праве⁸⁰.

Также следует особо подчеркнуть, что в современном российском регулировании международного гражданского процесса на первый план в отношении разрешения исполнения иностранного решения выступает стремление не допустить поощрение возможно имевших место при вынесении такого решения нарушений основных принципов правосудия и не допустить возможность злоупотреблений с помощью такого решения, тогда как желание дать российским государственным судам возможность исправить неправильное при вынесении этого решения применение правовых норм или неправильную оценку обстоятельств дела отсутствует. Например, применяемые в России в той или иной форме современные международно-правовые документы, относящиеся к международному коммерческому арбитражу⁸¹ (равно как и основанное на них российское законодательство, включая все еще применимое советское регулирование приведения в исполнение решений иностранных судов⁸²), являются наглядной иллюстрацией в этом отношении: предусмотренные в этих документах и регулировании основания отказа привести в исполнение иностранное решение базируются на стремлении предотвратить возможные в ходе вынесения такого решения нарушения основных принципов правосудия и злоупотребления, тогда как о таком основании отказа приводить его в исполнение, как неправильное применение правовых норм или неправильная оценка обстоятельств дела, не упоминается⁸³. По смыслу всего этого регулирования неправильное применение при вынесении иностранного решения правовых норм или неправильная оценка обстоятельств дела может явиться основанием для отказа приводить такое решение в исполнение, но только в том случае,

если они окажутся настолько серьезными, что будут представлять из себя противоречие публичному порядку Российской Федерации. Между тем, в собственно внутреннем праве решение, например, третейского суда подлежит, как правило, отмене и тогда, когда этим судом совершена ошибка в применении права или оценке фактов⁸⁴. И в отечественном законодательстве имеющееся на сегодня положение вещей также существовало не всегда. Так, например, пункт 13 Положения о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР⁸⁵ предусматривал: *“Если в решении Морской арбитражной комиссии допущено существенное нарушение или неправильное применение действующих законов, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР отменяет по протесту Председателя Верховного Суда СССР, Генерального прокурора СССР и их заместителей это решение и возвращает дело в Морскую арбитражную комиссию для нового рассмотрения в новом составе арбитров”*. Сейчас ситуация изменилась, и существенное нарушение или неправильное применение действующих законов не будут являться основанием для отказа в приведении в исполнение решения Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ, которая является международным коммерческим арбитражем.

Конечно же, подобное положение вещей, при котором при вынесении иностранного решения ошибка в применении права или оценке фактов не служит основанием для отказа в приведении в исполнение такого решения, может в ряде случаев привести к несправедливым результатам, особенно в случаях, когда речь идет о признании и приведении в исполнение, например, решения международного коммерческого арбитража, вынесенного в государстве его приведения в исполнение в соответствии с законом этого же государства⁸⁶. Однако существование такого положения вещей совсем не случайно. Можно привести множество причин и факторов, оправдывающих сознательно проведенный в международно-правовых документах и в российском праве в отношении исполнения иностранных решений отказ принимать во внимание ошибку в применении права или оценке фактов: необходимость предсказуемости правового регулирования в международном гражданском и торговом обороте; недопустимость повторного разбирательства; подчас непреодолимые для национального суда сложности в выявлении ошибок в применении права или оценке фактов; крайняя сложность коллизионных вопросов, возникающих при проверке иностранного решения по существу; утрата, в частности, международным коммерческим арбитражем привлекательности в случае допущения проверки его решения по существу и уменьшение степени правовой защищенности участников международного гражданского и торгового оборота и т.д. Все эти факторы действительно очень серьезны и действительно не оставляют никакого иного выхода, кроме отказа от возможности проверки иностранного решения по существу. Поэтому государственные суды намеренно были лишены российским (и не только российским) законодателем компетенции на пересмотр иностранных решений⁸⁷.

Отсутствие в современном праве международного частноправового оборота достаточно развитого механизма защиты нарушенных прав его участников обусловлено объективно, и именно оно приводит к тому, что при приведении в исполнение иностранного решения основное внимание уделяется именно предотвращению возможных в ходе вынесения такого решения нарушений основных принципов правосудия и злоупотреблений, тогда как проверка правильности применения правовых норм или оценки обстоятельств дела в силу объективных причин настолько сложна, что от нее сознательно отказываются. Конечно же, такая проверка в конечном итоге возможна, но связанные с этим сложности в подавляющем большинстве случаев делают ее просто бессмысленной. Данная ситуация представляет собой как раз тот парадоксальный случай, когда сознательный отказ от проверки правильности применения при вынесении иностранного решения правовых норм или от оценки обстоя-

тельств дела в целом будет гораздо более способствовать справедливости и правосудию, чем не учитывающее реальностей требование проводить такие проверки и оценку. Поэтому подобный отказ можно назвать сознательным принесением справедливости и правосудия в жертву в отдельных случаях ради их торжества в общем и ради дальнейшего развития права международного частного правового оборота. Любой противоположный подход приведет только к торможению развития такого оборота.

Хотелось бы надеяться на то, что российские государственные арбитражные суды после законодательного закрепления за ними компетенции разрешать исполнение иностранных решений будут исходить из принципа строгого соблюдения формальных и входящих в закрытый перечень оснований отказа приводить иностранные решения в исполнение, и никогда не будут отождествлять проверку результатов исполнения иностранного решения на соответствие публичному порядку Российской Федерации с проверкой содержания иностранного решения на соответствие российскому законодательству.

А.И. Муранов,
кандидат юридических наук,
партнер международной юридической фирмы "ММЦП & К^о",
старший преподаватель кафедры
международного частного и гражданского права
МГИМО (Университета) МИД РФ.

¹ Подчеркиваем, что далее под ними будут пониматься решения только по частноправовым спорам, причем коммерческого характера. Вопрос об исполнении в России решений публично-правового характера достаточно сложен, самостоятелен и может составить тему отдельного исследования.

² Основываясь на принципе суверенитета, право каждого государства в принципе исходит из того, что любое решение какого-либо правоприменительного органа, вынесенное за границей, не обладает на его территории принудительной силой и может быть исполнено только в порядке, предписанном таким государством. Как правило, в странах континентальной системы права такой порядок состоит в выдаче определенным компетентным органом государства, на территории которого будет исполняться решение, разрешения на исполнение данного решения (экзекватуры), причем при соблюдении соответствующих условий). *"Принудительное исполнение иностранного судебного решения возможно лишь в силу соответствующего распоряжения компетентных властей того государства, где испрашивается такое исполнение"* (Луиц Л.А. Курс международного частного права. Международный гражданский процесс. — М., 1976, с. 169).

При этом понятие *"разрешение приведения в исполнение иностранного решения"* будет далее использоваться с долей условности, учитывая, что, например, в отношении решений международного коммерческого арбитража пункт 1 статьи 35 Закона Российской Федерации "О международно коммерческом арбитраже" предусматривает: *"Арбитражное решение ... признается обязательным..."*.

³ Например, Конституционный Суд Российской Федерации, уставные суды субъектов Российской Федерации, военные суды.

⁴ *Нешатаева Т.Н.* Общие замечания по вопросу о признании и исполнении решений судов и арбитражей иностранных государств по экономическим спорам. — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам, с. 12.

⁵ Под ним в дальнейшем будут пониматься иностранные организации, международные организации, иностранные граждане, лица без гражданства.

⁶ *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.* — 1992, № 11.

⁷ *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. — 1997, № 7, с. 1.

⁸ *Нешатаева Т.Н.* Иностранные предприниматели в России. Судебно-арбитражная практика. — М., 1998, с. 95; *Нешатаева Т.Н.* Общие замечания по вопросу о признании и исполнении решений судов и арбитражей иностранных государств по экономическим спорам. — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам, с. 12.

⁹ *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. — 1999, № 7.

¹⁰ *“Вопрос о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда рассматривается по ходатайству взыскателя Верховным Судом союзной республики (в республиках, не имеющих областного деления), Верховным Судом автономной республики, краевым, областным, городским судом, судом автономной области и судом автономного округа по месту жительства (нахождения) должника, а если должник не имеет места жительства (нахождения) в СССР либо место жительства (нахождения) должника неизвестно, — по месту нахождения его имущества”* (Ведомости ВС СССР, 1988, № 26, ст. 427).

¹¹ *“Ходатайства о разрешении принудительного исполнения решений иностранных судов рассматриваются Верховным Судом союзной республики (в республиках, не имеющих областного деления), Верховным Судом автономной республики, краевым, областным, городским судом, судом автономной области и судом автономного округа по месту жительства должника”* (Ведомости ВС СССР, 1958, № 23, ст. 345).

¹² Учитывая то, что к моменту опубликования настоящей статьи этот вопрос может быть в российском законодательстве уже прямо разрешен, следует помнить о том, что настоящая статья писалась в то время, когда это еще не случилось.

¹³ При чтении практически всех работ, упоминающих о вопросах разрешения приводить в исполнение иностранные решения, создается впечатление, что их авторы либо вообще не задумываются о проблеме определения компетентного суда, либо тщательно ее обходят.

¹⁴ *Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации*, 1993, № 32, ст. 1240.

¹⁵ *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1997, № 30, ст. 3591.

¹⁶ *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*, 1993, № 8.

¹⁷ *Нешатаева Т.Н.* Общие замечания по вопросу о признании и исполнении решений судов и арбитражей иностранных государств по экономическим спорам. — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам, с. 12.

¹⁸ *“К экономическим спорам, разрешаемым арбитражным судом, в частности, относятся споры:*

о разногласиях по договору, заключение которого предусмотрено законом или передача разногласий по которому на разрешение арбитражного суда согласована сторонами;

об изменении условий или о расторжении договоров;

о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств;

о признании права собственности;

об истребовании собственником или иным законным владельцем имущества из чужого незаконного владения;

о нарушении прав собственника или иного законного владельца, не связанном с лишением владения;

о возмещении убытков;

о признании недействительными (полностью или частично) ненормативных актов государственных органов, органов местного самоуправления и иных органов, не соответствующих законам и иным нормативным правовым актам и нарушающих права и законные интересы организаций и граждан;

о защите чести, достоинства и деловой репутации;

о признании не подлежащим исполнению исполнительного или иного документа, по которому взыскание производится в беспорном (безакцептном) порядке;

об обжаловании отказа в государственной регистрации либо уклонения от государственной регистрации в установленный срок организации или гражданина и в других случаях, когда такая регистрация предусмотрена законом;

о взыскании с организаций и граждан штрафов государственными органами, органами местного самоуправления и иными органами, осуществляющими контрольные функции, если федеральным законом не предусмотрен беспорный (безакцептный) порядок их взыскания;

о возврате из бюджета денежных средств, списанных органами, осуществляющими контрольные функции, в беспорном (безакцептном) порядке с нарушением требований закона или иного нормативного правового акта".

¹⁹ Сказанное демонстрирует то, что в объективном праве многие явления, на первый взгляд не имеющие ничего общего, на самом деле весьма схожи и связаны между собой некоей "генетической" связью. Нужно лишь научиться отыскивать эту связь, и тогда право предстанет не в виде отдельных безжизненных норм и форм, но в виде единого живого организма.

²⁰ Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права. — Ярославль, 1909, с. 170—173.

²¹ "Арбитражный суд оставляет иск без рассмотрения или прекращает производство по делу, если компетенционный суд иностранного государства, принявший дело к рассмотрению до предъявления иска в арбитражный суд в Российской Федерации рассматривает дело по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям или принял по этому делу решения, вступившее в законную силу.

Такие последствия не наступают, если будущее или принятое судом иностранного государства решение не подлежит признанию или исполнению на территории Российской Федерации либо соответствующее дело относится к исключительной компетенции арбитражного суда в Российской Федерации".

²² Вольф М. Международное частное право. — М., 1948, с. 276.

²³ Там же.

²⁴ Вольф М. Международное частное право. — М., 1948, с. 275.

²⁵ Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права. — Ярославль, 1909, с. 172.

²⁶ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 30, ст. 1790.

²⁷ Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 47, ст. 5341.

²⁸ Российская газета, 6 января 1997 г., Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 1, ст. 1.

²⁹ "На судебных приставах возлагаются задачи по обеспечению установленного порядка деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов (далее — суды), а также по исполнению судебных актов и актов других органов, предусмотренных федеральным законом об исполнительном производстве" (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 30, ст. 3591).

³⁰ Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации, 1992, № 1.

³¹ Нешатаева Т.Н. О некоторых вопросах исполнения решений по экономическим спорам судов государств-участников СНГ. — Хозяйство и право. 1998, № 2, с. 126—127.

³² Статьи 7 и 8 Киевского Соглашения соответственно предусматривают: "Государства — участники Содружества Независимых Государств взаимно признают и исполняют вступившие в законную силу решения компетентных судов.

Решения, вынесенные компетентными судами одного государства — участника Содружества Независимых Государств, подлежат исполнению на территории других государств — участника Содружества Независимых Государств.

Решения, вынесенные компетентным судом одного государства — участника Содружества Независимых Государств в части обращения взыскания на имущество ответчика, подлежат исполнению на территории другого государства — участника Содружества Независимых Государств органами, назначенными судом либо определенными законодательством этого государства”;

“Приведение в исполнение решения производится по ходатайству заинтересованной Стороны.

К ходатайству прилагаются:

должным образом заверенная копия решения, о принудительном исполнении которого возбуждено ходатайство;

официальный документ о том, что решение вступило в законную силу, если это не видно из текста самого решения;

доказательства извещения другой Стороны о процессе;

исполнительный документ”.

³³ “В случае неисполнения ответчиком решения в установленный срок исполнительный лист выдается арбитражным судом республики в составе Российской Федерации, края, области, города, арбитражным судом автономной области, автономного округа, на территории которых находится третейский суд”.

³⁴ “Нешатаева Т.Н. Общие замечания по вопросу о признании и исполнении решений судов и арбитражей иностранных государств по экономическим спорам. — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам, с. 13.

³⁵ Для большей простоты автор настоящей статьи в данный момент и ниже исходит из того, что Киевское соглашение 1992 г. устанавливает исключительно процедуру обращения за разрешением исполнить иностранное решение. В то же время следует отметить, что существует точка зрения, согласно которой этот международный договор устанавливает прежде всего не эту процедуру, а процедуру оспаривания иностранного решения в форме обращения лица, против которого оно вынесено, в компетентный суд с требованием признать такое решение не подлежащим исполнению, в то время как изначально оно признается имеющим силу на иностранной для него территории: “Порядок приведения в исполнение решения, вынесенного судом страны-участницы Киевского соглашения, при отсутствии возражений со стороны ответчика носит упрощенный характер. Это обусловлено тем, что судебное решение и выписанный на его основе документ не нуждаются в какой-либо особой процедуре признания в стране-участнице. Ходатайство с приложенными к нему документами, указанными в Соглашении, подается стороной, которая испрашивает исполнение решения, непосредственно в исполнительные органы. ... Сторона, против которой вынесено иностранное решение, не лишена права его оспорить. Оспаривание иностранного решения производится по ходатайству стороны, которое подается в компетентный суд по месту, где испрашивается приведение в исполнение” (Шебанова Н.А. Признание и исполнение иностранных решений. — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам, с. 15—16). “Соглашение не устанавливает обязательного судебного производства по признанию иностранного судебного решения компетентным судом. Наоборот, статья 9 предусматривает судебное производство по отказу в приведении в исполнение решения и закрепляет перечень доказательств, которые должны быть представлены для такого отказа стороной, против которой направлено решение” (Нешатаева Т.Н. Общие замечания по вопросу о признании и исполнении решений судов и арбитражей иностранных государств по экономическим спорам. — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам, с. 9). Нельзя не признать, что данная точка зрения

вызвана неопределенностью некоторых положений Киевского Соглашения. Тем не менее автор настоящей статьи полагает, что она неправильна. Далее автор такую точку зрения учитывать не будет: ее анализ выходил бы за рамки настоящей статьи: ввиду чего она заслуживает рассмотрения в отдельной работе. Отметим только, что эту точку зрения не разделяют, в частности, Н.И. Клейн и Н.И. Марышева (Разрешение в спорах СНГ споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности. Комментарий к соглашению стран СНГ "О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности". — М., 1993, с. 38—39). Кроме того, ее не разделяют также и правоприменительные органы многих стран СНГ (Ефремов Л. О некоторых вопросах применения международных договоров о взаимном оказании правовой помощи в работе арбитражных судов. — Хозяйство и право, 1998, № 3, с. 99).

³⁶ Бюллетень международных договоров, 1995, № 2.

³⁷ *"Ходатайство о разрешении принудительного исполнения решения подается в компетентный суд Договаривающейся Стороны, где решение подлежит исполнению. Оно может быть подано и в суд, который вынес решение по делу в первой инстанции. Этот суд направляет ходатайство суду, компетентному вынести решение по ходатайству"*.

³⁸ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам, с. 192—195.

³⁹ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 1993, № 2, с. 92.

⁴⁰ Нешатаева Т.Н. Общие замечания по вопросу о признании и исполнении решений судов и арбитражей иностранных государств по экономическим спорам. — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам, с. 11.

⁴¹ Луц Л.А. Курс международного частного права. Международный гражданский процесс. — М., 1976, с. 146, 149, с. 150—151.

⁴² Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 2, ст. 222.

⁴³ Ведомости ВС СССР, 1960, № 32, ст. 304.

⁴⁴ *"В международный коммерческий арбитраж могут по соглашению сторон передаваться:*

споры из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающие при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие хотя бы одной из сторон находится за границей, а также

споры предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой, споры между их участниками, а равно их споры с другими субъектами права Российской Федерации".

⁴⁵ Часть 1 статьи 1 Временного положения предусматривает: *"Настоящее Временное положение (далее — Положение) применяется при передаче на разрешение третейских судов споров, вытекающих из гражданских правоотношений и подведомственных арбитражному суду"* (выделение мое. — А.М.).

⁴⁶ *"Статья 2. Третейские суды.*

В Российской Федерации могут создаваться третейские суды для рассмотрения конкретного спора и постоянно действующие третейские суды.

Третейский суд для рассмотрения конкретного спора создается сторонами.

Порядок организации, деятельности и разрешения споров для третейского суда, предусмотренного частью второй настоящей статьи, определяется настоящим Положением.

Постоянно действующие третейские суды (органы, которым по соглашению сторон поручена организация третейского разбирательства конкретного спора)

могут создаваться торговыми палатами, иными органами, биржами, объединениями, а также предприятиями, учреждениями и организациями, которые информируют арбитражный суд республики в составе Российской Федерации, края, области, города, автономной области, автономного округа, на территории которых расположен постоянно действующий третейский суд, о его создании и составе.

Порядок организации, деятельности и разрешения споров для постоянно действующих третейских судов определяется правилами предприятия, учреждения или организации, создавших постоянно действующий третейский суд.

Если необходимые для создания и (или) деятельности третейского суда вопросы не урегулированы правилами постоянно действующего третейского суда, третейские суд и стороны руководствуются настоящим Положением".

⁴⁷ "Статья 25. Принудительное исполнение решений третейского суда

В случае неисполнения ответчиком решения в установленный срок исполнительный лист выдается арбитражным судом республики в составе Российской Федерации, края, области, города, арбитражным судом автономной области, автономного округа, на территории которых расположен постоянно действующий третейский суд".

⁴⁸ Нешатаева Т.Н. Общие замечания по вопросу о признании и исполнении решений судов и арбитражей иностранных государств по экономическим спорам. — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам, с. 13.

⁴⁹ Статья 17 Приложения № 3 "Положение о третейском суде" к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР 1964 г. устанавливает: "Решение третейского суда, не исполненное добровольно, может быть приведено в исполнение принудительно на основании исполнительного листа, выдаваемого народным судом".

⁵⁰ "Из всех проблем, возникающих в международных отношениях, проблема признания иностранных решений и их принудительного исполнения является, быть может, самой существенной" (Вольф М. Международное частное право. — М., 1948, с. 274).

⁵¹ Нешатаева Т.Н. Общие замечания по вопросу о признании и исполнении решений судов и арбитражей иностранных государств по экономическим спорам. — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам, с. 13.

⁵² Комиссия Организации Объединенных Наций по Праву Международной Торговли. Ежегодник. Том XVI: 1985 года. — Нй-Йорк, 1988, с. 601—611.

⁵³ Речь идет не только о том, что по какой-то причине в статье 35 данного Закона Российской Федерации не было указано, какой суд является компетентным приводить в исполнение решения международного коммерческого арбитража (хотя в то же самое время в этом же самом законе точно указывается на суд, компетентный отменять решения международного коммерческого арбитража, имевшего место в России). Сравнивая пункт 1 статьи 35 Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже" с пунктом 1 статьи 35 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, несложно заметить, что они полностью совпадают.

Можно упомянуть и о том, что благодаря точно такому же несколько механистическому подходу в использовании формулировок Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже применительно к российским условиям теперь статья 28 закона "О международном коммерческом арбитраже" формально допускает неограниченную "автономию воли" в коллизийном аспекте для субъектов, являющихся исключительно российскими, причем даже в том случае, когда в споре отсутствует какой-либо иностранный элемент: 1) если стороны спора являются участниками российского предприятия с иностранными инвестициями (сравни часть 3 пункта 2 статьи 1 данного Закона с пунктом 1 статьи 28 этого же Закона). При этом такую часть 3 пункта 2 статьи 1 можно при

желании толковать таким образом, что споры между "исключительно" российскими участниками российского предприятия с иностранными инвестициями с другими "исключительно" российскими субъектами права также могут оказываться передаваемыми в международный коммерческий арбитраж, ввиду чего на основании статьи 28 закона эти лица могут без ограничений заранее выбрать применимое к их отношениям право)); 2) если спор возник из торгового мореплавания (сравни окончание первого предложения пункта 2 "Положения о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации" (приложение 2 к Закону) с пунктом 1 статьи 28 этого же Закона).

⁵⁴ "Порядок исполнения в Российской Федерации решений иностранных судов и арбитражей определяется соответствующими международными договорами Российской Федерации и настоящим Федеральным законом" (выделение мое. — М.А.).

⁵⁵ "1. Исполнительными документами являются:

1) исполнительные листы, выдаваемые судами на основании:

принимаемых ими судебных актов;

решений Международного коммерческого арбитража и иных третейских судов;

решений иностранных судов и арбитражей;

решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека..."

(выделение мое. — М.А.).

⁵⁶ "1. Исполнительные документы могут быть предъявлены к исполнению в следующие сроки:

1) исполнительные листы, выдаваемые на основании судебных актов судов общей юрисдикции, и судебные приказы — в течение трех лет, а судебных актов арбитражных судов — в течение шести месяцев;

2) исполнительные листы, выдаваемые судами на основании решений Международного коммерческого арбитража и иных третейских судов, — в течение шести месяцев;

3) оформленные в установленном порядке требования органов, осуществляющих контрольные функции, о взыскании денежных средств с отметкой банка или иной кредитной организации о полном или частичном неисполнении взыскания — в течение шести месяцев;

4) удостоверения комиссии по трудовым спорам — в течение трех месяцев;

5) постановления органов (должностных лиц), уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, — в течение трех месяцев.

Сроки предъявления других исполнительных документов к исполнению устанавливаются федеральными законами, определяющими условия и порядок выдачи соответствующих исполнительных документов".

⁵⁷ Привед. по: Мыш М.И. Об иностранцах в России. — СПб., 1911, с. 377.

⁵⁸ Привед. по: Мыш М.И. Об иностранцах в России. — СПб., 1911, с. 378.

⁵⁹ Привед. по: Мыш М.И. Об иностранцах в России. — СПб., 1911, с. 381.

⁶⁰ Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права. — Ярославль, 1909, с. 182.

⁶¹ Мыш М.И. Об иностранцах в России. — СПб., 1911, с. 379.

⁶² Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — СПб., 1896, т. 2, с. 373—374.

⁶³ Энгельман И.Е. Об исполнении иностранных судебных решений в России. — СПб., 1884.

⁶⁴ Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права. — Ярославль, 1909, с. 182.

⁶⁵ В ред. Указа Президиума ВС РСФСР от 1 августа 1980 г. (Ведомости ВС РСФСР, 1980, № 32, ст. 987).

⁶⁶ Гражданский Процессуальный Кодекс Советских Республик. Текст и практический комментарий / Ал. Малицкий (ред.). — Харьков, 1929.

⁶⁷ Гойхбарг А.Г. Международное право. — М., 1928, с. 160.

⁶⁸ Гражданский Процессуальный Кодекс Российской Федерации (проект). — М., 1997, с. 204—208.

⁶⁹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1992, № 11.

⁷⁰ *“Настоящая Конвенция применяется в отношении признания и приведения в исполнение арбитражных решений, вынесенных на территории государства иного, чем то государство, где испрашивается признание и приведение в исполнение таких решений, по спорам, сторонами в которых могут быть как физические, так и юридические лица. Она применяется также к арбитражным решениям, которые не считаются внутренними решениями в том государстве, где испрашивается их признание и приведение в исполнение”.*

⁷¹ Статья 25 “Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров” предусматривает: *“В случае неисполнения ответчиком решения в установленный срок исполнительный лист выдается арбитражным судом республики в составе Российской Федерации, края, области, города, арбитражным судом автономной области, автономного округа, на территории которых находится третейский суд”.*

⁷² Нешатаева Т.Н. Иностранные предприниматели в России. Судебно-арбитражная практика. — М., 1998, с. 96.

⁷³ Привед. по тексту, содержащемуся в электронной справочной правовой системе “Гарант”, версия 4.06.

⁷⁴ Нешатаева Т.Н. Общие замечания по вопросу о признании и исполнении решений судов и арбитражей иностранных государств по экономическим спорам. — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам, с. 13.

⁷⁵ *“В Высший Арбитражный Суд Российской Федерации поступают запросы о том, какими из указанных ниже международных договоров следует руководствоваться при решении вопросов об исполнении решений арбитражных судов одного государства на территории другого государства: многосторонней Нью-Йоркской конвенцией 1958 года “О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений” или договорами о взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам, заключенными Российской Федерацией с иностранными государствами.*

В связи с этим разъясняя, что Нью-Йоркская конвенция регулирует вопросы взаимного признания и исполнения на территории государств — участников конвенции не судебных, а арбитражных решений, то есть решений, принятых на территории другого государства арбитрами, избранными сторонами в международном коммерческом споре или назначенными органами коммерческого арбитража по согласованию со сторонами в установленном порядке. Эти органы именуются по терминологии, принятой в нашей стране, третейскими судами. В Российской Федерации к ним относятся Международный коммерческий арбитражный суд и Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, а также третейские суды, образуемые в соответствии с “Временным положением о третейском суде для разрешения экономических споров”, утвержденным постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 24.06.92 г.

За рубежом третейское разбирательство по делам о коммерческих спорах между отечественными и иностранными предпринимателями организуют такие известные арбитражные органы, как Лондонский международный третейский суд, Международный арбитражный суд Международной Торговой палаты в Париже, Американская арбитражная ассоциация, Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма.

Договоры о взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам, заключенные Российской Федерацией (а ранее — СССР) с иностранными государствами на двусторонней основе, а также подписанные в рамках СНГ многосторонние договоры: Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением

хозяйственной деятельности от 20.03.1992 и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.93, — предусматривают взаимное признание и исполнение решений судов по гражданским и семейным делам одного государства на территории другого. При этом под судами понимаются государственные (а не третейские) суды, которые правомочны принимать решения, получающие силу закона и подлежащие принудительному исполнению на территории государства, то есть суды общей компетенции и арбитражные (хозяйственные) суды...

⁷⁶ В частности, в "Вестнике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам" на странице 14), можно встретить следующее мнение: "Основным принципом Киевского соглашения является взаимное признание и исполнение вступивших в законную силу решений компетентных судов. Что касается решений третейских судов, то они признаются обязательными, согласно российскому законодательству, независимо от того, в какой стране они были вынесены". Между тем, само Киевское соглашение относит третейские суды стран СНГ к числу компетентных судов, в связи с чем встает вопрос: каково соотношение между первым и вторым процитированными предложениями? Кроме того, второе предложение верно только по отношению к решениям международного коммерческого арбитража (см. пункт 1 статьи 35 Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже"), а как известно, не все третейские суды являются международным коммерческим арбитражем (хотя любой международный коммерческий арбитраж является третейским судом). Соответственно, решения тех третейских судов, которые международным коммерческим арбитражем не являются, исполняются в Российской Федерации *de lege lata*, только если это предусмотрено международными договорами России или на условиях взаимности.

⁷⁷ Пункт 1 статьи 36 Закона "О международном коммерческом арбитраже" гласит: "1. В признании или приведении в исполнение арбитражного решения, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, может быть отказано лишь: 1) по просьбе стороны, против которой оно направлено, если эта сторона представит компетентному суду, в котором испрашивается признание или приведение в исполнение, доказательства того, что:

одна из сторон в арбитражном соглашении, указанном в статье 7, была в какой-либо мере недееспособна; или это соглашение недействительно по закону, которому стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания — по закону страны, где решение было вынесено; или

сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве или по другим причинам не могла представить свои объяснения; или

решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением или не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения, с тем, однако, что если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением, то та часть арбитражного решения, в которой содержится постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, может быть признана и приведена в исполнение; или

состав третейского суда или арбитражная процедура не соответствовали соглашению сторон или в отсутствие такового не соответствовали закону той страны, где имел место арбитраж; или решение еще не стало обязательным для сторон, или было отменено, или его исполнение было приостановлено судом страны, в которой или в соответствии с законом которой оно было вынесено, либо

2) если суд найдет, что:

объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по закону Российской Федерации; или признание и приведение в исполнение этого арбитражного решения противоречит публичному порядку Российской Федерации".

⁷⁸ "В соответствии с заключенными фирмой "Наим Анвар Ко. Лтд" (Кабул, Афганистан) и Всесоюзным хозрасчетным внешнеторговым объединением "Восток-инторг", которое впоследствии реорганизовано в акционерное общество открытого типа "Внешинторг" (АО "Внешинторг", Москва), контрактами от 16 декабря 1991 г. и дополнительными соглашениями к ним афганская фирма поставила товар (куртки) на сумму 19 313 060 клиринговых долларов.

В марте 1993 г. АО "Внешинторг" перевело названную сумму через Внешэкономбанк в "Да Афганистан Банк", однако по истечении года, 6 апреля 1994 г. эта сумма банком, обслуживающим иносфирму, "Да Афганистан Банк" была возвращена во Внешэкономбанк.

14 апреля 1994 г. иносфирмой заявлена претензия, в которой АО "Внешинторг" предлагалось выплатить сумму долга за поставленный, но не оплаченный товар в СКВ, а именно 3 138 373,52 доллара США.

В связи с отклонением АО "Внешинторг" этой претензии фирма "Наим Анвар Ко. Лтд" обратилась в Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации с иском о взыскании упомянутой суммы долга, пять процентов годовых с этой суммы с 6 апреля 1994 г. по день уплаты, а также расходов, связанных с ведением дела и уплатой арбитражного сбора.

22 мая 1994 г. Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации в пользу фирмы "Наим Анвар Ко. Лтд" взыскал с АО "Внешинторг" 1 745 145,60 доллара США основного долга, 54580,40 доллара США в качестве процентов годовых с 14 апреля 1994 г. по 31 декабрь 1994 г. и другие расходы.

Московский городской суд 16 февраля 1996 г. в удовлетворении ходатайства АО "Внешинторг" об отмене этого решения отказал.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 21 июня 1996 г. протест заместителя Генерального прокурора РФ об отмене определения судебной коллегии Московского городского суда оставила без удовлетворения.

Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных постановлений и решения Международного коммерческого арбитражного суда и направлении дела на новое рассмотрение в тот же арбитражный суд.

Президиум Верховного Суда РФ протест оставил без удовлетворения по следующим основаниям.

Как видно из содержания ст. 34 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 г. "О международном коммерческом арбитраже", основаниями к оспариванию в суде общей юрисдикции арбитражного решения являются нарушения процессуального порядка возбуждения и проведения коммерческого арбитража, а также противоречие арбитражного решения публичному порядку Российской Федерации.

По мнению прокурора, решение Международного коммерческого арбитражного суда от 22 мая 1994 г. противоречит публичному порядку Российской Федерации, под которым подразумевается соблюдение основных принципов международного права, в том числе принципа соблюдения договоров. В данном случае, по утверждению прокурора, имел место односторонний отказ от исполнения обязательства в той форме, в которой заключено соглашение, однако арбитражный суд не учел это обстоятельство.

Сославшись на положение Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, а также положения двусторонних советско-афганских межправительственных соглашений, касающихся осуществления расчетов между двумя странами. Международный коммерческий арбитражный суд названные акты во внимание не принял и удовлетворил иск по мотивам, не основанным на законе, в частности, учел отказ "Да Афганистан Банк" принимать клиринговые доллары, а

также фактическую невозможность в момент рассмотрения спора расчетов в клиринговых долларах, хотя данный факт не подтвержден материалами дела.

Таким образом, в протесте оспаривалась законность и обоснованность арбитражного решения от 22 мая 1994 г., правильность применения Международным коммерческим арбитражным судом норм материального права и допущенные этим судом нарушения процессуального характера и то, что выводы арбитражного суда не подтверждены доказательствами.

Между тем названные мотивы не могут служить основанием к оспариванию в суде общей юрисдикции арбитражного решения. Перечень оснований такого оспаривания, установленный в ст. 34 Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже", — исчерпывающий и не подлежит расширительному толкованию.

Кроме того, нет оснований полагать, что принятое арбитражным судом решением противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Доводы об этом в протесте основаны на утверждении о несовместимости с законодательством Российской Федерации предложенного арбитражным судом способа расчетов между сторонами по названным контрактам.

Возложение же на ответчика как стороны внешнеэкономической сделки уплаты долга в свободно конвертируемой валюте не противоречит валютному законодательству Российской Федерации. В письме Центрального банка Российской Федерации от 1 сентября 1992 г. № 10-2/1268 и Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 9 сентября 1992 г. № 01-13/5109 указывается, что в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 12 июня 1992 г. № 621 "О платёжно-расчётных отношениях во внешнеэкономических связях Российской Федерации в 1992 году" платёжно-расчётные отношения Российской Федерации с зарубежными странами в 1992 году осуществляются по текущим мировым ценам в свободно конвертируемой валюте, если иное не предусмотрено межправительственными соглашениями Российской Федерации.

Данных о том, что между Российской Федерацией и Исламским Государством Афганистан действует соглашение о клиринговых расчетах, суду не представлено.

По этим основаниям судебные постановления признаны правильными и оставлены Президиумом Верховного Суда РФ без изменения" (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации), 1998, № 9, с. 13—14).

¹⁹ "По решению Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ) от 21 июня 1996 г. государственный завод "Измеритель" обязан выплатить обществу с ограниченной ответственностью (ООО) "Омегатех Электроникс ГмбХ" 2 197 119,53 доллара США с начислением на эту сумму годовых процентов с 31 октября 1992 г. по день фактической уплаты, а также 44 797 долларов США в возмещение арбитражного сбора и 60 тыс. долларов США в возмещение издержек истца.

Государственный завод "Измеритель" обратился в Московский городской суд с ходатайством об отмене этого арбитражного решения, утверждая, что между заводом и ООО "Омегатех Электроникс ГмбХ" контракт не заключался; его подлинника не имеется; арбитражное соглашение между сторонами не заключалось; решение арбитражного суда вынесено на основе подложных документов.

Московский городской суд 19 августа 1998 г. ходатайство государственного завода "Измеритель" удовлетворил, отменил решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации от 21 июня 1996 г., указав, что при рассмотрении дела в МКАС при ТПП РФ не были подтверждены основания гражданской-правовой ответственности завода перед ООО "Омегатех Электроникс ГмбХ" и что исполнение названного решения противоречит публичному порядку Российской Федерации.

ООО "Омегатех Электроникс ГмбХ" в частной жалобе поставило вопрос об отмене определения суда как вынесенного с нарушением норм процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 25 сентября

1998 г. частную жалобу ООО "Омегатех Электроникс ГмБХ" удовлетворила по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 34 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 "О международном коммерческом арбитраже" ходатайство об отмене арбитражного решения является исключительным средством оспаривания арбитражного решения, в связи с чем удовлетворение этого ходатайства возможно только в случаях, предусмотренных в пп. 2 и 3 данной статьи.

Согласно п. 2 ст. 34 этого Закона арбитражное решение может быть отменено судом лишь в случае, если:

1) сторона, заявляющая ходатайство об отмене, представит доказательства того, что:

одна из сторон в арбитражном соглашении, указанном в ст. 7, была в какой-либо мере недееспособна, или это соглашение недействительно по закону, которому стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания — по закону Российской Федерации; или

она не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или о арбитражном разбирательстве, или по другим причинам не могла представить свои объяснения; или

решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением или не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения, с тем, однако, что если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением, то может быть отменена только та часть арбитражного решения, которая содержит постановления по вопросам, не охватываемым арбитражным соглашением; или

состав третейского суда или арбитражная процедура не соответствовали соглашению сторон, если только такое соглашение не противоречит любому положению настоящего Закона, от которого стороны не могут отступить, либо в отсутствие такого соглашения не соответствовали настоящему Закону;

2) суд определит, что:

объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по закону Российской Федерации; или

арбитражное решение противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Таким образом, для отмены арбитражного решения предусмотрены процессуальные (подп. 1 и 2 ст. 34 Закона) и материально-правовые (подп. 2 п. 2 ст. 34 Закона) основания.

При разрешении ходатайства государственного завода "Измеритель" об отмене решения МКАС при ТПП РФ от 21 июня 1996 г. Московский городской суд ненадлежащим образом проверил соблюдение норм процессуального права в ходе арбитражного разбирательства и неверно истолковал материально-правовые основания для отмены арбитражного решения.

Как видно из представленных суду материалов, арбитражная процедура при рассмотрении дела в арбитражном суде соответствовала соглашению сторон. Ввиду того, что стороны не договаривались о применении особой, отличной от Регламента арбитражной процедуры, МКАС при ТПП РФ при рассмотрении дела руководствовался Регламентом МКАС при ТПП РФ.

Нарушение процедуры арбитражного разбирательства, по мнению городского суда, заключалось в том, что МКАС принял в качестве письменных доказательств по делу представленные обеими сторонами дела в суд ксерокопии контракта от 19 декабря 1991 г.

Данный вывод суда не является основанием для отмены арбитражного решения и не соответствует ст. 34 Регламента МКАС при ТПП РФ, в котором указано, что сторона может (а не обязана) представить письменные доказательства в оригинале или в виде заверенной ею копии оригинала. Из содержания этой статьи не следует, что стороны обязаны представлять суду только оригиналы документов, и не

установлено, что МКАС при ТПП РФ не вправе принимать во внимание в качестве доказательств копии документов. В соответствии с ч. 5 ст. 34 Регламента МКАС при ТПП РФ непредставление стороной надлежащих доказательств не препятствует арбитражному суду продолжить разбирательство и вынести решение на основе имеющихся у него доказательств.

Оспариваемое решение МКАС при ТПП РФ, как это следует из его содержания, основано не на ксерокопиях контракта, а на совокупности доказательств, свидетельствующих о его заключении. Так, каждая из сторон представила в МКАС при ТПП РФ свой экземпляр контракта, а ответчик — государственный завод “Измеритель” — три экземпляра, стороны дали объяснения относительно обстоятельств его заключения и своей оценки его действительности; были приняты во внимание намерения и действия сторон, дана оценка сложившимся между сторонами правоотношениям.

В отзыве на иск № 1/765 от 25 сентября 1995 г. (на который сослался МКАС при ТПП РФ в решении), представленном в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного Суда РФ, ответчик не отрицал факт подписания им контракта, соответственно и не оспаривал его наличия, а утверждал лишь о недействительности контракта. Ответчик также заявил, что контракт “остался недооформленным” из-за невыделения ему кредита от федеральных органов исполнительной власти России в сумме 17 млн. немецких марок, а “без такого кредита контракт не имел смысла”, т.е. не отрицал факта существования и подписания им контракта.

Помимо этого, истец представил МКАС при ТПП РФ письменное подтверждение “Авиабанка” о том, что представитель государственного завода “Измеритель” представлял контракт в указанный банк с целью получения кредита. Данный факт также подтверждает наличие контракта между сторонами.

Оценив всю совокупность перечисленных доказательств, МКАС при ТПП РФ пришел к выводу о том, что контракт, являющийся правовым основанием ответственности ответчика перед истцом, сторонами действительно был заключен.

Вопросы о том, состояли ли стороны в договорных отношениях и возникло ли у ответчика гражданско-правовое обязательство перед истцом, относятся в соответствии со ст. 28 Закона Российской Федерации “О Международном коммерческом арбитраже” к компетенции арбитражного суда. В соответствии со ст. 5 данного Закона суд общей юрисдикции, рассматривая ходатайство об отмене арбитражного решения, пересматривать выводы МКАС при ТПП РФ по существу спора не вправе, за исключением случаев, указанных в подп. 2 п. 2 ст. 34 упомянутого Закона.

При рассмотрении дела городской суд признал, что решение МКАС при ТПП РФ противоречит публичному порядку Российской Федерации, поскольку не соответствует ее законодательству.

Однако этот вывод основан на неверном толковании понятия “публичный порядок Российской Федерации”, а также противоречит содержанию решения, в котором отсутствуют ссылки на нормы международного или иностранного права. Решение арбитражного суда основано на нормах российского гражданского законодательства, что вообще исключает возможность ссылки на нарушение публичного порядка, поскольку применение норм национального российского права не может трактоваться как нарушение публичного порядка Российской Федерации.

Содержание понятия “публичный порядок Российской Федерации” не совпадает с содержанием национального законодательства Российской Федерации. Поскольку законодательство Российской Федерации допускает применение норм иностранного государства (ст. 28 Закона Российской Федерации “О международном коммерческом арбитраже”), наличие принципиального различия между российским законом и законом другого государства само по себе не может быть основанием для применения оговорки о публичном порядке. Такое применение этой оговорки означает отрицание применения в Российской Федерации права иностранного государства вообще.

Под “публичным порядком Российской Федерации” понимаются основы общественного строя Российского государства. Оговорка о публичном порядке возможна

лишь в тех отдельных случаях, когда применение иностранного закона могло бы породить результат, недопустимый с точки зрения российского правосознания.

В соответствии с п.1 ст.16 Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже" третейский суд вправе определить свою собственную компетенцию при разрешении конкретного спора.

В решении МКАС при ТПП РФ от 21 июня 1996 г. указано на то, что МКАС при ТПП РФ обладает компетенцией для рассмотрения возникшего между сторонами спора, но не в силу арбитражной оговорки, сделанной сторонами в контракте, а в силу того, что арбитражное соглашение между истцом и ответчиком было заключено в письменной форме путем обмена исковым заявлением и отзывом на иск, в котором истец утверждал о наличии у МКАС или ТПП РФ компетенции для рассмотрения спора, а ответчик против этого не возражал. Данное указание соответствует требованиям п.2 ст. 7 Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже", но городским судом при рассмотрении ходатайства об отмене решения МКАС при ТПП РФ во внимание принято не было.

Суд не проверил доводы фирмы "Омегатех Электроникс ГмбХ" о том, что государственный завод "Измеритель" представлял в МКАС при ТПП РФ отзывы на ее иск, в котором не оспаривал компетенцию МКАС при ТПП РФ по разрешению спора и просил арбитражный суд разрешить спор по существу с учетом его доводов. При новом рассмотрении дела суду следует проверить этот довод истца в арбитражном споре, после чего разрешить вопрос о том, действительно ли сторонами было заключено соглашение о рассмотрении спора в МКАС при ТПП РФ, и в зависимости от этого разрешить вопрос об удовлетворении или отклонении ходатайства государственного завода "Измеритель" об отмене решения МКАС при ТПП РФ от 21 июня 1996 г.

При таких обстоятельствах определение Московского городского суда подлежит отмене, а дело — направлению на новое рассмотрение в Московский городской суд" (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1999, № 3).

⁸⁰ Например, "Суды США в целом очень узко истолковывают ссылку защиты на нарушение публичного порядка. Правило, которому они следуют, предусматривает, что, отказ в исполнении ... по мотиву противоречия публичному порядку может быть постановлен только когда исполнение нарушит самые основные принципы морали и справедливости штата, в котором предполагается исполнение". — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3, март 1999 года. Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам, с. 37.

⁸¹ Прежде всего, Нью-Йоркская конвенция 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений и Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г.

⁸² Прежде всего, Указ Президиума ВС СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей".

⁸³ Так, например, доктрина международного коммерческого арбитража, а также судебная практика различных государств почти единодушно исходят из того, что ошибка международного коммерческого арбитража в применении права или оценке фактов не может являться основанием для отмены арбитражного решения или отказа привести его в исполнение, если только они не таковы, что нарушают публичный порядок государства суда: *A.J. van den Berg The New York Arbitration Convention of 1958*. — Deventer-Boston, 1994, p. 269—273.

⁸⁴ "При выдаче исполнительного листа судья проверяет, не противоречит ли решение третейского суда закону..." (статья 18 Положения о третейском суде — приложения № 3 к ГПК РСФСР); "Если при рассмотрении заявления о выдаче приказа на принудительное исполнение решения третейского суда будет установлено, что решение не соответствует законодательству либо принято по неисследованным материалам, арбитражный суд возвращает дело на новое рассмотрение в третей-

ский суд, вынесший решение” (статья 26 неоднократно упоминавшегося выше “Временного Положения о третейском суде для разрешения экономических споров”).

⁸⁵ Утверждено Указом Президиума ВС СССР от 9 октября 1980 г. № 3062-х (Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, № 42, ст. 868).

⁸⁶ Единственным выходом из этого в сложившихся условиях является широкое толкование категории “публичный порядок”, что, конечно же, совсем нежелательно.

⁸⁷ В отношении решений иностранных судов об этом в правоприменительной практике прямо говорится, в частности, в пункте 14 обзора судебной практики Верховного Суда РФ “Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации”: *“Рассматривая вопрос о допущении исполнения на территории Российской Федерации решения иностранного суда, следует иметь в виду, что суд Российской Федерации не обладает компетенцией на пересмотр решения”* (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1995, № 10).

Статья поступила в редакцию в августе 1999 г.

ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ “183 ДНЯ” В РОССИЙСКОМ НАЛОГОВОМ ПРАВЕ (ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТУСА НАЛОГОВОГО РЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В практике международной юридической фирмы “ММЦП & Ко” очень часто возникают небольшие, но очень интересные и любопытные вопросы, причем как в ходе реализации крупных проектов, так и независимо от них. На первый взгляд очень простые, они тем не менее требуют для правильного ответа на них достаточно больших внимания и тщательности.

Так, относительно недавно в международную юридическую фирму “ММЦП & Ко” обратился российский гражданин, получивший в предшествующем году очень значительный доход из источников в иностранных государствах, с просьбой дать консультацию о том, как надлежит толковать понятие “183 дня” в российском налоговом праве. Дело в том, что это физическое лицо провело приблизительно одну половину предшествующего года в России, а другую — в нескольких иностранных государствах, ввиду чего ему было необходимо определить, являлось ли оно в таком году налоговым резидентом Российской Федерации или нет. В случае положительного ответа оно становилось плательщиком подоходного налога в Российской Федерации, а в случае отрицательного — не становилось: как известно, статья 1 Закона РФ от 7 декабря 1991 г. № 1998-1 “О подоходном налоге с физических лиц”¹ устанавливает, что *“Плательщиками подоходного налога являются физические лица, как имеющие, так и не имеющие постоянного местожительства в Российской Федерации”*.

К указанным физическим лицам относятся граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства.

К физическим лицам, имеющим постоянное местожительство в Российской Федерации, относятся лица, проживающие в Российской Федерации в общей сложности не менее 183 дней в календарном году”². Пункт 2 статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ содержит аналогичное определение: *“физические лица — налоговые резиденты Российской Федерации — физические лица, фактически находящиеся на территории Российской Федерации не менее 183 дней в календарном году”*². И хотя Налоговый кодекс РФ оперирует понятием *“фактическое нахождение”*, а Закон “О подоходном налоге

с физических лиц” — “*постоянное местожительство*”, от этого обстоятельства следует отвлечься, учитывая, что содержание этих понятий благодаря использованию одного и того же критерия “183 дня” совпадает.

При всем при этом сложность ситуации заключалась в том, что в зависимости от того или иного способа толкования понятия “183 дня” и того или иного основного на таких толкованиях метода исчисления временных промежутков вышеуказанное лицо в одном случае могло рассматриваться как налоговый резидент Российской Федерации, а в другом — не могло. Так, если пребывание в России в течение любого временного промежутка в пределах суток считать за день фактического нахождения на ее территории, то вышеуказанное лицо становилось налоговым резидентом Российской Федерации. Напротив, если за день фактического нахождения на территории Российской Федерации считать непрерывное нахождение в России в течение полных 24 часов, то оно налоговым резидентом не становилось. При этом в последнем случае существует альтернатива: с одной стороны, в качестве начала течения полных 24 часов можно рассматривать любой момент в течение суток, а с другой стороны — только полночь.

Таким образом, простой, на первый взгляд, вопрос оказывался достаточно сложным, и от того или иного его решения налоговый статус физического лица радикально менялся.

Следовало также учитывать, что определение налогового статуса вышеуказанного физического лица по российскому внутреннему налоговому праву никоим образом не отменяло возможность и необходимость определения его налогового статуса по международным соглашениям Российской Федерации об избежании двойного налогообложения: ввиду того, что это лицо в течение предшествующего года фактически находилось не только на территории России, но и в ряде иностранных государств и получало из источников на территории последних доходы, оно могло являться налоговым резидентом и по иностранному налоговому праву, ввиду чего для определения его налогового статуса соответствующие международные договоры могли оказаться вполне применимыми. Между тем, как известно, в международных договорах для такого определения используются несколько иные подходы, отличающиеся от формального критерия “183 дня” российского внутреннего налогового права. Иными словами, при возникновении двойного налогообложения физическое лицо, даже фактически находившееся в России не менее 183 дней, все равно согласно положениям соответствующих международных соглашений Российской Федерации может не считаться налоговым резидентом Российской Федерации и, соответственно, наоборот.

Например, статья 4 “Постоянное местопребывание” Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал от 17 июня 1992 г.³ предусматривает: “1. Для целей настоящей Договора термин “лицо с постоянным местопребыванием в одном Договаривающемся Государстве” означает любое лицо, которое по законам этого Государства подлежит в нем налогообложению на основе своего местожительства, постоянного местопребывания, гражданства, места регистрации в качестве юридического лица или любого другого критерия аналогичного характера.

Однако этот термин не включает лицо, которое подлежит налогообложению в этом Государстве только в отношении доходов из источников в этом Государстве или расположенного там имущества. ...

2. Если в соответствии с положениями пункта 1 физическое лицо является лицом с постоянным местожительством в обоих Договаривающихся Государствах, его статус определяется следующим образом:

а) оно считается лицом с постоянным местожительством в Государстве, в котором оно располагает постоянным жилищем; если оно располагает постоянным

жилищем в обоих Государствах, оно считается лицом с постоянным местожительством в том Государстве, в котором оно имеет наиболее тесные личные и экономические связи (центр жизненных интересов);

b) если Государство, в котором оно имеет центр жизненных интересов, не может быть определено, или если оно не располагает постоянным жилищем ни в одном из Государств, оно считается лицом с постоянным местожительством в Государстве, в котором оно обычно проживает;

c) если оно обычно проживает в обоих Государствах или если оно обычно не проживает ни в одном из них, оно считается лицом с постоянным местожительством в Государстве, гражданином которого оно является;

d) если каждое Государство рассматривает его в качестве своего гражданина или если оно не является гражданином ни одного из них, компетентные органы Договаривающихся Государств решают вопрос по взаимному согласию".

Однако, поскольку вышеуказанное физическое лицо в течение предшествующего года фактически находилось в нескольких иностранных государствах, и вопрос о двойном налогообложении и необходимости применения к нему каких-либо международных договоров подлежал дополнительному выяснению, на первоначальном этапе стояла задача определить налоговый статус этого лица только по российскому внутреннему праву, отвлекаясь от международных договоров Российской Федерации об избежании двойного налогообложения.

Внимательно изучив поставленный перед ними вопрос, юристы международной юридической фирмы "ММЦП & К" пришли к следующим выводам:

1. В нормативных актах, посвященных налогам, равно как и в ненормативных документах налоговых органов интерпретация понятия "183 дня" или слова "день" не дается. Равным образом она не встречается и в судебной практике. Не удалось обнаружить ее и в доктрине.

Соответственно, такую интерпретацию надлежит разработать, принимая во внимание содержание налоговых нормативных и других документов, содержание других правовых положений, а также принципы правового толкования.

2. Прежде всего следует отметить, что для того чтобы лицо считалось налоговым резидентом Российской Федерации, ему необходимо фактически находиться на ее территории не менее 183 дней в календарном году. Соответственно, для того чтобы лицо не считалось налоговым резидентом Российской Федерации, ему необходимо фактически находиться на ее территории менее 183 дней в календарном году, то есть максимальный предел фактического пребывания не должен превысить 182 дней.

В связи с этим можно упомянуть о том, что встречающееся иногда в документах налоговых органов указание на то, что для факта приобретения статуса налогового резидента Российской Федерации физическому лицу следует находиться в ней свыше 183 дней (см., например, Письмо Госналогинспекции по г. Москве от 10 сентября 1998 г. № 31-08/27493⁴ и Письмо Госналогинспекции по г. Москве от 15 декабря 1993 г. № 11-08/9037⁵) не является верным. Из Закона "О подоходном налоге с физических лиц" и Налогового кодекса РФ следует, что для этого достаточно фактического нахождения на территории Российской Федерации в течение только 183 дней.

Само собой разумеется, что вопрос о том, в каком государстве находилось физическое лицо в течение остального времени в году, не имеет никакого значения: российское налоговое право использует привязку только к российской территории, а не к иностранной.

3. Очевидно, что в Законе "О подоходном налоге с физических лиц" и Налоговом кодексе РФ речь идет не о рабочих, а о календарных днях. И хотя в них об этом прямо и не упоминается, однако представляется, что в соответствии с правилами толкования правовых терминов следует говорить именно о календарных днях: специальное и ограниченное значение общему термину может придаваться только в прямо указанных законом случаях, тогда как во всех

остальных ему следует придавать разумно широкое значение: *Verba semper accipienda sunt in mitiori sensu* (Слова всегда должны приниматься в менее строгом смысле)⁶; *Verba generalia generaliter sunt intelligenda* (Общие слова должны пониматься общим образом)⁷.

Очевидно, что и налоговые органы не стали бы возражать против такого толкования: в противном случае количество налоговых резидентов Российской Федерации могло бы уменьшиться.

Кроме того, следует учесть и то, что в некоторых международных соглашениях России об избежании двойного налогообложения иногда встречается выражение "183 календарных дня": в частности, оно может быть обнаружено в статье 15 Соглашения между Правительством Украины и Правительством Российской Федерации об избежании двойного налогообложения доходов и имущества и предотвращении уклонений от уплаты налогов (Киев, 8 февраля 1995 г.)⁸, а также в статье 15 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова об избежании двойного налогообложения доходов и имущества и предотвращении уклонения от уплаты налогов (Москва, 12 апреля 1996 г.)⁹.

4. Как уже говорилось, проведенный анализ налогового законодательства показал, что ни в одном нормативном или ненормативном акте о налогах толкование выражения "183 дня" или понятия "день" не дается. Более того, в Налоговом кодексе РФ вообще нет общих норм о начале течения сроков (хотя, например, проект Налогового Кодекса РФ, внесенного в Государственную Думу РФ членом Совета Федерации Э.Э. Росселем, их содержал)¹⁰.

Правда, следует отметить, что попытки устранить указанный пробел в налоговом праве предпринимались. Так, в статье 74 проекта Налогового Кодекса (внесенного в Государственную Думу РФ депутатами Ю.Н. Паршаковым и В.В. Жириновским) пункт 6 гласил: "Днем пребывания в Российской Федерации считается любой день, в течение которого физическое лицо фактически находилось на территории Российской Федерации независимо от продолжительности этого пребывания"¹¹. Иными словами, согласно такой формулировке фактическое нахождение на территории России в течение хотя бы одного часа или даже одной минуты приравнялось к целому дню пребывания. Соответственно, если бы лицо находилось на территории России с 23-00 одного дня до 1-00 следующего дня, то оно считалось бы находящимся в России уже целых два дня.

Тем не менее, в ныне действующем законодательстве России подобная норма отсутствует. В связи с этим необходимо обратиться к другим нормам и соображениям.

Прежде всего, из сказанного выше (в частности, из указанных принципов толкования и упоминаний некоторых международных договоров России о "183 календарных днях"), а также из элементарной логики следует, что слово "день" употребляется в Законе "О подоходном налоге с физических лиц" и Налоговом кодексе РФ в качестве синонима понятия "сутки". В самом деле, невероятно предположить, что под словом день законодатель имел ввиду период времени в сутках с 12-00 до 18-00.

Далее, основываясь на пункте 1 статьи 11 Налогового кодекса РФ ("Институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в настоящем Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом"), следует определить, что в других отраслях законодательства Российской Федерации понимается под понятием "сутки", учитывая, что его определения в налоговом праве нет.

Представляется, что в настоящий момент следует исходить из общей нормы пункта 1 Постановления Правительства РФ от 8 января 1992 г. № 23 "О порядке исчисления времени на территории Российской Федерации", в которой предусматривается: "Время в течение суток считается от 0 до 24 часов, принимая за

начало суток полночь"¹². И хотя в данной норме нет прямого определения понятия "сутки", из нее с очевидностью следует, что под "сутками" понимается период времени, начинающийся в полночь и длящийся 24 часа. С правильностью такого толкования будут вынуждены согласиться и налоговые органы.

На основании вышесказанного можно прийти к выводу о том, что физическое лицо будет только тогда считаться не являющимся налоговым резидентом России, когда оно находилось на ее территории не более 182 полных временных отрезков, каждый из которых, равный 24 часам, начинался в одну полночь и заканчивался в следующую полночь. Иными словами, следует считать, что лицо пребывало в России день только при том условии, что оно непрерывно фактически находилось на территории Российской Федерации с одной полуночи до следующей полуночи. Если же оно фактически находилось на территории России 24 часа (или при некоторых условиях даже большее время), но отсчет пребывания начался не с полуночи, а позднее, его нельзя считать фактически находившимся в России один день. Оно должно считаться не проведшим на территории Российской Федерации ни одного дня.

Так, если лицо прибыло в Россию 1 января в 20-00 и отбыло из России 2 января в 23-00, то *de lege lata* оно не должно считаться находившимся в России с налоговой точки зрения ни два дня, ни один день: на самом деле оно не было в ней ни одного дня. Далее, если лицо прибыло в Россию 1 января в 1-00 и отбыло из России 2 января в 23-00, то оно также *de lege lata* не должно считаться с налоговой точки зрения находившимся на территории Российской Федерации ни два дня, ни один день: на самом деле оно не было в ней ни одного дня.

5. В обоснование правомерности такого толкования помимо вышесказанного можно привести и принцип толкования *Verba fortius accipiuntur contra preferentionem* (Слова должны толковаться наиболее строго против того, кто употребляет их): коль скоро законодатель и налоговые органы не определили, что они понимают под употребляемым ими понятием "день", то последнее следует толковать против них наиболее строго и наиболее благоприятно по отношению к налогоплательщикам. В том же, что подобное толкование является очень благоприятным для последних и наиболее строгим из всех возможных для первых, сомнений не возникает.

Кроме того, подход, аналогичный предлагаемому, прослеживается в некоторых налоговых документах. Так, в "Рекомендациях по проверке правильности начисления и уплаты страховых взносов"¹³, сообщенных письмом Госналогинспекции по г. Москве от 23 октября 1997 г. № 11-13/27201, говорится: "Начисление пени производится начиная со следующего дня после истечения срока уплаты взносов и по день уплаты включительно". Иными словами, налоговое правонарушение, за которое взимается пеня, начинается не в момент неуплаты обязательного платежа, а с полуночи следующего дня.

Далее, об аналогичном подходе к исчислению начала течения сроков в налоговом праве упоминается и в Письме Госналогслужбы РФ от 6 мая 1994 г. № ВП-6-14/159 "О порядке предоставления налогоплательщикам отсрочки и рассрочки уплаты штрафов за нарушения налогового законодательства", в пункте 3 которого говорится: "Исчисление срока, установленного пунктом 3 Порядка предоставления органами Государственной налоговой службы Российской Федерации отсрочки и рассрочки уплаты штрафов за нарушения налогового законодательства Российской Федерации, производится со следующего дня после календарной даты принятия решения о предоставлении отсрочки или рассрочки уплаты штрафных санкций"¹⁴.

Следует также отметить, что предлагаемое толкование корреспондирует подходу, выраженному в статье 191 ГК РФ: "Течение срока, определенного периодом времени, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которым определено его начало". И хотя бесспорно то, что по общему правилу гражданское законодательство к налоговым отношениям не применимо, учитывая, что налоговое право содержит пробел в отношении порядка исчисле-

ния сроков, представляется, что содержание статьи 191 ГК РФ допустимо рассматривать в качестве того общего ориентира, который можно было бы использовать и в описанной ситуации.

6. В свете вышесказанного любые утверждения о том, что пребывание в Российской Федерации в течение любого временного промежутка в пределах суток необходимо считать за день фактического нахождения на ее территории, не являются правильными: они противоречат истинному смыслу понятия "день" в том виде, в каком оно употребляется сегодня российским налоговым правом. То же самое следует сказать и об утверждениях о том, что в качестве дня фактического нахождения на территории Российской Федерации может считаться непрерывное пребывание в России в течение полных 24 часов, причем независимо от того, в какой момент началось начало их течения.

7. На основании предложенного выше толкования понятия "183 дня" упомянутое в начале настоящей статьи физическое лицо, осознавая, что налоговые органы России для толкования данного понятия могут стремиться использовать другие подходы (в частности, выраженный в проекте Налогового Кодекса РФ, внесенного в Государственную Думу РФ депутатами Ю.Н. Паршаковым и В.В. Жириновским), тем не менее сумело при содействии международной юридической фирмы "ММЦП & К^о" доказать российским налоговым органам то, что оно в предшествующем году налоговым резидентом России не являлось, ввиду чего вопрос о его обложении в России подоходным налогом подниматься не должен и не может.

А.И. Муранов,
партнер международной юридической фирмы "ММЦП & К^о",
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
международного частного и гражданского права
МГИМО (Университета) МИД РФ.

¹ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 12, ст. 591.

² Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 31, ст. 3824.

³ Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 16, ст. 1938.

⁴ В разделе II этого Письма в ответе на один из вопросов указано: "В случае, если по окончании календарного года фактическое пребывание в Российской Федерации физического лица составит более 183 дней, то, на основании поданной им в налоговый орган декларации, ему будет сделан перерасчет подоходного налога с учетом той нормы льготного налогообложения, которая определена подпунктом "т" пункта 1 статьи 3 вышеназванного Закона" (привед. по тексту, содержащемуся в электронной справочной правовой системе "Гарант", версия 4.06).

⁵ Письмо Госналогинспекции по г. Москве от 15 декабря 1993 г. № 11-08/9037 "Разъяснения порядка применения финансовых санкций за нарушения налогового законодательства, связанные с отсутствием учета прибыли (дохода) или ведением этого учета с нарушением установленных правил, непредставлением или несвоевременным представлением в налоговый орган документов, необходимых для исчисления и уплаты налогов и других обязательных платежей в бюджет и внебюджетные фонды" в пункте 3 предусматривает: "В соответствии с действующим законодательством штраф в размере 10 процентов причитающихся платежей налагается на непредставление или несвоевременное представление в налоговый орган:...

б) деклараций о предполагаемых доходах:

на граждан иностранных государств и лиц без гражданства, имеющих посто-

янное местожительство в Российской Федерации, а также прибывших в Российскую Федерацию с намерением пробыть в ней более 183 дней в календарному году; ...". — Московский выпуск газеты "Экономика и жизнь", 1994, № 2.

⁶ Black's Law Dictionary. — St. Paul, Minn., 1990, p. 1599.

⁷ Ibid., p. 1558.

⁸ Ссылка на статью 15 данного Соглашения привед. по тексту, содержащемуся в электронной справочной правовой системе "Гарант", версия 4.06.

⁹ Ратифицировано Федеральным законом от 28 апреля 1997 г. № 72-ФЗ (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 18, ст. 2101). Ссылка на статью 15 данного Соглашения привед. по тексту, содержащемуся в электронной справочной правовой системе "Гарант", версия 4.06.

¹⁰ Ссылка на данный проект привед. по тексту, содержащемуся в электронной справочной правовой системе "Гарант", версия 4.06.

¹¹ Привед. по тексту, содержащемуся в электронной справочной правовой системе "Гарант", версия 4.06.

¹² Привед. по тексту, содержащемуся в электронной справочной правовой системе "Гарант", версия 4.06.

¹³ *Налоговые* известия Московского региона, 1998, № 1.

¹⁴ Привед. по тексту, содержащемуся в электронной справочной правовой системе "Гарант", версия 4.06.

Статья поступила в редакцию в сентябре 1999 г.

Некрологи

**Барчукова Нина Сергеевна
(1930—1999)**

Профессор кафедры международного права, кандидат юридических наук.

Она родилась в 1930 году в деревне Высоково Волоколамского района Московской области.

Окончила юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности “правоведение”. Затем без отрыва от работы закончила двухгодичные факультеты: театра и кино (Университет культуры МГК профсоюзов); государственного и трудового законодательства (Московский городской университет знаний МГУ); новых методов и средств обучения (НИИ проблем высшей школы Министерства высшего образования СССР); повышения квалификации и вычислительной техники (Министерство высшего образования СССР). С 1969 г. работала старшим юрисконсультом в Мосгорисполкоме, Министерстве легкой промышленности РСФСР; Совете Народного Хозяйства РСФСР; старшим преподавателем, доцентом, профессором кафедры международного права университета Дружбы народов им. П. Лумумбы.

Она была автором более 120 печатных работ, опубликованных как в России, так и за рубежом, в том числе: монографий “Всеобщая декларация и международные пакты об уважении и защите основных прав и свобод человека”, “Международное сотрудничество государств в области туризма”, “Международный туризм и его правовое регулирование”, “Правовое регулирование международного туризма на многосторонней договорной основе”, а также главы в учебнике “Международные организации”. Участвовала в работе международных конференций и симпозиумов по проблемам международного права, проводившихся как в России, так и за рубежом.

Нина Сергеевна Барчукова скончалась 13 ноября 1999 года после продолжительной болезни.

Кафедра международного права РУДН.

Вольский Виктор Вацлавович 1921—1999

Скончался Герой Советского Союза, который первым из всех Героев Советского Союза, обучавшихся в МГИМО, окончил этот институт еще в 1949 году.

В истории войн имеется немного эпизодов, когда малые силы сдерживают, а то и наголову разбивают противника, намного превосходящего по количеству воинов и по качеству оружия. Греки в Фермопильском ущелье — классический пример. Была, правда, еще и батарея Раевского на Бородинском поле. Отличились этим русские и болгарские чудо-богатыри на Шипкинском перевале. Да еще двадцать восемь героев-панфиловцев под Москвой, которым суждено “жить в веках”.

Зенитчиков Вольского можно поставить со всеми этими героями в один ряд, потому что они устроили вырвавшимся из Яссо-Кишиневского котла тысячам озверевших немцев свои Фермопилы — у реки Лохану в Карпатах. Сам Вольский очень удачно выбрал позицию над ущельем, по которому хотел уйти враг.

Пять пушек (причем зенитных), две счетверенные пулеметные установки и чуть более ста бойцов под командованием старшины Вольского почти три дня удерживали в своем ущелье несколько тысяч гитлеровцев, уверовавших, что они уже вырвались из “котла”. По дороге на запад пытались идти танки, бронетранспортеры, пехотные подразделения, артиллерийские орудия. Только благодаря прямым попаданиям бронейных снарядов удалось вывести из строя танки, могучие транспортные машины, создать в узком ущелье пробки и панику среди вражеских солдат.

Однако немцы скоро поняли, что перед ними небольшой заслон и начали его атаковать. За одну ночь четыре атаки. Все они были отбиты. Днем еще. На следующую ночь опять.

Когда немцы пошли в последнюю свою атаку, только восемнадцать человек под командой Вольского не имело еще ран. Атаку отбили, но в ней был ранен и сам Виктор. И в этот момент откуда-то с юга, где пролегалась линия фронта, послышался отдаленный гул. Это шла помощь.

Официальные данные о подвиге зенитчиков Вольского содержат поразительные цифры. Сто человек, остановивших лавину отступавших войск подбили

двенадцать танков, самоходных орудий и бронетранспортеров, шестьдесят пять пушек. Они уничтожили до пяти тысяч солдат и офицеров противника.

За этот подвиг В.В. Вольский был удостоен звания Героя Советского Союза.

Героев СССР, окончивших МГИМО, потом было много, но этот был первым.

Он окончил международно-правовой факультет, но стал доктором экономических наук, членом-корреспондентом Российской Академии наук.

До 1959 года работал в МГИМО. Затем с 1959 г. до самой смерти возглавлял кафедру социальной и экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1966—1993 гг. директор Института Латинской Америки Академии наук СССР, а потом РФ. Лауреат Государственной премии. Почетный доктор пяти зарубежных университетов.

Награжден 7 орденами и 14 медалями СССР—России, орденами Перу, Венесуэлы, Мексики, медалями Кубы, Чехословакии.

Коллектив МГИМО, коллектив МГУ, коллектив Института Латинской Америки и все, кто знали этого человека, глубоко скорбят по поводу этой тяжелой утраты.

Редакция.

**Пустогаров Владимир Васильевич
(1930—1999)**

Он родился в центре России — в Воронежской области.

В 1953 году окончил МГИМО. Молодой юрист-международник сразу же был направлен на работу в Австрию по линии МИД СССР. Аккуратный, исполнительный и, вместе с тем, инициативный, он по всем этим качествам подходил к продолжительной практической работе по дипломатической линии.

Наряду с практической работой занимался и научной. Писал статьи и работы по истории рабочего движения в Австрии. Само собой получилось, что он защитил кандидатскую диссертацию о рабочем движении в Австрии в 1934—1936 гг.

А потом случилось редкое преобразование. Историк стал интересоваться юриспруденцией и написал докторскую диссертацию по праву. В 1976 году он ее защитил. Ее темой была борьба с неонацизмом.

С 1983 года он постоянно работал в Институте государства и права Академии наук сначала СССР, затем России. В течение шести лет был заместителем директора этого института.

Владимир Васильевич был юристом широкого диапазона. Исследования его часто выводили право на стык с международной политикой, с международными отношениями, с их историей, а то и с государственным правом.

Одно из основных направлений в работах В.В. Пустогоарова — разработка мер, в том числе в рамках ООН против неофашистской деятельности и иных форм тоталитарной идеологии. Против практики неофашизма, против неофашистской деятельности он разрабатывал международно-правовые меры, в том числе в рамках ООН. Ряд его работ посвящен международному сотрудничеству по устранению угрозы миру и безопасности, исходящей от неофашизма. Он выступал со своими публикациями на эти темы в Германии, Польше, Чехословакии. Наиболее полно его научные результаты были изложены в сборнике “Нюрнбергский процесс и современность” (М., 1986), а также в монографии “Неофашизм и международная безопасность” (М., 1989).

Он активно участвовал в дискуссии о формировании принципов правового государства. На эту тему он писал статьи не только в советскую печать, но и в печать Китая и Швеции. Наиболее систематизированно его взгляды на эту тему были изложены в научном докладе на Касселевских юридических чтениях 1989 года в Стокгольмском университете, который впоследствии был опубликован отдельным изданием (“Die Formierung des Rechtsstaates in der UdSSR”, Stockholm, 1989).

Многие годы он интенсивно занимался международно-правовыми аспектами федерализма. Он рассматривал субъектов федерации как государства особого статуса, опирался в своих изысканиях на мировой опыт и обосновывал своевременность правового регулирования международной деятельности субъектов федерации и предлагал выделять их в отдельную категорию субъектов международного права. Эти его взгляды изложены в ряде отечественных и зарубежных публикаций, в том числе в статье “Международная деятельность субъектов федерации”, опубликованной в “Московском журнале международного права” № 2 за 1992 год.

Пожалуй, наибольшую известность среди юристов Владимир Васильевич приобрел своими статьями, а затем и большой книгой о Федоре Федоровиче Мартенсе, которая в 1999 года была переиздана специально к Третьей конференции мира. Каждый отечественный юрист, прочитав эту книгу, испытывает гордость за то, что именно Россия дала миру такую влиятельную в мире международного права фигуру, каким был выдающийся юрист-международник XIX—XX веков Ф.Ф. Мартенс.

Последние десять лет В.В. Пустогоаров работал над историей российского международного права. Когда-то мы все, еще студентами, “проходили” и Ф.Ф. Мартенса, и Комаровского, и Уляницкого, и В.Э. Грабаря. Но “прошли”, сдали, и они так и остались для многих пустыми именами. В.В. Пустогоаров исследовал жизненный путь российских ученых, их нелегкий научный путь, наполнял их имена живым жизненным содержанием. И мы открывали их для себя заново, знакомились с ними, и с удивлением обнаруживали для себя, что и им было ох как нелегко.

В.В. Пустогоаров сделал их для нас живыми людьми, и мы узнаем еще что-то новое о своей Родине. Благодаря В.В. Пустогоарову появились у нас грамоты имени Ф.Ф. Мартенса.

Он был членом Российской ассоциации международного права, Российской ассоциации политических наук, Комитета за европейскую безопасность, Центрального правления Российско-Австрийского общества.

Как активный юрист-международник, участвовал во многих международных научных конференциях и симпозиумах. Из длинного перечня таких стран стоило бы выделить Англию, Данию, Китай, США, ФРГ, Японию.

Он оставил о себе добрую память на многих материках и во многих научных учреждениях.

Центр международного права Института государства
и права Российской академии наук.

Шibaева Елена Алексеевна
(1923—1999)

5 ноября 1999 года умерла Елена Алексеевна Шibaева — доктор юридических наук, профессор кафедры международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, известный юрист-международник.

Большая часть жизни Е.А. Шibaевой была связана с юридическим факультетом МГУ. В 1946 году она окончила его. В нем она училась в аспирантуре. Здесь же она защитила две диссертации — кандидатскую и докторскую. С небольшим перерывом здесь же она и работала всю свою жизнь, пройдя последовательно все ступеньки преподавательской “карьеры”. Здесь она сложилась и как ученый, и как талантливый педагог. Не будет преувеличением сказать, что ее работа на юридическом факультете МГУ является тем, что можно назвать “эпохой Шibaевой”.

Основные работы Е.А. Шibaевой посвящены праву международных организаций и, несомненно, внесли значительный вклад в развитие отечественной доктрины международного права.

Е.А. Шibaева любила работать со студентами; была требовательна, но справедлива. Работа со студентами не ограничивалась только выполнением служебных обязанностей. Этой работе она отдавала все свои силы, свой талант; в этой работе она видела смысл своей жизни. Многие известные и не столь известные юристы-международники были студентами Е.А. Шibaевой, многие из них могут считать себя ее учениками.

Е.А. Шibaева любила и знала театр, классическую русскую литературу, ее любимым писателем был И.С. Тургенев. И, конечно, поэзия. День, прошедший хотя бы без одной стихотворной строчки, был для нее пропавшим днем.

Е.А. Шibaева была человеком обязательным, всегда выполняла данное слово. Почти с педантической точностью она относилась к выполнению своих служебных и общественных обязанностей. За долгие годы ее работы на факультете не было ни одного случая ее опоздания на занятия, или срыва занятий по ее вине.

Семью юристов-международников покинул человек, для которого такие понятия как честь, совесть, бескорыстие, долг не были пустыми звуками. Это были принципы, по которым жила Е.А. Шibaева. Светлая память о ней будет жить в сердцах тех, кто был знаком с этой неординарной личностью.

Кафедра международного права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Московский журнал международного права
Лицензия серии ЛР № 010170 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать г. Формат 60 × 88 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.печл. 24,5. Уч.-издл. 27,4.
Тираж 900 экз. Изд. № 1 — МЖМП/2000. Зак. № Цена 50 руб.

Отпечатано с оригинал-макета Редакционно-издательского отдела
МГИМО (У) МИД РФ в типографии ГФ "Полиграфресурсы",
101429, Москва, ул. Петровка, 26.

**Вы можете подписаться на наш журнал и на журнал
 “Международное право — International Law” по следующим адресам:
 You may subscribe to our journal and to the journal
 “Международное право — International Law” in the following offices:**

LIBERIA EDEST — EDIZIONI ESTERE VIA CAIROLI 12/4 16124 GENOVA — ITALIA	Италия Italy
Kubon & Sagner Buchexport—import GmbH D-80328 Munchen	Германия Germany
Slavica. Export-Import ul.Batumi, m.21 02—760 Warszawa Poland	Польша Poland
Prvni novinova společnost, a.s. Hvozdanska 5—7 148 31 Praha 4 ČZECHIA	Чехия Czechia
Pinkus GmbH Munstergasse 12 CH-8001 Zurich 1 Switzerland	Швейцария Switzerland
Victor Kamkin Bookstore Inc. 4956 Boiling Brook Parkway Rockville MD 20852, USA	США USA
Panorama of Russia PO Box 44-1658 Somerville, Massachusetts 02144, USA	США USA
NAUKA LTD. 2-30-19, Minami-Ikebukuro, Toshima-ku, Tokyo, 171 Japan	Япония Japan

Во всех отделениях связи, а также

Россия
Russia

НПО "ИНФОРМ-СИСТЕМА" Россия, 113447, Москва, Севастопольский пр-т, 11а Тел. (095) 127-91-47; 129-61-84	(подписка оптовая, т.е. более 1 экз.) (the wholesale subscription that is more than 1 copy)
---	--

ISSN 0869-0049

9 770869 004006 00

A standard 1D barcode representing the ISSN 0869-0049. The barcode consists of vertical black bars of varying widths on a white background. The numbers 9, 770869, 004006, and 00 are printed below the respective segments of the barcode.